РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
И КОНЕЦ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ТОМ 3

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Лики России
Санкт-Петербург
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта «Первая мировая война и конец Российской империи», проект № 12–31–10020

Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт.
Февральская революция. Том 3. — СПб.: Лики России, 2014. — 432 с., ил.

Издание 2-е, исправленное

Руководитель проекта: *д.и.н., академик РАН, проф. Б.В. Ананьич*

Редколлегия тома: *д.и.н., академик РАН, проф. Б.В. Ананьич;*
д.и.н., чл.-корр. РАН, проф. Р.Ш. Ганелин (ответственный редактор);
д.и.н. С.К. Лебедев; д.и.н. И.В. Лукоянов; д.и.н., проф. Н. Н. Смирнов;
д.и.н, проф. А.Н. Цамутали; д.и.н. А. Н. Чистиков

Авторы: *д.и.н., чл.-корр. РАН, проф. Р.Ш. Ганелин; к.и.н. С.В. Куликов;*
д.и.н., проф. А.Б. Николаев; к.и.н. В.В. Поликарпов

Рецензенты: *д.и.н., проф. В.Н. Гинёв; к.и.н. Н.В. Михайлов*

Корректор: *Г.С. Якушева*
Верстка: *Н.В. Макарова*

ISBN 978–5–87417–453–8
ISBN 978–5–87417–489–7 (Т. 3)

© Лики России, 2014
© Авторы статей, 2014

Настоящий том трехтомного издания «Первая мировая война и конец Российской империи» посвящен Февральской революции, происхождению и ходу революционных событий в Петрограде в февральско-мартовские дни 1917 г., приведших к свержению монархии в стране. По жанровой его принадлежности этот том является не коллективным трудом, основанным на единстве концепции, и не сборником лишь тематически близких одна к другой статей, а книгой очерков, посвященных разностороннему рассмотрению и оценке одной из коренных проблем российской истории.

Авторы предназначают свою книгу не только специалистам-историкам, но и широкой читательской аудитории.

ГЛАВА I

ПУТЬ К КРАХУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Современники о происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде

Представляется, что причины падения царского режима, к которым обращалось так много авторов, придерживавшихся различных не только историографических, но и политических направлений, составляют три группы. Это явления, события и действия исторических лиц и политических сил, связанные прежде всего со всей историей России в новое время, затем — с изменениями в жизни страны, происшедшими вследствие войны, и, наконец, — с возникновением и ходом самих февральских событий в Петрограде.

В начале 1920-х годов помощник управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтов, ведший в 1914–1916 гг. записи хода его заседаний, подготовил к печати те из них, которые охватывали время летнего политического кризиса 1915 г., и разослал их для ознакомления всем тем видным эмигрантам, кто в этих записях фигурировал, кого они касались или интересовали. Возникла эпистолярная полемика о причинах краха режима, предшествовавшая опубликованию подготовленных записей[1]. Отчасти под ее влиянием на основе своих материалов А.Н. Яхонтов опубликовал в 1936 г. в двух с половиной десятках номеров парижской газеты «Возрождение» исторический труд «Первый год войны»[2].

Как же представляли себе люди этого круга случившееся? Выходя за рамки 1915 г., А.Н. Яхонтов и его единомышленники при всем том, что писалось в некоторых органах эмигрантской печати о революционерах, масонах, евреях как силах, сокрушивших империю, видели причины ее краха в пороках государственного управления, приведших к оказавшимся роковыми политическим ошибкам. Определенность, с которой это было выражено в реконструированных Яхонтовым и одобренных другими его записях, даже вызвала возражение бывшего министра финансов П.Л. Барка, вероятно потому, что воспоминания о его собственном участии в «бунте министров» против царя летом 1915 г. были ему по прошествии лет не очень приятны. «Иностранцы, не знающие

---

[1] *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* А.Н. Яхонтов и его «Тяжелые дни». История текста и издания // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. статей. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 670–703.

[2] *Яхонтов Арк.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.) / Вводн. ст. и комментарии Р.Ш. Ганелина, М.Ф. Флоринского // Русское прошлое. Кн. 7. СПб., 1996. С. 245–348.

России, — писал Барк Яхонтову, — читая Ваши мемуары, могли бы легко предположить, что наша страна управлялась выродившимися аристократами, не способными ни на какую энергическую деятельность, лишенными опыта, последствием чего вспыхнула революция <...>. Между тем Вы знаете, что революция обязана происхождением своим пропаганде интеллигенции...»[1]. Никаких оснований для таких предположений записи Яхонтова, которые Барк называл мемуарами, не давали, да Барк и сам указывал на нерешенные задачи правительственной политики как предпосылки революции. «Пишу для революционных стремлений, — писал он, — давали вопросы еврейский и аграрный, которые не были окончательно разрешены»[2].

Яхонтов не изменил своих оценок и в 1936 г. Как и солидарные с ним бывшие сановники, он искал причины случившегося не столько в действиях думской оппозиции (один из традиционных подходов, укоренившийся к началу 1920-х годов, в этом и состоял), сколько в множественности властей, образовавшейся в стране в силу того, что руководящие органы земского и городского союзов, военно-промышленных комитетов, а главное — Ставка верховного главнокомандования расширяли свое влияние и распорядительные функции в ущерб полномочиям Совета министров. За всем этим угадывался упрек царю, отражавший то, что некогда звучало на заседаниях Совета.

Ту точку зрения, которой руководствовался Совет министров в военные годы, Яхонтов продолжал отстаивать и в связывавшемся с судьбой режима вопросе о развале империи. В эмигрантской печати — теперь ей следуют некоторые российские издания наших дней — развал империи либо считался средством, с помощью которого враги режима стремились с ним покончить (хотя заметим, что крах его произошел без нарушения единства страны), либо, наоборот, цель свержения царизма видели в развале России. Сторонники этих обоих подходов к делу ставили на первый план активность националистических движений, германское влияние и деньги, происки Парвуса и т. п. Яхонтов же настаивал на том, что к развалу страны вела проводившаяся Ставкой вопреки Совету министров политика заигрывания с национально-освободительными движениями в странах — военных противницах, которая среди народностей Российской империи встречала по крайней мере не менее живой отклик, чем тот, который Ставка надеялась вызвать в стане врага[3].

Свержение монархии было лозунгом социалистических сил, единым для большевиков и меньшевиков при всех разногласиях между ними. Лозунг этот встречал все более широкое сочувствие в различных слоях общества: война независимо от положения на фронтах влекла за собой не только лишения и жертвы, но и — это было едва ли не главным — непреодолимую усталость армии

---

[1] *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* А.Н. Яхонтов и его «Тяжелые дни». С. 693.

[2] *Ганелин Р.* Еврейский вопрос в внутренней политике России в 1915 г. // Вестник Еврейского ун-та в Москве. 1997. № 1 (14). С. 41.

[3] На деле вопрос этот, в частности применительно к Польше, выглядел много сложнее. См.: *Емец В.А.* Черноморские проливы и Польша в геополитических планах российской дипломатии (конец 1916 – начало 1917 г.) // Россия в XIX–XX вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шаломовича Ганелина. СПб., 1998. С. 357–366.

и тыла. Для антимонархической агитации существовала благодатная почва, но действенность самой этой агитации определить нелегко. Зададимся более простым вопросом — ожидали ли враги монархии различных политических и идеологических ориентаций ее падения? Не станем повторять известных сведений о том, что Ленин в Швейцарии в начале 1917 г. считал революцию в России делом далекого будущего. Обратимся к Петрограду как центру февральских событий.

Не будет преувеличением считать, что происшедшее в Международный день работниц, в четверг 23 февраля, явилось неожиданностью для всех, включая представителей революционных организаций и демократов различного толка, да и оценено было сразу далеко не всеми. Напряженное и даже тревожное ожидание каких-то событий сочеталось с неподготовленностью к ним. Независимо от того, предвидели ли революцию, ее не узнали, когда она началась. Между тем предшествовавшая ей заговорщическая деятельность оппозиционных кругов, преследовавшая цель заставить Николая II изменить внутриполитический курс или в случае неудачи этого заменить его на престоле, протекала так открыто, что может быть названа заговорщической лишь условно. Е.В. Тарле приводил сказанные в те дни слова ирландского публициста О'Доннована: «В России зреет против царя заговор, о котором открыто говорят заговорщики самому царю»[1].

Об одном из заговорщических кружков поведал А.И. Гучков. Кроме него, в этот кружок входили будущие министры Временного правительства первого состава П.Н. Милюков, Н.В. Некрасов, М.И. Терещенко, председатель Думы М.В. Родзянко и др. Напуганные, по словам Гучкова, предчувствием «большого народного революционного движения», они намеревались с помощью офицеров заменить царя на престоле его сыном при регентстве царского брата вел. кн. Михаила Александровича[2]. Но «наилучший выход из положения» Гучков видел в том, чтобы склонить царя к уступкам либеральной оппозиции. Попытки добиться этого предпринимали представители различных кругов — от великих князей до П.Б. Струве[3], действовавшего при участии председателя Земгора, будущего министра-председателя Временного правительства кн. Г.Е. Львова через английского представителя на Петроградской межсоюзнической конференции лорда Мильнера. О безуспешности некоторых из этих демаршей, и своего в том числе, рассказал ген. А.А. Брусилов[4].

Существовал и план дворцового переворота в пользу вел. кн. Николая Николаевича. Душой этого плана был кн. Львов[5]. Гучков впоследствии говорил, что переворот был назначен на 1 марта, и добавлял: «К сожалению, революция опередила нас»[6].

---

[1] *Тарле Е.В.* Два заговора // Тарле Е.В. Соч. в 12 тт. Т. 11. М., 1961. С. 684–689.

[2] Последние новости (Париж). 1936, 9 сент. № 5647; 13 сент. № 5651. Сейчас рассказы А.И. Гучкова опубликованы отдельным изданием (А.И. Гучков рассказывает... М., 1993).

[3] См.: Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977. С. 25.

[4] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1983. С. 223, 224.

[5] *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 90–100.

[6] *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 144–158, 206, 228.

Связывали ли современники заговорщическую деятельность и революционный взрыв, положивший ей конец? Автору настоящей статьи известно по этому поводу лишь сообщение старого деятеля революционного движения Н.И. Иорданского, называвшего себя применительно ко времени, о котором идет речь, «плехановцем с уклоном в сторону "переоценки" буржуазного либерализма» (впоследствии он вступил в ВКП(б)), нуждающееся, однако, в специальном разборе. «Одна школьная подруга моей жены, принадлежавшая к верхам кадетской партии, — писал Иорданский, — передала ей серьезные сведения из безусловно достоверных источников о беспокойстве придворных кругов, встревоженных слухами о военном заговоре с целью дворцового переворота. Протопопов и полиция проведали о заговоре, и Протопопов прямо поставил вопрос некоторым командирам стоявших в Царском полков, выполнят ли они свой долг по отношению к престолу и отечеству в случае попытки переворота? Протопопов получил очень краткий и сухой ответ, что царскосельские полки будут охранять жизнь царской семьи. Этот ответ подчеркивал, что за власть Николая и Александры Романовых даже царскосельское офицерство не считает нужным бороться»[1]. Рассказ Иорданского о «заговоре, в котором думские и промышленные круги объединились с высшим офицерством» и который «уже дозревал и должен был в самом близком времени сорвать короны с неудачливых царских голов», предшествовал подтверждавшим его сообщениям причастных к делу лиц. Однако что касается сведений о позиции некоторых представителей офицерства, он оказался единственным их источником. Это относится к сказанному им не только о царскосельском гарнизоне, но и о полковнике К.Ф. Неслуховском, командире одного из запасных батальонов, который «сообщил некоторым лично ему знакомым "левым" деятелям, что его полк не может взять на себя инициативу восстания, но готов без замедления присоединиться ко всякой серьезной попытке свержения правительства»[2].

Значительно менее достоверно было то, что Иорданский написал о привлечении участниками заговора на свою сторону офицеров столичного гарнизона. Он утверждал лишь, что они «должны были» делать это, и «судя по громкому шепоту в питерских политических гостиных», действительно делали. Что касается солдат, то сторонники военного переворота, «очевидно», действовали и в их среде «без участия партийных социалистов». Иорданский не имел сведений о существовании организации, без которой «подобная работа» была невозможна. Но считал, что «планомерное развитие восстания в день 27 февраля логично подтверждает существование такой организации», хотя была она, «вероятно», и «недостаточно оформлена», и «не закончена», и «не приготовлена» к «повстанческой борьбе» да и «связана только с одиночками и мелкими солдатскими кружками»[3].

---

[1] *Иорданский Н.И.* Военное восстание 27 февраля // Молодая гвардия. 1928. № 2. С. 163.

[2] Там же. С. 164. Иорданский ошибался, считая Неслуховского генералом. Заведующий учебной частью в военных училищах, он получил это звание позже как выборный командир одной из частей гарнизона. См. о нем: *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917. Л., 1969. С. 342–434. Тесть поэта Н.С. Тихонова, он умер и в блокадном Ленинграде.

[3] *Иорданский Н.И.* Указ. соч. С. 171.

Как видим, сведения Н.И. Иорданского относятся к влиянию офицерских настроений на солдатское восстание 27 февраля, а не на возникновение февральских событий. Что же касается их предвидения и ощущения надвигавшегося революционного взрыва, то наиболее достоверными оказались в изложении Иорданского наблюдения полицейского провокатора в рядах большевиков В.Е. Шурканова. «От рабочих сведения шли, конечно, со многих и разных сторон, — писал Иорданский. — Врезался мне в память разговор вечером числа 20 февраля на квартире у Н.Г. Полетаева с членом 3-й Государственной думы большевиком и, как выяснилось после революции, провокатором Шуркановым. Шурканов уверял, что заводы кипят, что многие запасаются оружием и что только старшие рабочие удерживают рабочую молодежь от открытого восстания. Рассказ Шурканова, корявый по форме, но богатый фактами, с большой наблюдательностью характеризовал настроение заводских масс»[1]. Здесь следует отметить, что Шурканов (его полицейская кличка была Лимонин) и позже видел свою роль в том, чтобы придавать не только изображению событий, но и им самим по возможности более боевой характер. Настроение же Иорданского, как и других интеллигентов, «старых участников революционного рабочего движения», было более умеренным. Они «понимали, что приближаются великие события», но «даже вечер 26 февраля не принес еще уверенности, что эти события наступили, он только укрепил веру в их неизбежную близость». А уж о кануне февральских событий нечего и говорить. Почти открытое обсуждение подготовки дворцового переворота[2] (по некоторым сведениям о нем были осведомлены А.Ф. Керенский, М.И. Скобелев, А.И. Чхенкели) в сочетании с тревожными предсказаниями крайне правых, готовивших в предвидении краха режима государственный переворот с целью реставрации самодержавия в надежде на поддержку императрицы, помогало закрывать глаза на революционную перспективу, носившую, в отличие от вариантов переворота, угрожающий даже для социалистов характер. «В конце января мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским, — вспоминал его коллега по Трудовой группе В.Б. Станкевич. — Речь шла о возможности дворцового переворота. К возможностям народного выступления все отнеслись определенно отрицательно, боясь, что раз вызванное народное массовое движение может попасть в крайне левые русла, и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны»[3]. И. Юренев (Г.Г. Кротовский), один из руководителей Межрайонной организации РСДРП, вспоминал: «Если нелегальные организации, работавшие в гуще пролетарских масс, не чувствовали слишком остро своего отрыва от быстро развивающихся событий, то совсем другое положение было у социалистов из IV Государственной думы и

---

[1] *Иорданский Н.И.* Военное восстание 27 февраля // Молодая гвардия. 1928. № 2. С. 164, 165.

[2] Один из посетителей Центрального военно-промышленного комитета, пришедший к Гучкову, был встречен словами Терещенко: «Александра Ивановича видеть сейчас нельзя, так как он занят на совещании о "заговоре"» (*Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 151).

[3] Февральская революция (в описаниях белогвардейцев). Сост. С.А. Алексеев. С предисл. и примеч. А.И. Усагина. Изд. 2-е. М.–Л., 1926. С. 170.

"левых" общественных деятелей (адвокаты, врачи, писатели). Они чувствовали, что события надвигаются, и впервые, может быть, остро и болезненно осознали свой трагический отрыв от трудящихся масс»[1]. Люди этого типа, поняв, что события идут в обход прогрессивного блока, потянулись к объединению друг с другом, к установлению связей с революционным подпольем. Юренев представлял Межрайонный комитет на совещании общественных деятелей у А.М. Горького в один из предреволюционных февральских дней. Присутствовали М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе, А.Ф. Керенский, А.В. Пешехонов. Инициативную группу представлял К.С. Гриневич (Шехтер), ПК большевиков — присяжный поверенный В. Пожелло (партийная кличка — Владимир, впоследствии он отошел от большевистской партии и стал деятелем Литовской Республики 20-х годов). За чаем говорили о политическом положении в Петрограде и стране, обсуждали предложение Горького об издании «нелегального информационного листка, который вполне объективно фотографировал бы политические события, особенно из области позорной деятельности двора и его камарильи». «Я помню, Горький довольно обстоятельно доказывал необходимость такого листка, уверял, что он произведет наисильнейшее впечатление на общественные и рабочие круги», — продолжал Юренев[2]. Представители революционных организаций, по его словам, просили вместо этого денег на издание партийной революционной литературы. «Разговоры носили крайне общий характер. Это была чистая словесность», — подчеркивал он, сообщив, что решено было созывать такие совещания периодически и несколько раз они собирались.

Один из эсеровских лидеров В.М. Зензинов по свежим следам событий писал: «Революция ударила, как гром с ясного неба, и застала врасплох не только правительство, Думу и существовавшие общественные организации. Будем откровенны — она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас... Начавшееся с середины февраля забастовочное движение петроградских рабочих теми информационными собраниями, которые собирались в эти дни и на которых присутствовали представители всех существовавших в Петрограде революционных течений и организаций, рассматривалось как обычное. Никто не предчувствовал в этом движении веяния грядущей революции»[3]. А несколько позже он вспоминал, что когда в самый день 22 февраля рабочие-путиловцы изложили ему и Керенскому историю с локаутом на Путиловском заводе и ее последствия, то у них обоих «не было тогда никакого представления, к чему все это могло привести»[4]. Другой видный эсер С.Д. Мстиславский (Масловский) писал: «На деле — кроме кружков, варившихся в собственном соку или, еще того хуже, в военно-патриотических восторгах, социалистические партии тех дней не имели ничего». «Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев, спящими», — конста-

---

[1] *Юренев И.* Межрайонка (1911–1917 гг.) // Пролетарская революция. 1924. № 2 (25). С. 136.

[2] Там же.

[3] Дело народа. 1917. 15 марта.

[4] *Зензинов В.* Из жизни революционера. Париж, 1919. С. 81.

тировал он[1]. Почти в тех же словах вспоминал об этом А.Я. Гальперн, член Верховного совета масонской ложи «Великий Восток народов России», ставший управляющим делами Временного правительства. «Революция застала нас врасплох. Растерянность среди нас была фантастическая», — писал он, признавая, что он и другие члены руководства ложи — Керенский, А.И. Коновалов, А.В. Карташев — мало понимали смысл февральских событий. «Настроение у нас было более чем пониженное, — так лидеры русской революции готовили эту революцию!» — иронизировал над собой и своими соратниками Гальперн[2]. «Ни одна партия не готовилась к великому перевороту, — писал, подчеркнув эти слова, называвший себя внефракционным социал-демократом Н. Суханов (Гиммер). — Все мечтали, раздумывали, предчувствовали, "ощущали"...»[3].

Это в полной мере относилось к различным течениям меньшевизма[4]. И в решениях большевистских организаций в Петрограде ничего серьезного не было связано с датой 23 февраля. Рабочие-большевики В.Н. Каюров и И.Д. Чугурин, игравшие видную роль в Петербургской большевистской организации, прямо пишут об этом в своих мемуарах. В.Н. Каюров не скрывает своего «удивления и возмущения» утренним выступлением работниц Выборгской стороны 23 февраля. «Это выступление текстильщиц, — заявлял он, — означало явное игнорирование постановления районного комитета партии, а затем — сам же я еще накануне призывал работниц к выдержке и дисциплине»[5]. Чугурин, член райкома, ПК и его исполнительной комиссии, на сообщение о выступлении реагировал вопросом, «почему не удержали рабочую публику от забастовки, в то время как у нас она была назначена на 1 мая»[6].

---

[1] *Мстиславский С.* Пять дней. Начало и конец Февральской революции. М., 1922. С. 7. Он имел в виду евангельскую легенду о неразумных девах, которые со светильниками ожидали прихода жениха, но в их светильниках не было масла, и они проспали его приход. Иисус сказал им: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет сын человеческий». Офицер Академии Генерального штаба, совмещавший научную работу в ней с участием в 1905 г. в офицерских революционных группах, связанных с боевой организацией эсеров, и в переговорах об их совместных действиях с большевиками, С.Д. Мстиславский в дни Февральской революции стал деятельным работником Военной комиссии Петроградского совета и хорошо знал происхождение событий этих дней.

[2] Русское политическое масонство. 1906–1918: Документы из архива Гуверовского института / Коммент. В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 148, 149. Ср. позднейшее свидетельство видного деятеля масонства В.А. Оболенского: «Совершенно неверно утверждение, будто революция в России была подготовлена масонами» (*Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 449). В пользу этой точки зрения он приводит различные сведения.

[3] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1. Петербург, 1919. С. 16.

[4] См.: *Миллер В.* Меньшевистская партия в 1917 г. // Меньшевики в 1917 г. Т. 1. М., 1994. С. 57–59.

[5] *Каюров В.Н.* Дни Февральской революции // Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г.—февраль 1917 г.) / Сост. Ганелин Р.Ш., Уланов В.А. Л., 1986. С. 237. «Накануне Женского дня, в ночь на 23 февраля, я был командирован в Лесной на собрание женщин, — начинал свой рассказ об этом Каюров, — ...я тут же указал на текущий момент и, главным образом, призывал воздерживаться от частичных выступлений и действовать исключительно по указаниям партийного комитета. В возможности проведения на местах постановления районного комитета я был уверен».

[6] *Чугурин И.Д.* Из автобиографии // Крушение царизма... С. 252.

С другой стороны Н.Ф. Свешников, входивший в Выборгский райком, пишет о том, что в двадцатых числах (?!) февраля райком решил «принять меры к снятию с работ работниц на фабриках 23 февраля». Впрочем, и он упоминает об отсутствии «ясной и отчетливой перспективы» даже у активистов, не говоря уже о «рядовых массовиках-рабочих», и сообщает: «То политическое оживление, которое чувствовалось на заводах и фабриках в районе, а также заминка с хлебом в эти дни создали очень благоприятную почву для агитации. И все-таки мало кто подозревал и предвидел, что начавшаяся 23 февраля забастовка, главным образом на Выборгской стороне, и главным образом на фабриках, есть вступление в революцию»[1].

Активный участник и один из первых историков Февральской революции А.Г. Шляпников сообщал об устной агитации за проведение митингов на предприятиях 23 февраля поскольку листовки ни ПК, ни Русское бюро ЦК выпустить к этому дню не сумели[2].

Изо всех подпольных организаций такую листовку сумели выпустить лишь межрайонцы. Она кончалась лозунгами: «Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует Временное революционное правительство! Долой войну! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует международная солидарность пролетариата! Да здравствует единая РСДРП!»[3].

И.П. Лейберов, характеризуя деятельность петроградских большевиков в дни Февраля, пишет: «Следует отметить, что руководящий большевистский центр не намечал на 23 февраля массового революционного выступления трудящихся в форме политических стачек и демонстраций. Русское бюро ЦК, ПК и Выборгский районный комитет исходили при этом из двух обстоятельств: как бы повышенное революционное настроение масс в условиях продовольственного кризиса не переросло в стихийные и анархические действия и чтобы силам контрреволюции не удалось раздавить разрозненные неорганизованные выступления трудящихся. Именно поэтому большевистский центр предостерегал массы от стихийных и разрозненных выступлений, одновременно дисциплинируя и организовывая их. Однако петроградские большевики сразу же подхватили революционную инициативу рабочих масс, их героический почин. Большевики приняли самые энергичные меры к тому, чтобы направить мощный революционный поток народного гнева в организованное и планомерное русло, к одной цели — к свержению романовской монархии»[4]. В сущности последняя фраза относится ко всем революционным организациям города. Хотелось бы надеяться, что на этом кончатся многолетние историографические злоключения вопроса о соотношении начал организованности и стихийности в происхождении и характере Февральской революции, который в советской, как, впрочем, в некоторой степени и в за-

---

[1] *Свешников Н.Ф.* Отрывки из воспоминаний // Крушение царизма... С. 232, 233.

[2] *Шляпников А.Г.* Февральские дни в Петербурге // Пролетарская революция. 1923. №1 (13). С. 80.

[3] Февральская революция в документах // Там же. С. 264.

[4] *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914-го – март 1917 г.). М., 1979. С. 129.

рубежной литературе, ставился в связи с оценкой роли большевиков[1]. Если в начале 1920-х годов советские авторы не сомневались в стихийном характере февральских событий, то работы Шляпникова считаются положившими начало претензии на большевистское руководство и его личную в нем роль, хотя при большой тщательности исследователя и мемуариста он не привел ни одного факта, который свидетельствовал бы даже о пассивном предвидении революционных событий. В западной литературе (Дж. Уайт, Д. Лонгли) высказывалась такая точка зрения, что мемуары рабочих Каюрова, Свешникова и др. были сталинским средством для начала борьбы со Шляпниковым даже ценой признания стихийности событий, хотя на самом деле «организованность» движения в изображении этих мемуаристов ничуть не ниже, чем у Шляпникова. Этой же целью предотвращения претензий Шляпникова Д. Лонгли объясняет и полемику с ним Я.А. Яковлева, который, с одной стороны, утверждал, что началом революции были события 18 февраля на Путиловском заводе, а не 23 февраля на Выборгской стороне (под боком у Шляпникова), а с другой — что большевистского руководства не было и после ареста ПК, 26 и 27 февраля. При этом Д. Лонгли опирается на статью Я.А. Яковлева «Февральские дни»[2]. Однако у современников было и другое, более общее восприятие утверждений о стихийности февральских событий. Резюмируя на основе репортерских газетных отчетов доклад Я.А. Яковлева о 10-летии Февральской революции, Н.И. Иорданский писал: «Установив, что наша партия (Иорданский, как уже говорилось, стал членом ВКП(б). — *Р.Г.*) оказала на возникновение восстания и его первые шаги только косвенное влияние путем некоординированного, но активного участия в восстании рабочих и солдат большевиков (вывод, с которым, по-видимому, приходится согласиться, добавив к рабочим и солдатам прапорщиков и мобилизованных студентов), т. Яковлев объявляет восстание 27 февраля стихийным, лишенным организации и руководителей»[3].

Разумеется, эта оценка в еще большей мере относилась к событиям предшествовавших дней. Не высказанный с достаточной отчетливостью, ее смысл заключался в том, что при невозможности говорить о большевистском руководстве движением поиски других руководителей недопустимы. За таким прагматическим подходом к определению исторических событий стояло еще и то обстоятельство, что намечалась в качестве возможного инициатора революционных событий вовсе неприемлемая и, по понятиям того времени, даже контрреволюционная сила — связанные с прогрессивным блоком генералы и офицеры-заговорщики.

Сообщив уже известные читателю факты о военных кружках, Н.И. Иорданский не отводил им организаторской роли в революции, и именно утверждения

---

[1] См.: *Знаменский О.Н.* Советские историки о соотношении стихийности и организованности в Февральской революции // Свержение самодержавия: Сб. статей. М., 1970. С. 283–295; *Longley D.* Jakovlev's question, or the historiography of the problem of spontaneity and leadership in the Russian revolution of February 1917 // Revolution in Russia: reassesments of 1917. Ed. by E. R. Frankel, J. Frankel, B. Knei-Paz. Cambridge, 1992. P. 365–387.

[2] Пролетарская революция. 1927. № 2–3.

[3] *Иорданский Н.И.* Военное восстание 27 февраля// Молодая гвардия. 1928. № 2. С. 169.

о стихийности ее происхождения помогали ему избежать признания того, что большевики и офицеры-заговорщики играли друг другу в руку.

Прошло несколько десятилетий, и теория стихийности оказалась под критическим огнем как принижающая роль большевистской партии[1]. Пятидесятилетие Февральской революции в политических условиях 1960-х годов было отмечено появлением таких ценных изданий, как известная монография Э.Н. Бурджалова, сборник материалов юбилейной сессии «Свержение самодержавия». «Большевизация» Февраля еще носила умеренный характер. Но в 1970-х годах последовал административный окрик, руководящая роль большевиков была признана столь же несомненной, как и в цитированной книге А. Керсновского. Но к научной разработке проблемы это отношения уже не имело.

Р.Ш. Ганелин

Политические ситуации конца XX – начала XXI в. и исторические оценки причин гибели царизма

В советской исторической науке изучению предпосылок и причин революционных событий 1917 г. уделялось большое внимание. Итоги этой работы рассмотрены в историографических исследованиях перестроечных лет и постперестроечного периода. К этим исследованиям, среди которых надо отметить посвященные развернувшейся в 1970-х годах дискуссии о предпосылках революции, принадлежащие В.В. Поликарпову, читатель может быть с полным основанием отослан[2]. За кулисами «последней дискуссии советских историков», как назвал ее этот автор, крылось некоторое несовпадение взгля-

---

[1] Впрочем, в 1938 г. эмигрантский историк русской армии А. Керсновский приписал организацию Февральской революции исключительно большевикам («Центральному исполнительному комитету петроградских большевиков в составе Шляпникова, Молотова, Залуцкого») как агентам германского генерального штаба. Керсновский утверждал без ссылок на источник своих сведений, что план организации революции в России был принят в Берлине в конце декабря 1916 – начале 1917 г., а 17 февраля 1917 г. Рейхсбанк сообщил своим представителям в Швеции об открытии кредитов на эту цель. Керсновский обвинял военное командование в Петрограде в том, что оно не подозревало в большевиках немецких агентов и не понимало их роли в организации Февральской революции. «"Психология каптенармусов", столь характерная для наших нестроевых генералов, сказалась в стремлении властей объяснить беспорядки единственно "нехваткой хлеба"», — писал он (*Керсновский А.* История русской армии. Ч. IV. Изд. «Царского вестника». Белград, 1938. С. 940, 941). В предисловии к ч. I в частности указывалось: «Книга эта, написанная и изданная еще в эмиграции, предназначается для офицеров возрожденной Русской армии — как слушателей императорской Николаевской военной академии, так и строевых».

[2] *Поликарпов В.В.* Цусима советской историографии // *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 11–159. См. также: *Bonwetsch B.* Oktoberrevolution: Legitimationsprobleme der sowjetischen Geschichtswissenschaft // Politische Vierteljahresheft. 1976. Bd. 17. Heft 2; *Hildermeier M.* Revolution und Revolutionsgeschichte // Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. Göttingen, 1991; *Hösler J.* Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. Studien zur Methodologie- und Organisationsgeschichte. München: Otto Sagner Vlg., 1995; *Markwick Roger D.* Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist historiography, 1956–1974. Palgrave, 2001.

дов на ключевой сюжет российской истории, существовавшее в двух отделах аппарата ЦК КПСС. Отдел науки во главе с его заведующим С.П. Трапезниковым твердо стоял на почве теории формаций, которая с математической детерминированностью предусматривала безусловность существования капитализма в России, как и повсюду, и неизбежность смены его социализмом. А в Международном отделе по понятным причинам не могли провозглашать это перед представителями зарубежных коммунистических и рабочих партий и потому благосклонно отнеслись к теории многоукладности в российской дореволюционной экономике, которую, пользуясь определением, данным Лениным послереволюционной экономической действительности, выдвинули К.Н. Тарновский и другие «новопрочтенцы» (так называли исследователей предпосылок революционного процесса в России, которые в своем свободном отношении к Ленину «докатились», по выражению их критиков, до утверждения об утрате пролетариатом гегемонии после Февральской революции, принадлежавшего П.В. Волобуеву). Выходом «новопрочтенцев» за рамки экономической истории был сборник статей «Российский пролетариат. Облик, борьба, гегемония», появившийся в 1970 г. В советской историографии этих лет наблюдался отход от публицистического разоблачительства по отношению к старому строю, характерного для нее в первые советские десятилетия.

«Новопрочтенцы» видели свой якорь спасения не только в «многоукладности», но и в «многоподъездности». Так шутили они по поводу того, что отделы науки и международный помещались в разных подъездах ЦК. Но ведомственное влияние на историографическую трактовку вопроса о природе, характере и судьбе российского революционного процесса оказывали и из другого находившегося неподалеку здания.

Созданное решением Политбюро 17 июля 1967 г. по инициативе нового председателя КГБ Ю.В. Андропова 5-е управление этого ведомства для борьбы с идеологическими диверсиями и диссидентством занялось и теми, кто грешил «ревизией марксистских законов», и настроениями ученых. Его возглавил ген. Ф.Д. Бобков, пришедший к выводу о банкротстве коммунистической идеологии и недопустимости «повтора развенчания, ...критики культа личности». Не одобрял он и формулу Андропова: «Наделаем побольше колбасы — и не будет у нас никаких диссидентов». «Учреждения партии и КГБ видели мертвенность, неэффективность ортодоксальной пропаганды и приступили к ее перевооружению, — делает вывод из этих сведений В.В. Поликарпов. — Негласно производилась замена выродившегося монопольного “марксизма-ленинизма” своеобразным плюрализмом, точнее дуализмом: к мертвечине непогрешимого учения прививалась доказавшая свою жизненную силу старая черносотенно-клерикальная мифология об антирусском всемирном масонском заговоре»[1]. В сущности андроповская инициатива

[1] *Поликарпов В.В.* Цусима советской историографии. С. 103, 104, 115. Не было ли создание 5-го управления КГБ связано с откликами на книгу *А.М. Некрича* «1941 г. 22 июня»? О судьбе этой книги, ее автора и литературу вопроса см.: *Альперович М.* Письма из Бельмонта. К 85-летию А.И. Некрича // Новая и новейшая история. 2005. № 3. С. 214–218.

продолжала традицию старой политической полиции, стремившейся помимо регулировавшейся законом цензуры к активному участию в публицистике и литературной жизни как своей агентуры, так и представителей охранительного направления общественной мысли[1]. Такую возможность давала широта ее полномочий.

Солженицынский роман «Август 1914 года» возбудил беспокойство в КГБ. Андропов и Бобков поручили известному историку-американисту Н.Н. Яковлеву, яркому и плодовитому автору имевших большой читательский успех книг об американских президентах, бывшему под арестом в 1952–1953 гг., написание книги, которая способствовала бы преодолению влияния «Августа 1914 года». Его опубликование вызвало, по выражению Яковлева, «истерию недоучек».

В знак уважения к памяти Н.Н. Яковлева, рецензировавшего в ВАК в 1970 г. мою докторскую диссертацию, прежде всего изложу его собственный рассказ о литературных связях с учреждением на Лубянке. В 1968 г., сообщал Н.Н. Яковлев в приложении «О “1 августа 1914 г.“, исторической науке, Ю.В. Андропове и других» к третьему, дополненному изданию «1 августа 1914 г.» (М., 1993), он, как и за 10 лет до того, стал подвергаться преследованиям по инициативе «умельцев из международного отдела ЦК КПСС». «К охоте на “троцкиста“, каким я был ими объявлен, присоединились славные чекисты. Справиться с ними, объединившими усилия, было практически невозможно», — писал Н.Н. Яковлев. Ему «пришлось прибегнуть к последнему средству» — обращению к знавшему его с детства Д.Ф. Устинову (отец Н.Н. Яковлева Н.Д. Яковлев был маршалом артиллерии и начальником Главного артиллерийского управления). «Дима», как звали Устинова дома, послал его к «Юре» — Ю.В. Андропову, незадолго до того возглавившему КГБ (мне говорили, что он еще в Петрозаводске совмещал комсомольскую работу со службой в этом ведомстве). Жалобы Н.Н. Яковлева не были даже выслушаны. «Эти пустяки отметем», — заявил Андропов, посмотрев документы. Вместо этого между телефонными докладами о ходе суда по диссидентским делам председатель КГБ заявил по поводу процесса Синявского и Даниэля, «что не дело судить писателей». «Суть его обтекаемых фраз сводилась к тому, что слову нужно противопоставлять слово. С чем я горячо согласился и, получив любезное приглашение заходить, откланялся», — писал

---

[1] См.: *Чернуха В.Г.* Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 161–181; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте, М.П. Драгоманов и «Вольное слово» (По поводу одного документа из архива М.К. Лемке) // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С.Н. Валка. Л., 1964. С. 163–178; *они же.* Было ли «Вольное слово» провокационным органом «Святой дружины»? // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 208, 209; *они же.* Об авторстве политической программы общества «Земский союз» // Вспомогательные исторические дисциплины (ВИД). Вып. 2. Л., 1969. С. 269–276; *они же.* О достоверности одного документа из архива М.К. Лемке (М.П. Драгоманов в «Вольном слове») // ВИД. Вып. 3. Л., 1970. С. 290–312; *они же.* Р.А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Б.А. Романова. Труды ЛОИИ. Вып. 12. Л., 1971. С. 299–326; *Лемке М.К.* Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой). 1881–1882 годы. СПб., 2012.

Н.Н. Яковлев[1]. Вскоре он был вызван к Бобкову и после этих двух визитов «больше не ощущал наглых выходок КГБ». «На том бы дело и кончилось», — считал он, если бы не просьбы «Димы» «не забывать "Юру" и помогать ему». Он приписывал их влиянию жены Устинова. «Приятельница моей покойной матери, — писал Н.Н. Яковлев, — Таисия Алексеевна скептически относилась к общему развитию супруга и его коллег по Политбюро, носилась с идеей расширить его, наивно предлагая приглашать меня читать им лекции. Видимо, она, замечательная русская женщина, что-то еще наговорила лестное обо мне Андропову. Обижать хороших людей, и к тому же теперь вождя, как-то не хотелось, и я стал время от времени захаживать на Лубянку, вести ученые беседы сначала несколько натянутые с Андроповым и интереснейшие с быстро поднимавшимся по служебной лестнице Бобковым», — в нарочито шутливой манере писал Н.Н. Яковлев.

«Сравнивая обоих, — подчеркивал он, — при всем интеллектуальном лоске Ю.В. Андропова я безоговорочно отдаю пальму первенства Ф.Д. Бобкову, который на много порядков был выше формального начальника, а главное, несравненно лучше подготовлен. ...Если бы судьба направила его на иную стезю, страна получила бы крупнейшего ученого, безусловно, мирового класса».

Вероятно, ревнуя, «Андропов негодующе крутил головой и удивлялся тому, что называли "дружбой жандармского генерала и либерального профессора"», хотя и считал Бобкова одним их своих «генералов-аристократов».

Постоянной темой Андропова было нарастание «извечной российской традиции — противостояния гражданского общества и власти».

«Принципиально в этом не было решительно ничего нового, привычная поза нашего брата интеллигента держать кукиш в кармане против власти. Чем это обернулось к 1917 году для политической стабильности страны, не стоит объяснять», таков был общий взгляд собеседников. «С пятидесятых тот же процесс, но с иным знаком, стремительно набирал силу. Объявились диссиденты, многие из них изобретали политический велосипед». Диссиденты, негодовал Андропов, как и в 1917 г., «подрывают политическую стабильность страны», и это при том, что «внутренние проблемы нашей страны» дают повод «для вмешательства Запада». «Дело не в демократии, он [Андропов] первый стоит за нее, — передавал Яковлев слова председателя КГБ, — а в том, что позывы к демократии неизбежно вели к развалу традиционного российского государства»[2]. Излагая это, Н.Н. Яковлев не определял того влияния, которое оказали на судьбы государства его арест в 1952 и освобождение в 1953 г.[3].

Как заявили Н.Н. Яковлеву Андропов и Бобков, «с точки зрения КГБ, Россия была изображена Солженицыным слишком "безотрадно", недостаточно

---

[1] *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914 г. Изд. 3-е, дополн. М., 1993. С. 286, 287.

[2] Там же. С. 288.

[3] Там же. В.Э. Молодяков в кн. «Несостоявшаяся ось: Берлин—Москва—Токио» (М., 2004. С. 239) считает роль Н.Н. Яковлева при его лубянских покровителях «похожей» на роль, которую играл при Сталине академик Е.В. Тарле, отстаивавший с перерывом на два неполных года советско-германского пакта свое традиционное утверждение об исключительной вине Центральных держав в развязывании Первой мировой войны.

патриотично». Это повлекло за собой их решение об издании книги американской публицистки Барбары Такман «Августовские пушки» о первом месяце войны 1914 г. «Мы с Ф.Д. Бобковым решили подкинуть полузнайкам материал для размышления», — писал Н.Н. Яковлев, подчеркивая, что они имели «перед собой обширный выбор работ западных авторов, отнюдь не изображавших так безотрадно страну, для них чужую Россию, как Александр Исаевич писал о Родине». В обширном предисловии воспользовавшегося псевдонимом Н.Н. Яковлева Солженицын не упоминался в расчете на то, что рядом с работой Такман «написанное им выглядело легковесным историческим анахронизмом, крайне тенденциозным». Н.Н. Яковлев не упомянул о своей направленной против Солженицына газетной статье.

Андропов, прочитав книгу Такман, «радовался как дитя, разве не пускал ртом пузыри... Он настаивал, что нужно остановить сползание к анархии в делах духовных, ибо за ним неизбежны раздоры в делах государственных... Нужны книги, и книги должного направления, написанные достойными людьми. Поняв, куда он метит, я мысленно причислил себя к “достойным людям“, на всякий случай надул щеки и выпятил грудь». Однако с продолжением андроповской речи ирония и скепсис его собеседника исчезли. «По мере того как Председатель увлекался, открывались такие грани “достойных людей“, которые не могли не повергнуть в крайнее изумление. Он, пожалуй, весело сообщил, что великий Тургенев после плодотворной службы в императорском политическом сыске, провел многие годы за рубежом главой российской агентуры в Западной Европе, как я понял, был жандармским генералом. Все это так поразило меня, — писал Н.Н. Яковлев, — что я не переспросил, когда именно Тургенев поступил в отдельный корпус жандармов и где хранил мундир и награды. Андропов отпустил несколько едких шуток насчет “крыши“ Тургенева — Полины Виардо. Его рассказ как молния осветил эту историю, расставил все по местам. Мне всегда представлялась малоправдоподобной страсть дворянина, аристократа, мыслителя, эстета к заграничной бабе. Государственные интересы России — дело иное. Мигом пришла на память политическая направленность тургеневского творчества, бескомпромиссная и изобретательная борьба с “нигилистами“, невероятный интерес к российской эмиграции, контакты с Герценом и прочее в том же духе.

Мой собеседник назвал среди заслуженных рыцарей политического сыска еще Белинского и Достоевского.

Что до “неистового Виссариона“, то его сообщение убедительно осветило, почему гонимый “демократ“ проживал в квартире в фешенебельном доме чуть ли не насупротив Зимнего. А его вендетта против замечательного писателя Бестужева-Марлинского, определенно зашедшая за границы приличия! О Федоре Достоевском помолчу, стоит ли углубляться в извивы души не совсем здорового человека. Как я понял Андропова, эта троица не покладая рук пыталась содействовать стабилизации политического положения в тогдашней России. Засим последовали уже знакомые речи насчет разрыва

между властью и гражданским обществом. С чем я и был отпущен подумать на досуге»[1].

Хотя Н.Н. Яковлев «взял за правило не обсуждать сказанное Андроповым с Бобковым и обратно, главным образом потому, что свято верил... — длинные уши подслушивающих устройств наличествовали и в их кабинетах», он «в случае с классиками российской словесности, не уточняя источника, все же осведомился у Бобкова о Тургеневе. Тот сухо ответил: "Это широко известно"». «Надо думать, в сферах, недоступных литературоведам», — добавил Яковлев, отдавая дань создававшемуся ведомством представлению о том, что оно владеет секретами всех времен. Здесь следует отметить, что архивные фонды III отделения Собственной его величества канцелярии и Департамента полиции и до их перевозки в Москву в 1920-х гг. и после нее были тщательно изучены многими исследователями, не обнаружившими, разумеется, ничего подобного сообщенному Яковлеву на Лубянке.

«Вот так постепенно мы пришли к тому, что нужно писать книги, назовем их, по актуальным проблемам. Генерал Бобков положил в качестве основополагающей посылки: 1) не навязывать читателю своей точки зрения, дать место и слово "другой стороне". Ему, очевидно, обрыдла наша официальная идеология; 2) писать так, чтобы книги покупались, а не навязывались читателю. Что же еще желать автору? Парадоксально, но факт: так обеспечивалась свобода творчества!» — восклицал Н.Н. Яковлев. Впрочем несколькими строками ниже он излагал те обстоятельства, в которых Андропов и Бобков ему эту свободу «негласно даровали». Они заключались в его конфликте с Г.А. Арбатовым, директором Института США и Канады, пригласившим его туда в 1968 г. на работу. «Где мне было знать тогда, что Арбатов находился поблизости от Брежнева, который любовно именовал его "Абрашей", да и выпестован был Андроповым в дебрях ЦК КПСС», — писал Н.Н. Яковлев. Это было с его стороны лукавство, потому что место работы Арбатова и его служебные связи с Андроповым и Брежневым ни для кого не составляли секрета. Описывая свои поиски поддержки на Лубянке, Н.Н. Яковлев добавил, что Г. А. Арбатов и другие специалисты по современности прельщали членов Политбюро тем, что их избрание в Академию наук «откроет дорогу к верхам общества на Западе». Получилось же, по словам Н.Н. Яковлева, «обратное»: на Западе «превратили их в канализацию для спуска своих идей»[2].

Понимая, разумеется, истинный характер дарованной ему «свободы творчества», он с вопросом «Что же сотворить в первую очередь?» обратился по инстанции к Бобкову. «Я выражал сильнейшее неудовлетворение трактовкой истории России в канун судьбоносного Года — 1917. "Вот и попробуйте силы на этом поприще", — дружески заметил генерал, который охотно делился своими пугающе громадными познаниями в этой области, в том числе о масонах.

---

[1] *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914 г. Изд. 3-е, дополн. М. 1993. С. 291.

[2] Там же. С. 292. Н.Н. Яковлев не упоминает о том, что был научным руководителем сына Ю.В. Андропова Игоря (см.: *Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. М., 2003. С. 549).

Он, кстати, предупредил, чтобы я не "пережимал" в этом вопросе». Предполагаемому последователю классиков русской литературы осторожность была действительно необходима... Хотя свою вышедшую в 1974 г. книгу «1 августа 1914 г.» Н.Н. Яковлев относил, как и другие — «ЦРУ против СССР», «Силуэты Вашингтона» и «Маршал Жуков», — к рассчитанным «на уровень понимания проблем неофитов в области исторических знаний», он именно ее считал «исправлявшей догматическую трактовку истории нашей страны на подступах к 1917 году».

Решено было прибегнуть к использованию объяснений краха старого строя, фигурировавших в эмигрантской литературе, в которой зловещая роль таинственных масонских организаций была одной из распространенных тем. Заговор как форма политической практики был в свежей памяти о происходившем в 50–60-х годах, существовавшей в умах инициаторов этого предприятия, и к тому же в максимальной мере соответствовал их представлениям о жизни общества. В.В. Поликарпов усматривает в изданной в 1974 г. книге Яковлева влияние «фантасмагорий» на масонскую тему, содержавшихся в вышедшей на Западе в 1967 г. работе о Февральской революции, принадлежавшей Г. Каткову, и ряда предшествовавших ей воспоминаний. В статьях В.В. Поликарпова отмечен и охарактеризован интерес к масонской теме, проявлявшийся ОГПУ—НКВД, а также гестапо. «До 1941 г. нацисты и Лубянка, состязаясь, делали в Берлине, Париже и Москве одно общее дело, а сформированная их усилиями коллекция материалов о масонстве досталась, в конечном счете, советским спецслужбам. Десятки лет спустя КГБ их эффективно использовал», — пишет В.В. Поликарпов[1]. К этому следует, как мне кажется, добавить, что в гитлеровской пропаганде, в частности на оккупированной советской территории, масонской темой промышлял Г. Шварц-Бостунич, ставший офицером СС киевский присяжный поверенный, автор полуприличных драматических сочинений на любовные темы. Во время Первой мировой войны он написал в такой оскорбительной манере памфлет против Вильгельма II, что российская военная цензура запретила его издание. После Февральской революции он в связи с распутинщиной изображал в непристойном виде царскую семью. Гиммлер считал его антимасонский пыл чрезмерным, германские университеты один за другим отказывали ему в профессуре, и он стал профессором СС[2].

Можно предположить, что книга Бостунича оказала влияние не только на Каткова. Читатели с Лубянки не могли не знать о взглядах этого автора, по-видимому, оказавшегося после войны в их руках. Яковлеву были предо-

[1] *Поликарпов В.В.* Февраль: страшная масонская тайна // Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. С. 525.

[2] *Ганелин Р.Ш.* К истории русского фашизма в гитлеровской Германии (Г. Шварц-Бостунич) // Клио. 1998. № 1(4). С. 101–107.

вительства, второй — в дни Февральской революции — помощником коменданта Петрограда.

Приводя фрагменты этих показаний, Н.Н. Яковлев называл их отрывками из записанных в 30-х годах рассказов. Это подействовало на некоторых авторов, обратившихся к масонской теме, в частности на Н. Берберову, признававшую масонскую роль, и А.Я. Авреха, стоявшего на противоположной позиции. Книга Н.Н. Яковлева под названием «1 августа 1914» появилась тиражом в 200 тыс. экземпляров двумя одновременными изданиями. Она вышла в издательстве «Молодая гвардия», принадлежавшем ЦК ВЛКСМ.

В этом издательстве редакцией серии «Жизнь замечательных людей» заведовал С.Н. Семанов, до того аспирант и сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, выполнивший в этом качестве серьезные исследовательские работы — о петербургских рабочих в 1905 г. и о кронштадтском мятеже 1921 г. «Из либеральной мы с директором издательства Валерием Ганичевым превратили ее в патриотическую» — писал он о своем руководстве серией. Переехав в Москву, он стал видным идеологом русского национализма, выступив в 1970 г. с Русским манифестом «О ценностях относительных и вечных». Для его сторонников это «была просто Русская Правда»[1]. Его контакты были широкими — «от участников движения инакомыслящих до помощников членов Политбюро»[2].

В послесловии к появившемуся в 2002 г. новому изданию «1 августа 1914», озаглавленном «Как выходила эта книга», С.Н. Семанов представил выпуск книги Н.Н. Яковлева в 1974 г. как заслугу «Молодой гвардии», осуществившей его несмотря на неминуемость «новой грозы», к которой патриотам «было не привыкать».

С.Н. Семанов объяснял удачу издательства тем, что «простоватые чекисты оплошали», подведенные их «несложным полицейским мышлением»[3]. Он утверждал, что «лубянское ведомство... ошиблось по неопытности своей в этом вопросе, ему сделали внушение». Вопреки тому, что сам Н.Н. Яковлев написал в послесловии к последнему прижизненному изданию своей книги, С.Н. Семанов заявлял, что против «русофобского либерализма» А.И. Солженицына от Яковлева на Лубянке ожидали выступления в «советско-минцевской традиции», а он вместе с «Молодой гвардией» эти ожидания обманул.

В. Ганичев представил издание книги Н.Н. Яковлева в похожем духе. Роль КГБ он свел к приезду в издательство Ф.Д. Бобкова по поводу издания книги

---

[1] *Байгушев А.* Русская партия внутри КПСС. М., 2005. С. 45. Специальный анализ националистической монархической идеологии групп ответственных сотрудников центрального партийного и комсомольского аппарата см.: *Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. Глубокое исследование общеисториографической стороны дела произведено В.Д. Поликарповым (В чужом пиру похмелье // К истории русских революций. События, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца. М., 2007. С. 420–468) и В.В. Журавлевым (Россия XX века: реформы или... // Там же. С. 333–349).

[2] *Митрохин Н.* Русская партия... С. 380. Именно характером связей С.Н. Семанова мы, его коллеги по Ленинградскому отделению Института истории, объясняли его переезд в Москву.

[3] *Семанов С.Н.* Как выходила эта книга // Яковлев Николай. 1 августа 1914. М., 2002. С. 344, 345.

Б. Такман. Приезд этот состоялся через день после звонка заведующего сектором литературы ЦК КПСС Беляева, запретившего отвечать на разосланные Солженицыным крупным издательствам предложения об издании его «Августа 1914 г.». Что же касается книги «1 августа 1914 г.», то она, по словам В. Ганичева, была заказана Н.Н. Яковлеву «Молодой гвардией» для серии «Даты истории». Вопреки С.Н. Семанову, приписавшему второе стотысячное издание инициативе типографии, В. Ганичев объясняет его своим указанием, данным им по телефону из кремлевской больницы. Оно было подслушано, но отменить его не сумели[1]. В. Ганичев тогда видел в этой книге «идеологическую бомбу». В ней, пишет он, профессор Яковлев «в своей меланхолической манере показал поражение России и скрытые пружины организации Февральской и Октябрьской революций. И далее (о ужас! для агитпропа и всей партийной науки) он констатировал, что во всех партиях, свершивших одну и вторую революцию, во главе стояли масоны. Профессор никого не обличал, он просто на основании документов констатировал, что во главе кадетов, октябристов, эсеров, меньшевиков, РСДРП(б) стояли масоны».

Издание книги Н.Н. Яковлева В. Ганичев связывает с активностью тех политических сил, которые «утверждали “русскость“». «Это среднее звено партии, комсомола, государственного аппарата и его высшая часть, которая была близка к производству, земле, понимала нужды народа, сохранившая историческую память», — так определял В. Ганичев «мощный интеллектуально-духовный и организационный потенциал», который «мог составить “Русскую партию“». В отличие от С.Н. Семанова КГБ он при этом не затрагивал. Впрочем, лубянские собеседники Н.Н. Яковлева в его изображении вовсе не выглядели несмышлеными простачками, какими представил их С.Н. Семанов, да и сам Семанов вряд ли считал их такими, когда был, несомненно при их участии, переведен из «Жизни замечательных людей» на пост главного редактора журнала «Человек и закон». Уничижительные о них слова были вызваны как возможностями новых времен, так и тем, что в 1981–1982 гг. С.Н. Семанов вышел у Андропова из фавора и даже подвергся двухдневному допросу в КГБ как читатель националистического журнала «Вече». В 1982 г., по его рассказу Н. Митрохину, он ожидал ареста и скрывался в Ленинграде в клинике

---

[1] *Ганичев В.* Останавливая антиисторизм // К ненашим. Из истории русского патриотического движения / Сост. *С. Семанов, А. Лотарёва* / Коммент. С. Семанов, А. Лотарёва и К. Титов. М., 2006. http://www.voskres.ru/idea/ganit=schev3.htm. Сборник «К ненашим» вызвал отклик В. Огрызко в «Литературной России» 15.12.2006 под заголовком «Как надоело это мифотворчество». «Еще как-то можно понять одну из составительниц книги “К ненашим“ Анастасию Лотарёву, — пишет В. Огрызко. — Она внучка нынешнего председателя Союза писателей России Валерия Ганичева, и вполне естественно, что ей захотелось возвеличить роль своего дедушки в современной истории страны. Сложнее объяснить позицию историка Сергея Семанова». Заявив, что «многие претенденты на лидерство в “Русской партии“ были весьма посредственными сочинителями», но хотели «иметь в своих руках властные рычаги, дачи, гос. премии и различные ордена», и приведя примеры этого, рецензент утверждает: «При этом почти все герои сборника “К ненашим“ имели покровителей или в Политбюро ЦК КПСС или в руководстве КГБ СССР». Ведомственные связи такого рода В. Огрызко отмечает и у либералов.

Ф.Г. Углова[1]. А. Байгушев, партаппаратчик брежневского времени, рассматривающий его, как и все другие времена, включая «хрущевскую, троцкистско-космополитическую Оттепель», с точки зрения борьбы русского и еврейского влияния, этим объясняет и то обстоятельство, что «Андропов-Файнштейн начал охоту за Сергеем Семановым». «Вроде бы странно с его стороны... его дети Ира и Игорь прекрасно знали Сергея Николаевича, — пишет А. Байгушев. — Игоря он поддерживал в писательских начинаниях (Игорь печатался под псевдонимом "Андросов"). А Ира, очень милая, приветливая, общительная, даже работала у Семанова еще в "ЖЗЛ". Партбоссы и их ближайшие прислужники вообще любили "засылать" своих детей в "Русскую партию", не то, чтобы не доверяли спецслужбам, но хотели иметь информацию не "процеженную", а живую, из первых рук и... думали о будущем своих детей. Андроповская дочка тоже не ходила без дела — "контролировала" Семанова, то есть видела каждодневно на глазах "Русскую партию"»[2].

Не только национальность Андропова и его детей была одиозной для Байгушева («открыто напасть на Семанова значило для Файнштейна "засветить" свою "обрусевшую" Иру», — пишет он), но и принадлежность к андроповскому руководству КГБ русского ген. Бобкова, который «"внедрил" своего сынка Сережу по кличке "Подвознесенский" — посредственного поэтишку, подражавшего "ихнему" Вознесенскому, — аж в редколлегию самой "Молодой гвардии", а затем секретарем по молодежи в "опасный" Союз писателей РСФСР».

Андроповскую атаку против Семанова А. Байгушев объясняет опасениями председателя КГБ, который «копал под Брежнева», за свой пост: «Явно на ГБ был нужен уже свежий и отчаянно русский человек, которого Брежнев осторожно подбирал. Семанов с его опытом Главного редактора популярного журнала "Человек и закон", где он не боялся "щупать" первых секретарей крайкомов, тут очень подходил»[3].

«Всесильные помощники по политбюро Владимир Васильевич Воронцов (у Суслова) и Иван Иванович Кириченко (у Черненко) обожали Сергея Николаевича — обходительного, стройного, с киношно "белогвардейской", сводящей с ума дамское общество выправкой (как когда-то дамы умирали по душке Керенскому, так теперь умирали по душке Сереженьке). Но главное для помощников: всегда особо информированный, он щедро и великодушно, и совершенно неназойливо, будто в винт играючи, советовал, как умно что доложить, чтобы переиграть "арбатовых" и "бовиных". А еще охотно снабжал "своих" (а оба помощника были для нас в доску своими, до кончиков волос русскими!) достоверными, занимательнее Пикуля, анекдотами из родной

---

[1] *Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. С. 428.

[2] *Байгушев А.* Русская партия внутри КПСС. М., 2005. С. 364. Его взгляды, заявлял автор, определила дочь М.В. Родзянко, готовившая его в середине 60-х годов «на случай возможных нелегальных вояжей на Запад». Живя в Швейцарии, она «регулярно наведывалась в Москву, где в КГБ и АПН натаскивала будущих ряженых "немцев"» (там же. С. 5). Этот ученик пользовался у нее особенным расположением: А. Байгушев называет себя внуком знакомого ее отцу известного московского мануфактуриста Прохорова.

[3] Там же. С. 367.

русской истории, чем они могли потом блеснуть перед “шефами“», — пишет А. Байгушев[1].

При всех достоинствах Семанова как преемника Андропова, намечавшегося Брежневым, Брежнев вряд ли знал, что Семанов видел в его политике разрядки международной напряженности «главнейшее сионистское дело», которое «делают и рискуя!» А.Б. Чаковский и Г.А. Арбатов (так писал он в своем дневнике 15 марта 1980 г.)[2]. Не ждал ли Брежнев по этой причине от С.Н. Семанова отказ?

Впрочем в литературе названа и другого рода более раннего происхождения возможная причина разлада между Семановым и Андроповым: помощник Андропова по политбюро «как минимум в одном случае... по своей инициативе брал у С. Семанова в долг крупную сумму денег и, по всей видимости, не вернул их назад». В своем опубликованном дневнике за 1977 г. С. Семанов называет сумму в 200 руб. На вопрос интервьюировавшего его Н. Митрохина о возвращении денег он ответить отказался[3].

Но вернемся к книге Н.Н. Яковлева. «Он показал во всеоружии закрытых материалов, что эту революцию подготовили и разыграли масоны, — писал С.Н. Семанов в 2002 г. — ...Посмотрел ее заново — ничуть не устарела»[4]. Это было повторено и в аннотации к книге на ее обложке. Здесь изображение Февральской революции как дела рук масонов объявлялось «главным открытием книги».

А в 1974 г. самые обстоятельства ее появления были для многих свидетельством особенностей ее происхождения. Двухсоттысячный тираж двух изданий, подписанных к печати с промежутком в две недели[5], не оставлял сомнений в содействии влиятельного ведомства.

Вот как отзывается об этом В.В. Поликарпов: «В целом проводимой операцией подавался сигнал к легализации ультранационалистической пропаганды: привычные официальные интернационалистские оценки революционных событий 1917 г. теряли монопольный статус и даже подменялись сугубо шовинистическими с камуфляжным коммунистическим налетом. Как и их исторические предшественники, новые, советские черносотенцы обвиняли во всех бедах России масонов, которые якобы служили орудием всемирного “жидо-масонского заговора“»[6].

В идеологических сферах ЦК книга вызвала неодобрение, хотя, по словам ее автора, А.Н. Яковлев, покинувший пост заведующего идеологическим отделом в 1973 г., успел ознакомиться с рукописью. Не исключено, что С.П. Трапезников, зав. Отделом науки, школ и вузов, твердо стояв-

---

[1] *Байгушев А.* Русская партия внутри КПСС. М., 2005. С. 371.

[2] *Семанов С.* Из нашей борьбы. Anno Domini 1980 // Наш современник. 2004. № 1 С. 156.

[3] *Митрохин Н.* Русская партия... С. 549, 550.

[4] Там же. С. 345, 346, 350.

[5] *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М.: Молодая гвардия, 1974. 238 с. Подписано к печати 28/X.1974 г. Тираж 100 000 экз.; То же. 2-е изд. Подписано к печати 12/XI.1974 г. Тираж 100 000 экз.

[6] *Поликарпов В.В.* Февраль: страшная масонская тайна // Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. С. 514.

ший за формационный принцип (он выступил в журнале «Коммунист» с требованием его нерушимости), был по этой причине не только против «новопрочтенцев», но и против книги Н.Н. Яковлева. Е.Д. Черменский, В.И. Бовыкин и В.М. Шевырин написали на вышедшую книгу критическую рецензию, которая была уже в верстке одного из номеров журнала «Вопросы истории КПСС», органа Института марксизма-ленинизма при ЦК, но в последний момент была из него изъята подчинявшейся КГБ цензурой. Это было сделано при содействии Международного отдела ЦК, как рассказал мне недавно В.М. Шевырин, известный историк-библиограф, автор ряда значительных работ по началу XX в., почему-то оставшийся С.Н. Семанову неизвестным[1].

Таковы были обстоятельства внедрения в советскую историографию версии о зловещей роли масонов в российской революции, сами по себе вызывающие сомнение в достоверности этой версии. Ее критический разбор дан в статье В.В. Поликарпова «Рукопись, найденная на Петроградском фронте». «В литературе господствует абсолютно не отвечающая трагическому содержанию происходившего в России авантюрно-опереточная стилистика, привлекательная для любителей остросюжетной дешевки и удобная для пропаганды черносотенства», — пишет ныне В.В. Поликарпов[2].

Оживленное обсуждение масонской темы в литературе, полностью соответствовавшее замыслам инициаторов дела, имело двойственные последствия. Ослабели настояния на детерминированности революции, опиравшиеся на схематическое применение теории формаций, против которого первыми возражали «новопрочтенцы». Но при этом были объявлены не существовавшими какие бы то ни было исторические предпосылки к революции. А она сама стала изображаться как рукотворное дело злых сил — не только масонов, но и либералов, иностранных агентов, интеллигентов-антипатриотов и т. п.

Вот новейший взгляд, выраженный Валерием Шамбаровым, автором книги «Нашествие чужих: Заговор против империи». В ней читаем: «Факты говорят о том, что российская революция вообще не была вызвана ее внутренними экономическими или социальными проблемами. Она была преднамеренно спланирована и организована враждебными нашей стране внешними силами, сумевшими целенаправленно и расчетливо расколоть русский народ. Расколоть искусственно — с тем, чтобы стравить людей между собой. Участвовали в этом деле транснациональные корпорации, правительственные, финансовые

---

[1] *Семанов С.Н.* Как выходила эта книга... С. 347.

[2] *Поликарпов В.В.* Рукопись, найденная на Петроградском фронте // Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. С. 522–533. См. в кн. Поликарпова ссылки на исследования по истории Февральской революции, в том числе на две статьи автора этих строк, а также: *Ганелин Р.Ш.* 24 февраля 1917 г. в Петрограде // Клио. 1998. № 2. С. 75–82; Его же. 25 февраля 1917 г. в Петрограде // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 94–100; Его же. 26 февраля в Петрограде // Петроградская историческая школа. Альманах памяти В. И. Старцева. СПб., 2002. С. 196–234. О зарубежных финансовых связях революционных сил существует объективное исследование Г.Л. Соболева «Тайна "немецкого золота"», изданное в 2002 г. в С.-Петербурге и в Москве.

круги и спецслужбы западных держав. Причем не только и не столько тех держав, которые находились с Россией в состоянии войны, но и государств, считавшихся ее друзьями и союзниками, — в первую очередь США и Великобритании, для которых наша страна в начале XX века стала слишком сильным конкурентом.

А непосредственными проводниками их разрушительных планов, исполнителями политических, экономических, идеологических диверсий стал ряд агентов, занимавших высокие посты в российском и советском государстве. Витте, Барк, Ломоносов, Протопопов, Львов, Терещенко, Керенский, Скобелев, Чернов, Мартов, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Ларин, Ганецкий, Радек, Коллонтай, Крупская и др.»[1]. Витте исчез из этого списка, приведенного и в аннотации к книге. А Ленин, представленный Крупской, отсутствовал в обоих его вариантах, вероятно, потому, что Парвусу не удалось «вовлечь Ленина в масонство». «Правда, в последующих взглядах Владимира Ильича, — пишет В. Шамбаров, — отразилось некоторое влияние теорий иллюминатов, но его атеизм был абсолютным. Он был принципиальным противником не только христианской религии, а любых учений, связанных с мистикой, потусторонними смыслами и сакральными ритуалами»[2]. Шамбаровский список «агентов» состоял, кроме масонов, из евреев, но Ленин, несмотря на дедушку, включен в него не был.

Впрочем, мать Ленина М.А. Бланк, по словам В. Шамбарова, «происходила из семьи шведских евреев — по этой причине, судя по всему, у нее выработалась стойкая неприязнь к России, ее порядкам и традициям». Вряд ли брак между житомирским евреем и родившейся в России полушведкой-полунемкой мог создать семью шведских евреев.

А мать Н.К. Крупской, которая, как считает В. Шамбаров, «нацелила на путь революции» свою дочь, поскольку была, по его словам, урожденной Фишман, никогда не носила этой фамилии[3].

С особой силой В. Шамбаров настаивает на гибельности для России реформ. Представление о том, что промедление власти с их осуществлением привело к революции, он считает внедренным в историческую литературу «самими либералами и их зарубежными покровителями»[4].

Успехи России в мировой войне, считает В. Шамбаров, «вызвали новую волну тревоги в закулисных кругах Запада», боявшихся ее претензий «на роль мирового лидера». «Западные державы принялись вести "подкоп" под

---

[1] *Шамбаров В.* Нашествие чужих: заговор против империи. М., 2007. С. 5. 6. См. также его статью под заглавием: «Русский бунт, спланированный и осмысленный» в Литературной газете (2007, 1 авг. № 37). Среди книг *В.Е. Шамбарова* см.: За веру, царя и отечество (М., 2003); Оккультные корни Октябрьской революции (М., 2006). С одобрением отнесся он к Сталину и процессам 30-х годов (*Шамбаров В.* Нашествие чужих. С. 588–589).

[2] *Шамбаров В.* Нашествие чужих... С. 41.

[3] Там же. С. 26, 27. О происхождении В.И. Ленина и Н.К. Крупской см.: *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб., 2004.

[4] Там же. С. 124, 125.

свою союзницу», — пишет он. Но заявляя, что «условия для этого сложились более благоприятные, чем в 1905 г.», он подтверждает это такой представленной им картиной общественной жизни, которая не может быть определена иначе как революционная ситуация. «В период между войнами, — пишет он, — яд либерализма и "западничества" продолжал активно разъедать российское общество. Им оказалась уже заражена практически вся интеллигенция, студенты, гимназисты, служащие коммерческих предприятий, значительная часть дворянства, чиновничества. Бурному распространению разрушительных идей способствовали введенные в России конституционные "свободы", мощным центром оппозиции являлась Дума. От нее старались не отставать земства, клубы, дворянские и купеческие организации. Газета, в той или иной форме не критиковавшая власть, рисковала лишиться читателей. ...В "образованных" слоях общества оппозиционность царю и правительству отождествлялась с "прогрессивностью". Позиции Православия ослабевали. Многие стали считать его в лучшем случае "красивыми народными обычаями", в худшем — "реакционным" институтом, препятствием для мнимого "прогресса". Что уж говорить о прочности устоев веры и церковного авторитета, если, например, весной 1914 г. из 16 выпускников Иркутской духовной семинарии принять священнический сан решили лишь двое, а из 15 выпускников Красноярской семинарии — ни одного! Предпочли пойти по мирской линии — учителями, служащими, чиновниками. Часто восхищаются предреволюционным "серебряным веком" русской культуры. Бальмонт, Брюсов, Ходасевич, Блок, Андрей Белый, Соллогуб... Однако и эта культура была уже насквозь гнилой. ...А ведь они владели умами, за их стихами гонялись юноши и девушки, переписывали друг у друга»[1].

Приходилось ли закулисе при таких обстоятельствах себя утруждать? Не они ли составляли внутренние предпосылки к революции, отрицаемые В. Шамбаровым?

В том, что предпосылки эти существовали, нет сомнений и у некоторых других разоблачителей закулисы. Так, видный исследователь российской истории И.Я. Фроянов, приведя слова И.А. Ильина о «зложелателях» русского народа, «закулисных, идущих "тихой сапой"», далее пишет: «Однако было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых В.И. Лениным, как это зачастую изображают сегодня. И внешние силы, и партия большевиков лишь умело воспользовались сложившейся в стране реальной ситуацией, имеющей глубокие исторические корни. Закулиса и Ленин только подтолкнули сползающую медленно в пропасть старую Россию»[2].

У А. Байгушева признание исторической обреченности старого строя носит трагический для него самого характер. Отметив роль евреев в революции, он продолжает: «Для нас, русских, сейчас однако гораздо важнее разобраться,

---

[1] *Шамбаров В.* Нашествие чужих: заговор против империи. М., 2007. С. 113, 114.

[2] *Фроянов И.Я.* Октябрь семнадцатого. СПб., 1997. С. 8, 9.

почему еврейским лидерам типа Троцкого-Бронштейна или Ленина-Бланка удалось всколыхнуть массу призрачной мечтой о социалистическом рае на земле. Почему русская "соборность" оказалась столь наивно беззащитной перед большевистским экстремизмом? И еще мы должны честно сами перед собой ответить на вопрос: "Почему прогнили устои Соборной Монархии, за которую мы так держались? Почему она не устояла, рухнула под напором эсеровского терроризма и большевистского экстремизма?" Вопросы эти не по нашей теме. Но держать их в уме русскому националисту всегда надо. Неприятно. Но надо»[1]. Держать в уме и при этом отрицать?

Для литературы такого направления только что повторенное В. Шамбаровым отрицание исторических корней революции носит традиционный характер. Так, в 1990 г. в обращении движения «Национальное единство за свободную, сильную и справедливую Россию», подписанном А.П. Баркашовым и напечатанном в газете «Родные просторы», издававшейся с эмблемой свастики несколько измененной конфигурации, указывалось: «В начале XX века Россия, являющаяся последним реально не зависимым от транснациональной финансовой олигархии государством, обладала огромным духовным и экономическим потенциалом. Россия могла стать центром здоровых Европейских Наций, противостоящих "вечным разрушителям". Подобная консолидация означала бы окончательное решение якобы "неразрешимого" вопроса и установление порядка, обеспечивающего мир и процветание всем созидающим народам. Допустить такое развитие событий силы зла не могли, и на Россию были брошены все имеющиеся у них резервы, от золота до шизофреников-террористов. Тогдашний правящий слой России, оторвавшийся от национальных корней, развращенный с одной стороны лжехристианским мистицизмом, а с другой — поверхностным либерализмом, не смог выполнить своего долга перед Нацией и Государством и отстоять Национальную независимость. При помощи уже тогда существовавшей "пятой демократической колонны" Россия была ввергнута в Мировую войну против единственного своего потенциального союзника — Германии, за интересы своих потенциальных противников — Англии, Франции, США»[2].

Нетрудно убедиться в устойчивости «беспредпосылочной» трактовки происхождения и природы революционного процесса. Недаром С.Н. Семанов в 2002 г. настаивал на том, что книга Н.Н. Яковлева ничуть не устарела, а В. Ганичев и в 2006 г. считал, что в ней представлены «скрытые пружины организации Февральской и Октябрьской революций». Действительно, за 30 с лишним лет трансформация введенных в оборот с одобрения Лубянки исторических взглядов на судьбы старого строя свелась к некоторой модернизации образа врагов России. Если в 1970-х годах пропагандистские атаки против сионистов

---

[1] *Байгушев А.* Русская партия внутри КПСС. М., 2005. С. 156, 157. Острота чувств этого автора определяется тем, что он — поэт, а его историческая проза весьма разнообразна по тематике: одна из его книг посвящена хазарам, другая — партийной разведке КПСС.

[2] Родные просторы. 1990, нояб. № 7(7).

(слова «евреи» при этом избегали) и масонов носили организованный характер, то перестроечная свобода слова открыла для этого широкие возможности. В своем цитированном выше обращении А.П. Баркашов продолжает: «В результате февраля 1917 года и последовавших за этим событий, в России устанавливается диктатура оголтелых выкормышей международной финансовой олигархии под видом большевизма.

Все эти троцкие-бронштейны, зиновьевы-апфельбаумы, свердловы-аптекманы сторицей выплатили своим хозяевам средства, затраченные на подготовку Российской трагедии. Выплатили, не забыв при этом положить сотни миллионов на свои счета и на счета своих прямых наследников и последышей. Немало миллионов, видимо, получили они и как вознаграждение от своих хозяев за перекачку русских сокровищ на запад, а также за геноцид, который они осуществляли против Русского Народа.

Надо осознавать, что многие из сегодняшних "демократов" и "прорабов" перестройки являются прямыми потомками тех, кто грабил Россию. Стало быть, они являются и прямыми наследниками всего ими награбленного.

Другие же "флюгеры" перестройки, как правило из русских, просто хотели бы урвать свои крошки при дележе Русского пирога, а заодно потешить свои амбиции, тщеславие, поупражняться в словоговорении».

С полной безоговорочностью революционный процесс был представлен делом рук масонов и евреев в книге А.З. Романенко «Геноцид», изданной в Ленинграде в декабре 1989 г. ротапринтным способом с факсимильным воспроизведением подписи автора на каждой странице, «чтобы исключить подделки, на которые сионисты непревзойденные мастера». Книга эта и по сей день значится в Интернете как имеющаяся в продаже.

Февральская революция, по Романенко, совершена евреями и масонами, а сложившееся в результате ее двоевластие было разделением функций между масонами, составлявшими абсолютное большинство в составе Временного правительства, и «выходцами из среды еврейской буржуазии», возглавившими Исполком Петроградского совета. Керенскому инкриминировались не только еврейское происхождение, но и «яростная защита Менделя Бейлиса»[1]. Колебания Зиновьева и Каменева перед Октябрьским восстанием Романенко рассматривал как их помощь Керенскому, продиктованную общностью еврейских интересов.

«Накануне захвата власти в России в феврале 1917 г. сионистско-масонской верхушкой в стране насчитывалось 18 тысяч организованных сионистов, в мае 150 тысяч, к осени 1917 г. — около 300 тысяч», — основываясь на явно преувеличенных данных сионистских лидеров[2], писал Романенко[3].

---

[1] *Романенко А.З.* Геноцид. С. 18.

[2] См.: *Крапивин М.Ю.* Российская сионистская организация и советское государство в первые послереволюционные годы (1918–1920 гг.) // Россия и революция 1917 г.: опыт истории и теории: Материалы Всероссийской научной конференции (С.- Петербург, 12–13 ноября 2007 г.). СПб., 2008. С. 134

[3] *Романенко А.З. Указ. соч.* С. 19. Масоны были учтены применительно к 1917 г. почти без округления цифр: 25 тыс. лож с 2 358 000 членов (*Байгушев А.* Русская партия внутри КПСС. С. 149). А в «Родных просторах», 1990 г., № 6(6), сообщалось о том, что 24 мая 1917 г. 7-й Всероссийский сионистский съезд в Петрограде «взял курс на вооруженное восстание». Нелепость этого ясна и без пояснений.

Недовольствуясь устанавливаемым им числом евреев — руководящих участников революции, Романенко назвал Н.И. Бухарина Пинкусом, а В.М. Чернова объявил сионистом. Фамилия Ф.Э. Дзержинского снабжена пояснением в скобках — Фрумкин[1]. Жене М.И. Калинина эстонке Екатерине Ивановне Лорберг приписано, хотя и под вопросом, имя и отчество — Ася Моисеевна[2]. «Выходцами из еврейской буржуазной среды» оказались А.М. Коллонтай, И.Т. Смилга, Е.А. Преображенский[3]. Романенко усматривал еврейское происхождение у Берии и даже у Гитлера, фамилию которого — Шикльгрубер — он связал с денежной единицей Израиля — шекелем[4].

Разумеется, устраивавшие революцию враждебные России силы действовали вопреки отсутствию каких бы то ни было к ней предпосылок в самой стране. Таков был основной элемент монархической концепции революции.

Возрожденная в советских условиях, эта концепция, пройдя через промежуточные стадии, обернулась отрицанием не только существования предпосылок к революции, но и самой революции. Н. Стариков выступил с книгой под названием: «Февраль 1917 г. Революция или спецоперация?»[5].

При этом остаются незамеченными не только система социальных противоречий, существовавших в России, но и характер государственного строя, изменения которого при всей их значительности оказались неспособными вывести страну из затяжного политического кризиса. Преобразования 1905–1906 гг. — учреждение Государственной думы, создание так называемого объединенного правительства (Совета министров во главе с председателем), расширение свободы слова, печати, собраний и организаций — своей радикальностью подчеркивали архаичность общих устоев внутренней политики

---

[1] *Романенко А.З.* Геноцид. С. 31.

[2] Там же. С. 60.

[3] Там же. С. 28.

[4] Там же. С. 49, 55.

[5] «Гибель Российской империи в 1917 году,— гласит аннотация к книге,— не была случайностью, как не случайно рассыпался "Советский Союз". В обоих случаях мощная внешняя сила инициировала распад России. В обоих случаях эта сила прикрывалась фальшивыми одеждами "союзничества" и "общечеловеческих ценностей"». Изданная в 2007 г. с подзаголовком «Когда врут учебники истории», эта книга преследовала цель доказать, что Февральская революция — дело рук разведок союзных России стран. В том же году вышли и другие книги Н. Старикова. В одной из них такое же происхождение (как Февральской революции) приписывалось Октябрьской. Эта книга была озаглавлена «1917. Кто убил Россию?». Слова «Революция или спецоперация» здесь стали подзаголовком. Другая — «Преданная Россия. 1917. Революция или спецоперация» была снабжена подзаголовком: «Наши "союзники" от Бориса Годунова до Николая II». В аннотации к ней в частности говорилось: «Три столетия русской истории... неопровержимо свидетельствуют: все наши европейские "союзники" неизменно предавали нас при первом удобном случае. Впрочем, эти самые "случаи" они же и создавали. Не усвоив этого урока, России не избежать повторения былых ошибок и трагедий». «Преданная Россия» вышла под грифом «Мифы без грифа» с подзаголовком «Мифы и правда о наших союзниках». И, наконец, в 2008 г. появилась книга «От декабристов до моджахедов. Кто кормил наших революционеров?». «Прочитав эту книгу, — говорится в аннотации к ней, — вы поймете, что все без исключения подрывные организации России финансировались и пестовались иностранными спецслужбами. Вы познакомитесь с настоящими истоками и корнями трех русских революций. Эта книга для тех, кто никогда больше не желает допустить развала нашей страны».

власти и тех способов государственного управления, которым она была приверженa[1].

Здесь специально не рассматривается развитие рабочего и крестьянского движения. Приводятся лишь некоторые сведения и соображения современных исследователей этих вопросов.

Составители «Хроники рабочего движения» за 1895–1904 гг., изданной в 10-ти томах (16 выпусках) в 1992–2008 гг. (редколлегия: Н.А. Иванова, Ю.И. Кирьянов, В.П. Козлов, С.В. Мироненко, Т.Ф. Павлова, С.И. Потолов, И.М. Пушкарева, А.Н. Сахаров, А.Р. Соколов, В.В. Шелохаев, В.А. Шишкин), установили такое число рабочих выступлений, которое в неожиданно большом размере превысило приводившиеся до сих пор в литературе данные[2].

Историк сибирского крестьянства констатирует наряду с отменой правовых ограничений крестьянского сословия после первой русской революции: «В годы Первой мировой войны появились новые черты поведения крестьян, вызванные новыми социально-политическими условиями. В селах региона в 1914–1916 гг. прошли настоящие бунты крестьян, которые призывались в армию. Они громили волостные правления, нападали на лесных объездчиков, сельских старост и других должностных лиц, разбивали сельские лавки, совершали порубки кабинетского леса, поджигали собранный в снопы хлеб у "богатеев". Антигосударственные, антивоенные настроения и выступления были присущи в то время крестьянам всей России. С такими настроениями, в таком возбужденно-напряженном состоянии западносибирские крестьяне и

---

[1] Видный американский исследователь А. Рабинович пишет о Февральской революции как «выросшей из политической и экономической нестабильности, технологической отсталости и глубоких социальных противоречий довоенной России, усугубленных серьезными просчетами в управлении страной в военный период, чередой военных поражений, развалом экономики и небывалыми скандалами, окружавшими царскую семью» (*Рабинович А.* Большевики у власти. М., 2007. С. 24). Вот как он представляет эволюцию взглядов американских историков на революционный процесс 1917 г. в России. «На пике "холодной войны"... глубоко укоренившаяся ненависть к коммунизму и Советскому Союзу, — пишет он, — еще более укрепила общепринятое мнение о том, что в Октябре 1917 г. естественное поступательное движение России к либеральной демократии западного образца было прервано блестяще осуществленным государственным переворотом, лишенным какой бы то ни было поддержки снизу. Целью этого военного переворота, как считалось, было создание той самой ультра-авторитарной централизованной политической системы, в которую быстро выродилась Советская власть. Поэтому естественно, что чаще всего читатели моих работ задаются вопросом, как я сумел отойти от этой концепции и увидеть в событиях, кульминацией которых стало свержение прозападного Временного правительства и победа большевиков, подлинно народную революцию, движимую эгалитарными целями. Ответ очень прост. Распространенный взгляд на русскую революцию и, особенно, на ее итог как на блестяще организованную узким кругом людей военную операцию, нацеленную на установление авторитарного, иерархического, исключительно большевистского режима, опровергался свидетельствами первичных источников — даже того узкого круга, который в ту пору был мне доступен: это, в первую очередь, газеты того времени, опубликованные документы и мемуары. Неслучайно начиная с середины 1960-х гг. очень многие, если не большинство молодых западных историков, работавших независимо друг от друга над темами, связанными с революционной Россией, пришли к такому же выводу» (Там же. С. 10).

[2] См.: *Пушкарева И.М.* Возвращение к забытой теме. Массовое рабочее движение в начале XX века // Отечественная история. 2007. № 2. С. 105.

подошли к событиям 1917 г.»[1]. И это несмотря на то, что реформаторский процесс и в аграрной области, и в сфере городского и земского самоуправления продолжался[2].

Борьба с революционным движением и революционным терроризмом велась с помощью полицейской провокации, питавшей их и усиливавшей, а то и подменявшей. Именно так представляли себе происходившее И.И. Толстой и другие наиболее осведомленные современники. При этом политическая полиция выходила далеко за пределы своего официального предназначения[3].

Разоблачения Азефа и Малиновского нанесли непоправимый ущерб репутации старого строя в глазах его сторонников, а опубликование в 1917 г. списков провокаторов и продолжавшиеся еще лет пятнадцать споры между участниками революционного движения с обвинениями в связях с охранкой, иногда взаимными, задним числом подтвердили распространенность этого явления.

Как представляется, не обошлось без провокации и в развитии роковых для старого строя февральских событий 1917 г. Вечерней телеграмме царя 25 февраля, заставившей петроградское военное начальство открыть на следующий день стрельбу по прохожим на углу Невского проспекта и Знаменской площади, которая и привела к восстанию гарнизона 27 февраля, предшествовало 25-го заседание ПК большевиков. В составленном о нем агентурном донесении были расписаны как намеченные на 27-е взрывы, поджоги и т. п., о которых, по-видимому, говорил на заседании сам составитель донесения для придания ему значительности[4].

Не возвращаясь к вопросу о том, переживал ли старый строй кризис, превратившийся в условиях мировой войны в катастрофу, следует лишь напомнить, что полицейская опытность П.Н. Дурново дала ему возможность в начале 1914 года предупредить о неизбежности такого исхода[5]. Война оказалась роковой как для Российской, так и для боровшихся с ней Германской и Ав-

---

[1] *Буянова Л.Л.* Общественно-политическая жизнь крестьянства Западной Сибири в революции 1917 г. Автореф. дисс. на соиск. степени канд. ист. наук. Томск, 2007. С. 15.

[2] См.: *Китанина Т.М.* Земские традиции в инфраструктурной реконструкции российской деревни накануне Первой мировой войны // Государство и общество в России. XV—начало XX века. Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2008. С. 442–449; *Гинев В.Н.* Вопрос о волостном земстве в IV Государственной думе (Разработка законопроекта в думской комиссии по местному самоуправлению) // Там же. С. 431–441; *Нардова В.А.* Проблема общероссийской городской реформы (Законодательное предположение тридцати семи депутатов Государственной думы и власть). 1913–1916 гг. Там же. С. 450–470.

[3] См.: *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993; *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000; *Лурье Ф.М.* Политический сыск в России. 1649–1917. М., 2006.

[4] *Ганелин Р.Ш.* 25 февраля 1917 г. в Петербурге. С. 94–100; Его же. О происхождении февральских революционных событий 1917 г. // Проблемы всемирной истории: Сборник статей в честь Александра Александровича Фурсенко. СПб., 2000. С. 172–179; *Соловьева З.П., Ганелин Р.Ш.* Воспоминания Т. Кирпичникова как источник по истории февральских революционных дней 1917 г. в Петрограде // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г. Л., 1989. С. 178–195.

[5] О предупреждениях такого рода см.: *Урилов И.Х.* История Российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 4. М., 2008. С. 262, 263, 335.

стро-Венгерской империй[1]. Потрясший весь мир революционный переворот в России, небывало кровопролитный характер Гражданской войны и установившегося в ее результате советского строя, трагическая судьба миллионов, принадлежавших ко всем национальностям и слоям населения страны, не могут быть объяснены без изучения характера всего ее исторического развития и отнесены за счет чьих бы то ни было происков.

Как отвечающая интересам нынешней российской власти рассматривается и концепция Б.Н. Миронова, исходящего из того, что Россия благополучно прошла бы через процесс общей модернизации, экономической, политической и правовой, если бы не либералы и революционеры. Такое мнение отражено в недавно вышедшем номере журнала Ab Imperio (3/2008), специальный раздел которого посвящен работам Б.Н. Миронова. В нем содержатся ссылки на обсуждения этих работ в США и в России еще в 2002 и 2004 гг.

«Русские европеисты» (выражение авторов журн. Ab Imperio, относящееся к участникам «круглого стола» в редакции журн. «Одиссей») видели у Б.Н. Миронова, по словам Б. Эклофа, «страстную и патриотическую (но не националистическую) картину российской истории, приемлемую как для ученой, так и для непрофессиональной аудитории». Они отводили ему второе место в русской историографии после В.О. Ключевского и ставили в заслугу то обстоятельство, что конструируемое им для России «“полезное прошлое” является сегодня еще и жизненно важной политической задачей, необходимой для стабильности и са́мого выживания России, а также для того, чтобы бороться с почвеннически-

ми течениями, которые появились в ответ на уменьшение места в России в мире

---

[1] «Может быть, без достаточных оснований, но почти все думают, что мы будем биты, — писал 5 июля 1914 г. в своем дневнике ставший впоследствии выдающимся биологом А. С. Серебровский. — Что Тройственное соглашение окажется в барышах, что Австро-Венгрия доживает последний год, что Германия будет республикой с ужасно побитой физиономией — в этом никто не сомневается. Но, что мы будем побиты — в этом тоже — увы — почти никто не сомневается, не знаю почему.. Лично я тоже думаю так... может быть, оттого, что слишком люблю Россию, для того чтобы желать ей сейчас победоносной войны. Для нее победоносная война равносильна возврату в далекое прошлое. Проигрыш в войне — лишний шаг вперед к светлому будущему» (Неизвестное об известном биологе. Из дневниковых записей А.С. Серебровского / Публ. и примеч. *Р.А. Фандо* // Вестник РАН. Т. 78. № 3. 2008. Март. С. 256–257). Пораженчество А.С. Серебровского не сделало светлым его будущее. В 1930–1940-х гг. он был объявлен антимарксистом и меньшевиствующим идеалистом, а 26 апреля 1945 г. его дочь А.А. Серебровская, добровольно ушедшая на фронт и погибшая в этот день, отправила родителям письмо со словами: «Что бы со мной ни случилось, вы должны не печалиться, а гордиться мной, ведь не каждому выпадает на долю смерть за нашу великую родину» (Там же. С. 262). Связь между своим отношением к власти и любовью к России А.С. Серебровский объяснил в уже цитированной дневниковой записи 5 июля 1914 г. несбывшимися ожиданиями реформ. «Я сейчас — солдат, — писал он. — Вчера Москва торжественно встречала своего Монарха... Многие, многие из тех, кого знаю, встречали, ждали манифеста уравнения национальностей. Евреи ходили с торой, пели: “Боже, царя храни“. Кое-какие интеллигенты кричали “ура“, когда царь проехал. Все эти ожидания оказались ерундой. У них не хватило государственной мудрости. Они могли бы одним взмахом пера утвердить на многие лета свой трон, создать себе верную Россию, купить симпатии народа, вплоть до интеллигенции включительно. Они могли достигнуть действительного единения народа с правительством. О, я знаю, что и я пошел бы воевать с другим чувством, с другим состоянием духа. Иные бы лица замелькали в числе манифестантов, не так слабо и хило грянулось бы “ура“ на улицах. Они довели ожидания до высшего напряжения, заставили подняться на “манифест“ даже трамвайного вагоновожатого и ничего не дали» (Там же. С. 256). Как видим, пораженческие настроения были присущи не только большевикам.

после краха Советского Союза»[1]. Между тем в «Одиссее» (2004) находим ряд в высшей степени обоснованных критических отзывов по этому поводу, начиная с чрезвычайно глубокой обстоятельной статьи И.М. Супоницкой.

Придание концепции Миронова утилитарно-политической функции иначе оценивает в том же номере «Ab Imperio» У. Розенберг, стоящий на более академической позиции. Он отмечает, что «мироновская конструкция прошлого... исключительно "удобна" для легитимизации таких форм российской "европеизации", которые часто носят скорее идиосинкразический характер...»[2].

Я остановился на работах Б.Н. Миронова, как связанных с такой тенденцией в постсоветской историографии, в которой усматривают отрицание советской. Однако стремление придать им канонический характер имеет чисто советские черты, как отмечает У. Розенберг. Добавлю, что при всей условности такого сопоставления кое-что из происходящего под современным названием «смена парадигм» вокруг Б.Н. Миронова сродни кампании семидесятилетней давности, связанной с насаждением «Краткого курса истории ВКП(б)».

Изучение российского революционного процесса продолжается в новой России на современной научной базе в тесной связи с исследованием отечественной истории как важнейшей части всемирной.

***

До 1960-х гг. западная литература о Февральской революции находилась под влиянием многочисленных мемуаров, а также биографий Николая II, Александры Федоровны и Распутина, впрочем, этот пласт сочинений благополучно существует до сих пор, а с конца 1980-х гг. — и на книжном рынке территорий бывшего СССР. В первые десятилетия после 1917 г. в целом в западных оценках событий революции и конца империи доминировали взгляды литературы эмиграции, а также (и особенно в англоязычных исследованиях) школы Бернарда Пэрса[3]. Б. Пэрс во время Первой мировой войны в качестве корреспондента «Daily Telegraph» находился на русском фронте, в 1919 г. был представителем правительства Великобритании при адмирале Колчаке и в том же году стал профессором и возглавил Школу славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета. С 1922 г. редактировал журнал «Slavonic Review».

Вообще же до Г.М. Каткова[4] и Нормана Стоуна[5] большинство западных, прежде всего, англоязычных исследователей крайне редко обращались к многочисленным советским документальным и исследовательским публикациям

---

[1] *Eklof Ben.* By A Different Yardstick // Ab Imperio. 3/2008. С. 292, 310, 314, 315.

[2] Там же. С. 358.

[3] *Pares Bernard.* The Fall of the Russian Monarchy. London, 1931; New York: Alfred A. Knopf, 1939; New York: Vintage, 1961.

[4] *Katkov George.* Russia 1917: The February Revolution. London: Longmans, 1967.

[5] *Stone Norman.* The Eastern Front, 1914–1917. London: Hodder and Stoughton, 1975.

межвоенного периода[1]. Русские издания книги Г.М. Каткова (Париж, 1984) и особенно вышедшие в России: второе и третье (М., 1997, 2006), — работы, оказавшей серьезное влияние на западную историографию, повлияли и на современную российскую. Автор — эмигрант, внучатый племянник М.Н. Каткова. Его исследование стало как бы опровержением советской историографии. В основе представлений Г. Каткова лежит противопоставление народного бунта и тех, кто стремится воспользоваться его плодами. То есть массовое движение само по себе, а либералы лишь «систематически, хотя и непреднамеренно», пролагают ему дорогу (С. 414). Это они сформировали в обществе убеждение, что самодержавная власть не в состоянии справиться с тяготами войны (С. 414, 415), придумали легенду о заговоре «темных сил» (С.416), о планах сепаратного мира (С. 168, 169). Г.М. Катков полагает, что Февральская революция в России не имела глубинных причин, так как недовольство «низших классов» к 1915 г. «стало менее напряженным вследствие увеличивавшейся социальной мобильности и новых надежд на улучшение положения крестьян и промышленных рабочих» (С. 18). Происхождение народного выступления автор ищет в заговорах против власти. «За кулисами восстания» он находит прежде всего немецких агентов, А. Парвуса (С. 412, 413). Г.М. Катков пытается связать их усилия с забастовкой на Путиловском заводе в начале 1916 г. (С. 103, 262), хотя признает, что не может подтвердить это документально. Сепаратный мир, масоны, «заговор генералов», Распутин и камарилья не играют в книге Каткова сколько-нибудь заметной роли.

Сама революция предстает у Г.М. Каткова в большей части как набор различных событий, между собой мало связанных. Получилась стихия улицы и не готовая к этому власть, атакуемая к тому же оппозицией (которая революции совсем не хотела).

Самое обстоятельное англоязычное исследование о Февральской революции принадлежит перу Ц. Хасегавы[2]. В отличие от Г. Каткова и другой западной литературы (p. XIV), он рассматривает революцию в столице как восстание масс, а не как результат заговора или недовольства либералов, в этом он оказался близок советской историографии, являя собой пример ранней конвергенции взглядов. Автор склонен искать фундаментальные причины революции в политических (отказ либерального общества от самодержавия) и социальных (восстание масс) процессах (p. XIII). От взглядов советских историков Ц. Хасегаву отличает признание стихийности революции и не обнаруженная им руководящая роль большевиков.

Сама революция предстает под пером Ц. Хасегавы как ряд самостоятельных конфликтов: масс и самодержавия, «общества» и «государства» (p. 569), масс и привилегированного общества (p. 575). Из этого логично вытекает утверждение, что у революции не было единого руководящего центра (p. 580): либералы стремились не допустить массового бунта (p. 584, 585), пролетариат

---

[1] См.: Researching World War I: A Handbook / Robin Higham with Dennis E. Showalter, eds. Westport, Conn.; London: Greenwood Press, 2003. P. 167.

[2] *Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Univ. of Washington Press, Seattle and London, 1981.

же был индифферентен к противостоянию либералов с самодержавием (р. 96). Ц. Хасегава, уделяя весьма большое значение рабочему движению, вообще не склонен усматривать в его забастовках политические мотивы. Революционеры (меньшевики) сумели объединить лидеров протестного движения в Петросовет уже после победы толпы на улицах. Всякого рода заговорам, масонам Ц. Хасегава не придает существенного значения, хотя и признает их существование.

Ход революции Ц. Хасегава рассматривает по дням (с 23 февраля до 3 марта), рисуя картину быстро растущей рабочей волны. Переломным днем революции он считает 26 февраля: стало очевидно, что войска не желают подавлять массовые протесты (р. 228). То есть достаточно их продолжать — и сопротивление ослабнет. Соответственно, залог успеха революции — массовое движение. Оборотная сторона — это слабость власти. Царь жил в своем мире, который был далек от реального (р. 507).

К сожалению, у автора нет ни отдельного историографического, ни источниковедческого вступления. Вводные главы не оригинальны, повторяют оценки других авторов, как советских, так и англоязычных.

В общем, Ц. Хасегава весьма близок советской историографии, особенно к Э.Н. Бурджалову[1]. Однако его работа не оказала существенного влияния ни на англоязычную, ни на российскую историографию.

В последнее время борьба с «мифами» прошлого в России приобрела организованный и откровенно лженаучный характер. Предыдущая историография, какого бы уровня она ни была, оказалась, по сути, забыта. Ей на смену выдвинуты весьма бойкие по стилю, но крайне убогие по части аргументов сочинения, содержащие государственно-патриотический посыл о славном прошлом России во все времена, ее проблемы же всегда были результатами происков различных внешних сил. Нет смысла пересказывать «ход мысли» разного рода «писателей-историков», но следует пояснить, каким образом, с помощью каких приемов получаются «разоблачения». Конечно, они не имеют ничего общего с подлинным исследованием, призваны придать хотя бы некоторую видимость «доказанности» ряда тезисов, не отражающих историческую реальность, но показавшихся удобными сегодня для создания «нужной» картины прошлого.

Одной из целей «борцов за историческую правду» стала история революций в России, особенно — Февральской 1917 г. Пересмотр ее причин, скрытых пружин стал темой для доброго десятка псевдоисследовательских книг. В частности, на этом историческом переломе специализируется некто Николай Стариков, неустанно переиздающий свои «мысли», призванные объяснить «подлинные» причины свержения самодержавия в России[2]. К сказанному о нем выше (С . 32) следует кое-что добавить.

---

[1] *Bonwetsch, Bernd.* Die russische Revolution 1917: eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991. S. 121. Бернд Бонвеч в этой, весьма важной монографии, рассматривает революцию 1917 г. в рамках влиятельной в 1980-х гг. школы «социальной истории» в совокупности предпосылок революции, начиная с реформы 1861 г.

[2] Название говорит само за себя: *Стариков Николай.* Февраль 1917: Революция или спецоперация? М., 2007. Изд. второе, переработанное и исправленное. В книге отсутствуют сноски, только в конце приведен список литературы на двух страницах исключительно на русском языке.

Автор ставит перед собой «простой и ясный вопрос»: «Кто убил Российскую империю?» (С. 5). Таким образом, революция сразу объясняется не внутренними, а внешними процессами — ведь речь не идет о самоубийстве. Сразу же в предисловии дается и ответ: Россию «убили» «союзники» по Антанте (С. 6).

Читателю обещано: «Эта книга связывает воедино тысячи фактов и совпадений. И объясняет их» (С. 7). Разумеется, ничего подобного в ней нет, весь расчет делается на неосведомленного читателя, который будет полностью доверять «писателю». Для обоснования же «убийства» Российской империи автор, как и другие его единомышленники по «новой» версии революции, прежде всего напускает на историю максимальный туман: «Февраль семнадцатого — это странные и таинственные события» (С. 28). Таинственность нужна, чтобы искать объяснения происходившему исключительно в заговорщической деятельности. «На улицах Петрограда простой хлебный бунт? Нет, простых бунтов такого размаха не бывает!» (С. 62). Оказывается, рабочие выступления в начале 1917 г. организовали не немцы, как полагал в 1960-е гг. наивный историк Г. Катков, а англичане. Обоснования такого «открытия», впрочем, не приводятся, кроме «предсказаний» Пилсудского (С. 36, 37). Зато есть заключение, что «ни военно-стратегических, ни экономических причин для бунта у русского населения в феврале 1917 года не было» (С. 40), и общие рассуждения, что союзники по Антанте не были заинтересованы в победном шествии России (С. 42).

Для более взыскательного и продвинутого в области истории читателя неутомимый борец с загадками истории выпустил в 2012 г. новое издание, содержащее уже сноски и даже увеличенный до четырех страниц список литературы (впрочем, также исключительно на русском языке)[1].

В новом сочинении прежний идейный набор автора был несколько усложнен. Поэтому вслед за сетованием на необъяснимость февраля 1917 г. (С. 5) следует неожиданное признание: революция не поддается планированию (С. 7) — т.е. теория заговора не работает. Впрочем, автор спешит «исправиться»: «Но это не значит, что планов устроить внутренний взрыв в России и тем самым “убрать” геополитического конкурента не существовало» (С. 7) и сползает на привычную уже мысль: во всем виновата Англия (С. 19). Однако она сопровождается уже вторым удивительным признанием: «Скажу сразу: прямых доказательств финансирования англичанами и французами Февральской революции и заговора против русского царя нет» (С. 43). А что есть? «Есть огромное количество намеков, ссылок в различных книгах, наблюдений и логических выводов. Но именно логика событий, поступков и действий неопровержимо подтверждает, что это они организовали и оплатили уничтожение русского государства» (С. 43). Вот так, фактов нет, но авторской логики, разумеется, вполне достаточно для того, чтобы закрыть этот досадный пробел в «новой версии» происхождения русской революции. Конечно, более наукообразная форма не делает сочинение Н. Старикова убедительнее. Она придана, как можно догадываться, для того, чтобы вдохнуть вторую жизнь в

[1] *Стариков Николай.* 1917. Разгадка «русской» революции. СПб., 2012.

«сотворенную легенду», чья актуальность несколько померкла вместе с борьбой против «цветных революций». Похоже, метод «опрокидывания политики в прошлое» борцы за стабильность политического строя России решили сделать универсальным и сегодня.

Другой, весьма тиражируемый в последнее время сочинитель, имеющий даже ученую степень кандидата исторических наук, П.В. Мультатули, сразу придает своим книгам весьма наукообразную форму[1]. И по размеру, и по оформлению (наличие постраничных сносок, отсылки к архивным документам) они весьма напоминают исследование. Правда, не по содержанию.

П.В. Мультатули использует те же приемы, что и Н. Стариков. Так, часто неисследованными или таинственными объявляются вопросы, которые давно и хорошо известны в историографии. Например, обстоятельства отречения царя «до сих пор покрыты завесой тайны» (С. 5), несмотря на существование массы документальных и мемуарных свидетельств. С отбытием царя в Ставку 23 февраля «события вокруг государя приобретают таинственный и запутанный характер. Возникает множество вопросов, на которые чаще всего нет ответов или эти ответы недостаточны» (С. 340). «Возникающие вопросы», в большинстве случаев без всякого основания, нужны для того, чтобы начать копаться в несущественных деталях, выискивая малейшие несоответствия или противоречия. «Остается непонятным: был доклад царю долгим или нет, почему Мордвинов отрицает царскую прогулку, а Дубенский ее подтверждает» (С. 383). Там же где и их нет, включается фантазия. Тогда вообще все объявляется странным, необъяснимым. «Странные разговоры вел Дубенский по прибытию в Ставку. Не менее странными были ответы высших ее чинов» (С. 353) и т. д. Понятно, что при таких формулировках вопросов получение на них корректных ответов и не предполагается.

Другой прием — обвинение всех источников во лжи. «Лгали революционеры, лгали думские оппозиционеры, лгали царедворцы, лгали генералы Ставки, лгали английские лорды и американские бизнесмены, лгали большевистские историки и либеральные писатели» (С. 8). Зачем лгали? — «чтобы никогда более не допустить возрождение державной исторической России» (С. 8). Для обвинений во лжи П.В. Мультатули собирает всевозможные свидетельства, сопоставляет их, не оценивая их достоверности, обнаружив любые разночтения, заключает: всюду ложь. Но ложь — это сознательное введение в заблуждение. Речь же идет о частых несовпадениях в деталях, так как хорошо известно, что абсолютно идентичную информацию содержат только сфальсифицированные источники. Удивительное дело — сам П.В. Мультатули не только не стремится в большинстве случаев поймать «лжецов» за руку, но и охотно пользуется их «лжесвидетельствами» для подкрепления собственных измышлений. Это также характерный прием, но крайне примитивный: если все кругом лгут, то сочинение П.В. Мультатули, построенное на чужой лжи, также является лживым. Однако такие пустяки не смущают автора. Для него неоспоримыми авторитетами и источником несомненных сведений вы-

[1] *Мультатули П.В.* Отречение, которого не было. М. 2010. Доп. тираж 1500. Подписано в печать 03.08.2010.

ступают такие одиозные сочинители как Дуглас Рид (С. 99), В.Е. Шамбаров (С. 101), Т. Грачёва (С. 115) и им подобные. Разумеется, они, а также другие сочинители мифа о заговоре против России пишут исключительно правду: «необходимость революции именно весной 1917 года остро ощущали все союзники оппозиции: русские революционеры, масоны, американские банкиры, иллюминаты, сионисты и германские правящие круги» (С. 6). Так Первая мировая война превращается из конфликта двух блоков в войну всех против России. Для подтверждения столь смелого заключения в дело вступает такая же, как у Н. Старикова, «авторская логика»: к концу 1916 г. Россия играла «главную роль» в Антанте, настолько главную, что «на Западе поняли: Россия способна самостоятельно выиграть войну» (С. 88), а после «будет играть ведущую роль» и станет главной сверхдержавой грядущего мироустройства» (С. 89). Надо ли говорить, что эти фантазии, приписываемые «союзникам» по Антанте, не имеют никаких документальных подтверждений.

Из версии о всеобщем заговоре против России уже прямо вытекает, что Февральская революция не могла быть результатом массового, да еще и стихийного движения, нехватки хлеба и т. п. (С. 90). Забастовки в Петрограде 23 февраля у П.В. Мультатули организованы, за ними стояли «отряды боевиков», созданные Я. Шифом и Л.Д. Троцким в Нью-Йорке! (С. 357–361). Поэтому автор «с уверенностью» констатирует: «события февраля 1917 года были не стихийным выступлением рабочих, а целенаправленной подрывной акцией с целью свержения существующего строя, организованной группой лиц, в которую входило военное руководство заводами, ряд банкиров и политиков во главе с Керенским. Эта группа действовала в интересах группы американских банкиров» (С. 362). Оказывается также, что наше прошлое отлично объясняется настоящим. «Сегодня на примере целого ряда “бархатных”, “цветных” и “цветочных” революций особенно становится понятно, что никакой государственный переворот, никакая революция не могут происходить стихийно, сами по себе. Они всегда требуют для своего успешного осуществления наличие мощной организации, влиятельных сторонников и, главное, большого количества денег. Все эти составляющие мы видим на примере Февральского переворота» (С. 93). Читатель же может продолжить и легко установить, зачем и почему именно сейчас в России пишутся и печатаются значительными тиражами подобные псевдоисторические сочинения.

Сама же книга призвана доказать, что отречение Николая II — это миф. Манифест об отречении был составлен в Петрограде, подпись царя подделана и подпись В.Б. Фредерикса тоже, а дата проставлена позднее (С. 592). Царь писал об этом в дневнике? Так дневник фальшивка (С. 609)! И заодно «переписка царя и царицы, полностью или частично, фальсифицирована» (С. 252).

П.В. Мультатули бесхитростно довел до карикатуры «новую версию» Февральской революции, иначе и не могло быть с такими «исследовательскими» и «источниковедческими» приемами. Можно только с сожалением констатировать, что именно эта карикатурная версия конца Российской империи является ныне весьма тиражируемой, заглушая голос профессиональных исследователей.

****

Читатель имеет возможность убедиться в том, что крах в конце Первой мировой войны Российской империи, судьбу которой, разумеется, не случайно, разделили Австро-Венгерская и Германская, был вызван недостаточностью попыток власти приспособиться к политическим и управленческим потребностям модернизации всех сторон общественной жизни. Между тем представление о том, что дореволюционный строй отвечал чаяниям народа и требованиям времени, одобренное андроповским руководством КГБ, оказалось весьма устойчивым. По мнению Б.Н. Миронова, например, «теперь многие сознают: вряд ли в феврале 1917 г. стоило торопиться со свержением монархии», как и с тем, что произошло в октябре того же года. «Самым убедительным доказательством этого» он считает представляющийся ему почему-то несомненным тот «факт, что в начале 1990-х гг. свергнутый в 1917 г. строй пришлось реставрировать»[1].

Не вступая здесь в полемику о смысле событий начала 1990-х гг., сошлемся на материалы дискуссии «Февральская революция 1917 г. в российской истории» (Отечественная история. 2007. № 5. С. 3–30) и статью Н.Н. Смирнова «Февраль и российская государственность» (Россия в XIX–XX вв. Сборник статей к 70-летию Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 310–315).

Обратим здесь внимание читателя на академическую оценку представлений о Февральской революции, появившуюся, когда работа над этой книгой уже завершилась. Она содержится в очередном томе труда академика И.Х. Урилова «История российской социал-демократии (меньшевизма). Часть пятая. Звездные и трагические дни партии. (Февраль 1917 – январь 1918 г.)». (М., 2013. С. 85 и след., passim.).

Дав сопровождаемый аналитическими соображениями перечень новейшей литературы о природе Февраля, И.Х. Урилов приводит слова сожаления об этом событии таких исследователей как В.А. Никонов, И.Я. Фроянов, Ф.А. Гайда. Он сопоставляет между собой две противоречащие одна другой оценки, данные А.И. Солженицыным, рассматривает взгляды на Февральскую революцию ветеранов русского революционного движения, приводит слова И.А. Бунина, относящиеся ко всем революциям, включая Февральскую: «В человеке просыпается обезьяна». И.Х. Уриловым отмечено и влияние эмигрантской литературы на советскую и постсоветскую историографию.

В целом же нельзя недооценивать роль социалистического движения в российской истории XX века, как и значения социалистической мысли в исследовании ее путей.

Р.Ш. Ганелин при участии С.К. Лебедева и И.В. Лукоянова (стр. 36–41)

---

[1] *Миронов Б.Н.* Страсти по революции. Нравы российской историографии в век информации. М., 2013. С. 96.

ГЛАВА II

РЕВОЛЮЦИЯ В ПЕТРОГРАДЕ: ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Начало рабочих выступлений в столице

Февральский исторический рубеж до сих пор имеет неясные очертания. Вся обстановка событий породила нехватку источников. Печать придавлена цензурой, а затем — в решающие дни — вовсе не выходят газеты; чиновникам не до бумаг, а написанное ими — обращает в пепел яростная толпа; интеллигентные наблюдатели предпочитают отсиживаться дома, получая сведения случайно, от побывавшей на улице прислуги или от знакомых по телефону. Плюс еще нынешний бесконечный кризис исторической профессии: отвергается старомодная вера в «несокрушимые» «абсолютные доказательства» — в убедительность «нескольких цитат»[1], распространяется равнодушие к сути предмета: до истины все равно не докопаешься; уловить какие-то «образы», оттенки «дискурса» — уже успех. Обычное дело, когда политические пристрастия текущего дня заставляют обрубать, менять местами звенья событий прошлого.

Это только далекому от специальных занятий историей деятелю 1917 года простительно было удивляться разнице между тем, что он сам видел, и тем, что довелось впоследствии прочитать о первых днях революции...

Первым ее днем считается 23 февраля. Размышляя о пережитом, эсер В.М. Зензинов поражался тому, что «нигде в литературе... не упомянуто» о делегациях путиловских рабочих — «очень важном эпизоде, свидетелем которого я был»[2]. Речь идет о посещении 22 февраля представителями путиловцев председателя думской фракции трудовиков А.Ф. Керенского (другая делегация одновременно разыскивала председателя социал-демократической фракции Н.С. Чхеидзе) с предупреждением о том, что настал момент расчета с самодержавием.

Обращение рабочих к Керенскому выглядит естественным ввиду ряда его выступлений в Думе с критикой думского большинства за антирабочую политику и с настойчивыми упреками и угрозами: «Терпение масс начинает истощаться», — сказал в частности Керенский; вопрос о власти «в близком будущем... будет поставлен весьма решительно», так что «вам нужно дать себе определенный ответ на вопрос, с кем вы»; но «вы не хотите слышать никого,

---

[1] *Melançon M.* Rethinking Russia's February Revolution: Anonymous Spontaneity or Socialist Agency? Pittsburgh, 2000. P. 36.

[2] *Зензинов В.М.* Февральские дни // Новый журнал. 1953. № 34. С. 196, 198.

кроме себя», и скоро «не услышите предостерегающих голосов» и «встретитесь уже не с предупреждением, а с фактами»[1].

Рабочие, явившиеся в редакцию «Северных записок» (Зензинов был секретарем редакции; Керенский сотрудничал в этом издании), сказали ему, что «считали своим общественным долгом предупредить обоих депутатов[2] (к А.Ф. Керенскому они каждый раз обращались со словами — "гражданин депутат") о серьезности создавшегося положения и о том, что они "слагают с себя ответственность за могущие произойти последствия". Таковы были буквально их слова. О себе сказали, что поручение это "к обоим депутатам" им дано забастовавшими рабочими... Делегаты заявили А.Ф. Керенскому, что начавшаяся забастовка не носит частного характера и что дело тут не в экономических требованиях, также и не в продовольственных затруднениях — рабочие сознают, что это начало какого-то большого политического движения, и они считают своим долгом предупредить об этом депутата. Чем это движение кончится, они не знают, но для них, по настроению окружающих рабочих, ясно, что произойти может что-то очень серьезное». Они «говорили спокойно и твердо, и это спокойствие лишь подчеркивало серьезность сообщаемого... То были настоящие вестники грядущей революции».

Зензинов чистосердечно признал, что тогда «этому визиту не придал особого значения», не увидел сразу, что сделанное предупреждение было «в полном смысле слова историческим», и позднее «удивлялся пониманию момента», проявленному рабочими. Он объяснял это «тем, что они были у самых истоков начавшегося движения и чувствовали, насколько уже тогда была раскалена атмосфера в рабочих кругах Петрограда»[3]. А.Г. Шляпников (в Феврале — фактический руководитель Русского бюро ЦК большевиков), имевший представление об этой атмосфере, свидетельствовал, что «для многих, особенно для руководителей революционной работой в Петрограде, для членов Петроградского комитета, становилось ясно, что эта стачка крупнейшего завода не только Петрограда, но и всей России будет иметь громадные последствия»[4].

Содержание беседы изложил и Керенский. Согласно его рассказу (речь в Думе 23 февраля), делегаты от рабочих, «представлявшие сливки петербургского Путиловского завода», обратили его внимание на то, что движение на заводе переходит в новую стадию: «Они просили меня передать вам», что «сделали все, чтобы этого закрытия завода вчера не последовало... они даже согласились вернуться на работу на старых условиях».

Из этого можно заключить, что до 22-го в рабочей среде имелись разногласия, более умеренно настроенная ее часть («сливки») в то время не желала останавливать завод забастовкой. Чтобы не допустить этого, «руководящие

---

[1] Русские ведомости. 16, 19.II.1917.

[2] Керенский по телефону назначил им встречу в редакции в 7 вечера. Слова о поручении к «обоим депутатам» заставляют думать, что к двум рабочим, явившимся в редакцию «Северных записок» первоначально, добавились разыскивавшие Чхеидзе; по словам Зензинова, всего их было пять-шесть человек.

[3] Новый журнал. 1953. № 34. С. 198.

[4] *Шляпников [А.Г.]* Мартовские дни 1917 года // Петроградская правда. 12.III.1920. Крупнее Путиловского был только Ижевский сталеделательный и оружейный завод (заводы). Там в эти дни тоже проходила забастовка.

рабочими массами» (как выразился Керенский) «провели по всем мастерским ряд организованных собраний, где доказывали по тем или другим соображениям несвоевременность сегодня развивать это рабочее движение, и они просили меня вам [это] передать». Умеренное настроение, казалось, возобладало. Но как раз «в тот момент... они прочитывают объявление о закрытии Путиловского завода и о том, что 36 000 петербургского населения, самого обездоленного и голодающего, выбрасывается на улицу»[1].

От умеренности не осталось следа. Даже собеседники Керенского, представлявшие тех, которые «сделали все» для умиротворения рабочих, теперь, по свидетельству Зензинова, явились к Керенскому и искали Чхеидзе лишь для того, чтобы поставить их в известность о серьезности надвигавшихся событий.

Сам факт обращения рабочих к Керенскому и Чхеидзе, разумеется, не случайно выпадает из описаний хода событий. Тем самым советская историография устраняла противоречие с обязательным представлением об исключительно большевистском руководстве революционным рабочим движением, «буржуазные» же историки предпочитали изображать вождем революции «либеральную» верхушку. Положение изменилось в последнее время, когда в историографии на Западе конъюнктура сдвинула интерес от «либеральной альтернативы» в сторону левых сил, а в России породила смесь необольшевизма с государственническим патриотизмом. Как следствие и там и здесь «левые» попытались подогнать свидетельства Зензинова—Керенского к своим схемам. Один историк (М. Мелансон) с этой целью представил явившихся к Керенскому рабочих-путиловцев как эсеровских активистов, другой приписал им заявление о том, что стачкой на Путиловском заводе якобы руководят большевики: «...сообщили ему, что... путиловцы-большевики готовятся начать политическую забастовку»[2].

В воспоминаниях Керенский вне прямой связи с визитом делегатов отметил, что в день локаута, 22 февраля, путиловские рабочие «решили обратиться за поддержкой ко всем другим рабочим Петрограда и для координации действий создали стачечный комитет». Хотя об этом стачечном комитете ничего конкретного не известно, авторы, придерживающиеся версии о большевистском руководстве движением, вводят без ссылок на источники утверждение о том, что стачечный комитет состоял «в основном из большевиков» и что «22 февраля именно большевики приняли решение о выводе рабочих на улицы Петрограда на следующий день»[3].

---

[1] Государственная дума. Созыв IV. Сессия 5-я. Стенографические отчеты (далее — СОГД IV/5). Пг., 1917. Стб. 1651–1652.

[2] *Холяев С.В.* Политические партии России в борьбе за власть (1905–1922 гг.). Ярославль, 2008. С. 127.

[3] Там же. С. 127. Среди литературных источников своих сведений Холяев называет написанную И.П. Лейберовым главу в коллективной монографии «Партия большевиков в Февральской революции 1917 года» (М., 1971. С. 128). Там, тоже без указания каких-либо собственно источников, говорится о руководстве стачечным комитетом со стороны Нарвского райкома, но в противоречии с этим все же показано, что большевистские руководители к 23 февраля не были осведомлены о начавшемся движении и ни Бюро ЦК, ни городской, ни Выборгский комитеты большевиков «не планировали день 23 февраля как начало февральского переворота», «не намечали в этот день ни политических демонстраций, ни политической стачки» (С. 141–143).

Происхождение сведений о стачечном комитете и обращении к рабочим Петрограда остается неясным. Возможно, Керенский, сообщая об этом факте в мемуарах, узнал о нем от тех же делегатов. Однако он мог воспользоваться и хроникой Шляпникова, составленной 26 февраля 1917 г. в виде «Осведомительного листка» (№ 2) Бюро ЦК РСДРП и опубликованной в этом качестве в 1924 году. Ц. Хасегава, ссылаясь на исследование Э.Н. Бурджалова, возводит известие об избрании стачечного комитета к воспоминаниям рабочего А.И. Григелевича[1]. Но у Бурджалова оно приведено без ссылки на Григелевича (в его воспоминаниях о стачечном комитете не упоминается), вообще без ссылки на источник и, видимо, взято у Шляпникова[2]. По Шляпникову, стачечный комитет был избран рабочими в ответ на уже объявленный локаут, т.е. 22 февраля. Но из текста запроса, оглашенного в Думе 23 февраля, и рассказа Керенского явствует, что этому предшествовало избрание «особой делегации» для переговоров с директором 21–22 февраля «с наказом добиваться возвращения на прежние места работы уволенных товарищей».

Началу движения предшествовал распространившийся «слух о возможном сокращении производства и частично[м] расчет[е] рабочих в связи с недостатком топлива и сырья». «Подавляющей массой рабочих» с «мизерными заработками» (т.е. не «сливками») в условиях «царящей продовольственной разрухи» овладело «тревожное настроение». 18 февраля (в субботу) требование о 50-процентной прибавке выдвинула лафетно-штамповочная мастерская (забастовка в этой мастерской, где работало 478 человек, началась, согласно докладу начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева, 17 февраля[3]) — это произошло «неожиданно для остальных рабочих». Директор (генерал А.Г. Дубницкий) отказал, и «рабочие, не покидая мастерской, прекратили работы»[4]. К понедельнику 20 февраля администрация едва не пошла на частичную уступку и уже заявила о готовности прибавить (хотя 20%, а не 50), но когда утром «к директору явились вместе с делегатами лафетно-штамповочной делегаты других мастерских, вмешавшиеся в целях мирной ликвидации конфликта», позиция начальства резко изменилась. Рабочим объявили, что лафетно-штамповочная, раз она все еще не приступила к работам, должна получить расчет с утра 21 февраля. На это рабочие ответили, что встанут на работу сейчас же, то есть с обеда 20-го, но им разъяснили, что расчет все равно

---

[1] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб.). Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1063. Л. 8–16.

[2] *Kerensky A.* Russia and History's Turning Point. N.Y., 1965. P. 188; *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. М., 1924. Кн. 1. С. 243; *Hasegawa Ts.* The February Revolution. Seattle; L., 1981. P. 211; ср.: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 116.

[3] *Минц И.И.* История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 420; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. ДП–4. 1917 г. Д. 61. Ч. 2. Т. 1. Лит. «А». Л. 53; Ф. 111. 1917 г. Д. 669–а. Л. 53, 51. По сообщению Григелевича, кроме денежной прибавки, рабочие требовали возвратить уволенных товарищей.

[4] По Григелевичу, уже с 12 часов 18-го лафетно-штамповочную поддержали паровозомеханическая мастерская (сначала «итальянской» забастовкой — «трансмиссии и станки вертелись вхолостую», затем «в своем большинстве рабочие мастерской не только не работали, но, умывшись и одевшись, стояли у своих станков и верстаков») и новомеханическая.

будет: таким способом «администрация считает нужным избавиться от нежелательного элемента» (Григелевич: «20 февраля к концу дня атмосфера накалилась до предела. Рабочие, собравшиеся группами, обсуждали создавшееся положение, ждали сигнала к дальнейшим действиям»). И действительно, с утра 21-го лафетно-штамповочная мастерская была закрыта. Тогда прекратили работу и «некоторые другие мастерские», но у рабочих все еще не было единодушного намерения бастовать; они «с разрешения директора» провели вечером 21 февраля по мастерским собрания; в итоге, как уже говорилось, настроение сложилось в пользу примирения. И все же «утром 22 февраля было объявлено о закрытии всего завода на неопределенное время»[1].

Выступая 23 февраля, М.И. Скобелев, Керенский и ряд других депутатов, осведомленных о кризисе продовольственного снабжения в губерниях, поставили обсуждаемые события в связь с уже начавшимися волнениями и в других местах, в частности на Тульском оружейном заводе с его также 30 тыс. рабочих. В тот же день просился на прием к министру внутренних дел, не добившись содействия от министра земледелия, директор Коломенско-Сормовского треста А.П. Мещерский, ожидавший «бунта» и «разгрома самих заводов» на почве отсутствия провианта[2]. Еще 21 января царицынский полицмейстер просил «за недостаточностью полиции для предупреждения беспорядков» прислать солдат ввиду «угрожающего положения» из-за недостатка продовольствия и дороговизны[3].

Прослеживается связь событий, начавшихся на Путиловском заводе 17–18 февраля, с движением на казенном трубочном заводе в Самаре. Местная полиция еще утром 15 февраля получила агентурные сведения о том, что рабочие этого завода и железнодорожного депо готовятся к выступлению 16 или 17 февраля по сигналу (условная телеграмма) из Петрограда. В их план входило выдвинуть экономические требования, а когда они получат отказ, то выйти на улицу с лозунгом «Долой войну!», причем рабочие были уверены, что самарский гарнизон уже распропагандирован и не будет подавлять беспорядки (намечался погром «спекулянтов»)[4]. Однако и помимо организуемого из Питера движения в нескольких местах в эти же дни сложились условия для остановки военного производства. 6–8 февраля было остановлено из-за отсутствия угля снарядное производство Бежицкого Брянского завода (из 15 452 — 9 тыс. человек); 8 февраля выявилась нехватка продовольствия на Владимирском пороховом заводе[5].

Свою речь в Думе 23 февраля Керенский закончил упреками в бездействии тем лицам в военном командовании, которые ничего не предпринимают

---

[1] СОГД IV/5. Стб. 1640–1641.

[2] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 567. Л. 582.

[3] *Семенова Е.Ю.* Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 — начало 1918 г.). Сб. документов и материалов. Самара, 2011. С. 211–213.

[4] *Там же.* С. 203. Забастовка на Трубочном заводе началась 22 февраля, но расчеты рабочих на поддержку со стороны солдат не оправдались, и она была быстро подавлена.

[5] Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 632.101.8. Л. 80.

против власти, потому что «не имеют мужества, не имеют сознания гражданского долга» потребовать отставки правительства. Они, эти «многие лица, высоко стоящие на ступенях военной администрации», видят надвигающуюся опасность и «говорят: что вы думаете, разве мы сами не знаем, что с тем, что поднимается, с этим движением мы никакими штыками не справимся». Так «когда же еще слова о том, что вы хотите спасти государство, — призывал он теперь уже думцев, — когда еще эти слова могут и должны превратиться в дело, как не сейчас, когда появляется этот симптом, этот Невский проспект, который сейчас заполнен толпой из пригородов, разгоняемой солдатами в настоящий момент, когда я говорю с этой кафедры (т.е. около 6 часов вечера. — *В.П.*) ...Если этого не будет, я буду прав, когда говорил рабочим — между этими людьми и вами нет общего языка! Докажите, что он есть!»[1]. Но Дума доказала обратное. Керенский не зря в беседе с делегатами вечером 22-го сказал: «Я сомневаюсь, чтобы большинство Государственной думы поняло вас: кажется, общего языка между вами и ими нет никакого». При этом он 22 и 23 февраля 1917 г. почти дословно повторил то, что годом раньше признал П.Н. Милюков, когда обсуждались аналогичные события — забастовка на Путиловском заводе с последовавшим локаутом и секвестром: «Мы слишком мало знаем друг друга и слишком редко говорим друг с другом; поэтому мы друг друга не понимаем, а когда нужно говорить, так выходит, что мы говорим на разных языках»[2]. Произнесенные в связи с запросом речи не были пропущены в газетные отчеты; М.В. Родзянко употребил свою цензурную власть председателя Думы, памятуя, как в 1916 г. разрешенные им сообщения газет о стачке и секвестре Путиловского завода всю весну вызывали отклики в виде забастовок в разных районах империи.

В конечном счете 23 февраля Дума отозвалась на предупреждение коллектива путиловцев самым банальным способом: приняла очередной запрос к правительству о продовольственном положении. Керенский, правда, настоял на том, чтобы предложенная Прогрессивным блоком формулировка решения о продовольственном снабжении была дополнена пунктом с требованием принять обратно уволенных рабочих и восстановить деятельность обоих (Путиловского и Ижорского) заводов, то есть отменить локауты. Но остроту момента думцы не уловили. Поправка Керенского едва прошла (117:111). Отвести ее пытался В.В. Шульгин, выдвинув характерное возражение, в котором звучал пренебрежительный оттенок: «По простой причине: никакого представления о том, какие рабочие, за что и почему уволены с Путиловского завода, ни я лично и, я думаю, никто из вас не имеем; при таких условиях вмешиваться в жизнь Путиловского завода, который руководится, как известно, к тому же военными властями и к тому же генералом, к которому я лично питаю доверие, я считаю невозможным». Ясно, что для 110 голосовавших с Шульгиным события за Нарвской заставой представлялись

[1] СОГД IV/5. Стб. 1653.
[2] Там же. IV/4. Пг., 1916. Ч. 2. Стб. 2862–2863.

одним из многих, заурядным и уже исчерпанным конфликтом. Об Ижорском заводе Шульгин даже не упомянул[1]. Между тем движение на казенном (морском) Ижорском заводе в Колпине по-своему многозначительно. Рабочие этого «городка с почти 20-тысячным населением», как ранее отмечало морское ведомство, имели свои дома; «привязанные к месту», получая высокие заработки, они пользовались хорошим медицинским обслуживанием, включая бесплатные лекарства для членов семей; отдавали детей в бесплатное училище; у них были свои сберегательные кассы, библиотека. Морское начальство долгие годы пребывало в убеждении, что мастеровые настолько чувствуют «связь с заводом», что все это обеспечивает спокойствие, «создает необостренное, ровное отношение всего состава мастеровых к заводу, и потому, вообще, всех мастеровых Ижорского завода можно считать много спокойнее их товарищей по другим заводам»[2].

В поведении рабочих делегатов обращает на себя внимание то, что, судя по их высказываниям, несмотря на локаут, путиловцы, оказавшиеся за воротами завода, не считали свою стачку законченной, а себя не переставали считать рабочими. Собеседники Керенского называли себя «делегацией путиловских рабочих», выполняющей «важное поручение» «к обоим депутатам», которое им «дано забастовавшими рабочими»; они утверждали, что «начавшаяся забастовка не носит частного характера»... Вполне очевидно, что ничего необычного в таком понимании обстоятельств нет; для рабочих, подвергнутых локауту, естественно добиваться восстановления своего положения и не считать свою забастовку оконченной, а себя безработными. Но это приходится все же отметить, имея в виду, что, с точки зрения полиции, администрации — и, как ни странно, позднейших исследователей, — остановка завода переворачивала неприятную страницу со всеми этими путиловцами, локаут «ликвидировал» их стачку.

Историографический парадокс заключается в том, что основные конфликтующие схемы февральских событий — господствующая советская и новейшие в западной литературе — по разным мотивам, но одинаково отрицали или преуменьшали значение происходившего за Нарвской заставой, у путиловцев, 22 и 23 февраля, приписывая решающую роль движению исключительно на противоположном конце города — в Выборгском районе — и выдающейся активности женщин-работниц.

Официозная историография за последнее десятилетие перестроилась под полицейскую, бобковско-яковлевскую схему: на первый план выдвинулось объяснение бунта против российской государственности национал-предательскими действиями масонов. Поскольку за сто лет выявить их след в Выборгском районе не получилось, повысились акции Путиловского инцидента: подведомственность этого завода артиллерийским генералам позволяла вытащить из зловещей «закулисы» представительную фигуру в лампасах.

---

[1] СОГД IV/5. Стб. 1658–1660.

[2] Военная промышленность России в начале XX века. М., 2004. С. 409.

Маниковского, начальника ГАУ, распоряжавшегося Путиловским заводом, знатоки «закулисы» давно записали в масоны: «Имя генерала А.А. Маниковского всегда открывало список военных, входивших в масонскую организацию», он «был привлечен масонами к планам военного переворота»[1]. Очевидно, что энтузиасты масонско-закулисного объяснения Февральского переворота и сами едва ли верят тому, что пишут, зная, что источников о масонстве Маниковского — кроме домыслов Н.Н. Яковлева, В.В. Кожинова и Н.Н. Берберовой — нет.

Единственный повод для разгула фантазий о масонстве Маниковского давало сообщение мемуаристов о том, что при обсуждении думцами (в частном совещании 27 февраля) вопроса о введении диктатуры, чтобы унять «улицу», Некрасов предложил Маниковского на роль диктатора. Не мог же Некрасов, этот отъявленный масон, протежировать кому-нибудь кроме «брата» по ложе! Но и тут неувязка: из ныне опубликованного О.А. Шашковой и С.М. Ляндресом протокола обсуждения[2] видно, что Некрасов сразу же и отказался от своей идеи, встретив возражения со стороны не только Шульгина и Милюкова, но и «братьев» по ложе — Н.С. Чхеидзе, В.А. Ржевского, Н.К. Волкова. Всем было ясно, что этот стосковавшийся по «палке» и «висельнице» для либералов генерал, противник «гуманничания», «мирволенья и пасования» перед забастовщиками, всегда готовый «дать урок» им, да и всему «организованному кагалу»[3], не задумается «затопить Петроград кровью»[4].

Советская литература старалась обходить молчанием факты, свидетельствующие о контактах с рабочими массами и революционных действиях других партий, кроме большевиков, и в ней нечасто встречаются упоминания об обращении 22 февраля рабочих к Керенскому. По той же причине, с целью насаждения представлений о руководящей роли большевиков в революционных событиях, подчеркивалась деятельность рабочих в Выборгском районе — единственном, где сохранилась к Февралю и хоть как-то заявила о себе большевистская организация.

---

[1] *Яковлев Н.* 1 августа 1914 [года]. М. 1974. С. 198. См. также: *Берберова Н.* Люди и ложи. N.Y. 1986. С. 38, 140; *Брачев В.С.* Между мистикой и политикой. СПб., 2005. С. 327; *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 126, 130. По свидетельству А.И. Серкова, Т.А. Бакунина-Осоргина, занимавшаяся установлением состава масонских лож, предупреждала его, что пользоваться сведениями Берберовой практически невозможно: «Когда подойдете к началу XX века, будьте осторожны. Все данные, которые приводит Берберова, нужно проверить десять раз, прежде чем убедиться, что они правильны» (*Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 6). См. также: *Шаховской Д.М.* Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина // Из глубины времен. Вып. 10, 1998. С. 204.

[2] Февральская революция. 1917. М., 1996. С. 146; *Lyandres S.* Zur Errichtung der revolutionären Macht in Petrograd: Neue Dokumente über die inoffizielle Beratung von Mitgliedern der Staatsduma am 27.2.1917 // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1917. Unternehmentum in Rußland. Berlin, 1998. S. 312.

[3] Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 234. Оп. 1. Д. 17. Л. 7, 10; д. 3. Л. 49–53об., 55об.; ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 38.

[4] См.: dlib.rsl.ru/01003391035 (с. 314, 315, 434).

Но и в иных случаях, когда источники используются без помех, значение сделанного предупреждения принижается. З. Галили в исследовании о меньшевиках, описывая визит путиловцев к Керенскому, называет делегатов «пятью забастовщиками с Путиловского завода», которые «видимо» стремились наладить контакты с депутатами-социалистами; об обсуждении локаутов в Думе 23 февраля не упоминается, и постепенно все сводится к обычному заключению, что «решающую роль в нараставшем движении протеста сыграли рабочие металлообрабатывающих заводов Выборгского и Петроградского районов» столицы, которые «имели давние традиции забастовочной борьбы и находились под сильным влиянием большевиков»[1]. В «энциклопедической» монографии Ц. Хасегавы (по оценке Д.А. Лонгли, «она содержит практически все, что мы знаем о Февральской революции»; по оценке А.Б. Николаева, это «наибольший вклад в изучение революционной истории Государственной думы»[2]) при изложении прений 23 февраля в Думе опущено все, что связано с обсуждением запроса о локаутах и действиями путиловцев. Так же поступил автор обстоятельного исследования о рабочем движении Р. Маккин[3].

Среди исследований о начале Февральской революции в Петрограде особое место занимает более ранний труд Ф. Антониацци[4]. В числе главных условий, вызвавших падение монархии, Антониацци указывал, наряду с обострением экономических бедствий, критикой правительства в Думе и агитацией левых, также и движение на Путиловском заводе и обращал внимание на участие рабочих этого завода в развертывании уличной борьбы. В дальнейшем, начиная особенно с исследования Ц. Хасегавы, сделавшего в этом отношении существенный шаг назад, западная историография сблизилась с официальной советской. В результате установилось мнение, что в Нарвском районе, где находился Путиловский завод, 23 февраля не было стачек и демонстраций, что «в отличие от выборжцев основная масса бастовавших путиловцев активных действий 23 февраля не предпринимала», что после локаута они не смогли «сохранить наступательный порыв» и, как и весь Нарвский район, «не участвовали активно в стачках и демонстрациях»[5]. Б. Бонвеч, в

---

[1] *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993. С. 18, 19 (оценку влиятельности большевиков автор берет у И.П. Лейберова).

[2] *Longley D.A.* Iakovlev's Question, or the Historiography of the Problem of Spontaneity and Leadership in the Russian Revolution of February 1917 // Revolution in Russia: Reassessments of 1917. Cambridge, 1992. P. 380; *Николаев А.Б.* Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 17.

[3] *Mckean R.B.* St Petersburg between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907 — February 1917. New Haven; L., 1990.

[4] *Antoniazzi F.* 1917 à Petrograd. La chute de la monarchie russe. Copenhague, 1980.

[5] *Лейберов И.П.* Начало Февральской революции (события 23 февраля 1917 г. в Петрограде) // Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967. С. 18; Его же. На штурм самодержавия. М., 1979. С. 127, 130 (на с. 140, однако, сказано, что 24 февраля предприятия Нарвской заставы включались в движение «по примеру пролетариев Путиловского завода и судоверфи»); *Hasegawa Ts.* Op. cit. P. 211, 221, 222, 237, 251; *Lincoln W.B.* Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution, 1914–1918. N.Y.; Oxford, 1994. P. 321, 326, 551; *Хеймсон Л.* Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 19.

частности, соглашается с Хасегавой в том, что «даже локаутирование почти 27 тыс. путиловских рабочих 22 февраля не вызвало начала революции... Путиловцы присоединились к восстанию лишь на третий день, 25 февраля». По мнению Маккина, локаут лишил эти 26 тыс. рабочих возможности собираться и проводить агитацию, а потому ошибаются те, кто «частичным забастовкам, начавшимся на Путиловском заводе 17 февраля», придает значение «катализатора для последовавшей волны конфликтов». В те дни действия рабочих Выборгского района, как считает Л. Хеймсон, «отличались от поведения рабочих других районов Петербурга своей решительностью и упорством». Иное представление Хасегава, Г. Торке и Бонвеч считают типичной ошибкой[1]. Разногласия касаются лишь рода занятий выборгских «застрельщиков революции»: у одних авторов это металлисты; другие, как Бонвеч, считают, что «революцию развязали, скорее, выборгские текстильщицы». По недоразумению И.М. Пушкарева и Хасегаву упрекает за то, что он будто бы «предложил считать началом революции 22 февраля — объявление локаута на Путиловском заводе». В действительности Хасегава рассматривает в качестве «общепринятого» положение, согласно которому «начало и происхождение Февральской революции следует вести от 23 февраля, связывая его с забастовкой женщин-работниц Выборгского района», и далее называет вопросы, которые «дебатируются» среди историков; в этом смысле он и упоминает попытку Лонгли поставить «под вопрос общепринятое положение». По Хасегаве, Лонгли не удовлетворен «интерпретацией событий, которая связывает центр революции исключительно с Выборгским районом. Более того, он высказал предположение, что забастовка на Путиловском заводе 22 февраля [?] может с не меньшими основаниями рассматриваться в качестве исходного момента революции». Изложив отвергаемую позицию Лонгли, Хасегава от своего имени утверждает то же, что писал и в 1981 г.: «Революция началась 23 февраля 1917 г. с забастовок женщин-работниц текстильных фабрик Выборгского района»[2].

«Общепринятый» ныне шаблон отчасти обязан своим появлением «Правде». Публикуя 5 марта 1917 г., в первом же своем номере, хроникальную сводку о развитии борьбы в Петрограде, большевистская газета отредактировала исходный материал — «Осведомительный листок», предоставленный ей Шляпниковым, так, что поведение путиловских рабочих 22–23 февраля стало выглядеть пассивным, проникнутым чуть ли не безразличием к собственной судьбе: избранная ими делегация «ходила к директору, который грозил расчетом. 21-го митинги были по всему заводу... Рабочие к работе не приступили, а 22-го, когда они явились на работу, увидели объявление о

---

[1] *Mckean R.B.* Op. cit. P. 468–469; *Bonwetsch B.* Die Russische Revolution 1917. Darmstadt, 1991. S. 126; *Torke H.-J.* Die improvisierte Demokratie. Februar-Revolution und Provisorische Regierung in Rußland // 1917–1918 als Epochengrenze? Wiesbaden, 2000. S. 32.

[2] *Пушкарева И.М.* Февральская революция 1917 года в России: проблемы историографии 90-х годов XX века // Россия в XX веке. Реформы и революции. М., 2002. Т. 1. С. 258, 259; *Хасегава Ц.* Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. М., 1997. С. 97–99.

том, что завод закрыт на неопределенное время». И далее — сразу о Женском дне, о том, как 23-го переломили ситуацию работницы, сумевшие поднять «революционную температуру» в столице. Между тем у Шляпникова в «Осведомительном листке» тут же следовало опущенное «Правдой» объяснение активности работниц: «Обращение путиловцев за поддержкой, отсутствие хлеба создали в массе боевое настроение, вылившееся в демонстрации, митинги и схватки с полицией»[1].

Неловкую попытку исправить собственное освещение хода событий «Правда» предприняла уже во 2-м номере. 7 марта ее передовая статья «Великий день» утверждала, как и в первоначальном описании, что 23 февраля «первые столкновения, перешедшие в демонстрации и революцию», были связаны с празднованием «дня Женского Рабочего Интернационала», что «женщины первыми вышли на улицу» и «День Женского Интернационала привел к революции». Но на этот раз нашлось более заметное место Путиловскому заводу и получилось, что и те самые «первые столкновения... произошли на Путиловском заводе» — все же якобы из-за того, что «23 февраля в Петрограде старая власть помешала женщинам праздновать свой день».

Вследствие такого обращения «Правды» с хроникой Шляпникова и явного для историков недоразумения, допущенного газетой (насчет «столкновений», будто бы имевших место на заводе, который в действительности 23-го второй день был закрыт), а при этом настойчивого указания «Правды» на «праздничные» мотивы волнений, историки, как правило, исключительное внимание уделяли Выборгскому району. Считалось недостатком, если при освещении событий 23 февраля окажется «не выявлен удельный вес пролетариев-выборжцев как застрельщиков революции»[2].

Закреплению шаблона в трактовке событий немало поспособствовали сами выборгские большевистские работники. Помимо естественного стремления подчеркнуть значимость собственной роли в событиях, на их воспоминаниях сказалась слабая осведомленность о происходившем за Невой. Н.Ф. Свешников жаловался на «плохую информацию из других районов», причем, по его словам, именно столь плохо информированный Выборгский комитет и держал «через исполнительную комиссию Петербургский комитет, а через него и всю [партийную] организацию, в курсе всех надежд и чаяний широких рабочих кругов»[3]. Сообщение Свешникова о плохой

---

[1] *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. Кн. 1. С. 244. Ср.: *Астрахан Х.М.* О тактике «снятия с работы» в Петрограде в первые дни Февральской революции 1917 г. // Свержение самодержавия. М., 1970. С. 127.

[2] *Лейберов И.П.* Начало Февральской революции. С. 6. Речь идет о статье Э.Н. Бурджалова.

[3] Заявлениям Свешникова об исключительной центральной и инициативной роли выборгских большевиков резко противоречит картина, изображенная другим мемуаристом — путиловцем И.В. Ивановым. Он всячески подчеркивает главенство в событиях путиловских большевиков, которые якобы действовали по указаниям городского комитета и вели за собой питерских рабочих, в частности и выборжцев (*Иванов И.* На пути к Октябрю // Новый мир. 1977. № 10). Воспоминаниям обоих авторов свойственна идеологическая схематизация — в обоих случаях направленная на возвышение роли большевиков; сомнительной выглядит во многих случаях степень детализации и неправдоподобной — точность датировки, бросаются в глаза элементы беллетризации. Но характерно, что в отличие от мемуаров Свешникова, воспоминания Иванова практически не привлекают внимания.

осведомленности большевистского руководства относительно движения в районах подтверждается воспоминаниями Шляпникова. Глава Русского бюро ЦК большевиков провел 23 февраля в своей штаб-квартире в Выборгском районе, «туда стекались сведения со всего Выборгского района», блокируемого полицией и военными патрулями, и лишь к вечеру Шляпников «двинулся в путь в город, чтобы там получить сведения о положении дела в других кругах»[1].

Результатом же оказывается традиционное умолчание о ходе событий за Нарвской заставой. Утверждая, что 23 и 24 февраля путиловские рабочие в событиях вовсе не участвовали и лишь 25-го «впервые после начала движения 23 февраля присоединились к движению»[2], Хасегава, в отличие от других авторов, делает попытку опереться на источник. Однако ссылка его, единственная, на свидетельство начальника Петроградского военного округа генерала С.С. Хабалова, ничего не дает. В Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Хабалову задали вопрос, не на Путиловском ли заводе начались «беспорядки». Он ответил: «Нет, на Путиловском заводе ничего не было — там даже было дольше спокойно, чем где-нибудь» (действительно, на территорию завода рабочие пробились, сломав калитку, лишь 24-го февраля). Сославшись на эти слова, Хасегава упускает сделанное Хабаловым тут же пояснение: «Беспорядки начались в первый день, 23-го, в двух местах, на Выборгской и на Нарвском тракте». «В первый день, — свидетельствовал Хабалов, — за исключением одного эпизода, где были красные флаги с революционными надписями — по Нарвскому тракту при пересечении с Балтийской ж.д. — [волнения] носили характер скоплений на улицах толпы, которая кричала: “хлеба!!!”»[3]. «Исключение» — «эпизод» с флагами — связывалось в памяти генерала с «беспорядками» в Нарвском районе[4], т.е. прежде всего путиловцами.

Лонгли придает преувеличенное значение свидетельству О.А. Ерманского о том, что 23 февраля «знамен или флагов не было, по крайней мере я их не видел». Ерманский видел только то, что его окружало при движении вместе с толпой с Выборгской стороны по Литейному проспекту в сторону Невского. Он сделал оговорку: «Что было в тот день на улицах других частей города, я не знаю»[5]. Показания же Хабалова подтверждает интервью в «Утре России» (2 марта) московского профессора-богослова Н.Д. Кузнецова (члена Клуба

---

[1] *Свешников Н.Ф.* Отрывки из воспоминаний // Петроградская правда. 14.III.1923; *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. С. 61, 62.

[2] *Hasegawa Ts.* Op. cit. P. 251, 221. Ср., однако, хотя бы сообщение рабочего-арсенальца И. Маркова о встреченных им 24-го на Невском знакомых рабочих-эсерах с Путиловского и Тентелевского химического (тоже за Нарвской заставой) заводов: они собрались «попить чаю, целый день ведь ничего не ели» (*Марков И.* Как произошла революция // Воля России. 1927. № 3. С. 103).

[3] Падение царского режима. Л., 1926. Т. 1. С. 213, 243.

[4] Марков, однако, упомянул о «небольшом красном флаге» и у выборгских демонстрантов на Безбородкинском проспекте (*Марков И.* Указ. соч. С. 73).

[5] *Лонгли Д.* Некоторые нерешенные вопросы истории Февральской революции 1917 г. // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 243, 244; *Ерманский О.А.* Из пережитого. М.–Л., 1927. С. 139, 140.

общественных деятелей), наблюдавшего петроградские события: «Первые дни толпы народа ходили с криками “хлеба” и движение носило хаотический характер. В четверг [23-го] появились флаги и плакаты с надписью “Долой правительство” и “Долой войну”. Последняя надпись вызвала тяжелое недоумение у высланных для усмирения войск, и некоторые части и патрули стреляли в народ. В пятницу и субботу подписи “Долой войну” исчезли, и настроение войск сразу изменилось в пользу революционеров».

Свидетельство Кузнецова о стрельбе 23-го и об исчезновении лозунга «Долой войну» 24 февраля расходится с сообщением другого наблюдателя. Чиновник Министерства иностранных дел В.К. Коростовец отмечал, что, наоборот, радикальные лозунги «Долой правительство!» и «Долой войну!» появились 24-го (23-го можно было видеть якобы лишь лозунг «Хлеба!», но в действительности все три лозунга отмечены другими наблюдателями и 23-го и 24-го). О стрельбе 23-го он не упомянул, но 24-го, в пятницу, по его словам, случалась стрельба провокационного характера в толпу, равно как и из толпы по солдатам. О «спорадической стрельбе» 23 февраля писал корреспондент лондонской «Times» в Петрограде Роберт Уилтон; он предположительно («apparently») отнес ее на счет рабочих, добавив, что «серьезных столкновений» в этот день все же не было[1].

Но упоминание Кузнецова о стрельбе по рабочим 23 февраля, казалось бы, все же находит подтверждение. В советской коллективной монографии межрайонцам был брошен упрек по поводу того, что в листовке, выпущенной по решению их комитета в ночь на 25-е, они призывали петроградский пролетариат «всего лишь к трехдневной стачке протеста против арестов и расстрелов рабочих Путиловского завода»[2]. Однако в указанном там источнике — воспоминаниях И. Юренева — говорится не о листовке, а о постановлении Межрайонного комитета[3]. В самой же листовке, обнаруженной Бурджаловым, содержится в тех же выражениях, что и в постановлении, призыв поддержать путиловцев[4], причем упоминание о расстрелах 23-го или 24-го отсутствует. Возможно, сообщение Кузнецова, как и постановление Комитета межрайонцев, отразило распространившийся преувеличенный слух. Прибывший через несколько дней в Самару свидетель событий рассказывал знакомым, «что делалось в Петрограде с 23 февраля: “На улицах — стрельба! Массы рабочих заполнили улицы столицы. На знаменах надписи: ‘Долой Николая!’, ‘Долой

---

[1] *Korostovetz Vl.* Seed and Harvest. L., 1931. P. 262, 263; *Wilton R.* Russia's Agony. L., 1918. P. 104.

[2] Партия большевиков в Февральской революции 1917 года. С. 150.

[3] *Юренев И.* «Межрайонка» (1911–1917) // Пролетарская революция. 1924. № 2 (25). С. 140.

[4] «24 февраля Межрайонный комитет РСДРП выпустил листовки к рабочим и солдатам, — писал Бурджалов. — В листовке к рабочим говорилось: “Не разгромом лавок, не хождением в Думу уничтожен будет голод. Только революция выведет нас из тупика войны и разорения. Готовьтесь, товарищи!.. Уже два дня, как выброшены на улицу 30 тыс. путиловцев, требовавших обратного принятия уволенных товарищей. Организуйтесь, товарищи! Близится час расплаты с вековым врагом!” Межрайонцы предложили объявить трехдневную стачку протеста против увольнения 30 тыс. путиловцев.., устроить сборы в пользу путиловцев и нелегальной рабочей печати. Они призывали рабочих связаться с армией, поднимать на борьбу солдат» (*Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С. 155, 156).

самодержавие!', 'Да здравствует республика!'"». О стрельбе 22-го упомянуто в воспоминаниях студентки сельскохозяйственного института, которая участвовала в подготовке уличных событий 23 февраля, связанных с «Женским днем»: «Утром 22-го... Олина мать, ушедшая из дому достать хлеба, вернулась взволнованная. Магазины закрыты, трамваи не ходят. На улице — толпы народа. Кто-то стреляет»[1]. Полковник Д.И. Ходнев (Финляндский гвардейский полк), описывая происходившее то по хроникам Н.Ф. Акаемова и Е.П. Семенова, то ссылаясь на «полицейские сводки», добавил упоминания о стрельбе, которых в указанных им источниках, однако, нет. Их следует, таким образом, рассматривать как наблюдения самого Ходнева. Он писал о «сильной стрельбе» и баррикадах еще 19 февраля и о том, что с 23 февраля «начались крупные уличные беспорядки... в разных районах шла стрельба». Описывая действия своей части 23 и 24 февраля, Ходнев старательно отмечал, что его солдаты «энергично» орудовали при разгоне демонстрантов прикладами, «а иногда даже и штыками», причем, по его же словам, выстрелы, одиночные, делались из толпы, тогда как «полиция и войска воздерживались от стрельбы». Он же (с нескрываемым сожалением) вспоминал о том, что «употреблять против демонстрантов оружие отнюдь не позволялось»[2]. Градоначальник А.П. Балк утверждал, что «оружие в ход не употреблялось», и министр внутренних дел А.Д. Протопопов — что «стрельбы не было»[3].

Приходится учитывать возможность хронологической размытости в свидетельствах мемуаристов, упоминающих о стрельбе. А в целом источники не дают твердых оснований считать, что 23 февраля войска стреляли в путиловских рабочих или вообще шла сколько-нибудь значительная стрельба. А.М. Горький, утверждавший, что события после 14 февраля ему «особенно запомнились», рассказывал И.И. Минцу, что «начали стрелять — и сильно — уже 25 февраля... на третий день после дружной массовой стачки 23 февраля». Также и З.Н. Гиппиус отметила в дневнике 25 февраля, что «у здания Гор. Думы была первая стрельба — стреляли драгуны». Аналогичное сообщение — у Коростовца и др.[4].

М. Мелансон[5], скептически оценивая руководящую роль большевиков, в то же время оспаривает представление о стихийности движения в первые дни

---

[1] *Хрунин Г.* Первые дни революции в самарском гарнизоне // Революция 1917–18 гг. в Самарской губернии. [Самара, 1918.] Т. 1. С. 7; *Олицкая Е.* Мои воспоминания. Frankfurt / Main, 1971. Т. 1. С. 69.

[2] *Ходнев Д.* Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. С. 262–263.

[3] Цит. по: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. С. 129, 134. Ср.: «В этот день огнестрельное оружие в борьбе с демонстрантами еще не применялось», — пишет Г.Л. Соболев (Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987. С. 44).

[4] «Из памяти выплыли воспоминания...» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 30, 31. Запись беседы 14.XII.1935; *Палей О.* Воспоминания о России. М., 2009. С. 24; *Гиппиус З.* Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 75. Видимо, здесь, как и в других случаях, Гиппиус воспроизвела (добавив: «первая» стрельба) запись из дневника Д.В. Философова, которому о событиях в городе сообщал по телефону журналист М.И. Ганфман. См. *Колоницкий Б.* Д.В. Философов и его Дневник // Звезда. 1992. № 1. С. 192, 194.

[5] *Melançon M.* Rethinking Russia's February Revolution. P. 16, 20, 36, 43.

революции и подчеркивает активность других революционных организаций. С его точки зрения, события 21–22 февраля могли бы представлять интерес как материал для доказательства маловлиятельности большевиков, но нужды в таком доказательстве, по мнению Мелансона, уже нет; и без того установлено, что даже и в Выборгском районе большевики не пользовались тем влиянием, какое им часто приписывают. И сделан примечательный практический вывод: поскольку для уяснения малозначительной роли большевиков «сдвиг акцента с 23-го на 21–22-е, с Выборгского на Нарвский район, ничего не дает», то это и не нужно. Таким образом, как ни изменяется направленность интереса к деятельности той или иной из революционных партий, Нарвский район с его Путиловским заводом в любом случае выпадает из поля зрения. Но это заставляет так же поступить и с продолжением событий на следующий день, 23 февраля. Несмотря на свои упреки другим авторам, игнорирующим определенные группы фактов и источников, Мелансон в специальной работе о февральских днях не упоминает ни о делегациях путиловских представителей к Керенскому и Чхеидзе, ни о заседании Государственной думы 23 февраля. Сказано лишь, что вечером 23-го якобы происходило общегородское собрание рабочих групп военно-промышленных комитетов, «на котором меньшевики выступали за оказание поддержки Думе» (тогда как эсеры и большевики требовали назавтра политических демонстраций), но что именно произошло в Думе, автор не разъясняет. Зато последующие события, 24–27 февраля, поглощают его внимание, так как в эти дни «члены социалистических групп вели себя активно в каждый ответственный момент».

В принципе «эпизод» с посещением рабочими Керенского 22 февраля не укладывается в выстроенную Мелансоном цепь событий. Делегаты, как заметил Зензинов, именовали Керенского «гражданин депутат» и, выполняя поручение рабочего коллектива, не добивались ни от него, ни от другого «гражданина депутата», Чхеидзе, какого-либо содействия, тем более партийного руководства — цель посещения была чисто просветительная. Для историка, убежденного в решающей роли социалистов, такое внепартийное поведение рабочей массы — сомнительная «стихийность», этот факт, если его не обходить (как в работе Мелансона о февральских днях, как у Хасегавы, Маккина), пришлось бы опровергать. В другой работе он выходит из положения, называя делегатов «группой эсеровских рабочих с Путиловского завода», «эсеровскими активистами»[1]. При этом остается без ответа выдвинутый Лонгли, вслед за Я.А. Яковлевым и Ю.С. Токаревым, вопрос: как же получилось, что, при предполагаемом мощном партийном руководстве, в состав Петроградского совета рабочие несколько дней спустя избрали в основном беспартийных[2] — тех, кто вывел их на улицу и проявил себя запоминающимися действиями («заводских вождей», по выражению

---

[1] *Melançon M.* The Socialist Revolutionaries. P. 209–210.

[2] *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте—апреле 1917 г. Л., 1976. С. 120–125. К этому вопросу подводят подсчеты Токарева, показывающие, что лишь десятая часть депутатов Совета оказалась партийной.

Маркова). Ответ, видимо, правильный, дал в свое время меньшевистский историк: революционно настроенные рабочие «сторонились (steered clear) существовавших партий и партийных руководителей, испытывая тяготение, более естественное, к своим собственным, внепартийным организациям; они шли за теми беспартийными, кто в ходе событий поднялся из их среды»[1].

Не соглашаясь с тем, что «действительное начало революции отмечено стачками и локаутом на Путиловском заводе»[2], Мелансон приводит в опровержение два аргумента. Во-первых, именно 23-го полиция отняла у задержанного рабочего экземпляры листовки, выпущенной межрайонцами по случаю Международного женского дня. Это позволяет иначе — вне связи с путиловскими событиями — объяснить возникновение движения 23 февраля, потому что «указывает на возможную роль революционной агитации». Во-вторых, лишь 23-го забастовочное движение развернулось настолько широко, что демонстрантам удалось овладеть центром города, Невским проспектом (to occupy central space both symbolically and geographically). Эти доводы получают какой-либо смысл лишь в том случае, если принять точку зрения Хасегавы: к 23 февраля локаутом был устранен путиловский очаг волнений. Оба аргумента Мелансона цели не достигают.

Британский генеральный консул Б. Локкарт так оценивал «удручающую» атмосферу в Петрограде зимой 1917 г.: «Астория» и «Европейская» переполнены офицерами, шампанское «льется рекой», «на улицах же — длинные очереди бедно одетых мужчин и громко возмущающихся женщин, которые ждали хлеба, а его все не подвозили»[3]. Как свидетельствовал А.В. Болотов, «хвосты» на улицах Петрограда он наблюдал еще с осени, а январь 1917 г. «по сгущенной политической атмосфере, почти общему недоеданию, за отсутствием продуктов даже первой необходимости... был очень тяжел; чувствовалось всеми, что жить так далее нельзя, что-то в воздухе накапливалось, что-то должно случиться... Хвосты и очереди все росли, непривычные к раннему вставанию и продолжительному стоянию на холоду люди заболевали»[4].

---

[1] *Abramovitch R.* The Soviet Revolution, 1917–1939. N.Y., 1962. P. 16.

[2] Такого именно утверждения нет у Лонгли, с которым спорит Мелансон. Но Лонгли ставит вопрос о пересмотре того, что называет (безосновательно) схемой Шляпникова, приписывающей Выборгскому району исключительную роль. Он, далее, не соглашается, когда Хасегава «неубедительно» оспаривает «важную роль Путиловского завода в движении». Лонгли при этом указывает, что сторонникам версии о большевистском руководстве событиями невыгодно было считать началом революции конфликт на Путиловском заводе, где большевики не пользовались серьезным влиянием (*Longley D.A.* Op. cit. P. 371, 382). Оспариваемое Мелансоном суждение было в 1959 г. высказано Е.Д. Черменским: «Выступление путиловцев положило начало массовым революционным выступлениям, которые привели к свержению самодержавия». Но в дальнейшем ему пришлось заменить это свое обобщение устойчивой формулой: конфликт на Путиловском заводе «явился предвестником...» (*Черменский Е.Д.* История СССР. Период империализма. М., 1959. С. 475; Его же. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1959. С. 107. Ср. Его же. История СССР. Период империализма. М., 1974. С. 417; Его же. Вторая российская революция. Февраль 1917 [года]. М., 1986. С. 112. См. также: *Лейберов И.П.* Петроградский пролетариат в Февральской революции 1917 года. Автореф. докт. дисс. Л., 1970. С. 27).

[3] *Lockhart R.H.B.* P. 157. British agent. L., 1974. P. 160. Московское изд. 1991 г. С. 149.

[4] *Болотов А.В.* Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека. Париж, 1924. С. 238, 344.

Еще в декабре Е.А. Шабельская-Борк, участвовавшая в организации черносотенной деятельности на Путиловском заводе, обратила внимание на страдания «бедных детей и матерей, мерзнущих, схватывая тифы, в хвостах» у продовольственных лавок. В письме министру внутренних дел А.Д. Протопопову она предложила использовать эти бедствия для того, чтобы «как-нибудь пришить к продовольствию имя Государыни»: направить к ней подобранную депутацию — «около десятка работниц, жен или матерей рабочих на оборону, и вообще страдалиц в хвостах, и просить Государыню выслушать их просьбу о защите», после чего Александра Федоровна вызвала бы к себе градоначальника «и приказала ему, чтобы хвостов не было, чтобы купцы не издевались над покупателями»; это положило бы конец «заговору клеветы и лжи на нашу бедную милую матушку Царицу»[1].

По секрету министр земледелия А.А. Риттих 12 декабря сообщил членам Государственного совета, что в Ставке паника: «Ожидаем буквального голода: за все время войны ничего подобного не было», и «для срочного исправления дел на фронте ему пришлось перебросить туда даже 2059 вагонов стратегических запасов для Петрограда»[2].

«Какое-то беспокойство относительно отсутствия муки в Петрограде», по впечатлению Риттиха (выступение в Думе 24 февраля), переросло 23 февраля в «панику». В тот день посланный им чиновник обследовал состояние запасов муки в пекарнях, посетив «именно те кварталы, где началось это беспокойство по поводу отсутствия черного хлеба... эти кварталы Выборгской стороны — главным образом там это началось». Но, по его же словам, «нечто подобное было недели две тому назад», а революции тогда не последовало. Также и по мнению градоначальника Балка, продовольственный вопрос «был немного обострен, но не представлял причин для беспокойства»: «Достать можно было все. К хвостам привыкли. Хлеб, вкусный и питательный, выдавался по 1,5 ф. на человека, а рабочим (не лишившимся работы. — *В.П.*) и войскам по два»[3].

С точки зрения социальной психологии представляет интерес разница в оценке остроты момента властью и наиболее обеспокоенной частью населения: они действительно говорили на разных языках, проявилось барское непонимание того, что интерес обездоленной массы был из-за дороговизны сосредоточен именно на черном хлебе. В ряду прочих видов продовольствия, именно ржи и ржаной муки было доставлено в Петроград в ноябре—январе меньше всего (особенно в январе — десятая часть нормы)[4]. 22 февраля «на Выборгской стороне в булочных и мелочных лавках не хватило черного хлеба для многих покупателей, — сообщало (вернее, пыталось сообщить:

---

[1] Шабельская-Борк — Протопопову, 14–15 декабря 1916 г. // НЛО, 2007, № 85. Биографика погрома. Слово и дело: письма Е.А. Шабельской из архива Департамента полиции. Публ. Д.И. Зубарева.

[2] Цит. по: *Мичурин А.Н.* Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб., 2010. С. 267.

[3] Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 28.

[4] *Mckean R.B.* Op. cit. P. 345.

помешала цензура) "Современное слово". — Вечером среди населения распространился слух, будто хлеба черного (примечательная инверсия. — *В.П.*) совсем нет в Петрограде. С раннего утра 23 февраля жены рабочих, дети, а также и многие рабочие отправились разыскивать черный хлеб. В какие-нибудь два часа все запасы выпеченного хлеба в булочных на Выборгской стороне иссякли и появились аншлаги, что черного хлеба нет, а на некоторых булочных было еще написано, что и не будет»[1]. По свидетельству англичанки, жившей в Петрограде, очереди от булочных протягивались, охватывая, спиралями, целые кварталы; услышав, что хлеба больше нет, основная часть очереди не расходилась: рабочие оставались, чтобы не потерять свое место в ней[2]. Происхождение паники 23 февраля Риттих отказывался понять: «Отчего такая причина этой паники — это трудно точно разъяснить, это нечто стихийное... в эти дни для нее не было оснований» — ведь хлеб не совсем еще закончился.

Ни Балк, ни начальник столичного охранного отделения Глобачев «не могли указать мотивы выступления» в этот день, признавали, что «причина народного движения непонятна»[3]. Ни им, ни Риттиху, конечно, не приходилось «привыкать к хвостам», чтобы «достать» ржаного хлеба[4]. До всех них, как и до думцев, не доходило и то понимание кризиса, какое безуспешно старались донести до сознания политических вождей путиловские делегаты: «паника» развивается не только из-за нехватки ржаной муки в магазинах, но и из-за ожидания небывалых «беспорядков» выведенным из терпения народом. Перед 23 февраля в Финляндском полку «между солдатами ходили слухи, что в Петрограде будет бунт». 23-го в 3 часа дня было приказано выслать из состава полка караулы на заводы в районе Васильевского острова «и полку быть готовым к выступлению на усмирение "хулиганов и сброда", бунтующих на улицах и требующих "почему-то" хлеба... Ясно всем стало, что в столице надвигается что-то огромное, "опасное"»[5].

Рабочие «ожидали этого дня», очевидно, еще до путиловского локаута — после репрессий против забастовщиков на Ижорском заводе «по Петрограду среди рабочих пошел говор о необходимости подготовки празднования Международного женского праздника»[6]. Подавало тревожные сигналы Охранное отделение. Чуть ли не за месяц до начала событий верховный главнокомандующий Николай II распорядился вызвать в столицу надежные войска. Отъезд царя в Ставку 22 февраля Антониацци ставит в связь именно с необхо-

---

[1] Цит. по: *Балабанов М.* От 1905 к 1917 году. М.–Л., 1927. С. 434–435.

[2] *Almedingen E.M.* Tomorrow Will Come. N.Y. 1918. P. 89–90.

[3] СОГД IV/5. Стб. 1743; *Ганелин Р.Ш.* Петроград 23 февраля 1917 г. // Новый часовой. 1999. № 8/9. С. 68, 69.

[4] Уяснению положения в Петрограде мешает недопонимание бытовой лексики его жителей: «В Питере всегда... хлебом называют черный хлеб, а белый хлеб именуется булкой» (*Брюханов В.А.* Заговор графа Милорадовича. М., 2004. С. 256).

[5] Правда. 1, 8.IV.1917.

[6] *Марков И.* Указ. соч. С. 67.

димостью этой переброски[1], поскольку замещавший М.В. Алексеева генерал В.И. Гурко позволил себе послать в Питер не те, менее надежные части.

Воздействие на события со стороны выборгской большевистской организации мемуаристы освещают противоречиво. Один из них сообщал[2], что «в двадцатых числах (в редакции 1967 г. — «в середине февраля». — *В.П.*) райком принял решение принять меры к снятию с работ работниц на фабриках 23 февраля, когда празднуется Международный женский день», из чего вытекает, что райком 20–22 февраля был занят подготовкой выступления работниц. (Соответственно, в новом университетском учебном пособии говорится о том, что перед Международным днем работниц «большевики вели активную агитацию на Выборгской стороне с целью организации забастовок»[3].) Однако другой деятель той же организации вспоминал совершенно противоположное. Оказывается, Выборгский райком, считая (подобно «сливкам» путиловцев) «текущий момент» неподходящим для «частичных выступлений», призывал рабочих «действовать исключительно по указаниям партийного комитета»; чтобы предотвратить забастовки, «в ночь на 23 февраля» В.Н. Каюров даже «был командирован в Лесной [предместье на Выборгской стороне] на собрание женщин». Очевидно, о последних событиях на Путиловском заводе и обращении стачечного комитета к рабочим города он ничего еще не знал. Каюров наутро испытал «удивление и возмущение», получив сообщение «о забастовке на некоторых текстильных фабриках» и «поддержке нами металлистов». Это выступление текстильщиц «означало явное игнорирование постановления районного комитета партии», собиравшегося накапливать силы к 1 мая. Сам Каюров только что ночью призывал работниц «к выдержке и дисциплине» — «и вдруг забастовка»[4]. Выходит, что обращение 22 февраля стачечного комитета путиловцев к петроградским рабочим за помощью перевесило призывы к спокойствию со стороны Выборгского райкома.

---

[1] *Antoniazzi F.* Op. cit. P. 74–75. Антониацци, опираясь на показания Протопопова, называет гвардейский Уланский полк, но в дневнике генерала Д.Н. Дубенского сказано о трех дивизиях, направляемых в Петроград якобы «для отдыха... поочередно», «ибо опасаются волнений» (Падение царского режима. Л.; М., 1926. Т. 6. С. 386). Ср.: *Гурко В.И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. М., 2007. С. 317, 318. Гурко назвал не три, а две дивизии «включая одну гвардейскую из Особой армии» и оправдывался тем, что в городе якобы не оказалось места для расквартирования «даже одного кавалерийского полка, не говоря уже о двух дивизиях», — хотя речь шла об одновременном «отдыхе» не двух, а одной из трех дивизий. Государственный секретарь С.Е. Крыжановский, искушенный в полицейских делах, еще в сентябре 1915 г., а затем снова — в ноябре 1916 г. советовал царю «вернуть в Петербург на отдых» или поставить «по близости к нему» «надежные части» гвардейской кавалерии. Николай II в обоих случаях отклонил эту меру, но 22 февраля, поставленный перед выбором — уступить требованиям оппозиции об «ответственном министерстве» либо дать отпор — удивил Родзянко неожиданным решением: в этот же вечер отправиться в Ставку (*Крыжановский С.Е.* Воспоминания. СПб., 2009. С. 139. 140, 143, 147, 148; *Родзянко М.В.* Крушение империи и Государственная дума и Февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 222).

[2] *Свешников Н.Ф.* Указ. соч. Ср. то же в сб.: В огне революционных боев. М., 1967. [Вып. 1]. С. 82.

[3] Новейшая история России. 1914–2005. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 48.

[4] *Каюров В.* Шесть дней Февральской революции // Пролетарская революция. 1923. № 13. С. 158; *Ганелин Р.Ш.* О происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде // Проблемы всемирной истории. СПб., 2000. С. 176. Юренев упоминал о «большом собрании рабочих» 23 февраля в Лесном, организованном совместно межрайонцами и ПК большевиков (*Юренев И.* Указ. соч. С. 134).

Последовательность событий в результате одностороннего отбора источников оказалась перевернутой на 180 градусов: говорится о «движении, которое началось среди рабочих Выборгского района 23 февраля» и проходило «со значительной помощью со стороны уже закрытого Путиловского завода»[1]. Участник событий, наоборот, писал о стремлении большевиков и межрайонцев «оказать всемерную поддержку всем питерским пролетариатом локаутированным рабочим Путиловского завода»[2]. Листовка межрайонцев, выпущенная 24 февраля, содержит призыв объявить трехдневную стачку протеста против путиловского локаута, устроить сборы в пользу путиловцев и поднимать на борьбу против правительства солдат[3].

Традиционная версия иногда излагается видоизмененно: «зачинщиками революции» были не собственно большевики, а руководимые большевиками выборгские рабочие, причем момент для выступления выбрали работницы-текстильщицы: «Февральская революция началась, — пишет Х. Вада, — с демонстрации женщин-работниц пяти текстильных фабрик Выборгского района... выборгские текстильщики, в отличие от других, имели опыт объединенной борьбы». То, что для выступления женщины выбрали именно 23 февраля, Международный женский день, «свидетельствовало о существовании некоторой инициативы». С пяти текстильных фабрик движение распространилось на «весь Выборгский район», затем «выступление рабочих Выборгского района 23 февраля быстро охватило и другие районы»[4].

Иначе указывал исток движения на Выборгской стороне рабочий Арсенала[5]. Утром 23-го Маркову и другим рабочим, собравшимся перед началом смены в своей мастерской, «один товарищ» сообщил, что «шествие начнется с лесного завода “Айваза”», т.е. в том же районе, где на выборгских мануфактурах вел свою агитацию против забастовок Каюров, но на самой отдаленной окраине города. Таким образом, к утру 23-го определенный план действий у рабочих уже существовал (причем Выборгский райком о нем не знал), исходным же пунктом был назначен машиностроительный завод «Айваз». Если это так, то самоорганизация рабочих достигла к 23 февраля такого уровня, что партийные деятели (с провокаторами в их рядах) не успевали за развивавшимся без их руководящего участия движением.

Акцент на праздновании 23 февраля / 8 марта для части историков особенно ценен тем, что придает повышенную значимость «возможной роли» социалистических партий в организации и руководстве движением рабочих. Это «обстоятельство» — празднование Международного женского дня, как указывает Мелансон, «символизирует центральную роль деятельности соци-

---

[1] *Хеймсон Л.* Рабочий класс в революционных процессах // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 108, 109.

[2] *Шляпников [А.Г.]* Мартовские дни.

[3] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. С. 155, 156.

[4] *Вада Х.* Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. М., 1999. С. 33, 34.

[5] *Марков И.* Указ. соч. С. 67, 68, 103.

алистов в Февральской революции» (a symbol of the central reality of socialist involvement in the February Revolution)[1].

В западной литературе, помимо обычного некритического повторения «общепринятых» выводов советских историков, оценка роли выборжцев завышалась также из-за ревизионистского увлечения актуальностью гендерного аспекта. «Февральские дни начались с выступления работниц, вызванного развалом хлебного снабжения, — пишет Л.Т. Ли, — по случаю Международного женского дня». «*Женщины* Выборгского района... *особенно работницы* хлопчатобумажных мануфактур, внесли свой *решающий вклад* в начало Февральской революции»; они, «*как и работницы* металлообрабатывающих предприятий Выборгского района, начали забастовку в *международный женский день*, 23 февраля» и втянули в борьбу рабочих того же района[2]. В новых обобщающих трудах гендерный аспект представлен в очищенном от большевистско-выборгского начала виде: «Отмечался Международный женский день. Тысячи работниц питерских предприятий вышли на улицы... К ним присоединились мужчины забастовавших в городе заводов»[3]. Точки над «и» ставит черносотенно настроенный автор: «женский бунт»[4]. Свежее учебное пособие, правда, ограничивает проявление гендерного аспекта первой половиной дня: с полудня «женщины уже не составляли большинства» из тех якобы 90 тыс. бастовавших, которые числятся по «данным полиции»[5].

Сказалось и неудачное применение математических методов при попытке выяснить соотношение забастовок в Выборгском районе с движением в других районах. Понятно стремление Л. Хеймсона и Э. Бриана использовать для подсчетов однородные, сопоставимые данные, вследствие чего они оперировали только сводками фабричной инспекции. Но в применении к Петрограду с его крупными казенными военными предприятиями, неподотчетными фабричным инспекторам (включая Ижорский и секвестрованный Путиловский заводы, а всего на казенных заводах Петрограда к 1917 г. насчитывалось 165 тыс. рабочих), такая методика не годится, так как из калькуляций исключена

---

[1] *Melançon M.* The Socialist Revolutionaries. P. 276.

[2] *Lih L.T.* Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, 1990. P. 68; *Smith S.A.* Petrograd in 1917: The View from below // The Workers Revolution in Russia, 1917. Cambridge University Press, 1987. P. 61; *Хеймсон Л., Бриан Э.* Стачечное движение в России во время Первой мировой войны: количественный анализ и интерпретация // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. М., 1992. С. 105. Ср.: «Как известно, Февральская революция началась 23 февраля (8 марта по новому стилю) с выступления женщин на Выборгской стороне» (*Соколов А.В.* Русское политическое масонство 1910–1918 годов в отечественной историографии // Отечественная история. 2004. № 1. С. 148; Февральская революция 1917 года в российской истории // Отечественная история. 2007. № 5. С. 16. Выступление В.П. Булдакова; и мн. др.).

[3] История России XX — до начала XXI в. М., 2006. С. 248; Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2005. С. 382; *Кулешов С.В., Свириденко Ю.П., Федулин А.А.* Модернизация России (XIX—XX вв.). Социальные и политические процессы. М., 2007. С. 60; *Барсенков А.С., Вдовин А.И.* История России. 1917–2009. Изд. 3-е. М., 2010. С. 18 (университетское учебное пособие).

[4] *Набатов Г.В.* К вопросу об объективных и субъективных факторах революции 1917 г. // Революции 1917 г. в России. Уроки истории и политики. Нижний Новгород, 2008. С. 7, 10.

[5] Новейшая история России. 1914–2005. М., 2007. С. 48.

примерно треть рабочего состава столицы, не подведомственная фабричным инспекторам[1].

Еще более искажены события 23 февраля в полицейских документах, приводимых также в подтверждение исключительной роли Выборгского района: «В остальных частях города [здесь подразумевается и Нарвский район] забастовок и демонстраций со стороны рабочих не было»[2]. Действительно, военные и полицейские власти после объявленного 22 февраля локаута считали, что с забастовкой путиловцев покончено, и поэтому в официальных сводках эти десятки тысяч рабочих не фигурировали, и получалось, что 23 февраля бастовало всего 90 тыс. человек. «Цифровые данные этой полицейской сводки... неточны, — с полным основанием писал Шляпников. — В списках предприятий, бастовавших в этот день, не значится ряд заводов... Прибавление к этим числам одного только Путиловского завода и верфи увеличивает число бастовавших на 32 тыс. человек»[3]. Странно ведь писать о стачке на Путиловском заводе как о «закончившейся 22 февраля»[4]. Легко представить себе, что означало для этой озлобленной, сплоченной и не привыкшей сидеть без дела массы не просто оказаться на улице, но и лишиться продовольственного снабжения от интендантского ведомства и через рабочие потребительские лавки Путиловского общества, а не по недоступным рыночным ценам. Для них локаут означал немедленное начало голодовки, для молодежи — отправление в окопы. «После начала путиловской стачки весь ход событий шел навстречу революции», — припоминал Горький. Министр путей сообщения Э.Б. Войновский-Кригер указывал, что «все началось» с «забастовки в феврале 1917-го года на Путиловском заводе», после чего «беспорядок» развивался «в течение более недели, пока не превратился в общий бунт»[5].

---

[1] См.: Материалы по статистике труда. Пг., 1919. Вып. 5. С. 42. Табл. 9.

[2] Рабочий класс капиталистической России (Сб. обзоров). М., 1992. С.96, 97.

[3] *Шляпников А.* Февральская революция в документах // Пролетарская революция. 1923. № 13. С. 289. Численность рабочих Путиловского завода указана Шляпниковым без учета солдат. На 31 декабря 1916 г. (и 3 августа 1917 г.) на заводе имелась 31 тыс. рабочих (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 6. Л. 21 об.; ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 4. Д. 63. Л. 103). К февралю 1917 г., по сообщению Маниковского (в приказе по Главному артиллерийскому управлению от 31 января), там числилось еще «5,5 тыс. нижних чинов, прикомандированных к заводу». По свидетельству одного из прикомандированных, эти солдаты не были отстранены от работ 23 февраля, а явились на службу. Их «сгруппировали в шрапнельной мастерской, произвели разбивку по сменам», и 24–25-го они являлись на завод. «Работать — не работали, но и не уходили, а 26-го были «распущены до первого требования» (Четыре поколения (Нарвская застава). Л., [1933.] С. 267–268). С учетом прикомандированных солдат получается цифра, совпадающая с названной Керенским (около 36 тыс.). По донесению полицейского надзирателя Петергофского участка, 23-го «рабочие Турбинной мастерской Путиловской верфи после обеда, придя на работу, не приступая к таковой, все 500 человек разошлись по домам» (ГАРФ. Ф. 111. 1917 г. Д. 669. Л. 171 об.). Турбинная мастерская территориально принадлежала заводу. В Турбинной мастерской в апреле 1915 г. было занято 800 рабочих, на верфи же к 1917 г. — 3500 (В огне революционных боев. М., 1971. Вып. 2. С. 61, 62). Путиловская верфь была «23 февраля с утра... по распоряжению администрации закрыта, и рабочим объявлен расчет» (Исторический вестник. 1917. Апрель. С. VIII; Былое. 1918. № 1(29). С. 164).

[4] *Бобышев С.В., Серегин С.В.* Первая мировая война и перспективы общественного развития России. Комсомольск-на-Амуре, 1995. С. 27. «22 февраля забастовки на Путиловском заводе закончились локаутом» (*Галили З.* Указ. соч. С. 18).

[5] «Из памяти выплыли воспоминания...» С. 30; *Войновский-Кригер Э.Б.* Записки инженера. М., 1999. С. 85.

Можно, конечно, держаться сугубо формальной позиции и не признавать бастующими путиловцев после локаута. Но что же, тогда и путиловцами их не считать с момента локаута? Кто были те, кто приходил к Керенскому 22 февраля? Они именовали себя представителями путиловских рабочих. Кто обратился к рабочим Петрограда за поддержкой?

Если в целом по Петрограду 23 февраля бастовало до трети всех рабочих (в том числе около 60 тыс. на Выборгской стороне)[1], то путиловцы — все 30 с лишним тысяч — оказались за воротами завода. По наблюдениям Н.Н. Суханова и Е.П. Семенова, «в среду и четверг, 22–23 февраля, уже ясно определилось движение на улицах, выходящее из пределов обычных заводских митингов»; «мирные манифестации толпы, требовавшей “хлеба”, происходили уже 22-го», причем полицейские документы об этом молчат[2]. Хроника событий, напечатанная в «Биржевых ведомостях» 5 марта (утренний выпуск), засвидетельствовала, что 22 февраля в связи с закрытием Путиловского завода «в районе этого завода и затем на всех окраинах, где расположены фабрики, огромные толпы ходили с криком “хлеба, хлеба”. 23 февраля характер выступлений толпы изменился. Рабочие массы не оставались более в своих районах, а огромными толпами устремились в центральные части города, но серьезные демонстрации начались только 24 февраля». Главное, что сделало 23 февраля первым днем революции, пишет Г.Л. Соболев, — это то, что «забастовавшие вышли со своими требованиями на улицу». Вышли на улицу — или оказались за воротами завода — в данном случае уже не составляет разницы с точки зрения развития политических событий. Но считая, что забастовочное движение началось «на передовых предприятиях 23 февраля», ошибочно было бы подразумевать лишь выборгские мануфактуры[3]. На Путиловском заводе оно началось еще в январе, забастовкой был вызван и локаут 22-го февраля. Правда, в думском запросе, в речи Скобелева, воспоминаниях Зензинова и Керенского высказано предположение, что, объявляя локаут, администрация стремилась использовать забастовку как предлог для остановки завода, вызванной в действительности прежде всего нехваткой угля, т.е., в конечном счете, транспортным кризисом[4]. По сообщению «Биржевых ведомостей», локаут последовал

---

[1] История рабочих Ленинграда. Л. 1972. Т. 1. С. 514, 515. По материалам фабричной инспекции Хеймсон указывает численность рабочих-металлистов в Выборгском районе — 30 с лишним тысяч (*Haimson L.* «The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution» Revisited // Slavic Review. Vol. 59. № 4. Winter 2000. P. 866 fn), то есть почти столько же, сколько их было на Путиловском заводе.

[2] *Ганелин Р.Ш.* Петроград 23 февраля. С. 71, 72.

[3] *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973. С. 27; *Hasegawa Ts.* Op. cit. P. 203.

[4] Отмечая сложившееся в историографии «единодушное мнение» о том, что Россия имела слабую железнодорожную сеть из-за общей экономической отсталости и скудости финансирования, А.С. Сенин добавляет к этим причинам транспортного кризиса еще и «организационные просчеты» высшего управления. Путейцы в этих условиях действовали высокопрофессионально и мужественно, за первые годы войны они проделали «больший объем работ, чем за предыдущее десятилетие, но наверстать упущенное так и не удалось. В результате железные дороги оказались наиболее уязвимым звеном в экономике страны» (*Сенин А.С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М., 2009. С. 165).

«под предлогом беспорядков. Этому объяснению в городе не поверили, так как беспорядков никаких не происходило, и раздражение стало принимать все более острые формы»[1].

Забастовкам на Ижорском и Путиловском заводах Лейберов придает значение «непосредственного толчка, приведшего в движение рабочие массы в февральско-мартовские дни». В противоречии с этим он одновременно пишет: «Однако распространять влияние» этих забастовок «на весь петроградский пролетариат будет неправомерно. Это было бы преувеличением. Влияние их носило все-таки локальный характер и не распространялось далее внутризаводских и внутрирайонных масштабов»; «Все началось с Выборгской стороны»[2].

«Биржевые ведомости» и шляпниковский «Осведомительный листок» совокупно дают более ясную и логичную картину, в которой Путиловский и Ижорский локауты занимают ключевое место. «Это был крайне неосторожный шаг властей, — указывал В.И. Старцев. — Путиловский завод всегда был барометром настроения всех рабочих города. Появление безработных путиловцев в рабочих районах стало своеобразным революционным бродилом, мгновенно поднявшим политическую температуру на рабочих окраинах»[3].

Учительница О.В. Синакевич 23 февраля, проехав в трамвае с Выборгской стороны на Петроградскую сторону, чтобы дать уроки в гимназии, и затем возвратившаяся таким же путем к урокам в Выборгском училище, отмечала, что в утренние часы окружавшие ее люди находились в неведении о событиях на заводах и возле них: «до полудня все было как всегда», на улицах не происходило «ничего, что отличало бы этот день от рядовых будней». Первые немногочисленные толпы демонстрантов, направлявшиеся к Финляндскому вокзалу, появились только после полудня, останавливая трамваи, ломая их[4]. Хронология борьбы отражена и в корреспонденции «Нового времени» (задержанной цензурой): «Около 5 часов дня на Невском проспекте появились огромные толпы народа, которые прибывали из пригородных мест («толпа из пригородов» у Керенского. — *В.П.*) на трамваях», и рассеивать эти толпы рабочих принялись «казачьи сотни, драгунские и конные части», наряды полиции[5].

---

[1] Биржевые ведомости. 5.III.1917. Утренний выпуск.

[2] *Лейберов И.П., Рудаченко С.Д.* Революция и хлеб. М., 1990. С. 51, 58, 70. В статье «Новое о Февральской революции 1917 г.» Лейберов совсем не упоминает ни о Путиловском заводе, ни о Нарвском районе // *Лейберов И.П.* Последние годы... Сб. ст. и очерков. СПб. 2003.

[3] *Старцев В.И.* Россия в годы Первой мировой войны // История СССР. 1861–1917. М., 1990. С. 391; *Antoniazzi F.* Op. cit. P. 79, 80; WADE R.A. The Russian Revolution. 2nd ed. Cambridge University Press. 2006. P. 29. История отечественного государства и права. Учебник. М., 2012. С, 288; История государства и права России. Учебник для бакалавров. М. 2012. С. 543, 544

[4] Цит. по: *Смирнова А.М.* Первые дни Февральской революции в восприятии петроградской интеллигенции // 90 лет Февральской революции в России. [СПб., 2007]. С. 17.

[5] *Балабанов М.С.* Указ. соч. С. 434. Как вспоминал рабочий Ижорского завода П.И. Зубков, в феврале «мы все чаще из Колпина целыми группами уезжали в Петроград и участвовали в демонстрациях» (В огне революционных боев. Вып. 2. С. 179). Собственно, и местоположение Путиловского завода — это «далекая окраина города, за Нарвской заставой, в центре народной нищеты» (Новое время. 18.II.1908).

Хеймсон, как и Мелансон, придает значение поворотного события («тем самым начали события Февральской революции») тому, что 23 февраля рабочие Выборгского района (теперь уже, по мнению Хеймсона, рабочие-металлисты, а не работницы-текстильщицы) «первыми прорвались в центр города»; «так эти рабочие Выборгского района, — пишет Хеймсон, — положили начало февральским событиям 1917 г.». Г.Л. Соболев отрицает факт «овладения центром города»: «В этот вечер в центральную часть города пробилось около 6 тыс. демонстрантов, которые, однако, не смогли стать еще там хозяевами положения, хотя им и удалось остановить трамвайное движение»[1]. Действительно, 23-го до полудня на Невском было сравнительно мало рабочих; что же касается выборжцев, то их до 4 или 5 часов дня полиция сдерживала, не пропуская «с Выборгской стороны на другую сторону Невы», а к 7 вечера полиция считала, что и в Выборгской части порядок восстановлен[2].

При всех усилиях раскрыть «удельный вес» выборжцев-большевиков в событиях 23 февраля, И.П. Лейберов скрупулезно рассчитал по часам движение колонн демонстрантов и создал объективную фактическую картину[3]. По приведенному им свидетельству Балка, «уже утром выяснилось стремление народа, явное и неуклонное, со всех частей города на Невский проспект», чему противодействовала полиция, и особенно успешно — движению выборжцев. Та часть демонстрантов, которая около 5 часов вечера сумела прорваться из Выборгского района через Литейный мост, конными нарядами войск и полиции «была оттеснена обратно». В самом же Выборгском районе после снятия Арсенала и присоединения Патронного завода, вспоминал И.И. Мильчик, «объектов деятельности больше нет. Толпа выдыхается» и, «не зная, куда применить свою энергию, редеет и тает, растекаясь по Безбородкину и по боковым переулкам и чайным»[4].

Попытка выборжцев проникнуть из своего района за Неву другим путем, через Петроградскую сторону по Троицкому мосту (около 3 часов дня) также была пресечена конными городовыми. Лишь колонна численностью около тысячи рабочих с Выборгской и Петроградской сторон примерно в 5 вечера подошла «к Казанскому мосту на Невском проспекте со стороны Михайловской улицы». За час 152 пеших и конных полицейских разогнали этих демонстрантов, после чего «центральная часть Невского проспекта патрулировалась

---

[1] *Хеймсон Л.* Развитие политического и социального кризиса. С. 19, 31–32, 78; Питерские рабочие и Великий Октябрь. С. 44.

[2] *Ганелин Р.Ш.* Петроград 23 февраля 1917 г. // Новый часовой. 1999. № 8/9. С. 66–67, 70; Революционный Петроград, год 1917. Л., 1977. С. 28; *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. С. 124–125, 128–129. У Мелансона каким-то образом получилось, что «бастующим выборжцам уже к 1 часу дня удалось перебраться через Неву на Невский проспект» (*Melançon M.* Rethinking Russia's February Revolution. P. 20). Марков, явно преувеличивая, рассказывал в беседе с путиловскими рабочими, встретив их на Невском 24-го, что 23-го «весь Выборгский район в половине четвертого уже весь вышел на Невский» (Марков И. Указ. соч. С. 103).

[3] См.: *Лейберов И.П.* Начало Февральской революции. С. 25, 14, 15. См. также: *Ганелин Р.Ш.* Петроград 23 февраля 1917 г. С. 70.

[4] *Мильчик И.И.* Февральские дни на Выборгской стороне // Ленинградская правда. 12.III.1927; Его же. За Николаевским шлагбаумом. Л.; М., 1933. С. 395–396.

конными разъездами», «пешие городовые охотились за отдельными рабочими, появлявшимися на Невском проспекте», а через Литейный мост рабочих больше не пропускали[1]. Утверждение, что сил полиции не хватало, чтобы сдержать движение народа к Невскому, таким образом, в принципе верно. Но это не означает, что полицейская власть была застигнута «врасплох»[2]. «На мостах Николаевском, Троицком, Литейном, на перекрестках больших улиц Выборгского и Петроградского районов... были поставлены усиленные наряды, причем особенно много полиции было расставлено на Литейном проспекте». Тем не менее «к 7 часам вечера толпа рабочих прошла с Литейного моста» (с Выборгской стороны), но затем она разделилась: часть ее «повернула на Сергиевскую» (то есть в сторону от Невского), «а другая направилась к Литейному проспекту, где у здания Мариинской больницы была встречена нарядом конной стражи, которая быстро рассеяла толпу»[3].

В итоге, после упорных попыток пробиться к Невскому проспекту небольшой колонне выборжцев и рабочих Петроградской стороны это удалось — на короткое время, и уж конечно не идет речи об «овладении» центром города; нельзя сказать, что «всю вторую половину дня Невский был заполнен революционным народом»[4]. Когда эти демонстранты, наконец, прорвались на Невский, то увидели, что «в направлении к Аничкову мосту нет рабочих. Двигаемся на Знаменскую площадь», т. е. от центра; там состоялся митинг. А вскоре появились отряды конной полиции, и было объявлено: «Расходись, товарищи, мы свое дело сделали. Сигнал подали товарищам других районов»[5]. При максимальном допущении, рабочие-демонстранты, явившиеся из разных районов города и пригородов, по Лейберову, «с четырех и до семи часов вечера» были «хозяевами положения в различных частях» Невского проспекта разновременно. Выборжцам довелось там демонстрировать в последнюю очередь и вряд ли больше часа. По данным Лейберова и других авторов, к семи часам вечера порядок на Невском проспекте, на Выборгской стороне и в других частях города был восстановлен.

Путиловцы в этот день тоже «приняли участие в демонстрациях в центральной части города»[6]. По свидетельству Григелевича, беспартийного рабочего паровозомеханической мастерской, еще 21-го вечером рабочим стало известно, что завод будет закрыт и все уволены; в этот день в ряде мастерских вывезли на тачках ненавидимых мастеров; «остальные мастера и все конторские работники разбежались, и [паровозомеханическая] мастерская осталась без технического персонала... 22 февраля не были слышны гудки Путиловского завода, молчание их предвещало какое-то неведомо важное событие... В сторону завода по Петер-

---

[1] *Лейберов И.П.* Начало Февральской революции. С. 17, 20, 21; *Ганелин Р.Ш.* Петроград 23 февраля 1917 г. С. 70.

[2] Новейшая история России. 1914–2005. С. 48.

[3] *Балабанов М.* Указ. соч. С. 434.

[4] Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1986. С. 172.

[5] *Марков И.* Указ. соч. С. 92–93.

[6] *Лейберов И.П.* Начало Февральской революции. С. 18.

гофскому шоссе сплошным потоком шли рабочие... На завод никого не пускали. Двери проходных были закрыты. Начался митинг... Мы, молодые рабочие, в количестве более ста человек повернули обратно и пошли по направлению Нарвских ворот». К шествию примыкали рабочие Тентелевского химического завода, бумажной фабрики. С пением «Марсельезы» демонстрация двинулась к центру города; в ряде мест произошли столкновения с полицией и войсками. «По Невскому в сторону Зимнего дворца двигались значительные группы рабочих. Мы присоединились к ним. На площади у Казанского собора шел митинг, мы примкнули к нему». С давних пор Казанский собор и Казанская площадь «служат как бы официальным местом для церковно-революционных парадов, — отмечал журналист, — для своего рода “разводов с церемонией”. Сюда именно собираются все нижние чины бунта, студенты и рабочие, и отсюда их разводят, с церемонией или бесцеремонно, по участкам»[1].

Полиция к вечеру разогнала митингующих, и, как вспоминал Григелевич, «мы уехали в вечернюю школу [Путиловского завода]». Там «мы подробно обсудили план действий на второй день. 23 февраля, как это было условлено, утром мы собрались около шлагбаума и направились к проходной завода... Большая часть рабочих, в основном молодые рабочие, построившись в ряды по 10–12 человек, по шоссе двинулись в сторону Нарвских ворот. По пути следования к нам присоединялись многие женщины, стоявшие в очередях у продовольственных магазинов и лавочек. Когда наша колонна подходила к Балтийской улице (видимо, примерно в этот момент появились флаги, запомнившиеся Хабалову. — *В.П.*), нам было предложено пойти на завод Треугольник, чтобы привлечь работающих там женщин... Мы, молодые рабочие... по пути следования заходили к знакомым работницам Треугольника и вместе с ними подошли к проходной Треугольника... При помощи некоторых работниц... нам удалось проникнуть на Треугольник, и на наш призыв многие работницы, бросив работу, вместе с нами направились к центру города. На Невском проспекте приняли участие в демонстрации, которая была разогнана полицейскими»[2]. В этот же день при разгоне 300–400 рабочих, двигавшихся с пением революционных песен со стороны Выборгского района («от Литейного моста по направлению к Невскому проспекту»), единственный конкретно названный задержанный полицией рабочий — А.А. Ядринцев с Путиловского завода. Ядринцев был схвачен «за демонстративный отказ расходиться», «за подстрекательство к уличным беспорядкам, клонящимся к нарушению государственного порядка»; он «ослушался приказа вернуться, завлекая других за собой»[3].

23 февраля путиловцы участвовали в «снятии» Орудийного завода (в начале Литейного проспекта; там за Невой, через мост — как раз Выборгский

---

[1] *Меньшиков М.* Рутина и революция // Новое время. 19.IV.1912.

[2] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1063. Л. 10–16.

[3] ГАРФ. Ф. 111. 1917 г. Д. 669. Л. 170 об. Телефонные сообщения, принятые 23 февраля дежурным по Петроградскому охранному отделению; *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима. (По приставским донесениям и показаниям свидетелей). // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. IX; *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. Кн. 1. С. 65; *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. С. 129.

район), и, видимо, не только его. По сообщению пристава Портового участка Нарвской части, 24 февраля рабочие Гутуевской верфи бросили работу, «мотивируя это тем, что придут путиловские рабочие и силой могут снять с работы». На улице в этот день говорили, что «путиловцы собираются с Трубочного завода снять рабочих»[1]. Они оказывали сопротивление полиции, разгонявшей демонстрацию на Литейном проспекте, проводили антивоенный митинг вместе с рабочими и работницами Тентелевского завода. От Нарвской заставы на южной окраине столицы вплоть до Выборгского района на севере — всюду в тот же день дали они о себе знать.

У Лейберова речь идет об «отдельных малочисленных группах», «не более нескольких десятков путиловской рабочей молодежи», но по каким признакам и источникам удалось установить именно такую численность путиловцев в тысячных смешанных толпах и колоннах, не сообщается. Описание упорядоченного, в заводских колоннах, движения (в воспоминаниях Свешникова) выглядит как позднейшее изображение того, чему следовало бы быть согласно большевистскому мироощущению; фактически же заводские колонны создавались только в начальный момент демонстрации.

В Выборгском районе 23 февраля первоначально демонстранты пытались группироваться «по заводам и заводским вождям»[2]. Но затем, еще в пределах Выборгского района, толпы рабочих с разных заводов перемешались так, что получилась «одна сплошная масса», в которой «рабочие отдельных заводов теряют связь между собой»; «какой завод — не разберешь — может быть, Металлический, может, Патронный или Розенкранц», и рабочие, «не видя знакомых лиц, не имея руководства, двигаются уже стихийно», «идут кто куда», — вспоминал участник событий[3]. Выборжцы, сумевшие к 4 часам дня попасть на левый берег, либо проникали через полицейские наряды на мостах поодиночке, либо переходили «по льду р. Невы на большом ее протяжении» — не колоннами и не толпами, и лишь затем им «удалось сгруппироваться в боковых, прилегающих к набережной улицах»[4]. Заключение Лейберова, что пролетариат пригородов (значит, и Ижорского завода) «в движении участия еще не принял», остается неподтвержденным.

Таким образом, стачки и локаут на Путиловском заводе и затем выступление работниц в «женский день» 23 февраля подтолкнули рабочих к открытой борьбе с правительством[5]. Реализовалась та угроза, которую правительство осознало годом раньше[6], когда изъятие Путиловского завода в военное

---

[1] *Астрахан Х.М.* Указ. соч. С. 129; *Степной Н.* (Афиногенов Н.) Этапы Великой Русской Революции. Самара, 1918. С. 8.

[2] *Марков И.* Указ. соч. С. 80.

[3] *Мильчик И.И.* За Николаевским шлагбаумом. С. 395; Его же. Февральские дни на Выборгской стороне.

[4] *Ахаемов Н.Ф.* Указ. соч. С. VII.

[5] *Генкина Э.Б.* Февральский переворот // Очерки по истории Октябрьской революции. М.–Л., 1927. Т. 2. С. 43; *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. Кн. 1. С. 65; *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. С. 121; *Пушкарева И.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. С. 141,142; *Mandel D.* Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime. L., 1983. P. 63.

[6] *Семенников В.П.* Монархия перед крушением. М.–Л., 1927. С. 119–121.

управление поставило власть лицом к лицу непосредственно с требованиями 30-тысячного коллектива, признанного в столице и в стране головным отрядом рабочего движения — по опыту массовых действий и в 1905, и в июле 1914 г., и в феврале—марте 1916 года. В 1917 г. это противостояние выразилось с удвоенной силой из-за конфликта на Ижорском заводе. «Весть о локауте на Путиловских заводах разнеслась по всему городу, вызывая всеобщее возмущение рабочих во всех районах», — свидетельствовал Шляпников[1]. 24-го «слух, что забастовал Путиловский завод» проник к солдатам Измайловского полка, которых начальство держало в казармах взаперти. «Это известие снова подняло среди нас упавший было революционный дух», — писал в «Правде» 21 марта солдат-социал-демократ. В самый же день 23-го события начались на окраинах: на Выборгском шоссе («Айваз») и за Нарвской заставой; «наряду с рабочими Выборгской стороны путиловцы шли в авангарде»; но оба потока слились воедино к 24 февраля[2].

В событиях Февраля одни исследователи приписывают главенство либеральным думским деятелям, другие — социалистам (либо большевикам, либо более умеренным)[3]. При этом остается нерешенным общий вопрос о том, насколько существенным было влияние каких бы то ни было партий на настроения и поведение массы рабочих. Уже к середине февраля левые социалистические партии имели возможность убедиться на деле, насколько мало влияли на рабочий класс. Провалились их попытки предотвратить намеченные гвоздевской Рабочей группой ЦВПК на 14 февраля массовые антиправительственные выступления и вместо этого организовать собственные демонстрации 10 и 13 февраля. Свыше 80 тыс. питерских рабочих участвовали в забастовке 14-го, несмотря на то, что еще в конце января Рабочая группа была «ликвидирована» полицией. Этот результат показал левым социалистам, что Рабочая группа ЦВПК, внепартийная по способу формирования, была больше в контакте с рабочими Петрограда, чем левые социалистические партии[4]. Рабочие, прислушивавшиеся к призывам гвоздевской группы, довели начатую ею кампанию до впечатляющего результата, а сама она к тому времени утратила свой прежний, фактически партийный, меньшевистско-оборонческий облик (что было удостоверено арестом); эта радикализация и сблизила ее с выведенной из терпения массой рабочих.

---

[1] *Шляпников А.* Февральские дни в Петрограде // Пролетарская революция. 1923. № 1(13). С. 82, 83.

[2] *Яковлев Я.А.* Февральские дни 1917 г. // Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 83; *Лейберов И.П.* Свержение царизма. Л., 1967. С. 30. К сожалению, до сих пор остается не освещенным поведение в те дни рабочих колпинского Ижорского завода. Глухое упоминание — в словах Керенского о «толпе из пригородов» 23 февраля на Невском проспекте.

[3] Новый «классический университетский учебник», не упоминая о состоявшейся 22 февраля в редакции «Северных записок» встрече, без указания источников утверждает, что Чхеидзе и Керенский «установили связь с нелегальными организациями» — как будто раньше этого не было — и даже «создали комитет для проведения демонстрации 23 февраля» (*Федоров В.А.* История России. 1861–1917. М., 2001. С. 314; То же. М., 2009. С. 388).

[4] *White J.D.* The February Revolution and the Bolshevik Vyborg District Committee (In Responce to Michael Melançon) // Soviet Studies. Vol. 41. № 4. October 1989. P. 631.

Догма об эффективном партийном руководстве движением утвердилась в силу политико-идеологических условий, в которых создавались мемуарные источники и проводились исследования. Она порождает схематизм, искаженные сравнительные оценки поведения столичного пролетариата — его групп по районам и профессиям. Под ее давлением исключительная роль отводится выступлениям выборжцев (особенно работниц-текстильщиц) — за счет замалчиваемых наступательных действий рабочих в Нарвском районе и в пригородах (Колпино, Ижорский завод). Отсюда же и противоречия в советской историографии, вынужденной все же признавать, что «в февральских событиях без особого труда прослеживается тенденция рабочих к самоорганизации», и цитировать соответствующие антипартийные высказывания В.И. Ленина[2].

Конечно, Мелансон прав, когда выступает против понимания действий рабочих масс в февральские дни как «совершенно стихийного» поведения. Он ставит целью воссоздать картину событий в разнообразии оттенков и раскрыть «возможную роль» социалистических партий. Но исполнение этого благого замысла требует последовательности. Степень стихийности массовых действий едва ли может оцениваться лишь в зависимости от руководящего участия в них партийных структур. Одно дело, когда «толпа выдыхается» и «тает, растекаясь по боковым переулкам и чайным». Другое — когда рабочий коллектив направляет делегацию на переговоры, избирает стачечный комитет, старшие рабочие поручают молодым пройти по другим мастерским, чтобы знать, что происходит на заводе, и т.д. Даже если это делалось без ощутимого влияния политических организаций, говорить о стихийности движения здесь уже неправомерно, хотя бы оно и развивалось вопреки партийным установкам.

Очевидная противоречивость существующих в литературе истолкований взаимосвязи событий в Петрограде 22–23 февраля свидетельствует о необходимости критического пересмотра работы, проделанной с источниками.

В.В. Поликарпов

23 февраля

Старый спор о стихийном или организованном характере Февральской революции и о политических силах, сыгравших роль в ее происхождении (с некоторых пор чуть ли не первое место среди них отводится масонству), имеет, как представляется, в качестве важнейшего пути своего решения непредубеж-

---

[1] В юбилей 1927 г. появились статьи Я.А. Яковлева и Е. Ярославского, которые дали повод советскому автору сделать обобщение: «О руководстве движением со стороны каких-либо партийных центров говорить не приходится» (*Ефимов А.* Проблема власти в первые дни Февральской революции 1917 [года] // Революция права. 1928. № 3. С. 53).

[2] Свержение самодержавия. М., 1986. С. 176, 186.

денное и последовательное рассмотрение с этой точки зрения хода революционных событий с самого их возникновения[1].

Утро 23 февраля 1917 г. в Петрограде было ясным, с легким морозцем, вспоминал Н. Ф. Рябов, работавший на Металлическом заводе[2]. «Погода отличная — солнечная. Мороз при полном безветрии градусов 5–6», — отметил в своем «Дневнике последнего петроградского градоначальника» ген. А.П. Балк, добавив, имея в виду все последующие февральские дни: «Такая погода продолжалась все время»[3]. Обычный трудовой четверг — это был Международный день работницы — на многих предприятиях Выборгской стороны начался с того, что женщины организовали митинги на тему о войне, дороговизне, положении рабочих, выливавшиеся в приостановку работ. Лозунги гласили поначалу: «Хлеба!» и «Долой войну!» Как указывалось в полицейской «Сводке сведений о ходе рабочих беспорядков в городе Петрограде, возникших 23 февраля 1917 г.», недостаток хлеба особенно чувствовался в Выборгском районе, «где по наблюдениям местной полиции за последние дни многие совершенно не могли получить хлеба»[4]. Градоначальник Балк считал, однако, что продовольственные трудности не были из ряда вон выходящими. По его словам, в городских запасах находился недельный резерв муки для прокормления трех миллионов жителей, помимо того, существовали военные запасы, которые в крайнем случае также могли быть использованы. Перебои в подвозе муки он объяснял пробками на железных дорогах, из-за которых, начиная с 14 февраля, требовавшиеся ежедневно 40 вагонов поступали не все, часть их застревала в пути. Но специальные толкачи, посылавшиеся Министерством земледелия, и министр путей сообщения обещали перемены к лучшему. «Телеграммы получались со всех сторон, что мука идет в большом количестве и что вот-вот столица будет залита мукой», — писал он. «Голода не было, — утверждал он. — Достать можно было все, а к хвостам привыкли. Хлеб вкусный и питательный выдавался по $1^1/_2$ фунта на человека, а рабочим и войскам по два. У многих была припасена мука, сухари. Волновали слухи, распространяемые паникерами, что скоро мука перестанет доставляться и выдача хлеба будет производиться по карточкам, а потому надо делать запасы сухарей. Во всяком случае вопрос о наступающем голоде был раздут самой публикой, к сожалению, не без участия интеллигенции, и получилась общая паника, вынесенная кем-то на улицу. А затем хождение и вопли “хлеба, хлеба“, очевидно, всем нравилось, было приятное занятие ставить полицию в глупое и смешное положение. И таким образом многие вполне лояльные люди, а в особенности

---

[1] См. археографический и историографический обзор в предисловии к сборнику документов и материалов «Февральская революция 1917 г.» / Сост., автор предисл. и примеч. О.А. Шашкова / Отв. ред. *А.Д. Степанский, В.И. Миллер*. М., 1996.

[2] *Рябов Н.Ф.* Долой царя!

[3] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда (23–28 февраля 1917 г.). Дневник последнего петроградского градоначальника / Публ. Р.Ш. Ганелин, А.Ю. Гурьянов // Сумерки. СПб., 1991. № 13. IX—XII. С. 133.

[4] Февральская революция в документах // Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 288.

молодежь, бессознательно подготовляли кровавые события, разыгравшиеся в последующие дни...»[1].

Панические слухи относительно будущих хлебных норм, действительно, распространялись по городу (те, о которых упоминал Балк, были, по-видимому, нормами отпуска в одни руки). Говорили о фунте на взрослого и полуфунте на ребенка, продовольственные трудности широко обсуждались и в печати. «В течение последующих последних четырех дней, — писал Балк командующему войсками Петроградского военного округа ген. С.С. Хабалову в этот день, в момент, когда движение уже началось, на Выборгской стороне бастовало 15 000 рабочих и ожидалось распространение забастовки, — почти вся столичная пресса посвящала ряд статей и заметок вопросу о введении в Петрограде карточной системы на хлеб». Он объяснял это тем, что городское общественное управление обсуждало этот вопрос без ведома уполномоченного председателя особого совещания по продовольствию В.К. Вейса. Газетные сообщения, считал он, и «вызвали волнения, в особенности в рабочей среде, и в течение двух истекших суток выпекаемый хлеб быстро расхватывался ранее пришедшими в лавки покупателями, очевидно, в запас, позже же приходившим рабочим уже ничего не оставалось»[2]. (Заметим на будущее, что Балк говорил о «двух истекших сутках».) Градоначальник сообщал, что по распоряжению Вейса в «Русской воле», «Новом времени», «Петроградской газете» и «Вечернем времени» как наиболее распространенных газетах столицы были помещены статьи, разъясняющие истинное положение дела, и добивался, «чтобы цензура не допускала статей, трактующих о возможном сокращении потребления продуктов первой необходимости, так как это вызывает повышенные требования на продукты со стороны населения и затрудняет снабжение его продовольствием»[3].

Голода в городе не было, но очереди у булочных и керосиновых лавок в этот день, 23 февраля, дали толчок движению не только в Выборгском районе, где работникам, занятым на фабриках в утренние и дневные часы, хлеба попросту могло не достаться, но и на Петроградской стороне, где в очередях было больше прислуги и домашних хозяек, хоть Балк и утверждал, что «в очередях приходилось ждать, но не более того времени, к которому привыкло население»[4].

Как бы то ни было, настроение на предприятиях Выборгской стороны, было, по словам И. Мильчика, ближе всего знавшего обстановку на заводе Эриксона, «настолько единым», что «руководящие группы» рабочих «без предварительного сговора вынесли однотипное решение: бастовать и выходить на улицу, снимать другие заводы». Даны были лозунги: «Долой самодержавие!»,

---

[1] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 133–134.

[2] Пролетарская революция. 1923. 1 (13). С. 293, 294.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 135. Существовала тенденция объяснить перебои в хлебной торговле распоряжением Балка, сделанным им хлеботорговцам по приказанию Протопопова. Оно состояло в том, чтобы они не выпекали хлеба больше указанной нормы, которая была недостаточной. Поэтому де в лавках была мука, а хлеба не было (Полк. *Г. Г. Перетц.* В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля–23 марта 1917 г. Изд. 2-е. Петроград. 1917. С. 11).

«Долой войну!», «Требуем хлеба!» Рабочие ораторы инструктировали товарищей, как вести себя на улице. В качестве целей выхода называли свержение самодержавия, в котором видели «основную причину всех народных бедствий», а также прекращение войны. Ораторы предостерегали против «соблазна громить лавки», чтобы «не потопить в погромах» политические цели движения, призывали назавтра в обычный час приходить на заводы, но к работе не приступать[1].

Как указывалось в «записке о происшествиях»[2], движение на предприятиях Выборгской стороны и забастовки на них начались с 9 часов утра, а выход рабочих на улицу — около часа дня. И. Мильчик же утверждает, что рабочие заводов Эриксон и Новый Лесснер вышли на Сампсониевский проспект около 11 часов.

На улицах появились красные флаги и революционные лозунги, останавливались под влиянием женщин «мужские предприятия». За воротами Металлического завода на Безбородкинском проспекте стояла колонна работниц фабрики «Гаванера», с которой соединились металлисты. В это же время выходили рабочие Арматурного завода, заводов «Промет», «Розенкранц» и «Феникс». Образовался мощный поток демонстрантов, устремившийся к мосту Александра II (Литейному) чтобы попасть в центр города. У трактира Казнова на Безбородкинском проспекте возник импровизированный митинг, на котором одна из участниц «снятия» с работы Металлического завода заявила: «Мужчины, что вы молчите? Наших мужей на фронте бьют, а мы здесь день и ночь маемся. Довольно терпеть. Объявим всеобщую забастовку». Затем заговорила другая женщина, по-видимому, из очереди: «Тяжелее нашей женской доли нет: или работай, или стой в очередях, а кормить семью не знаешь чем. Дети мрут, мы недосыпаем, когда же все это кончится? Давайте настойчиво требовать улучшения жизни»[3].

Прохожие останавливались, лавочники закрывали лавки. При одной из встреч с казаками, описанной И. Мильчиком, толпа стала неуверенно приближаться к ним, «инстинктивно, безо всяких указаний, не выбрасывая лозунгов “Долой войну”, “Долой самодержавие”, с возгласами: “Мы голодны”, “Мы вышли требовать хлеба”». Казакам предлагали курево, женщины убеждали их не мешать шествию, говоря: кончим войну и вы поедете домой. Демонстрация повернула на Нижегородскую ул. После происшедшего тут слияния с колоннами Металлического завода, завода Розенкранца толпа насчитывала, как считает И. Мильчик, тысяч около ятнадцати.

Городовые пытались воспрепятствовать шествию. Как бы в ответ на это, недалеко от завода «Новый арсенал» народ стал громить булочную и мелочную лавку, а на площади у Финляндского вокзала при попытке разогнать направлявшуюся

---

[1] *Мильчик И.* Рабочий февраль. М.–Л., 1931. С. 60–62.

[2] Такая записка составлялась секретным образом для рассылки приставам по поручению Балка с 1 декабря 1916 г. Последний ее выпуск, помеченный 24-м февраля 1917 г., содержал сведения о событиях 23 февраля (*Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. 6).

[3] *Рябов Н.Ф.* Долой царя! С. 263, 264.

на вокзал толпу был избит младший помощник пристава Гротгус[1]. В хронике февральских дней, составленной А.И. Ульяновой-Елизаровой и М.И. Ульяновой по горячим следам событий и напечатанной в «Правде» под заглавием «Ход событий» сейчас же после возобновления выхода газеты[2], отмечено, что на сахарном заводе Кенига полиция пробовала было вмешаться, но отступила под градом камней. Были схватки и в других местах. По данным Балка, при попытке воспрепятствовать толпе ворваться на Невскую бумагопрядильную фабрику пострадал околоточный надзиратель Смирнов. Прекратилось трамвайное движение через Сампсониевский мост и на Сампсониевском проспекте, 85 поездов вернулись в Петроградский трамвайный парк. На углу Нижегородской ул. и Финского переулка старший помощник пристава Каргельс был ранен при задержании рабочего, отнявшего ключ у вагоновожатого (таким способом останавливали трамвайное движение и в других местах). По сведениям полицейской сводки, около 1 часа дня движение охватило весь Выборгский район. «Забастовщики, — говорилось в ней, — энергично разгоняемые нарядами полиции, рассеиваемые в одном месте, вскоре собирались в других, проявляя в этом особое упорство»[3].

Часть участников движения решила направиться к Невскому проспекту, «сняв» по пути Орудийный завод, другие устремились на Симбирскую ул. «снимать» Арсенал, который как военное предприятие продолжал работу. Арсенальцы работу бросили, но к толпе не присоединились и разошлись по домам. «Сняты» были также 4000 рабочих Патронного завода. У пустых заводов были выставлены пикеты, чтобы не допустить на них ночные смены.

Около 4000 рабочих-выборжцев по Сампсониевскому мосту отправились на Петроградскую сторону, но на углу Большой и Малой дворянских улиц были рассеяны нарядом конных городовых. Но часть толпы успела пройти на Троицкую площадь, где, по сообщению полицмейстера полковника Н.П. Спиридонова, была разогнана конными городовыми под его начальством. При этом за подстрекательство толпы к неисполнению требований полиции был задержан крестьянин Петр Утан[4].

Балк пишет, что получил сведения о начале движения на Петроградской стороне около 12 часов дня, в хронике «Ход событий» указывается, что «часа в 3 дня весь район заволновался». В донесениях приставов находим сообщения о том, что в 2 часа 45 мин. толпы рабочих, преимущественно подростков «сняли» картонажную фабрику «Киббель» на Большой Ружейной ул. и пытались сделать это на трубочном заводе и фабрике конторских книг «Ф. Кан» (Кронверкская ул., 7 и 21). Около 3 часов на Большом проспекте, 61, очередь раз-

---

[1] *Рябов Н.Ф.* Долой царя! С. 263, 264; *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 160.

[2] Ход событий // Крушение царизма... С. 223–236. При составлении хроники был частично использован второй номер «Осведомительного листка» Русского бюро ЦК РСДРП, который был, по словам А.Г. Шляпникова, закончен им 26 февраля и распространялся 27-го и 28-го (*Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. Кн. 1. Изд. 2-е. М., б/г. С. 241).

[3] Февральская революция в документах. С. 289.

[4] Мы пользуемся обзором донесений приставов за 23 февраля (*Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима...// Исторический вестник. 1917. Апрель. С. VIII–XI).

громила известную в городе булочную Филиппова и масса женщин двинулась по направлению к булочной «Пекарь» на Каменноостровском проспекте. Там заявили, что хлеба нет, и только железные шторы спасли булочную от разгрома. Городовые не вмешивались, говоря: «Нам своя жизнь дороже». Согласно полицейской сводке, до 4-х часов дня нарядам полиции, охранявшим мосты и набережные, удавалось не допускать рабочих с Выборгской стороны на другую сторону Невы, но около этого часа часть рабочих поодиночке перешла по мостам и по льду в разных местах на левый берег. Сосредоточившись на прилегающих к набережной улицах, рабочие сумели почти одновременно прекратить работу на некоторых заводах и провести на Литейном и Суворовском проспектах демонстрации, которые полиции удалось разогнать, — указывалось в полицейской сводке[1]. Донесения приставов дают возможность изложить это более подробно. Около 5 часов дня толпа человек в двести подошла к запертым воротам орудийного завода (Литейный пр., 3) и, сорвав засов, ворвалась в раздевальную. Полицейский надзиратель Шавкунов, вынув шашку и револьвер, заставил толпу отхлынуть. Но, — в противоречие с этим говорилось в сводке, — часть ее проникла в мастерские и «сняла» рабочих числом в 1900 человек. При уходе толпы из раздевальной было похищено 10 пальто и разбито 20 стекол. Одновременно участники движения проникли со стороны Шпалерной улицы в мастерские гильзового отдела завода и сняли с работы около 3000 женщин, другие — числом до 200 человек — пытались попасть на завод через ворота на Сергиевской ул., но были встречены полицейским надзирателем Волковским с шашкой и револьвером и городовым Коваленко. Толпа отхлынула и с криками: «Хлеба, хлеба!» направилась по Литейному проспекту. Она была рассеяна конной полицией под руководством полицмейстера полковника М. П. Шалфеева. Но около часа спустя рабочие образовали на Литейном тысячную толпу, которая направилась к Невскому, держась наравне с разъездом из 15 казаков во главе с офицером. Только тогда, когда у дома № 59 толпа была остановлена полицией, казаки рассеяли ее. При этом «за демонстративный отказ расходиться» был задержан рабочий Путиловского завода Александр Ядринцев, 23 лет.

На Суворовском проспекте около половины седьмого собралась толпа, двигавшаяся к Невскому. Наряд полиции, высланный из 1 участка Рождественской части, лишь шел за ней. По пути она останавливала трамваи и громила лавки и магазины, причем из овощной лавки Соколова было расхищено товара и выручки на 75 руб. Около Знаменской площади и Пушкинской улицы, выйдя на Невский, участники движения продолжали останавливать трамваи, иногда разбивая в них стекла. Сосредоточение рабочих с остановкой трамвайного движения на Инженерной и Садовой улицах и на самом Невском проспекте в хронике «Ход событий» также приурочивалось к 4 часам[2]. Донесения приставов относят это к 4–5 часам.

---

[1] Февральская революция в документах. С. 289.

[2] Крушение царизма... С. 227.

Однако на самом деле центр города выглядел необычно с самого утра еще до появления в нем рабочих. Снова обратимся к дневнику градоначальника Балка. По сути дела этот важный для нас источник — не дневник, а мемуары, написанные автором в эмиграции в югославском городе Сараево. Балк датировал их 23 мая 1923 г. (очевидно, это дата их завершения). Мемуарам своим Балк придал, однако, дневниковую форму, возможно, использовав при этом какие-то дневниковые записи, хотя и без упоминания об этом[1]. Запись, датированная 23-м февраля, начинается словами: «На это число никаких зловещих указаний не было». «В 10 часов утра, принимая доклады у себя в кабинете, — писал Балк, — стал получать по телефону сведения об оживленном движении на Литейном и Троицком мостах, а также по Литейной ул. и Невскому проспекту. Быстро выяснилось, что движение это необычное, — умышленное. Притягательные пункты: Знаменская площадь, Невский, Городская дума. В публике много дам, еще больше баб, учащейся молодежи и сравнительно с прежними выступлениями мало рабочих. Колесное и трамвайное движение — нормальное. К 12 часам дня донесли о таком же движении на Петроградской стороне по Большому и Каменноостровскому проспектам. Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам, оживленно разговаривала, смеялась и часам к двум стали слышны заунывные подавленные голоса: хлеба, хлеба... И так продолжалось весь день всюду. Толпа как бы стонала: “хлеба, хлеба”. Причем лица оживленные, веселые и, по-видимому, довольные остроумной, как им казалось, выдумкой протеста»[2].

Нарисованная Балком почти веселая картина не совпадала с другими дошедшими до нас описаниями сцен «хлебного бунта». Вот одно из них: «Это было жуткое зрелище: толпа женщин, девчонок, подростков-мальчишек и старух, мирно стоявшая в очереди перед хлебной лавкой, вдруг, как один человек, соскочила с тротуара на мостовую, и громкие крики, смешанные с рыданиями и проклятьями, наполнили пустынную тонущую в белом снежном тумане раннюю улицу.

— Хлеба! Хлеба! — пронзительно кричала, прерывая крики рыданиями, костлявая высокая женщина с ребенком на руках»[3].

«О создавшемся совершенно неожиданном положении» Балк сделал доклад Хабалову, в результате чего в распоряжение градоначальника были даны 9–й запасной кавалерийский и 1-й Донской казачий Ермака полки. 9–й полк помещался в казармах поблизости от Таврического дворца. Командовал им полковник Мартынов. Донской казачий полк после пополнения только что прибыл в Петроград. Командовал им полковник Троилин.

---

[1] В настоящем дневнике вряд ли были бы возможны такие ошибки, как отнесение ранения полк. Шалфеева, полученного им 25 февраля, к 24-му, а визита Балка к нему в клинику — к утру 25-го. Впрочем, мемуарист, по-видимому, сам заметил это, зачеркнув текст о первом факте (хотя и восстановив его) и отчеркнув фразу о втором (*Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 138–139). Впрочем, ошибки такого рода носят единичный характер.

[2] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 133.

[3] З. (предположительно Ефим Зозуля. — *Р.Г.*) Что запомнилось. Февральские дни в Петрограде // Огонек. 1925. 15 марта. № 12 (103).

который впоследствии, при Деникине, стал ростовским градоначальником. Казаки были поставлены при полицейских нарядах в определенных пунктах города, а 9–му полку Балк приказал очищать от публики тротуары на Литейном и Невском. В три часа он отправился в объезд по городу и поначалу остался очень доволен тем, как выполнялось его распоряжение. «Кавалеристы действовали энергично и разумно: спокойно въезжали на тротуары и требовали от публики не останавливаться и расходиться в боковые улицы», — писал Балк. Но незаконное и бессмысленное распоряжение, требовавшее запрета хождения по тротуарам, разумеется, прямо толкало публику на проезжую часть улицы и лишь затрудняло кавалерийские разъезды. «Их слушались, — продолжал Балк, — но как только разъезд удалялся, сейчас же опять заполняли и сгущались на тротуарах, шли медленно, спокойно, тихо и заунывно повторяя: хлеба, хлеба. На Невском на моих глазах публика бросилась с тротуаров на середину улицы и стала группироваться против Городской думы. Наряды полиции тщетно уговаривали разойтись. Толпа все больше росла и шумела»[1]. Между тем у Казанского собора Балк увидел полусотню конных казаков во главе с офицером, «безучастно смотревших по сторонам». Выйдя из автомобиля, он подошел к офицеру и, назвав себя, приказал карьером прибыть к толпе у Городской думы и разогнать ее, не употребляя оружия. Совсем молодой офицер подал команду «вялым голосом». И хотя казаки двинулись, Балк сам крикнул: «карьер». «Офицер перевел свою лошадь на “ходу”, казаки тоже, — писал Балк, — но чем ближе приближались к толпе, тем медленнее был аллюр и, наконец, совсем остановились. Толпа заревела от восторга, но ненадолго. Из Казанской улицы вылетел галопом разъезд конной полиции и устремился на толпу. Мгновение — и все разбежались».

Эпизод этот служил предзнаменованием того, что полицейские силы окажутся без поддержки со стороны казаков и солдат. Но в тот момент он, по-видимому, несколько приободрил Балка. По приезде в градоначальство он вновь стал анализировать происходящее. Наряду со сведениями о том, что на отдаленных улицах «группы хулиганов и подростков» останавливают извозчиков и грузовики, градоначальнику было доложено: «Заводы работают. Красных флагов нигде не замечалось; агитаторов и руководителей беспорядков тоже не видно»[2]. К фразе о заводах он приписал, что по официальным донесениям в 50-ти фабрично-заводских предприятиях забастовало 87 530 чел. Это

---

[1] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 134.

[2] По донесениям приставов, на заводах было всего два случая неприсоединения к движению, но оба они не давали Балку оснований для оптимизма. Около 5 часов тысячная толпа рабочих направилась по Большеохтинскому проспекту к заводу морского ведомства и потребовала прекращения работ, ремонтно-механическая мастерская не примкнула к забастовке, и в ней были разбиты окна. Находившийся на заводе караул из 14 человек от 86-й пешей вологодской дружины ни во что не вмешивался. Около 6 часов в механической мастерской Франко-русского завода (наб. р. Пряжки, 17) собрался трехтысячный митинг, обсуждавший вопросы о недостатке хлеба и выступлении против правительства. Решение было отложено, и рабочие разошлись, когда прибыла для охраны завода рота Кексгольмского полка. Но завод забастовал еще накануне.

были данные участковой полиции, охранное отделение давало другие цифры — 143 предприятия с 78 443 рабочими[1].

Однако данные донесений приставов были, как мы знаем, для властей куда более мрачными. Очевидно, эти донесения были значительно полнее тех сведений, которые градоначальство получало с мест в течение дня. «В итоге дня, — писал Балк, — причина народного движения непонятна. Ни Департамент полиции, ни Охранное отделение на мои запросы не могли указать мотивы выступления. При вечернем докладе начальник Охранного отделения генерал-майор Глобачев не имел сведений, объяснявших случившееся. Не исключалась случайность. Хорошая погода тоже сыграла роль»[2].

В 11 часов ночи в большом зале градоначальства по инициативе Балка состоялось заседание под председательством Хабалова. Как и те заседания, на которых разрабатывались планы подавления ожидавшихся массовых выступлений[3], и это заседание было неофициальным, чисто служебно-полицейским. По самому по характеру и составу участников оно не должно было и не могло обсуждать политическую сторону дела. А ею не занимался ни Совет министров, ни какой-либо другой правительственный орган. В заседании в градоначальстве участвовали начальник штаба военного округа генерал-майор М.И. Тяжельников, полковник В.И. Павленков, заменявший уехавшего на отдых в Кисловодск командира гвардейских запасных частей ген. А.Н. Чебыкина (Балк подчеркивал особую популярность Чебыкина в гвардии, как бы давая понять, что если бы не его отсутствие, дело могло принять другой оборот), командиры 9–го запасного кавалерийского полка полковник Мартынов, казачьего — полковник Троилин, начальники военных районов, установленных еще до 14 февраля, адъютант Хабалова лейб-гвардии Финляндского полка поручик Мацкевич, ген. К.И. Глобачев, командир жандармского дивизиона генерал-майор М.И. Казаков, полицмейстеры действительные статские советники Г.А. Значковский и В.Н. Мораки, генерал-майор Г.Н. Григорьев, полковники Н.П. Спиридонов, М.П. Шалфеев, А.Б. Пчелин, начальник резерва подполковник В.В. Левисон, начальник сыскного отделения старший советник Кирпичников, начальник речной полиции генерал-майор Наумов, секретарь градоначальника А.А. Кутепов и все чины, состоявшие для особых поручений при градоначальнике. Ознакомив участников заседания с событиями дня, Балк для себя самого установил лишь, что казачий полк бездействовал во всех случаях. Полковник Троилин, по словам Балка, «очень симпатичный и выдержанный человек», объяснил бездействие своих подчиненных тем, что полк только что пополнен, казаки неопытны в обращении с толпой и могут действовать только оружием, и лошади у них не приучены к городу. Когда же

---

[1] Публикуя сводку с этими сведениями, А. Г. Шляпников отметил неполноту списков бастовавших в этот день предприятий. В них в частности отсутствовал Путиловский завод, вместе с верфью насчитывавший 32 000 чел. (Февральская революция в документах. С. 289).

[2] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 134.

[3] *Ганелин Р.Ш.* После Распутина // Историк и революция. Сб. статей к 70-летию со дня рождения О. Н. Знаменского. СПб., 1999. С. 117–135.

один из начальников военных районов спросил, почему казаки не разгоняли толпу нагайками, оказалось, что нагаек в полку нет. И Хабалов распорядился немедленно отпустить по полтиннику на казака для обзаведения нагайками.

Решено было назавтра войскам быть в готовности занять соответствующие городские районы, т.е. стать в так называемое третье положение. Охрана города была оставлена на ответственности Балка, и он тут же отдал приказание о том, чтобы завтра «все ответственные пункты города» были заняты с помощью мобилизации всей полиции, усиленной казачьими и кавалерийскими запасным полками и жандармским дивизионом. Речной полиции поручалась охрана переходов через Неву. Все это было сделано в соответствии с утвержденным царем ноябрьским планом[1].

«По окончании заседания, — писал Балк, — разошлись все в спокойном настроении. У военных была полная уверенность, что при вызове войск порядок будет немедленно водворен. При прощании ген. Глобачев еще раз доложил мне, что для него совершенно непонятна сегодняшняя демонстрация и возможно, что завтра ничего и не будет»[2].

Между тем член ПК и Выборгского райкома большевиков И.Д. Чугурин «в своем замасленном большом пальто, никогда не застегивавшемся», бегал этим вечером по заводам и квартирам, собирая заседание Выборгского райкома. По словам Н.Ф. Свешникова, заседание должно было состояться в Языковом переулке у Марии Серяковой, но так как комната была мала, и хозяйка ненадежна, была найдена другая квартира у Александрова в Головинском переулке. Хотя пришлось вести участников от одной квартиры к другой, заседание было многочисленным. Присутствовал весь райком, представители почти всех крупных предприятий района, члены ПК, Бюро ЦК. Свешников запомнил А.К. Скороходова, И. Д. Чугурина, К.И. Шутко, П.А. Залуцкого, П.А. Алексеева, С.С. Лобова, В.Н. Нарчука. И.Ф. Антюхина, А.П. Ефимова[3]. «В этот вечер мы обсуждали создавшееся положение, нами было учтено то обстоятельство, что при желании публики завтра начать снова забастовку, мы удерживать ее не будем. После такого решения, для того чтобы забастовка прошла активнее, мы стали предлагать, чтобы все рабочие шли на другие заводы и агитировали за то, чтобы и они пристали к забастовке. Так было сделано», — писал Чугурин, добавив, что решено было призвать массу идти на Невский, а не к Государственной думе[4]. В изложении Свешникова эти

---

[1] «План охраны столицы, а также инструкция совместных действий войск и чинов полиции были выработаны мною при полном согласии с военным начальством еще в ноябре месяце, — писал по этому поводу Балк. — Секретная инструкция была отпечатана в типографии Градоначальства и всем, кого она касается, разослана. *Министр двора* барон Фредерикс доложил об этом государю. Государь заинтересовался и рассмотрел внимательно план Петрограда, на котором в красках были нанесены места расположения войск и чинов полиции до вступления войск в третье положение. Остался вполне доволен, но заметил, что в случае, если народ устремится по льду через Неву, то никакие наряды его не удержат, *что и оправдалось впоследствии*» (*Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 136. Подчеркнуто Балком. Данное курсивом вписано им в вариант дневника, хранящийся в Бахметевском архиве, см. вступит. статью *Р.Ш. Ганелина* и *А.Ю. Гурьянова*).

[2] Там же.

[3] *Свешников Н.Ф.* Отрывки из воспоминаний. С. 233.

[4] *Чугурин И.Д.* Из автобиографии. С. 253.

решения выглядят более определенными — усиление связи и агитации среди солдат, приобретение оружия, продолжение забастовки, устройство 24 февраля демонстрации на Невском. Рекомендовано было с утра приходить на предприятия, но к работе не приступать, а провести летучее собрание с тем, чтобы вывести рабочих на демонстрацию против войны к Казанскому собору[1].

И. Мильчик в сущности подтверждает сообщения об этих решениях, говоря о них как о программе на завтра, принятой рабочими вечером 23 февраля. Она состояла, по его словам, в том, чтобы продолжать выходить на улицу, оказывать вооруженное сопротивление мобилизующейся полиции, переходить, где можно, в нападение, снимать по другим районам еще работающие заводы, усилить агитацию против погромов. Лозунги, — писал И. Мильчик, — сохранились прежние, двигаться рекомендовалось прямо в центр, на Невский[2].

Довольно подробное обоснование позиции Русского бюро ЦК РСДРП, как она проявилась в решениях 23 февраля, оставил в своих работах А.Г. Шляпников. Исходных ее пунктов было два, ими служили вопросы о вовлечении в революционную борьбу солдат и о вооружении рабочих. Они были тесно связаны между собой, так как создание боевых дружин рабочих могло способствовать натравливанию на них солдат. Поэтому тем партийцам, которые ставили вопрос о вооружении для отпора полиции, рекомендовалось взять казармы и таким образом приобрести оружие, которого, — заметим от себя — у партийных органов не было. Охлаждающий характер этой рекомендации был несомненен. Что касается солдат, то, по словам Шляпникова, большевистский центр, имея кое-какие сведения о планах властей использовать солдат против народа, рассчитывал на отказ солдат от участия в подавлении — «может быть, не сразу, может быть, дорогой ценой, ценой крови пролетариев». «Начавшееся 23 февраля движение в тот день мы не считали еще началом решительного наступления на царский трон, — писал Шляпников. — Но учитывая объективные условия — резкое ухудшение экономического положения рабочих, недовольство войной, недовольство буржуазии неудачами войны, а также все растущую хозяйственную разруху и разгул реакции, мы допускали возможность революционного урагана даже от незначительного толчка. Поэтому движение 23-го было встречено нами со всей осторожностью, внимательностью, и всем организациям была дана директива развивать движение, не ограничивать его каким-либо сроком, как это было в ходу в те времена»[3]. Обязательного значения директива поэтому явственно не имела.

К вечеру толпы на улицах схлынули. В «записке о происшествиях» указывалось, что в районе Выборгской части порядок был восстановлен к 7 часам. Однако по донесениям приставов в половине восьмого на Лесном проспекте группа рабочих опрокинула трамвайный вагон. В 9 часов рабочие собрались у Арсенала, чтобы не допустить на работу ночную смену. При появлении полиции они ушли, но рабочие ночной смены разошлись по домам. А на Пе-

---

[1] *Чугурин И.Д.* Из автобиографии. С. 233, 234.

[2] *Мильчик И.* Рабочий февраль. 1923. С. 66, 67.

[3] *Шляпников А.Г.* Февральские дни в Петербурге // Пролетарская революция. № 1 (13). С. 82.

троградской стороне около 7 часов 1500 рабочих литейного завода «Вулкан» подошли к механическому заводу 1-го Российского товарищества воздухоплавания (он назывался еще заводом Щетинина) на Корпусной улице и стали ломиться в ворота. Полицейский надзиратель Башев (по другим сведениям Батов) с револьвером в руках требовал, чтобы манифестанты разошлись, однако был побит, револьвер у него отняли, завод был остановлен.

А Шляпников, под вечер отправившийся в город с квартиры Бюро ЦК (Сердобольская, 35), принадлежавшей супругам Д.А. и М.Г. Павловым, вспоминает, что на Литейном мосту стояла полиция, продолжая не пропускать в центр города рабочих. «Каждый трамвай останавливался, — писал Шляпников, — и все ехавшие подвергались осмотру. В вагон трамвая входил околоточный надзиратель и пара городовых. Они обходили пассажиров и каждого осматривали. Если одежда ехавшего или его руки свидетельствовали о его рабочем происхождении, то такого пассажира немедленно высаживали и возвращали назад. Возражавшим или протестовавшим угрожали немедленным арестом... по пути виднелись патрули городовых. По Невскому проспекту разъезжали конные городовые. Пешие городовые охотились за отдельными рабочими, появлявшимися на Невском проспекте»[1].

Можно предположить, что эта охота на рабочих была одной из тех последних капель, которые переполнили чашу рабочего терпения, тем более что полиция ошибалась (как впоследствии иногда и советская историография), считая движение чисто пролетарским: на Невском проспекте и прилегающих к нему улицах было много активно выступавшей публики различного толка.

Росту воинственного настроения рабочих способствовало и закрытие в этот день Путиловской верфи по распоряжению администрации с объявлением расчета рабочим. Но, как бы то ни было, к вечеру город, казалось, успокоился. У ворот собирались кучки женщин, обсуждавших события. Открылись чайные. Появились подвыпившие обыватели. В ночь с 23-го на 24-е было разгромлено несколько табачных лавок и магазинов готового платья[2].

Балк завершил раздел своего дневника, посвященный 23 февраля, словами: «Ночь прошла совершенно спокойно»[3]. В этом сказалось, вероятно, то обстоятельство, что он обольщался насчет будущего. Однако гораздо удивительнее другое: подавляющее большинство оставивших свои свидетельства не участников, а наблюдателей Февральских событий вовсе как бы не заметили того, что произошло в первый их день, или не придали этому значения. Так, офицер Генерального штаба Э.А. Верцинский, уверяет, что был 23-го у начальника штаба округа ген. М.И. Тяжельникова и никаких тревожных разговоров не было[4]. Деятель городского общественного управления Д.И. Демкин вспоминал, что особое движение

---

[1] *Шляпников А.Г.* Февральские дни в Петербурге. С 81. О выискивании полицией рабочих в шедших в центр трамваях сообщает применительно к 24 февраля и Т. К. Кондратьев (Воспоминания о подпольной работе // Крушение царизма... С. 278).

[2] *Мильчик И.* Рабочий февраль. С. 65.

[3] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 163.

[4] *Верцинский Э.А.* Год революции. Таллин, 1929. С. 5.

на улицах было заметно лишь с 24 февраля[1]. Еще дальше идет князь С.П. Мансырев, утверждающий, что и в последующие три дня событий в городе многие как бы не замечали, не осознавая или игнорируя их характер. «Волнения в Петрограде, — писал Мансырев, — как известно, начались 23 февраля, но, насколько помню, ни в широких думских кругах, ни в обществе им особенного значения не придавали. Нормального хода жизни они не нарушали... Так, 24-го я был в заседании "общества помощи военнопленным", разговор был все время сосредоточен на подготовке приближавшегося общего собрания, а утром на улицах была стрельба (возможно, что речь идет о каком-то единичном случае, в целом же 24-го стрельбы еще не было. — *Р.Г.*)». 25-го, сообщал Мансырев, в одном из политических салонов обсуждался вопрос о Триесте и Фиуме, «а 26-го, менее чем за 12 часов до революции, было мирное собрание членов "Общества славянской взаимности", где читался годовой отчет и происходили выборы совета... О событиях почти ни слова... В 11 часов утра 27 февраля было назначено очередное заседание бюджетной комиссии (Государственной думы. — *Р.Г.*) по рассмотрению сметы тюремного управления»[2].

К этим трагикомическим обстоятельствам, относящимся ко всем первым революционным дням, нам предстоит еще обратиться. Пока же, возвращаясь к 23 февраля, отметим, что Государственная дума посвятила в этот день большую часть своего времени обсуждению продовольственного вопроса. А.И. Шингарев заявил, что министру земледелия А.А. Риттиху с призывом о единении следовало бы обратиться не к Думе, а к Совету министров, а сам, поддержанный другими ораторами, призвал всех, кто может, выпустить на рынок все хлебные запасы. С этим Риттих согласился, что же касается остального, сказанного Шингаревым, то он объявил это сведением личных счетов. Остальные ораторы по продовольственному вопросу высказались против твердых цен на продовольствие. Несмотря на разногласие между правыми и левыми представителями прогрессивного блока, в их речах были точки соприкосновения по вопросу о тесной связи между продовольствием и полицией, — отметил составитель хроники «первые дни Февральской революции» Н. Авдеев[3]. Как видим, и в Думе дыхание начавшейся революции еще почти не ощущалось. Это относилось и к Совету министров. Министр иностранных дел Н.Н. Покровский вспоминал, что в четверг, 23-го, и особенно в пятницу «стали ходить слухи о сильных беспорядках на заводах в связи с продовольственными затруднениями»[4]. Не более того. Протопопов ни 23-го, ни даже 24-го не счел нужным сообщить о событиях в Петрограде ни царю в Могилев, ни царице в

---

[1] *Демкин Д.И.* Петроградская городская дума в первые дни смуты // Русская летопись. Кн. 6. Париж, 1924. С. 145.

[2] *Мансырев С.П.* Мои воспоминания о Государственной Думе (окончание) // Историк и современник. III. Берлин, 1922. С. 24.

[3] Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 21.

[4] *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции в Бахметевском архиве Колумбийского университета // Отечественная история. 1992. № 5. С. 158.

Царское Село[1]. Служащий Петроградского отделения американского Нэйшнл Сити бэнк Лейтон У. Роджерс пишет о четверге, который он ошибочно считает 24-м, а не 23-м февраля, как о «голодном, но спокойном дне, несмотря на нараставшее возбуждение»[2].

С другой стороны, в нескольких источниках мы находим сведения о том, что не только 23-го, но и в предыдущие дни в Петрограде происходили такие события, которые давали основания говорить о начинавшейся революции. Н. Суханов услышал это слово 21-го в разговоре о продовольственных трудностях, о скандалах в очередях, о волнениях среди женщин и о попытке разгрома лавки. Разговор этот вели между собой две барышни-машинистки в одном из управлений Министерства земледелия, где он, несмотря на нелегальное положение, под своим собственным именем работал в качестве экономиста[3]. «В следующие дни, — в среду и четверг, 22–23 февраля, уже ясно определилось движение на улицах, выходящее из пределов обычных заводских митингов, — писал он. — А вместе с тем обнаружилась и слабость власти. Пресечь движение в корне — всем аппаратом, налаженным десятилетиями, — уже явно не удавалось. Город наполнялся слухами и ощущением “беспорядков”. По размерам своим, такие беспорядки происходили перед глазами современников уже многие десятки раз. И если что было характерно, то это именно нерешительность власти, которая явно запускала движение. Но были “беспорядки”, революции еще не было. Светлого конца еще не только не было видно, но ни одна из партий в это время и не брала на него курса, стараясь лишь использовать движение в агитационных целях»[4].

Вероятно, привычка к «беспорядкам», о которой пишет Н. Суханов, и привела к тому, что грань между событиями, происходившими до 23-го, и теми, которые начались в этот день, оказалась размытой в памяти и двух других современников, хотя они и были профессиональными журналистами. Е.П. Семенов в «Дневнике журналиста: Февральские и мартовские дни 1917 г.» писал: «День 19 февраля, несомненно, должен быть отмечен как перелом в настроении мирного до того населения. “В хвостах”, на улице, везде стали уже слышаться угрозы и проклятия по адресу правительства. С 21-го февраля начали распространяться по городу слухи о разгромленных лавках сначала на Петроградской стороне, а затем и в других кварталах города»[5]. Он утверждает даже, что «мирные манифестации толпы, требовавшей “хлеба”», происходили уже 22-го. Эти сведения, собственно, повторяет и Адриан Полли[6]. Полицейские документы их, однако, не подтверждают, единогласно указывая в качестве

---

[1] Февральская революция в документах. С. 288; Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 206.

[2] *Rogers L.W.* An account of the March Revolution 1917 // Hoover Institution on the War, Revolution and Peace. Leighton Rogers Collection. Box 1. Folder Vw Russia R 728.

[3] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1. С. 13, 14.

[4] Там же. С. 16.

[5] Исторический вестник. 1917. Март. С. 2.

[6] *Polly Adrian.* Der Umsturz der Russischen Kaiserreiches (1917). Nach eigenem Erleben. Berl., 1919. S. 42, 43.

дня начала движения 23-е. И хотя многими в Петрограде события этого дня не были замечены, политически искушенные сторонники царского режима именно в них увидели грозный для него смысл.

Вот сцена в аристократическом Английском клубе вечером 23-го в описании одного из присутствовавших — В.К. Коростовца, чиновника Министерства иностранных дел, впоследствии много лет интенсивно занимавшегося публицистической деятельностью в эмиграции. Он сидел за обедом рядом с Н.А. Маклаковым, который в возбужденном тоне излагал князю Н.Е. Туманову (Коростовец считал его командующим военным округом, но на самом деле в это время округом командовал сменивший его Хабалов) свой план действий. Он состоял в том, чтобы немедленно положить конец всем революционным приготовлениям и успокоить население раздачей по дешевой цене всего хлеба из городских и государственных запасов. За то время, на которое этих запасов хватило бы, Маклаков предлагал вывести из столицы в разных направлениях большую часть гарнизона, поскольку в его составе были рабочие в солдатских шинелях, а затем арестовать «революционных вожаков» и «принять все возможные меры, чтобы прибрать к рукам непокорную столицу». «Без этого, — заключил Маклаков, — поверьте мне, все опрокинется, и меня, как и Вас, князь, повесят на первом же фонарном столбе»[1].

«В этот момент, — продолжал Коростовец, — вошел Протопопов с бегающими глазами и бормочущий что-то себе самому». Даже в этом кругу люди избегали садиться поблизости от него, в нем видели злой дух времени. Только Штюрмер сел за ним в величественном молчании. Обед продолжался в тишине и без столкновений как будто все присутствовавшие помнили, что вряд ли правильно упоминать о веревке в доме повешенного. Но за кофе начался возбужденный разговор, пересказывали слухи о разгромах булочных во многих частях города, о марше казаков по Невскому под дружественные приветствия населения»[2]. Можно ли видеть в застольном монологе Н.А. Маклакова косвенное подтверждение существования у властей провокационного плана вызвать массы на выступление с тем, чтобы решительно его подавить?

О существовании такого плана властей говорили и писали и сразу по следам февральских событий, и позже. По-видимому, однако, такой план принят не был, и Маклаков досадовал по этому поводу.

Р.Ш. Ганелин

24 февраля

После спокойно прошедшей ночи с четверга, 23 февраля, на пятницу, 24-е, градоначальник ген. А.П. Балк в девятом часу утра начал объезд столицы. Полицейские наряды уже стояли на отведенных им местах. Выходя перед ними

[1] *Korostovetz V.* Seed and harvest. L., N.d. P. 262.

[2] Ibid.

из автомобиля, Балк выражал полицейским чинам свою уверенность в том, что они «поработают даже сверх сил, но водворят порядок в столице, что так необходимо для спокойного настроения войск на фронте». «Большой наряд находился во дворе Городской думы, — писал Балк. — Здесь пришлось задержаться дольше. Классные чины полиции, городовые, жандармы с полным спокойствием и пониманием обстановки отвечали на мои вопросы и, когда я объявил, что распоряжением М[инистерства] в[нутренних] д[ел] раненые вчера на Выборгской стороне чины полиции получили по 500 руб. на лечение, чувство благодарной удовлетворенности появилось на их лицах»[1].

С Невского по Литейному Балк направился к Литейному мосту. По пути следования он замечал усиленное движение, но скоплений народа нигде не было. На Литейном мосту с Выборгской стороны «стоял большой полицейский наряд и не пропускал праздношатающихся на другую сторону реки». У спусков на лед также стояли наряды. «Движение через Неву нормальное», — отметил Балк, очевидно, имея в виду, что «праздношатающихся» не пропускали и по льду.

Градоначальник на мосту «подошел в упор к толпе, большей частью состоявшей из простого народа, стоявшей и глазевшей на наряды полиции», и задал вопрос: «Почему вы не работаете и стоите без дела?» Четверо из толпы ответили «в вполне пристойном тоне», что поступающую в столицу муку продают спекулянтам. Балк опроверг это и предложил своим собеседникам отправиться в градоначальство для ознакомления с документами продовольственного отдела. Проехав через толпу на Выборгскую сторону, он убедился, что там, как и на Петроградской, спокойно. «Можно было думать, — писал Балк, — что предположение начальника Охранного отделения сбудется и что прогулки со стонами: “хлеба” населению надоели. В градоначальство тоже тревожных сведений не поступало, создалась возможность заняться текущими делами. Я приступил к приему просителей»[2].

Однако в двенадцатом часу зазвонили все семь телефонов, стоявших у Балка на столе. Ему сообщали, что у Литейного моста, откуда он только что приехал, и в других местах через Неву по льду двигаются в город беспрерывные вереницы людей. Позвонил и сам командующий войсками Петроградского военного округа ген. С.С. Хабалов, видевший это из окна своей квартиры на углу Литейного и Французской набережной.

Сопоставляя эти сведения с данными приставских донесений[3], можно заключить, что градоначальник, как и накануне, о многом ставился в известность задним числом, в написанных по истечении дня донесениях оказывалось много такого, о чем ему следовало бы знать немедленно. Так, по этим донесениям, толпа, с которой Балк столкнулся утром на Литейном мосту, достигала к 9 часам 40 000 человек, а уличные выступления начались с 8 часов утра.

---

[1] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. Дневник последнего Петроградского градоначальника / Публ. Р. Ш. Ганелина, А. Ю. Гурьянова // Сумерки. № 13. IX—XII. 1991. С. 136.

[2] Там же. С. 137.

[3] См.: *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. XI—XVII.

Воспоминания рабочих — участников движения — свидетельствуют, что на Выборгской стороне в сущности все рабочие численностью до 70 тысяч не приступали к работе. Происходили митинги, сходки, оживленные обсуждения вопросов о войне, рабочем контроле над распределением продовольствия. В этот день к тем действиям властей, которые накануне особенно раздражали рабочих (полиция по виду определяла их, чтобы не пропустить в центр), добавилось расклеенное по городу объявление Хабалова о том, что муки в городе достаточно и подвоз ее идет непрерывно, а если «в некоторых лавках хлеба иным не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари». Объявление возымело последствия, обратные ожидавшимся. К Хабалову явилась делегация владельцев пекарен с заявлением о том, что благодаря его объявлению их обвиняют в припрятывании муки. Между тем у них муки мало, а многие рабочие пекарен взяты на военную службу. Хабалов приказал переслать их прошение о возвращении 1500 рабочих в отдел Главного управления Генерального штаба по отсрочкам. У Хабалова была также депутация фабрикантов, просивших увеличить отпуск муки для фабрик. Хабалов распорядился об отпуске 3000 пудов[1]. Характеризуя акт Хабалова, один из мемуаристов, стоявший на той точке зрения, что власти намеренно провоцировали массовые выступления, с тем, чтобы их жестоко подавить, писал: «Смысл этого объявления был ясен. Идите, мол, громите лавки. Там есть хлеб и мука, а не дают вам только торговцы, громите их, а мы с вами разделаемся по-своему. Но народ понял, куда его заманивают, и на удочку не поддался»[2].

В действительности же хлебная тема в сознании масс отходила на второй план, уступив место лозунгам чисто политического характера. Мысль о свержении самодержавия получала широкий, почти всеобщий отклик. Более сложным было отношение к лозунгу «Долой войну». Выйти на улицу решили многие[3]. Уже по дороге к Литейному мосту колонны манифестантов были встречены казачьими заслонами. Передним рядам рабочих некуда было отступать, сзади подходили все новые колонны и группы людей, улицы были буквально закупорены толпой. «Становилось жутко, деваться некуда в случае нападения казаков», — писал Каюров[4]. Но когда оно последовало, дело оказалось не таким уж страшным: казаки бросились гуськом в проделанный офицерами коридор в толпе. Некоторые из казаков улыбались, а один подмигнул рабочим.

Точно так же вели себя казаки, когда офицеры пытались атаковать демонстрантов с тыла. Завязались разговоры между рабочими и казаками. Видя это, офицеры оттянули казаков назад и попытались еще раз преградить путь

---

[1] *Авдеев Н.* Первые дни Февральской революции // Пролетарская революция. 1923. 1 (13). С. 21, 22.

[2] *Г.П. (Полк. Г.Г. Перетц).* В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля–23 марта 1917. Изд. 2-е. Петроград, 1917. С. 13, 14.

[3] *Свешников Н.Ф.* Отрывки из воспоминаний // Крушение царизма... С. 234.

[4] *Каюров В.Н.* Дни Февральской революции // Крушение царизма... С. 238.

демонстрантам около клиники Вилие. Но и это не удалось. Казаки стояли на месте, не препятствуя рабочим пробираться под лошадьми. Таким образом, писал Каюров, дошли до Литейного моста, где соединились с пришедшими из Полюстрова и с Большой Охты[1].

Как и накануне, переход рабочих с Выборгской стороны в центральную часть города явился гвоздем дня. Вместе с другими событиями 24-го он подробно описан в донесениях приставов, которыми мы здесь пользуемся. У Литейного моста кроме полиции находились две с половиной сотни казаков и две роты запасного батальона Московского полка. Та часть рабочих, которая не пошла через Неву по льду, плотной массой двинулась на мост и с криком «ура» прорвала заслон конницы. По сообщению в хронике «Ход событий», казаки говорили: «Нажмите посильнее, и мы вас пропустим»[2]. Около 5000 человек, оказавшихся на Литейном проспекте, были встречены полицией с обнаженными шашками. Часть их, несмотря на это, прорвалась к зданию Окружного суда, бросая в полицейских кусками льда. Другие повернули на Воскресенскую набережную. Оставшиеся на мосту, оттесняемые обратно на Выборгскую сторону, кричали: «Кровопийцы, хлеба!» Некоторые из них вернулись в город и толпой в 400–500 человек по Гагаринской улице направились к зданию Министерства внутренних дел на Фонтанке, 16, где помещался Департамент полиции. Они были, однако, оттеснены полицией и взводом 9-го запасного кавалерийского полка с угла Сергиевской ул. на Литейный проспект.

В это время группа рабочих числом около 100 человек пыталась остановить трамвайное движение на Суворовском проспекте, но была рассеяна полицией. Одновременно на Глазовой, Боровой и Разъезжей улицах группы подростков разбили стекла в 19 магазинах. И на Петроградской стороне массовое движение возобновилось с самого утра. Когда хлеба и продуктов на всех стоявших в очередях в лавки не хватило, началось битье в них стекол. На углу Большого проспекта и Введенской улицы манифестанты остановили трамвайное сообщение. До 3000 рабочих двинулись в 9 час. утра с Большого проспекта по Каменноостровскому проспекту к Троицкому мосту, к ним присоединились учащиеся средних учебных заведений, раздавалась «Марсельеза». Здесь вызванный полицией казачий разъезд рассеял толпу. Однако в других местах казаки предпочитали не вмешиваться. Так, в это же время, около 9 часов утра, на 6-й линии Васильевского острова, 61, забастовал завод «Сименс и Гальске», и 5000 его рабочих с пением «Вставай, поднимайся, рабочий народ!» направились к Среднему проспекту. Конный полицейский наряд врезался в толпу и обратился за помощью к появившемуся казачьему патрулю из 9 человек во главе с урядником. Но казаки скрылись, не приняв участия в действиях полиции.

С самого утра начались волнения и на окраинах, к которым относились тогда Охта, Новая деревня и район Обводного канала. На Охте толпа громила

---

[1] *Каюров В.Н.* Дни Февральской революции // Крушение царизма... С. 239.

[2] Хроника эта, составленная А. И. Ульяновой-Елизаровой и М. И. Ульяновой, была напечатана в «Правде» (см.: Крушение царизма. С. 223–236).

магазины, похитив в одной из лавок, принадлежавшей Якунену, более 10 пудов хлеба. В Новой деревне забастовавшие рабочие «сняли» красильную фабрику Пеклие на Строгановской набережной. Толпа в 2000 человек на Ланском шоссе была рассеяна полицией, но до того были выбиты стекла в пекарне. На Обводном канале в половине девятого толпа в полторы тысячи «сняла» 2000 рабочих Новой бумагопрядильни, присоединившихся к манифестантам.

Это был как бы первый акт драмы этого дня. Телефоны Балка еще молчали, хотя им следовало звонить вовсю. А заработали они, когда начался второй акт, открывшийся в 11 часов возобновлением массовых выступлений на Невском проспекте. В это время громадная, по одной из сводок, толпа собралась на углу Невского и Литейного. Конница рассеяла ее, но она вскоре собралась вновь и двинулась по Невскому к Казанскому собору. С этих пор Невский опять стал местом непрерывных демонстраций до самого вечера. Стремясь рассеять демонстрантов, пешая и конная полиция лишь передвигала массы их с одного конца Невского в другой. Воспрепятствовать демонстрациям было невозможно.

В 11 часов 10 минут утра казаки и пешие городовые разогнали на Казанском мосту толпу женщин и подростков численностью до 1000 человек, кричавших: «Дайте хлеба, хотим есть!» Одновременно в 11 часов на Среднем проспекте Васильевского острова толпа бастующих рабочих «сняла» табачную фабрику «Лаферм». На Петроградской стороне около 11 часов 7000 человек с детьми во главе двинулись по Каменноостровскому проспекту. Когда конно-полицейская стража сдвинула толпу с мостовой на тротуары, у дома № 4 по Каменноостровскому проспекту и у дома № 8 по Малой Посадской улице раздались выстрелы. От одного из них погибла женщина. Полиция утверждала, что выстрелы были из толпы, но раненый Андрон Грабовский утверждал, что выстрел был полицейский.

В 12 часов прекратили работу рабочие Адмиралтейского завода на Галерном островке. Рассеянные полицией у завода, они собрались у Калинкина моста, где шла схватка с полицией. Тогда же полиция разогнала толпу женщин и подростков числом в 1500 человек, собравшуюся на Коломенской улице и двинувшуюся к Пушкинской. На углу Среднего проспекта и 18-й линии пятитысячная толпа пыталась «снять» военно-подковный завод. Хотя она была полицией оттеснена, рабочие завода вышли на улицу с криком: «Хлеба, хлеба!» При попытке обратиться к ним с речью был задержан полицией студент Психоневрологического института Константин Левантовский, 21 года. У него была найдена записка: «Долой войну! Да здравствует мир и социал-демократическая республика!»

Но вернемся в градоначальство. Внимание Балка было сосредоточено в первую очередь на том, что происходило на Невском и в центре. «На главных улицах массы плотнели и наряды полиции потонули в толпе, — писал он. — В любой момент толпа могла начать выступление, но, как и вчера, руководителей не было видно, и пока все ограничивалось отдельными хулиганскими озорствами. Медлить было рискованно. В $12^{1}/_{2}$ часов дня я доложил по теле-

фону ген. Хабалову, что полиция не в состоянии приостановить движение и скопление народа на главных улицах и что если войска не возьмут правительственные и общественные учреждения под свою охрану, то я, в особенности с наступлением сумерек, не в состоянии поддержать порядок в столице»[1]. Хабалов тут же ответил: «Считайте, что войска вступают в 3-е положение». Это означало подчинение полиции начальникам военных районов. Хабалов обещал через час приехать в градоначальство. Балк послал телеграммы полицмейстерам с приказанием немедленно явиться к начальникам военных районов и по телефону доложил о введении третьего положения министру внутренних дел А.Д. Протопопову. Выслушав доклад спокойно, тот спросил мнение Балка о создавшемся положении. Градоначальник ответил: «Если войска сразу же проявят энергию и твердость, то их совершенно достаточно для достижения положительных результатов»[2].

По приезде Хабалова решено было расположить его штаб в градоначальстве, а не в штабе округа, как предполагалось ранее. Кабинет Балка, в котором расположился и Хабалов, стал командным пунктом военных и полицейских сил. Впрочем, существуют сведения о не упомянутом Балком дневном совещании на квартире у Хабалова с участием Балка, городского головы П.И. Лелянова, его товарища Д.И. Демкина, уполномоченного по продовольствию В.К. Вейса, начальника Охранного отделения ген. К.И. Глобачева, начальника жандармского управления Клыкова и др. Было решено следить за распределением муки, произвести обыски и аресты намеченных Охранным отделением лиц, вызвать запасные кавалерийские части в помощь казакам 1-го Донского полка, которые нерешительно разгоняли толпу.[3]

Уже через несколько минут после телефонного разговора Балка с Хабаловым в половине первого опасения градоначальника подтвердились: движение на Невском приобрело ярко выраженный политический характер. В 12 часов 45 минут к Казанскому мосту пришла трехтысячная толпа рабочих, в течение часа она оставалась на Невском между Казанским и Полицейским мостами, главным образом у Казанского собора. Рабочие пели «Марсельезу» и «Вставай, поднимайся, рабочий народ!» и кричали: «Долой царя, долой правительство, давайте хлеба!» К 1 часу 45 минутам толпа была вытеснена конницей в боковые улицы. Еще более знаменательными были события на Знаменской площади около 3 часов дня. Двигавшаяся по Невскому толпа, впереди которой ехала полусотня казаков, прорвалась на площадь. Она была встречена пятнадцатью конными городовыми, которые пытались ее рассеять. Но их лошади испугались свиста, града поленьев, камней и льда и помчались назад. Казаки же остались на месте, и в их присутствии у памятника Александру III проходил митинг. По донесению пристава, толпа кричала: «Да здравствует республика! Долой войну! Долой полицию!» Раздавались возгласы «ура» по адресу казаков, которые отвечали толпе поклонами. К 4 часам такая же по

---

[1] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда... С. 137.

[2] Там же. С. 138.

[3] *Авдеев Н.* Первые дни Февральской революции... С. 22.

численности толпа рабочих и подростков, как и прежде, снова пела революционные песни у Казанского собора. Полтора часа разгоняли эту толпу, но она сейчас же собиралась в других местах. Около 6 часов манифестанты были опять вытеснены в боковые улицы, а к 7 часам 50 минутам тысячная толпа вновь стояла у Казанского собора. Ее рассеяли два взвода жандармского дивизиона и 12 конных городовых. Весь день трамваи не ходили по Невскому. «Полиция старалась оградить трамвайных рабочих, — вспоминал А.Г. Шляпников, описывая Невский в этот день, — но последние не соглашались работать под охраной полиции и возвращались в парк с пустыми вагонами. Магазины, торговавшие обычно предметами роскоши и яств до глубокой ночи, а также рестораны, кафе закрывались. Дыхание отваги, мужества и решимости сопровождалось жутким веянием смерти».

Он описывает вечерний Невский с кучками пешеходов, которые «превращались в громадные останавливающие всякое движение толпы», упоминает один из митингов, который он считал «первым открытым митингом на Невском». Особенно выразителен его рассказ о том, как взвод казаков, двигавшийся на толпу, «тихим шагом, рассыпанным строем, разделившись одиночно, но порядком прошел через толпу». Этот прием, примененный казаками для уклонения от атаки еще утром на Выборгской стороне, вызвал восторг толпы[1].

Вот описание этого дня на Невском в воспоминаниях В.Н. Каюрова: «Рабочие, сгруппировавшись, с пением революционных песен, двинулись вдоль улицы, полиция совершенно исчезла. Позднее толпа демонстрантов немного изменилась, в ней уже замелькали синие фуражки студентов. Гуляющая публика относилась к нам сочувственно, а из некоторых лазаретов солдаты приветствовали нас кто как мог. Казаки беспрерывно нас "атаковали", лошади их были в мыле; начальство же еще раз убедилось в бесполезности атак и совершенно прекратило их, выстроив затем казаков около Казанского собора. Но вот, ругаясь отчаянным образом, появились полупьяные драгуны с пиками. Они врезались в толпу и стали бить пиками по головам... Молодой драгун подскочил к весьма пожилому участнику, по-моему очень мало похожему на рабочего, и, замахиваясь на него шашкой, цинично ругаясь, крикнул: "Чего тебе надо тут, старый черт?" Старик от неожиданности в первый момент опешил; затем начал стыдить драгуна, указывая на стоявших в стороне казаков и их примерное поведение, и в заключение, распахнув одежду, подставил грудь: "Молокосос, тебе надо крови голодного человека — бери!" Пристыженный драгун немедленно как-то неловко повернулся и ускакал к своим»[2].

В течение всего дня одновременно с событиями на Невском продолжались выступления в разных концах города. Около двух часов дня подверглись нападениям хлебные лавки на Петроградской стороне, на Лахтинской улице и в Геслеровском переулке, мелочная лавка на углу Среднего проспекта и 18-й

---

[1] *Шляпников А.Г.* Февральские дни в Петербурге // Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 84, 85.

[2] *Каюров В.Н.* Дни Февральской революции // Крушение царизма... С. 240, 241.

линии Васильевского острова. В 3 часа дня была попытка «снять» резиновую мануфактуру «Треугольник» на набережной Обводного канала. Около 4 часов дня на Васильевском острове от Среднего проспекта к Большому с пением «Марсельезы» двигалась толпа студентов и подростков. На Большом она была рассеяна казаками. Но уже в 5 часов казачья полусотня 1-го Донского казачьего полка пропустила толпу женщин и подростков на углу 6-й линии к Николаевскому мосту, где она была остановлена воинским нарядом Финляндского полка и рассеяна полицией. В это же время на Петергофском шоссе подростки начали останавливать вагоны Ораниенбаумской железной дороги, бить в них стекла. В 6 часов на Петроградской стороне снова стали останавливать трамваи, опрокидывая вагоны. 1500 рабочих вечерней смены Петроградского механического завода, не приступая к работе, собрались у завода. Полиция рассеяла их, при этом из толпы, как и в других случаях, в полицейских летели куски льда и мерзлого снега. Некоторые из них были таким образом ранены. В 8 часов вечера в различных лавках на Петроградской стороне, в том числе на Большой Зелениной улице, были выбиты стекла, в одной из них, хлебной, был взят остаток хлеба и около 50 руб. выручки.

Несколько подростков и молодых людей были задержаны в течение дня за грабеж, попытки остановки трамвая и призывы к забастовке.

Лишь к 9 часам вечера, согласно донесениям приставов, город затих. Впрочем, Балк считал, что «большое движение народа... закончилось рано уже к 6 часам вечера, но день этот был обилен беспорядками хотя без жертв, но с разгромом в отдаленных улицах пекарен, колбасных и фургонов с хлебом». Число бастовавших рабочих Балк определял в 197 000 человек на 131 предприятии. Из звучавших в этот день лозунгов градоначальник — и это очень знаменательно — выделил не призывы к свержению царизма, а те, которые непосредственно касались положения в городе: «Долой полицию, да здравствуют войска». Балк обратился к Хабалову с просьбой ставить в глухие и отдаленные места военно-полицейские посты, чтобы городовые не стояли там без военных. Это было, по его словам, принято, а на главных улицах полицейские посты продолжали стоять удвоенными[1]. Акаемов утверждал, по-видимому со слов присутствовавших в градоначальстве, что некоторые из штабных поднимали вопрос о том, чтобы казаков как ненадежных выслать в Финляндию и вместо них вызвать кавалерийские части из Красного Села и из Новгорода. Но полковник В.И. Павленков, начальник войсковой охраны Петрограда, заявил, что надо подождать, может быть, казаки исправятся. (Кстати сказать, Акаемов относит разговор об отсутствии у казаков нагаек, имевший место, по словам Балка, 23-го, к 24-му). «Прибывший с вечерним докладом начальник Охранного отделения, — писал Балк, — сообщил мне малоутешительные сведения: в левых верхах было решено, если завтра опять соберутся толпы,

---

[1] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 138, 139. По словам Акаемова, Балк просил Хабалова разрешить вовсе снять полицейские посты, но тот не согласился, позволив лишь «сдвоить посты», т.е. уменьшить число их вдвое, поставив на каждом по два городовых (*Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. XVI).

использовать положение в смысле агитации и, если заметно будет сочувствие улицы, произвести беспорядки, смотря по обстоятельствам, включительно до вооруженного выступления. Какие выбросят толпе лозунги, ясно не было, тоже смотря по обстоятельствам. Замечалось, что верхи сами не могли понять и разобраться в свалившейся совершенно неожиданно на их голову благоприятной обстановке»[1].

К тому же подоспели донесения приставов. Положение выглядело в них, несомненно, гораздо более серьезным, чем это представлялось градоначальнику в течение дня. Он немедленно сообщил обо всем этом по телефону Хабалову (по данным Акаемова, Хабалов и его штабные уехали из градоначальства к 12 часам ночи). «Военное командование все же таки решило пока воздерживаться от применения оружия», — писал Балк. Существуют сведения о том, что еще при переходе рабочих через Неву военный министр ген. М.А. Беляев предложил Хабалову стрелять по переходящим, но так, чтобы пули ложились впереди их. Хабалов, однако, такого приказа не отдал[2]. Эмигрантский автор А. Керсновский в своей «Истории русской армии» отозвался о поведении обоих генералов с едва скрываемым презрением. Беляев, по его словам, «лепетал ген. Хабалову удивительные приказания: “целить так, чтобы не попадать”, “стрелять так, чтобы пули ложились впереди демонстрантов, никого не задевая”... Растерявшийся Хабалов не решался открывать огня — и это несмотря на то, что в полиции уже были убитые и много раненых»[3]. Убитых в полиции еще не было, а раненых — всего несколько человек. Но слова Керсновского задним числом отражали позицию тех, кто настаивал на подавлении движения любой ценой, — позицию, на которой военно-полицейское командование в Петрограде еще в этот день не стояло, сознавая, как представляется, всю грозную опасность, которую означала для режима стрельба в народ.

К 1–2 часам ночи градоначальство опустело, были отпущены в казармы жандармский дивизион, расположенный днем во дворе (Балк сожалел, что двор маленький), и другие войсковые наряды. По Гороховой улице и на Адмиралтейской площади располагались перед распределением по районам прибывавшие войска, но их надолго не задерживали, так что градоначальство на ночь оставалось без прикрытия. Город затих на ночь.

Как же воспринимались в течение этого дня массовые народные выступления в правительственных и общественных кругах? Дума и правительство продолжали заниматься продовольственным вопросом. В думских прениях по этому вопросу прогрессист А.С. Посников, известный ученый-экономист, профессор Петербургского политехнического института, подверг критике мероприятия властей в области регулирования цен как несостоятельные, в частности при постоянном падении рубля. Установление твердых цен он считал способом выйти из хаоса, хотя подчеркивал, что урегулировать этот хаос трудно. М.В. Родзянко сообщил о своей поездке к председателю Совета министров

---

[1] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда... С. 139.

[2] *Авдеев Н.* Первые дни Февральской революции... С. 21.

[3] *Керсновский А.* История русской армии. Ч. IV. С. 941.

Н.Д. Голицыну по продовольственному вопросу. В течение нескольких минут был выработан представителями различных думских фракций текст запроса Государственной думы правительству о том, что оно намерено предпринять для устранения продовольственных затруднений в Петрограде. Запрос был принят единогласно. Некоторые из произнесенных при его обсуждении речей помещать в газетах было запрещено. Военный министр Беляев, которому подчинялась военная цензура, распорядился: «Печатать в газетах речи депутатов Родичева, Чхеидзе и Керенского завтра нельзя. Но прошу не допускать белых мест в газетах, а равно и каких-либо заметок по поводу этих речей»[1].

Вечером в Мариинском дворце состоялось совещание по продовольственному вопросу, созванное Голицыным. Это было не заседание Совета министров, а более широкое совещание. Кроме министров, военного — Беляева, земледелия — А.А. Риттиха, торговли и промышленности — кн. В.Н. Шаховского, путей сообщения — Э. Б. Войновского-Кригера и морского — И.К. Григоровича, в нем участвовали государственный секретарь С.Е. Крыжановский, председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов, его товарищ В.Ф. Дейтрих и приглашенные: председатель Государственной думы Родзянко, его товарищ Н.В. Некрасов и секретарь Думы И.И. Дмитрюков, городской голова П.И. Лелянов и председатель губернской земской управы Е.И. Яковлев.

Совещание пришло к заключению о немедленной передаче продовольственного дела в Петрограде городскому общественному управлению. Судя по происходившему, центральные правительственные власти стремились избавиться от продовольственного дела, взвалив его на городское управление. А оно не очень-то стремилось в тот момент к реализации этого лозунга либерально-демократических кругов. Город не имел для этого соответствующей организации, решено было, что впредь до ее создания город назначит своих представителей для участия в распределении продовольствия и надзора за выпечкой хлеба. Таким образом, ответственность за продовольственное снабжение правительство немедленно разделило бы с городом. А как только город создал бы необходимую организацию при городской управе, все дело продовольствования столицы было бы передано ему. Общественные представители указали, что положение об общественном управлении Петрограда не дает Городской думе достаточных для этого полномочий. Но представители власти готовы были на все, только бы передать Петрограду дело его продовольствования. Они предложили в изъятие из действовавшего закона предоставить городу все полномочия для введения карточной системы. А в заключение совещание пришло к выводу о том, что в порядке думской инициативы следует внести законодательное предположение о расширении на время войны полномочий городских общественных управлений с предоставлением им права урегулирования продовольственного дела. Выяснилось, что муки в городе 460 000 пудов и что этого для нормального снабжения достаточно[2].

---

[1] *Авдеев Н.* Первые дни Февральской революции... С. 23.

[2] *Г.П. (Полк. Г.Г. Перетц).* В цитадели русской революции... С. 12, 13.

Трудно сказать, в какой мере все эти обсуждения и решения были навеяны оценкой происходившего лишь как «хлебного бунта». Иным было восприятие событий этого дня в социал-демократических кругах. Сославшись на Путиловский локаут, Шляпников писал о событиях 24-го: «Все экономические, вернее — профессионально-копеечные, интересы отошли на задний план. Боевым кличем этих дней стали наши лозунги — долой царское правительство, да здравствует временное революционное правительство, учредительное собрание, 8-ми часовой рабочий день и прекращение империалистической войны»[1]. Суханов выразил это так: «В пятницу я стал уже категорически утверждать, что мы имеем дело с революцией как с совершающимся фактом. Я, однако, слыл оптимистом. На меня махали руками»[2].

Оба они сейчас же сделали из этого заключения свои политические выводы — в соответствии с большевистской и меньшевистской идеологическими платформами. Как сообщал Шляпников, поскольку стачечное движение приняло «определенно революционный антицаристский характер, замечалось левение и оппозиционной интеллигенции, буржуазии и даже “обывателей”, т.е. мелких ремесленников, чиновников, лавочников и т. п. людей», Русское бюро ЦК решило развивать движение, вовлекать в него солдат, силами ПК принять меры к тому, чтобы поднять рабочих в пригородах Петрограда и ближайших к нему городах, послать курьера Бюро ЦК в Москву. Вечером на Охте состоялось заседание Выборгского райкома большевиков. «Настроение приподнятое, но чувствуется отсутствие общего руководства, плохая информация из других районов, настоятельно требуется революционная директива ЦК в форме манифеста», — так характеризовал заседание один из его участников[3].

Существовало некоторое противоречие между позициями Бюро ЦК и ПК по вопросу о перспективах движения. Как писал Шляпников, у ПК «было в моде» ограничивать стачку трехдневным сроком. П.А. Залуцкому как представителю Бюро ЦК в ПК было поручено отстаивать точку зрения о необходимости развития движения «до максимальных размеров», как выразился Шляпников, без ограничения срока. Из членов ПК с этой точкой зрения были согласны К.И. Шутко и А.К. Скороходов. Но и Бюро ЦК вовсе не склонно было к безоглядной революционности. «Конечно, никто из нас не был уверен, — писал Шляпников, — что “это будет последний и решительный бой” царскому режиму, и когда мы говорили о необходимости развития революционного движения до крайних пределов, то имели в виду и учитывали лишь силы стихии. Крайними пределами нам представлялись схватки вооруженных рабочих и солдат с полицейскими и верными трону войсками, — схватки, за которыми могла последовать и кровавая баня, а после нее — некоторый отлив. И этот момент организация должна учитывать и, не доводя выступления до развала, закончить его организованно»[4].

---

[1] *Шляпников А.Г.* Февральские дни в Петербурге... С. 83.

[2] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1. С. 17.

[3] *Свешников Н.Ф.* Отрывки из воспоминаний.. С. 234.

[4] *Шляпников А.Г.* Февральские дни в Петербурге... С. 83–84.

О взятии власти здесь еще не было речи, хотя Шляпников пришел на «свою любимую ночевку к добрейшей М.Г. Павловой», где уже были Чугурин, Каюров, Д.А. Павлов и др., «опьяненный мечтами и мыслями о победе над царизмом», а там уже «для всех было ясно, что революция началась, Россия "тронулась"».

Между тем, Суханов утверждал, что в центре его внимания в этот день стал вопрос: «Кому быть преемником царского самодержавия?» Ответ на этот вопрос, найденный не только Сухановым, но и широким кругом социал-демократической интеллигенции, к которому Суханов относился, в его формулировке гласил: «Власть, идущая на смену царизма, должна быть только буржуазной. Трепова и Распутина должны и могут сменить только заправилы думского "Прогрессивного блока". На такое решение необходимо держать курс. Иначе переворот не удастся, и революция погибнет»[1]. Значение этого политического принципа во все последовавшие дни и месяцы семнадцатого года так велико, что при полном его соответствии одной из важнейших доктрин меньшевизма следует остановиться на том, как объяснял его формирование накануне переворота оказавшийся едва ли не первым из социалистических партийных политиков в центре событий «внефракционный социал-демократ».

Суханов приводил в пользу своей позиции три аргумента. Первый — он называл его техническим — состоял в том, что демократическая Россия, не имевшая при самодержавии никаких организаций (те, которые пролетариат мог создать в ходе революции, по его мнению, «могли представлять реальную силу классовой борьбы, но не реальную силу от государственной власти»), была неспособна овладеть государственным механизмом. «Вся наличная государственная машина, армия чиновничества, цензовые земства и города, работавшие при содействии всех сил демократии, могли быть послушными Милюкову, но не Чхеидзе. Иного же аппарата не было и быть не могло», — писал Суханов[2].

Второй аргумент был, по его определению, политическим. «Обойти "Прогрессивный блок"» в вопросе о власти, рассуждал Суханов, означало «сплотить ряды всей имущей России против демократии и революции». У него не было уверенности в том, что «цензовая Россия» захочет участвовать в революции даже «если цензовикам предстоит быть властью». А уж в случае прихода к власти демократии он предвидел, что буржуазия составит с царизмом «единый, накрепко спаянный фронт — против революции». Кроме того — и это было третьим аргументом Суханова — он считал для демократической власти неосуществимой задачу прекращения войны и хотел переложить ее со всеми ее тяжкими последствиями в виде демобилизации, перевода промышленности на мирное положение, огромной безработицы при развале хозяйства на плечи буржуазной власти. Но была у вопроса о войне еще одна сторона, непосредственно связанная с фундаментальной для построений Суханова необходимостью

---

[1] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1. С. 17.

[2] Там же. С. 18.

приведения буржуазии к власти. «Было a priori ясно, что если рассчитывать на буржуазную власть и присоединять буржуазию к революции, — писал Суханов, — то надо временно снять с очереди лозунги против войны, надо в данный момент на время свернуть циммервальдское знамя, ставшее знаменем русского и, в частности, петербургского пролетариата»[1].

А между тем лозунг «долой войну» был едва ли не наиболее распространенным и важным среди тех, под которыми проходили митинги. Лозунг Учредительного собрания оставался в тени, а «долой самодержавие» хотя и произносили все многочисленные ораторы из социалистических партий, но это был, отмечал Суханов, «можно сказать, наш старый национальный лозунг», «само собой разумеющееся отрицательное понятие», а не политическая программа. «Вообще народным движением, как это бывает всегда, — писал Суханов, — организованные социалистические центры не руководили и политически не вели его к какой-либо определенной цели»[2].

В некотором противоречии с этим он утверждал, что лишь левые циммервальдистские центры могли оказать влияние на движение. Однако встречи с некоторыми из большевиков и эсеров-циммервальдистов показали отсутствие интереса к проблеме взятия власти вообще, да еще путем предлагавшегося Сухановым компромисса.

Разочаровывало его и то, что «буржуазия была перепугана движением и была не с ним и, стало быть, против него». Он считал, что ее политические лозунги все еще сводились к требованию «ответственного министерства», к которому примкнула и вся радикальная интеллигенция.

Погруженный в эти размышления и обуреваемый тревогой, примут ли буржуазные лидеры власть из рук революции, Суханов стал искать связей как с цензовыми, так и демократическими руководящими группами. Он позвонил по телефону Н.Д. Соколову, известному адвокату по политическим делам, который, числясь большевиком, был очень активен в широких радикальных кругах. На 25-е на 3 часа дня на квартире Соколова на Сергиевской ул. было решено созвать представителей различных политических групп, и Суханов надеялся не только узнать об их позициях (на утро 25-го было назначено заседание думского «сеньорен-конвента», которому придавали большое значение), но и выступить со своей идеей компромисса для образования буржуазной революционной власти[3].

А были в столице люди, причем в высоких и высших слоях общества, которые в этот день как бы не заметили происходивших событий или, заметив, не придали им значения. Министр иностранных дел Н.Н. Покровский был 24-го

---

[1] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1. С. 24.

[2] Там же. С. 22.

[3] Там же. С. 22. По словам Суханова, 23-го и 24-го собирались деятели различных направлений рабочего движения, думцы, кооператоры, представители различных партийных центров. Обнаруживались разброд и растерянность этих центров. Н.С. Чхеидзе призывал к равнению на Думу. Левая часть собравшихся, наоборот, стояла за создание боевых рабочих организаций. Ее представлял, как передавали Суханову, старый ликвидатор и оборонец Ф.А. Череванин, которому принадлежала мысль о выборах на заводах в Совет рабочих депутатов (Там же. С. 27).

на обеде у вдовы адмирала С.О. Макарова, присутствовали великий князь Борис Владимирович, министр земледелия Риттих, член Государственного совета граф Д.А. Олсуфьев, барон Кнорринг, управляющий двором великой княгини Марии Павловны, и две дамы — графиня Гейден, фрейлина императрицы Марии Федоровны, и ее сестра графиня Шереметева. «Обед прошел в очень веселом тоне... — вспоминал Покровский. — О городских беспорядках почти разговора не было. Мы вернулись домой совершенно благополучно и по дороге завезли гр. Олсуфьева в его дом на Фонтанке у Цепного моста»[1]. Офицер Генерального штаба Э.А. Верцинский вечером поехал в Мариинский театр. «Сворачивая с Гороховой на Садовую, я услыхал в стороне Невского какие-то крики, которые извозчик объяснял частичными беспорядками толпы, разгоняемой полицией. В Мариинском театре вместо назначенной к постановке оперы "Майская ночь" дали "Каменного гостя", так как забастовал хор»[2].

Министр внутренних дел Протопопов, накануне как фигура в различных общественных кругах одиозная в одиночестве обедавший в Английском клубе, на сей раз был зван к обеду в общество, как тогда выражались, «неисправимо правых» к Н.Ф. Бурдукову, «духовному сыну» царского фаворита кн. В.П. Мещерского, любившего покровительствовать симпатичным ему молодым людям. К обеду были приглашены, кроме Протопопова, Н.А. Маклаков, Н.П. Саблин, капитан царской яхты «Штандарт», А.А. Римский-Корсаков, один из наиболее активных среди правых, и др. А в Ставку верховного главнокомандования в Могилеве Протопопов, как и накануне, ничего не сообщил о происходящем в столице, и царь пребывал в блаженном неведении. «Мой мозг отдыхает здесь — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания, — писал он в этот день жене в Царское Село. — Я считаю, что это мне полезно, но только для мозга. Сердце страдает от разлуки»[3].

А между тем Балк в конце дня составил рапорт царю, в котором кроме сжатого доклада о случившемся сообщал и о переходе поддержания порядка в столице в руки командующего войсками. Но церемониал не разрешал передач таких рапортов, составлявшихся Балком и 25-го, и 26-го, по телеграфу. «Ежедневный рапорт на высочайшее имя, — вспоминал Балк, — писался по особому образцу, установленному еще императором Николаем I: начинался с перечисления движения больных по госпиталям, указания несчастных случаев с воинскими чинами и уже под конец, в краткой форме, о событиях в столице. Писал рапорт особый чиновник, на удивление красиво пишущий, и подписывал я не ранее 12 часов ночи, причем чиновник искренно огорчался, когда я удлинял рапорт». Поступить иначе «было вопреки традициям»[4].

И Александре Федоровне Протопопов с утра ничего не сообщил, но это ее не рассердило. Ее письмо царю в этот день открывалось сообщением: «Вчера

---

[1] *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории... // Отечественная история. 1992. № 5. С. 158.

[2] *Верцинский Э.А.* Год революции... С. 6.

[3] Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 207.

[4] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда... С. 139.

были беспорядки на В[асильевском] острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова, и против них вызывали казаков»[1]. Эти события взволновали ее меньше, чем думская речь Керенского, о которой ей стало известно. После нескольких фраз о домашних и придворных делах в письме появились выдержанные в духе ее обычной требовательности к царю слова: «Я надеюсь, что Кедринского из Думы повесят за его ужасную речь — это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером. Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость». А еще через несколько фраз появилось напоминание о необходимости добиться замены английского посла Бьюкенена: «Не забудь написать Джорджи [Георгу V] о Бьюкенене. Не откладывайте этого». Главных врагов режима Александра Федоровна по-прежнему видела не на улице, хотя известия о происходившем там вторгались в Царскосельский дворец, и в письме этом, писавшемся в течение всего дня, появились после 3 часов слова о том, что императрица принимала дворцового коменданта ген. П.П. Гротена с сообщением от Протопопова: «Беспорядки хуже в 10 часов, в 1 меньше — теперь это в руках Хабалова». Но кончалось письмо напоминанием о награждении крестом Саблина.

А «Новое время» поместило в этот день обычный репортаж с ипподрома и сообщение о том, что следующие бега состоятся в воскресенье, 26-го. Другие газеты также помещали судебную хронику, отчеты о происшествиях...

Р.Ш. Ганелин

25 февраля

В градоначальстве, где расположился штаб военно-полицейских сил, теперь, к субботе, установился свой быт и распорядок дня. День начинался с того, что между 9 и 10 часами приезжал командующий войсками Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов, заслушивал доклад градоначальника генерала А.П. Балка, и в кабинете градоначальника начиналась деятельность хабаловского штаба. Полковник В.И. Павленков, начальник войсковой охраны Петрограда, являвшийся по должности главным распорядителем, страдал от грудной жабы и последствий контузии и не управлялся отдавать распоряжения по телефонам, которые звонили непрерывно. Требовавшуюся для этого распорядительность и решительность проявил адъютант Хабалова поручик Мацкевич.

Как и 24-го, Балк начал день с утреннего объезда столицы. «Впечатление получилось благоприятное, — писал он. — Уборка улиц идет вовсю. Магазины открыты, уличное движение нормальное. Трамваи ходят». «Большая часть фабрик работает», — добавил было он, но затем зачеркнул и написал: «Хотя число бастующих достигло 240 тыс. человек». «Сенная площадь переполне-

[1] Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 206.

на продуктами, — продолжал Балк. — Колбасная-шатер, устроенная принцем Ольденбургским, битком набита покупающими дешевые и вкусные колбасы (из гальо). Постовые городовые держатся и отвечают бодро. Видна полная готовность служить не за страх, а за совесть»[1].

Полную противоположность этому составляет описание наблюдательного участника событий И. Мильчика: «Заводы поголовно не работают, газеты не вышли, учреждения и торговля закрыты. Ворота дворов наглухо заперты, телефонная связь порвана. Движение трамваев, автомобилей, извозчиков замерло. Улицы завоеваны рабочими. Народ двигается сплошь, от тротуара до тротуара. Люди, вышедшие на улицу демонстрантами, превращаются в повстанцев. Окраины фактически в руках народа. Баррикад нет только потому, что масса не встречает препятствий. Ни малейших признаков какой-либо власти — полиция, солдаты, офицеры отсутствуют. Все враждебные силы стянулись, сосредоточившись в центре государственного аппарата, на Невском, от Зимнего дворца до Знаменской площади»[2].

При некоторой преувеличенности этого описания — газеты утром вышли не все, не появились «День», «Биржевые ведомости», «Русская воля»; вовсе не вышли вечерние; телефоны в городе работали, градоначальство вечером потеряло связь с полицией Выборгской стороны ввиду разгрома нескольких участков, а не из-за прекращения телефонной связи; учреждения днем и даже театры и кинематографы вечером работали — оно довольно полно отражало смысл происходившего в этот день.

На заводах Выборгской стороны он начался не так, как предыдущие. Приходя с утра на заводы, рабочие задерживались ненадолго и сейчас же устремлялись в город. Митинги на заводах носили характер летучих. Зато революционность и решимость ораторов возросли, много говорилось о привлечении солдат на сторону народа и необходимости вооружения рабочих. Забастовка в этот день стала фактически всеобщей. Балк, определяя число бастовавших в этот день в 240 тыс. человек, воспользовался телефонными сведениями, полученными утром от полицейских участков. По данным Охранного отделения, бастовавших насчитывалось 200 тысяч (23 февраля — 90 тысяч, 24-го — 160 тыс.). Эти цифры указал министр внутренних дел А.Д. Протопопов в своей телеграмме в Ставку, о которой еще пойдет речь. Число стачечников, учтенных за 25 февраля, осталось наивысшим изо всех цифр, фигурировавших в документах полиции и Охранного отделения. (26-го было воскресенье, а 27-го правительственный аппарат, фактически парализованный, уже не мог заниматься сбором статистических сведений). Впрочем, и 23–25 февраля характер событий затруднял властям точный учет стачечников. Подсчет, произведенный И.П. Лейберовым, дал следующие результаты: 23-го — 128 тыс., 24-го — 214 тыс. и 25-го — 306 тыс. человек[3].

---

[1] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда... // Сумерки. № 13. IX–XII. 1991. СПб., С. 139.

[2] *Мильчик И.* Рабочий Февраль. М.–Л., 1931. С. 74.

[3] *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. М., 1979. С. 192, 242.

Но вернемся к утру[1]. Уже в 8 часов на Васильевском острове у дома № 5 по Косой линии толпа отняла шашку и револьвер у городового Франца Ваха, нанеся ему побои. Около 9 часов полиция рассеяла группу рабочих, пытавшихся проникнуть на Невскую ниточную мануфактуру на Лифляндской улице с тем, чтобы прекратить работу. Двое рабочих, остановивших несколько машин, были задержаны. Одновременно в Эртелевом пер., 13, была «снята» типография «Нового времени». В булочной швейцарского гражданина Крузи на Каменноостровском проспекте покупатели выбили стекла, обнаружив уложенные на телегу 300 булок, хотя приказчики говорили, что булок больше нет. Пристав распорядился тут же продать их.

В другом конце города в этот час прекратили работу 14 тыс. рабочих Обуховского сталелитейного завода. С красным флагом и революционными песнями они направились к центру города, «сняв» по дороге карточную фабрику, фарфоровый завод и другие предприятия, рабочие которых частично присоединились к колонне. На проспекте Михаила Архангела, рассеивая толпу, казаки били людей нагайками и обнаженными шашками (плашмя). Был задержан восемнадцатилетний рабочий Обуховского завода Михаил Масальский, у него отобран флаг с надписью: «Долой самодержавие, да здравствует демократическая республика».

В 10 часов толпа в 800 человек подошла к Государственной типографии на Петроградской стороне, чтобы «снять» рабочих, но была рассеяна полицией.

В это же время на Выборгской стороне несколько тысяч человек, как и в предыдущие дни, двигались к Литейному мосту. Полицмейстер полковник М.П. Шалфеев с городовыми конной стражи и полусотней казаков выехал навстречу. Поставив заслон у Симбирской улицы, он потребовал, чтобы толпа разошлась, но был стащен с лошади, избит и ранен. Городовые пытались выручить его, завязалась схватка, в них кидали камни и куски льда. Согласно донесению, из толпы стреляли и городовые ответили выстрелами. Казаки 4-й сотни 1-го Донского полка после первых выстрелов уехали. Жертв стрельбы отмечено не было. Это происшествие, разумеется, обратило на себя внимание военного и полицейского руководства.

В 11 часов утра офицер Генерального штаба Э.А. Верцинский был у исполнявшего должность начальника штаба генерала М.И. Занкевича, с которым они прежде командовали полками в одной дивизии. В это время Занкевичу позвонила его мать (сестра Занкевича была замужем за Балком) и сообщила о случившемся с Шалфеевым. Однако Занкевич «особенно опасного значения беспорядкам не придавал»[2]. А на Васильевском острове около 11 часов при столкновении толпы с войсками офицер застрелил рабочего. Произошло это так. На Петроградский трубочный завод, куда пришла толпа для «снятия» завода, была вызвана рота Финляндского запасного батальона. Толпа не расходилась, из нее раздавались шутки по адресу командовавшего ротой подпоручика, и он выстрелил в слесаря Дмитриева.

---

[1] Донесения приставов см.: *Акимов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель.

[2] *Верцинский Э.А.* Год революции... С. 6.

Движение охватило различные части города. После 11 часов в градоначальство сообщения о происходившем на окраинах уже не поступали, так как там деятельность властей оказалась парализованной. По сведениям Балка, в районе Путиловского завода толпы рабочих несколько раз рассеивала конная полиция. Еще ночью в Охранном отделении узнали о том, что 8000 колпинских рабочих (Ижорский завод) намереваются итти, по одной версии, в Петроград на помощь рабочим Московской заставы, а по другой — в Царское Село. На их пути были устроены засады, в том числе силами двух рот и учебной команды запасного батальона лейб-гвардии 2-го стрелкового царскосельского полка. По некоторым сведениям, кто-то успел предупредить двигавшихся в Петроград рабочих, и они пошли в город другим путем[1].

Но главные события разворачивались на Невском. С 11 часов, как и в предыдущие дни, здесь стали появляться небольшие группы рабочих, студентов и подростков. Приставы отмечали, что «отношение толпы к чинам полиции было весьма враждебно»[2]. Балк в своих записях за 25 февраля также отметил мрачные для властей предзнаменования, появившиеся еще до того, как произошли главные события дня. Хотя в его оценке ощущаются предубеждения, связанные с тем, что в этот день началась стрельба в народ, организованный характер движения он отрицал. «Во многих местах, — писал Балк, — стали появляться ораторы с призывами низвергнуть преступное, передавшееся на сторону немцев правительство. Призывали войска обратить штыки на изменников и избивать чинов полиции. Толпа уже не двигалась со стонами: “хлеба, хлеба” и не проявляла свойственное ей в предыдущие дни веселое настроение, впрочем, и состав толпы был уже иной: преобладали подонки и интеллигентная молодежь с немалым процентом молодых евреев. Многие поняли, что игра в прогулки превращается в торжество черни. Этот день был обилен происшествиями и явно носил бунтарский характер. Трамваи останавливались. Седоков с извозчиков ссаживали, причем по адресу прилично одетых сыпались остроты и ругань. В некоторых местах из лавок тащили съестные припасы, ну и, конечно, били фонари и стекла в окнах. Появлялись и красные флаги, но все пока еще было разрозненно. Каждый руководитель действовал по своей инициативе и общего определенного выступления не было»[3].

К 12 часам дня на Невском полиции удалось арестовать 60 участников движения. Их держали во дворе дома № 46, напротив Гостиного двора. Но со стороны Николаевского вокзала подошла большая толпа, потребовавшая их освободить. Пристав, находившийся при арестованных, послал за помощью к командиру разместившейся в Гостином дворе пехотной части, с которым имелась договоренность, что будет прислана воинская команда для охраны арестованных. Но хотя из Гостиного видели происходящее напротив, никакую команду оттуда не прислали. Тогда пристав сам прорвался через толпу в Гостиный

---

[1] *Семенов Е.П.* Февральские и мартовские дни 1917 г. // Исторический вестник. 1917 г. Март. С. 6, 7; *Верцинский Э.А.* Год революции... С. 6, 7.

[2] *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. XIX.

[3] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда... С. 140, 141.

двор и обратился «с усиленной просьбой» о помощи к сотнику 6-й сотни 4-го Донского полка, но тот ответил, что его задача заключается только в охране Гостиного двора. Тем временем толпа освободила арестованных, избив полицейского надзирателя, и с пением революционных песен направилась к Казанскому собору. Было около часа дня, когда на нее бросились в атаку с обнаженными шашками конные городовые и сотня 4-го Донского полка. Завязалась короткая перестрелка между толпой и полицией.

В это же время красные флаги появились над толпой, собравшейся на Знаменской площади. Разгонять толпу явился со Староневского пристав Александровской части ротмистр Крылов, «один из выдающихся по службе офицеров», как характеризовал его Балк. Здесь вокруг памятника Александру III митинговали рабочие, студенты, курсистки. Лозунги были разные: «Долой войну» и «Долой самодержавие» (В.Н. Каюров вспоминает, что один из таких плакатов он передал своему сыну Александру, а второй — М. Полякову); наряду с этим звучали призывы к поддержке Думы и ее требования ответственного министерства. Конная полиция разгоняла толпу, налетая со стороны Гончарной улицы. Каюров и другой рабочий, с завода Лесснера, сняв шапки, обратились к казакам с просьбой о помощи против полиции[1]. Когда Крылов с полицейским нарядом пробился через толпу, вырвал флаг у одного из знаменосцев и, задержав его, направился к вокзалу, он получил смертельный удар шашкой в голову. Балк считал, что это сделано неизвестным, вырвавшим шашку из ножен у самого пристава, хотя и добавлял, что «значительный наряд казаков находился тут же, но не оказал никакого содействия даже и тогда, когда вызванная конная полиция рассеивала толпу на площади». Полковник Троилин, командир казачьего полка, категорически отрицал возможность нападения казаков на Крылова. Однако донесший об этом по телефону в градоначальство полицейский чиновник сообщил, что пристав убит казаками. Так считают и исследователи. Е. Ефремов называет казака М.Г. Филатова. Лейберов называет другое лицо — подхорунжего Филиппова[2].

Как бы то ни было, при подобном настроении казаков для подавления движения они не годились. Почти одновременно с гибелью Крылова около 2 часов к Казанскому мосту снова подошла толпа численностью до 5 тыс. человек с красным флагом и пением революционных песен. Часть ее бросилась к дому № 3 по Казанской улице, где во дворе находилось 25 арестованных под охраной городовых. Во двор въехал взвод казаков 4-го Донского полка с офицером. Казаки не только освободили арестованных, но и обругали городовых и даже ударили ножнами шашек двоих из них, приговаривая: «Эх, вы, за деньги служите!» Лишь когда казаки уехали, конным жандармам удалось рас-

---

[1] *Каюров В.Н.* Дни Февральской революции // Крушение царизма... С. 242.

[2] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 140; *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. XXI; *Ефремов Е.* Подвиг на Знаменской // Нева. 1962. № 2. С. 218, 219; *Лейберов И.П.* Петроградский пролетариат во всеобщей стачке 25 февраля 1917 г. // Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966. С. 34;

сеять толпу; «за подстрекательство к уличным беспорядкам» они задержали рабочего арсенала Николая Козырева 27 лет. Эти и другие факты показывали, что казаки слишком «мирволят» манифестантам, и Хабалов решил держать их впредь в казармах, вызвав им на смену кавалерийские части из Новгорода и Царского Села, сообщал Н.Ф. Акаемов. Он утверждал, что вопрос о том, чтобы отправить казачьи части как ненадежные в Финляндию, еще накануне поднимали хабаловские штабные. Однако полковник Павленков предложил подождать — может быть, казаки «исправятся»[1].

Вообще 25-го ясно определились отношения между рабочими, солдатами, казаками и полицией. После убийства Крылова и проявлений казачьего нейтралитета, а то и сочувствия движению, его участники сделали для себя вызывавший энтузиазм вывод: «Казаки за нас». Одновременно рабочие, и особенно работницы, начали обращаться с призывами о присоединении к стоявшим в строю солдатам. По словам И. Мильчика, именно поведение казаков уничтожило взаимную настороженность рабочих и солдат[2]. Предметом их общей ненависти стали «фараоны» — чины полиции. Все обратилось против нее: и то, что полицейский участок был наиболее близким широкой массе олицетворением ненавидимой государственности (с учреждениями политической полиции соприкасались лишь те группы населения, которые участвовали в революционной деятельности, и наемный характер полицейской службы, трактовавшийся как продажность, и тыловое благоденствие «продажных шкур» (хотя многие городовые были старше призывного возраста). Ненависть к полиции еще не достигла своего апогея в этот день, но нарастала. Она с особой силой проявилась в разгроме полицейских участков на Выборгской стороне. Впрочем, при осаде 1-го участка прослуживший там более 40 лет пристав полковник Шелькинг, пользовавшийся расположением населения, был спасен рабочими, которые, переодев его в штатское, увезли в госпиталь под видом раненого.

Между тем в 4 часа на углу Невского и Литейного в разъезд конных жандармов были брошены две бомбы, не причинившие, впрочем, вреда. А в это же время у Городской думы демонстрация с флагами подверглась обстрелу войсками. Балк считал, что при этом было убито 4 и ранено 12 человек[3].

Революционное настроение масс заметно усилилось в этот день как бы в ответ на объявление Хабалова, содержавшее угрозу, что если к 28 февраля забастовка не прекратится, то все новобранцы досрочных призывов 1917, 1918 и 1919 годов, пользующиеся отсрочками, будут призваны.

Утром Н.Ф. Свешников побывал у А.Г. Шляпникова в конспиративной квартире супругов Павловых на Сердобольской ул., 35, требуя выпустить манифест ЦК РСДРП. Однако Бюро ЦК сочло это преждевременным и ограничилось выпуском листовки с призывом к отрытой борьбе за свержение

---

[1] *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. XX–XXI, XVI.

[2] *Мильчик И.* Рабочий Февраль. С. 77.

[3] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 141. Ср. рассказ Каюрова об этом, ошибочно отнесенный в моей прежней работе к 26-му (Крушение царизма... С. 243, 244, 398).

самодержавия. Шляпников и В.М. Молотов составили ее текст, использовав набросок, присланный М.С. Ольминским. Листовка гласила, что надвинулось время открытой борьбы, и содержала призывы к организации по всей России комитетов РСДРП, «комитетов борьбы, комитетов свободы». «Отдельное выступление, — говорилось в листовке, — может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции в других странах». При этом особая надежда возлагалась, по-видимому, на победу революции в странах враждебной коалиции («В Германии, в Австрии, в Болгарии поднимает голову рабочий класс»). Но кончалась листовка словами, отражавшими мечты о победе мировой революции: «Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует социалистический интернационал!» Помимо этого, провозглашенные в листовке лозунги гласили: «Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует Демократическая республика! Да здравствует 8-мичасовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Да здравствует всероссийская всеобщая стачка! Долой войну!»[1].

Специальная листовка Петроградского комитета (ПК) была обращена к солдатам[2]. Распространялись две листовки к рабочим и солдатам, выпущенные накануне межрайонцами[3].

Согласно Н.Ф. Свешникову, на заводах появилось в этот день «стремление выбирать представителей в Совет рабочих депутатов, выборы которых [Выборгский] райком старается взять в свои руки»[4]. По агентурным полицейским данным, ПК в этот день решил немедленно образовать ряд заводских комитетов, которые должны были выделить представителей в «Информационное бюро». Это бюро, как стало известно полиции, должно было затем преобразоваться в Совет рабочих депутатов, подобный существовавшему в 1905 г. Эти сведения содержатся в документе, известном в двух опубликованных вариантах (первый озаглавлен «Из записки Департамента полиции о заседании ПК РСДРП 25 февраля 1917 г.»[5], второй, несколько более полный, — «Донесение Петроградского охранного отделения в Министерство внутренних дел о заседании Петербургского комитета РСДРП(б)»[6]) и представляются вполне правдоподобными, как и содержащиеся в нем сообщения о намерении представителей эсеров (в документе отмечалось отсутствие общегородской организации этой партии) примкнуть к движению. Можно предположить, что достоверны были и сведения о террористических актах против представителей правительственной власти, подготовлявшихся анархистами, «например», в виде взрыва Охранного отделения и губернского жандармского управления, хотя на пози-

---

[1] Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 285.

[2] Листовки петербургских большевиков. Т. 2. 1907–1917. Л., 1939. С. 250, 251.

[3] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 155.

[4] *Свешников Н.Ф.* Отрывки из воспоминаний // Крушение царизма... С. 234.

[5] *Баштейн Е.К., Шалагинова Л.М.* Департамент полиции о плане петроградских большевиков в феврале 1917 г. // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 111–112.

[6] Февральская революция 1917 г. в России. Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова. Отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 36–38.

циях террора стояли далеко не все петроградские анархисты, к тому же слово «например» лишало информацию точности.

Однако некоторые из перечисленных решений, якобы принятых ПК, вызывают сомнения. В документе говорилось: «Предположено, в случае непринятия правительством энергичных мер к подавлению происходящих беспорядков, в понедельник, 27 февраля, приступить к устройству баррикад, прекращению [подачи] электрической энергии, порче водопровода и телефонов». Между тем в строительстве баррикад не ощущалось необходимости, ибо они только мешали бы движению масс, что же касается прекращения подачи электричества и порчи водопровода, то не имели ли они значения поводов к принятию в понедельник тех «энергичных мер к подавлению беспорядков», о которых в документе говорилось. Ведь «целями пресечения подобных замыслов» объяснялось в документе намерение властей «сегодня в ночь произвести до 200 арестов среди наиболее активных революционных деятелей и учащейся молодежи». Еще вечером решено было арестовать остававшихся на свободе после январских арестов членов рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета.

С этим документом я ознакомил в 1967 г. хозяйку квартиры Русского бюро ЦК РСДРП М.Г. Павлову. Мне было поручено привезти ее (она почти не видела) на конференцию, посвященную 50-летию Февральской революции. Павлова была дочерью участника революционного движения 80-х годов кузнеца Экспедиции заготовления государственных бумаг Е.А. Климанова (Афанасьева), члена социал-демократической организации П.В. Точисского, и женой Д.Г. Павлова, одного из группы сормовских рабочих, переехавших в Петербург. Я впервые видел настоящую питерскую работницу-революционерку, поражавшую точностью и образностью языка и старой русской интеллигентностью, и не без любопытства ждал, каким образом она в своей речи станет называть трех членов Русского бюро ЦК, своих квартирантов, ведь Шляпников и П.А. Залуцкий еще не были тогда реабилитированы, а Молотов был неудобоупоминаем после событий 1957 года. «Приходит первый член Бюро, — твердо сказала она с трибуны, — и говорит второму: “Надо позвать третьего”». Мой вопрос о полицейском документе вовсе не застал ее врасплох. Деятельность ПК в это время, — объяснила она, — «освещали» для полиции двое ее агентов — В.Е. Шурканов и Я. Озол. Думаю, что на сей раз это был Шурканов[1]. У него было 11 детей, и тех денег, которые «ведший» его офицер давал за донесения, ему не хватало. Вот он и старался, чтобы донесение выглядело позначительнее, пострашнее, и можно было запросить за него подороже. Сам произносил на заседаниях речи сверхреволюционного содержания, а затем составлял об этом донесение без указания кто что говорил.

---

[1] Обстоятельствам разоблачения Шурканова через несколько дней после описываемых событий уделил внимание в своих воспоминаниях А. Тайми (*Тайми А.* Страницы пережитого. М., 1956. С. 136–142). В.Е. Шурканов (полицейская кличка — Лимонин), депутат III Думы, уже в самом начале февральских событий оценивал их с самых боевых позиций (*Иорданский Н.И.* Военное восстание 27 февраля 1917 г. // Молодая гвардия. 1928. № 2. С. 164, 165).

Так наглядно и просто было мне объяснено, что отсутствие грани между деятельностью осведомителя и провокатора, которое могло, конечно, иметь и другую причину, более общего характера, — невозможность для осведомителя всегда оставаться в бездействии, придавало действиям политического сыска опасный не только для общества, но и для режима характер.

В действительности большевистские организации были крайне осторожны в применении боевых средств борьбы, да и возможностей для этого они, в сущности, не имели. Шляпников вспоминает, что отвечал отказом на все требования оружия, боясь, что его применение могло бы «только спровоцировать какую-либо воинскую часть, дать повод властям натравливать солдат на рабочих». При этом нет свидетельств того, что оружие у большевиков было. В борьбе за войско большевики проникали в казармы и агитировали там за присоединение к революционному народу. «Во время уличных встреч, — писал Шляпников, — следовало быть крайне осторожным и не нападать на воинские солдатские части, а стараться сливаться с солдатами, вступать в разговоры, обращаться к ним с речами, стремиться к уличному братанию, распылению их в толпе, изолировать от них офицеров»[1].

Исходя из того, что «время для дипломатических переговоров, соглашений уже прошло... и свидание с Чхеидзе, Керенским и другими интеллигентами уже не имело существенного интереса», Бюро ЦК отнеслось к приглашению на собрание у Н.Д. Соколова, полученному Шляпниковым, довольно безразлично. Решено было, что он пойдет туда, если позволит время, но ему это не удалось[2]. Вопрос о характере будущей власти на большевистских совещаниях, насколько можно судить по известным нам материалам, не поднимался. Но и на совещании у Соколова вопрос этот сколько-нибудь полному обсуждению не подвергся. Суханов был разочарован составом присутствовавших. «Пришли, главным образом, представители радикальной «народнической» интеллигенции», — писал он, назвав эсера В.М. Зензинова, старого народовольца, а затем эсера Н.С. Русанова, деятеля учительских съездов В.И. Чарнолуского, двоюродного брата А.В. Луначарского. «В такого рода собрании даже теоретическое выяснение интересующих меня вопросов не представляло интереса», — огорчался Суханов.

Вместо ожидавшихся представителей большевиков явился прямо с заседания думского сеньерен-конвента А.Ф. Керенский. Его рассказ, по словам Суханова, «как всегда возбужденный, несколько патетический и несколько театральный», свидетельствовал, что буржуазные думцы были в растерянности и панике, а думские лидеры отнюдь не собирались, как хотелось того Суханову, брать власть. «Все их помыслы и усилия сводились не к тому, чтобы оформить революцию, пристать к ней, попытаться овладеть ею и стать на ее гребне, а исключительно к тому, чтобы избежать ее. Предпринимались попытки сделок и комбинаций с царизмом, политиканская игра велась вовсю. Но все это было

---

[1] *Шляпников А.Г.* Февральские дни в Петербурге... С. 88, 89.

[2] Там же. С. 87, 91.

не только независимо от народного движения, но явно вопреки ему, явно за его счет, явно ему на гибель», — сетовал Суханов[1]. И Керенскому и некоторым другим из присутствовавших его постановка вопроса о присоединении буржуазии к революции и формировании буржуазной власти казалась никчемной и, во всяком случае, несвоевременной.

Но с Соколовым Суханова объединяло стремление не допустить антивоенных лозунгов. Впрочем, и Соколов опасался при этом не отказа буржуазии присоединиться к революции, а раскола в среде самой демократии и даже в среде пролетариата. Но так или иначе, он, как оборонец, убеждал Суханова, выступавшего в печати против войны и даже с пораженческих позиций, выступить теперь против лозунга «долой войну», поскольку в его, Суханова, устах такие аргументы «будут лишены злостного контрреволюционного характера и будут более убедительны для руководителей движения».

От Соколова Суханов вместе с Зензиновым отправились к жившему неподалеку от Таврического дворца Керенскому. В районе Сергиевской, Тверской улиц и Таврического сада, в отличие от других мест города, было тихо и безлюдно. «Отметить это небезынтересно, — писал Суханов. — Народ не тяготел к Государственной думе, не интересовался ею и не думал ни политически, ни технически делать ее центром движения».

Дальнейший путь Суханова лежал к Горькому на Кронверкский проспект. Квартира Горького, связанного со всем Петербургом, превратилась в центр притяжения представителей левых сил различной ориентации. В числе прочих Суханов застал здесь членов редакции «Летописи» В.А. Базарова и А.Н. Тихонова. И хотя оба они, подобно прочим, сначала подтрунивали над сухановской идеей создания буржуазной власти, вскоре редакция «Летописи», в полном составе оказавшаяся здесь, начала отстаивать эту идею перед приходившими к Горькому «довольно ответственными руководителями большевиков», которые, по словам Суханова, являлись сюда «прямо от рабочих котлов и партийных комитетов». «Эти люди, — писал Суханов, — в эти дни варились совершенно в иной работе, обслуживая технику движения, форсируя решительную схватку с царизмом, организуя агитацию и нелегальную печать»[2]. Разумеется, доказать им необходимость создания буржуазной власти было нелегко. Рассуждения и здесь носили отвлеченно-теоретический характер. Решено было снова собраться у Горького назавтра около полудня.

Но вернемся в градоначальство. «Можно допустить, — писал Балк, — что день 25 февраля дал лицам, заинтересованным в разрастании беспорядков, убеждение, что отсутствие популярного энергичного военного руководителя представляет им еще больше шансов рассчитывать на успех пропаганды в переутомленных войсках, тем более что запасные батальоны, перегруженные людьми местного призыва, доходящие до 15 тысяч штыков в батальоне, возглавлялись больными, ранеными офицерами или малоопытными, только что

---

[1] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. С. 31, 32.

[2] Там же. С. 34, 37, 39.

окончившими ускоренные курсы военных училищ молодыми людьми». Балк отмечал неспособность Хабалова, «человека доступного, работящего, спокойного, не лишенного административного опыта, но тиходума», влиять на подчиненных «и, главное, распоряжаться войсками», сетовал на отсутствие начальника войсковой охраны Петрограда ген. А.Н. Чебыкина, знавшего «отлично весь гвардейский офицерский состав петроградского гарнизона, и до корней волос строевого офицера, умевшего говорить с солдатами и воздействовать на них». «День 25 февраля, — продолжал Балк, — был нами проигран во всех отношениях. Не только руководители выступлений убедились, что войска действуют вяло, как бы нехотя, но и толпа почувствовала слабость власти и обнаглела. Решение военного начальства импонировать силами (речь идет, вероятно, о демонстрации силы. — *Р.Г.*) и в исключительных случаях применять оружие не только подлило масло в огонь, но, замотавши войска, дало им возможность думать, что на хулиганские выступления начальство смотрит растерянно, как бы боится "народа", а помехой всему власть и полиция».

Балк сообщал далее: «На вечернем военном собрании по заслушании докладов начальников военных районов все высказались за энергичное применение назавтра оружия на всякое малейшее выступление. Генерал Хабалов без колебаний согласился и приступил к составлению воззвания к обывателям в самой решительной форме»[1].

Но за всем этим крылись весьма важные обстоятельства, о которых Балк не сообщает. Во второй половине дня и Хабалов, и Протопопов, наконец, сочли необходимым доложить о происходящем в столице царю. Министр внутренних дел в своей телеграмме дворцовому коменданту В.Н. Воейкову изложил события, начиная с 23-го и кончая убийством Крылова на Знаменской площади, связав начало движения с нехваткой хлеба ввиду усиленных закупок из-за слухов о его нормировании. «Движение носит неорганизованный стихийный характер, наряду с эксцессами противоправительственного свойства буйствующие местами приветствуют войска. К прекращению дальнейших беспорядков принимаются энергичные меры военным начальством. В Москве спокойно», — кончалась телеграмма Протопопова. В шифрованной телеграмме начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву, отправленной в пятом часу вечера, Хабалов в частности сообщал: «Толпа рассеяна, в подавлении беспорядков, кроме петроградского гарнизона, принимают участие 5 эскадронов 9–го запасного кавалерийского полка из Красного Села, сотня лейб-гвардии Сводно-казачьего полка из Павловска и вызвано в Петроград 5 эскадронов гвардейского запасного кавалерполка»[2].

Протопопов направил письмо о происходившем и Александре Федоровне. Она переслала его царю, приложив к своему письму и добавив: «Оно, правда, немного стоит, так как ты, наверное, получишь более подробный до-

---

[1] *Балк А.П.* Последние пять дней из царского Петрограда... С. 142, 143.

[2] Полицейские сводки и донесения // Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 290; *Авдеев Н.* Первые дни Февральской революции. Хроника событий // Там же. 1923. № 1 (13). С. 24.

клад от градоначальника». Александра Федоровна, хотя и продолжала видеть наибольшую опасность не в выступлениях рабочих, а в думских речах, была встревожена. «Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи... — писала она царю. — Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, — и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя. Худших речей не печатают, но я думаю, что за антидинастические речи необходимо немедленно и очень строго наказывать, тем более что теперь военное время. У меня было чувство, когда ты уезжал, что дела пойдут плохо»[1]. Вслед за тем Александра Федоровна перешла к своим обычным настойчивым советам по поводу служебных перемещений высших должностных лиц, на сей раз она настаивала на увольнении генерала Н.С. Батюшина, председателя комиссии по расследованию злоупотреблений тыла, возбудившего дело против распутинского банкира Д.Л. Рубинштейна. Она инкриминировала Батюшину поддержку, которую ему оказывал начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев («Уволь Батюшина, вспомни, что Алексеев твердо стоит за него»). Требовала она и других перемен. «Прежде всего твори свою волю, мой дорогой!» — заклинала Александра Федоровна.

В течение дня ее тревога по поводу происходившего в городе усилилась. Если в первой из двух ее телеграмм в Могилев говорилось, что «в городе все спокойно», то в другой, вечерней, сообщалось: «совсем нехорошо в городе»[2]. По-видимому, сказалось влияние полковника Бойсмана и заменявшего дворцового коменданта генерала П.П. Гротена. Бойсман играл в этом главную роль. Именно с его слов Александра Федоровна написала, что «здесь необходимо иметь настоящий кавалерийский полк, который сразу установил бы порядок, а не запасных, состоящих из петербургского люда». С неизбежностью всплыл вопрос о том, почему так и не был выполнен царский приказ о возвращении в Петроград с фронта надежных частей. «Гурко не хочет держать здесь твоих улан, а Гротен говорит, что они вполне могли бы здесь разместиться», — писала царица далее. — Бойсман предлагает, чтобы Хабалов взял военные пекарни и пек немедленно хлеб, так как, по словам Бойсмана, здесь достаточно муки. Некоторые булочные также забастовали. Нужно немедленно водворить порядок, день ото дня становится все хуже. Я велела Б[ойсману] обратиться к Калинину (прозвище Протопопова в царской семье. — *Р.Г.*) и сказать ему, чтоб он поговорил с Хабаловым насчет военных пекарен. Завтра воскресенье, и будет еще хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы и почему не милитаризуют все фабрики, — тогда не будет беспорядков. Забастовщикам прямо надо сказать, чтоб они не устраивали стачек, иначе их будут посылать на фронт или строго наказывать. Не надо стрельбы, нужно только поддерживать

---

[1] Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 208.

[2] *Авдеев Н.* Первые дни Февральской революции... С. 25.

порядок и не пускать их переходить мосты... Этот продовольственный вопрос может свести с ума. Прости за унылое письмо, но кругом столько докуки»[1].

Царь получил это письмо утром 26-го, и рекомендации жены, в том числе и слова: «не надо стрельбы», опоздали. Накануне, получив телеграммы Протопопова и Хабалова, он после нескольких бесед с Алексеевым телеграфировал Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Хабалов получил телеграмму около 9 часов вечера. «Эта телеграмма, как бы вам сказать? — [чтобы] быть откровенным и правдивым, — говорил впоследствии Хабалов, — она меня хватила обухом... Но что делать? — Царь велел: стрелять надо»[2]. Примерно через час началось то совещание в градоначальстве, на котором, по словам Балка, «все высказались за энергичное применение назавтра оружия». Но на деле это отнюдь не было коллективным решением присутствовавших. Хабалов прочитал им телеграмму и отдал на 26-е приказ о стрельбе после троекратного сигнала, если толпа наступает, особенно в тех случаях, когда «толпа агрессивная, с флагами», в остальных случаях продолжать действовать кавалерией.

Между тем политическое положение в городе становилось все более напряженным даже в вечерние часы, когда толпы на улицах схлынули. В начале девятого часа в Городской думе открылось созванное городским головой П.И. Ляховым совещание, которое должно было рассмотреть вопрос о введении карточек на хлеб, «но вскоре приняло характер памятных по 1905 году революционных митингов», как сообщал в своем докладе Протопопову начальник Петроградского охранного отделения ген. К.И. Глобачев. Это был в сущности первый в дни Февральской революции такой митинг не под открытым небом, а в общественном помещении, в то время как для 1905 г. были характерны митинги в залах Соляного городка, Вольного экономического общества, университета и других высших учебных заведений. Революционный характер собрания был подчеркнут в докладе язвительным упоминанием о том, что, кроме гласных Думы, представителей санитарных попечительств и попечительств о бедных, «к началу заседания в Думу пришли и многие рабочие “из сознательных”»[3].

Следует, однако, заметить, что не только рабочие, но и все многочисленные ораторы, независимо от социальной принадлежности и обычной политической ориентации, выступали на сей раз с самой резкой критикой правительства. Кстати сказать, в редакции суворинской газеты «Вечернее время», где собрались ее сотрудники, тесно и постоянно связанные со всем городом, общее мнение было: «Единственное спасение — уход правительства и замена его ответственным кабинетом». Умеренность пытался отстаивать лишь один из выступавших — гласный В.В. Маркозов. Тон задал первый из ораторов — сенатор С.В. Иванов, в прошлом — товарищ государственного секретаря, который, по словам доклада Глобачева, стал доказывать, что «собрание не может

---

[1] Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 209, 210.

[2] Там же. С. 212; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1. Л., 1924. С. 190.

[3] Полицейские сводки и донесения... С. 295.

ограничиться узкими рамками вопроса о карточной системе, а должно рассмотреть создавшееся положение в более общей форме». Он просил Лелянова сообщить, что происходило накануне в совещании по продовольственному вопросу у председателя Совета министров. Лелянов сказал, что Родзянко (его ждали в Городской думе, но он не приехал, потому что в Государственной думе в это же время слушалось законодательное предположение о расширении прав городских управлений в области продовольствия) «"в сильных выражениях" обрисовал создавшееся положение и призывал правительство в борьбе с продовольственным недугом обратиться за содействием общественных сил»[1].

Выслушав этот ответ, Иванов подчеркнул, «что только теперь, когда положение стало критическим, правительство додумалось до передачи продовольственного дела в руки города, несмотря на то что городское управление об этом хлопотало уже давно». Не менее враждебным правительству было выступление генерал-адъютанта П.П. Дурново, старейшего гласного Городской думы, ветерана высшей административно-полицейской службы, московского губернатора в 1870-х годах и генерал-губернатора в 1905 г., члена Государственного совета по назначению. (И в последующие дни позиция Дурново оставалась демонстративно вызывающей по отношению к старому режиму.) «Оратор вообще скептически относится к обещаниям правительства», — говорилось о нем в докладе. Речь шла о том, что правительство обещало ежедневную доставку для Петрограда 27 вагонов муки, Дурново же требовал не менее 50 вагонов, хотя сам ссылался на незадолго до того установленную норму в 35 вагонов. «Если же правительство откажет, то довести до сведения населения о создавшемся положении», — предлагал он.

Поход против правительства, открытый двумя его недавними высшими сановниками, продолжался с нараставшей силой. Призыв Маркозова «перестать говорить зажигательные речи, а лучше заняться делом», поскольку «в продовольственном кризисе виновато не только правительство, но и общество», услышан не был. После доклада председателя городской продовольственной комиссии И.В. Никанорова, сообщившего, что муки у города и градоначальника хватит только на две недели, М.С. Маргулиес объяснил собранию смысл политической борьбы в Петрограде вокруг продовольственного вопроса. Одиннадцать санитарных попечительств уже приступили, по его словам, к организации районных комитетов для распределения продуктов между населением, согласно принятому еще в ноябре постановлению Городской думы. Однако ведомство внутренних дел, не без оснований разглядело в этих комитетах зачатки новой власти, независимые от старой, тем более что районные комитеты намеревались избрать из своей среды центральный продовольственный комитет. Было решило по крайней мере не допустить избрания в продовольственные комитеты представителей рабочего класса. Тогда попечительства прибегли к организации районных комитетов с правом кооптации, чтобы привлекать в свой состав представителей

---

[1] *Семенов Е.П.* Февральские и мартовские дни 1917 г... С. 7; Полицейские сводки и донесения... С. 295.

рабочих. Когда же администрация запретила и это, санитарное попечительство Выборгской части приостановило свою работу.

Эти сведения подлили масла в огонь. Гласный Н.С. Чистяков доказывал, что думское постановление о районных комитетах надо исполнить «явочным порядком, в полном объеме, не считаясь с тем, что думают в сферах». А.И. Шингарев выступал не только за допуск рабочих в состав районных комитетов при невмешательстве в это дело властей, но и добивался обещания с их стороны, что эти комитеты «не превратятся в те же ловушки для рабочих, какими оказались рабочие группы при военно-промышленных комитетах». «Только тогда городское управление может взяться за дело», — добавил Шингарев, сознавая изолированность правительства и необходимость для него сотрудничать с городом. Речь Шингарева вызвала бурные аплодисменты, как и заявление гласного Н.Н. Шнитникова, который «доказывал, что нынешнее правительство, как совершенно неспособное, должно уйти и дать место коалиционному кабинету».

«После перерыва, — говорилось в докладе Глобачева, — собрание приняло совершенно революционный характер. Тем не менее никто из ораторов не был ни разу остановлен председателем». (Председательствовал председатель Городской думы Л.А. Базунов.) Оратор по фамилии Каган, говоря о стрельбе в толпу на Невском, «доказывал, что надо что-то сделать и не позже завтрашнего утра». Он не мог предложить тот или иной образ действий, но из зала раздались требования не допустить стрельбы в народ. По предложению рабочего И.Д. Волкова, представителя Петроградского союза рабочих кооперативов, объединявшего 23 общества, собрание почтило память павших рабочих. В его речи прозвучал новый, чисто политический мотив, который сейчас же стал господствующим. «Вспыхнувшее движение, кроме требований хлеба, таит в себе и другие требования рабочих, — сказал он, — ...только при демократизации современного строя можно бороться с продовольственными неурядицами». Он предлагал предоставить рабочим половину мест в продовольственных организациях, а выборы в них производить всем населением, сообщив, что на понедельник уже назначены собрания рабочих для этих выборов. Отвечая Шингареву, Волков заявил, что «никакой гарантии от правительства рабочим не надо, ибо они в посулы правительства совершенно не верят».

«Мы не верим “верховной власти”, ибо она ведет братоубийственную войну и загнала нас в голод», — вторил ему член санитарного попечительства Петроградской части Савельев, говоривший о горькой участи и бесправии рабочего класса. Проф. М.В. Бернацкий, видный экономист, гласный Городской думы, заявил, что «если и утолить голод, то начавшееся движение не остановится, а “валом докатится до конца”». Он поддержал требования рабочих и предложил «всем делать свое дело явочным порядком». Открыто антиправительственный характер собрания усилился, когда заговорил встреченный бурными аплодисментами Керенский. Он назвал передачу правительством продовольственного дела городу «даром данайцев», обвинил правительство в том, что оно не прислушалось к голосу общественности, когда продовольственный

вопрос можно было решить, и пытается свалить ответственность на городские управления, «когда положение безвыходно». Он потребовал невмешательства правительства в продовольственное дело, и по его предложению собрание вынесло резолюцию о том, чтобы правительство не препятствовало собраниям обывателей и рабочих на заводах для обсуждения продовольственного дела и выборов членов в продовольственные организации[1].

Речь Керенского переросла в прямой конфликт с правительством. Перед началом собрания в Городской думе в помещении городского Союза потребительских обществ на Староневском заседала по примеру предшествующих дней большая группа участников рабочего движения, кооператоров, руководителей рабочих профессиональных союзов преимущественно меньшевистской ориентации. По словам статьи в «Известиях», посвященной полугодичному юбилею Февраля, именно на этом заседании с участием главы социал-демократической фракции Государственной думы Н.С. Чхеидзе было принято решение о создании Совета рабочих депутатов. После заседания его участники разделились на две части. Большая часть направилась в Городскую думу, другие — на Литейный, 46, в помещение Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, где около 50 человек, включая двух членов Рабочей группы, избегнувших ареста вместе с другими ее членами в январе, были арестованы в соответствии с принятым в этот день решением[2].

Когда Керенский сообщил об этом с трибуны в Городской думе, его рассказ вызвал, естественно, возмущение. Гласный думы тайный советник С.С. Григорьев предложил, чтобы городской голова вошел в переговоры с властями об освобождении арестованных рабочих. Собрание поручило эти переговоры Лелянову и Шингареву. Вернувшись после телефонных переговоров, они сообщили о своей неудаче. Лелянов звонил председателю Совета министров Н.Д. Голицыну, но тот ответил, что ничего не знает, и обещал переговорить с Протопоповым. Шингарев обратился к Родзянко. Председатель Государственной думы не застал военного министра, но Голицын заявил ему, что вызовет директора Департамента полиции по этому делу. Родзянко «просил председателя Совета министров также о том, чтобы стрельба в народ завтра не повторялась»[3]. Все это было публично сообщено в Городской думе. О царской телеграмме Хабалову Голицын, если и знал, Родзянко ничего не сказал.

М.И. Скобелев, судя по докладу Глобачева, выступал еще резче, чем Керенский. «Правительство борется с продовольственным кризисом путем расстрела едоков, — гласила запись его речи. — Это предательство надо заклеймить, оно требует возмездия. Оратор предлагает использовать "растерянность

---

[1] Полицейские сводки и донесения... С. 296–298.

[2] Известия. 1917, 27 авг.; *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1. С. 40; *Авдеев Н.* Первые дни Февральской революции... С. 24, 25. Протопопов сообщал царю об аресте «запрещенного собрания 30 посторонних лиц в помещении группы Центрального военного комитета» (Полицейские сводки и донесения... С. 292).

[3] Полицейские сводки и донесения... С. 299. Суханов утверждает, что Лелянов обращался к градоначальнику и получил положительный ответ (*Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1. С. 40).

правительства" и действовать решительно». «Правительство, проливающее кровь невинных, должно уйти», — заявил он под бурные аплодисменты.

Рабочий завода Лесснера Самодуров (деятель больничной кассы) протестовал против ареста товарищей «от имени "рабочих всей России"». «За требованием хлеба, — вещает он, — слышится другой крик, это крик о воле. Беда не в Протопоповых, а в системе. Дела мы не поправим, если на современный государственный аппарат будем накладывать заплатки; его надо уничтожить до основания. Только тогда наступит успокоение, если современная правительственная система будет вырвана с корнем», — так отражено в докладе его выступление.

Когда Маркозов призвал рабочих «не выходить на улицу и не повторять печальных событий 1905 года», Самодуров возразил: «Как же скажем своим товарищам — не выходите на улицу, когда их могут забрать и дома? ...Нет, в знак протеста против арестов, рабочие должны выйти на улицу».

Председательствующий, подводя итоги, высказался за то, чтобы город взял на себя продовольственное дело при условии достаточного подвоза продуктов правительством и широкого участия в этом деле всех слоев населения. Собрание просило городского голову обратиться с воззванием по этому вопросу к населению. Горячий спор вызвал вопрос о предотвращении «эксцессов». Думу решили для этого не собирать, так как в воскресенье вечером должны были в некоторых районах состояться совещания по продовольствию[1]. Собрание разошлось лишь около двух часов ночи.

С такой подробностью я изложил его ход не только из-за зловещего для царизма едва ли не всеобщего противостояния ему, продемонстрированного в Городской думе вечером 25 февраля, но и потому, что действия властей в ближайшие часы были словно специально направлены к тому, чтобы это противостояние углубить. В самом деле, наутро предстояла стрельба в народ, решение о которой было принято как раз тогда, когда ораторы в Городской думе заклинали власти не стрелять. Вероятно, воззвание городского головы о переходе продовольственного дела в руки города еще могло оказать какое-то влияние на население. Но Протопопов поступил наперекор решению города, возложив по согласованию с Хабаловым контроль над распределением, выпечкой хлеба и учетом использования муки на заведующего продовольствием империи В.В. Ковалевского. «Надеюсь будет польза», — добавил он в своей телеграмме царю вечером 26-го[2]. На самом же деле демонстративное отстранение города и общественных организаций от продовольственного дела могло принести только вред существовавшему режиму. И, наконец, после бурных протестов перед самим председателем Совета министров против произведенного вечером ареста в ЦВПК предстояла ночь арестов по всему городу, подготовленная Охранным отделением, начальник которого, известный нам генерал Глобачев, подписал тот доклад о собрании в Городской думе, которым я воспользовался.

---

[1] Полицейские сводки и донесения... С. 300.

[2] Там же. С. 292.

«Охранное отделение сделало все от него зависящее, произведя ликвидацию всех подпольных организаций, правильно учитывая надвигающуюся на столицу угрозу», — вспоминал один из видных представителей жандармского корпуса П.П. Заварзин[1]. С ордерами, кончавшимися фразой: «Подлежит аресту независимо от результатов обыска», полиция арестовала около 100 человек. Среди них были А.И. Ульянова-Елизарова и Е.Д. Стасова. Только в одном полицейском участке в Лесном, кроме секретаря большевистской ячейки Политехнического института А.И. Судакова и двух ее членов, оказались беспартийный председатель кассы взаимопомощи института, двое студентов Лесного института и несколько рабочих. Рано утром на Сампсониевском проспекте, 16, в квартире Куклина полсотни конных полицейских арестовали членов Исполнительной комиссии ПК большевиков А.К. Скороходова, А.Н. Винокурова и Е. Эйзеншмидта, хозяина квартиры А.С. Куклина. Провал приписывался Яну Озолу[2], по-видимому, именно к этой группе относились слова Протопопова в телеграмме царю об аресте «революционного руководящего коллектива».

Но арестная кампания затронула не только революционные организации, но и некоторых участников открывшегося было 25 февраля съезда представителей военно-промышленных комитетов. Съезд этот должен был состояться в Москве, но разрешен не был. По словам Балка, А.И. Гучков, надеясь с помощью Думы добиться разрешения съезда в Петрограде, собрал его участников в столице за несколько дней до начала революционных событий. Балк получил от Департамента полиции и Охранного отделения сведения о том, что съезд «займется не только специальными делами, но и чисто политическими вопросами дня и выразит первым делом недоверие правительству». «Съезд допущен не был, — писал Балк, избегая признания, что именно он добивался этого. — Гучков рвал и метал. Наконец, надежды съехавшихся оправдались. Родзянко принял горячее участие и добился, что 25 февраля съезд был неожиданно разрешен». Но Балк и после этого сделал все, что было в его силах, для срыва съезда. «Чины местного участка, не получив от меня уведомления о внезапном разрешении съезда, не допустили таковой открывать в одном из домов Троицкого переулка, — писал он. — Пожаловались Родзянко и тот ничего лучшего не нашел, как протелефонировать мне взбешенным голосом, что "я сейчас сам поеду в Троицкий переулок и за шиворот выброшу пристава из помещения". Итак, съезд открылся. Что говорилось на съезде, не помню, но в ночь на 26-е некоторые члены съезда по представленным данным министру внутренних дел Департаментом полиции были арестованы и съезд закрыт»[3].

Таким образом, все без исключения приготовления властей к завтрашнему дню были чреваты губительными для режима последствиями. Приказ

---

[1] *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры. Париж, 1930. С. 237, 244. Можно предположить, что если бы не победа революции, за арестами в ночь на 26 февраля последовали бы новые карательные меры. «Я сравнил нас с врачами, у которых преждевременно умер их пациент», — передал Заварзин свой разговор с бывшим директором Департамента полиции генералом Е.К. Климовичем.

[2] *Судаков А.И.* В последние часы самодержавия // Крушение царизма... С. 286, 287; *Свешников Н.Ф.* Отрывки из воспоминаний // Там же. С. 234; *Шляпников А.Г.* Февральские дни в Петербурге. С. 95.

[3] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда... С. 144, 145.

о стрельбе в рабочих на улицах должен был исполняться в условиях острого конфликта правительственной власти с представителями различных общественных слоев. Неприязненные отношения между царской четой, с одной стороны, и Родзянко, и особенно Гучковым, — с другой, дополнились теперь их скандальным столкновением с градоначальником, который арестовал делегатов съезда военно-промышленных комитетов по согласованию с Голицыным.

Вечерний доклад Глобачева 25-го, по словам Балка, гласил, что руководители движения «ввиду удачи дня решили продолжать свою тактику бунтарства, но определенного согласованного плана у них до сих пор еще все-таки выработано не было». Как и предыдущие доклады Глобачева, этот доклад был составлен таким образом, что оправдался бы при любом развитии событий...

В 1 час ночи Балк был вызван в квартиру Голицына на Моховой ул., где собрался Совет министров. Присутствовал директор Департамента полиции, затем появились Хабалов и члены Государственного совета А.Ф. Трепов, кн. Алексей А. Ширинский-Шихматов и Н.А. Маклаков[1]. Балк сделал подробный доклад, встреченный молчанием и не вызвавший вопросов. Хабалов, ни словом не упомянув о телеграмме царя, добавил, что он приказал на завтра принять решительные меры к подавлению беспорядков, «пресекая таковые в корне оружием». До рассвета, — сообщил он, — на улицах будут в большом количестве расклеены предупреждения о том, что «всякая попытка к беспорядкам будет беспощадно подавлена огнем». «Но подъема и уверенности в успехе дела в его словах не было», — констатировал Балк, хотя, по словам Покровского, «о настроении войск неблагоприятного сообщения не было». Вялым, неуверенным, боящимся ответственности показался Балку военный министр ген. М.А. Беляев, кончивший свою речь словами: «Да, конечно, надо принять энергичные меры».

Протопопов решил дать характеристику политических партий и их влияния на события. «Он предложил вообразить круг, — рассказывал Балк, — а в нем соответствующие по величине сегменты, окрашенные в политические цвета: красный, оранжевый, черный и т. д. Не думаю, чтобы политические сегменты заинтересовали присутствующих. Момент был неподходящий. Время не ждало. Заключение министра было: немедленно, пока еще не поздно, принять решительные меры к подавлению беспорядков в столице. Министр земледелия Риттих со свойственным ему красноречием подавлял реальностью выводов и высказал, что только несокрушимая энергия и решимость могут завтра установить расхлябанный организм власти и порядок. Каждому необходимо проникнуться сознанием не останавливаться перед ужасом пролития крови, так как... в дальнейшем потребуется уже море крови. Министр Риттих сказал это таким непреклонным тоном, с таким подъемом, что невольно все притихли. Пауза длилась довольно долго и была тягостна».

В отличие от Покровского, Балк не упомянул, однако, в своем рассказе, что на заседании рассматривался вопрос о роспуске Думы. Между тем Покров-

---

[1] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. С. 143.; *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории... // Отечественная история. 1992. № 5. С. 158.

ский сообщал даже, что перевес оказался теперь на стороне тех, кто выступал за разгон. Это было связано с тем, что Голицын держал наготове царский указ о роспуске, в котором лишь не была проставлена дата, и он то предъявлял его, то, наоборот, предлагал думцам мировую («Соберемся, поговорим. Нельзя постоянно жить на ножах»)[1].

Именно в связи с разгоном Думы Покровский предлагал не изменения в составе правительства, а, по словам Балка, отставку всего состава Совета министров. «Мы не снискали доверия страны, — передавал его слова Балк, — и, оставаясь на своих постах, ни в коем случае ничего не достигнем». Отдавая должное его искренности, Балк полагал, что в глубине души так же думало большинство министров, но они считали, что «складывать портфели, когда в столице бунтует чернь, несвоевременно и преступно». И все, кроме Покровского, требовали решительных действий. Трепов, Ширинский-Шихматов и Н. Маклаков настаивали на немедленном объявлении в городе осадного положения. На это Совет министров не решился, но Хабалову было предписано принять самые решительные карательные меры. Одновременно Риттих и Покровский получили поручение переговорить с некоторыми видными думцами.

Впрочем, вступая в переговоры с оппозицией, Голицын на самом деле считал нужным преследование ее представителей. Его секретарь дважды во время заседания докладывал, что Гучков просит к телефону Балка, но премьер приказывал отказать Гучкову. Впоследствии выяснилось, что Гучков сейчас же после ночного ареста деятелей военно-промышленных комитетов приехал в градоначальство к Балку и, узнав, что тот у Голицына, несколько раз звонил туда. «Князь Голицын догадывался, с какой целью ищет меня Гучков, но, разделяя взгляд о необходимости ареста, не хотел по этому поводу допустить ходатайство Гучкова», — писал Балк. Результатами заседания Балк остался доволен. По его словам, «робкому генералу Беляеву и нерешительному генералу Хабалову представилась возможность убедиться во всеобщей поддержке того образа действий, на котором они остановились, к сожалению, только в ночь на 26 февраля. Заседание министров в этом отношении принесло пользу: два генерала, далеко не воинственные, набрались энергии и освободились от страха ответственности перед царем и обществом»[2]. О царской телеграмме опять ни слова...

А жизнь города, даже светская, еще не прерывалась. Верцинский отправился с женой в Царское Село на музыкально-танцевальный вечер в запасном батальоне лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка в пользу пострадавших от войны чинов полка. Настроение было несколько омрачено

---

[1] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция... С. 164, 165.

[2] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда... С. 144. Ср. характеристику событий 25 февраля, данную А. Керсновским: «Избиваемая полиция начала применять оружие, но войска продолжали держаться пассивно. Хабалов запрещал стрелять, побуждаемый к тому ген. Беляевым, нывшим о том, "какое ужасное впечатление произведут на наших союзников трупы на петроградской мостовой"» (*Керсновский А.* История русской армии. Т. 4. С. 942).

вызовом части батальона в Колпино. «Все же вечер прошел очень мило, мы вернулись домой лишь около 6 часов утра в экстренном поезде, заказанном для гостей», — вспоминал Верцинский[1].

Р.Ш. Ганелин

26 февраля

К концу дня 25 февраля многим стало ясно, что одолеть народное движение властям не удается. Полицмейстер Выборгской части полковник М.П. Шалфеев, командовавший конными и пешими городовыми на Выборгской стороне у моста Александра II, когда он предложил разойтись стремившейся в город толпе, был избит с поранениями, а пристав Староневского участка полковник А.Е. Крылов убит во время митинга у памятника Александру III на Знаменской площади. Полиция теряла контроль в рабочих районах, на Выборгской стороне некоторые полицейские участки были в течение дня разгромлены. Вечером командование правительственных сил, помещавшееся в здании градоначальства на Гороховой ул., д. 2, лишилось телефонной связи с полицией Выборгской стороны.

Около девяти часов вечера генерал С.С. Хабалов, командующий войсками Петроградского военного округа, получил телеграмму находившегося в Ставке верховного главнокомандования в Могилеве Николая II: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией»[2].

«Эта телеграмма, как бы вам сказать? — быть откровенным и правдивым, — показывал впоследствии Хабалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, — она меня хватила обухом... Как прекратить завтра же? Сказано: "Завтра же" ... государь повелевает прекратить во что бы то ни стало... Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: "Хлеба дать", — дали хлеба, и кончено. Но когда на флагах надпись: "Долой самодержавие", — какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? — Царь велел: стрелять надо. Я убит был, — положительно убит! — Потому что я не видел, чтобы это последнее средство, которое я пущу в ход, привело бы непременно к желательному результату... Нужно сказать, что каждый вечер собирались все начальники участков военной охраны, докладывали, что происходило в течение дня, и затем выясняли, что делать назавтра... Тогда к 10 часам должны были собраться начальники участков, командиры запасных батальонов для выслушания распоряжений на завтрашний день... Как раз после получения этой телеграммы они должны были собраться. Когда они собрались, я прочел

[1] *Верцинский Э.А.* Год революции... С. 6, 7.

[2] *Блок А.* Последние дни императорской власти // *Блок А.* Собрание сочинений: В 6 т. Л., 1982. Т. 5. С. 319.

им телеграмму, так что телеграмма мною была оглашена, и ее видели другие члены совещания... Я тогда объявил: "Господа! Государь приказал завтра же прекратить беспорядки. Вот последнее средство, оно должно быть применено... Поэтому, если толпа малая, если она не агрессивная, не с флагами, то вам в каждом участке дан кавалерийский отряд, — пользуйтесь кавалерией и разгоняйте толпу. Раз толпа агрессивная, с флагами, то действуйте по Уставу, т.е. предупреждайте троекратным сигналом, а после троекратного сигнала — открывайте огонь"»[1].

В ночь на 26 февраля было арестовано более 100 человек. Среди них были многие руководители рабочего движения, а также участники съезда военно-промышленных комитетов. В 4 часа утра министр внутренних дел А.Д. Протопопов написал императрице Александре Федоровне в Царское Село, что он и некоторые правые члены Думы совещались у него «о принятии строгих мер, и все они надеются, что завтра все будет спокойно».

Возможно, надежда на успокоение была связана с тем, что 26-е было воскресеньем, и заводы были закрыты. Но оказалось, что народа на улицах было особенно много.

На оказавшегося в Петрограде ялтинского градоначальника жандармского генерала А.И. Спиридовича, опытного деятеля политического сыска, известного автора ведомственных исторических очерков о большевиках и эсерах, «тревожное впечатление» произвело отсутствие с утра на улицах пешей полиции. Около 11 часов он приехал к С.Д. Белецкому, крупному полицейскому авторитету в отставке, чтобы осведомиться у него о положении дел перед тем как переговорить по телефону с находившимся в Могилеве дворцовым комендантом генералом В.Н. Воейковым. «Белецкий был серьезно встревожен, — писал Спиридович. — Он понимал, что происходит нечто необычайное, но слова "революция" он избегал»[2]. Одобрив намерение Спиридовича, Белецкий обратился по телефону за сведениями к директору Департамента полиции А.Т. Васильеву и самому Протопопову. Оба они надеялись, что «завтра все будет кончено». Оба придавали значение произведенным ночью арестам, считая, что им удалось захватить «всех вожаков движения», «"руководящий" движением "коллектив"». Но «Белецкий отнесся к их успокоениям довольно сдержанно». «Я понял, — писал Спиридович, — что он не верит в арест какого-то коллектива, руководящего, якобы, всем движением. Такого тогда не было. Были арестованы пять человек из Петербургского комитета большевиков, но это была капля в море. Начальник Охранного отделения смеялся над этими арестами, произведенными по его спискам».

Была, — писал Спиридович, — и другая причина мрачных предчувствий Белецкого — фактическое отсутствие в Петрограде «авторитетного военного начальника, который бы руководил подавлением беспорядков. А между тем

---

[1] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1. Л., 1924. С. 190, 191.

[2] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция: 1914–1917. Нью-Йорк, 1963. Т. 3. С. 107.

все передано в руки военных. А главное нет Государя. Нужно, чтобы Государь немедленно вернулся из Ставки»[1].

Описывая свой объезд города утром 26-го, градоначальник Балк отмечал кучки людей, толпившихся у расклеенных в большом количестве ночью на улицах объявлений Хабалова, «написанных в самом решительном тоне» с предупреждением, что всякая попытка к беспорядкам будет беспощадно подавлена огнем. «Лица серьезные. Беспечно веселого настроения, как в первые дни, уже нет», — писал Балк. — Погода, к сожалению, продолжает быть прекрасной»[2].

Город был затоплен многотысячными толпами. «Праздничный день. Заводы закрыты. Как вышедшая в половодье из берегов река, народ залил улицы и площади столицы. Из домов вышли и старые и малые... По случаю воскресенья народ стекался на Невский без захода на заводы, прямо из дому, одиночками и небольшими группами. На улицах все население столицы», — таким представлялся этим утром Петроград И. Мильчику, активному участнику народного движения[3].

Он отмечал, что, как и в предыдущие дни, окраины были свободны от войск и полиции, но мосты и переходы через лед закрыты пехотными и кавалерийскими заставами. По его словам, уже на мостах и переходах через Неву по льду солдаты встречали подходящих рабочих «не по-вчерашнему», а «грубыми окриками “не подходи”, “проваливай”, с добавлением густого мата». Он усматривал в этом последствия царской телеграммы.

Хабалов, прибывший с утра в градоначальство и взявший на себя руководство действиями войск, приказал разместить их таким образом, чтобы не допускать публику на Невский ни с южной, ни с северной стороны. Считая, что Выборгская сторона уже в руках восставшего народа, командование распорядилось, чтобы войска применили оружие, если толпы демонстрантов попытаются прорваться оттуда через Литейный мост.

Как утверждал близкий к градоначальнику журналист Н.Ф. Акаемов, эти распоряжения не предупредили возобновления уличных выступлений на Невском и вызвали столкновения на улицах к северу от него. Атаки против толпы жандармов и конных полицейских оканчивались обыкновенно тем, что их самих оттесняли все дальше и дальше к западу[4]. Но уже около десяти часов утра петроградский градоначальник генерал А.П. Балк получил с окраин города донесения о начавшейся стрельбе войск по толпам. А в двенадцатом часу ему стало известно, что учебная команда лейб-гвардии Волынского полка, находившаяся на Знаменской площади, как он выразился в своем дневнике, который в сущности представлял собой воспоминания, «открыла огонь по Новому Невскому, Гончарной и Лиговке»[5].

---

[1] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция: 1914–1917. Т. 3. С. 108.

[2] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда. 23–28 февраля 1917 г. Дневник последнего петроградского градоначальника // Сумерки. СПб., 1991. № 13. IX–XII. С. 143, 145.

[3] *Мильчик И.* Рабочий февраль. М.–Л., 1931. С. 78–80.

[4] *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. XXII.

[5] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда... С. 145

Что же там произошло? Вопрос этот чрезвычайно существенен потому, что на следующий день, 27 февраля, известный как день краха старого строя, отказались повиноваться командованию именно солдаты учебной команды Волынского полка, а поводом к этому как раз и послужило их участие в стрельбе по толпе накануне, 26 февраля. Впрочем, уже 26-го во второй половине дня рота Павловского гвардейского полка отказалась идти против народа и, выйдя из своих казарм на Марсовом поле, остановилась близ Екатерининского канала. Но об этом — в своем месте, а здесь мы рассмотрим события вокруг Знаменской площади, на которую начиная с 24 февраля из казарм Волынского полка посылались взводы его учебной команды (от его казарм, расположенных в Виленском переулке, 13/15, по Лиговке до Знаменской площади несколько минут ходьбы).

Мы располагаем несколькими источниками, отразившими события 26 февраля на площади и прилегающих к ней частях Невского, Староневского, Лиговского проспектов и Гончарной улице. Это две записи воспоминаний Т.И. Кирпичникова, который возглавил выступление волынцев 27 февраля[1]. В обоих этих случаях Кирпичников вел свой рассказ от первого лица. Известный публицист того времени И.С. Лукаш, наоборот, говорит о Кирпичникове в третьем лице. Хотя он и дал своей брошюре «Восстание в Волынском полку» (Петроград, 1917) подзаголовок «Рассказ первого героя восстания Тимофея Кирпичникова», Лукаш сообщает (с. 25), что в беседе участвовали М.Г. Марков, Иван Дренчук (в действительности Дреничев), Козлов, Я.К. Орлов, И.В. Ильин (с. 25, 26)[2]. В 1924 г. свои записи рассказов Кирпичникова и других волынцев собравшимся в Думе журналистам опубликовал эстонский журналист Ю. Сельямаа[3]. Существует также свидетельство известного публициста и разоблачителя провокаций политической

---

[1] Тимофей Иванович Кирпичников родился в 1892 г. В феврале 1917 г. — младший офицер в учебной команде запасного батальона Волынского полка. 1 апреля 1917 г. как возглавивший восстание награжден Георгиевским крестом IV степени и произведен в подпрапорщики, а 7 мая — в прапорщики. По некоторым сведениям, расстрелян во время Гражданской войны по приказу ген. А.П. Кутепова. Его воспоминания были опубликованы в журн. «Былое» (1917, кн. 5–6 (27–28), перепечатаны в сб-ке воспоминаний участников революционного движения в Петрограде «Крушение царизма...» (Сост. Р.Ш. Ганелин, В.А. Уланов. Л., 1986. С. 300–314). Сокращенный вариант их был помещен в журн. «Огонек» (1927. № 11. С. 4, 5). В «Былом» (1918, кн. 1 (29). С. 239) была помещена заметка о происхождении воспоминаний Т.И. Кирпичникова. В ней говорилось, что протокольная запись его рассказа была сделана в марте 1917 г. Ф.Ф. Линде, одним из инициаторов апрельского выступления солдат Петроградского гарнизона в 1917 г., и Я.М. Фишманом, ставшим в дальнейшем членом Петроградского военно-революционного комитета. Они обратились к Кирпичникову по указанию полкового комитета Волынского полка. Первым менее пространную запись воспоминаний Кирпичникова сделал в ночь на 28 февраля журналист Н. Пенчковский, опубликовавший ее в журн. «Ленинград» (1931. № 2. С. 73–76). Сопоставление этих двух записей см.: Ганелин Р.Ш., Соловьева З.П. Воспоминания Т. Кирпичникова как источник по истории февральских революционных дней 1917 г. в Петрограде // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г. Л., 1989. С. 178–195;

[2] Эту же запись с незначительными разночтениями см. в кн.: *Г.П. (Полк. Г.Г. Перетц).* В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля–23 марта 1917 г. Издание 2-е. Пгр., 1917. С. 14–18. Она здесь названа «рассказом одного из доблестных волынцев».

[3] См.: *Ганелин Р.Ш., Соловьева З.П.* Воспоминания Т. Кирпичникова... С. 178.

полиции В.Л. Бурцева, наблюдавшего за происходившим из Балабинской гостиницы[1].

Как явствует из воспоминаний Кирпичникова в «Былом» и записи Лукаша, незадолго до февральских событий учебную команду, насчитывавшую около 400 чел., разделили на 2 роты, по 32 ряда в каждой (часть солдат, составивших 1-й взвод, впоследствии использовалась на охране тюрьмы и казначейства). Первой ротой командовал штабс-капитан И.С. Лашкевич[2], охарактеризованный собеседниками Лукаша как «человек жестокий, язвительный, грубый», который умел «оскорблять до слез даже старых солдат». Солдатскими командирами в первой роте были: фельдфебель подпрапорщик Лукин, взводные: старшие унтер-офицеры Василий Козлов, Федор Конников, младшие — Михаил Марков и Михаил Бродников, отделенные: Карасев, Орлов, Губарев, Ильин, Борисов, Валюк, Кирин, Киреев и Кочергин по прозвищу Малыш. Во второй роте, которой командовал штабс-капитан Машкин 2-й, солдатскими командирами были: фельдфебель Т.И. Кирпичников, взводные: младший унтер-офицер Мирон Кирпичников, брат Т.И., старшие унтер-офицеры Иван Зайцев, Т.И. Плис и Е.Т. Сероглазов.

1-й взвод 24 февраля и вторая рота учебной команды — 25-го, выведенные на площадь, переговаривались с толпой, офицеры пререкались с демонстрантами, кричавшими: «Солдатики, не стреляйте», угрожали стрельбой, но команды стрелять не давали. 25-го вторая рота под командованием штабс-капитана Машкина 2-го — его помощником стал Т. Кирпичников, который играл такую же роль 24-го при штабс-капитане Цурикове — была вызвана на Знаменскую площадь в 8 часов утра. Тут же были прапорщики Воронцов-Вельяминов и Кочура (в «Былом» и «Ленинграде» ошибочно Ткачура). Машкин, как и накануне, приказал разместить солдат в доме № 37 по Лиговке (там жил причт Знаменской церкви), в дворницкой и в подвале, который занимала артель рабочих-китайцев. В 11 часов утра рота была построена против правого угла Большой Северной гостиницы. Мимо с Невского шла толпа с красным флагом к памятнику Александру III. Начались речи. Воронцов-Вельяминов решил сорвать флаг, но поскользнулся и упал, в спину ему посыпались деревянные кубики (в записи Н. Печковского рабочий ударил его в спину), но он сумел все же схватить флаг. Угрозы его и Кочуры стрелять не действовали, толпа явственно ощущала нежелание солдат открывать огонь, переговаривалась с ними по этому поводу. Офицеры ходили в гостиницу, напились там, солдаты весь вечер с 6 до 11 часов провели в подвалах. Ночью Кирпичников и Лукин, фельдфебель 1-й роты Лашкевич, взволнованно решали — стрелять завтра или не стрелять. Лашкевич еще вечером требовал «загладить пятно» стрель-

---

[1] Биржевые ведомости. 1917, 5 марта. Перепеч.: *Семенов Е.* Февральские и мартовские дни 1917 г. Исторический вестник. 1917, март. С. 11–14.

[2] См. о нем: *Ганелин Р.Ш., Соловьева З.П.* Воспоминания Т. Кирпичникова... С. 193. Известный нам материал не подтверждает сообщения А.И. Спиридовича о том, что учебной командой Волынского полка командовал капитан Квитницкий (*Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция... Т. 3. С. 109).

бой (в этом запись Лукаша совпадает с записью Н. Пенчковского)[1]. Кирпичников предложил отказ от стрельбы, а Лукин, которому было приказано взять пулеметы, потому что наутро пойдет вся команда, заявил, что ушиб рану и отправился в лазарет.

Лашкевич назначил тогда фельдфебелем своей 1-й роты Кирпичникова, а во вторую был назначен Иван Зайцев. Воронцов-Вельяминов и Кочура были теперь в 1-й роте. Такова краткая предыстория действий волынцев 26 февраля на Знаменской площади и вокруг нее. По словам Лукаша, совпадающим с тем, как записал в этом месте рассказ Кирпичникова Н. Пенчковский, перед выступлением Лашкевич «прохаживался вдоль рядов и быстро говорил... что солдаты — защитники царя, наказывал беспощадно стрелять и, если нужно, бить прикладом и колоть штыком». В записи Лукаша утверждалось далее, что перед ротами выкатили два пулемета, о двух пулеметах, выданных волынцам, говорят также Сельямаа и солдат С. Т. Лебедев в воспоминаниях, написанных в 1967 г.[2]

На сей раз в подвалах на Знаменской площади оказалась 1-я рота, а 2-я разместилась в домах по Николаевской ул. Дозоры на Знаменской получили приказ никого не пропускать на Невский и разгонять тех, кто начнет собираться на площади. По словам Кирпичникова в «Былом», это произошло в 2 часа дня, но в записи Лукаша утверждалось, что уже в полдень «на Гончарной улице вдалеке заколыхалась толпа демонстрантов». «И казалось, — читаем там, — эта толпа грознее тех толп, что были вчера. Гул голосов, нестройное пение "Марсельезы", страстные выкрики — сливались в один долгий неумолкаемый вопль. Толпа плыла и гудела, как темный кипящий поток». Поскольку, как, вероятно, помнит читатель, градоначальник Балк получил сведения о стрельбе волынцев на площади уже в двенадцатом часу, разногласия между Кирпичниковым в «Былом» и записью Лукаша о времени начала кровавых событий весьма существенны. В.Л. Бурцев не называет времени появления толпы, в отличие от Лукаша он утверждает, что «специально пришедших для

---

[1] Записанный Н. Пенчковским рассказ Крипичникова в этой его части гласил: «Лашкевич собрал команду первой роты, ругательски изругал нас и закончил словами:
– Я надеюсь, что завтра вы загладите сегодняшнее пятно и покажете, что вы не тряпки, а солдаты. — Солдаты молчали.
– А, значит, я ошибся в вас! — сказал Лашкевич, круто повернулся и ушел. Когда команда разошлась по казарме, Лашкевич собрал взводных в канцелярию и расспрашивал их о настроении людей. Взводные сказали, что ручаться не могут».

[2] *Ганелин Р.Ш., Соловьева З.П.* Воспоминания Т. Кирпичникова... С. 188, 194. «Нас с пулеметами поставили во втором этаже Знаменской гостиницы... — писал Лебедев. — Мы перевернули у пулеметов верхний предохранительный спуск (ладышку) обратной стороной, и наши пулеметы делали только один выстрел. Начальник пулеметной команды поручик Лях не смог сразу же обнаружить неисправность, но после долгих усилий и чьей-то помощи пулемет восстановили и стали стрелять в рабочих». Ср. с тем, как изображал это Крипичников в записи Пенчковского: «На Невском были выставлены наши пулеметы. Начальник пулеметной команды подпоручик Лях все время кричал:
– Бей, стреляй, без пощады!
Но наши пулеметчики подложили заранее под ствол палки, и пули летели вверх, хотя прицел был верный». Сельямаа писал о пулеметах, трещавших «над головами людей», имея в виду пресловутые полицейские пулеметы, якобы поставленные на крышах, а не пулеметчиков-волынцев, стрелявших в воздух (*Ганелин Р.Ш., Соловьева З.П.* Воспоминания Т. Кирпичникова... С. 188).

политических манифестаций было мало, и те все скоро разошлись». Но из первых же фраз его статьи вытекало, что в его представлении стрельба началась утром. «Утром 26 февраля, — писал он, — на всех стенах Петрограда мы прочитали приказ Хабалова с угрозами "не останавливаться ни перед чем" при подавлении народного движения. Мы, живущие на Знаменской площади, в "Балабинской гостинице", с самого утра... могли наблюдать, во что выливался приказ генерала Хабалова». (Говоря «мы», Бурцев имел в виду еще и депутата Думы Н.Н. Рычкова.)

Хотя Бурцев, как, кстати, и Кирпичников, в отличие от «волынца», видел не грозную толпу манифестантов, а прохожих, у каждого из которых «было свое дело», командование, по всей вероятности, опасалось именно толпы манифестантов. Для ограждения от нее солдат с винтовками, построенных с утра в два ряда там, где Староневский и Гончарная выходят на площадь, около них было расположено каре других солдат, внутри которого находились местный частный пристав, конные и пешие городовые. Тут же стояли подполковники Лебедев и Толубеев, полковник Плетнев и генерал Фурса, которого Бурцев считал жандармским генералом.

Источники, освещающие настроения в сфере волынцев, сходятся в том, что еще до начала стрельбы был отстранен отказывавшийся разгонять толпу на площади дозорный второго взвода ефрейтор Иван Ильин. И Кирпичников в обеих записях, и Лукаш связывают этот эпизод с началом скопления публики на площади. По записи Лукаша, Ильин утром заявил, «что он никого разгонять не станет, что это не солдатское дело», после чего Лашкевич назвал его бунтовщиком, объявил арестованным и стал было срывать с него нашивки, но тот сделал это сам, радуясь, что больше ему не придется «идти на улицу и снова стоять перед взволнованным лицом толпы и встречать тысячи молящих, расширенных глаз». Кирпичников, которому было приказано отвести Ильина в дворницкую, пожал ему руку, сказав: «Молодец ты, друг. Ничего не бойся, все хорошо». Сам Кирпичников говорил, что Лашкевич назвал Ильина не солдатом, а тряпкой (в записи «Былого», по версии журнала «Ленинград». Лашкевич «страшно изругал» Ильина: «Ты солдат, защитник царя и отечества, или сукин сын? — Я защитник Родины! — отвечал Ильин».), приказал заменить его другим, а следить за дозорами поручил Кирпичникову. Когда Кирпичников ходил по площади, уговаривая публику разойтись, рабочие, по его словам, отвечали: «Мы тебе не мешаем, тебя уйти не просим».

Стрельбе предшествовали попытки офицеров рукоприкладством напугать прохожих и заставить их быстрее покинуть площадь. «Вернулись — пошли к Невскому, — рассказывал Кирпичников в "Былом". — Я в толпе отстал, пошел за дозором. Подхожу и говорю: "Настает гроза. Цельная беда — что будем делать?" Солдаты говорят: "Действительно беда — так и так погибать будем". Я сказал: "Помните, если заставят стрелять — стреляйте вверх. Не исполнять приказа нельзя — можем погибнуть. А бог бы дал вернуться сегодня вечером в казармы, там решим свою участь"». Приказав горнисту играть сигнал, Лашкевич распорядился колоть, бить прикладами и стрелять. Воронцов-Вельями-

нов с 12 солдатами стал против Гончарной, запруженной людьми (напомним слова записи Лукаша о шедшей по Гончарной манифестации). Три сигнала, поданные горнистом, не были поняты, люди продолжали стоять на месте. Воронцов-Вельяминов скомандовал: «Прямо по толпе пальба — шеренгою. Шеренга 1, 2, 3, 4, 5... пли». Но солдаты стреляли отнюдь не по толпе. В результате залпа с верхнего этажа дома на Полтавской ул., пересекавшей Гончарную, посыпалась штукатурка (Кирпичников назвал ее глиной). Поручик приказал: «Целить в ноги, в бегущую толпу». Но и второй залп не повлек за собой ни убитых, ни раненых.

Хотя толпа разбежалась, но не вся. Воронцов-Вельяминов открыл охоту за прижавшимися к парадным и воротам, крича «уходи». Ефрейтору Слескаухову (в записи Н. Пенчковского речь идет об Ильине) он приказал стрелять в показавшегося с правой стороны Гончарной старичка. Тот дал три выстрела, третьим сшиб фонарь. Старик тем временем скрылся во дворе. Тогда Воронцов-Вельяминов выхватил у ефрейтора винтовку и стал стрелять по людям, жавшимся у дверей. Ранил выше колена женщину. Неизвестный Кирпичникову генерал (возможно, Фурса) заявил, что ей нужно оказать помощь, и отправил ее с двумя солдатами на автомобиле в больницу.

Воронцов сел на тумбочку и стал, по словам Кирпичникова, «стрелять по черным костюмам. Стрелял метко. <...> Убил он трех человек, ранил женщину и мужчину, который тут же ползал по панели. (Вызвана была скорая помощь, и эти люди были убраны). Ехал солдат из отпуска, неизвестно какой части, он же его убил». Затем Воронцов-Вельяминов стал стрелять по публике, жавшейся в проезде, где проходил паровой трамвай, прошел по Лиговке и продолжал стрельбу, усевшись на новую тумбочку, с которой убил еще четырех человек.

Представляется, что достоверность этого рассказа Кирпичникова устанавливается его сопоставлением с приводимым здесь свидетельством Бурцева, который в отличие от Кирпичникова лишь не считал солдатские залпы совершенно безрезультатными. «Молодой поручик» у Бурцева, вероятно, и есть Воронцов-Вельяминов, о котором говорит Кирпичников. Отметим, кстати, что в записи Лукаша таким же образом охарактеризовано поведение командира первой роты, которым был, как известно, штабс-капитан Лашкевич.

«Офицер, а за ним и солдаты несколько раз прокричали публике свои приказания “разойтись”, — писал Бурцев. — Затем раздался за душу хватающий звук рожка. Мы знали, что сразу стрелять не будут, что все будет сделано по закону: раздастся не один, а три сигнала прежде, чем солдаты выполнят то, чего от них требуют офицеры. И, действительно, через несколько секунд раздался второй сигнал, еще через несколько — третий... Затем послышалась спокойная команда офицера: “Стрелять...” Я видел, как были взведены курки, как откликнулось потом ружье, я услышал выстрелы, и вслед за тем там, где-то вдали, раздались вопли... Стена заслоняла от меня тех, в кого стреляли, но я отчетливо услышал, как уцелевшие бросились по сторонам, как раздались стоны тех, кто не был сразу добит... Скоро мимо меня двое солдат пронесли на

руках тяжело стонавшую старуху... Затем другие солдаты пронесли мимо нас умирающего человека...

Но вот новая команда офицера... Раздался выстрел, — новые стоны где-то впереди... Передо мной стоял молодой поручик. Он спокойно покуривал папиросы, спокойно обменивался какими-то шутками со своими солдатами и с подходившим к нему начальством. Он всем своим видом показывал солдатам, что он делает самое обычное для него дело.

Офицер с самого начала, видимо, не совсем был доволен своими солдатами. Их "попадания" не были, по-видимому, так часты, как ему хотелось. Солдаты стреляли иногда вверх в сторону и совсем неохотно стреляли по приказу в указанную им живую цель. Офицер стал командовать стрелять солдатам не вместе, а поодиночке. Тут он уже мог совершенно уверенно следить за каждым выстрелом.

— Вот того, что около столба... Да, нет, не тот!.. Еще раз!.. Еще!..

— Дурак!.. Мимо...

— Вон там, через улицу, переходят те двое... Видишь?

Каждое слово произносилось ровным спокойным голосом.

Солдат, видимо, несколько раз подряд дает промах. Офицер им недоволен. Берет из рук солдата ружье и стреляет сам.

По самодовольному лицу видно, что его выстрел был удачный...

Таких удачных выстрелов около нас, на Староневском проспекте и на Гончарной улице, было не мало. Мой сосед из своего окна видел, как <...> из дома № 132 по Невскому проспекту пыталась перебежать улицу маленькая девочка и как она была подкошена пулей наших храбрецов...

В нашем доме, в воротах, в пяти саженях от солдат стоял приехавший в гости один провинциал. Он вздумал выглянуть из калитки посмотреть, что делают посланцы генерала Хабалова. В эту минуту пуля снесла череп этому любопытному человеку.

Много было удачных выстрелов. Один знакомый офицер, развозивший на своем автомобиле раненых, говорил, что в этот день ему пришлось увезти 28 человек.

Жандармский генерал, затем полковники и подполковники, имена которых я дал вначале, подходили к офицеру и с приятной улыбкой крепко жали ему руку за верную службу "царю и отечеству"»[1].

В описаниях Кирпичникова и записях Лукаша нет стрельбы такой интенсивности, производившейся волынцами, которая повлекла бы за собой

---

[1] В своих показаниях перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства Бурцев после встречи в тюрьме с арестованными Фурсой и другими жандармскими офицерами, утверждавшими, что они уговаривали солдат не стрелять, уточнил, что через форточку не слышал, что именно они говорили солдатам, и назвал двух опрошенных им свидетелей, которые стояли вместе с ними и слышали это, капитана Миклашевского и «известного коммерсанта» Шепатовского. Сделанные ими записи Бурцев передал председателю ЧСК Н.В. Муравьеву. «Вы подчеркните, пожалуйста, — добавил он, — фамилию Миклашевского, который играл очень хорошую роль во всем этом: он был из числа тех, которые уговаривали не стрелять, который многое предупредил. Он видел всех офицеров, видел солдат и мог бы дать вам обстоятельный рассказ обо всем происшедшем. Я считаю этих двух свидетелей не только компетентными, но в высшей степени добросовестными» (Падение царского режима. Т. 1. С. 294, 295).

сколько-нибудь значительные жертвы. Между тем, по сведениям, поступившим в градоначальство, за весь день оказалось 50 убитых и около 100 раненых. Приведя эти цифры в своем дневнике, А.П. Балк добавил было в скобках: «В большинстве случаев, к сожалению, лица, случайно попавшие под выстрелы», но затем зачеркнул эти слова[1]. «На три миллиона жителей процент ничтожный», — считал он, пострадавшие оказывались у него жертвами стрельбы именно на Знаменской площади. «Войска стреляли и в других пунктах, но в общем умеренно. Не было надобности — при первых выстрелах толпа разбегалась», — пояснял он.

Не для того ли, чтобы объяснить происхождение жертв на площади и вокруг нее, в рассказы волынцев был введен эпизод, записанный Лукашем и Сельямаа. Он заключался в стрельбе напоенной водкой части учебной команды неизвестного полка из пулемета на грузовом автомобиле или автомобилях по рабочим, приехавшим из Колпина за хлебом. «Тут только, — настаивал Лукаш, — и пролилась братская кровь от руки опьяненных начальством солдат. Но товарищи быстро расправились с пьяной ордой, осмелившейся стрелять в народ. Ни один из этих разбойников не вернулся живым в казармы». По его словам, это произошло около 5 часов, а распоряжение волынцам о прекращении стрельбы было дано в 3 часа. Сельямаа также утверждает, что стрельба на площади именно в 3 часа была прекращена. Кирпичников в «Былом» говорит о последних выстрелах Воронцова-Вельяминова около 4 часов.

Обратимся теперь к происходившему на Невском западнее Литейного проспекта и Аничкова моста.

И. Мильчик считал, что толпа появилась там лишь часам к двум дня. Между тем рабочий-мемуарист Т.К. Кондратьев упоминает о попытке небольшой группы студентов и рабочих устроить демонстрацию на Невском еще утром. Они были, однако, по его словам, разогнаны ружейным и пулеметным огнем, оставив на Невском 30—40 человек убитыми и ранеными[2]. После этого, — утверждал он, — других попыток к устройству демонстраций не было, и на Невском при пеших и конных патрулях, царила пустота. Это его сообщение не соответствует тому, как изображали события в этой части Невского не только И. Мильчик, но и другие мемуаристы — В.Н. Каюров, И.Д. Чугурин, Н.Ф. Рябов[3] и, как скоро увидим, А.Г. Шляпников.

Перебравшиеся через Неву «толпы» были, по словам И. Мильчика, поначалу настроены «по-вчерашнему». Но по мере приближения к Невскому это их настроение сменялось тревогой, полиция же, наоборот, приободрилась после вчерашней растерянности. При попытках толпы остановиться полиция и солдаты разгоняли ее. Часам к трем появилась кавалерия. Но в возможность стрельбы люди не верили, хотя против Садовой, у Казанского собора и Аничкова моста были заметны приготовления к ней.

---

[1] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда... С. 146.

[2] Крушение царизма... С. 282.

[3] Там же. С. 245, 253, 254, 400 (примеч. 2), 270.

Отметим, что Н.Ф. Акаемов, составлявший эту часть своего очерка «Агония старого режима» по рассказам присутствовавших в градоначальстве, пишет, что «часам к четырем» «войскам пришлось занять оборонительную линию по Екатерининскому каналу»[1]. Стрельба в народ, описание которой у И. Мильчика совпадает с тем, что сообщают другие мемуаристы, началась, по его словам, часа в четыре у Городской думы, а затем у Литейного. «Вначале стреляли беспорядочными пачками, — писал И. Мильчик, — и, видимо, вверх или холостыми, так как народ, разбегаясь, оставлял на мостовой только шапки, калоши и муфты. Убитых или раненых не было. Несколько раз людские волны скатываются с мостовой на тротуары, в подъезды и ворота домов. Но лишь только выстрелы затихают, снова на мостовой толпы и над ними ораторы, страстно уверяющие, что солдаты — братья рабочих, и призывающие к борьбе с царизмом. Но такая "игра со смертью" не всем была по нервам. Народные толпы поредели еще до расстрела.

Но вот около пятого часа где-то проиграл рожок, значение которого не всем было понятно (так же, как и на Знаменской площади. — *Р.Г.*), и сейчас же началась стрельба правильными залпами с нескольких сторон — от Знаменской и Казанского собора. О стены домов зацокали пули, посыпались со звоном стекла, улица огласилась неистовыми криками ужаса, визгами женщин. Мгновение, и толпу начисто смело. Невский и площадь собора зазияли жуткой пустотой. На мостовой остались странно-неподвижно лежать убитые наповал. Раненые ползли к тротуарам. Проспект усеян калошами, шапками. Люди попрятались за колоннадами собора. Поперечные улицы — Казанская и Конюшенная — наполнились беглецами. Через минуту раздался новый залп. Вдоль по Невскому и в сторону Инженерной стреляли с колена солдаты.

Спасаясь от пуль, люди бросались во дворы домов, но с ужасом убеждались, что ворота каменных громад наглухо закрыты»[2]. Н.Ф. Рябов сообщал, что во дворы толпу не впускали дворники[3]. Раненых вносили в здание Городской думы, один из залов которой стал лазаретом, где в качестве добровольцев-санитаров действовали учащиеся и курсистки[4]. Люди двинулись из центра на Петроградскую и Выборгскую стороны, через мосты пускали идущих из центра, в обратном направлении — проход был закрыт.

Вот как описывал события в центре А.Г. Шляпников, который пришел туда как один из тех большевистских руководителей, которые стремились овладеть народным движением. «Уже с обеденного часа, — вспоминал он, — Невский проспект был заполнен пролетарской публикой. На Знаменской площади, на углу Литейного проспекта и Невского, а также на перекрестке Невского и Садовой появились манифестации с красными знаменами. Но наиболее

---

[1] *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. XXII.

[2] *Мильчик И.* Рабочий февраль... С. 81, 82.

[3] Крушение царизма... С. 270.

[4] *Черняев В.Ю.* Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники. Л., 1989. С. 158.

крупная демонстрация происходила у Казанского собора, на традиционной площади революционного движения нашей столицы. Там были сосредоточены большие полицейские и воинские силы. За Полицейским мостом, через Мойку, была расположена какая-то воинская часть, среди манифестантов говорили, что это была учебная команда Павловского полка. Между воинскими частями и публикой, пехотой и манифестантами происходили постоянные переговоры, разговоры и агитация. Действия конницы приводили к тому, что рабочие, работницы и прохожие граждане теснились около пехоты. Раздававшаяся время от времени стрельба из винтовок со стороны Мойки залпами и в одиночку заставила демонстрантов искать прикрытия за углами и очистить середину Невского проспекта. В различных концах площади слышатся звуки "Марсельезы", кое-где поют "Дружно, товарищи". Появляются красные знамена. Это не выдерживает полицейское око и начинается атака и разгоны. Демонстранты оказывали сопротивление кто чем мог, что попало под руку. Ни стрельба, ни разгон не помогали: демонстранты, тысячными толпами, сбитые в одном месте, собирались в другом.

Был уже третий час дня, когда я проходил от Литейного по Невскому проспекту. По обеим сторонам проспекта двигалась густая масса пешеходов. Тут были чиновники, военные врачи, учащиеся, прислуга, дворники и группы рабочих и работниц. При звуках стрельбы все стремительно бежали в ворота домов или жались к подъездам. Стреляли со стороны Казанского собора по направлению к Знаменской площади вдоль Невского проспекта. Середина проспекта быстро очистилась, превратилась в белую пустынную полосу, окаймленную по сторонам черной движущейся лентой людской толпы.

Стрельба стихала, тротуары приходили в оживленное состояние. Смельчаки выбегали на середину проспекта, иные спешили использовать затишье для перебежки на другую сторону Невского. Где-то вдали слышны залпы, один, другой... Паники, страха не наблюдалось, но возмущение против правительства, допустившего стрельбу по безоружной толпе, было огромно и захватило все слои населения»[1].

В отличие от многих рабочих-мемуаристов 20-х годов Шляпников, как видим, отмечает, что состав толпы на Невском был отнюдь не исключительно пролетарским. Начав с того, что Невский был заполнен пролетарской публикой, он вскоре добавил к рабочим и работницам «прохожих граждан», а затем «группами рабочих и работниц» завершалось перечисление различных категорий горожан, включая военных врачей (не слушатели ли Военно-медицинской академии имелись в виду?). А в конце концов речь шла о возмущении «всех слоев населения».

Подводя итог своим наблюдениям этого дня в разных частых города, Шляпников писал: «Против царского правительства были не только рабочие и работницы, но и обыватели. Правда, обыватель не шел на активную борьбу,

[1] *Шляпников А.* Февральские дни в Петербурге // Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 97, 98.

но своим сочувствием и порицанием действий власти, создавал благоприятную "моральную" обстановку для борьбы в буржуазной части города»[1].

Мы располагаем также свидетельством наблюдавшего события на Невском американца Лейтона Роджерса, специальным составом толпы не интересовавшегося. «Ясная, холодная, но прекрасная погода сменила в воскресенье субботнюю розоватую дымку, — писал он. — Улицы заполнила спокойная, сдержанная толпа без вчерашнего добродушного любопытства, но еще благонамеренная и в большей мере заинтересованная в собственных, чем в чужих делах. На одном углу собрались люди и толковали между собой, по всей вероятности, подтрунивая над полицией, которая действительно выглядела смешно, она носилась взад и вперед по улице в попытках затеять ссору; когда налетела группа казаков, толпа растворилась...

Поступил приказ очистить Невский. Из боковых улиц, аллей и тупиков выскочили отряды конной полиции и казаков, обрушившихся на перепуганный теперь народ... загоняя его в узкие боковые улицы, как разметаемую листву. На каждом углу заняли свои места усиленные караулы, которые на весь остаток дня имели приказ о запрещении пешего хождения по Невскому. Невский оставался свободным до довольно позднего часа, когда на одном из углов группа смельчаков, вероятно под предлогом перехода через проспект, отважно двинулась запретным путем». Обстрел этой группы был произведен солдатами, которые, как это было, по словам Роджерса, позже установлено, оказались переодетыми полицейскими. В соответствии с упорно распространявшимися в Петрограде в первые послефевральские дни слухами о полицейских, переодетых солдатами, о пулеметных обстрелах толпы, производившихся ими с крыш, и т. п. Роджерс, как и многие другие мемуаристы, именно таким образом истолковывал факт стрельбы на Невском. Однако его упоминание о стрельбе на углу Невского и Екатерининского канала представляется заслуживающим внимания. Полиция, утверждал он, стреляла там «в явно мирную группу, даже не пытавшуюся следовать запрещенным путем; двое мужчин и трое женщин упали в результате залпа. Но взбешенная этим группа солдат стала стрелять в полицейских, потери среди полицейских были несущественны, но значение самого факта стрельбы представителей одного рода правительственных сил в представителей другого было велико. Ночью на Невском не было ни души, проспект сиял белизной в ослепительном свете морского прожектора, установленного высоко на башне Адмиралтейства»[2].

Роджерс, как видим, не указывает точного времени описываемых им событий. В своем месте мы остановимся на эпизоде с перестрелкой между солдатами и полицией. Пока же отметим некоторое совпадение сообщаемого Роджерсом о насмешках толпы над полицией с сообщением в Ставку

---

[1] *Шляпников А.* Февральские дни в Петербурге // Пролетарская революция. 1923. 1(13). С. 101.

[2] *Rogers L.W.* An account of the March Revolution 1917 // Hoover Institution on the War, Revolution and Peace. Leighton Rogers Collection. Box 1. Folder Vw Russia R728. P. 9–11.

Протопопова. «Сегодня, — телеграфировал он вечером дворцовому коменданту, — порядок в городе не нарушался до четырех часов дня, когда на Невском проспекте стала накапливаться толпа, не подчинявшаяся требованию разойтись. Ввиду сего возле Городской думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, после чего образовавшееся там сборище рассеялось. Одновременно значительные скопища образовались на Лиговской улице, Знаменской площади, а также на пересечениях Невского с Владимирским проспектом и Садовой улицей, причем во всех этих пунктах толпа вела себя вызывающе, бросая в войска каменьями, комьями сколотого на улицах льда. Поэтому, когда стрельба вверх не оказала воздействия на толпу, вызывая лишь насмешки над войсками, последние вынуждены были для прекращения буйства прибегнуть к стрельбе боевыми патронами по толпе, в результате чего оказались убитые, раненые, бóльшую часть коих толпа, рассеиваясь, уносила с собой. В начале пятого часа Невский был очищен, но отдельные участники беспорядков, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстреливать воинские разъезды»[1].

Опубликовавший эту телеграмму А.Г. Шляпников, который, как мы уже знаем, писал о стрельбе на Невском в третьем часу, добавил: «Сообщение Протопопова, что порядок в городе не нарушался до четырех часов, неверно. Демонстрации в этот день начались часов с двенадцати дня и с этого же часа происходили столкновения с полицией и войсками. Я лично в этот день был на Невском и был свидетелем ряда столкновений, обстрелов демонстрантов и т. п.»[2]. Напомним, что Балк получил первые сообщения о стрельбе на Невском в двенадцатом часу.

По сложившемуся у нескольких мемуаристов одинаковому впечатлению западная часть Невского проспекта была после двух часов уже свободна от толпы. В неподписанной «Ведомости происшествий по городу Петрограду», составленной на следующий день, речь шла об этом же времени. «Около двух часов дня, — говорилось в ней, — демонстративно настроенные группы рабочих и публики пытались проникнуть на Невский проспект, собираясь в толпы на прилегающих улицах, но пешими и конными воинскими частями и нарядами полиции демонстранты были немедленно разгоняемы, при этом на Невском проспекте, у здания Городской думы, на Садовой улице, на Гончарной улице, на Литейном проспекте и на Знаменской площади войска неоднократно открывали по демонстрантам огонь»[3]. Все это противоречит не только утверждению Протопопва, но и уже приведенным сообщениям Н.Ф. Акаемова о том, что «часам к четырем пополудни войскам пришлось занять оборонительную линию по Екатерининскому каналу», и И. Мильчика о стрельбе «около пятого часа». Сведений о стрельбе, относящихся к более позднему времени,

---

[1] Пролетарская революция.1923. №1 (13). С. 291.

[2] Там же. С. 292.

[3] Там же. С. 293. В «Ведомости» приводились предварительные сведения о поступивших в больницы 14 убитых и 55 раненых демонстрантах. Из чинов полиции «получили поранения» трое.

нет. О времени стрельбы в разных частях Невского проспекта в течение дня сообщается в донесении начальника Петроградского охранного отделения генерал-майора К.И. Глобачева в Министерство внутренних дел, составленном между пятью и восьмью часами.

Достоверность этого донесения ставится под некоторое сомнение отсутствием в нем сведений о стрельбе в первой половине дня. В нем отмечались в $3^1/_2$ часа три залпа холостыми патронами по толпе у Городской думы, после чего толпа рассеялась, и боевыми — на Лиговской улице, где были раненые, на Знаменской площади, в результате чего там оказались убитые и раненые, на углу Невского и Владимирского проспектов, где собралась толпа численностью около 1000 человек, а также на углу Невского и Садовой, «где скопище достигло приблизительно 5000 человек». Здесь убитых и раненых на месте не оказалось, но они были; считалось, что демонстранты унесли их с собой. В $4^1/_2$ часа Невский был, по словам Глобачева, «очищен от толпы» на всем его протяжении, причем на Знаменской площади полицией было подобрано около 40 убитых и столько же раненых. В 5 часов на углу 1-й Рождественской ул. и Суворовского проспекта залпами войск по толпе 10 человек было убито и несколько ранено. Глобачев утверждал, что и «после рассеяния скопищ с Знаменской площади буйствующие стали накапливаться по Невскому проспекту в части его, называемой “Старым Невским” (от Знаменской площади к Александро-Невской лавре) и по Гончарной улице, причем, притаившись за угловыми домами, стреляли оттуда из револьверов в воинские наряды»[2].

По другим сведениям, на Знаменской площади скопление народа продолжалось, по-видимому, часов до восьми вечера, хотя манифестаций, по словам Т.И. Кирпичникова, не было. Причины этого скопления отчасти заключались в распоряжениях, запрещавших переход через площадь (волынцам его отдал командир батальона полковник Висковский). Кирпичников сообщал, что множество людей, скопившихся на Николаевском вокзале, просили пропустить их, женщины, дети плакали. К этому времени, часам к 7, Воронцов-Ве-

---

[1] Возможно, что между двумя и четырьмя часами стрельбы не было. Вот рассказ офицера Генерального штаба Э.А. Верцинского: «В воскресенье 26 февраля мы около 3-х часов дня поехали из Проходящих казарм (угол Фонтанки и Гороховой), где я занимал казенную квартиру, на Спасскую улицу. Кучер присланной за нами кареты был очень взволнован, говорил, что ему с трудом удалось проехать через Невский проспект, и боялся, что нам не проехать обратно... за Владимирским собором мы переехали цепь солдат, преграждавших Владимирский проспект и, видимо, получивших приказание оградить Невский от накопления толп; проехав Невский, мы переехали такую же цепь солдат на Литейном. Далее по Литейному, примерно против угла ул. Жуковского, толпа, состоявшая преимущественно из женщин и подростков, бросилась с панели с какими-то криками к карете... Заехав еще по пути на Кирочную, мы без всяких затруднений достигли места назначения... Кучер, однако, был настолько перепуган, что вечером наотрез отказался нас везти домой. Когда около 10 час. вечера нас везли на Фонтанку в автомобиле, то улицы были совершенно пусты и всюду царила полная тишина» (*Верцинский Э.А.* Год революции. Таллин, 1929. С. 7). Ср. описание сенатора Н.Г. Зайончковского, жившего на Знаменской ул., 39: «26 февраля, воскресенье. Трамваи не ходят, извозчиков — ни одного. Через Невский и Литейный никого не пропускают. Поэтому Н. И. Тихомиров не мог прийти к нам с дочерью и сыном обедать» (Записки Н. Г. Зайончковского. Тетр. 1: РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 10. Л. 10).

[2] Февральская революция 1917 г. // Сборник документов и материалов / Сост. О. А. Шашкова. Отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 59–61.

льяминов после стрельбы пошел в гостиницу выпить (Кирпичников заметил, что он и стрелял будучи пьяным). На площади оставался Кочура, который «дерзко», как выразился Крипичников, приказал «никого не пропускать». Кирпичников рассказывал, что он уговарил Кочуру пойти в гостиницу погреться, пообещав при этом: «Я побуду за вас и им здесь докажу». Когда же тот ушел, Кирпичников объявил публике: «Идите, кому куда нужно, поскорее»[1]. На вопрос вернувшегося Кочуры: «Как, стрелял без меня?» Кирпичников ответил: «Как же, всех разогнал». Он и перед вернувшимся на площадь Воронцовым-Вельяминовым продолжал делать вид, будто с готовностью и чуть ли не с охотой выполняет карательные распоряжения. Когда на Старо-Невском появились волынцы без офицера, просившие командира, и Воронцов-Вельяминов приказал Кирпичникову: «Иди и стреляй», он ответил: «Постараюсь, вы же распоряжайтесь на Знаменской». Воронцов приказал ему давать сигнал о стрельбе, а сам пошел к Гончарной улице. Крипичников же, проходя мимо солдатских рядов, заявил: «Мало нас секут розгами и бьют. Думайте больше». Свой разговор с вернувшимся на Знаменскую площадь Воронцовым Кирпичников излагал так: «Спрашивает: “Разогнал?” — “Разогнал”. — “Стрелял?” — “Стрелял”. Говорит: “Молодец, мы им... покажем”». Разыскав взводных командиров Маркова и Козлова, Кирпичников начал разговор с ними словами: «Что делается? Стыд и грех!» Сначала они молчали, но затем решили обдумать, что делать, по возвращении в казармы, выяснив, что вторая рота не стреляла.

Лишь в 12 часов ночи первая рота, смененная гвардейским саперным батальоном, вернулась в казармы. У ворот Лашкевич заявил перед строем: «Действовали плохо, нет самостоятельности. Вы проходили только теорию стрельбы. Теперь прошли некоторую практику. То же самое делается и на войне. Главное — самостоятельность и настойчивость. Все-таки спасибо. Повзводно в казармы». Кочура и Воронцов просили у Лашкевича разрешения самим отобрать у солдат патроны. Можно предположить, что они оба опасались последствий своих особенно активных действий днем на площади, ощутив признаки солдатского недовольства. Лашкевич приказал, чтобы патроны собрал взводный и отдал распоряжение: «Завтра команда пойдет в 8 час. Будить в 6 час. Я приду в 7 час. Людям сейчас нужно быстрее ложиться спать». На слова Кирпичникова: «Сегодня люди не обедали, не ужинали, чаю не пили» последовал ответ: «Ничего, теперь не такое время, чтобы распивать чай». Кирпичников приказал немедленно ложиться, началась бессонная ночь в казарме Волынского полка, которая утром привела к началу солдатского восстания.

Но на исходе 26 февраля не волынцы вызывали тревогу у полицейского начальства и военного командования. Они как-никак стреляли по толпе. («Все-таки спасибо» — сказал Лашкевич). Их уклонение от этого, вероятно, несколько преувеличенное Кирпичниковым в его рассказах, как и его собственный саботаж на Знаменской площади, не были пока открыто проявлены, хотя общее настроение солдат было замечено офицерами, в том числе (об

[1] Крушение царизма.. С. 305.

этом ниже) и штабс-капитаном Машкиным, сменившим заболевшего командира запасного Волынского полка. В градоначальстве же около 4-х часов дня, когда прекратилась стрельба волынцев на Знаменской площади, были, по словам Н.Ф. Акаемова, потрясены известием об отказе четвертой роты Павловского полка участвовать в действиях против уличной толпы, притом что надежность павловцев не вызывала до этого сомнений.

В отличие от происшедшего в Волынском полку выступление павловцев при всем его значении остается не до конца ясным эпизодом этого дня, хотя и явилось предметом очерков уже известного читателю И.С. Лукаша, а также специальных исследований В.П. Барановской и В.Ю. Черняева[1]. В имеющихся источниках отсутствуют сведения об инициаторах выступления. Список из 19 человек, заключенных в Петропавловскую крепость, фигурирующий у В.П. Барановской и В.Ю. Черняева, не дает возможности этих инициаторов установить, как и определить характер и степень участия в выступлении тех, кто в этом списке значится. Остаются неизвестными обстоятельства гибели на углу Садовой и Итальянской улиц прапорщика-павловца (как и его фамилия[2]) и их командира полковника А.Н. Экстена. В.Ю. Черняев в своей статье собрал, как представляется, всё известное о выступлении павловцев, и читатель может быть к ней отослан. Мы же остановимся здесь на «павловской» теме в самых общих чертах, отметив лишь то, что представляется неясным или может быть дополнено.

Считается несомненным, что предлогом к выступлению четвертой роты павловцев послужило участие учебной команды этого полка в стрельбе на Невском в первой половине дня. Версия, по которой известие об этом было сообщено павловцам пришедшими к их казармам на Конюшенной площади рабочими, убедительно опровергнута В.Ю. Черняевым[3]. Притом что участие учебной команды павловцев в действиях на Невском удостоверено несколькими источниками, существует и такой, согласно которому четвертая рота выступила с протестом против приказа о собственном участии в этих действиях. Так изображал дело Н.Ф. Акаемов, сообщавший, что известие о выступлении роты павловцев, которое произвело на штаб Хабалова «впечатление удара грома с ясного неба», было получено как раз тогда, когда «часам к 4 пополудни» войскам пришлось занять оборонительную линию по Екатерининскому каналу. Рота же, по его словам, «выйдя из казарм, отказалась идти против народа и остановилась близ Екатерининского канала»[4]. В этом же смысле был выдержан и второй передаваемый Акаемовым телефонный разговор полковника В.И. Павленкова (первым сообщил ему о выступлении павловцев один из по-

---

[1] См.: *Черняев В.Ю.* Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. С. 173, примеч. 1, 2.

[2] В телеграмме временно исправляющего должность начальника гвардейских запасных частей в Петрограде полк. Павленкова царю, отправленной 1 час. 40 мин. ночи с 26 на 27 февраля говорится о ранениях Экстена и прапорщика того же полка Ридигера (Февральская революция 1917 года: (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. 2 (21). С. 7).

[3] Там же. С. 159.

[4] *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. XXII.

лицейских чинов). «Взбунтовались? Не хотят идти? Целая рота?» — переспрашивал собеседника, явно имевшего отношение к командованию Павловского полка (это видно по распоряжениям, отданным в этом разговоре Павленковым и взявшим телефонную трубку Хабаловым)[1].

Не исключено, что трактовка Акаемова повлияла на авторов «Хроники Февральской революции» Д.О. Заславского и В.А. Канторовича (Пг., 1924), утверждавших к тому же, что рота была направлена в наряд на Литейный пр. Сам Хабалов, однако, в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства свидетельствовал, что учебная команда и другие роты павловцев участвовали в действиях против толпы на Невском, а 4-я рота туда не вызывалась, но требовала возвращения в казармы остальных и вообще прекращения стрельбы[2].

А.И. Спиридович, говоря о стрельбе в разных местах Невского, начавшейся около трех часов, писал: «Особенно энергично стреляет у Гостиного двора учебная команда запасного батальона Павловского полка. Ею командует капитан Чистяков. Сухой, энергичный, с горящими красивыми глазами, он, как наэлектризован. Рота раскинула цепи поперек Невского и поперек Садовой. По Невскому от Аничкова моста и по Садовой к Невскому, заполнивши мостовую, двигаются толпы с красными флагами, с пением революционных песен. На сигналы не обращают внимания. Цепи стреляют залпами. Кто-то стреляет с крыши по солдатам сзади. Убит в затылок ефрейтор. Солдаты обозлены. Переходят на частый огонь. Стрельбе по толпе иногда мешают казаки, смешиваясь с толпой. Пехота злится. Слышна ругань по адресу казаков»[3].

И.С. Лукаш оставил использованное Э.Н. Бурджаловым, В.П. Барановской и В.Ю. Черняевым описание обстрела уже выступивших и шедших вдоль Екатерининского канала павловцев во главе с прапорщиком, произведенного из револьверов конной полицией, и их ответного огня, в результате которого несколько городовых упали с лошадей, а остальные ускакали. Не следует ли сопоставить это с сообщением Л. Роджерса о стрельбе солдат в городовых? К сообщаемому В.Ю. Черняевым о предпринятых против павловцев репрессиях следует добавить выдержку из записной книжки полковника Г.А. Иванишина, ведавшего Трубецким бастионом. «26 февраля, — записал Иванишин, — ко мне позвонил комендант крепости генерал Никитин и сообщил, что сейчас к нему позвонил командующий войсками округа генерал Хабалов и передал приказание именем государя, чтобы он принял для заключения в Трубецкой бастион 800 человек Павловского полка и что эти лица будут доставлены этой ночью. В ночь с 26 на 27 февраля в $5^1/_2$ часа утра были доставлены под сильным конвоем преображенцев только 12 человек Павловского полка, а остальных обещали доставить дополнительно. Ночью 27 февраля около 2 часов ночи раз-

---

[1] *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. XXIII.

[2] Падение царского режима. Л., 1924. Т. 1. С. 195.

[3] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. Т. 3. С. 109.

дался звонок в Трубецкой бастион. Звонил генерал-майор Перцов и спрашивал, можем ли мы принять в Трубецкой бастион еще 1500 человек арестованных. Я ответил положительным отказом. Утром 27 февраля генерал Перцов позвонил в Трубецкой бастион и передал, что павловцы присланы не будут и что для них найдены два вполне просторных барака, где они и будут размещены»[1].

Вопреки тому, что павловцев предполагалось наказать с большой строгостью, их выступление не оказало решающего влияния на оценку положения в градоначальстве, где помещался штаб правительственных сил, хотя поначалу это известие произвело там эффект грома с ясного неба. Н.Ф. Акаемов, интервьюировавший очевидцев, писал о происшедшем там разделении на тех, кто верил в существование руководящего центра «вроде совета советов», и других — настаивавших на том, что «“бунт” представляет лишь неорганизованную вспышку и что войска легко его подавят, когда прибудут вызванные из окрестностей надежные части».

«Да и гвардия за себя постоит... В семье не без урода... Павловская рота в счет не идет... Да и ее усмирили...», — цитировал он оптимистов[2].

Градоначальник Балк в своих записях инцидент с павловцами не отметил вовсе. В этот день его приемные были забиты посетителями до отказа. «Некоторые напуганы, но большинство с чувством удовлетворения: наконец-то войска перестали быть только свидетелями уличных безобразий и перешли к активным действиям», — писал он[3]. Принц Ольденбургский, бывший премьер А.Ф. Трепов, министры, графиня М.И. Витте интересовались происходящим. Запрашивали Балка и из Царского Села, где оставалась императрица с детьми. Его посетили также двое авторитетных специалистов полицейской службы — генерал А.А. Рейнбот (Резвой), московский градоначальник в 1906–1907 гг., и генерал П.П. Мейер, градоначальник Ростова-на-Дону, варшавский обер-полицмейстер в 1905–1916 гг. В беседах Балка с ними о происходившем возможность государственного переворота не упоминалась. «Беспорядки — да, — писал Балк. — Но Россия их знала за последние годы немало, а мы, служащие в Министерстве внутренних дел, были далеко не истеричны: привыкли к ним и понимали, что без жертв с обеих сторон, конечно, не обойдется, но предположения, что войска в конце концов не подавят волнения и в мыслях не допускали»[4].

«Задолго до сумерек в столице наступила тишина и видимый порядок. Действиями волынцев на Знаменской площади военное начальство осталось особенно довольным: стрельба произвела подавляющее действие на толпы», — подчеркивал градоначальник.

---

[1] Записные книжки полк. Г.А. Иванишина / Публ. А.Д. Марголиса, Н.К. Герасимовой, Н.С. Тихоновой // Минувшее. М.–Л., 1994. Т. 17. С. 536 и след. Генерал-майор С. Н. Перцов — старший адъютант Штаба войск гвардии и Петроградского военного округа.

[2] *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. XXII–XXIII.

[3] *Балк А.П.* Последние пять дней царского Петрограда... С. 145, 146.

[4] Там же.

Это совпадало с сообщением Н.Ф. Акаемова о том, что к вечеру, как это, впрочем, бывало и раньше, «натиск восставшей толпы» стал ослабевать. Конные части, посланные «очистить» проспект, легко с этим справились. Прилегающая к Знаменской площади его часть была погружена во тьму, так как днем толпой был поврежден трансформатор. На башне адмиралтейства был установлен прожектор, который должен был освещать весь Невский до Знаменской площади, на перекрестках были поставлены караулы с приказом не допускать ни пешего, ни конного движения.

В 11-м часу ночи на происходившее в градоначальстве военное заседание прибыл Протопопов, который, по словам Балка, «был спокоен и даже весел». Доклады начальников районов носили успокоительный характер, а начальник Охранного отделения генерал К.И. Глобачев по телефону просил разрешения не приезжать с докладом, сообщив, «что действия войск произвели сегодня на выступавших угнетающее впечатление, и можно ожидать, что завтра беспорядки пойдут на убыль». Даже через несколько лет Балк считал, что «он был прав», ссылаясь на рассказы солдат-преображенцев, охранявших арестованных в Министерском павильоне Думы. Солдаты эти рассказывали, что 26-го вечером рабочие говорили им: «Черт вас дери. Мы за вас стараемся, а вы в нас стреляете. Пропади вы прахом. Завтра утром поспим, а после обеда встанем на работу». «Итак, — заключал Балк, — стрельба войск по толпам, даже умеренная, произвела на улицу столь подавляющее действие, что можно было с уверенностью ожидать на следующее утро переход к успокоению столицы. За последние два дня шаталась по улицам преимущественно чернь, — она порядком уже вымоталась, а главное, убедилась, что на войска рассчитывать как будто бы нельзя.

Просидев до 2-х часов за работой, я пошел первый раз за эти дни спокойно спать. Проходя по приемному залу, я невольно залюбовался зимней царственной красотой Адмиралтейского сквера и опоэтизированного Адмиралтейского шпица. Столица спала. Казалось, отдыхала от безобразий последних дней, лишь у пылающих костров жались извозчики, а около них неподвижно стоял неизменный страж порядка — старый петербургский городовой».

Но некоторые места записи Балка, относящейся к этому дню, как и одно из сделанных им распоряжений, свидетельствуют о сомнениях по поводу поведения войск в дальнейшем.

Он записал общее мнение начальников районов о том, что «войска устали» и остаются голодными. К волынцам на Знаменской площади это относилось в особенности. Известный уже читателю штабс-капитан Машкин, близкий приятель Балка, ставший вместо заболевшего полковника Висковского командиром запасного батальона Волынского полка, на слова Балка: «Волынцами сегодня все любовались» «с горькой улыбкой сказал: "Да, это правда, действовали отлично, но страшно измучились, а в 4 часа утра их надо опять поднимать. Это нелегко"». «Тон его мне не понравился. Сам он тоже был изнурен до крайности», — записал Балк.

Когда полицейские приставы из южных районов Петрограда, по словам Н.Ф. Акаемова, спрашивали у Балка, что делать в случае нападений на полицейские участки,

он отвечал: «Если бы напали хулиганы, отбивайтесь. Если, не дай Бог, войска, не оказывайте сопротивления... Только сгубите городовых...»

Опасения, существовавшие у градоначальника, оправдались, как известно, на следующее утро, когда вернувшиеся накануне со Знаменской площади волынцы перешли на сторону революции. С.Д. Мстиславский, осведомленный, хотя и склонный к публицистичности участник февральских событий, утверждал впоследствии, что Балк, «полицейским чутьем своим чуя беду, уже 26 февраля собирался стать во главе конных городовых — полицейской гвардии Петрограда — и пробиться в Царское Село сквозь поднявшиеся предместья»[1].

Обратимся теперь к другим событиям 26 февраля и их оценке участниками, придерживавшимися различной политической ориентации. Мы имеем в виду происходившее в разных районах города, общую обстановку в нем, а также взгляды и действия представителей верховной и правительственной власти с одной стороны и революционных и либерально-оппозиционных центров — с другой.

Сопоставим два свидетельства, относящиеся к дневным и вечерним уличным сценам на Невском и на Охте. Первое из них принадлежит Л.Д. Любимову, сыну управляющего канцелярией министра внутренних дел. Поздно вечером он еще раз пошел на Невский вместе с двоюродным братом, правоведом (сам Л. Любимов был лицеист). Свои впечатления он описывал так: «Народу было гораздо меньше. Толпа отхлынула после бурного дня. Посреди площади у памятника Александру III стоял, как обычно, городовой. Он предупредительно откозырял нам и, с готовностью отвечая на наши вопросы, объявил, что беспорядкам конец: с утра вводится осадное положение». По дороге к Литейному из какого-то ресторана слышалась музыка и приглушенное пение «Боже, царя храни!» «По Невскому двигались всадники, — завершал свой рассказ Л. Любимов. — То была конница, спешно вызванная в столицу для подавления восстания. Под звуки гимна они проходили высокими тенями в морозной мгле»[2].

Совершенно иными выглядели итоги дня в представлении рабочего одного из предприятий на Охте Н. Кузнецова. Описывая дневные «революционные картины», он отмечал, что «все население Охты, не исключая детей и стариков, вышло на улицу, образуя большие толпы, в которых наряду со спорами и разговорами о происходящей забастовке устраиваются небольшие митинги. Время от времени по улицам проходят полицейские патрули, пытающиеся разогнать большие скопления народа, что, конечно, им нисколько не удается сделать»[3].

По словам Н. Кузнецова, переодетые городовые и шпики высматривали в толпе «особенно буянивших», а когда бывали узнаны, подвергались избиению. Отметим, что он отмечал карательную активность казаков, между тем

---

[1] *Мстиславский С.* Гибель царизма. Л., 1927. С. 67.

[2] *Любимов Л.* На чужбине. М., 1963. С. 65.

[3] *Кузнецов Н.* Охтинский район в февральские дни 1917 г. (Революционные картины) // Красная летопись. 1926 г. № 3 (18). С. 61–63.

как ее уже дня два не наблюдалось. Более того, как раз в этот день, 26-го, товарищ Петроградского городского головы Д.И. Демкин выразил Балку свое удивление по поводу того, что казаков третий день выводят на улицу, хотя это «действует на них деморализующе» и был уже случай их самовольного возвращения в казармы[1]. «К вечеру все выходы в город были закрыты. На Охтенском (Петра Великого) мосту и на набережной Невы стояли войсковые наряды. С Выборгской стороны дальше Финляндского вокзала также никого не выпускали. В таком изолированном состоянии очутилась Охта», — писал Н. Кузнецов. Толпа была встревожена распространившимися слухами о том, что на Пороховых «готовится большой взрыв на тот случай, если не прекратится бунт»[2]. Он считал распространителей их «трусами, а, возможно, просто провокаторами» и не верил в то, «что для усмирения народа его усмирители пойдут на это крайнее, варварское средство», но многие волновались всерьез, опасаясь, что если находящиеся там многочисленные пороховые погреба будут взорваны, то взлетят на воздух не только Пороховые, но и Охта, до которой от Пороховых было $2^1/_2$—3 версты. Опасение это подтверждалось памятью о сильном взрыве летом 1915 г.

«Наступившая ночь на 27 февраля застала все улицы, прилегающие к Охтинской бумагопрядильной фабрике (позже — бумагопрядильная фабрика «Возрождение». — *Р.Г.*) и заводу «Промет» (трубочный и механический завод. — *Р.Г.*), полными шумящего народа. В разных местах пылают костры, возле которых стоят большие группы. Все с волнением говорят о происходящих событиях. ...Я подхожу к одному из костров, у которого особенно оживленно, и пробираюсь в середину к огню. Здесь на куче снега стоит какой-то пожилой рабочий и рассказывает, “как было в пятом году”. Рассказывает горячо, звонко отчеканивая каждое слово, как будто хочет заставить своих слушателей прочувствовать все, когда-то пережитое им.

—...И казаки не смели трогать народ... И сам Витте чуть не на коленях ползал перед Носарем... вот что было то...

Эти слова, произнесенные с особенным подъемом, в самом деле произвели большое впечатление. Из толпы послышались одобряющие звуки. Картинка рабочей власти заставила усиленно забиться не одно выкованное молотом сердце. Сам рассказчик был, видимо, в упоении от своего повествования, и, судя по его горящим глазам, ему с нетерпением приходилось ожидать “второго пришествия” революции»[3].

Подъем революционного духа в рабочей среде не только наблюдал, но и использовал в партийных решениях колесивший по городу А.Г. Шляпников. Из-за Невской заставы он утром перебрался по уже переполненным улицам Песков и Выборгской стороны на штаб-квартиру Русского бюро ЦК РСДРП, которой служила квартира Д.А. и М.Г. Павловых на Сердобольской ул., 35.

---

[1] *Демкин Д.И.* Петроградская городская дума в первые дни смуты // Русская летопись. Кн. 6. Париж, 1924. С. 145.

[2] *Кузнецов Н.* Охтинский район в февральские дни 1917 г. С. 61—63.

[3] Там же.

Здесь он узнал, что Петербургский комитет, собравшийся рано утром на квартире А.С. Куклина на Большом Сампсониевском проспекте, 16, арестован с помощью провокатора (одни считали таковым Я. Озола, другие — Мульгина), причем в руки полиции попали некоторые документы о работе большевиков в районах и написанная Русским бюро прокламация. У Шляпникова появились опасения разброда в партийных рядах, проводить новые выборы в ПК было невозможно, общее руководство партийной работой автоматически ложилось на Русское бюро. Наскоро собранное до обеда совещание, в котором, кроме Шляпникова, участвовали супруги Павловы, В.Н. Каюров, И.Д. Чугурин и др., передало обязанности ПК Выборгскому райкому. Арест ПК послужил большевикам Выборгской стороны причиной для предъявления требований вооружения и создания боевых дружин. «Особенно "грызли зубы" местные рабочие на полицейский участок, вкрапленный как заноза в пролетарский квартал. Полицейские посты исчезли давно, и городовые, вооруженные винтовками, сидели в части. Выбить их из этой части было большим желанием рабочих», — писал А.Г. Шляпников[2]. Он, со своей стороны, указывал, что «единственный верный путь к оружию — привлечение солдат, дружба с казармами, в которых было достаточно хорошего вооружения». Разговоры о вооружении рабочих, которые, как сейчас увидим, возобновились к вечеру, носили отчасти теоретический характер, так как оружия у руководителей большевистских центров в сущности не было.

Совершив свой поход на Невский, Шляпников отправился на Пески для встречи с молодой курсисткой «товарищем Соней», которая была им отправлена в Москву для передачи «предложения Бюро Московской области о необходимости их выступления»[3]. Его попутчиками были рабочие Обуховского, Невского и других заводов. «Все, — вспоминал он, — наперебой делились своими впечатлениями, рассказывали о том, как той или иной группе рабочих удалось привлечь на свою сторону солдат. Сообщали радостно о том, как солдаты около Казанского собора не были в состоянии выполнить приказ о разгоне демонстрантов, как при попытке наступления солдаты были разобщены и потерялись, растаяли в массе». И, возвращаясь на Выборгскую сторону, он отмечал: «От наблюдений массовиков не укрылось состояние войск. Переживания солдат, их поведение служило предметом разговоров и предположений. Все по опыту убедились, что солдаты в народ стрелять не будут. В этот день отличались зверством только одни пьяные конные и пешие городовые. Были разговоры и об особых учебных командах, принимавших участие в стрельбе по народу». Еще на Песках Шляпников узнал о нескольких случаях расправ над жандармами и городовыми, в одиночку возвращавшимися со службы домой. На Выборгской стороне полиции на заполненных народом улицах он не

---

[1] *Шляпников А.* Февральские дни в Петербурге. С. 95 и след.; *Свешников Н.Ф.* Отрывки из воспоминаний // Крушение царизма... С. 234.

[2] *Шляпников А.* Февральские дни в Петербурге... С. 96.

[3] Там же. С. 99.

видал, солдат из находящихся там казарм не выпускали, но через часовых и из разговоров с прохожими из-за заборов они узнавали о происходящем.

Представления о боевых настроениях рабочих к исходу дня, сложившиеся у одного из большевистских руководителей, решительно противоречили тому, что, как известно уже читателю, после победы революции услышал от солдат-преображенцев градоначальник Балк, считавший, как и начальник Охранного отделения генерал Глобачев, воскресную стрельбу эффективной. Напомним, что, по словам преображенцев, рабочие вечером говорили им о своем намерении вернуться назавтра на работу. Возможно, что наблюдались настроения и такого рода. Шляпников упоминает о том, что ликвидация движения обсуждалась в оборонческих кругах, а оставшаяся на свободе часть членов рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета высказывалась за прекращение забастовки. Привлечение солдат на сторону восставших вместо образования боевых рабочих дружин было главным аргументом для него самого в его полемике с И.Д. Чугуриным, который при поддержке ряда большевиков Выборгской стороны требовал оружия. Шляпников же утверждал, что без поддержки армии победа невозможна, понимая, по-видимому, всю опасность столкновений между боевиками и солдатами. Его линия состояла в том, чтобы «привлекать массы рабочих и работниц к дезорганизации войск, стараться вовлекать их в движение, призывая от сочувствия к активной борьбе»[1].

Единственным реальным последствием этого происходившего на Сердобольской, 35, совещания было составление Шляпниковым второго номера «Осведомительного листка», получившего, по его словам, лишь некоторое распространение только в Петербурге 27-го и 28-го[2].

Настоящие связи в массах у всех революционных организаций были крайне незначительны. Г.Г. Кротовский (Юренев), входивший в созданное по инициативе Петроградского междурайонного комитета и оказавшееся весьма эфемерным Информационное бюро всех местных революционных организаций, описал последнее совещание их представителей. В отличие от предыдущих, состоявшихся у А.М. Горького, оно проходило на квартире у А.Ф. Керенского поздно вечером. Присутствовали М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе, А.В. Пешехонов, от Инициативной группы вместо К.С. Гриневича, обычно ее представлявшего, был Владимиров (Соколовский). (По-видимому, Юренев имел в виду Э.К. Соколовского (В. Шатрова).) ПК большевиков представлял присяжный поверенный В. Пожелло (партийная кличка — Владимир, впоследствии он отошел от большевистской партии и стал деятелем Литовской республики), Бунд — Г.М. Эрлих. Присутствовал считавшийся в то время большевиком присяжный поверенный Н.Д. Соколов. О предыдущих четырех совещаниях, в связи с которыми были сделаны неудачные попытки «найти общий язык представителям “общественности” и нелегальных организаций», Юренев вспоминал как о разговорах за чаем, носивших «крайне общий ха-

---

[1] *Шляпников А.* Февральские дни в Петербурге... С. 101.

[2] *Шляпников А.* Семнадцатый год. Кн. 1. Изд. 2-е. М., б/г. С. 241.

рактер» («Это была чистая словесность»). А о происходившем 26-го писал: «Последнее совещание велось крайне хаотично. Это была сплошная дискуссия, спорили по углам. Особенно схватывались мы с Эрлихом, настроенным крайне оборончески... Собрание, как и прежде, ничем не закончилось», хотя и было «довольно бурным»[1].

Тесть Эрлиха знаменитый еврейский историк С.М. Дубнов, накануне, 25-го вечером, записавший в своем дневнике: «Движение стихийное, слепое, во что оно выльется? Из тупика, куда мы зажаты и ходом войны внешней и внутренней, неужели выведет нас голодный бунт, на который, кажется, только и способен русский народ?», в 2 часа дня 27-го пересмотрел свою точку зрения о бунте. «Нет, это кажется, не бунт, а действительная революция, по крайней мере зародыш ее» — записал он теперь. Слово «революция» появилось в его дневнике уже 26-го вечером, но он продолжал развивать мысль о стихийности движения, упрекая в бездействии Государственную думу. «Это позор, полное бессилие народного представительства. Предоставить политические лозунги темной голодной улице, а самим в такой момент воздержаться, не сказать нужного слова, не бросить зажигающего лозунга обновления — вот свидетельство гнили! Ни одного Мирабо среди умеренных, ни одного Дантона среди крайних, — возмущался Дубнов. — Надвигается какая-то революция, но впереди идет брюхо голодное, вопиющее, а головы не видно. Не жду спасения от рук и ног, не направляемых разумной волей, святым огнем политического вдохновения...»[2].

Гневный пафос С.М. Дубнова, разделявшийся многими[3], был небезоснователен. В Думе действительно царили растерянность и разброд. И это было совершенно естественно ввиду разнородности состава народного предста-

---

[1] *Кротовский (Юренев) Г.Г.* Борьба за единство партии (очерк возникновения и деятельности Петроградского междурайонного комитета. Пг., 1917. С. 13; *Его же.* Межрайонка (1911–1917 гг.) // Пролетарская революция. 1924. № 2 (25). С. 136–138. Как утверждал С.П. Мельгунов со ссылкой на В.Б. Станкевича и Керенского, сам Юренев «категорически заявил, что нет и не будет никакой революции, что движение в войсках сходит на нет, и надо готовиться на долгий период реакции...» (*Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961 С. 20). По-видимому, среди участников совещания или связанных с ними лиц был полицейский осведомитель. В известном уже читателю донесении начальника Петроградского охранного отделения ген. Глобачева в Министерство внутренних дел говорилось: «По полученным Охранным отделением агентурным сведениям сегодня в 8 часов вечера в доме Елисеева на Невском проспекте предположено устройство тайного собрания представителей революционных организаций с участием члена Государственной думы А.Ф. Керенского и присяжного поверенного Соколова для обсуждения вопроса о наилучшем использовании в революционных целях возникших беспорядков и дальнейшем планомерном руководстве таковыми. Собрание это предположено арестовать» (Февральская революция 1917 г.: Сб. документов и материалов. С. 61). Хотя предшествовавшие совещанию агентурные сведения о его значении, действительно требовали его ареста, он произведен не был. Вряд ли дело было в неправильном адресе. Скорее, бесплодности хода и итогов совещания соответствовал начинавшийся паралич власти.

[2] Выдержки из дневника: *Дубнов С.М.* Книга жизни: Материалы для истории моего времени: Воспоминания и размышления. СПб., 1998. С. 376.

[3] Я.В. Глинка, один из руководителей думской канцелярии, записал в своем дневнике применительно к вечеру 26-го: «Со всех сторон доносятся слухи, что же делает Дума, что же она молчит. А она все не знает, что ей надо делать, ни кадеты, ни октябристы все еще не решили» (*Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста, биогр. словарь и коммент. Б.М. Витенберга. М., 2001. С. 181).

вительства, действительно отражавшего социальное и национальное многообразие населения России. Несмотря на воскресный день, многие депутаты оказались в Таврическом дворце. Питались слухами, причем самыми невероятными, не знали, что предпринять. М. В. Родзянко тем временем объезжал город. Когда на заставах его останавливали, он кричал: «Смирно, едет председатель Государственной думы!» Его пропускали, отдав честь. По одним сведениям, Родзянко приехал в Думу днем[1], по другим — вечером, объявив сначала, что ничего особенного не происходит, а затем сказал: «Форменная анархия — революция»[2]. «Утро России» сообщало, что он поделился впечатлениями от своих бесед с министрами. С.П. Мельгунов на основе показаний С.С. Хабалова и М.А. Беляева перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства воспроизвел разговоры Родзянко с каждым из них. «Зачем стреляете, зачем эта кровь?» — сказал он Хабалову, сославшемуся на то, что манифестанты нападают на войска, которые «не могут быть мишенью». У Беляева Родзянко спросил, нельзя ли вместо стрельбы для рассеивания толпы вызвать пожарных, которые окатывали бы ее водой. Беляев обратился к Хабалову, который сослался на запрещение вызова пожарных по таким поводам и, кроме того, заявил, что «окачивание водой» лишь возбуждает[3].

На состоявшемся днем совещании Прогрессивного блока кадеты предложили созвать в понедельник экстренное заседание Думы, так как очередное заседание было назначено на вторник. Октябристы, однако, этого не поддержали. Прогрессисты подали Родзянке заявление в поддержку требования кадетов. Правые, приехавшие в Думу в неполном составе, возражали, считая, что у «Думы нет темы для обсуждения на этом совещании». Вечером предложение кадетов, поддержанных прогрессистами и трудовиками, вновь не встретило поддержки со стороны правых и националистов. Не состоялось и заседание сеньорен-конвента, вопрос о котором был поставлен в 11 часов вечера, но собрать его не удалось ввиду отсутствия в это время нужного числа депутатов. Это совещание было назначено на 27-е в 12 часов, а частное совещание всех членов Думы на $2^1/_2$ часа[4].

Родзянко был в течение вечера занят составлением телеграммы в Могилев, которую он, по его собственным словам, под впечатлением выступления павловцев решил отправить без ведома Думы. Телеграмма была пространной и обоснованной. Продолжая свои увещевания (напомним, в частности, о его докладе царю 12 февраля), Родзянко писал не только о событиях в Петрограде, сдержать которые можно лишь «временно ценою пролития крови мирных граждан», но «при повторении сдержать будет невозможно». Он предсказывал,

---

[1] Утро России. 1917, 27 февр. Цит. по: Февральская революция 1917 г.: Сб. документов и материалов. С. 71.

[2] *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 180. Скорее всего, Родзянко приезжал, уезжал и возвращался.

[3] *Мельгунов С.П.* Творимые легенды (Из истории февральских дней 1917 г.) // Возрождение. 1950. Тетр. 10. С. 127–128.

[4] Утро России. 1917, 27 февр. // Февральская Революция 1917 г.: Сб. документов и материалов. С. 72; «Протокол событий» Февральской революции. 27 февраля – 4 марта 1917 г. // Там же. С. 109.

что «движение может переброситься на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту». Остановка петроградских заводов, половины доменных печей страны, непоступление на рынок зерна из-за опасений перед «неумелыми распоряжениями властей», — во всем этом он видел доказательства того, что «правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок». Он предлагал царю безотлагательно призвать «лицо, которому может верить вся страна», и поручить ему составить правительство, «которому будет доверять все население». «В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода нет и медлить невозможно», — кончал Родзянко свою телеграмму.

Такого же содержания телеграммы он приготовил к отправке начальнику Штаба верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву и главнокомандующим фронтами: Северного — генералу Н.В. Рузскому, Южного — генералу А.А. Брусилову и Западного — генералу А.Е. Эверту. Он просил их поддержать перед царем его ходатайство. Родзянко хотел, чтобы генерал Беляев передал эти телеграммы без задержки по прямому проводу, но тот отказал, поскольку в них говорилось о параличе власти. Помог начальник Главного управления почт и телеграфов В.Б. Похвиснев. Телеграммы были отправлены в 21 час 53 мин[1]. После этого Родзянко объявил об этом думцам. П.Н. Милюков сначала упрекнул его в том, что он в такое время скрывает свои действия, но затем пришел с извинениями, и они расцеловались[2]. Разошлись к ночи. Дома Родзянко получил указ о прекращении занятий Думы.

Город был без трамваев и газет, но продолжали действовать телефоны. Как это ни странно, не все понимали значение происходившего. Думец кн. С.П. Мансырев вспоминал: «26-го, менее чем за 12 часов до революции, было мирное собрание членов “Общества славянской взаимности”, где читался годовой отчет и происходили выборы совета... О событиях почти ни слова... В 11 час. утра 27 февраля было назначено очередное заседание бюджетной комиссии [Государственной думы] по рассмотрению сметы тюремного управления»[3]. Что петроградские тюрьмы были открыты именно в эти часы 27-го известно, но следует отметить, что карательная и пенитенциарная система дала трещину уже 26-го. Так, были освобождены матросским караулом доставленные накануне в 6 часов вечера на стоявшую у Франко-русского завода «Аврору» арестованные рабочие[4]. В «Крестах» в этот день группа политических заключенных устроила перебранку с охраной, но вынуждена была отступить. Вскоре, однако, они узнали о событиях в городе, а вечером пришедший на дежурство надзиратель рассказал о стрельбе на Невском, «о каких-

---

[1] Февральская революция 1917 года: (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта). С. 5.

[2] *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 180.

[3] *Мансырев С.П.* Мои воспоминания о Государственной думе (окончание) // Историк и современник. III. Берлин, 1922. С. 24.

[4] *Маркитанов.* Участие моряков яхты «Штандарт» в Февральской революции // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 145.

то странных сценах, происходивших в городе: ходят солдаты, а публика с тротуаров обращается к ним с упреками: "стыдно", на что они отвечают плачем»[1]. События 26-го повлияли на поведение чинов Охранного отделения. На следующее утро оно пустело на глазах М.И. Ульяновой, добивавшейся свидания с А.И. Елизаровой, арестованной в ночь на 26-ое. На просьбу о свидании ответили, что скоро освободят всех[2]. А генерал Спиридович, поздней ночью на 27-е вернувшийся домой из Охранного отделения, писал: «Я был под впечатлением многого виденного и слышанного там. Я видел, как один из руководителей агентуры очищал свой письменный стол и на всякий случай уничтожил все, касающееся секретных сотрудников. Все было понятно без слов»[3].

Основанием для оправдавшегося мрачного взгляда на дело послужили чинам Охранного отделения, по-видимому, агентурные донесения, заменявшие им телефонные сообщения из полицейских участков, которые 25-го и 26-го становились в Охранном отделении все более редкими, хотя получались там еще утром 27-го, притом что в градоначальстве их вовсе не было уже 26-го. Если телефонные сообщения, исходившие от агентов наружной полиции, главным образом полицейских надзирателей разных участков, принимались и регистрировались дежурными по Отделению полицейскими надзирателями, то донесения «секретных сотрудников», фигурировавших под псевдонимами-кличками, принимались руководителями Отделения подполковниками Тышкевичем, Белоусовым, Прутенским, ротмистром Дубровиным и другими[4].

Среди сведений о событиях 26-го, полученных таким путем в течение этого дня, принятое подполк. Тышкевичем сообщение сотрудника по кличке «Матвеев», по-видимому, принадлежавшего к эсерам, о массовой агитации за продолжение забастовки и уличной демонстрации, проводившейся социал-демократами в Василеостровском районе, принятых там на митингах решениях о применении террора в широких размерах по отношению к тем, кто возобновит работу, о «собрании большевиков и объединенцев» (по-видимому, так были названы междурайонцы) на квартире рабочего Грисманова (14 линия Вас. о-ва, 95, кв. 1), на котором присутствовавшим были переданы для распространения между солдатами обращенные к ним воззвания. Воззвания были представлены в Отделение сотрудником, сообщившим также о принятой на собрании резолюции из четырех пунктов. Первый предусматривал, как записал Тышкевич, «продолжение забастовки и дальнейших демонстративных выступлений, доводя таковые до крайних пределов», второй — принуждение владельцев кинематографов и содержателей биллиардных к закрытию их заведений, чтобы рабочие не уходили с улиц, третий и четвертый — «сбор оружия для образования боевых дружин» и «разоружение городовых путем неожиданных нападений»[5].

---

[1] *Рафес М.* Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С. 183, 184.

[2] Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 1. С. 66.

[3] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция... Т. 3. С. 118.

[4] *Б.Г.* Февральская революция и Охранное отделение // Былое. 1918. № 1 (29). С. 158.

[5] Там же. С. 171.

В донесении сотрудника по кличке «Крестьянинов», принятом ротмистром Дубровиным, сообщалось о собрании в кооперативе «Единение» в Шишмаревском переулке в Новой Деревне с участием до 50 чел., на котором было решено «оповестить всех мастеровых заводов и фабрик, чтобы завтра не работали, а собрались бы в указанное место на Невском к 10 часам утра, а оттуда идти на панихиду к Трубочному заводу (позже завод им. М.И. Калинина. — *Р.Г.*), к праху товарища, павшего жертвой в битве за свободу». «Оратор Данилов, — продолжалась запись Дубровина, — с завода Щетинина (авиационный завод С.С. Щетинина. — *Р.Г.*), крикнул: "Товарищи, идемте смело и дружно, не надо нам по углам прятаться. Долой царя, долой правительство, да здравствует временное правительство, российская социал-демократическая рабочая партия". Этим собрание кончилось и все поодиночке вышли задним ходом»[1].

По-видимому близкий к руководству Государственной думы и весьма осведомленный сотрудник «Н.Н.» сообщал подполковнику Прутенскому: «В Государственной думе настроение приподнятое. Сейчас происходит совещание под председательством Родзянки по поводу стрельбы войск без предупреждения и расстреливания в одиночку. Среди депутатов ходят разговоры, что пристав Крылов убит не толпой, а зарублен казаком за то, что пристав стрелял в казаков, не желавших подчиниться его приказанию разогнать толпу. Какой-то фабрикант, живущий в д. № 128 по Невскому проспекту, несколько раз звонил по телефону Родзянко, что всех, кто появляется около его дома, расстреливают поодиночке, и таковых он насчитал 15 (ср. с сообщением В.Л. Бурцева в печати. — *Р.Г.*).

Назавтра, 27 февраля, в Государственной думе назначен ряд фракционных заседаний. Бюро Прогрессивного блока предложило завтра, 27-го, созвать экстренно заседание Государственной думы, прогрессисты и трудовики поддерживают предложение блока, но Родзянко заявил, что по формальным соображениям не может созвать экстренного заседания». Сообщив о созыве на завтра в 12 часов дня сеньорен-конвента, а в 2 с половиной часа — частного заседания всех членов Государственной думы, «Н.Н.» продолжал: «Социал-демократы и трудовики провоцируют Думу, говоря, что Дума должна сказать правительству: "продолжайте расстреливать" или сказать: "мы должны пойти во главе происходящего движения". Прогрессисты и кадеты идут навстречу этой провокации, но не говорят, каким образом. Октябристы, националисты и правые испугались и заявляют, что никаких запросов предъявлять правительству нельзя, так как всем сейчас распоряжается командующий войсками, к которому запросов предъявлять нельзя, так как он по закону имеет право прекращать деятельность любого учреждения, и запугивают левых, что может закрыть и Государственную думу»[2]. Сопоставление этих сведений с тем, что известно о Думе в этот день из других источников, показывает не только

---

[1] *Б.Г.* Февральская революция и Охранное отделение // Былое. 1918. № 1 (29). С. 171.

[2] Там же. С. 173.

значительную осведомленность «Н.Н.», но и политическую заостренность его подхода, вполне, прочем, оправданную.

Серьезное значение имели два сообщения «Н.Н.» и на недумские темы. Первое из них было о том, что завтра в 12 час. должно было состояться заседание правления союза наборщиков, которое ввиду истечения срока объявленной забастовки решит, продолжать ее или возобновить выпуск газет, второе гласило: «Сегодня, 26-го, в военной гостинице состоялся обед военных, на котором какой-то полковник в своей речи извинился за то, что он отступает от общего правила и не провозглашает тоста за верховного вождя, а провозглашает тост за армию».

И, наконец, принятое подполковником Белоусовым сообщение сотрудника «Лимонина» (в заголовке, где сообщалось о какой партии идет речь, в данном случае было указано: РСДРП). Через несколько дней «Лимонин» был раскрыт, и в попавшем в печать «Извлечении из списка секретных сотрудников Петроградского охранного отделения» фигурировал следующим образом: «Шурканов (Лимонин), Василий Егоров, рабочий-металлист, 75 р. Работает с сентября 1913 года. Член Выборгского районного комитета — эсдек; большевик; товарищ председателя Союза металлистов, в курсе дел своего района и через посредников знает, что в ЦК. Жадный, просит прибавки. (Ротмистр Иванов)»[1]. Добавим, что Шурканов был депутатом III Государственной думы. Нам приходилось уже писать о нем и его роли не только осведомителя, но и провокатора[2]. Выступая в революционной среде с крайне радикальных позиций, он в своих донесениях в целях придания им значительности ради «прибавки» в оплате был склонен представлять свои позиции как общие, а себя — предостерегающим власти против самых серьезных ожидающих их угроз. С другой стороны, активность и радикализм, несомненно, увеличивали его осведомленность, которой и отличалось приводимое полностью его донесение, датированное 26-м. Оно гласило: «Возникшее движение вспыхнуло без какой-либо партийной подготовки и без предварительных обсуждений плана действий. Революционные круги стали реагировать только к концу вторых суток, когда стало заметно решение развить успех движения до возможно широких размеров. Есть желание в отдельных случаях применять оружие и даже бомбы, запас коих якобы существует. Высказывают желание освободить арестованных из тюрем и т. д. Общее настроение непартийных масс таково: движение вспыхнуло стихийно, без подготовки, и исключительно на почве продовольственного кризиса. Так как воинские части не препятствовали толпе, а в отдельных случаях даже принимали меры к парализованию начинаний чинов полиции, то массы получили уверенность в своей безнаказанности, и ныне, после двух дней беспрепятственного хождения по улицам, когда революционные круги выдвинули лозунги: “долой войну” и “долой правительство”, — народ уверился в мысли, что началась революция, что успех за массами,

---

[1] Правда. 1917, 12 (25) марта. № 7.

[2] *Ганелин Р.Ш.* Третий день Февральской революции. 25 февраля 1917 г. в Петрограде // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 99.

что власть бессильна подавить движение в силу того, что воинские части не на ее стороне, что решительная победа близка, так как воинские части не сегодня-завтра выступят открыто на стороне революционных сил, что начавшееся движение уже не стихнет, а будет без перерыва расти до конечной победы и государственного переворота.

Ожидается прекращение деятельности водопровода и электрических станций.

Следует иметь в виду, что завтра рабочие выйдут на заводы, но с исключительной целью собраться, спеться и снова двинуться на улицу уже организованно и планомерно для достижения полного успеха. В данный момент заводы играют роль грандиозных клубов, а потому временное закрытие заводов хотя бы на 2–3 дня лишило бы массы информационных центров, где опытные ораторы электризуют толпу, координируют действия отдельных заводов и дают всем выступлениям согласованность и организацию.

Поднят вопрос о создании совета рабочих депутатов, что предполагают создать в ближайшем будущем.

Подогревается настроение масс известиями о тех или иных успехах толпы в отдельных районах столицы и получаемыми сведениями о возникновении движения в провинции. Ныне говорят, что в Москве и Нижнем Новгороде уже полностью повторение петроградских событий и что в целом ряде провинциальных городов идут тоже беспорядки.

Говорят, что среди матросов Балтийского флота началось большое движение, и матросы с минуты на минуту готовы покинуть суда и выступить на суше в качестве крупной революционной силы.

Усугубляет положение то, что буржуазные круги тоже требуют смены правительства, т.е. правительство остается без поддержки от кого-либо, но в данном случае есть и отрадное явление: буржуазные круги требуют только смены правительства и стоят на точке зрения продолжения войны до победного конца, а рабочие выдвигают лозунги: “хлеба, долой правительство и долой войну”. Этот последний пункт вносит разлад между пролетариатом и буржуазией, и только в силу этого они друг друга не желают поддерживать. Эта рознь взглядов является тем хорошим для правительства обстоятельством, которое дробит силы и распыляет начинания отдельных кругов.

Ныне все зависит от линии поведения воинских частей; если последние не перейдут на сторону пролетариата, то движение быстро пойдет на убыль, если же войска станут против правительства, то страну уже ничто не спасет от революционного переворота. Только решительные и безотлагательные действия могут ослабить и прекратить возникшее движение.

Избрание в совет рабочих депутатов произойдет на заводах, вероятно, завтра утром, и завтра к вечеру совет раб|очих| деп|утатов| уже может начать свои функции. Это-то обстоятельство еще раз говорит за необходимость не допустить завтра утром заводских собраний путем закрытия всех заводов».[1]

---

[1] *Б.Г.* Февральская революция и Охранное отделение. С. 173–175.

Почему документ такого значительного содержания не возымел должного влияния на действия властей? Ведь содержащаяся в нем, в частности, рекомендация правительству использовать «разлад между пролетариатом и буржуазией», кстати сказать, соответствовавшая тому, как изображал конфликт этого дня в Думе «Н.Н.», могла повлечь за собой какие-то политические маневры. Пытаясь найти ответ на этот вопрос, отметим, что выделить из потока агентурных сообщений те из них, которые заслуживают полного доверия, — всегда нелегкое дело. К тому же радикализм Шурканова, происхождение которого было в Охранном отделении, разумеется, хорошо известно, заставлял относиться к его сведениям с некоторой скидкой. Сведениям Шурканова чрезвычайного значения придано не было, а регулярное освоение поступивших донесений было делом небыстрым. Только всем этим и можно объяснить уже известное читателю поведение начальника Отделения генерала Глобачева, который, при очень тревожном своем собственном донесении в МВД о событиях этого дня и зная кое-что из сообщенного Шурканом (возможно, и не от него), просил по телефону у градоначальника Балка разрешения не приезжать поздним вечером с докладом, поскольку, как он ожидал, «завтра беспорядки пойдут на убыль».

Разумеется, в воспоминаниях Глобачева, содержащих сведения о февральских днях, начиная с вечера 26-го, эпизода с его звонком Балку не оказалось. В них, наоборот, он выглядит вполне прозорливым. Он сообщал, что в 6 часов вечера доложил Хабалову, которого считал преподавателем без боевого опыта, и о ненадежности войск, и о имеющихся сведениях о назначении на утро 27-го на заводах и фабриках выборов Совета рабочих депутатов. Хабалов решил было закрыть все фабрики и заводы, чтобы не допустить выборов, но Глобачев отсоветовал ему это делать, пояснив, что нельзя создавать впечатления, будто сама власть не допускает рабочих к работе, выборы же в Совет все равно будут проведены. По словам Глобачева, на следующее утро, действительно, среди рабочих распространился слух, что предприятия закрыты, и рабочие поэтому туда и не являлись. Циркулировал слух и о приглашении в Думу для формирования Совета. 26-го вечером, писал Глобачев, его вызвали к директору Департамента полиции А.Т. Васильеву, где находился и Протопопов, который был спокоен, полагаясь на Хабалова[1].

По словам А. Спиридовича, Глобачев был вызван к Васильеву к концу обеда, который директор Департамента полиции давал министру. Глобачев, «наконец, понял, что у нас началась революция», — писал Спиридович, ссылаясь на сообщение, полученное начальником Охранного отделения «вчера (! — *Р.Г.*) поздно вечером» от «одного из его отличных сотрудников». Цитированное Спиридовичем, это сообщение Шурканова[2] было действительно таким, что сделанные в нем предсказания стали сейчас же сбываться. Хотя о возможности стрельбы войск в народ Шурканов не упоминал, именно то обстоятельство,

---

[1] *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории... // Отечественная история. 1992. № 5. С. 160.

[2] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция... Т. 3. С. 114–115.

что она произошла, ускорило развитие событий в предвиденном им направлении.

Спиридович дал свое объяснение поведения Глобачева, которого он считал «хорошим жандармским офицером, но не для боевого времени». По мнению Спиридовича, Глобачев не мог «захватить, увлечь министра, заставить его действовать», как это делал «в первую революцию» один из его предшественников на посту начальника столичного Охранного отделения полковник, затем генерал А.В. Герасимов. «Но тогда и министрами были Дурново и Столыпин. Они понимали все. А им помогал такой министр юстиции, как Акимов», — рассуждал Спридович. Не всякий министр мог, по его понятиям, оценить значение агентурных сведений (первое перед Дурново и Столыпиным место он отводил в этом Плеве). Протопопов же этого не понимал.

«Он ухмыляется, смеется, не придает никакого значения, что волна движения вздымается. Он не видел ничего грозного в "бунте" павловцев, — таким, по словам Спиридовича, был Протопопов в этот последний вечер своего пребывания у власти. — "Я спокоен, — говорит министр, смакуя кофе, — Хабалов подавит движение, это его дело..." И отбросив злободневную неприятную тему, Протопопов начинает обычный рассказ про Царское Село, про милостивое к нему отношение их величеств. Дальше следуют планы и анекдоты... Васильев в восторге. Как гостеприимный хозяин, он занят угощением гостей, как подчиненный, он льстит начальнику»[1].

Глобачев уехал «обескураженным», перечить министру, судя по всему, он не стал. Возможно, что поэтому избежал и поездки к Балку, сказав ему по телефону почти такие же успокоительные слова о том, что завтра беспорядки пойдут на убыль, как те, которыми Протопопов кончил цитированную выше свою телеграмму в Ставку, отправленную после ухода Глобачева: «Поступили сведения, что 27 февраля часть рабочих намеревается приступить к работе. В Москве спокойно». Особенное значение он придавал произведенным арестам. Чтобы не нарушать утешительного смысла телеграммы, Протопопов зачеркнул в приготовленном тексте сообщение о выступлении павловцев, дополнив ее фразой на отдельном листке: «Войска действовали ревностно, исключение составляет самовольный выход четвертой эвакуационной роты Павловского полка»[2].

Чувство тревоги передавалось от низших властей к высшим с большой постепенностью. Совет министров в ночь на 26-е поручил Н.Н. Покровскому и А.А. Риттиху переговоры с думцами о роспуске Думы как выходе из революционного кризиса конституционным путем. Обратимся к воспоминаниям Н.Н. Покровского. В.А. Маклаков был первым из думцев, которых Покровский и Риттих после завтрака в воскресенье, 26-го, принимали каждого отдельно, чтобы их высказывания были независимыми. Он «признавал

---

[1] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция... Т. 3. С. 114, 115.

[2] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х кн. Т. 2: Семнадцатый год. Кн. 1–2. М., 1992. С. 119.

положение чрезвычайно серьезным и требующим самых экстренных мер». «Роспуск Думы, — писал Покровский, — был, по его мнению, совершенно необходим во избежание эксцессов: слишком много накопилось там горючего материала. Но одновременно еще более необходимо полное обновление состава правительства. Без этого роспуск Думы может повести к революции, против которой умеренная часть Думы окажется бессильною. Напротив, при одновременном изменении состава кабинета роспуск Думы на известный, точно указанный срок можно мотивировать необходимостью для нового Совета министров подготовиться к выступлению в Думе и войти в дела. При этом Н.А. Маклаков утверждал, что в Думе вовсе не настаивают на образовании парламентарного министерства, но оно должно состоять из людей, пользующихся доверием страны. В качестве желательного председателя Совета министров в Думе указывали на генерала Алексеева. Вообще Маклаков назвал имена всех желательных министров, из которых я сейчас упомню: министра иностранных дел С.Д. Сазонова, финансов — графа Коковцова, меня в качестве государственного контролера, народного просвещения — графа Игнатьева. Были, кажется, два-три общественных деятеля. Но во всяком случае предлагалось министерство совершенно не парламентарное и в общем приемлемое»[1]. Как видим, речь шла лишь о правительстве доверия, которое состояло бы в основном из царских сановников либерального толка, ответственном перед царем, а не перед Думой. Уступки, на которые готовы были пойти оппозиционеры, были очень значительны. «После Маклакова, — продолжал Покровский, — приехал Н.В. Савич, очень крупный октябрист, человек совершенно умеренных убеждений». Он говорил то же, что и Маклаков. Их точку зрения поддержал и лидер националистов П.Н. Балашов. Лишь секретарь Думы октябрист И.И. Дмитрюков не видел необходимости в ее роспуске, не считая ситуацию столь уж грозной.

Вечером на квартире Голицына опять собрался Совет министров. Покровский и Риттих «в точности» изложили услышанное, «всецело» поддержав точку зрения Маклакова, Савича и Балашова и заявив, что «одновременно с роспуском Думы необходимо представить государю о настоятельности коренного изменения в Совете министров». Вопрос о роспуске Думы не встретил возражений.

Как утверждал в своих показаниях перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства военный министр генерал М.А. Беляев, лишь министр внутренних дел А.Д. Протопопов «говорил, что соглашение с Думой не приведет к успокоению», но, по мнению Беляева, приведенному С.В. Куликовым, «не Протопопов здесь рассуждал»[2]. Протопопов, действительно, не стал рассуждать, а вместе с министром юстиции Н.А. Добровольским схватил указы о роспуске Думы и Государственного совета. Оба они были

---

[1] *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории...// Отечественная история. 1992. № 5. С. 158, 159.

[2] *Куликов С.В.* Совет министров в дни Февральской революции // Революция 1917 года в России: Сб. научных статей / Под ред. О.А. Поливанова и В.И. Старцева. СПб., 1995. С. 78–86.

более всего озабочены тем, чтобы опубликовать указы до того, как Дума успеет собраться. Уехали они, по словам Покровского, «в радостном настроении, не дождавшись решения второго вопроса — об изменении в составе правительства». Из того, что пишет Покровский, ясно, что они просто хотели сорвать решение этого вопроса, по которому среди оставшихся возникли серьезные разногласия. Против сторонников изменений в составе кабинета выступили главным образом генерал Беляев и П.Л. Барк, считавшие, что ни при каких условиях Совет министров не мог вмешиваться в назначение министров, составлявшее прерогативу царя. Решили отложить дело до того, как выяснится реакция на роспуск Думы. В это время Покровского вызвал по телефону Балашов. Узнав, что Дума распущена без изменения состава правительства, он сказал: «Ну, теперь будет плохо».

Маловероятно, что соглашение между Думой и правительством, будь оно осуществлено в полном объеме (роспуск Думы и новый состав Совета министров), приостановило бы развитие революции, но как бы то ни было, правительство от его заключения уклонилось.

Решение, принятое этим неофициальным заседанием, продолжавшимся с 9 часов вечера до 2 часов ночи в резиденции премьер-министра на Моховой, предусматривало перерыв в занятиях законодательных палат с возобновлением их не позднее апреля «в зависимости от чрезвычайных обстоятельств», о чем премьер Н.Д. Голицын тут же телеграфировал Николаю II[1]. По словам военного министра М.А. Беляева[2], подтверждаемым другими мемуаристами, была отправлена телеграмма об отставке всего кабинета, которую Н.Н. Покровский относит к следующему дню. Так или иначе, впрочем, это было уже 27 февраля.

Когда и что именно узнавали в течение 26-го в Царском Селе и Москве о петроградских событиях этого дня? Поглощенная уходом за больными корью детьми и А.А. Вырубовой, Александра Федоровна старалась никого не принимать. (Впрочем, могилу Распутина она посетила и принесла для государя кусочек дерева с нее.) Даже разговор с генерал-майором П.П. Гротеном, заменявшим на посту дворцового коменданта генерала В.Н. Воейкова во время пребывания того в Ставке, она поручила Ю.А. (Лили) фон Ден, жене капитана 1-го ранга гвардейского морского экипажа К.А. фон Дена («Видайся чаще с Лили Ден — это хороший, рассудительный друг», — как раз в этот день писал ей царь[3]), которая осведомляла императрицу и о своих наблюдениях в городе. «Вся беда от этой зевающей публики, — писала Александра Федоровна в Могилев в первой половине дня, — хорошо одетых людей, раненых солдат и т. д. — курсисток и проч., которые подстрекают других. Лили заговаривает с извозчиками, чтобы узнавать новости. Они говорили ей, что к ним пришли студенты и объявили, что если они выедут утром, то их застрелят (вероятно,

---

[1] Февральская революция 1917 года: (Документы Ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта). С. 7, 8.

[2] Падение царского режима... Т. 2. С. 237.

[3] Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 212.

имелись в виду предупреждения об опасности уличной стрельбы. — *Р.Г.*). Какие испорченные типы! Конечно, извозчики и вагоновожатые бастуют. Но они говорят, это не похоже на 95[1], потому что все обожают тебя и только хотят хлеба»[2].

Продолжив письмо в половине четвертого дня, Александра Федоровна изложила то, что, как известно читателю, было написано ей Протопоповым в 4 часа утра. Протопопов сообщал об итогах дня 25 февраля — арестах 120–130 человек, привлечении к ответственности за речи в городской думе «главных вожаков и Лелянова», а также о том, что вечером 25-го «министры и некоторые правые члены Думы» совещались «о принятии строгих мер и все они надеются, что завтра все будет спокойно». Принимая во внимание фразу Александры Федоровны: «В городе дела вчера были плохи», следует считать, что «завтра» относилось к 26-му, и Александра Федоровна в этот день уже прошедших и продолжавшихся бурных события все еще жила вчерашними новостями. «Мне кажется, все будет хорошо. Солнце светит так ярко, и я ощущала такое спокойствие и мир на Его дорогой могиле! Он умер, чтобы спасти нас»[3].

После того как письмо в Могилев было отправлено, ей пришлось принять настаивавшего со вчерашнего дня на встрече шталмейстера Н.Ф. Бурдукова. Это был один из наиболее темных и влиятельных членов неофициальных околоправительственных и придворных кружков, совмещавших политические интриги с использованием своей близости к власти в корыстных целях. Наперсник князя В.П. Мещерского и сотрудник его «Гражданина», причисленный к Министерству внутренних дел, он был активен при Протопопове, сводя его с руководителями крайне правых А.А. Римским-Корсаковым и П.Ф. Булацелем.

Болезнь А.А. Вырубовой, через которую он обычно действовал, заставила его просить о приеме саму императрицу. При входе в Царскосельский дворец он не был подвергнут обычному опросу, в чем увидел проявление уже наступившей растерянности. По словам А.И. Спиридовича, взволнованный «Бурдуков изобразил положение в столице как безнадежное, катастрофическое. Царица слушала спокойно и сказала, что она ждет доклада от графа Бенкендорфа. Бурдуков упрашивал уехать с детьми куда угодно, но уехать[4]. Царица спокойно отвечала, что она при больных. Она сейчас сестра милосердия... Казалось, что слезы блестели на глазах царицы, но она старалась быть спокойной. Бурдуков пытался продолжать, но императрица поднялась. С гордостью она твердым голосом сказала: “Я верю в русский народ. Верю в его здравый смысл. В его любовь и преданность государю. Все пройдет и все будет хорошо”»[5].

---

[1] Так в подлиннике — примеч. в журн. «Красный архив».

[2] Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 211.

[3] Там же.

[4] Граф П.К. Бенкендорф — обер-гофмаршал императорского двора. В октябрьские дни 1905 г. он, по словам С. Ю. Витте, жаловался, что «если на днях придется покинуть Петергоф на корабле, чтобы искать пристанища за границей, то дети будут служить большим препятствием» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 233.).

[5] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция... Т. 3. С. 111.

Известный своей преданностью царской семье камердинер А.А. Волков вспоминал, что Протопопов, после начала февральских событий часто приезжавший с докладами к Александре Федоровне, сказал ему однажды: «Как-будто начинается революционное брожение. Но мы успокоим», а затем поручил принимать для нее сообщения по телефону, которые делал сам или через секретаря. По словам А.А. Волкова, уверенность в благополучном исходе «не покидала императрицу до последнего момента. События развертывались быстро, но до дворца доходили только глухие слухи»[1]. Очевидно, именно к 26-му относится телефонное сообщение Протопопова: «В Петрограде бурно. Казаки понемногу переходят на сторону революционеров. Завтра решится все. Надеюсь, наша сила возьмет верх. Я приказал полиции занять посты на чердаках». На слова Волкова: «В Петрограде не все благополучно; казаки идут против правительства» Александра Федоровна ответила: «Этого не может быть, это ошибка». «Ваше величество, — пытался возразить Волков, — так докладывает министр внутренних дел». «Никогда не поверю: казаки против нас не пойдут», — возразила императрица. Вскоре опять позвонил Протопопов: «Доложите Ее величеству, что, я надеюсь, мы устоим». «Конечно, это так и будет», откликнулась она[2]. Впрочем, в полночь она отправила в Могилев телеграмму «Очень беспокоюсь относительно города»[3].

Хотя в дневнике царя первое упоминание об «отрывочных нехороших известиях» из Петрограда» появилось лишь 27 февраля[4], и даже телеграмма Хабалова о событиях 23—25 февраля, отправленная 25-го в 17 час. 40 мин. на имя генерала М.В. Алексеева и принятая в 18 час. 8 мин., имеет помету генерала Алексеева о том, что была доложена лишь 26-го[5], следует считать, что по крайней мере вечером 25-го император знал о происходящем в столице. В пользу этого говорит известная лишь в передаче Хабалова царская телеграмма ему, данная вечером 25-го с требованием прекратить беспорядки. Надо полагать, что она была вызвана двумя телеграммами военного министра генерала М.А. Беляева, полученными в Ставке 25-го. По словам генерал-квартирмейстера А.С. Лукомского, первая из них содержала сообщение о забастовке и начинавшихся беспорядках среди рабочих на почве недостатка продуктов, вторая — о разрастании движения с революционными песнями и красными флагами. Обе, впрочем, заканчивались успокоительно, первая — словами о том, что меры к прекращению беспорядков приняты и что ничего серьезного нет, вторая — указанием, что к 26-му беспорядки будут прекращены[6]. Император был в церкви в этот вечер и утром 26-го. Во время утренней службы у него

---

[1] *Волков А.А.* Около царской семьи. Париж, 1928. С. 47.

[2] Там же.

[3] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция... Т. 3. С. 112.

[4] Дневник Николая Романова // Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 136.

[5] Февральская революция 1917 года: (Документы Ставки верховного главнокомандования и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта). С. 4.

[6] *Лукомский А.С.* Из воспоминаний (первые месяцы революции) // Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С. 46.

появилась «мучительная боль в середине груди». Сообщив об этом Александре Федоровне в своем письме, помеченном этим днем, он продолжал: «Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын не потерял голову!»[1].

Трудно установить, что именно и когда узнавал Николай II о петроградских событиях в течение 26-го. Телеграмма Хабалова, полученная в 13 час. 40 мин., была, согласно помете Алексеева, доложена 27-го. Такая же помета была и на телеграмме Родзянко Алексееву, поданной одновременно с такого же содержания телеграммой царю в 21 час. 53 мин. и принятой в 22 час. 22 мин., которая, будь она доложена сейчас же по получении, казалось, непременно должна была вызвать какие-нибудь действия царя. Но помета на ней ввиду позднего времени получения бесспорно соответствовала действительности. Известно, впрочем, что, ознакомившись 27-го с телеграммой Родзянко, царь сказал В.Б. Фредериксу свою ставшую знаменитой фразу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать». Хабаловская же телеграмма, даже если считать, что она могла стать известной 26-го, кончалась успокоительной фразой: «Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно»[2]. Полученная вечером телеграмма Протопопова, как известно уже читателю, также заканчивалась успокоительно. Упоминаемые А.С. Лукомским как полученные 26-го от Хабалова и Беляева две телеграммы, скорее всего, относятся к 27-му[3].

Как бы то ни было, А.И. Спиридович при его осведомленности в придворно-процедурной сфере считал 26-го, что в Ставке об истинном положении в Петрограде не знают и не понимают его. Он задумал телефонный разговор с Воейковым по прямому проводу из его квартиры в Царском Селе, а перед отъездом туда для того и отправился к Белецкому, чтобы получить сведения о событиях из профессионального источника.

Приехав в Царское, которое он нашел сказочно спокойным, около 4-х часов и повидав нескольких своих бывших сослуживцев, Спиридович пришел на квартиру Воейкова. Знакомый ему дежурный жандарм, «понимая, что делается», пустил его к телефону. «Когда я добился Могилева и вызвал к телефону ген. Воейкова, мне ответили, что генерал пьет чай с Его величеством и по окончании вызовет меня к телефону, — вспоминал Спиридович. — Через полчаса мы уже разговаривали. Поздоровавшись, я начал с того, что просил генерала обратить внимание на то, что я, ялтинский градоначальник, позволил себе забраться в его кабинет в его частной квартире, что жандарм Кургузкин пропустил меня к телефону. Это одно, говорил я, показывает, насколько тревожно здесь положение. Я передал генералу о положении в Петрограде и о том, что Департамент (полиции. — *Р.Г.*) хвастается произведенными арестами. Я высказал мнение, что Департамент не знает, что в действительности проис-

---

[1] Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 212, 213.

[2] Февральская революция 1917 года: (Документы Ставки верховного главнокомандования и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта). С. 5.

[3] *Лукомский А.С.* Из воспоминаний... С. 46.

ходит; что Думу надо распустить, волнения подавлять вооруженною силою, но, прибавлял я, для этого нужно, чтобы Хозяин был здесь. Будет Хозяин здесь, все будут делать свое дело, как следует. Без Хозяина будет плохо. Приезжайте, Ваше превосходительство, скорее, приезжайте, приезжайте»[1].

Завершив в своей работе изложение событий 26 февраля, Спиридович решил дать не только историческую, но и — как историк-профессионал — историографическую оценку роли этих событий в победе революции. Как «считают ученые», писал он, 27-го участие в беспорядках солдат, а затем Государственной думы, превратило их сначала в военный бунт, а затем и в революцию. Его точка зрения была иной: революция началась 23-го, а 27-го лишь приняла новую форму. В качестве причины этого он называл и рассматривал относящееся к 26-му «применение ружейного огня против толпы», которое «всегда производит сильное впечатление на солдат и офицеров». «Когда же стрелять приходится против невооруженной толпы, среди которой большинство просто зеваки, впечатление оказывается почти потрясающим, — продолжал он. — Вид безоружного противника, вид убитых и раненых из его рядов смущает солдата. Да правильно ли поступает начальство, приказывая стрелять? Да хорошо ли, что мы стреляем? Эти вопросы невольно приходят в голову солдата. Смущены бывают и офицеры, а отсюда и стрельба вверх и пальба холостыми залпами...»

При этом Спиридович отнюдь не был противником вооруженного подавления массовых выступлений (он ведь и Воейкову говорил об этом). Наоборот, он считал, что стрелять надо было еще 24-го, и только сетовал, что руководство карательными действиями оказалось в руках военного, а не полицейско-административного начальства, между тем как только полицейский специалист, знакомый с общественными движениями, знающий, «что такое толпа с ее особой психологией», может определить, «когда и какой прием употреблять против толпы», решить «на месте, а не сидя в кабинете», «когда надо прибегнуть к крайнему средству, к огню». Это было не вполне справедливо по отношению к Хабалову и его подчиненным. Ведь градоначальник Балк вовсе не был отстранен от дела. А решение о стрельбе было принято действительно не «на месте», а в кабинете, только кабинет этот принадлежал не Хабалову, а верховному главнокомандующему в Могилеве. Но Спиридович, настаивая на своем, продолжал: «В Петрограде по чьей-то несчастной инициативе был выработан знаменитый план подавления беспорядков. Его и стали приводить в исполнение прямолинейно, по-военному, отстранив высшее полицейское начальство, и ничего, кроме дурного, из этого не вышло. И самое решительное средство борьбы с толпой — стрельба вследствие запоздалого (на целых два дня) его применения послужило не к прекращению беспорядков, а к обращению их в солдатский бунт, а затем и во всеобщую революцию»[2].

Последние слова А. Спиридовича означали признание ведомственным историком общеисторических оценок.

Р.Ш. Ганелин

---

[1] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция... Т. 3. С. 112.

[2] Там же. С. 122.

ГЛАВА III

СОВЕТ МИНИСТРОВ И РЕВОЛЮЦИЯ

Совет министров и его политическая роль в Российской империи

Самодержавный характер государственного строя дореволюционной России в ее публицистике, оказавшей свое влияние и на историографическую традицию (оно ощутимо и в советской и постсоветской науке), связывался прежде всего с отсутствием в стране до 1905 г. народного представительства. Серьезных сомнений в том, что запоздалое его введение и так и не налаженное взаимодействие с ним верховной и правительственной власти стали одной из причин гибели старого строя, быть не должно, несмотря на то что выдающийся русский историк Б.А. Романов, как бы иронизируя, подчеркивал, что у некоторых деятелей освободительного движения «представления о государственности не простирались дальше ближайшего полицейского околотка». С другой стороны, те представители высшей бюрократии, которые причисляли себя к реформаторам, видели — отнюдь не только в эмигрантских воспоминаниях — важнейший недостаток государственного строя страны в отсутствии до 1905 г., а затем несовершенстве так называемого «объединенного министерства» (иногда говорилось «объединенное правительство»). При этом имелся в виду Совет министров, созданный при Александре II в эпоху Великих реформ. По законам 1858 и 1862 гг. император мог созывать его и председательствовать в нем. Александр III в течение некоторого времени делал это, а затем прекратил. Николай II не созывал Совета министров до январских событий 1905 г., хотя еще до них разработка проекта нового законодательства о Совете министров с целью его возрождения началась в комиссии под председательством С.Ю. Витте.

В отсутствие Совета министров главным инструментом государственного управления оставался, по выражению М.М. Сперанского, всеподданнейший доклад, делавшийся министром государю, резолюция которого на тексте доклада имела силу закона. Что такой порядок не отвечал различным задачам эффективности управления, было очевидно различным его участникам. Высокая общеполитическая осведомленность и ориентированность некоторых из них не подлежит сомнению. Не говоря уже о Витте и П.А. Столыпине, нельзя не упомянуть об известной записке П.Н. Дурново, полицейская опытность которого оказалась полезной для поразительно ясного предвидения событий, начавшихся в том же 1914 г., когда записка была составлена.

Но самодержавный способ власти предусматривал такие требования к организации государственного управления, которые делали объединение министров даже под председательством императора не очень для него желательным и удобным.

Собравшись вместе, министры могли прийти к мнению, противоположному высочайшему, и отстаивать его. Полное их единство при этом было скорее идеально-теоретической возможностью. Избежать раскола было трудно, и государь оказывался вынужденным присоединиться к мнению не только большинства, но и меньшинства. Статус самодержца давал ему такое право, но оно не подходило для регулярного пользования, очень уж не соответствуя не только принципам демократии, но и требованиям эффективности государственного управления.

О возможности сопротивления самодержцу со стороны возглавляемого им коллегиального органа вот что рассказал Сталин сопровождавшему его в одной из первых послевоенных поездок на Юг министру путей сообщения ген. И.В. Ковалеву, передавшему этот рассказ К.М. Симонову (речь шла, конечно, не о министрах, а о членах Политбюро, которых Сталин называл «заведующими»): «Они понимают, что я не могу все знать, и хотят сделать из меня факсимиле. Я обращаю внимание на разногласия, на возражения, разбираюсь, почему они возникли, в чем дело. А они прячут это от меня, проголосуют и спрячут, чтобы я поставил факсимиле. Хотят сделать из меня факсимиле»[1]. Единственным, кого он не обвинял в этом, был вскоре расстрелянный Н.А. Вознесенский. Приведенные слова Сталина Ковалеву следует сопоставить с парадоксальным на первый взгляд, но на самом деле глубоким и важным замечанием М.Я. Гефтера о Сталине послевоенного времени, «гонимом неизбывным комплексом ненужности»[2].

Правильно организованное государственное управление во многом лишает смысла прерогативы диктатора или самодержца. Оставалось не собирать Совета, что прямо противоречило требованиям единства государственного управления. Достаточно сказать, что С. Ю. Витте считал его разобщенность ввиду бездействия Совета министров основной причиной трагических событий 9 января 1905 г.

Для преодоления такой разобщенности в межведомственных делах чисто практического характера считалось достаточным существование Комитета министров, органа с ограниченными полномочиями со специальным председателем во главе (Витте, занявший этот пост после ухода из Министерства финансов в 1903 г., считал себя в ссылке).

Координация управления в делах общегосударственного значения оставалась за пределами официальной компетенции министров, почему те из них, функции которых были наиболее значительны, боролись между собой за преобладающее влияние. Это относилось прежде всего к министерствам финансов, которое до реформы Совета в конце 1905 г. ведало также промышленностью и торговлей, и внутренних дел, руководившим, кроме полиции, общей и политической, местным управлением и хозяйством, еще и здравоохранением и неправославными вероисповеданиями. Известный конфликт между С.Ю. Витте и И.Л. Горемыкиным (первый был министром финансов, второй — министром внутренних дел) отражал их разницу во взглядах (Витте считал, что

---

[1] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1990. С. 139.

[2] *Гефтер М.Я.* После Сахарова // *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет... М., 1991. С. 474.

земство нельзя допускать ни к местному хозяйству, ни к народно-просветительской деятельности, опасаясь роста его общегосударственного влияния). Однако они расходились между собой не только по поводу роли земства. Более приземленными были их разногласия, относившиеся к привлечению иностранного капитала. Этим с охотой занималась в ущерб своим прямым деликатным, но малодоходным обязанностям заграничная полицейская агентура. Возникший вокруг этого в 1899 г. скандал даже повлек за собой появление проекта подчинения всех министерств шефу жандармов.

Когда летом 1904 г. был убит министр внутренних дел В.К. Плеве, министр юстиции Н.В. Муравьев заговорил с Николаем II о возобновлении деятельности Совета министров в связи с государственно-политической необходимостью в этом. Охарактеризовав «положение России» как «отчаянное», Муравьев продолжал: «Нельзя управлять без общества, нельзя управлять через министров при их очных докладах и при том обычае, когда министры выпрашивают у царя его самодержавную подпись и это является законом». «Что же вы хотите, чтоб я кабинет учредил с г. Витте?» — раздраженно парировал царь. «Не кабинет, а у нас есть Совет министров, который совсем не собирается», — пытался настаивать на своем Муравьев. Но раздражение царя нарастало: «Значит, по моей вине? Как мне председательствовать по всяким пустякам?» Когда же Муравьев напомнил об указываемой законом возможности («Ваше величество могли бы назначить особое лицо от себя»), последовала гневная отповедь: «Управлять при помощи Петрункевича, это преступник, место которого в ссылке?»[1].

Объединенное правительство оставалось для Николая II отвратительным и пугающим подобием европейского кабинета, несовместимым с его самодержавностью и фатальным образом связанным с приходом к власти Витте, превратившегося в царской речи в «преступника» Петрункевича, которого следовало держать в ссылке и после смерти Плеве.

После 9 января 1905 г. Николай II трижды в течение февраля собирал Совет министров под собственным председательством, однако обсуждение предстоявших государственных преобразований велось по-прежнему в совещаниях под председательством царя, в Комитете министров под председательством Витте, который добился этого при подписании высочайшего манифеста 12 декабря 1904 г., и в специальной комиссии под председательством графа Д.М. Сольского (однажды ему было поручено проведение заседания Совета министров). Вернувшийся из Портсмута после заключения мира с Японией Витте, политическое влияние которого весьма усилилось (он получил графский титул, хотя в правых и откровенно черносотенных кругах ему дали прозвище — граф полусахалинский), при помощи Сольского буквально вынудил Николая II провозгласить манифестом 17 октября 1905 г. ряд серьезных государственных преобразований. Только после этого, 19 октября, Совет министров был в сущности возрожден с установлением должности его председателя, которую

[1] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 136, 137.

первым занял и сохранял до открытия Государственной думы Витте. По поводу обновления государственного строя, совершенного октябрьскими 1905 г. и последовавшими за ним актами 1906 г., существует значительная исследовательская литература как историко-политического, так и историко-правового характера. В ней до известной степени нашла свое отражение полемика тех лет, в течение которых эти преобразования совершались. Применительно к интересующему нас вопросу о статусе Совета министров следует отметить, что современники различной политической ориентации исходили из того, что он отнюдь не стал кабинетом в европейском смысле, ответственным перед народным представительством. Это, собственно, и дало основания В.Н. Коковцову произнести в Думе ставшие крылатыми слова о том, что парламента в России, «слава Богу», нет.

Кроме политической стороны управленческого механизма, существовала еще одна — профессионально-отраслевая, усиливавшая в ходе модернизации роль министров в ущерб власти самодержца, требовавшей от него действительно невозможного — энциклопедичности не только знаний, но и характера интересов. Дело было не только в технических, но и фундаментальных знаниях. Достаточно упомянуть, что министры финансов И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте были признанными в научном мире того времени специалистами по высшей математике.

Существующая литература последних десятилетий[1] и ряд опубликованных источников содержат немало сведений о месте Совета министров в системе государственного управления империи. Остановлюсь на двух вопросах, первый из которых — это отношения между самодержцем и Советом министров, второй — характер фиксации происходившего на заседаниях этого органа. При несопоставимости значения этих вопросов — оно в обоих случаях связано с ролью этого органа в государственном управлении и его общеполитическим влиянием. Вопросы эти возникли в практической деятельности Совета с самого начала ее возобновления в 1905 г. «Вам также присутствовать. Из чинов канцелярии не нужно никого», — гласила записка Николая II о созыве Совета, адресованная 1 февраля 1905 г. управляющему делами Комитета министров Э.Ю. Нольде[2]. Дело заключалось в безоговорочном на тот момент подчинении Совета императору, что проявлялось и в фиксации происходившего на заседаниях. Ясно было, что записывать не разрешалось, между тем стенографирование особых совещаний различного рода было принятой практикой, включавшей в себя опубликование стенограмм иногда ограниченным, а иногда «открытым» тиражом. Но мемория (затем — журнал) Совета министров по тому или иному вопросу, одобренная императором, получала силу закона так же, как и утвержденный им всеподданнейший доклад. Составление такого документа по памяти, хотя бы и самой свежей, было вряд ли возможно, поскольку в нем требовалось обстоятельное изложение сути дела. Приходилось явочным порядком без стенографов, силами управляющего делами Совета или его помощника вести черновую, почему-

---

[1] Здесь следует отметить работы В.Г. Чернухи и М.Ф. Флоринского.

[2] Заседания СМ 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде / Публ. *Р.Ш. Ганелина* // Археографический ежегодник. 1989. М. 1990. С. 292.

то как правило карандашную запись происходившего на заседании (официальный протокол был краток и носил формальный характер).

Скорее всего, в этом проявилось желание Николая II, может быть, не только не высказанное, но и не до конца им самим осознанное, не допустить полной формализации Совета как высшего правительственного органа, действующего под председательством специального лица, а не под исключительным влиянием самодержца. Известна фраза Николая II, сказанная им А.А. Вырубовой о Витте и Столыпине: «Они меня заслоняют». Разумеется, форма записи хода заседаний была здесь отнюдь не главной спицей в колеснице. Представляется, кстати, что регулярное стенографирование и само по себе могло обладать тем недостатком, что при нем любые высказывания приобретают приспособленный к этому характер, теряя и в откровенности оценок и в полноте приводимых сведений. Это обстоятельство носит, вероятно, универсальный характер, распространяясь и на другие формы и средства фиксации происходящего вплоть до современных.

Возвращаясь к вопросу о роли и влиянии Совета министров в делах общегосударственного значения, обратимся к последним дням существования империи. В февральские дни 1917 г. влияние и власть Совета министров оказались невелики. Принятый в 1914 г. закон о военном управлении, с началом войны отдавший значительные территории страны под управление военного командования, военно-хозяйственная деятельность военно-промышленных комитетов во главе с ЦВПК, земств и городов, объединившихся в Земгор, политическая роль верховного главнокомандования, особенно значительная в воюющей империи, — все это не способствовало властным полномочиям правительства.

В результате роль Совета министров в февральские дни 1917 г. оказалась во всяком случае не первостепенной. О характере ее несколько лет тому назад появились историографические расхождения. По мнению С.В. Куликова, попытка некоторых министров и ряда думцев остановить революционные события была сорвана думской стороной[1]. Автор этих строк, наоборот, считает, что уклонилось от этого правительство[2]. Не продолжая здесь полемики по этому частному вопросу, следует отметить, что в современной исторической литературе обозначилась тенденция применительно ко всем политическим ситуациям становиться на сторону власти с обвинениями во всем происходившем оппозиции. В частности такую позицию занимает составитель и научный редактор издания «Смена парадигм» Б.Н. Миронов выступая в нем трижды. К сожалению, он часто себе противоречит. В своей статье «Мифология о системном кризисе в России после Великих реформ 1860–1870-х гг.» он стоит на том. что понятие

---

[1] *Куликов С.В.* 1) Совет министров в дни Февральской революции // Революция 1917 года в России: Сб. науч. ст. / Под ред. О.А. Поливанова и В.И. Старцева. СПб., 1995. С. 78–86; 2) «Революция неизменно идет сверху...»: Падение царизма сквозь призму элистической парадигмы // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 11. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. Составитель и науч. редактор Б.Н. Миронов. Изд-во «Нестор-История». СПб., 2007. С. 117–185. См. также наст. изд. С. 180.

[2] *Ганелин Р.Ш.* Совет министров 26 февраля 1917 г. // История глазами историков. Межвузовский сб-к научн. трудов, посвященный 70-летию доктора историч. наук, профессора, заведующего кафедрой Российской истории СПбГАУ Евгения Романовича Ольховского. СПб.—Пушкин, 2002. С. 236–239.

кризис самодержавия (он безосновательно утверждает, что кризис этот назывался и ныне называется системным), относящееся к историографии прошлых десятилетий и отнюдь не потерявшее своего значения в современной науке, «это артефакт, созданный для идеологического оправдания трех российских революций начала XX в.»[1]. Но в той же статье несколькими страницами ранее Б.Н. Миронов, подчеркивая значение применяемых им терминов, пишет: «...следует говорить не о системном кризисе, а о противоречивом, асинхронном несбалансированном развитии страны»[2]. Не те же ли это щи в тарелке с другим орнаментом?

А в статье «Россия и Запад в XVIII—XX в.: социологические образы и историческая реальность» картины исторической действительности, рождавшей революции, оказываются, на взгляд читателя, не очень-то подтверждающими смену парадигм. «Социальная и культурная асимметрия, — пишет здесь Б.Н. Миронов, — создала огромное напряжение в обществе и способствовала созреванию предпосылок для трех революций 1905 и 1917 гг. <...> Неудачная для России война расшатала власть, дисциплину и общественный порядок, породила материальные трудности, позволила выйти наружу социальным противоречиям, которые до войны хотя и с большим трудом удерживались в определенных границах...»[3]. Не означает ли это признания автора, что бескризисный, по его мнению, общественный порядок даже в мирное время сохранял себя с большим трудом? Может быть, в свете сказанного самим Б.Н. Мироновым этот кризис — не артефакт, а историческая реальность?

Отстаивая признаки артефакта, Б.Н. Миронов видит важнейший из них в «существенном улучшении материального положения преобладающего большинства населения России»[4]. «Но как это ни парадоксально, — отмечает он, — крестьяне и рабочие, по-видимому, слабо или вовсе не ощущали позитивные сдвиги». Причин этого он видит две. Первая: «...их радетели постоянно убеждали, что их положение ухудшается». А вторая была, несомненно, более существенной. «Потребности, — пишет Б.Н. Миронов, — вероятно, росли быстрее, чем доходы». В этом не может быть сомнений, поскольку одна только замена домотканой одежды и лаптей фабричной продукцией с несомненностью, а не вероятностью, требовала значительных расходов. Вряд ли это можно назвать «субъективными ощущениями», которые «противоречили объективному состоянию вещей».

Вообще позиция Б.Н. Миронова должна, казалось бы, соответствовать взглядам царских министров. Однако они в эмиграции рассматривали причины Февральской революции без той идеализации погибшего строя, которая мешала анализу причин его краха. Так, бывший министр финансов П.Л. Барк, порицавший роль общественности и интеллигенции в подготовке революции, тем не менее писал в декабре 1922 г. бывшему помощнику управляющего делами Сове-

---

[1] *Миронов Б.Н.* Мифология о системном кризисе в России после Великих реформ 1860–1870-х гг. // Смена парадигм. С. 312.

[2] Там же. С. 304.

[3] *Миронов Б.Н.* Россия и Запад в XVIII—начале XX в. // Смена парадигм. С. 30–31.

[4] Там же. С. 312.

та министров А.Н. Яхонтову: «Правительство несет большую часть ответственности за происшедшее». А бывший министр продовольствия А.А. Риттих писал ему же 9 мая 1922 г. о записях заседаний правительства: «Причины революции ясны в этих записях за два года до катастрофы. Поляки в свое время пропили свою родину, а мы ее проговорили. Все, от министров до земской акушерки»[1].

Сам А.Н. Яхонтов посвятил порокам государственного управления книгу «Первый год войны», напечатанную в 1936 г. в 24 номерах парижского «Возрождения»[2]. Не потому ли эти пороки оказались неустраненными или неустранимыми, что они были проявлением кризиса строя?

Продолжая сопоставление позиций самодержца и главы диктаторского режима по отношению к высшему государственному управлению, упомянем о реформе Политбюро, осуществленной Сталиным незадолго до своей смерти — преобразовании его в Президиум ЦК КПСС значительно расширенного состава с включением в него Молотова и Микояна, хотя и объявленных вождем шпионами.

Р.Ш. Ганелин

Совет министров и падение монархии

Отношения власти и оппозиции в дни Февральского переворота оказали большое влияние на его течение и исход. Однако до сих пор поставленная проблема рассматривается большинством историков как побочная, что вполне естественно[3]. События февраля 1917 г. традиционно ассоциируются не с

---

[1] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 453, 429.

[2] См.: *А.Н. Яхонтов.* Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров / Ввод. стат., коммент. Р.Ш. Ганелина и М.Ф. Флоринского // Русское прошлое. Кн. 7. 1996. С. 245–348

[3] Только Г.З. Иоффе специально остановился на этой проблеме (*Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984). По его мнению, вывод С.П. Мельгунова о том, что в дни переворота «миролюбивая политика» была девизом царского правительства, «не соответствует действительности» (*Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 72). Впоследствии мнение Г.З. Иоффе было оспорено (*Куликов С.В.* Совет министров в дни Февральской революции // Революция 1917 г. в России. Сб. науч. ст. СПб., 1995). В настоящее время с Г.З. Иоффе солидарен Р.Ш. Ганелин (*Ганелин Р.Ш.* Совет министров 26 февраля 1917 г. // История глазами историков. СПб. — Пушкин, 2002). Отдельные аспекты поставленной проблемы затронуты в следующих работах: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967; *Слонимский А.Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. Душанбе, 1975; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; *Чернев В.Ю.* Гибель думской монархии. Временное правительство и его реформы. // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996; *Ганелин Р.Ш.* 1) 25 февраля 1917 г. в Петрограде // Вопросы истории. № 7. М., 1998; 2) Петроград 23 февраля 1917 г. // Новый часовой. № 8, 9. СПб., 1999; 3) 24 февраля 1917 г. в Петрограде // Клио. № 6. СПб., 2000; *Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle — L., 1981; *Пайпс Р.* Русская революция. В 2-х чч. М., 1994. Ч. 1. С. 305–367; *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997; С. 253–306.

коридорами власти, а с петроградскими улицами, которые стали свидетелями массовых демонстраций. Конечно, их огромное значение для развития революции бесспорно.

Вместе с тем на судьбу революции повлияло состояние не только низов, но и верхов, которое зависело прежде всего от отношений царского правительства с нижней палатой. Во время переворота решающее влияние на их отношения оказывало наметившееся еще до переворота стремление кабинета князя Н.Д. Голицына и лично премьера к соглашению с Прогрессивным блоком. Это стремление в момент гибели старого порядка достигло своего апогея. Предпосылкой такого оборота событий стало то, что сторонники оппозиции, активные или пассивные, в Совете министров образовывали большинство и входили в так называемую прогрессивную группу.

Членами группы были министр финансов П.Л. Барк, военный министр генерал М.А. Беляев, управляющий Министерством путей сообщения Э.Б. Войновский-Кригер, морской министр адмирал И.К. Григорович, министр иностранных дел Н.Н. Покровский, министр земледелия А.А. Риттих, государственный контролер С.Г. Феодосьев и министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской. Поскольку Прогрессивный блок выступал за фактическое введение парламентаризма, его сторонников из числа министров целесообразно называть парламентаристами.

Оппоненты группы составляли меньшинство, к которому принадлежали министр внутренних дел А.Д. Протопопов, а также управляющие Министерством юстиции и Министерством народного просвещения Н.А. Добровольский и Н.К. Кульчицкий, обер-прокурор Синода Н.П. Раев и главноуправляющий государственным здравоохранением Г.Е. Рейн. Они выступали за сохранение существовавшей в России с 1906 г. дуалистической системы. Поэтому их целесообразно называть дуалистами. Министр Императорского двора граф В.Б. Фредерикс, находившийся вместе с Николаем II в Ставке верховного главнокомандующего, на последних в его истории заседаниях царского правительства отсутствовал.

Петроградские демонстрации 23–26 февраля на отношения кабинета и оппозиции влияли косвенно. Министры воспринимали массовые волнения как не политическое, а стихийное движение. Тем не менее волнения усилили стремление правительства к тому, чтобы поднять отношения с оппозицией на более высокий уровень. Это стало очевидным уже 24 февраля, когда председатель Думы М.В. Родзянко, посетив министра земледелия А.А. Риттиха, направился с ним к военному министру генералу М.А. Беляеву. Председатель Думы попросил генерала собрать совещание для решения вопроса о передаче продовольственного обеспечения Петрограда городскому самоуправлению столицы. Долго уговаривать М.А. Беляева не пришлось, поскольку симпатии обоих министров были на стороне М.В. Родзянко. Беседуя с ним, М.А. Беляев и А.А. Риттих заявили, что «только призыв его к власти» мог бы «поправить дело»[1].

[1] *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 180.

Премьер не только согласился с предложением председателя Думы, переданным Н.Д. Голицыну М.А. Беляевым, но и предоставил М.В. Родзянко право пригласить на совещание тех лиц, присутствие которых он сочтет нужным[1]. К участию в совещании М.В. Родзянко демонстративно не пригласил ненавистного оппозиции А.Д. Протопопова, хотя обеспечение населения продовольствием входило в компетенцию МВД.

В 13:13 24 февраля о своем решении собрать совещание Н.Д. Голицын телеграфировал императору, находившемуся в Ставке: «Ввиду наблюдаемого за последние дни в деле снабжения продовольствием населения столицы обострения, приведшего уже к уличным беспорядкам, и признавая совершенно необходимым безотлагательно обсудить создавшееся положение и наметить доступные для его облегчения меры, мною сегодня вечером созывается экстренное совещание министров военного, морского, земледелия и торговли и промышленности, при участии, также, председателей Государственного совета и Государственной думы, их товарищей, государственного секретаря и секретаря Государственной думы и петроградских городского головы и председателя губернской земской управы. Об изложенном приемлю долг всеподданнейше донести Вашему императорскому величеству. Председатель Совета министров князь Голицын»[2]. Это была первая телеграмма царю от высшего должностного лица, сообщавшая о петроградских беспорядках.

Перед совещанием состоялось официальное заседание Совета министров. На нем Н.Д. Голицын вывел из состава правительства главноуправляющего государственным здравоохранением Г.Е. Рейна. Решение премьера объяснялось тем, что Дума отказалась от утверждения представленного Г.Е. Рейном законопроекта об образовании Главного управления государственного здравоохранения. Ради соглашения с оппозицией Н.Д. Голицын пошел на явное превышение своих полномочий, поскольку исключение министров из кабинета могло совершаться только по воле царя[3]. Строго следуя букве закона, князь должен был оставить Г.Е. Рейна в составе правительства хотя бы в ранге министра без портфеля. Стремление к соглашению с оппозицией премьер высказал и вечером, на совещании, состоявшемся в Мариинском дворце.

Участники совещания постановили передать продовольственное обеспечение Петрограда столичному самоуправлению. Об этом Н.Д. Голицын телеграфировал императору во втором часу ночи 25 февраля. «Совещание под моим председательством, — сообщал премьер, — министров военного, морского, земледелия, путей сообщения и торговли, при участии председателей, их товарищей и секретарей законодательных учреждений и представителей города и губернского земства,

---

[1] *Родзянко М.В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция // Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922. С. 56.

[2] Н.Д. Голицын — Николаю II 24 февраля 1917 г. // РГИА. Ф. 472 (Канцелярия Министерства двора). Оп. 67. Д. 605. Л. 16. В публикациях документов по истории Февральской революции этой телеграммы нет. «Из всех лиц, имевших отношение к самодержавию, — писал Э.Н. Бурджалов, — сам царь узнал о революционных событиях в Петрограде едва ли не последним» (*Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция... С. 165). Поскольку телеграмму премьера Николай получил уже на второй день беспорядков, это мнение является неверным.

[3] *Рейн Г.Е.* Из пережитого. 1907–1918. В 2-х тт. Берлин, б.г. Т. 2. С. 188, 189.

состоялось, причем единогласно решено передать заведывание продовольственным делом в городе Петрограде столичному городскому общественному управлению. Председатель Совета министров князь Голицын»[1]. В свою очередь, утром А.Д. Протопопов телеграфировал находившемуся в Ставке дворцовому коменданту генералу В.Н. Воейкову о петроградских беспорядках[2].

Одержав победу по вопросу о продовольственном обеспечении столицы, председатель Думы перешел в наступление. Днем 25 февраля М.В. Родзянко был у Н.Д. Голицына и «дружески просил» его уйти в отставку. В ответ премьер, показав собеседнику подписанные царем бланки указов о перерыве и роспуске занятий Думы, заявил: «Это про запас. Но что я вас очень просил бы, устройте мне, пожалуйста, совещание 25 февраля. Не можете ли вы мне рекомендовать кого-нибудь из видных представителей Думы? Соберемся, поговорим. Нельзя постоянно жить на ножах». На вопрос М.В. Родзянко, кого бы премьер хотел видеть, князь ответил: «Ну, пожалуйста, вот Милюкова, вот Савича, лидеров партий, может быть, мы придем к соглашению»[3]. Таким образом, Н.Д. Голицын выступил инициатором переговоров между правительством и Думой.

В отличие от премьера А.Д. Протопопов являлся противником соглашения с оппозицией. Днем он посетил командующего Петроградским военным округом генерала С.С. Хабалова и сказал ему по поводу итогов совещания 24 февраля: «Там город выдумал какой-то проект заведывания продовольствием, но это — неправильная организация, это революционный проект»[4].

Петроградский градоначальник генерал А.П. Балк, подчинявшийся непосредственно А.Д. Протопопову, во исполнение воли своего принципала запретил проведение Съезда представителей военно-промышленных комитетов, поскольку съезд собирался заняться «чисто политическими вопросами» и выразить «недоверие правительству». Председатель Центрального военно-

---

[1] Н.Д. Голицын — Николаю II 25 февраля 1917 г. // РГИА. Ф. 472 (Канцелярия Министерства двора). Оп. 67. Д. 612. Л. 52. Эта телеграмма также отсутствует в публикациях документов по истории Февральской революции. О совещании см., также: *Кручковская В.М.* Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986. С. 18, 19. Р. Пайпс полагал, что Н.Д. Голицына на совещании не было, поскольку князя о нем «не известили» (*Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 1. С. 307). На самом деле о совещании не известили А.Д. Протопопова.

[2] Текст телеграммы см.: *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. М., 1992. С. 117–118.

[3] Допрос М.В. Родзянко. // Падение царского режима... Т. 7. М.–Л., 1927. С. 158, 159. М.В. Родзянко относил беседу с Н.Д. Голицыным на 26 февраля. Однако, судя по описанию встречи, сделанному М.В. Родзянко, она могла состояться только днем раньше, т.е. 25-го. Тем не менее, историки проигнорировали это обстоятельство. По мнению Э.Н. Бурджалова, беседа имела место 26-го, причем во время нее премьер «угрожал Родзянко роспуском Думы» (*Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. С. 164). В.И. Старцев также считал, что Н.Д. Голицын «припугнул» М.В. Родзянко «готовым бланком указа о роспуске Думы» (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 19). Наконец, Г.З. Иоффе, как и его предшественники, датировал беседу 26 февраля (*Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России. С. 74). Хотя в этот день Н.Д. Голицын и М.В. Родзянко встречались опять, историки подразумевали именно встречу, состоявшуюся накануне, а потому впадали в ошибку. Кроме того, они, доверяя свидетельству председателя Думы об «угрозах» премьера, не учли того, что в данном случае М.В. Родзянко сильно преувеличил воинственность Н.Д. Голицына, чтобы переложить на него вину за срыв переговоров между министрами и оппозиционерами, а значит — и за революцию, противником которой председатель Думы стал к моменту дачи показаний. То, что в позиции премьера не было ничего воинственного, доказывается недвусмысленным указанием М.В. Родзянко на стремление Н.Д. Голицына начать переговоры.

[4] Допрос генерала С.С. Хабалова. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. Л., 1924. С. 191, 192.

промышленного комитета А.И. Гучков обратился к М.В. Родзянко, который добился того, что 25 февраля съезд был «неожиданно разрешен»[1]. Его делегаты, собравшиеся в здании ЦВПК на Литейном, бросили в рабочие массы политические лозунги и слухи «о надвигающемся якобы голоде». В работе съезда приняли участие лидеры левой части Думы — А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев[2]. Вечером некоторых делегатов, и в частности — двух членов Рабочей группы ЦВПК, арестовали по приказу А.Д. Протопопова.

Не зная об арестах, поздним вечером Н.Д. Голицын собрал у себя на Моховой частное заседание кабинета для обсуждения способов осуществления своего плана по достижению компромисса между правительством и оппозицией.

В начале заседания премьер заявил, что народные волнения принимают «угрожающий характер», а потому необходимо «сейчас же решить вопрос, что делать». А.Д. Протопопов указал, что опасения князя «совершенно неосновательны», так как «сомневаться в возможности подавить народное волнение не приходится». Кульминацией субботнего заседания стало выступление не министра внутренних дел, а лидера прогрессивной группы, министра иностранных дел Н.Н. Покровского. Он высказал, что «необходимо пойти на кардинальные уступки»[3].

Под кардинальными уступками Н.Н. Покровский понимал капитуляцию правительства перед оппозицией и немедленное введение парламентаризма по рецепту Прогрессивного блока. «Господа, — говорил Н.Н. Покровский, — по моему мнению, нам остался единственный выход: немедленно же всем отправиться к государю императору и молить его величество заместить всех нас другими людьми. Мы не снискали доверия страны и, оставаясь на своих постах, ни в коем случае ничего не достигнем». Очевидно, что, говоря о «доверии страны», Н.Н. Покровский подразумевал замену существующего кабинета «министерством доверия». Столь радикальное мнение было облечено в лояльные формы. Н.Н. Покровский призывал «молить» императора заместить бюрократов оппозиционерами. Следует, однако, иметь в виду, что назначение даже парламентского кабинета, в данном случае — «министерства доверия», формально могло производиться не палатами, а монархом[4]. Точка

---

[1] Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое. Кн. 1. СПб., 1991. С. 42.

[2] *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения [Публ. Д. Дейли и З.И. Перегудовой]. // Вопросы истории. № 8. 2002. С. 61; Донесение Петроградского охранного отделения в МВД о заседании Петербургского комитета РСДРП // Февральская революция 1917 г. Сб. док. и мат. М., 1996. С. 58.

[3] *Миронов М.* Последние заседания низвергнутого кабинета министров // Биржевые ведомости. 1917. 10 марта. — Эта статья, до сих пор не привлекавшая внимания историков, составлена на основании сведений, предоставленных либо Н.Н. Покровским, либо Э.Б. Войновским-Кригером (скорее всего — первым), поскольку в ней приводятся такие факты, которые могли знать только они.

[4] Сравнивая парламентарную монархию с дуалистической, Н.М. Коркунов писал: «Король и тут назначает министров. Без королевского назначения никто министром сделаться не может. Но вместе с тем король может назначать министрами только членов парламента и притом принадлежащих к партии большинства. Таким образом, министерство, всегда солидарное, превращается в комитет парламента, избираемый из среды господствующей в нем партии, но только не самим парламентом, а монархом» (*Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1909. С. 137). Пропагандировавшийся оппозиционерами механизм образования «министерства доверия» полностью соответствовал догме государственного права начала XX в.

зрения Н.Н. Покровского встретила молчаливое сочувствие у большинства министров. «Заявление Покровского, — вспоминал А.П. Балк, присутствовавший на субботнем заседании, — была истина. Полагаю, что большинство сознавали это в тайнике души своей»[1].

С возражениями выступил один А.Д. Протопопов. Он полагал, что требование Прогрессивного блока о смене кабинета «есть только лозунг, за которым скрываются другие, совершенно неприемлемые требования»[2]. Разъясняя свою позицию, А.Д. Протопопов выдвинул идею «двух течений»: революционного и оппозиционного. Революционное течение воплощалось, по его мнению, «советами рабочих депутатов, анархистами, социалистами», а оппозиционное — «общественными элементами, с Государственной думой во главе». Революционное течение, считал А.Д. Протопопов, «постепенно втекает» в оппозиционное, так что в результате на последнее «нельзя уже опираться»[3]. Следовательно, А.Д. Протопопов, доказывая бессмысленность надежд его коллег на возможность установления компромисса между правительством и Прогрессивным блоком, выдвинул идею о тождественности революции и оппозиции.

Поскольку в ходе своего выступления А.Д. Протопопов упоминал об уличных беспорядках, на заседание пригласили С.С. Хабалова. Генерал доложил кабинету о событиях минувшего дня, в частности — о случаях нападения демонстрантов на полицию и войска. С.С. Хабалов сообщил министрам, что на завтра приказал принять «решительные меры к подавлению беспорядков, пресекая таковые в корне оружием»[4]. Затем выступили М.А. Беляев, управляющий Министерством юстиции Н.А. Добровольский и А.А. Риттих. Они заявили, что если в войска «стреляют, кидают», то «таким беспорядкам должна быть противопоставлена сила»[5].

---

[1] Гибель царского Петрограда... // Русское прошлое. Кн. 1. СПб., 1991. С. 40, 41.

[2] *Миронов М.* Последние заседания...

[3] Показания Н.Н. Покровского 30 июня 1917 г. // Падение царского режима... Т. 5. М.– Л., 1926. С. 357.

[4] Гибель царского Петрограда... // Русское прошлое. Кн. 1. С. 40. Г.М. Катков писал, что С.С. Хабалов «сделал доклад Совету министров», когда «уже было принято решение распустить Думу», т.е. 26 февраля (*Катков Г.М.* Февральская революция. С. 270). В действительности, в этот день С.С. Хабалов на заседании правительства не присутствовал. По мнению Г.З. Иоффе, «правительство Голицына, решив (на основании указа царя), что пора от обороны переходить в наступление, в ночь на 27 февраля прервало "занятия" Государственной думы» (*Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России. С. 74). То же мнение Г.З. Иоффе воспроизвел и позднее. Правительство, писал он уже в монографии, «решив (на основании указа царя), что пора от обороны переходить в наступление, в ночь на 27 февраля прервало "занятия" Государственной думы». Кроме того, Г.З. Иоффе предположил, что «царская директива о "прекращении беспорядков", отданная между 25 и 26 февраля, положила конец переговорам правительства с Думой и поставила в порядок дня "штык"» (*Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 37). Вывод и предположение Г.З. Иоффе вызывают возражения. Во-первых, документ, который подразумевал он, был телеграммой, а не указом. Во-вторых, ее адресатом являлся С.С. Хабалов, а не Н.Д. Голицын, которого повеление, содержавшееся в телеграмме, строго говоря, не касалось. Но даже если бы правительство восприняло телеграмму как приказ к действию, то оно исполнило бы его в ночь с 25 на 26, т.е. сразу после получения приказа, а не спустя сутки. Наконец, телеграмма, отданная не «между 25 и 26 февраля», а вечером 25 февраля, никак не могла «положить конец переговорам», которые происходили на следующий день. Именно переговоры и стали причиной перерыва занятий Думы.

[5] Допрос генерала С.С. Хабалова 22 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. Л., 1924. С. 193.

Остальные министры, как дуалисты, так и парламентаристы также потребовали «решительных действий»[1]. Мотивируя их необходимость, А.Д. Протопопов объяснил затяжной характер уличных волнений тем, что до сих пор «власти старались избегать кровопролития»[2]. Впрочем, и после санкционирования министрами стрельбы по толпе М.А. Беляев попросил С.С. Хабалова не открывать огня, где можно этого «избегнуть». Он говорил С.С. Хабалову, какое «ужасное впечатление произведет на наших союзников» то, что «на Невском будут трупы»[3]. Противником огульного применения оружия был и Н.Д. Голицын.

Около часу ночи 26 февраля премьеру позвонили из Петроградской городской думы городской голова П.И. Лелянов и член Прогрессивного блока А.И. Шингарев. По поручению проходившего в думе митинга они потребовали недопущения стрельбы в народ. Н.Д. Голицын ответил, что «против стрельбы». П.И. Лелянов и А.И. Шингарев потребовали также немедленного освобождения только что арестованных участников Съезда представителей военно-промышленных комитетов. Н.Д. Голицын отозвался об арестах «незнанием», заявив: «Это, вероятно, дело Охранного отделения»[4].

То, что на аресты А.Д. Протопопов решился, не испросив на них санкции кабинета, возмутило всех министров. Объяснения по этому поводу дали директор Департамента полиции А.Т. Васильев и начальник Петроградского охранного отделения генерал К.И. Глобачев.

А.Д. Протопопов успокоил коллег тем, что целью арестов является лишь удостоверение фамилий. Затем арестованные, заверил он, будут освобождены, если против кого-либо из них не окажется оснований для привлечения к ответственности. В то время как А.Д. Протопопов, который ставил знак

---

[1] Гибель царского Петрограда... // Русское прошлое. Кн. 1. С. 40, 41.

[2] *Миронов М.* Последние заседания...

[3] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 239.

[4] *Семенов Е.П.* Февральские и мартовские дни 1917 г. // Исторический вестник. 1917. Март. С. 10. По мнению Р.Ш. Ганелина, Н.Д. Голицын, «вступая в переговоры с оппозицией, считал нужным преследование ее представителей». Подтверждение этому Р.Ш. Ганелин видел в том, что, по воспоминаниям А.П. Балка, в ночь с 25 на 26 февраля, когда А.И. Гучков пытался связаться с А.П. Балком по телефону для решения вопроса об освобождении арестованных участников съезда, «премьер приказывал отказывать Гучкову» (*Ганелин Р.Ш.* Совет министров 26 февраля 1917 г. // История глазами историков. СПб.–Пушкин, 2002. С. 237). Однако А.И. Гучкову отказывали не в освобождении арестованных, а в разговоре по телефону с градоначальником, который был занят, поскольку находился на заседании правительства. «Князь Голицын, — отмечал А.П. Балк, — догадывался, с какой целью ищет меня Гучков, но, разделяя взгляд о необходимости ареста, не хотел по этому поводу допустить ходатайство Гучкова» (Гибель царского Петрограда... С. 41). Но, как видно из текста воспоминаний А.П. Балка, лично с ним об арестах премьер не говорил, и мнение градоначальника о том, что Н.Д. Голицын являлся их сторонником — не более чем ошибочное предположение. Впрочем, даже если бы премьер одобрил аресты, то ничего антиоппозиционного в этом бы не было. Наоборот, тем самым Н.Д. Голицын удовлетворил бы умеренную часть оппозиции, для которой, как и для правительства, члены Рабочей группы принадлежали к числу революционеров. Сам же Р.Ш. Ганелин писал про «пугающее и власти и часть оппозиции нарастание революционных событий» (*Ганелин Р.Ш.* Совет министров 26 февраля 1917 г... С. 238). Съезд представителей военно-промышленных комитетов, на котором присутствовали не только эти представители, но и «люди с улицы», и министры, и думцы рассматривали как «революционное событие».

равенства между думской оппозицией и уличными беспорядками, полагал, что и с тем и с другим надо бороться одинаково решительно, остальные министры, и прежде всего — премьер, не отрицая необходимости решительной борьбы с беспорядками, проводили резкую границу между Думой и улицей, а потому выступили за достижение компромисса с оппозицией.

В противоположность А.Д. Протопопову, подавляющее большинство членов кабинета проявили «полное желание» войти в соглашение с Думой[1]. Поддерживая мнение Н.Н. Покровского, последовательно выступили другие члены прогрессивной группы — А.А. Риттих, государственный контролер С.Г. Феодосьев и управляющий Министерством путей сообщения Э.Б. Войновский-Кригер. А.А. Риттих, указав, что «этот состав министров не может работать с Государственной думой», заявил, что «выход один: уход всего министерства». Э.Б. Войновский-Кригер отметил, что если Думе «неугоден» нынешний состав кабинета, то об этом «следует доложить государю» и просить его назначить новое правительство[2]. Таким образом, члены прогрессивной группы недвусмысленно и открыто выступили в пользу немедленного введения парламентаризма.

С парламентаристами солидаризировался Н.Д. Голицын. Он заявил, намекая на отставку А.Д. Протопопова и его единомышленников: «в стремлениях идти по пути соглашения» министры «не должны забывать», что некоторые из них «должны будут уйти»[3].

В конце совещания Н.Д. Голицын поставил вопрос о том, «как поступить с Государственной думой»[4]. Большинство членов кабинета признали, что нужно принять «все меры», чтобы Дума продолжала работать»[5], а для этого «сделать попытку склонить Прогрессивный блок к примирению»[6]. В качестве первого шага к соглашению с оппозицией правительство наметило на 26 февраля провести переговоры с лидерами фракций от националистов до кадет включительно. Встретиться с М.В. Родзянко министры поручили Н.Д. Голицыну, а с лидерами фракций — Н.Н. Покровскому и А.А. Риттиху. Решение правительства стало логическим итогом его примирительной политики, проводившейся по отношению к оппозиции в конце 1916 — начале 1917 г.

---

[1] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 231.

[2] Допрос генерала С.С. Хабалова 22 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. Л., 1924. С. 193.

[3] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 232.

[4] Показания А.Д. Протопопова // Падение царского режима... Т. 4. Л., 1925. С. 97, 98. В данном случае хронология А.Д. Протопопова отстает на один день. Это не заметил А.Г. Слонимский, неверно датировавший события, о которых писал А.Д. Протопопов (*Слонимский А.Г.* Катастрофа русского либерализма. С. 207, 208).

[5] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 231. Описывая заседание правительства 25 февраля, Г.М. Катков отметил: «По общему мнению, сессию Думы следовало прервать». «Хотя очевидно было, — писал этот историк, — что министры склонны прервать сессию Думы, 25 февраля формальное решение не состоялось» (*Катков Г.М.* Февральская революция. С. 288). Утверждения Г.М. Каткова опровергаются показаниями М.А. Беляева.

[6] Показания А.Д. Протопопова. // Падение царского режима... Т. 4. Л., 1925. С. 98. Вопреки всем источникам, А.Ф. Смирнов неверно полагал, что «25 февраля был оглашен Голицыным давно заготовленный указ о роспуске Думы» (*Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 581).

Переговоры министров и думцев проходили утром и днем 26 февраля. Восстановление их хода затрудняется тем, что некоторые участники переговоров об этом эпизоде своей политической карьеры предпочитали не распространяться.

М.В. Родзянко утверждал, что его собеседование с премьером «не удалось»[1]. Однако М.В. Родзянко грешил против истины. Даже журналисты знали, что утром 26 февраля он все-таки посетил Н.Д. Голицына и М.А. Беляева[2]. Председатель Думы попросил военного министра помочь отправить телеграмму, оригинал которой был адресован императору, а копии — главнокомандующим фронтами. Необходимость установления парламентаризма в телеграмме мотивировалась «параличом власти». М.А. Беляев отказался помогать М.В. Родзянко. Генерал находил, что «не может содействовать передаче телеграмм, в которых имеются указания на паралич власти»[3]. М.В. Родзянко обратился к начальнику Главного управления почт и телеграфов МВД В.Б. Похвисневу. При его содействии телеграмма и ее копии были отправлены.

Тем временем Н.Н. Покровский и А.А. Риттих вели переговоры с думцами. Они приезжали друг за другом на Певческий мост, где находилась служебная квартира министра иностранных дел. Там побывали кадет В.А. Маклаков, октябрист Н.В. Савич, националист П.Н. Балашев и секретарь Думы октябрист И.И. Дмитрюков.

Перед переговорами В.А. Маклаков консультировался с П.Б. Струве и В.В. Шульгиным об условиях, которые необходимо предъявить министрам[4]. Последние инструкции В.А. Маклаков получил от заместителя председателя ЦВПК М.И. Терещенко, поскольку именно он довез депутата до Певческого моста на собственном автомобиле.

В.А. Маклаков заявил Н.Н. Покровскому и А.А. Риттиху, что необходима отставка «не отдельных министров, а всего кабинета». Преемник Н.Д. Голицына, по мнению В.А. Маклакова, должен был «составить кабинет по своему усмотрению» из «людей, пользующихся доверием страны»[5]. Следовательно, В.А. Маклаков выступил за дарование «министерства доверия», т.е. за фактическое введение парламентаризма. Во главе правительства он рекомендовал поставить начальника Штаба верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева, сочувствовавшего оппозиции. Именно поэтому назначение генерала если и означало установление режима военной диктатуры, то такой, которая бы камуфлировала дальнейшую либерализацию правительственного курса — своего рода «либеральной диктатуры», на манер «диктатуры сердца» генерала графа М.Т. Лорис-Меликова в конце

---

[1] Допрос М.В. Родзянко // Падение царского режима... Т. 7. М.–Л., 1927. С. 159.

[2] В Государственной думе // Утро России. 1917. 27 февраля. (№ 58). Тем не менее, Э.Н. Бурджалов ошибочно считал, что встреча премьера с председателем Думы «так и не состоялась» (*Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция... С. 165).

[3] «Протокол событий» Февральской революции // Февральская революция 1917 г. ... С. 121.

[4] *Шульгин В.В.* Дни // Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 168.

[5] *Маклаков В.А.* Канун революции // Новый журнал. Кн. 14. Нью-Йорк, 1946. С. 311.

царствования Александра II. Порукой тому был и предложенный думцем состав нового правительства.

Членами кабинета В.А. Маклаков советовал назначить так называемых «добродетельных бюрократов»[1]. По мнению В.А. Маклакова, ими были граф П.Н. Игнатьев (как министр народного просвещения), граф В.Н. Коковцов (министр финансов), А.В. Кривошеин, А.Н. Наумов, генерал А.А. Поливанов (очевидно — как военный министр), С.Д. Сазонов (министр иностранных дел) и А.Д. Самарин (несомненно, как обер-прокурор Синода). Самому Н.Н. Покровскому В.А. Маклаков посоветовал перейти на его прежнюю должность — государственного контролера. Кроме того, В.А. Маклаков высказался за то, чтобы министерские портфели получили и «два-три общественных деятеля»[2].

Из перечисленных восьми сановников семеро были назначенными членами верхней палаты — Государственного совета, причем пятеро из них (В.Н. Коковцов, А.Н. Наумов, Н.Н. Покровский, А.А. Поливанов и С.Д. Сазонов) — состояли в Прогрессивном блоке, а двое (А.В. Кривошеин и А.Д. Самарин) — ему сочувствовали[3]. Сформированный из них Совет министров зависел бы от нижней палаты.

Подразумевая период, за который М.В. Алексеев должен был составить кабинет, В.А. Маклаков заявил: «На это дайте ему срок самый короткий: три дня. А на эти три дня прекратите заседания Думы; в данной обстановке собрания Думы принесут только вред. Через три дня пусть новый кабинет явится перед Думой и изложит программу»[4]. Роспуск Думы, по мнению В.А. Маклакова, был «совершенно необходимым во избежание эксцессов: слишком много накопилось там горючего материала»[5]. В ответ Н.Н. Покровский заметил: «Для нас эта программа приемлема; мы надеемся получить на нее согласие и государя. Но как ни стараться, в один день этого сделать нельзя. Завтра такие указы появиться не могут». На вопрос В.А. Маклакова: «Но успеете ли вы с этим ко вторнику — ко дню собрания Думы?» министры ответили: «Да, ко вторнику можно надеяться»[6].

В.А. Маклаков подчеркнул, что без образования нового кабинета роспуск Думы приведет «к революции, против которой умеренная часть Думы окажется бессильною». «Напротив, — указывал В.А. Маклаков, — при одновременном изменении состава кабинета роспуск Думы на известный, точно указанный срок можно мотивировать необходимостью для нового Совета министров подготовиться к выступлению в Думе и войти в дела»[7].

---

[1] *Сурмин П.* Реальный политик (В.А. Маклаков). // Утро России. 1917. 5 апреля. (№ 86). Данные этой статьи были введены в научный оборот А.Г. Слонимским.

[2] *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. // Отечественная история. М., 1992. № 5. С. 158.

[3] *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917). // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997. С. 5, 20, 21.

[4] *Маклаков В.А.* Канун революции. С. 311.

[5] *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 158.

[6] *Маклаков В.А.* Указ. соч. С. 312.

[7] *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 158.

В.А. Маклаков явно ломился в открытую дверь. Если он советовал даровать «министерство доверия», то министры считали необходимым «ответственное министерство». Это показала встреча Н.Н. Покровского и А.А. Риттиха с Н.В. Савичем. Ему министры заявили, что «единственным выходом» им видится «немедленное сформирование ответственного пред Государственной думой министерства» и «передача власти правительству, вышедшему из состава законодательных палат»[1]. Относительно перерыва думских занятий Н.В. Савич говорил то же, что и В.А. Маклаков.

Мнение о необходимости перерыва и нового кабинета поддержал П.Н. Балашев. Необходимости в перерыве не видел один И.И. Дмитрюков. Он высказался только за обновление правительства. После консультаций с думцами перерыв, сопровождаемый введением парламентаризма, представлялся Н.Н. Покровскому и А.А. Риттиху единственным выходом из обострившегося внутриполитического кризиса.

Сформирование нового кабинета входило в компетенцию монарха. Поэтому результаты переговоров министры попытались довести до сведения Николая II. Н.Н. Покровский отправиться в Могилев не мог. Во время встречи с императором, состоявшейся 21 февраля, на вопрос Н.Н. Покровского о том, надо ли будет ему приезжать со своим докладом в Ставку, Николай ответил, что в этом «нет необходимости» — ведь «недели через полторы» он вернется[2]. Проинформировать императора о переговорах выпадало А.А. Риттиху. В докладной записке от 26 февраля он испрашивал у царя «указаний, не будет ли благоугодно всемилостивейше разрешить мне прибыть для личного всеподданнейшего доклада очередных дел Министерства земледелия». Августейшая резолюция на этой бумаге гласила: «Приму Вас на днях в Царском Селе»[3]. В отличие от императора, лидеры оппозиции были осведомлены о результатах переговоров.

Уже вечером думские фракции знали, что «существуют колебания у правительства между диктатурой Протопопова и министерством якобы “доверия” с генералом Алексеевым во главе»[4]. Оппозиционеры были уверены, что правительство выполнит выдвинутые думцами требования. Вечером 26 февраля М.В. Родзянко предупредил несколько депутатов и членов сеньорен-конвента, что на следующее утро Дума «будет распущена царским указом». Назавтра М.В. Родзянко распорядился в 12 часов созвать Совет старейшин, а в 14.30 — частное совещание Думы[5].

---

[1] *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.—Дюссельдорф, 1993. С. 197. Э.Н. Бурджалов, игнорируя показания источников, утверждал, что Н.Н. Покровский и А.А. Риттих «отвергли предложение об образовании ответственного министерства», а потому «из их переговоров с думскими деятелями ничего не получилось» (*Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. С. 164).

[2] *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории... С. 158.

[3] Всеподданнейший доклад А.А. Риттиха 26 февраля 1917 г. // РГИА. Ф. 381 (Канцелярия министра земледелия). Оп. 46. Д. 205. Л. 122.

[4] *Философов Д.В.* Дневник // Звезда.1992. № 1. С. 197.

[5] *Милюков П.Н.* Первый день // Последние новости. 1927. 12 марта. № 2180.; В Государственной думе // Утро России. М., 1917. № 58 (27 февраля).

В тот же вечер министры снова собрались у Н.Д. Голицына. Н.Н. Покровский и А.А. Риттих изложили условия думцев и заявили о необходимости их выполнения. Оба министра считали, что «одновременно с роспуском Думы необходимо представить государю о настоятельности коренного изменения в Совете министров»[1]. Н.Н. Покровского и А.А. Риттиха поддержали два других члена прогрессивной группы — С.Г. Феодосьев и Э.Б. Войновский-Кригер.

На ход обсуждения вопроса о судьбе Думы лидер дуалистов никакого влияния не оказывал. Оттеняя данное обстоятельство, М.А. Беляев подчеркивал, что «не Протопопов здесь рассуждал»[2]. После продолжительных прений Н.Д. Голицын поставил на голосование два вопроса: о роспуске Думы и отставке кабинета. Вопрос о полном роспуске нижней палаты был «единогласно отвергнут»[3].

Ссылаясь на думцев, Н.Н. Покровский и А.А. Риттих предложили прервать занятия нижней палаты. Они заявили Н.Д. Голицыну, что, по мнению думцев, «нужно сделать перерыв, дабы страсти улеглись»[4]. Аргументируя в пользу перерыва думских занятий, Н.Н. Покровский и А.А. Риттих подчеркнули, что сами члены Думы признали — «их положение весьма тяжелое», поскольку они «находятся под давлением улицы» и «вокруг идет стрельба», а потому «никакая законодательная работа невозможна»[5]. «Это, — вспоминал Н.Д. Голицын, — заставило меня на несколько дней сделать перерыв, боясь роспуска»[6]. Проголосовав за перерыв занятий, министры были уверены, что выполнили пожелание, высказанное депутатами Думы, с которыми «говорили»[7]. Подобного мнения придерживался, прежде всего, Н.Н. Покровский, чье искреннее стремление к соглашению с оппозицией не подлежит никакому сомнению. Когда утром 27 февраля В.А. Маклаков позвонил из Думы Н.Н. Покровскому и, имея в виду перерыв ее занятий, спросил: «Что все это значит?», министр иностранных дел

---

[1] *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции... С. 159.

[2] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 238. Р.Ш. Ганелин полагал, что при решении вопроса об обновлении Совета министров А.Д. Протопопов «не рассуждал», потому что он и Н.А. Добровольский «просто хотели сорвать решение этого вопроса», для чего покинули заседание кабинета, желая, кроме того, поскорее распубликовать указ о перерыве думских занятий (*Ганелин Р.Ш.* Совет министров 26 февраля 1917 г. // История глазами историков. СПб.–Пушкин, 2002. С. 237, 239). Однако если бы они хотели «сорвать» обсуждение вопроса об обновлении правительства, то они не стали бы покидать его заседания, поскольку с их уходом шансы на отрицательное решение этого вопроса, обсуждение которого продолжалось, уменьшились настолько, что он мог быть решен только положительно, как, в конце концов, и случилось.

[3] Из дневника А.Д. Протопопова // Красный архив. Т. 10. М.–Л., 1925. С. 177.

[4] Допрос князя Н.Д. Голицына 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 264.

[5] Допрос И.Н. Лодыженского 19 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 170.

[6] Допрос князя Н.Д. Голицына 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 264.

[7] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 237. Неправ, поэтому, Г.М. Катков, который писал, что ответственность за перерыв думских занятий «целиком лежит на Голицыне и на Совете министров» (*Катков Г.М.* Февральская революция. С. 289). Если эта ответственность и лежит на них, то, по крайней мере, в той же степени, в какой она лежит и на думцах.

ответил: «Одно желание ваше исполнено, занятия Думы прерваны»[1]. Таким образом, перерыв занятий Думы не только не имел репрессивного подтекста, но и находился в полном соответствии с политикой Н.Д. Голицына, направленной на достижение компромисса правительства с Прогрессивным блоком.

О решении Совета министров относительно законодательных учреждений премьер известил императора телеграммой, посланной в 1.58 ночи 27 февраля. «Долгом поставляю всеподданнейше доложить Вашему императорскому величеству, — телеграфировал Н.Д. Голицын, — что в силу высочайше предоставленных Вашим величеством мне полномочий и согласно состоявшемуся сего числа заключению Совета министров занятия Государственного совета и Государственной думы прерваны с сего числа, и срок возобновления таковых занятий предуказан не позднее апреля текущего года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Соответственные указы, помеченные 25 февраля в Царской Ставке, будут распубликованы завтра 27 февраля»[2]. Оговорка о «чрезвычайных обстоятельствах» доказывала, что созыв Думы премьер, исходя из рекомендаций В.А. Маклакова, обусловил образованием нового правительства. В зависимости от хода дальнейших переговоров между министрами и думцами это могло произойти как в марте, так и в апреле.

То, что перерыв занятий Думы ни в коей мере не противоречил курсу Н.Д. Голицына на соглашение власти с оппозицией, выявилось и при обсуждении другого вопроса — о выходе в отставку его кабинета. Как и при обсуждении вопроса о Думе, тон задавала прогрессивная группа, не только вследствие своей сплоченности, но и из-за того, что А.Д. Протопопов и другой кабинетский дуалист, Н.А. Добровольский, уехали распечатывать указы о перерыве думских занятий. Н.Н. Покровский и С.Г. Феодосьев, полагая, что «события

---

[1] *Маклаков В.А.* Канун революции. С. 313. Практически все историки расценивали перерыв занятий Думы как меру, направленную против нее. «Совет министров, — отмечал Э.Н. Бурджалов, — решил распустить Думу и отложить вопрос об изменениях в составе правительства. Стараясь достигнуть соглашения с думскими лидерами, царские министры не хотели делать им никаких уступок». «Роспуск», по мнению Э.Н. Бурджалова, — «перчатка», которую Думе «бросило самодержавие» (*Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. С. 165, 226). Э.Н. Бурджалов не принял во внимание, что «роспуск» последовал по просьбе думцев, а потому, если использовать его терминологию, был не «перчаткой», а «уступкой», что доказывается ходом обсуждения в кабинете вопроса «об изменениях в составе правительства». Следуя за Э.Н. Бурджаловым, В.И. Старцев отмечал, что «когда на улицах была одержана "победа"», Совет министров «решил проявить твердость: условия Думы, переданные М.В. Родзянко и В.А. Маклаковым, были признаны неприемлемыми. Более того, было принято предложение князя Голицына объявить перерыв в работе Думы, по-прежнему видя (sic!) в ней главный очаг смуты» (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. С. 21). В действительности, несмотря на «победу», одержанную на улицах, Совет министров учел «условия Думы». Выполняя одно из этих условий, Н.Д. Голицын и предложил «объявить перерыв». Конечно, министры видели в Думе «очаг смуты», но, подразумевая своих левых коллег, такое же мнение разделяли и умеренные думцы. Еще дальше от истины, чем Э.Н. Бурджалов и В.И. Старцев, Р. Пайпс, утверждавший, что занятия Думы «повелел отложить» император (*Пайпс Р.* Русская революция. С. 310). Р.Ш. Ганелин оспорил наше мнение, что решение о перерыве занятий Думы «не означало перехода к репрессиям по отношению к народному представительству» (*Ганелин Р.Ш.* Совет министров 26 февраля 1917 г.. С. 236). Между тем, источники, найденные и впервые использованные Р.Ш. Ганелиным, дают основания для того, чтобы оспорить его мнение.

[2] Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 7, 8. Г.М. Катков ошибочно утверждал, что сессия Думы «была по высочайшему распоряжению отложена до 27 февраля» (*Катков Г.М.* Февральская революция. С. 401).

можно разрядить лишь введением в России строго-конституционного строя с ответственными министерствами», заявили, что «для успокоения народа кабинет должен, прежде всего, подать в отставку»[1].

М.А. Беляев и П.Л. Барк заняли более умеренную позицию. Они считали, что последнее слово по вопросу об образовании нового кабинета должно принадлежать не Совету министров, а императору[2]. К мнению прогрессивной группы присоединился Н.Д. Голицын. После обсуждения вопроса о новом кабинете министры постановили «настоятельно просить» императора о назначении правительства во главе «с лицом, заслуживающим общего доверия». Таковым они считали М.В. Алексеева[3]. Появление кандидатуры начальника штаба доказывало, что и в данном случае, как и относительно перерыва занятий Думы, министры учли мнение В.А. Маклакова. Наряду с кандидатурой М.В. Алексеева рассматривалась кандидатура Н.В. Рузского. «За исключением господина Протопопова, — передавая свои впечатления от заседания 26 февраля, говорил на следующий день Ж.М. Палеологу Н.Н. Покровский, — мои коллеги и я полагали, что необходимо безотлагательно установить диктатуру, которую следовало бы вверить генералу, пользующемуся некоторым престижем в глазах армии, например генералу Рузскому»[4].

Готовность кабинета выйти в отставку показательна тем более, что благодаря применению войсками оружия власть одержала победу на улицах Петрограда. Выступая за введение парламентаризма, члены прогрессивной группы, как и в августе 1915 г., связали вопрос о перерыве занятий Думы с вопросом о формировании нового кабинета. Но министры не могли уйти в отставку явочным порядком, без формального повеления царя. Поэтому дальнейшее разрешение этого вопроса они отложили до очередного заседания, назначенного на вторник, 28 февраля[5]. Некоторые министры полагали, что около этого времени Николай вернется в Царское Село[6]. Было также известно, что царь уехал в Ставку, чтобы вернуться 1 марта, т.е. в среду[7]. Поэтому министры и надеялись, что обновление кабинета, в крайнем случае, произойдет именно тогда. Ранним утром 27 февраля Н.Н. Покровский протелефонировал В.А. Маклакову, что по вопросу о своей отставке кабинет будет «иметь суждение в среду»[8].

---

[1] Последние дни Совета министров // Русская воля. 1917. 18 марта. № 23.

[2] Р.Ш. Ганелин утверждал, что позиция П.Л. Барка и М.А. Беляева противоречила позиции «сторонников изменений в составе кабинета» (*Ганелин Р.Ш.* Совет министров 26 февраля 1917 г. С. 239). Представляется, однако, что П.Л. Барк и М.А. Беляев, будучи также «сторонниками изменений», выступали только против решения данного вопроса без участия царя.

[3] *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции // *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 91.

[4] *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 240.

[5] *Миронов М.* Последние заседания...

[6] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 241.

[7] *Блок А.А.* Последние дни императорской власти // *Блок А.А.* Собрание сочинений в 8 тт. Т. 6. М.–Л., 1962. С. 222.

[8] *Маклаков В.А.* Канун революции. С. 313.

Результатом обсуждения правительством вопроса о его добровольном уходе стала телеграмма об отставке всего кабинета, переданная царю по поручению Н.Д. Голицына в ночь с 26 на 27 февраля М.А. Беляевым. Оригинал этой телеграммы генерал уничтожил[1]. Вероятно, поэтому обнаружить ее до сих пор не удалось. Однако то, что она существовала, доказывается целым рядом фактов. Имея в виду именно ее, Н.Н. Покровский говорил Ж.М. Палеологу, что министры отправили императору телеграмму, в которой умоляли его «немедленно вернуться»[2]. В телеграмме премьера о перерыве думских занятий подобной просьбы нет. Очевидно, что Н.Н. Покровский имел в виду именно вторую телеграмму.

То, что телеграмма была отправлена, доказывается тем, как вел себя Н.Д. Голицын на следующий день. Когда рано утром 27 февраля М.В. Родзянко дозвонился до Н.Д. Голицына, последний заявил: «Я больше не министр, я подал в отставку»[3]. Затем, около 13.00, глава правительства снова телефонировал председателю Думы «о подаче им в отставку»[4]. Не позднее 15.00 Н.Д. Голицын в очередной раз уведомил М.В. Родзянко по телефону, что «им подано прошение об отставке» и его примеру последовали «все члены правительства»[5]. Во второй половине дня председатель Думы сообщил депутатам, что ему звонил премьер, который заявил: «Мы уходим и поручаем все Государственной думе»[6]. Вечером в Новом клубе стало известно, что «почти все министры подали в отставку, за исключением Протопопова и Беляева»[7]. Прошение о коллективной отставке его кабинета Н.Д. Голицын не мог подать императору физически, поскольку тот находился в Могилеве. Очевидно, что, сообщая об отставке, премьер имел в виду именно посылку телеграммы об этом.

В 4.20 утра 27 февраля в Ставку ушла еще одна телеграмма — от А.Д. Протопопова, который сообщил В.Н. Воейкову о событиях предыдущего дня. В противоречии с решением совещания 24 февраля о передаче продовольственного обеспечения столицы петроградскому самоуправлению, А.Д. Протопопов, согласно телеграмме, поручил это обеспечение чиновнику своего ведомства — заведующему продовольственным делом в Империи В.В. Ковалевскому[8]. Если министр внутренних дел накануне конца старого порядка был непримирим, то остальные министры в течение 27 февраля

---

[1] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 237, 241.

[2] *Палеолог Ж.М.* Царская Россия... С. 240.

[3] *Садыков В.Н.* Последний председатель Государственной думы // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 11.

[4] События в Петрограде. Известия 27 февраля. Отставка князя Голицына // Русские ведомости. 1017. 2 марта; Великие дни российской революции 1917 г. Февраль: 27 и 28-го. Март: 1, 2, 3 и 4-го. Пг., 1917. С. 3.

[5] «Протокол событий» Февральской революции... // Февральская революция 1917 г. ... С. 113; *Родзянко М.В.* Государственная дума... С. 58.

[6] Первые вести. 27 февраля // Поволжский вестник (Кострома). № 3092. 1917. С. 2.

[7] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция // Клио. № 20. СПб., 2003. С. 180.

[8] *Блок А.А.* Указ. соч. С. 235. Текст телеграммы см.: *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 2-х тт. М., 1992. С. 118, 119.

приложили последние усилия, направленные к установлению компромисса между правительством и Прогрессивным блоком. В этот день «власть сама себе не сочувствовала» и «не было, в сущности, ни одного министра, который верил бы в себя и в то, что он делает»[1].

Около 8.30 М.А. Беляев созвонился с Н.Д. Голицыным и сообщил ему о начавшемся восстании Волынского полка. Генерал поинтересовался у премьера, «не находит ли он необходимым сейчас же обсудить, какие меры можно принять в дальнейшем»[2]. Князь решил созвать экстренное заседание правительства, по-прежнему надеясь на достижение соглашения между кабинетом и Думой. После 12.00 М.А. Беляев, явно по поручению премьера, позвонил М.В. Родзянко, который в это время вместе с А.И. Гучковым находился у себя в кабинете в Таврическом дворце. Генерал предложил председателю Думы «во имя общегосударственных интересов действовать совместно». М.В. Родзянко ответил: «Какая же совместная деятельность, когда вы распустили Государственную думу; отныне у нас не может быть общего языка»[3]. Тогда М.А. Беляев предложил М.В. Родзянко «сформировать кабинет», но тот ответил: «Поздно»[4]. В данном случае председатель Думы явил редкостное двуличие.

М.В. Родзянко не мог не знать о том, что за перерыв думских занятий депутаты (прежде всего — В.А. Маклаков, Н.В. Савич и П.Н. Балашев) несли, по меньшей мере, такую же ответственность, как и министры. Ответ М.В. Родзянко обусловило стремление к сохранению своей репутации путем дистанцирования от акции, которую возбужденное общественное сознание квалифицировало как репрессивную. Около 14 часов Дума взяла под свою защиту пришедшую к ней толпу восставших солдат и рабочих. Тем самым нижняя палата и ее председатель, независимо от своего желания, встали во главе революции. Естественно, что с этого момента М.В. Родзянко предпочел забыть о прикосновенности к перерыву занятий его коллег. Если оппозиционеры действовали совместно с революционерами, не желая соглашения с кабинетом Н.Д. Голицына, то он по-прежнему надеялся на достижение компромисса с оппозицией.

Приблизительно в 13.00 на квартире князя началось очередное частное заседание правительства, которое Н.Д. Голицын запланировал утром. На этом заседании член прогрессивной группы П.Л. Барк, ориентируясь на мнение Думы, потребовал немедленной отставки А.Д. Протопопова[5].

---

[1] *Шульгин В.В.* Дни. С. 173.

[2] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 239.

[3] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории. 2000. № 5. С. 30. Ответ М.В. Родзянко М.А. Беляеву противоречит выводу Р.Ш. Ганелина о том, что от заключения «соглашения между Думой и правительством» «уклонилось» именно оно (*Ганелин Р.Ш.* Совет министров 26 февраля 1917 г... С. 239).

[4] *Философов Д.В.* Дневник. С. 198.

[5] *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // Отечественная история. 1992. № 5. С. 159. Вопреки данным источников, Г.З. Иоффе писал, что после 26 февраля Совет министров «уже не собирался» (*Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 37).

Между 14 и 15 часами в заседании принимал участие генерал С.С. Хабалов, вызванный для осведомления о развернувшихся событиях. На министров он произвел «тяжелое впечатление»[1]. После отъезда С.С. Хабалова премьер заявил, что нельзя оставлять командование войсками в руках «растерявшегося генерала»[2]. Совет министров поручил М.А. Беляеву назначить С.С. Хабалову помощника, а для этого съездить в его штаб, размещавшийся в здании Петроградского градоначальства. Кроме того, правительство решило ввести в столице осадное положение. Необходимость этого члены кабинета мотивировали тем, что при осадном положении «не может заседать Исполнительная комиссия Государственной думы», т.е. формировавшийся в ней как раз в эти часы Временный комитет[3]. Вводя осадное положение, кабинет хотел избегнуть полного роспуска Думы и дать возможность ее лояльной части отмежеваться от вовлечения нижней палаты в антиправительственное движение.

Новое заседание правительства министры наметили провести в Мариинском дворце, где они собрались около 15.00. Во время заседания премьер, не имея формальных полномочий от императора, приступил к реорганизации кабинета, начав с А.Д. Протопопова. Н.Д. Голицын указал, что «хотя устранение министра не входит в компетенцию Совета министров, но он идет на это превышение власти, не считая возможным далее оставаться в кабинете вместе с господином Протопоповым»[4]. П.Л. Барк заметил, что «ждать ответа царя времени не имеется», и предложил предоставить князю «нужные права»

---

[1] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 239.

[2] Показания А.Д. Протопопова // Падение царского режима... Т. 4. М.–Л., 1925. С. 99. Ссылаясь на показания А.Д. Протопопова, В.С. Дякин писал, что С.С. Хабалов был на заседании 26 февраля. Однако В.С. Дякин, как и А.Г. Слонимский, не учел того, что А.Д. Протопопов ошибался в датировке февральских событий. Поэтому В.С. Дякин утверждал, что именно 26, а не 27 февраля Н.Д. Голицын предложил М.А. Беляеву «лично заняться организацией карательных операций, считая невозможным оставлять командование в руках одного растерявшегося Хабалова» (*Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм... С. 324, 325).

[3] Допрос генерала С.С. Хабалова 22 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. Л., 1924. С. 207. Г.З. Иоффе неверно указывал, что 27 февраля правительство ввело в Петрограде «военное положение» (*Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984. С. 78). Об образовании Временного комитета и его деятельности см.: *Лян-дрес С.* 1) Протокольная запись частного совещания членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. как источник по истории парламентаризма в России // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной думы. Сб. науч. ст. Ч. 2. СПб., 1996; 2) On the Problem of «Indecisiveness» among the Duma Leaders during the February Revolution: The Imperial Decree of Prorogation and Decision to Convene the Private Meeting of February 27, 1917 // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 24. Nos. 1–2. Idyllwild, 1999; *Николаев А.Б.* 1) Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль — март 1917 г.) // Революция 1917 г. Сб. науч. ст. СПб., 1995; 2) Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль — март 1917 г.) // Из глубины времен. Вып. 5. СПб., 1995; 3) Источники по истории института комиссаров Временного комитета Государственной думы в марте 1917 г. // Исследования источников по истории революции 1917 г. Сб. науч. ст. СПб., 1996; 4) Думское участие в механизме функционирования временной власти: 27 февраля — 3 марта 1917 г. // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 24. Nos. 1–2. Idyllwild, 1999; 5) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* К вопросу об организации власти в феврале — марте 1917 г. // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

[4] *Миронов М.* Последние задания...

по решению Совета министров[1]. Получив от кабинета необходимые полномочия, премьер тут же предложил А.Д. Протопопову удалиться.

Вернувшийся из градоначальства М.А. Беляев рекомендовал на пост министра внутренних дел начальника Главного военно-судного управления Военного министерства генерала А.С. Макаренко, популярного у Думы. А.С. Макаренко характеризовался Н.В. Савичем как «человек гибкий»[2].

В конце заседания П.Л. Барком и Н.Н. Покровским была составлена и отредактирована телеграмма Н.Д. Голицына царю. Она сообщала о необходимости назначения нового командующего Петроградским военным округом, а, главное, о том, что правительство «предлагает себя распустить, назначить председателем Совета министров лицо, пользующееся общим доверием, и составить ответственное министерство»[3]. Приблизительно в 18.00 премьер поручил управляющему делами Совета министров И.Н. Лодыженскому послать эту телеграмму в Ставку.

Около 19.00, М.А. Беляев доложил Н.Д. Голицыну о невозможности назначения А.С. Макаренко. Он отказался от портфеля министра внутренних дел под предлогом того, что появление на этом посту начальника Главного военно-судного управления вызовет еще большее общественное беспокойство, породив подозрения, что цель нового министра — проведение репрессий. В итоге Н.Д. Голицын решил до возвращения царя министра внутренних дел не назначать. По распоряжению премьера в типографии Адмиралтейства было напечатано объявление о болезни А.Д. Протопопова. «Вследствие болезни министра внутренних дел действительного статского советника Протопопова, — гласило объявление, — вступить его товарищам по принадлежности. Председатель Совета министров князь Голицын. 27 февраля 1917 г.»[4]

Последней политической акцией, в которой Н.Д. Голицын участвовал в качестве премьера, стали проходившие в Мариинском дворце переговоры М.В. Родзянко, Н.В. Некрасова, И.И. Дмитрюкова и Н.В. Савича с великим князем Михаилом Александровичем. Около 20.00 князь Н.Д. Голицын, вызванный Михаилом Александровичем, принял великого князя и М.В. Родзянко, в присутствии М.А. Беляева и С.Е. Крыжановского, в своем кабинете. М.В. Родзянко потребовал от премьера выхода в отставку для передачи власти

---

[1] Показания А.Д. Протопопова // Падение царского режима... Т. 4. Л., 1925. С. 101.

[2] *Савич Н.В.* Воспоминания. С. 97.

[3] Допрос князя Н.Д. Голицына 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 26[7]; *Блок А.А.* Последние дни императорской власти. С. 240.

[4] *Акаемов Н.Ф.* Агония старого режима... // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. XXVII. «Не посмев все же без согласия Николая уволить Протопопова, — констатировал В.С. Дякин, — Совет министров решил объявить о его болезни» (*Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм. С. 329). В.С. Дякин, однако, не уточнил, что это произошло только после того, как сорвалась комбинация с А.С. Макаренко. По мнению Г.З. Иоффе, А.Д. Протопопов «был уволен в отставку "по болезни"» (*Иоффе Г.З.* «Верх» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984. С. 78). На самом деле формально А.Д. Протопопов не увольнялся.

[5] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 242.

Временному комитету Думы. Н.Д. Голицын ответил, что «им лично подано уже прошение об отставке». Но до ее получения он «не считает себя вправе передать кому-либо принадлежащую ему власть»[1]. Отказываясь от самоустранения, Н.Д. Голицын исходил из того, что «нельзя самовольно уходить» — ведь он был назначен царем «помимо своей воли». В то же время премьер, совместно с председателем Думы, просил великого князя принять на себя временное регентство «хотя бы с превышением власти», чтобы великий князь «сейчас же всех уволил и назначил новый Совет министров»[2]. Под влиянием такой просьбы Михаил Александрович стал обсуждать с Н.Д. Голицыным и другими участниками совещания текст своей телеграммы брату о необходимости немедленной отставки Совета министров.

После составления телеграммы великий князь и М.А. Беляев покинули Мариинский дворец и уехали в дом военного министра, соединенный прямым проводом со Ставкой, намереваясь отправить эту телеграмму царю. Тем временем, в 21.00, началось последнее заседание царского правительства, закончившееся в полночь, когда министры узнали содержание телеграммы Николая. Она была послана в ответ на телеграмму Н.Д. Голицына, отправленную в 18.00, и содержала отказ императора от немедленного обновления кабинета.

Почти сразу после ухода министров Мариинский дворец оказался занятым революционерами. «Мятежники заняли Мариинский дворец», — сообщил М.А. Беляев В.Н. Воейкову 28 февраля в 1.55[3]. Н.Н. Покровский и Э.Б. Войновский-Кригер вовремя уйти не успели, а потому до 5 утра скрывались в одном из служебных коридоров дворца, после чего благополучно его покинули[4].

Хотя 28 февраля царского правительства фактически не существовало, а Петроград находился во власти мятежников, некоторые министры проявили редкостное самообладание, продолжая и в этот день выполнять свои служебные обязанности. Так, М.А. Беляев исправно информировал Ставку и В.Н. Воейкова о происходящем в столице[5]. Ночь с 28 на 1 марта М.А. Беляев «совершенно спокойно» провел на своей служебной квартире. Там он «по обыкновению занимался, в половине второго пошел спать и проснулся, как

---

[1] «Протокол событий» Февральской революции... // Февральская революция 1917 г. ... С. 116.

[2] Допрос князя Н.Д. Голицына 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 266, 267. Согласно Г.З. Иоффе, переговоры М.В. Родзянко с Н.Д. Голицыным произошли «еще днем 27 февраля (сразу после "частного совещания"), но Голицын, руководствуясь указаниями из Ставки, отклонил предложение» (*Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России. С. 79). Переговоры в Мариинском дворце, писал Г.З. Иоффе позднее, дословно повторяя свою точку зрения, произошли «днем 27 февраля (сразу после "частного совещания" Думы), но Голицын, руководствуясь указаниями из Ставки, отклонил предложение» (*Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 52). В действительности, как видно из источников, переговоры состоялись не днем, а вечером. На поведение Н.Д. Голицына во время переговоров «указания Ставки» никакого влияния не оказывали, поскольку они дошли до премьера только после того, как переговоры закончились.

[3] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 16.

[4] *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. С. 92.

[5] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М. Л., 1927. С. 20, 27.

всегда, около 7 часов»[1]. Э.Б. Войновский-Кригер, несмотря на бессонную ночь, утром 28 февраля решил идти в МПС, где успел принять телефонный доклад от председателя Московского порайонного комитета[2]. Пытался выполнять свои служебные обязанности и министр иностранных дел. Сообщив Ж.М. Палеологу и Д. Бьюкенену, навестивших его в МИДе 28 февраля, о последних событиях, Н.Н. Покровский флегматично заметил: «И теперь я жду своей участи»[3]. В течение всей революции морской министр И.К. Григорович безвыездно «сидел» в Морском министерстве[4].

Будучи свидетелями крушения старого порядка, министры, как правило, сохраняли верность присяге, избегая сотрудничества с новой властью, а тем более — заискивания перед нею. Это было характерно даже для парламентаристов. Когда около полудня 28 февраля комиссар Временного комитета Думы по Министерству путей сообщения А.А. Бубликов предложил Э.Б. Войновскому-Кригеру поехать в Думу и «заявить покорность новой власти», то последний ответил, что, «пока существует на престоле государь», сделать этого он не может[5]. Во избежание контакта с революционерами, Н.Н. Покровский сложил с себя функции министра иностранных дел утром 2 марта, передав управление Министерством иностранных дел своему заместителю по должности министра — А.А. Нератову[6]. Только И.К. Григорович оказал явное содействие новой власти. Помогая А.И. Гучкову, как морскому министру, найти себе ближайшего сотрудника, И.К. Григорович указал на контр-адмирала М.А. Кедрова. Именно он и был назначен помощником А.И. Гучкова 5 марта[7].

Отношение к министрам новой власти напрямую зависело от их общественной репутации. Члены прогрессивной группы либо не арестовывались, либо вскоре после ареста освобождались. Н.Н. Покровского, пользовавшегося общественным доверием, «вовсе не трогали»[8]. «Не трогали» и И.К. Григоровича[9]. На казенной квартире Н.Н. Покровского скрывался А.А. Риттих, хотя он и «не успел навлечь на себя народного гнева»[10]. Около полудня 28 февраля, после отказа Э.Б. Войновского-Кригера официально признать новую власть, А.А. Бубликов, указав на то, что в таком случае он должен лишить собеседника свободы, предложил ему выбрать место ареста — министерская квартира или Дума. Э.Б. Войновский-Кригер выбрал первое. Затем, уже 2 марта,

---

[1] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 225.

[2] *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера... С. 93, 94.

[3] *Палеолог Ж.М.* Царская Россия... С. 243.

[4] А.И. Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 204.

[5] *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера... С. 94.

[6] *Палеолог Ж.М.* Царская Россия... С. 252.

[7] А.И. Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 204; *Куликов С.В.* Временное правительство: кадровые перестановки (март — октябрь 1917) // Из глубины времен. Вып. 7. СПб., 1996. С. 33.

[8] *Лопухин В.Б.* Люди и политика (кон. XIX – нач. XX в.) // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 121.

[9] А.И. Гучков рассказывает... С. 204.

[10] *Лопухин В.Б.* Люди и политика... С. 121.

Э.Б. Войновского-Кригера привезли в Таврический дворец, откуда его освободил Н.Н. Львов[1]. Доставленные в Таврический дворец 2 марта П.Л. Барк и В.Н. Шаховской были освобождены уже пятого[2].

Единственным членом прогрессивной группы, серьезно потерпевшим от новой власти, оказался умеренный парламентарист М.А. Беляев. Он был арестован 1 марта и заключен в Петропавловскую крепость[3]. Подобное отношение к бывшему военному министру объяснялось его активным участием в подавлении уличных беспорядков 27 февраля.

Случайная прикосновенность к февральским событиям отразилась и на судьбе умеренного дуалиста Н.Д. Голицына. Покинув Мариинский дворец, он «скрывался», а затем пришел к себе на квартиру, находившуюся на Конногвардейском бульваре, и написал М.В. Родзянко, что предоставляет себя в его распоряжение. Хотя это письмо было отправлено уже 1 марта, никакого ответа бывший премьер не получил и целых два дня «спокойно жил» у себя на квартире, вплоть до 3 марта, когда и подвергся аресту[4]. На следующий день Н.Д. Голицына доставили в Таврический дворец, а 5 марта перевезли в Петропавловскую крепость[5].

Остальные дуалисты также не избегли арестов. Ночь с 27 на 28 февраля А.Д. Протопопов провел в доме государственного контролера, в кабинете его товарища А.И. Маликова, а на следующий день, 28 февраля, добровольно явился в Таврический дворец, где и был арестован[6]. В этот же день в Думу доставили Г.Е. Рейна и Н.А. Добровольского, а 3 марта — Н.К. Кульчицкого. Последним арестовали министра Двора графа В.Б. Фредерикса, находившегося с Николаем в Ставке и привезенного в Таврический дворец 9 марта[7].

Итак, в борьбе с революцией царское правительство потерпело полное поражение. Но перед тем как уйти с политической арены, оно сделало все возможное, чтобы максимально облегчить появление на ней новой власти, родившейся в недрах Прогрессивного блока. В том, что данное утверждение лишено какой бы то ни было иронии, состоит, пожалуй, самый большой парадокс Февральского переворота.

С.В. Куликов

---

[1] *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера... С. 94, 95.

[2] *Перетц Г.Г.* В цитадели русской революции. СПб., 1997. С. 62, 86.

[3] Допрос генерала М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 225, 226.

[4] Допрос князя Н.Д. Голицына 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 2. М.–Л., 1925. С. 250.

[5] *Перетц Г.Г.* Указ. соч. С. 86.

[6] Из дневника А.Д. Протопопова // Красный архив. Т. 10. М.–Л., 1925. С. 179, 180.

[7] *Перетц Г.Г.* Указ. соч. С. 37, 46, 92.

ГЛАВА IV

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: 27 ФЕВРАЛЯ – 3 МАРТА 1917 ГОДА

Ключевую роль в организации свержения самодержавной власти и создании новой сыграла Государственная дума. Разумеется, об этом уже существует весьма обширная литература.

Историография темы ведет свое начало от целой серии брошюр преимущественно публицистического характера, вышедших уже в 1917 г. Среди наиболее плодовитых авторов был И.С. Лукаш, который публиковал свои произведения на страницах газет[1] и издавал отдельными брошюрами[2]. Интересный фактологический материал содержится в работах Т.А. Богданович[3], А.А. Кизеветтера[4], Э.К. Пименовой[5], А.М. Шуберта[6] и др. Можно утверждать, что отличительной чертой этих работ было стремление показать Государственную думу центром революции и подчеркнуть ее руководящую роль.

Появлялись также работы, авторы которых придерживались левых. социалистических взглядов, и в силу своих партийных пристрастий они давали иную трактовку событий, отводя главное место в революции Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов[7].

В первые годы советской власти история Февральской революции рассматривалась преимущественно в научно-популярных работах, написанных. как правило, участниками революции при опоре на сохранившиеся собственные воспоминания. Среди первых историков Февральской революции были Р. Арский[8], В. Быстрянский[9] и К.П. Новицкий[10]. Конечно, работы этих авторов

---

[1] *Лукаш И.* Преображенцы // Современное слово. 1917. 1 апреля.

[2] *Лукаш И.* 1) Волынцы. Пг., 1917; 2) Восстание в Преображенском полку. Очерк. Изд. 1-е. Пг., 1917; 3) Герои Российской Революции. Пг., 1917; 4) Ночь на 28 февраля в Зимнем дворце. "Как в ненасытные дни собирались они". Очерк. Пг., 1917; *Он же.* Павловцы. Пг., 1917.

[3] *Богданович Т.* Великие дни революции. 23 февраля–12 марта 1917 г. Пг., 1917.

[4] А.А. Кизеветтер писал, что Государственная дума стала «опорной точкой для революционного переворота» (*Кизеветтер А.А.* П.Н. Милюков. М., 1917. С. 29).

[5] *Пименова Э.К.* Дни великого переворота в России. Очерки великой русской революции (с иллюстрациями). Пг., 1917.

[6] *Шуберт А.М.* Великие дни (Революция 1917 года в Петрограде и Москве). Изд-е второе. М., 1917.

[7] *Львов-Рогачевский В.Л.* Предисловие / Социалисты о текущем моменте. Материалы Великой Революции 1917 г. Собрал и предисловием снабдил В.Л. Львов-Рогачевский. М., 1917. С. III,V.

[8] *Арский Р.* Пути Русской Революции. (28 февр[аля] 1917 г. – 28 февр[аля]1918 г.). Пб., 1918.

[9] *Быстрянский В.* Революция буржуазная и революция пролетарская. Пб., 1920.

[10] *Новицкий К.П. (Петровин К.).* Год революции (1917 г. – Февраль. – 1918 г.). Краткий очерк развития Великой русской революции. М., 1918.

носили еще описательный характер. Но эта «описательность» не мешала им давать собственную картину происходивших событий в дни Февраля 1917 г. Причем одни авторы вообще ничего не говорили об участии Государственной думы в Февральской революции[1]. Другие же называли IV Думу (наряду с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов) центром движения[2].

В начале 1930-х годов ситуация в исторической науке стала резко ухудшаться. По справедливому замечанию В.С. Дякина, в это время «возможности научной дискуссии по неисследованным историко-революционным проблемам сужаются и постепенно исчезают вообще»[3]. Первым шагом к этому стало опубликование в 1931 г. письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция»[4]. Переломным же моментом, от которого можно вести появление общеобязательной концепции истории 1917 г., стал выход в 1935 г. 1-го тома «Истории гражданской войны в СССР»[5], в состав Главной редакции которой вошел И.В. Сталин. А.И. Аларторцева писала, что И.В. Сталин «тщательно следил» за подготовкой «Истории гражданской войны»[6]. Но значение участия Сталина в Главной редакции состояло не в конкретной редакторской работе, а в тех политико-идеологических выводах, которые следовали из самого этого факта. И.И. Минц подчеркнул в связи с этим: «Самое основное в работе над I томом “Истории гражданской войны”, что поднимает на новую теоретическую высоту проблему Великой пролетарской революции, что вооружает всех членов партии новыми принципиальными установками по ряду коренных вопросов революции, что предъявляет новые требования к политической бдительности, — это редактирование книги Главной редакцией при ближайшем участии М. Горького и И. Сталина»[7]. С. Евгенов, ссылаясь на исключительную «по своему характеру и содержанию» редакторскую работу Главной редакции «при ближайшем участии М. Горького и товарища Сталина», пришел к выводу, что это сделало «I том образцовым научным трудом, по которому должны будут учиться работать, равняться все работники теоретического фронта»[8]. Е.П. Кривошеина в рецензии на массовое удешевленное издание I тома «Истории гражданской войны» утверждала, что эта «книга является величайшим образцом того, как нужно писать историю»[9].

---

[1] *Арский Р.* Пути Русской Революции...; *Быстрянский В.* Революция буржуазная и революция пролетарская...

[2] *Новицкий К.П. (Петровин К.).* Год революции... С.10,12.

[3] *Дякин В.С.* Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917» // Нестор № 3 (2000. № 3). Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография / Ред. номера И.В. Лукоянов. СПб., 2005. С. 319.

[4] Пролетарская революция. 1931. № 6. С. 3–12.

[5] *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917) / Отв. ред. У.А. Шустер. Л., 1967. С.10.

[6] *Аларторцева А.И.* Советская историческая наука на переломе 20–30-х годов // История и сталинизм / Сост. А.Н. Мерцалов. М., 1991. С.281.

[7] *Минц И.* Подготовка Великой пролетарской революции (к выходу в свет первого тома «Истории гражданской войны в СССР») // Борьба классов. 1935. № 12. С.38.

[8] *Евгенов С.* История гражданской войны в СССР // Книга и пролетарская революция. М., 1936. № 1. С. 23.

[9] *Кривошеина Е.* История гражданской войны в СССР. Т. 1. «Подготовка Великой пролетарской революции» // Там же. 1937. № 2. С. 135.

В основу «Истории гражданской войны» были положены документальные публикации, архивные документы, опубликованные и неопубликованные воспоминания, в том числе и членов Государственной думы, а также материалы периодической печати 1917 года. В этом труде утверждалась мысль о гегемонии пролетариата и руководящей роли партии большевиков в Февральской революции. Авторы «Истории гражданской войны» разъясняли: «Рабочие демонстрации подготовляли и развязывали солдатский бунт в те дни, когда войска еще повиновались царским властям. Без политического руководства рабочих не было бы и массового солдатского восстания. Не случайно волынцы и литовцы двинулись не в центр и не в Думу, а в Выборгский рабочий район. Но как выступление рабочих, так и возмущение солдат уже давно готовилось настойчивой и самоотверженной работой партии большевиков»[1]. Иначе говоря, указывалось, что не Государственная дума была руководителем движения, а партия большевиков и это, в частности, основывалось на показе движения восставших не к зданию Государственной думы, а на Выборгскую сторону. Хотя, «спрятать» толпы восставших солдат и рабочих, пришедших к Таврическому дворцу, авторам «Истории гражданской войны» не удалось: «Вооруженная толпа шла к Таврическому дворцу. В Думе заседал совет старейшин <...> Восставший народ запрудил все прилегающие к Таврическому дворцу улицы. Огромные толпы заняли двор. Вооруженные солдаты и рабочие заполнили дворец»[2]. Какого-либо объяснения этому движению восставших к зданию Государственной думы авторы не дали.

Выясняя функциональные обязанности Временного комитета Государственной думы, авторы «Истории гражданской войны» указывали, что сначала он «не считал себя властью ни перед умирающим самодержавием, ни перед восставшим народом», т.к. «был избран для "водворения порядка" и деятельно занялся этим». Затем, «поздно ночью» 27 февраля ВКГД взял власть в свои руки, а 28 февраля назначил комиссаров Думы в министерства[3]. Хотя власть думского Комитета «была очень призрачной». Противопоставляя думскому Комитету Петроградский совет рабочих депутатов, авторы ИГВ писали, что он «превращался во власть», «обладал силой», «был своего рода правительством»[4].

Рассматривая деятельность думского Комитета в решении военного вопроса, авторы 1-го тома ИГВ привели сведения о создании им Военной комиссии 27 февраля, «еще до взятия власти». В Военную комиссию ВКГД "было введено несколько офицеров и генералов", а задача ее состояла в том, чтобы "сохранить за офицерством руководство солдатскими массами". Результативность деятельности ВК ВКГД оказалась невысокой, т.к. "движение внизу <...>

---

[1] История гражданской войны в СССР / Под ред. И. Сталина и др. Сост. тома: И.И. Минц и др. М., 1937. Т. 1. С. 67.

[2] Там же. С. 70.

[3] Там же. С. 76.

[4] Там же. С. 77– 79.

пошло мимо комиссии"[1]. Подчеркнем, что в этом историческом труде ничего не говорится о советском участии в деятельности Военной комиссии. Но достаточно подробно рассказывалось о переговорах думских лидеров с делегацией исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по вопросу о создании Временного правительства[2].

«Краткий курс "Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)"» уделил некоторое внимание событиям Февральской революции. В нем проводилась мысль о том, что «гегемония пролетариата обусловила успех революции», а большевики руководили непосредственной «борьбой масс на улицах». В свою очередь «соглашательские партии, меньшевики и эсеры захватывали депутатские места в Советах, образуя в них большинство». Это положение на долгое время закрепило в советской историографии тезис о руководящей роли партии большевиков в Февральской революции. По утверждению авторов «Краткого курса», «эсеры и меньшевики считали, что революция уже закончилась, и теперь задача состоит в том, чтобы закрепить ее и перейти на рельсы "нормального", конституционного существования совместно с буржуазией». Именно поэтому «эсеро-меньшевистское руководство Петроградского совета приняло все зависящие от него меры, чтобы замять вопрос о ликвидации войны, вопрос о мире и передать власть буржуазии». Следуя логике «Краткого курса», получалось, что эсеро-меньшевики сделали это дважды, т.е. дважды передали власть в руки буржуазии: сначала в руки ВКГД, а затем и Временного правительства. Приведем этот крайне любопытный и важный для понимания дальнейшего развития советской исторической науки пассаж: «27 февраля (12 марта) 1917 года либеральные депутаты Государственной думы по закулисному уговору с эсеро-меньшевистскими лидерами образовали Временный комитет Государственной думы во главе с председателем IV Думы, помещиком и монархистом Родзянко. А через несколько дней после этого Временный комитет Государственной думы и эсеро-меньшевистские лидеры исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов втайне от большевиков договорились о сформировании нового правительства России, — буржуазного Временного правительства во главе с князем Львовым, которого еще до февральского переворота царь Николай II намечал в премьер-министры своего правительства»[3]. Здесь речь шла не только о передаче власти в руки буржуазии, но и решались другие вопросы истории Февральской революции. Получалось, что Совет рабочих депутатов был создан раньше, чем Временный комитет Государственной думы. Да и сам думский Комитет возник лишь благодаря сговору («уговору») либеральных депутатов Государственной думы и эсеро-меньшевистских лидеров Совета. Причем этот «уговор» был реализован тогда, когда революция уже победила. Таким ловким образом Государственная дума была выкинута из

---

[1] История гражданской войны в СССР... С. 77.

[2] Там же. С. 81, 82.

[3] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП (б). Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год. [М.,] 1938. С. 170, 171.

истории Февральской революции как ее активный участник, она оказалась на вторых ролях как инструмент соглашательской политики лидеров эсеро-меньшевиков в вопросе о власти (о передачи власти буржуазии) и не более.

Можно утверждать, что «История гражданской войны» и «Краткий курс» дали историкам идеологические и фактологические ориентиры в освещении истории Февральской революции, отход от которых грозил различными организационными выводами. О.Н. Знаменский и В.И. Старцев заметили: «"Краткий курс" не заставил современную ему литературу сделать шаг назад, но он затруднил литературе 40-х и начала 50-х годов сделать шаг вперед»[1]. Соглашаясь с этим утверждением, вместе с тем подчеркнем, что и в «Истории гражданской войны», и в «Кратком курсе» некоторые вопросы истории событий конца февраля — начала марта 1917 г. были прописаны недостаточно четко, что давало возможность историкам по-разному касаться одних и тех же сторон деятельности Государственной думы в указанный период.

В работах второй половины 1930-х гг. все яснее стало прослеживаться стремление историков следовать установкам «Истории гражданской войны» и «Краткому курсу истории ВКП (б)». В частности, Е. Фокин писал о руководящей роли партии большевиков в Февральской революции. Государственную же думу Фокин рассматривал как силу, стремящуюся помешать восстанию и остановить революцию. Так, он утверждал, что думский Комитет был создан для подавления революции. Решение же ВКГД взять власть в свои руки Фокин характеризовал как факт «присоединения к революции». Причем, по его мнению, делалось это членами Государственной думы исключительно для того, чтобы «попытаться задушить» революцию[2]. И.И. Минц тоже утверждал, что восставшими 27 февраля 1917 г. солдатами руководили большевики: «Тот факт, что тысячи солдат, выскочившие из казарм Волынского полка, двинулись именно к Выборгскому району, говорит о том, что большевики умело направляли восстание солдат на соединение с рабочими выступлениями». Минц в 1938 г. указывал и на движение солдат к Таврическому дворцу, но, как и авторы «Истории гражданской войны», не дал этому никакого объяснения. Вместе с тем, если признать, что направление движения восставших (место, территория, здание, куда они стремились попасть) есть прямое следствие воздействия на него со стороны руководителей, то солдаты, пришедшие к Таврическому дворцу, действовали под влиянием думского руководящего центра. Конечно, ни о каком руководстве со стороны думских органов речи не шло. Вместе с тем Минц давал понять, что Дума присоединилась к революции, но сделала это для того, чтобы не отдавать «власть в руки восставших». Присоединение к революции он показывал через призму создания Временного комитета Государственной думы. При-

---

[1] *Знаменский О.Н., Старцев В.И.* Введение (к двухтомнику «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде»). Публикуется впервые // О.Н. Знаменский (1927–1993). Из неопубликованного. Материалы к творческой биографии. СПб., 1993. С. 21.

[2] *Фокин Е.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. [М.], 1937. С. 68, 79–81.

чем он подчеркивал, что думский Комитет был создан не как орган власти, а для «сохранения порядка в столице». Минц разъяснял: «<...> революцию совершили рабочие и солдаты, а власть досталась буржуазии и капиталистическим помещикам»[1]. А. Панкратова в статье, посвященной 25-летию свержения самодержавия, сообщала о попытках, которые предпринимали думцы для спасения монархии. Вопрос о решении ВКГД взять власть в свои руки она рассматривала, как думский ответ на фактически родившуюся новую власть Советов[2]. Е.Д. Черменский в брошюре, изданной в 1947 г., как и другие исследователи, писал о руководящей роли партии большевиков в Февральской революции, но не останавливал внимания на направлениях движения восставших солдат утром 27 февраля (на Выборгскую сторону и к Таврическому дворцу)[3]. О создании ВКГД Е.Д. Черменский писал: «<...> было решено образовать Временный комитет Государственной думы, но не с целью захвата власти в свои руки, а лишь для содействия царскому правительству в деле "водворения порядка в столице"»[4]. И лишь позднее, когда царское правительство «фактически было низвергнуто» думцы пересмотрели свою тактику и решили взять власть в свои руки. Черменский дал характеристику состава ВКГД, утверждая, что в него вошли представители думских фракций, участвовавшие в прогрессивном блоке и, кроме того, Керенский и Чхеидзе[5]. Эта характеристика не отвечала истинному положению вещей.

Начиная с 2-й половины 1950-х гг., шло накопление исторического материала и переосмысление пройденного исторической наукой пути в связи с осуждением культа личности Сталина. В начале 1960-х гг. улучшилась ситуация с доступом к архивным материалам. Все это отразилось на более широком показе деятельности Государственной думы в дни Февраля 1917 г. Однако сохранялась преемственность с прежней концепцией, которая была закреплена в советской исторической науке идеологическими установками тогдашнего политического режима. Поэтому исследователи в общих и специальных исследованиях были вынуждены вновь и вновь эксплуатировать тезис о контрреволюционности Государственной думы. К нему, в частности, прибегали в

---

[1] *Минц И.И.* 1) Курс истории СССР. Лекция 35-я. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Стенограмма лекции проф[ессора] И. Минца, прочитанной [в Высшей школе пропагандистов им. Я.М. Свердлова при ЦК ВКП(б)]. М., 1938. С.19, 20, 21, 23; 2) Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Стенограмма лекции проф[ессора] И. Минца, прочитанной 14 марта 1938. М., 1938. С. 19–20 и др.; Минц писал в другой работе: «Борьбой восставших руководило бюро Центрального комитета большевиков во главе с Вячеславом Михайловичем Молотовым» (*Минц И.* Великая Социалистическая революция в СССР. [М.,] 1938. С. 13). О думском Комитете в этой брошюре Минц даже не упомянул.

[2] *Панкратова А.* Двадцатипятилетняя годовщина свержения самодержавия // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 12.

[3] *Черменский Е.Д.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года в России. М., 1947. С. 33–34.

[4] Черменский настроен здесь еще более антидумски, чем Минц, который в свое время не уточнил, в интересах кого собирался водворять порядок думский Комитет.

[5] *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С. 37.

своих работах Х.М. Астрахан, Э.Н. Бурджалов, К.С. Василенко, В.М. Веселов, В.В. Комин, И.И. Минц, Л.М. Спирин, Е.Д. Черменский и др.[1]. В частности, Г.Н. Голиков в работе 1959 г. писал, что ВКГД был создан для борьбы с революцией, т.е. являлся контрреволюционным органом[2]. В.В. Петраш утверждал, что организованный либеральной буржуазией Временный комитет Государственной думы «сразу же стал центром мобилизации сил контрреволюции»[3]. Д.А. Гаркавенко в своей работе указал задачи, которые буржуазия поставила перед ВКГД: «<...> восстановить порядок, нарушенный революцией, сохранить монархию, поделив с ней государственную власть, не допустить осуществления революционных требований народа и продолжить империалистическую войну»[4]. С.С. Хесин писал о том, что «27 февраля Государственная дума образовала Временный комитет, одной из главнейших задач которого было подчинение себе армии и флота с тем, чтобы использовать их для подавления народного движения»[5].

В 1967 г. сложилась ленинградская школа изучения революции 1917 года, которая уделила внимание и роли Государственной думы в Февральской революции. В фундаментальном труде школы — «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде» — указывалось, что Родзянко «вместе с Милюковым и другими думскими лидерами стал думать об организации буржуазной власти, которая остановила бы развитие революции»[6]. О «мнимых заслугах» Государственной думы в Февральской революции писали О.Н. Знаменский и В.А. Шишкин в очерках, посвященных революционному движению и парламентаризму в России[7]. В.И. Старцев в своей монографии 1980 г. не считал действия Государственной думы в дни Февральской революции, как проявление ее руководящей роли[8]. Однако он старательно избегал употребления понятия «контрреволюционная» применительно к Государственной думе.

---

[1] *Астрахан Х.М.* Большевики и их политические противники в 1917 году. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973. С. 38; *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 232; *Василенко К.С.* Февральская революция в России в 1917 г. Под ред. Н.И. Немакова. [М.,] 1954. С. 26; *Веселов В.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Методическое пособие. [Л.,] 1957. С. 28, 31; *Комин В.В.* Контрреволюционная деятельность Государственной думы после свержения самодержавия. Март–октябрь 1917 года // Ученые записки. Т. 34. Серия историко-филологическая. Калининский государственный педагогический институт им. М.И. Калинина. Калинин, 1963. С. 237, 264 и др.; *Минц И.И.* История Великого Октября. В 3-х т. Изд. второе. М., 1977. Т. I. С. 482; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977. С. 229; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 310, 311; и др.

[2] *Голиков Г.Н.* Очерк истории Великой Октябрьской революции. М., 1959. С. 47.

[3] *Петраш В.В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября / Отв. ред. С.С. Хесин. М.–Л., 1966. С. 44.

[4] *Гаркавенко Д.А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. Военная работа большевистской партии в период подготовки и проведения Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Л., 1972. С. 119.

[5] *Хесин С.С.* Октябрьская революция и флот / Отв. ред. В.Д. Поликарпов. М., 1971. С. 38.

[6] *Ганелин Р.Ш.* Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде / Отв. ред. А.Л. Фрайман. Л., 1967. Кн. 1. С. 72.

[7] *Знаменский О.Н., Шишкин В.А.* Ленин, революционное движение и парламентаризм. Л., 1977. С. 94.

[8] *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава / Под ред. О.Н. Знаменского. Л., 1980. С. 48.

Опираясь на мемуарные источники, ранее так широко не вводимые в исторические исследования, он показал весьма разностороннюю деятельность ВКГД. Новизна работ Старцева состояла и в том, что он первый доказал наличие «масонского следа» в Февральской революции[1]. Учитывая наличие среди масонов депутатов Государственной думы и существование в Думе масонской ложи, можно утверждать, что исследователь давал понять о некоторой организующей роли Думы в революции.

В трудах советских историков рассматривались и другие вопросы истории Думы. Э.Н. Бурджалов, в частности, попытался найти ответ на вопрос, почему восставшие солдатские массы устремились 27 февраля к Таврическому дворцу. Он писал: «Солдаты, нарушившие присягу царю и присоединившиеся к народу, хотели получить одобрение своим действиям у этого "законного учреждения". Офицеры, присоединившиеся к солдатам, масса городского люда, поддержавшая восстание, стремилась санкционировать свои выступления авторитетом Думы». Бурджалов признавал значение и топографического фактора[2], но называл его второстепенным[3]. Массы, двинувшиеся к Таврическому дворцу, по Бурджалову — это неразвитые в политическом отношении слои населения.

Гипотеза Бурджалова была принята многими советскими историками. Некоторые из них акцентировали внимание на том, что первыми к Таврическому дворцу пришли солдаты и несколько позднее к ним присоединились рабочие, но все они составляли политически неискушенную массу[4]. В.С. Дякин также писал о движении восставших солдат к Государственной думе. Но он, пожалуй, первым из историков, намекнул на то, что Дума имела к организации этого движения какое-то отношение: «С раннего утра 27 февраля начался массовый переход на сторону революции солдат Петроградского гарнизона. Выступление солдат заставило Думу активизироваться и предпринять попытку повлиять на развертывание событий в желательном для нее направлении». Дякин говорил о трех волнах движения восставших солдат к Государственной думе 27 февраля: около 1 часа дня в Таврический дворец прибыла делегация восставших солдат; около 2 часов дня «отряды восставших солдат и вооруженных рабочих взяли на себя охрану Таврического дворца»; затем поступило «сообщение о том, что к Таврическому дворцу приближается новый отряд восставших солдат»[5].

---

[1] В современной историографии существует справедливое утверждение о том, что В.И. Старцев первым в советской исторической науке дал российскому политическому масонству объективную оценку, впервые всерьез, т.е. с научных позиций, заговорил о роли масонства в Февральской революции 1917 г. (*Гальперина Б.Д.* Старцев: от Ленина до Оссендовского // История и Историк (к 65-летию В.И. Старцева). Сб. научн. ст. и мат. / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 1996. С. 11; *Витенберг Б.М.* История и историки 1917-го: прежняя жизнь, другая жизнь // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 6 (52). С. 336).

[2] По мнению С.Д. Мстиславского, Таврический дворец стал центром восстания благодаря тому, что был окружен казармами взбунтовавшихся гвардейских полков (*Мстиславский С.* Гибель царизма. Л., 1927. С. 74, 75).

[3] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 202.

[4] *Кукин Д.М., Алуф И.А., Лейберов И.П., Слепов Л.А.* Партия большевиков в Февральской революции 1917 года. М., 1971. С. 178.

[5] *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917) / Отв. ред. У.А. Шустер. Л., 1967. С. 326, 327.

Взгляды Э.Н. Бурджалова и его сторонников были подвергнуты критике со стороны Е.Д. Черменского. «Нам представляется, — писал он, — что Бурджалов и Дякин преувеличивают престиж Думы в солдатской массе»[1]. Однако позиция Черменского не нашла широкой поддержки среди исследователей. В.И. Старцев, например, подчеркивал, что в дни Февральской революции авторитет Государственной думы стоял «весьма высоко в глазах широких народных масс, впервые приобщавшихся к открытой политической жизни»[2]. И.П. Лейберов назвал даже фамилии тех думцев, которые предприняли усилия, направленные на организацию движения восставших к Таврическому дворцу[3].

В «перестроечное» время историки получили возможность «закрывать» «белые пятна» истории, что привело к появлению некоторых подвижек в изучении деятельности Государственной думы в дни Февраля 1917 г. Конечно, многие исследователи продолжали называть Государственную думу контрреволюционным органом[4]. Но вместе с тем наметилась тенденция к пересмотру такой характеристики. В частности, Л.М. Спирин в своей монографии «Россия 1917 год» стремился показать членов Государственной думы как нерешительных революционеров[5]. В ряде работ стало уделяться большее внимание участию Государственной думы в решении важнейших вопросов революции — о власти и военного. Так, Н.Г. Думова, сообщая о комиссарах, посланных Временным комитетом Думы в центральный аппарат, указала, что 11 из них были кадетами. Она же привела сведения о командировании думских комиссаров в воинские части. Думова уточняла, что «одну из главных задач кадеты видели в восстановлении власти офицеров». Думова назвала фамилии 5 комиссаров ВКГД, но не разъяснила, кто из их был командирован в воинские части Петроградского гарнизона, а кто — в пригороды[6]. Весьма важное замечание для характеристики власти думского Комитета сделала Б.Д. Гальперина в одной из своих статей. Она писала: «Временный комитет Государственной думы представлял собой некое подобие верховной власти, которому с формальной точки зрения как бы было подотчетно и Временное правительство»[7]. Из этих слов можно сделать вывод о том, что, по крайней мере, аналогичный характер власть ВКГД носила и в дни Февраля 1917 г.

---

[1] *Черменский Е.Д.* Государственная дума и свержение царизма в России. С. 11.

[2] *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 52.

[3] *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979. С. 239.

[4] *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции / Отв. ред. В.Я. Лаверычев. М., 1988. С. 96; Питерские рабочие и Великий Октябрь / Ред. кол.: О.Н. Знаменский (отв. ред.) и др. Л., 1987. С.71.

[5] *Спирин Л.М.* Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С.71–74.

[6] *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции / Отв. ред. В.Я. Лаверычев. М., 1988. С. 96, 97.

[7] *Гальперина Б.Д.* Частные совещания Государственной думы — центр сплочения буржуазных партий России // Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. ст. / Отв. ред. К.В. Гусев. М., 1989. С. 111.

В современных условиях сложились условия для свободного развития исторической науки без учета политико-идеологических установок[1]. Но и эта новая ситуация не привела к появлению ни одного монографического исследования по революционной истории Думы[2]. Видимо, отсутствие крупных исследований заставило В.С. Садинова в специальной работе, посвященной историографии Государственной думы, фактически обойти молчанием вопрос об ее участии в событиях Февраля 1917 г.[3] Хотя по данной теме к моменту написания Садиновым своей диссертации было опубликовано несколько специальных статей, которые, кстати, рассматривались в историографических обзорах[4] и монографиях[5]. Нельзя также не отметить и тот факт, что в общих работах по истории 1917 года авторы все-таки касались вопроса участия Государственной думы в Февральской революции. Итак, какие же стороны революционной истории Думы нашли свое отражение в общих и специальных работах, на что обращают свое внимание исследователи в первую очередь?

В начале 1990-х гг. произошли подвижки в характеристике Государственной думы. В.И. Миллер, говоря о времени начала 1917 г., называл Государственную думу достаточно реакционной, хотя и несколько полевевшей[6]. Но в дальнейшем тезис о «полевении» Государственной думы он не развил, хотя некоторый фактический материал был уже собран и обобщен советскими историками в предыдущий период. Конечно, для нового осмысления места и роли Государственной думы в дни Февраля 1917 г. этот материал нужно было вынуть из идеологических рамок советской исторической науки.

В 1990-е гг. одним из центров изучения истории революции 1917 года стала кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, которую возглавлял В.И. Старцев. В ходе конференций, организуемых и проводимых кафедрой, а также в трудах Старцева неоднократно поднималась тема «Государственная дума в Февральской революции 1917 года». Пожалуй, самые высокие оценки роли Государственной думы и либералов в Февральской революции были даны на научной конференции «Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды»,

---

[1] См. о взглядах современных историков также: *Николаев А.Б.* Государственная дума и Февральская революция 1917 года в новейшей отечественной историографии // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского университета / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 77–79.

[2] Исключение составили наши работы: *Николаев А.Б.* 1) Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории / Предисл. С.М. Ляндрес. Рязань, 2002; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. Монография. 2-е изд., доп. и перераб. / Научн. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2005.

[3] *Садинов В.С.* Государственная Дума России (1906–1917 гг.). Историография проблемы: Автореф. дисс. к. ист. н. М., 2001.

[4] *Витенберг Б.М.* История и историки 1917-го: прежняя жизнь, другая жизнь // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 6 (52). С. 342, 346.

[5] *Малышева С.Ю.* Временное правительство России. Современная отечественная историография / Научн. ред. А.Л. Литвин. Казань, 2000. С. 178.

[6] *Миллер В.* Меньшевистская партия в 1917 году. Фрагменты истории в оценках российского исследователя // Меньшевики в 1917 году: в 3-х т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М., 1994. Т. 1. С. 58.

проведенной кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена 19–20 января 1993 г., по итогам которой был издан сборник статей, вышедший в 3-х выпусках. В частности, С.В. Куликов, рассуждая о природе Февральской революции, писал, что «она была проявлением союза революционеров и либералов», говорил о заражении либералов революционностью[1]. Другой участник этой конференции — В.В. Калашников — указывал, что «революционный процесс возглавили лидеры Государственной думы». По его мнению, «единственным авторитетным политическим центром в стране в февральские дни являлась Государственная дума; ее решающая сила, Прогрессивный блок, была практически готова к формированию правительства и осуществлению государственной власти». Калашников совершенно справедливо заметил, что «именно Думе выражали свою лояльность восставшие полки 27 и 28 февраля 1917 г. в столице, а также большинство государственных служащих, интеллигенции, значительные слои трудящихся», а «переход власти к лидерам Думы встретил заведомую поддержку большинства населения страны в целом». Необходимо согласиться с автором и в том, что «успех февральского восстания в Петрограде во многом зависел от позиции высшего офицерства и готовности командующих фронтов поддержать царя в его усилиях по подавлению волнений в столице». Калашников, говоря о фактическом саботаже генералами усилий царя, направленных на подавление восстания, находил объяснение этому в том, что во главе революции находились думские лидеры. Рассуждая о мощи советского влияния, он пришел к выводу о том, что формирование исключительно советской власти в дни Февраля 1917 г. было невозможно, а попытка создания советского правительства «привела бы к поражению Февральской революции»[2]. Вместе с тем Калашников, выступая против ленинской концепции двоевластия, не учитывал факты думско-советского сотрудничества, что не позволило ему подойти к характеристике временной власти, сложившейся в дни Февраля 1917 г. как власти думско-советской.

В ходе конференции, посвященной 80-летию революции 1917 года, В.И. Старцев сделал весьма важное замечание о роли Государственной думы. Он признал ее участником подготовки Февральской революции: «в идеологическую работу, в обработку массового сознания, в придании царю образа общенационального врага, который не дает власти Думе, свободы — народу, а армии — победы, огромный вклад внесла Государственная дума и созданный ею еще летом 1915 г. Прогрессивный блок, открытая критика власти с думской трибуны»[3]. Отметим, что В.И. Старцев, занимаясь масонской темой, продол-

---

[1] *Куликов С.В.* Причина «переотречения» Николая II // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: И.Л. Афанасьев, А.Ю. Давыдов, В.И. Старцев. СПб., 1994. Вып. 3. С. 19.

[2] *Калашников В.В.* Проблема двоевластия в революционном 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: И.Л. Афанасьев, А.Ю. Давыдов, В.И. Старцев. СПб., 1993. Вып. 1. С. 19.

[3] *Старцев В.И.* Стихийность и организованность в Февральском восстании 1917 года в Петрограде 80 лет революции 1917 года в России. Республиканская научная конференция. СПб., 11–12 марта 1997 г. Тезисы докладов и сообщений / Под ред. Г.Л. Соболева и В.И. Старцева. СПб., 1997. С. 25.

жал привлекать внимание и к деятельности членов IV Государственной думы в дни Февраля 1917 г., т.к. некоторые из них являлись масонами[1].

Появились работы, в которых говорилось о руководящей роли Думы в Февральской революции. Правда, некоторые из сторонников этого взгляда так и не решились признать думское руководство революцией полноценным и действенным. В частности, И.К. Кирьянов утверждал в своей статье, что «случайный и непредметный характер "руководящей роли" Государственной думы в первые дни революции был очевиден для большинства политиков той поры». Вместе с тем Кирьянов, пытаясь найти объяснение той роли, которую Дума сыграла в Феврале 1917 г., заметил: «<...> вызывавшей опасения революционной анархии необходимо было противопоставить хотя бы подобие организующего начала. Именно такая руководящая роль в февральских событиях и была присвоена Думе, роль, скорее воображаемая, чем на самом деле сыгранная»[2]. В своих суждениях Кирьянов опирался не на фактический материал, который у него, кстати, приведен в статье (материал, доказывающий руководящую роль Думы!), а на утверждения И.Л. Архипова. В частности, он привел следующее его «меткое» замечание: «<...> в мифологии "общенациональной идеологии" Дума выполняла роль символа, связанного с триумфальной победой над царизмом»[3].

Некоторые авторы настаивали на том, что Государственная дума играла роль руководителя восстания. С.В. Холяев, например, заметил, что меньшевики и эсеры, оказавшиеся во главе восстания днем 27 февраля и, опасаясь его поражения, передали руководство восстанием 28 февраля в руки либералам. Последние создали Временный комитет Государственной думы, который объявил о взятии власти в свои руки и в дальнейшем сумел обеспечить «мирную передачу власти, добившись 2 марта отречения Николая II и создания либерального Временного правительства». Вместе с тем исследователь считал, что «главными творцами Февраля выступили умеренные социалисты (меньшевики и эсеры)»[4]. В этих суждениях есть принижение роли Государственной думы — в решающий день Февральской революции она пассивна, и, судя по словам Холяева, каких-либо шагов по руководству восстанием не предпринимала.

Другие исследователи считали, что Государственная дума сыграла реальную и существенную роль в победе Февральской революции. Так, В.А. Демин утверждал, что «Февральская революция победила (была признана страной) исключительно благодаря поддержке Государственной думы»[5]. В.А. Шеховцов

---

[1] *Старцев В.И.* 1) Русское политическое масонство начала XX века. Пособие к специальному курсу. СПб., 1996. С. 154–157; См. также переиздания: *Старцев В.И.* 1) Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 2001. С. 126–129; 2) Тайны русских масонов. Изд. третье, доп. / Научн. ред. и авт. предисл. Б.Д. Гальперина, сост. и указ. Б.П. Миловидов. СПб., 2004. С. 128–132.

[2] *Кирьянов И.К.* Государственная дума в 1917 году // Вестник Пермского университета. 2002. История. Вып. 3. С. 109.

[3] См.: *Архипов И.Л.* Российская политическая элита в феврале 1917: психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С. 223.

[4] *Холяев С.В.* Три Февраля 1917 года // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 31–33, 37.

[5] *Демин В.А.* Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования / Под ред. В.В. Шелохаева. М., 1996. С. 82.

придерживался аналогичной точки зрения[1]. А.И. Степанов в своей монографии писал, что «на гребне стихийного восстания солдат возникли новые, революционные центры власти». В первую очередь он отнес к ним думский центр, «созданный на основе широкого представительства от основных фракций Государственной думы по классическому парламентскому рецепту». Этот центр, по словам Степанова, представлял собой «широкую политическую коалицию от монархистов до умеренных социалистов» и «опирался на силу привычки, на аппараты партийных и общественных организаций, поддержку думских кругов, либеральной интеллигенции, помощь союзников и масонских лож». Степанов признает наличие у думского Комитета властных полномочий. Автор связывает с думским центром революционной власти такое возможное развитие событий, которое заключалось «в плавном переходе власти к либерально-демократическим кругам, либо в форме сохранения конституционной монархии, либо в виде установления буржуазно-демократической республики». О конкретных мероприятиях думского революционного центра власти Степанов, к сожалению, ничего не сообщает. Кроме, пожалуй, упоминания о роли Родзянко в отречении Николая II. По словам исследователя, «главную роль в отречении Николая II сыграли предательская позиция генералов М.В. Алексеева и Н.В. Рузского, которые действовали вопреки воинской присяге и офицерской чести, подчинившись политическим советам М.В. Родзянко»[2].

Однако избавиться от советских политико-идеологических штампов современным исследователям полностью так и не удалось. В новейших работах продолжают присутствовать утверждения и подходы, заимствованные из советской историографии 1920–1930-х гг. Отчасти это прослеживается в работах О.Г. Малышевой, которая соглашается с мнением предшествовавших ей исследователей о том, что Государственная дума «оказалась в стороне от разворачивающихся в Петрограде революционных событий»[3].

Некоторые историки указывают, что депутаты Думы «потянулись к власти, чтобы перехватить ее у левых партий <...> и тем попытаться затормозить и остановить революцию»[4]. В частности, таких взглядов придерживается И.Л. Архипов в своей статье о феномене Государственной думы[5]. В другой своей работе он пишет о думцах, что они «не сразу начали предпринимать адекватные сложившейся ситуации шаги»[6]. Стремление принизить роль Государственной думы в Февральской революции наблюдается в новейших

---

[1] *Шеховцов В.А.* Развитие российского парламентаризма. Владивосток, 2002. С. 72.

[2] *Степанов А.И.* Россия в Первой мировой войне: геополитический статус и революционная смена власти / Научн. ред. Н.П. Ионичев. М., 2000. С. 152–154.

[3] *Малышева О.Г.* 1) Думская монархия: рождение, становление, крах / Отв. ред. К.В. Гусев. Ростов-на-Д., 2004. С. 343; 2) Становление парламентаризма в России в начале XX в. // Представительная власть в России: История и современность / Под общ. ред. Л.К. Слиски. М., 2004. С. 334.

[4] *Шевырин В.М.* Государственная дума в России. (1906–1917 гг.) Обзор. М., 1995. С. 86.

[5] *Архипов И.* Похороненная революцией. Феномен IV Государственной думы (1912–1917) // Звезда. СПб., 2000. № 3. С. 112–114.

[6] *Архипов И.Л.* Российская политическая элита в феврале 1917. С.106.

работах Н.А. Окатова, А.А. Смирновой и Г.Л. Соболева[1]. Так, Окатов утверждает, что в результате событий 27 февраля «несколько дней в столице России не было ни власти царя, ни Думы, ни Совета министров», а Петроградский совет рабочих депутатов 27 февраля «начал действовать как орган революционной власти». Далее он подчеркивает: «<...> Совет рабочих депутатов опережал Государственную думу в вопросах организации новой власти». Чтобы доказать это «опережение» он вводит в заблуждение читателей: «Встревоженные образованием Совета рабочих депутатов, либералы, на совещании членов Государственной думы, ровно в полночь 27 февраля организовали Временный комитет Государственной думы во главе с председателем Думы М.В. Родзянко»[2]. В действительности ВКГД был создан значительно раньше, чем указывает Окатов, и без участия Петроградского совета рабочих депутатов.

В современной литературе существует также утверждение о том, что революция произошла наперекор желанию думцев и усилиям предотвратить ее, а сама Дума оказалась центром движения помимо своей воли. Так, А.Ф. Смирнов подчеркивает: «Опрокинув царское правительство, волна революции вынесла наверх ВКГД»[3]. В.П. Булдаков придерживается таких же взглядов: «Известно, что восставшие рабочие, и особенно солдаты, устремились в Таврический дворец, дабы засвидетельствовать свою поддержку Государственной думе. Среди взбунтовавшихся сразу же обнаружилось желание побыстрее отыскать властную точку опоры в хаотично-непонятной действительности. Депутаты отнюдь не были готовы к тому, что толпа начнет возносить их к власти. Но случилось именно так»[4].

Среди современных работ необходимо отметить исследования Ф.А. Гайды. В статье 1998 г., специально посвященной Государственной думе, он дает ей уничижительную характеристику: «Государственная дума и в самом деле к вечеру 27 февраля стала центром революции, но не как орган власти <...> а как место, “помещение”, то есть как Таврический дворец[5], в который стекались восставшие солдаты и рабочие, где тогда же начал заседать самозванный Совет рабочих и солдатских депутатов. Именно он теперь реально ассоциировался с революцией»[6]. Гайда, кстати, повторяет слова П.Н. Милюкова о том, что

---

[1] Г.Л. Соболев замечает, что, «к сожалению, сегодня наблюдается другая крайность: стремление затушевать роль Петроградского совета и оттеснить его на второй план, сделать “центром революции и штабом восстания” (!) Государственную думу и ее Временный комитет» (*Соболев Г.Л.* Ценный источник об истории революционного процесса в России в марте – октябре 1917 года // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 159). А.А. Смирнова привела в своей работе эту фразу полностью, не изменив в ней ни слова (*Смирнова А.А.* На тернистом пути к нежелательной власти. Петроградские социалисты в феврале — мае 1917 года. СПб., 2005. С. 114).

[2] *Окатов Н.А.* Россия в трех революциях: в 2-х частях. Тамбов, 1999. Ч. 2. С. 36–38.

[3] *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 586.

[4] *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 57; Изд 2-е, доп. М., 2010. С. 121.

[5] К. Шелавин писал о Таврическом дворце как «центре движения» еще в 1927 г. (*Шелавин К.* Рабочий класс и ВКП(б) в Февральской революции. Л., 1927. С. 59).

[6] *Гайда Ф.А.* Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 34.

в дни Февральской революции победителем стала Дума, но как «помещение», а не как «учреждение»[1]. А. Макушин, споря с Ф.А. Гайдой, пишет: «<...>никак нельзя согласиться с утверждением, что "революция свершилась не под эгидой Думы". Именно под ее эгидой, под "крышей" (Государственной думы. — *А.Н.*) февральский переворот пережил свои самые первые, критические часы», «победа восстания была обеспечена политическим прикрытием, предоставленным думой». Макушин указывает точную дату, когда Государственная дума возглавила восстание: «27 февраля 1917 г. — это ключевое событие российской истории XX столетия, когда действиями незначительного количества людей (верхушка Прогрессивного блока) на ограниченном пространстве (здание Таврического дворца) в непродолжительный отрезок времени (несколько часов) была решена, без преувеличения, судьба России»[2].

В современной отечественной исторической науке выявлена дискуссия о функциях Временного комитета Государственной думы. Так, Ф.А. Гайда, О.Г. Малышева, А.Ф. Смирнов и В.Ю. Черняев считают, что ВКГД правительством не стал[3]. Черняев, указывая, что ВКГД «ограничился рассылкой в министерства и ведомства своих комиссаров», вместе с тем пишет о «кратком правлении ВКГД»[4]. Н.А. Коваленко придерживается такой же точки зрения[5]. Эти суждения можно понять так: думский Комитет не стал правительством де-юре, а только де-факто. А.А. Сенцов характеризует думский Комитет как орган, претендовавший на власть, в руках которого 3 дня было сосредоточено управление страной[6]. В.А. Демин утверждает, что ВКГД «до 2 марта являлся чем-то вроде правительства»[7]. И.В. Лукоянов, замечая, что среди историков не сложилось единого мнения о том, можно ли считать ВКГД «первым революционным правительством или нет», размышляет: «С одной стороны, сам комитет не желал брать на себя ответственность за происходившее в эти дни в столице. Но с другой стороны — часть его распоряжений свидетельствует, что он объединил в своем лице функции законодательной, исполнительной и даже судебной власти»[8]. Видимо, Лукоянов все-таки склоняется к тому, чтобы

---

[1] *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917): в 2-х т. / Сост. и авт. вст. ст. М.Г. Вандалковская; коммент. и указ. А.Н. Шаханова. М., 1990. Т. 2. С. 254, 255.

[2] *Макушин А.* 1) Узловые проблемы истории российского либерализма // Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2003. С. 355, 356; 2) О роли либеральной интеллигенции в февральской революции 1917 года // Исторические записки: Научн. труды ист. ф-та ВГУ. Воронеж, 2003. С. 58, 60.

[3] *Гайда Ф.А.* Февральская революция и судьба Государственной думы. С.34; *Малышева О.Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах / Отв. ред. К.В. Гусев. Ростов н/Д., 2004. С. 346; *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг. М., 1998. С. 586; *Черняев В.Ю.* Гибель думской монархии. Временное правительство и его реформы // Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Ред. кол.: Б.В. Ананьич (отв. ред.) и др. СПб., 1996. С. 644.

[4] *Черняев В.Ю.* Гибель думской монархии. С. 644, 645, 649.

[5] *Коваленко Н.А.* 1) 1917 год: новые подходы и взгляды. М., 2001. С. 41; 2) Владимир Дмитриевич Набоков: Человек и политик. М., 2002. С. 123.

[6] *Сенцов А.А.* Развитие Российского государства после февральской революции 1917 г. Краснодар, 1994. С.70.

[7] *Демин В.А.* Государственная Дума России... С. 81–82.

[8] *Лукоянов И.В.* У истоков российского парламентаризма. СПб., 2003. С. 361, 362.

характеризовать ВКГД как структуру, находящуюся на положении правительственного органа.

Подчеркнем, что в некоторых работах авторы вновь стали использовать политико-идеологические «штампы» советской исторической науки. Так, В.Г. Медведев, проводя взгляд на ВКГД как контрреволюционный орган, утверждает, что Временный комитет был призван «консолидировать действия законодательной и исполнительной власти против революции». Медведев пишет, что ВКГД «в нарушении Основных государственных законов взял на себя полномочия главного исполнительного органа власти»; назвал думский Комитет «псевдолегитимным» и «сугубо охранительным суррогатом управления»[1]. Иначе говоря, Медведев характеризует ВКГД как контрреволюционный суррогат правительства. Попытка выяснить роль ВКГД в механизме временной власти предпринята в ряде работ современных ученых[2].

Очередная волна интереса к революционной истории Государственной думы должна была возникнуть в связи с юбилейными датами. В 2006 году широко отмечалось 100-летие Государственной думы, в 2007 году — 90-летие[3], а в 2012 г. — 95-летие Февральской революции. Действительно, юбилейные даты способствовали появлению новых работ, в которых так или иначе, но выяснялась роль Государственной думы в Февральской революции 1917 г. Вопрос этот исследователями поднимался при обобщении исторического опыта российского парламентаризма, при рассмотрении различных проблем истории Государственной думы.

Определенный интерес проявляли ученые к подготовительному этапу Февральской революции. В.А. Никонов в своих работах предпринимает попытку доказать рукотворный характер Февральской революции. Автор утверждает, что

---

[1] *Медведев В.Г.* Несостоятельность отечественного парламентаризма — одна из важнейших причин возникновения Белого движения игражданской войны в России в 1917–ё920 гг.// История государства и права. 2000. № 2. С. 16.

[2] См.: *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* К вопросу об организации власти в феврале–марте 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / Ред. кол.: П.В. Волобуев (отв. ред.) и др. М., 1997. С. 131–144; *Николаев А.Б.* 1) Думское участие в механизме функционирования Временной власти: 27 февраля–3 марта 1917 года / Интеллигенция у власти: Временное правительство в 1917 году / Guest Editor Semion Lyandres // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24. Nos. 1–2. P. 129–145; 2) Дума и механизм функционирования Временной власти: 27 февраля — 3 марта 1917 г. / Интеллигенция у власти: Временное правительство в 1917 году. Международный семинар историков в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 1999. № 4. С. 110–112; 3) Временный комитет Государственной думы: состав, полномочия и основные направления деятельности (27 февраля — 6 октября 1917) // Герценовские чтения 2001. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: В.Ю, Сморгунова (отв. ред.), А.Б. Николаев (сост.) и др. СПб., 2001. С. 73–74; 4) Временный комитет Государственной думы // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 108–109.

[3] См. о работах, вышедших к 100-летию Государственной думы и 90-летию Февральской революции: *Могилевский К.И., Циунчук Р.А., Шелохаев В.В.* Государственная дума России как историографическая проблема // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 3–17; *Лукоянов И.В.* Современная российская историография Государственной думы (наблюдения) // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар 11 декабря 2007 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. С. 181–194; *Николаев А.Б.* IV Государственная дума и Февральская революция в новейшей отечественной литературе // Там же. С. 195–210; *Ерофеев Н.Д.* Современная отечественная историография русской революции 1917 года // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 92–108.

«в подготовке революции приняло участие большинство российских политических партий в спектре от октябристов до большевиков». Но «решающую роль сыграли либералы». Никонов пишет: «На протяжении всех предреволюционных лет оппозиция опиралась на государственные и полугосударственные институты, находившиеся в перманентном конфликте с правительством: Государственную думу и самодеятельные организации». Говоря о Государственной думе, он пишет, что она «представляла собой не столько законодательный орган, сколько антиправительственный митинг». Никонов подчеркивает, что «Прогрессивный блок претендовал на то, чтобы самому стать властью, выступив с инициативой создания "правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями"»[1]. Эти суждения Никонов практически полностью повторяет и в других своих работах[2].

В.В. Калашников, критикуя положения, выдвинутые В.А. Никоновым в статье «Крушение империи»[3], отрицает «заговор думских либералов» как причину Февральской революции, характеризуя его как кулуарные разговоры. Калашников пишет: «Все, к чему стремились либералы, — это побудить царя создать правительство, ответственное перед Думой и из числа думских лидеров. В этих целях они регулярно критиковали царских министров. <...> Антиправительственная критика в Думе, конечно же, ослабляла авторитет власти, но сама по себе не могла вызвать революцию». Более того, Калашников утверждает, что российские либералы начала XX века стремились предотвратить революцию. Не являясь непосредственным организатором революционного движения, вспыхнувшего в феврале 1917 г., Государственная дума, по словам Калашникова, была готова воспользоваться его первыми результатами «для достижения своей цели»[4]. То есть насколько можно понять суждения Калашникова, накануне революции Дума (за исключением ее левых депутатов) играла роль антиреволюционного центра, что не исключало ее участия в революции. Заметим, что в 2012 г. Кадашников вновь вернулся к вопросу о «заговоре» как причине Февральской революции и в связи с этим определяет место Государственной думы в начавшихся революционных событиях: «После восстания солдат ход событий во многом зависел от поведения лидеров Думы. Вечером 27 февраля в глазах страны Дума возглавила стихийное выступление масс в столице. Это привело к тому, что генералитет поддержал революцию, то есть Думу, а не монарха. Заговора как причины

---

[1] *Никонов В.* Крушение империи // Российская газета. 2007. 16 марта. В другой своей статье автор утверждает, что Российская империя пала жертвой заговоров, среди которых был и думский (*Никонов В.* Февральское крушение // Известия. 2007. 7 марта).

[2] *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. М., 2011; *[Никонов В.А.]* 1917 год в истории России. Доклад доктора исторических наук В.А. Никонова // Вестник Российской Академии наук. 2013. Т. 83. № 6. С. 533–541. В этом докладе Никонов опустил сюжет с претензиями Прогрессивного блока.

[3] См.: *Никонов В.* Крушение империи // Российская газета. 2007. 16 марта. Заметим, что статья Никонова вышла вслед за публикацией работы А.И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией» (Российская газета. 2007. 27 февраля), содержание которой и полемику, развернувшуюся вокруг нее, мы в данной работе не рассматриваем.

[4] *Калашников В.* Кто и как сделал Февральскую революцию // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 20 апреля.

революции не было, но сговор лидеров Думы и некоторых генералов уже после стихийного мятежа в столице был»[1].

Н.А. Нарочницкая и А. Смирнов замечают, что «Четвертая Дума — блистательная по составу депутатов, вошедших в историю <...> — погрязла в конфликтах и практически «подготовила» Февральскую революцию»[2]. А.М. Алешкин пишет, что для успеха революционного движения «Государственная дума много уже сделала своей деятельностью во время войны — и специально со времени образования прогрессивного блока»[3]. А.А. Иванов указывает, что «многие» члены Всероссийского национального союза, «еще в 1915 г. примкнув к либеральной оппозиции», немало поспособствовали возникновению Февральской революции, которую автор называет «катастрофой»[4]. Можно утверждать, что по вопросу об участии Государственной думы в подготовке революции в новейшей литературе (за небольшим исключением) сложился консенсус: главную роль в ней сыграли либеральные фракции[5], а точнее — Прогрессивный блок.

Авторы различных биографических статей, посвященных российским либералам начала XX века, в некоторых случаях замалчивают их революционное поведение в дни Февраля 1917 г. На это обращает внимание Б.М. Витенберг в своем обзоре литературы по истории российского либерализма. Он пишет: «Иногда реальная политическая позиция героев (сборника «Российский либерализм: идеи и люди»[6]. — *А.Н.*) корректируется, дабы преуменьшить их радикализм или просто доказать отсутствие такового». В частности, речь идет об очерке В.М. Шевырина[7] о В.А. Маклакове. В нем Шевырин подчеркивает, что он (Маклаков) пытался предотвратить Февральскую революцию, «а потом встал к ней в оппозицию». Против такой трактовки отношения В.А. Маклакова к Февралю 1917 г. справедливо возражает Б.М. Витенберг: В.М. Шевырин «забывает сообщить, что в дни революции Маклаков был комиссаром Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции, выезжал

---

[1] Февраль 1917-го. Историческая закономерность или заговор темных сил? Круглый стол / Подг. А. Вертячих и С. Глезеров // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. 5 марта.

[2] *Нарочницкая Н., Смирнов А.* Невыученные уроки // Золотой Лев. № 79, 80. Электрон. журн. — Режим доступа: http://www.zlev.ru/n79.htm

[3] *Алешкин А.* Пять дней революции // Парламентская газета. 2006. 9 февраля.

[4] *Иванов А.А.* Русские националисты и Февральская революция // 90 лет Февральской революции. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2007. С. 66.

[5] Думается, что в связи с этим уместно привести утверждение руководителя фракции КП РФ в Государственной думе ФС РФ Г.А. Зюганова, высказанное им в марте 2006 г. на научно-практической конференции. Он утверждал, что кадеты-думцы, которые, по его словам, «выступали от имени парламента того времени», и провели «всю операцию по ликвидации монархии», именно они, «а не Ленин, по сути дела отстранили царя от власти» (*Зюганов Г.А.* Выступление // 100-летие выборов Государственной думы: история и современность. Материалы научно-практической конференции 3 марта 2006 года. М., 2006. С. 16).

[6] Российский либерализм: идеи и люди / [отв.ред. и сост. Алексей Кара-Мурза]. М., 2004; 2-е изд. М., 2007.

[7] *Шевырин В.М.* Василий Алексеевич Маклаков: «Счастье и благо личности скажут нам, куда направить развитие общества...» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2004. С. 423–431.

в войска для привлечения их на сторону Думы, т.е. принимал во взятии власти Временным комитетом активное участие». И далее Витенберг замечает: «Надо сказать, что вообще в очерках о либеральных лидерах, участвовавших в событиях Февральской революции, этому бесспорно центральному эпизоду их политической биографии уделено до обидного мало внимания»[1]. Это ценное замечания выходит за рамки сборника, рецензируемого Витенбергом, верно и для многих других статей о либеральных деятелях России начала XX века. Так, В.В. Шелохаев пишет в одной из своих статей, что «авторитарный режим в феврале 1917 г. "побила" улица, а, разумеется, не Дума, в которой либералы, включая и самого Родичева, усматривали основной инструмент воздействия на правительство». Вместе с тем Шелохаев указывает, что «свержение самодержавия Родичев встретил с энтузиазмом», а в марте 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства по делам Финляндии. То есть, получается, что непосредственного участия в Февральской революции он не принимал. В действительности же Ф.И. Родичев, вернувшись из Москвы утром 1 марта, выполнял различные поручения ВКГД. В частности, в этот день он посетил воинские части, где выступал с речами и направлял их к Государственной думе. Почему же историки российского либерализма отказываются признавать факты активного участия думских либералов и самой IV Государственной думы в событиях Февраля 1917 г.? Б.М. Витенберг считает, что это связано со стремлением привести биографии либералов «в соответствие с теми представлениями о российском либерализме в его прошлом и настоящем, которые уже сложились и стали привычными в 1990-е гг.». Речь идет даже не об истории и о настоящем, а о будущем отечественного либерализма, эволюция которого рассматривается его адептами исключительно в сторону, как справедливо замечает Витенберг, «сближения с консерватизмом», а «радикализации либеральной составляющей российского политического спектра даже теоретически не рассматривалась»[3]. Конечно, это утверждение Витенберга не универсально, оно не закрывает собой полностью всю историографию вопроса[4]. В частности, появились работы[5], в которых, по словам В.В. Шелохаева, «наметилась тенденция (без должного теоретического и методологического обоснования) вывести кадетов дальше влево, за пределы "либеральной семьи"»[6].

---

[1] *Витенберг Б.* Приключения радикального либерализма в стране силовиков (Обзор книг об исторических корнях российского либерализма) // Новое литературное обозрение. 2006. № 79. С. 334.

[2] *Шелохаев В.В.* Партийная деятельность Ф.И. Родичева // Политическая история России первой четверти XX в.: Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006. С. 45.

[3] *Витенберг Б.* Приключения радикального либерализма в стране силовиков. С. 334.

[4] Необходимо указать, что в биографических статьях о думских либералах в энциклопедии, изданной к 100-летию Государственной думы, даны сведения об их участии в Февральской революции (См.: Государственная Дума России. Энциклопедия. В 2-х т. М., 2006. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917). С. 14, 16, 27, 29, 43, 44, 54 и др.). См. также переиздание: Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008.

[5] См., напр.: *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и буржуазия. Нижний Новгород, 2006.

[6] *Шелохаев В.В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 15.

Присоединяясь к тем исследователям, которые говорили о руководящей роли Думы в революции как о мифе, С.В. Фомин пишет: «Да, не на площадку народного райка следует смотреть, а прежде всего на конкретных людей прямого действия (политиков, общественных и военных деятелей), а за ними попытаться разглядеть руководящие ими, остающиеся в тени, реальные силы: носящий международный характер финансовый, промышленный и торговый капитал, диктующий свою волю, в том числе и через масонские ложи». Хотя, говоря о масонах-заговорщиках, он называет членов IV Государственной думы, в частности В.А. Маклакова, А.Ф. Керенского, Н.С. Чхеидзе и Б.А. Энгельгардта. Но и они, по С.В. Фомину, были всего лишь исполнителями чужой воли. Вместе с тем Фомин называет Государственную думу «видимым центром противоправительственного, антирусского заговора», прикрывающим собой «силу и мозговой центр, планировавший атаку на власть»[1]. И.К. Кирьянов, говоря о случайном и непредметном характере «руководящей роли» Государственной думы, пишет в статье 2008 года: «Но вызывавшей опасения революционной анархии необходимо было противопоставить хотя бы подобие организующего начала. Именно такая руководящая роль в февральских событиях и была присвоена Думе, роль скорее воображаемая, чем на самом деле сыгранная»[2]. Ф.А. Гайда считает, что Государственная дума в событиях Февраля 1917 г. «успешно сыграла роль политической ширмы, благодаря которой мятеж приобрел легитимные черты и был, в конце концов, поддержан генералитетом Ставки»[3]. Н.Д. Ерофеев в историографическом обзоре весьма скептически оценивает работы, в которых говорится о руководящей роли Государственной думы и либералов в Февральской революции[4].

Таким образом, можно констатировать весьма существенный разброс мнений среди тех, кто не склонен признавать руководящую роль Государственной думы в событиях Февраля 1917 г.: от полного отрицания таковой и до характеристики ее как всего лишь видимого центра революции и политической ширмы.

Среди новейших трудов имеются и такие, где роль Государственной думы в Февральской революции оценивается иначе. Например, В.А. Никонов, рассуждая о «февральском восстании в Петрограде», пишет, что «легитимацию перевороту дала Дума»[5]. Этот же тезис он повторил в докладе на научной сессии общего собрания РАН[6]. Заметим, что признание Государственной думы

---

[1] *Фомин С.В.* Наказание правдой. М., 2007. С. 66, 73.

[2] *Кирьянов И.К.* Государственная дума после 25 февраля 1917 г.: от политической реальности к виртуальности // Известия Алтайского государственного университета. Серия История, политология. 2008. № 4/4. С. 83.

[3] *Гайда Ф.А.* // Русский сборник: исследования по истории России XIX — XX вв. М., 2007. Т. IV. С. 333, 336.

[4] *Ерофеев Н.Д.* Современная отечественная историография русской революции 1917 года // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 103.

[5] *Никонов В.* Крушение империи // Российская газета. 2007. 16 марта.

[6] *[Никонов В.А.]* 1917 год в истории России. Доклад доктора исторических наук В.А. Никонова // Вестник Российской Академии наук. 2013. Т. 83. № 6. С. 539.

исключительно инструментом (институтом) легитимации революции, обедняет ее истинную роль в Феврале 1917 года

С.В. Куликов в ряде своих работ пытается доказать, что главную роль в Февральской революции сыграл Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК)[1]. Вместе с тем он указывает, что «в революции участвовали и другие факторы, в том числе и Дума (IV Государственная дума. — *А.Н.*), социалисты, масоны, а также фактор стихийности, но все указанные факторы, при их несомненной значимости, лишь развивали линии, намеченные руководителями ЦВПК, причиной успеха которых являлся союз, заключенный в рамках ЦВПК между общественной и революционной контрэлитами»[2]. Взгляды С.В. Куликова на роль ЦВПК в Февральской революции были поддержаны Б.Н. Мироновым[3]. Отметим, что исследование Куликова основано практически исключительно на опубликованных источниках, при некотором забвении ряда исследовательских работ. Ранее мы уже обращали внимание на то, что ЦВПК являлся одним из штабов восстания, играл роль вспомогательной структуры, которая обслуживала интересы центра революции и штаба восстания, действовавших в Государственной думе[4]. В новейшей работе С.В. Куликов уточнил свои взгляды на роль Государственной думы в революции: «<...> есть основания полагать, что саму Думу, в качестве центра революции, породил именно ЦВПК»[5]. То есть он признал, что в решающие дни Февраля 1917 года Государственная дума являлась центром революции.

Весьма высоко оценивается роль Государственной думы в Февральской революции в трудах И.К. Кирьянова и С.В. Тютюкина. Кирьянов в статье 2006 года утверждает, что ВКГД «фактически взял на себя роль штаба начавшейся революции»[6]. Тютюкин пишет, что «создание ВКГД закрепило ту роль одного из могильщиков царизма, которую объективно играли оппозиционно настроенные фракции IV Государственной думы в 1915–1917 гг. в обстановке слабости революционных партий и несогласованности их действий»[7].

---

[1] *Куликов С.В.* «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 176. Кстати, впервые эту мысль он высказал еще в 2003 году: «<...> Думу в качестве центра революции породил Центральный военно-промышленный комитет, возглавлявшийся А.И. Гучковым. <...> вопрос о том, что было первичным, а что вторичным, нуждается в дополнительной проработке» (*Куликов С.В.* // Клио. СПб., 2003. № 1(20). С. 242).

[2] *Куликов С.В.* «Революции неизменно идут сверху...». С. 183.

[3] *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 665.

[4] См. подробн.: *Николаев А.Б.* 27 февраля 1917 г.: к вопросу о центрах революции // Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Второй год выпуска. Памяти В.И. Старцева. СПб., 2002. С. 239–245.

[5] *Куликов С.В.* Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года // Российская история. 2012. № 1. С. 70.

[6] *Кирьянов И.К.* Депутат Государственной думы начала XX века: правовой и общественный статус // Полис. 2006. № 2. С. 48. Правда, в своей статье 2008 года он заявляет, как уже указывалось выше, о случайном и непредметном характере «руководящей роли» Государственной думы.

[7] *Тютюкин С.В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 111.

К сожалению, можно утверждать, что юбилейные даты не принесли с собой сколько-нибудь серьезных специальных трудов по революционной истории Государственной думы. По сравнению с советской историографией, а также с работами, вышедшими в постсоветский период, в новейшей литературе уже практически не встречается утверждение о том, что Государственная дума в дни Февраля 1917 г. стояла на контрреволюционных позициях. Другой характерной чертой юбилейной историографии стало преобладание трудов, в которых в меньшей или большей степени, но признается руководящая роль Государственной думы в событиях Февральской революции. Хотя вплоть до сегодняшнего дня выходят исследования, в которых участие Государственной думы в революции замалчивается, а ее роль в ней принижается.

Первые революционные шаги Государственной думы (27 февраля 1917 г.)

27 февраля 1917 г. положение Государственной думы резко изменилось. Указом Правительствующему Сенату на основании ст. 99 Основных государственных законов занятия Думы были прерваны. П.Н. Милюков утверждал, что еще накануне вечером М.В. Родзянко собрал несколько депутатов и членов Совета старейшин и предупредил их о том, что «на следующее утро дума будет распущена царским указом». Тогда же вечером, по словам Милюкова, был обсужден «ритуал предстоящего заседания» — «после прочтения указа никаких демонстраций не делать и немедленно закрыть заседание». В.И. Старцев писал, что утром 27 февраля свыше 300 депутатов собрались в Белом зале, где М.В. Родзянко зачитал им указ о перерыве в работе Государственной думы. Выслушав указ, «депутаты молча стали расходиться»[1]. Об этом же заседании вспоминал П.Н. Милюков. Он утверждал, что «состоялось короткое заседание, в котором был прочтен указ, при полном молчании депутатов, прерываемом одиночными выкриками правых»[2]. Вместе с тем Э.Н. Бурджалов привел показание Родзянко, в котором сообщалось о том, что «для этой цели Дума не собиралась». Родзянко говорил по этому поводу следующее: «Открывать Думу 27-го было немыслимо, так как для меня армия была вопросительным знаком. Собирать же Думу для прочтения Указа о роспуске потребовало бы своим прямым последствием — объявить себя Учредительным собранием. Я не имел права собирать Думу после Указа о роспуске... Я рисковать Думой не мог. Если бы я это сделал, Дума была бы сметена, не осталось бы резервной силы, которая в нужную минуту соберется и скажет и сделает, что нужно, как это и было»[3]. О.Н. Знаменский, разбираясь с этими противоречивыми высказываниями Милюкова и Род-

---

[1] *Старцев В.И.* Февральское восстание в Петрограде и падение монархии / Революционный 1917-й // Драма российской истории: большевики и революция / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 177.

[2] *Милюков П.Н.* Первый день // Последние новости. 1927. 12 марта (Париж).

[3] Цит. по: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 226.

зянко, вынужден был признать, что «трудно сказать, чьи свидетельства более правильны»[1].

Ситуация утром 27 февраля резко изменилась. В условиях нарастания революционного движения и начала перехода армии на сторону рабочих перед Государственной думой вновь встал вопрос о выборе линии поведения. Депутаты могли разъехаться по домам и не принимать участия в событиях, происходивших в Петрограде. Однако такая тактика вряд ли была уместной, учитывая всю предыдущую оппозиционную деятельность Государственной думы, сыгравшую огромную роль в подготовке революции. Нейтральность Государственной думы была практически невозможна. Дума неизбежно должна была откликнуться на происходящие события. П.Н. Милюков вспоминал: «Сам собой становился вопрос, что же делать дальше. Было ясно, что в такую минуту разойтись молча нельзя. Но что делать?»[2]. Возможно, что члены Думы, собравшись для заслушивания указа о роспуске Государственной думы на каникулы, все-таки не разошлись молча, а приняли одно постановление. Этим постановлением Государственная дума «поручила Совету старейшин немедленно выработать меры к восстановлению порядка»[3].

Революционные решения Совета старейшин

Первые шаги руководства Государственной думы после ее роспуска говорили о том, что она не намерена поддерживать власть в ее стремлении подавить революцию, и даже наоборот — Дума готовилась выступить в качестве активного участника революционных событий. Характерным подтверждением этому стал отказ М.В. Родзянко помочь военному министру М.А. Беляеву, который до 12 часов дня 27 февраля позвонил в Таврический дворец и предложил действовать совместно. Во время звонка в кабинете Родзянко находился А.И. Гучков. В ответ на это предложение Родзянко ответил: «Какая же совместная деятельность, когда вы распустили Гос[ударственную] Думу, отныне у нас не может быть общего языка»[4].

Пока Родзянко вел телефонные переговоры, в помещении Финансовой комиссии началось неофициальное заседание членов Совета старейшин. Воспоминания об этом заседании оставил депутат М.И. Скобелев (меньшевик). Он утверждал, что заседание Совета старейшин было созвано «под нашим давлением» и «против желания Родзянко»[5]. Скобелев писал, что сначала заседание Совета старейшин вел Н.В. Некрасов (кадет), а затем его сменил председатель бюро Прогрессивного блока С.И. Шидловский 1-й (октябрист).

---

[1] *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения / Отв. ред. Н.Н. Маслов. Л., 1976. С. 17.

[2] *Милюков П.Н.* Первый день // Последние новости. 1927. 12 марта (Париж).

[3] Новое право // Право. 1917. № 8. 21 марта. С. 427.

[4] РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 11. Ч. III. Л. 110; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 282.

[5] *Скобелев М.И.* Гибель царизма. Воспоминания // Огонек. 1927. № 11. 13 марта.

Члены Совета старейшин попытались обменяться мнениями по поводу происходящих событий, но работа не пошла. Кто-то сообщил членам собрания, что здание Главного артиллерийского управления (ГАУ) взято восставшими. Скобелев описал перепалку, которая тут же возникла между ним и А.И. Шингаревым (кадет), закричавшим в ответ на сведения о захвате здания ГАУ: «Подобные вещи могут делать лишь немцы, наши враги». Скобелев на это заметил, что «надо более осторожно выбирать свои выражения, ибо за них придется ответить»[1]. Если верить словам Скобелева, то после этой словесной схватки, произошло выяснение позиций фракций кадетов и социал-демократов. «Милюков заявляет, — вспоминал Скобелев, — что он не может формулировать своего отношения к событиям, так как не знает, кто является руководителем событий». На это Скобелев ему ответил: «Мы вместе с вами не знаем руководителей этих событий, не знаем, сколько на каждом автомобиле социал-демократов и кадетов. Это движение стихийное, массовое, оно должно и может стать всенародным революционным движением»[2].

Вскоре на собрание ворвался М.В. Родзянко «с грозным окриком: "Кто созвал без моего ведома сеньорен-конвент?"». Лидеры Прогрессивного блока разъяснили ему частный характер проводимого собрания. Родзянко предложил перейти в его кабинет и начать официальное совещание Совета старейшин[3]. Еще накануне думские деятели договорились провести это заседание в 12 часов дня 27 февраля[4].

Подчеркнем, что проведение заседания Совета старейшин носило легальный характер, т.к. он мог собираться и в период думских каникул[5]. В состав Совета старейшин по данным, приведенным И.К. Кирьяновым и М.Н. Лукьяновым, входило 18 членов IV Думы[6]. По нашим же подсчетам, членами Совета старейшин были 27 депутатов[7]. Сколько из них приняло участие в работе Совета старейшин, точно сказать трудно.

Заседание Совета старейшин началось, по мнению Д.В. Однобишина, в 11 часов утра[8]. Но, скорее всего, здесь речь идет о неофициальной части заседания. Видимо, заседание Совета старейшин приступило к работе в 12 часов дня[9]. Родзянко доложил присутствовавшим о последовавшем высочайшем

---

[1] *Скобелев М.И.* Гибель царизма. Воспоминания // Огонек. 1927. № 11. 13 марта.

[2] *Скобелев М.* 25 февраля — 3 марта (Воспоминания б[ывшего] члена социал-демократической фракции Государственной Думы М. Скобелева) // Вечерняя Москва. 1927. 11 марта.

[3] *Скобелев М.И.* Гибель царизма...

[4] Программа заседания Совета старейшин в телеграмме ПТА не сообщалась (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1920. Л. 9 об.).

[5] *Демин В.А.* Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования / Под ред. В.В. Шелохаева. М., 1996. С. 97.

[6] *Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н.* Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь, 1995. С. 117.

[7] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1158. ЛЛ. 3, 5, 7, 8, 9, 12, 13, 16, 17, 25, 26.

[8] *Однобишин Д.В.* Временный комитет Государственной думы и Временное правительство // Исторические записки. М., 1965. Т. 75. С. 275.

[9] Февральская революция 1917 года: Сб. документов и материалов. М., 1996. С. 109.

указе «о перерыве занятий Государственной думы с 26 февраля 1917 г.». После этого Родзянко довел до сведения депутатов, что 26 февраля он без ведома Государственной думы послал Николаю II телеграмму, в которой сообщил царю о полном параличе правительственной власти, совершенно бессильной «восстановить порядок». В телеграмме Родзянко просил царя: «безотлагательно призовите лицо, которому может верить вся страна, и поручите ему составить правительство, которому будет доверять все население». Телеграммы аналогичного содержания были посланы Родзянко начальнику Штаба верховного главнокомандующего генерал-адъютанту М.В. Алексееву и главнокомандующим фронтами: Северного — генерал-адъютанту Н.В. Рузскому, Южного — генерал-адъютанту А.А. Брусилову и Западного — генерал-адъютанту А.Е. Эверту, в которых содержался призыв к указанным лицам поддержать просьбу Родзянко перед царем[1].

Родзянко также доложил членам Совета старейшин текст второй телеграммы царю. Телеграмма была составлена Родзянко и Гучковым[2], видимо, еще до 12 часов дня. В ней сообщалось, что с перерывом занятий Государственной думы «последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров <...> Гражданская война началась и разгорается». Родзянко просил царя, пока не поздно, призвать «новую власть» и созвать законодательные палаты. Родзянко грозил, что всякое промедление может быть роковым для династии»[3].

Отметим, что в этом тексте содержалось признание указа о роспуске Государственной думы. Но среди участников заседания оказались противники такого подхода к царскому указу. Д. Сверчков писал, что на заседании Совета старейшин 27 февраля Керенский горячо убеждал присутствовавших «не подчиняться этому указу и не расходиться»[4]. Керенского поддержали другие члены Думы. Д.В. Однобишин привел слова Керенского о том, что кадет Н.В. Некрасов, прогрессист И.Н. Ефремов, меньшевик Н.С. Чхеидзе и «и он сам», т.е. трудовик А.Ф. Керенский, «требовали, что дума немедленно перешла к официальной сессии, предлагали не подчиняться какому бы то ни было приказу о ее роспуске»[5]. Однако большинство участников заседания во главе с М.В. Родзянко «не согласилось с этим предложением»[6]. Д.О. Заславский, находившийся тогда в Таврическом дворце, позднее сообщал: «Из совета старейшин доходят такие известия. Левые требуют, чтобы дума не расходилась вопреки указу о роспуске. Родзянко об этом и слышать не хочет, а Милюков его поддерживает»[7]. Судя по словам Заславского, участники

---

[1] Февральская революция 1917 года: Сборник. С.110.

[2] *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 282.

[3] Февральская революция 1917 года: Сборник. С.110.

[4] *Сверчков Д.* Три метеора: Г. Гапон. Г. Носарь. А. Керенский. Л., 1926. С. 157.

[5] *Однобишин Д.В.* Временный комитет Государственной думы и Временное правительство... С.275.

[6] Там же.

[7] *Заславский Д.* Как это было. (Письмо из Петрограда) // Киевская мысль. 1917. 12 марта.

заседания достигли временного соглашения — «ждать ответа на телеграммы посланные царю и генералам»[1]. Только после этого вторая телеграмма царю была отправлена. Это произошло в 12 часов 40 мин. 27 февраля, а получена она была в Ставке в 1 час 12 мин. дня[2]. Одним из итогов этой части заседания стало то, что и Совет старейшин принял высочайший указ о роспуске Государственной думы.

В ходе работы Совета старейшин Родзянко был вынужден отвлекаться на телефонные разговоры. Около 1 часа дня Родзянко позвонил председатель Совета министров князь Н.Д. Голицын и сообщил, что он подал в отставку[3]. «Поволжский вестник» передавал слова Голицына так: «Мы уходим и поручаем все Государственной Думе»[4]. Правда, как выяснилось позднее, отставка принята не была[5]. Но, возможно, именно это сообщение об отставке председателя Совета министров (или даже всего правительства[6]), а также появление восставших солдат у Таврического дворца около 1 часа дня[7], сыграли решающую роль в том, что члены Совета старейшин пересмотрели свое «временное соглашение» и приняли два постановления: 1) «Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах»; 2) «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Гос[ударственная] Дума примет живейшее участие, но для этого прежде всего необходимы порядок и спокойствие». О втором постановлении известно, что оно было приято единогласно[8], а это значит, что за него голосовали и представители фракции независимых правых.

В отечественной историографии существуют разные взгляды относительно того, были или нет приняты эти постановления. Остановимся на вопросе о принятии Советом старейшин первого постановления. Уже в первых работах, вышедших в 1917 г., сообщалось, что это постановление было принято[9]. В советской историографии этой точки зрения придерживались К.П. Новицкий[10], О.Н. Знаменский[11] и некоторые другие исследователи[12]. Другие историки,

---

[1] *Заславский Д.* Как это было. (Письмо из Петрограда) // Киевская мысль. 1917. 12 марта.

[2] *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 282.

[3] В Петрограде в исторические дни // Астраханский листок. 1917. 5 марта.

[4] Первые вести. 27 февраля // Поволжский вестник. 1917. 2 марта (Кострома).

[5] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 210.

[6] Отставка кн[язя Н.Д.] Голицына / В Петрограде / Дни революции // Утро России. 1917. 2 марта.

[7] В обнаруженном и опубликованном нами опросе Керенский говорил об этом так: «Когда войска подошли, то это было уже решительно для всех» (*Николаев А.Б.* А.Ф. Керенский о Февральской революции // Клио. Журнал для ученых. 2004. № 3(26). С. 111). Вместе с тем А.И. Ксюнин утверждал, что постановление «не расходиться» было принято до появления восставших солдат у Таврического дворца (*Ксюнин Ал.* Как произошла революция // Новое время. 1917. 5 марта).

[8] Решение Г[осударственной] Думы // Известия [Комитета петроградских журналистов] (далее — Известия КПЖ). 1917. 27 февраля [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[9] *Шуберт А.М.* Великие дни (Революция 1917 года в Петрограде и Москве). Изд-е второе. М., 1917. С.7.

[10] *Новицкий К.П. (Петровин К.).* Год революции (1917 г. — Февраль. — 1918 г.). М., 1918. С.10.

[11] *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. С.16.

[12] *Елчев В.А., Васецкий Н.А., Краснов Ю.К.* Парламентаризм и народное представительство в России: история и современность. М., 2001. С. 41.

напротив, утверждали, что такого постановления Совет старейшин не принимал. Среди них: Э. Генкина[1], С. Пионтковский[2], Г.А. Ржанов[3], И.И. Минц[4], Э.Н. Бурджалов, А.Г. Слонимский, Л.М. Спирин[5] и др. Бурджалов, в частности, писал следующее: «<...>широко распространившееся утверждение, что Государственная дума постановила не подчиняться указу о роспуске и не расходиться, не соответствует действительности»[6]. А.Г. Слонимский, присоединяясь к этим словам Бурджалова, рассуждал: «Такое постановление, хотя оно могло, казалось, помочь лидерам Думы овладеть революционным движением, не могло быть ими принято, потому что они боялись таким актом способствовать развитию этого движения»[7].

В основе суждений историков лежали, в первую очередь, высказывания депутатов Думы. В частности, А.Г. Слонимский ссылался на слова П.Н. Милюкова и С.И. Шидловского[8]. Милюков утверждал, что такая формулировка постановления — не подчиняться указу о роспуске и не расходиться — плод легенды, а Шидловский подчеркивал, что было принято «решение — депутатам не разъезжаться из Петрограда»[9]. Можно привести и другие высказывания П.Н. Милюкова и даже М.В. Родзянко. Например, Милюков позднее писал, что было принято «постановление не разъезжаться из Петрограда (а не постановление “не расходиться” Государственной думе, как учреждению, как о том сложилась легенда)»[10]. М.В. Родзянко, уже в эмиграции, надеясь снять с Государственной думы «обвинения» в революционности, заявлял, что «Дума подчинилась закону, все же надеясь найти выход из запутанного положения, и никаких постановлений о том, чтобы не расходиться и насильно собираться в заседании, не делала»[11].

Но существуют свидетельства, которые опровергают эти суждения. Так, в «Протоколе заседаний» записано: «Частное совещание единогласно постановило: Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах». Иначе говоря, подлинник протокола усиливает позиции тех историков, которые настаивают на том, что Государственная дума уже

---

[1] *Генкина Э.* Февральский переворот // Очерки по истории Октябрьской революции. Работы исторического семинария Института Красной профессуры / Под общ. ред. М.Н. Покровского. М.–Л., 1927. Т. II. С. 90.

[2] *Пионтковский С.* Февральские дни 1917 года. Популярный очерк. Изд-е 4-е, доп. Л., 1927. С. 71.

[3] *Ржанов Г.А.* Десятый февраль 1917–1927. Популярно-исторический очерк. М.–Л., 1927. С. 25.

[4] *Минц И.И.* Россия в Первой мировой войне. Вторая буржуазно-демократическая революция (1914 г. — март 1917 г.). М., 1946. С. 82

[5] *Спирин Л.М.* Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 71.

[6] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 226.

[7] *Слонимский А.Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. Душанбе, 1975. С. 211.

[8] Там же.

[9] См.: *Милюков П.Н.* Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 47; *Шидловский С.И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 53.

[10] *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 42.

[11] *Родзянко М.В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции: в 22-х т. / Изд. И.В. Гессеном. М., 1991. Кн. 3. Т. 6. С. 57.

днем 27 февраля встала на сторону революции[1]. Вместе с тем подчеркнем, что согласно «Протоколу заседаний» это постановление принял не Совет старейшин, а частное совещание депутатов Государственной думы в Полуциркульном зале.

Известны также многочисленные утверждения депутатов Думы, политических деятелей и других современников и участников событий, которые признавали факт принятия этого постановления и говорили о том, что оно явилось практическим шагом Государственной думы в сторону революции. Например, депутат IV Государственной думы А.В. Иванов (октябрист) утверждал, что именно с момента принятия Советом старейшин решения «не расходиться» «Дума и стала на революционный путь»[2]. Члены фракции прогрессистов IV Думы И.П. Залит и Я.Ю. Гольдман писали: «Депутаты решили не расходиться, но оставаться на своих местах. Поддержанные народом и армией, они стали во главе освободительного движения. Старая власть рухнула перед лицом новой России»[3]. В 1942 г. депутат Государственной думы Л.А. Зиновьев (октябрист) писал: «Несмотря на распоряжение о роспуске <...> Дума <...> решила не расходиться»[4].

Утверждения Милюкова, Родзянко и др. опровергается и тем, что, например, текст постановления был опубликован в «Известиях КПЖ» 27 февраля 1917 г., а 1 марта Петроградское телеграфное агентство передало в своей телеграмме за № 480[5]. Эта телеграмма ПТА публиковалась в провинциальной прессе с припиской: «Печатается по распоряжению Исполнительного Комитета Государственной Думы»[6]. Причем обе части этого постановления — «Государственной Думе не расходиться» и «Всем депутатам оставаться на своих местах» — свидетельствовали как раз о том, что Совет старейшин отказался подчиниться царскому указу о роспуске Государственной думы на каникулы. Подтверждением этому служат, в частности, слова депутата Думы князя С.П. Мансырева (прогрессист). 15 марта 1917 г. он писал: «По постановлению Совещания Членов Государственной Думы мне, в числе других, было объявлено о необходимости моего присутствия на месте и об отлучках из Петрограда лишь путем испрошения особого на каждый раз отпуска. Исполняя постановление Совещания, в каждый день, от 11 часов утра до 5 часов дня и 8 до 12 часов вечера неотлучно находился в Таврическом дворце <...> 12 дней <...>»[7]. В этом тексте два важных указания: во-первых, о том, что постановление «всем

---

[1] *Николаев А.Б.* «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля — 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. / Научн. ред. А.Б. Николаев СПб., 2012. С. 242.

[2] *Сарычев М.* Доклад А.В. Иванова, члена Государственной Думы // Рязанская жизнь. 1917. 24 марта.

[3] *Залит И., Гольдман Я.* Латыши // Новое время. 1917. 12 марта.

[4] *Зиновьев Л.А.* Воспоминания. Гилфорд, 1942 г. С. 499 // Личный архив С.К. Зиновьева-Фитцлайн.

[5] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1882. Л. 15 об.

[6] Исполнительный комитет // Каспий. 1917. 3 марта (Баку).

[7] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 65.

депутатам оставаться на местах» было принято; и, во-вторых, о том, что для выезда из Петрограда требовался отпуск. Подчеркнем, что депутат, согласно ст. 208 «Наказа Государственной думы», подавал заявление на отпуск только во время сессионных заседаний[1], а на думских каникулах отпуск, естественно, не требовался. Практика испрашивания отпусков в послефевральский период получила широкое распространение. Выявлены 47 случаев получения разрешений на отпуска, включая разрешения на выезд и т.д., которыми воспользовались 42 депутата Государственной думы[2].

Другим подтверждением является постановление Совещания Государственной думы от 13 июня 1917 г. за № 24 «о приостановлении высылки денежного довольствия Членам Государственной Думы, не находящимся в отпуску и командировках». Совещание, опираясь на постановление от 27 февраля о том, чтобы членам Государственной думы «не расходиться», постановило допускать выдачу денежного довольствия только тем депутатам Думы, которые находились в командировках и отпусках, разрешенных ВКГД. В том случае, если члены Государственной думы находились вне Петрограда без соответствующего разрешения Временного комитета, то выдача денежного довольствия им приостанавливалась[3]. В думском делопроизводстве выявлены факты прекращения выплаты денежного довольствия депутатам, которые находились за пределами столицы без разрешения Временного комитета Думы[4].

Формулировка постановления «о приостановлении высылки денежного довольствия» не совсем понятна. В «Правилах о порядке получения довольствия Членами Государственной Думы» статьи, которая бы говорила о приостановке высылки (выплаты) денежного довольствия, нет. Скорее всего, вслед за приостановкой высылки довольствия должны были последовать — сначала выяснение причин отсутствия членов Государственной думы в Петрограде, а затем наложение денежных вычетов из довольствия депутатов в том случае. если они отсутствовали по неуважительным причинам. Согласно ст. 5 «Правил» и ст. 218 «Наказа» вычеты из довольствия делались в размере 25 рублей за каждый пропущенный депутатом день заседания Общего собрания Государственной думы[5].

То есть, во второй части заседания Совета старейшин (около или чуть позже 13 часов) руководители Думы приняли постановление, которое шло вразрез с предыдущим и означало, что Государственная дума отказалась подчиниться царскому указу о роспуске. Иначе говоря, после 13 часов дня 27 февраля речь уже шла не о Думе, ушедшей на каникулы, а о Думе, которая прервала заседания Общего собрания по техническим причинам (оставалась в положении представительного учреждения ведущего сессионные заседания!).

---

[1] Наказ Государственной думы. СПб., 1914. С. 40.

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 105. ЛЛ. 32–34; Д. 130. Л. 29; Оп. 10. Д. 6. ЛЛ. 201, 214, 217–219, 222, 226, 229, 245–247; Д. 28. ЛЛ. 81, 97, 98; и др.

[3] Там же. Оп. 9. Д. 1316. Л. 163.

[4] Там же. Д. 811. Л. 17.

[5] Наказ Государственной думы. СПб., 1914. С. 42.

Принятие двух взаимоисключающих решений, конечно, говорило о том, что, во-первых, среди руководства Думы не было единства по этому вопросу и, во-вторых, что сторонники более решительных шагов стали постепенно брать верх. Хотя какого-либо официального разъяснения о том, подчинилась или нет Государственная дума указу Николая II о роспуске, думское руководство в последующие дни так и не сделало. Последнее, возможно, объяснялось и суматохой революционных дней, и опасением негативных последствий для судьбы IV Думы за ее мероприятия в случае разгрома революции царизмом, и др. Но вместе с тем необходимо подчеркнуть, что с точки зрения царского законодательства Государственная дума находилась на вакациях. В свою очередь, оказавшись в эмиграции, многие думцы склонны были «скрыть» революционные шаги Государственной думы, тем более что некая двусмысленность ситуации с принятием этого постановления действительно сложилась (если не была сознательно создана депутатами). Что касается исследователей, из числа тех, кто склонен был трактовать Думу «правобокой» и контрреволюционной, то они, в силу этих же обстоятельств, получили возможность утверждать, что такого постановления принято не было.

Добавим, что Совет старейшин, видимо, не ограничился принятием второго постановления. Возможно, что уже в ходе его работ обсуждался и состав нового правительства. Косвенным подтверждением этому служат воспоминания В.Н. Коковцова. Он писал, что встретил 27 февраля около 2-х часов дня выходящими из здания Главного артиллерийского управления А.И. Гучкова и М.И. Терещенко. Гучков сообщил Коковцову, что «Государственная Дума формирует правительство, в состав которого войдет М.И. [Терещенко] в должности министра финансов, а сам он (Терещенко. — *А.Н.*) попросил меня помочь ему советом “если эта чаша его не минует”»[1].

А.Ф. Керенский 5 июня 1917 г.[2] рассказал сотруднику Комиссии опросов Общества изучения революции 1917 г. о заседании Совета старейшин: «Нашей группой выдвигалось предположение о выступлении группы, которая бы организовала министерство». Но в следующий момент Керенский уточнил: «То есть о министерстве тогда еще не думали, а о создании Центра». Что касается персонального состава «нашей группы», то Керенский вполне определенно назвал среди ее членов себя, Н.И. Чхеидзе, М.И. Скобелева и Н.В. Некрасова[3]. Сложнее дело обстоит с «центром», т.к. Керенский не дал по его поводу никаких разъяснений. Возможно, речь шла о создании какого-то органа, способного стать центром революции. Может быть, в ходе заседания Совета старейшин была заявлена идея создания Временного комитета Государственной думы.

Решение Совета старейшин — «Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах». — а также принятое им постановление

---

[1] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 2. С. 341.

[2] С.М. Ляндрес приводит другую дату проведения опроса — 31 мая 1917 г. (*Lyandres S.* The fall of tsarism. Untold stories of the February 1917 revolution. Oxford, 2013. P. 223).

[3] *Николаев А.Б.* А.Ф. Керенский о Февральской революции // Клио. Журнал для ученых. 2004. № 3(26) С. 111.

о создании новой власти необходимо расценивать как революционные мероприятия. Именно эта революционность Государственной думы и вызывала у советских историков наибольшую неприязнь. Поэтому они ставили под сомнение принятие Советом старейшин этих постановлений. Заметим и то, что принятие их, видимо, явилось сигналом к активизации деятельности продумски ориентированных сил, в том числе и некоторых рабочих организаций, поддерживавших контакты с Государственной думой и ожидавших от нее шагов, идущих вразрез с царскими указами.

Постановления Совета старейшин, а также тот факт, что в 2 часа 30 мин. дня предполагался созыв частного совещания членов Государственной думы играли на руку развитию двух процессов. Во-первых, они способствовали усилению движения восставших к Таврическому дворцу именно к началу работ частного совещания, а во-вторых, задавали определенный темп и силу революционного натиска на военно-полицейские опорные пункты, обусловленные именно временем начала частного совещания.

В целях давления на депутатов использовалась не только толпа, пришедшая к Таврическому дворцу, но и факты победоносного развертывания восстания: взятие Главного артиллерийского управления и т.д. Можно предположить, что восставшие, спеша к Таврическому дворцу, ожидали от депутатов принятия каких-либо революционных шагов, пусть и проведенных через частное совещание. Первым таким шагом могло стать объявление этого совещания очередным заседанием Государственной думы. Надежды, если они и были, не вполне оправдались. Точнее сказать, оправдались, но в непарламентском направлении деятельности Государственной думы.

Частное совещание членов Государственной думы в Полуциркульном зале, создание Временного комитета Государственной думы и первые его мероприятия

Для характеристики Думы как центра революции существенное значение имеет частное совещание членов Государственной думы, которое проходило днем 27 февраля в Полуциркульном зале. В историографии существует спор о том, было ли совещание созвано стихийно под сиюминутным влиянием царского указа о роспуске или созыв его был заранее подготовлен. Первой точки зрения придерживались И.И. Минц[1] и Э.Н. Бурджалов[2]. С.М. Ляндрес доказывает, что созыв частного совещания был подготовлен еще накануне 27 февраля 1917 г. Существуют различные свидетельства в пользу сторонников второй точки зрения. Так, 27 февраля в утренней телеграмме Петроградского телеграфного агентства сообщалось: «Сегодня <...> будет [в] частном порядке

[1] *Минц И.И.* Россия в Первой мировой войне. Вторая буржуазно-демократическая революция (1914 г. — март 1917 г.). М., 1946. С. 82.

[2] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 226–229.

совещание всех депутатов [о] событиях Петрограде»[1]. А.Ф. Керенский вспоминал, что проведение «неофициального заседания» Думы планировалось заранее[2]. Добавим еще один аргумент в пользу утверждения Ляндреса. Удалось обнаружить отпечатанное на шапирографе приглашение депутатам Государственной думы следующего содержания: «Председатель Государственной Думы просит пожаловать членов Государственной Думы на частное совещание, имеющее быть в понедельник, 27 сего февраля в 2 $^1/_2$ дня в Полуциркульном зале». Приглашение датировано 26 февраля[3].

Таким образом, можно утверждать, что созыв совещания не был неожиданностью для депутатов. 27 февраля в Петрограде из 403 членов Государственной думы отсутствовало 72 человека[4]. То есть 331 депутат мог бы принять участие в частном совещании. Не пришли в Таврический дворец 27 февраля или покинули его сразу же после объявления царского указа о роспуске Думы на каникулы представители фракции правых. Также после объявления этого указа ушли некоторые члены думской фракции независимых правых[5]. Член Государственной думы С.Т. Варун-Секрет писал, что «на совещании присутствовало около 200 депутатов»[6]. По словам С.В. Востротина, «на этом частном совещании в начале едва ли присутствовало более 150 человек»[7]. Тем самым Востротин намекал, что в дальнейшем число участников частного совещания возросло. Вместе с тем, по подсчетам С.М. Ляндреса, число участников частного совещания не превышало 60–70 человек, т.к. площадь Полуциркульного зала — 39 кв. м. — не позволила бы вместить большое количество депутатов на те 2–2 с половиной часа, которые длилось это заседание[8]. Но и свидетельства членов Думы Варун-Секрета и Востротина нельзя не учитывать. Вопрос о количестве участников частного совещания носит принципиальный характер, т.к. позволяет отчасти разрешить вопрос о том, насколько представительно было участие Государственной думы в Февральской революции. Варун-Секрет считал, что в ней приняло участие незначительное большинство членов Думы[9], т.е. несколько более 200 человек.

---

[1] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1920. Л. 9 об.

[2] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 137.

[3] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 14. Л. 164 об; Д. 20. Л. 16; Д. 28. Л. 2.

[4] Подсчеты проведены по данным личных дел членов Государственной думы и «Справочному листку Государственной Думы» (Пг., 1917. №№ 36–41, 43–47).

[5] В частности, так поступили член фракции правых Н.В. Жилин 1-й и член фракции независимых правых Н.П. Стародумов. Вновь они появились в Государственной думе только 12 марта 1917 г. (Вятские депутаты в революционные дни / Хроника // Вятская речь. 1917. 29 марта).

[6] *Варун-Секрет С.* Протопопов и русская общественность. Гамбург, 1922. С.15 // S.E. Kryzhanovskii papers. Box 4. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture; сообщил П.А. Трибунский.

[7] *Востротин С.В.* Продовольственный вопрос во время великой войны и революции, б/д. С. 127 // S.V. Vostrotin papers. Box 3. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture; сообщил П.А. Трибунский.

[8] *Lyandres S.* On the Problem of "Indecisiveness" among Duma Leaders during February Revolution: the Imperial Decree of Prorogation and Decision to Convene the Private Meeting of February 27, 1917 // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24. Nos. 1–2. P. 126–127.

[9] *Варун-Секрет С.* Протопопов и русская общественность... С. 15; сообщил П.А. Трибунский.

Ход совещания нашел отражение в «Протоколе заседаний: совещания Государственной думе с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы. 27 февраля — 3 марта 1917 года»[1], в черновике этого документа, который О.А. Шашкова опубликовала под названием «"Протокол событий" Февральской революции»[2], и в «Протоколе частного совещания членов Государственной думы. 27 февраля 1917 г.»[3].

О чем же совещались депутаты? Несомненно, что формально депутаты должны были первоначально определиться с вопросом об отношении Государственной думы к происходящим событиям. В «Протоколе частного совещания» существуют указания на то, что этот вопрос был инициирован левыми депутатами и, видимо, подвергнут обсуждению. Так, трудовик А.Ф. Керенский, поддержанный меньшевиком Н.С. Чхеидзе, обратился к «собранию с просьбой уполномочить его вместе с Чхеидзе ехать на автомобиле по всем восставшим войскам, чтобы объявить им поддержку и солидарность Государственной думы». К ним присоединился депутат Н.О. Янушкевич (трудовик). Он заявил «о своей солидарности с революционным народом и войском и указывает на обязанность идти с народом, ибо иначе идти нельзя». Против предложения левых выступил В.В. Шульгин (прогрессивный националист). Он разъяснил свою позицию тем, что «мы не можем быть солидарны во всем с восставшей частью населения»[4].

Сообщение члена Думы А.М. Александрова (кадет) дополняет «Протокол частного совещания», а также «Протокол событий» и «Протокол заседаний». Александров рассказывал позднее, что, кроме А.Ф. Керенского и Н.С. Чхеидзе, в пользу присоединения Думы к восставшим говорил кадет М.С. Аджемов: «время не терпит, жребий брошен, мы должны присоединиться к народу». На такой же позиции стоял, по словам Александрова, и националист князь К.М. Шаховской, который заявил: «<...> момент очень важный и надо присоединиться к народу». По словам Александрова, «было и другое течение, которое говорило, что надо выждать событие». В конечном счете, IV Дума «рискнула и рискнула головой»[5], т.е. решила присоединиться к движению.

Совещание также должно было обсудить вопрос о месте и роли Государственной думы в начавшемся восстании. Депутат Государственной думы М.М. Новиков (кадет) вспоминал: «Совещание приняло сразу бурный характер. Левые депутаты, обрисовывая возмущенное настроение рабочих и солдат, требовали, чтобы Дума объявила революцию и возглавила ее. Правые, наоборот, настаивали на принятии экстренных мер для подавления восстания. Центр сначала колебался. Но потом, когда одно за другим начали приходить

---

[1] *Николаев А.Б.* «Протокол заседаний». С. 242–244.

[2] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 112–114.

[3] Там же. С. 146–148.

[4] Там же. С. 147, 148.

[5] *П.Г.* Впечатление очевидца. Сообщение члена Государственной Думы А.М. Александрова // Крымский вестник. 1917. 15 марта (Севастополь).

известия о переходе расположенных в Петрограде полков на сторону революционеров, когда становилось все более ясным, что нет в столице силы, на которую правительство могло бы опереться при подавлении беспорядка, члены центра стали постепенно переходить на сторону левых»[1]. Новиков сделал важное замечание относительно того, что правые принимали участие в частном совещании членов Государственной думы. К сожалению, Новиков не назвал ни одной фамилии, ни тех, кто призывал встать во главе движения, ни тех, кто предлагал принять меры для подавления «беспорядка».

В воспоминаниях трудовика А.И. Рыслева есть свидетельства, которые частично подтверждают слова Новикова о споре, разгоревшемся на частном совещании по вопросу о месте и роли Думы в начавшейся революции. Рыслев писал, что П.Н. Милюков, «бледный и волнующийся, обратился к членам Думы с большой речью, суть которой заключалась в том, что еще неизвестно соотношение сил, неизвестно еще, насколько глубоко это движение, какой отклик найдет оно в стране и на фронте, а потому принимать сейчас какие-либо определенные решения и становиться во главе преждевременно; необходимо выждать»[2]. Выступая на частном совещании членов Государственной думы 18 июля 1917 г. прогрессист А.М. Масленников, вспоминал о том, как А.Ф. Керенский умолял Думу, «чтобы она возглавилась над восстанием, что только в этом возглавленстве и залог того, что в России будет революция, а не солдатский бунт»[3]. Рыслев писал, что «октябрист Коваленко[4] находил также необходимым вмешаться и стать во главе движения»[5]. Эти слова М.И. Коваленко важны тем, что характеризуют настроение части думских активистов придать Государственной думе значение центра революции. И только через призму такого понимания места Думы в революции имеют ценность споры об организации власти, которые разгорелись в ходе частного совещания.

Ляндрес пишет: «левые ораторы (Дзюбинский, Керенский, Чхеидзе, Янушкевич), прежде относившиеся к выбранной по 3-июньскому закону Думе не иначе как с презрением, призывали участников "частного" совещания объявить "законопослушную" и "цензовую" Думу полновластным органом власти с учредительными полномочиями»[6]. Добавим, что в поддержку левых, следуя протокольной записи частного совещания, выступил также и князь С.П. Мансырев

---

[1] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 249.

[2] *[Рыслев А.И.]* Как произошел переворот... // Амурское эхо. (Благовещенск). 1917. 18 апреля.

[3] Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А.К. Дрезена, с предисл. З.Б. Лозинского. Подготовили к печат. М.И. Ахун, Д.М. Зиневич и С.Б. Окунь. М.–Л., 1932. С. 196.

[4] Коваленко Михаил Иванович — член IV Государственной думы, сначала беспартийный, а затем — член группы центра.

[5] *[Рыслев А.И.]* Как произошел переворот... // Амурское эхо. (Благовещенск). 1917. 18 апреля.

[6] *Ляндрес С.* Протокольная запись «частного совещания» членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. как источник по истории парламентаризма в России // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной думы). Сб. научн. ст. / Под ред. В.И. Старцева. СПб., 1996. Ч. II. С. 109.

(прогрессист)[1]. По словам П.Н. Милюкова, депутат М.А. Караулов (независимый) предложил не признавать указ о роспуске на каникулы и «возобновить формальное заседание Думы»[2]. Видимо, на таких же позициях стоял депутат А.А. Бубликов (прогрессист). Он вспоминал, что предложил «перейти из "полуциркульного" зала в зал общих собраний и тем самым официально установить факт неподчинения формально выраженной воле монарха»[3].

Иначе говоря, из 20 выступивших депутатов, только 7 высказались за возобновление законодательной деятельности Государственной думы. Подчеркнем, что подавляющее большинство из них (5 человек) выступали за расширение законодательных функций Государственной думы до уровня Конституанты (Учредительного собрания). Наиболее последовательно против предложения выступили 7 депутатов, как заметил исследователь, представители кадетов[4]. Именно благодаря кадетскому давлению Дума так и не решила возобновить свои заседания, а вместо этого свернула на путь создания чрезвычайного органа.

При обсуждении вопроса о создании чрезвычайного органа были высказаны различные предложения, большинство из которых превращало Государственную думу в центр революции, придавало ей характер руководителя революции. Н.В. Некрасов предлагал передать власть генералу А.А. Маниковскому как пользующемуся доверием, а при нем составить «комитет из представителей от Государственной думы». М.А. Караулов предложил избрать «исполнительную комиссию, которой и передать организацию власти». Н.В. Савич считал, что необходимо поручить организацию власти президиуму вместе с секретариатом и, соглашаясь с идеей установления диктатуры популярного военного начальника, предложил кандидатуру генерала А.А. Поливанова. В.А. Ржевский, Н.С. Чхеидзе и М.И. Коваленко выступили против идеи приглашения к власти генерала «старого правительства». Ржевский предлагал «организовать комитет для сношения с армией и народом». Н.К. Волков говорил о необходимости передачи власти Особому комитету. Его поддержал М.С. Аджемов. Он заявил, что Особый комитет из 10-ти лиц должен «будет стоять и над Думой». Князь К.М. Шаховской нашел, что сеньорен-конвент может избрать членов комитета, которым и передать власть[5].

Несомненно, что стараниями кадетов, в первую очередь, из механизма формирующейся Временной власти была исключена Государственная дума как нормально действующий законодательный орган. Чем была вызвана данная ситуация, приведшая к парламентскому вакууму? Формально создатели ее

---

[1] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 147.

[2] *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917) / Сост. и авт. вст. ст. М.Г. Вандалковская; коммент. и указ. А.Н. Шаханова. М., 1990. Т. 2. С. 251.

[3] *Бубликов А.А.* Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 17, 18.

[4] *Ляндрес С.* Протокольная запись «частного» совещания членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. С. 109.

[5] *Николаев А.Б.* «Протокол заседаний». С. 243, 244; Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 112–114,146–148.

выступали как защитники Думы. П.Н. Милюков сумел убедить собравшихся принять «неуклюжую формулу», которая предусматривала создание Временного комитета членов Государственной думы «для восстановления порядка и для сношения с лицами и учреждениями». Он вспоминал, что эта формула «ограничиваясь минимумом, <...> все же создавала орган и не подводила думцев под криминал»[1]. То есть Милюков вроде бы протащил свое предложение не придавать Государственной думе характер руководителя движения. Депутат Н.В. Некрасов позднее показывал, что инициатором образования ВКГД стала группа левых кадетов в думской фракции. Он относил создание Временного комитета к первым революционным шагам Государственной думы[2]. Поэтому можно согласиться с утверждением П.И. Преображенского, что создание ВКГД явилось «результатом думской инициативы не расходиться добровольно»[3], т.е. продолжением революционной деятельности Государственной думы.

Согласно «Протоколу заседаний» и «Протоколу событий», избрание ВКГД, количественный и персональный состав, а также определение его функций были переданы частным совещанием на усмотрение Совета старейшин. Вместе с тем, частное совещание предоставило создаваемому думскому Комитету право принять на себя всю исполнительную власть, «если бы это оказалось необходимым»[4]. Для избрания ВКГД был объявлен перерыв в работе частного совещания. По словам А.А. Демьянова, в выборах членов ВКГД приняли участие и правые. Видимо, речь идет о представителях фракции правых независимых. Но ни один из членов этой фракции в состав ВКГД не вошел[5]. Совет старейшин избрал ВКГД в составе 12 человек: М.В. Родзянко (председатель, земец-октябрист), Н.В. Некрасов (товарищ председателя[6], кадет), А.И. Коновалов (прогрессист), И.И. Дмитрюков (земец-октябрист), А.Ф. Керенский (от фракции трудовиков), Н.С. Чхеидзе (от фракции меньшевиков), В.В. Шульгин (член прогрессивной группы националистов), С.И. Шидловский (октябрист), П.Н. Милюков (кадет), М.А. Караулов (независимый), В.Н. Львов (центр) и В.А. Ржевский (прогрессист)[7].

В провинциальной прессе подчеркивалось, что в состав ВКГД «вошел думский президиум» (за исключением отсутствующего в Петрограде старшего

---

[1] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 251.

[2] *[Некрасов Н.В.]* Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов / Вст. ст. В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 20.

[3] Приезд комиссара Временного Правительства, гражданина П.И. Преображенского / Местный отдел // Иркутская жизнь. 1917. 23 марта.

[4] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 114.

[5] *Демьянов А.А.* Наброски воспоминаний // ГА РФ. Ф. 6632. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.

[6] В биографической справке, обнаруженной в архивных делах Министерства путей сообщения, утверждалось, что товарищем председателя ВКГД был избран Н.В. Некрасов, который «в этой <...> роли принимал деятельное участие в активной работе по организации революционного движения» (РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1633. Л. 57).

[7] Именно в таком порядке были размещены фамилии в списке, опубликованном «Известиями КПЖ» 27 февраля [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

товарища председателя Думы В.А. Бобринского) и «лидеры всех думских фракций за исключением правых и крайне правых»[1]. Ю.С. Токарев писал, что «это было по существу бюро прогрессивного блока плюс два представителя от левых фракций Думы»[2]. Все эти рассуждения о составе думского Комитета были вызваны тем, что ни современники, ни исследователи не знали о принципе, который установили участники частного совещания: «<...> избрать Временный Комитет из членов Совещания Государственной Думы и из представителей фракций по одному от каждой (кроме правых групп) из входивших в прогрессивный блок<...>«[3]. Кстати, именно эта установка частного совещания объясняла отсутствие представителей правых в составе ВКГД, а не их самоизоляцией, как утверждал позднее А.А. Демьянов[4].

З. Галили, проанализировав состав ВКГД, делает весьма ценные замечания относительно характеристики состава думского Комитета. Она, ссылаясь на вхождение в ВКГД Чхеидзе, Керенского, Коновалова, Ржевского и Некрасова, пишет, что «социалисты и наиболее прогрессивные либералы приобрели <...> во Временном комитете куда больший вес, чем в самой Думе или даже в Прогрессивном блоке». Также она подчеркивает, что Коновалов и Некрасов одновременно с членством в Думе занимали важные посты в общественных организациях (в ЦВПК и Земгоре) и это позволяло предположить, что «в расстановке политических сил в революции важную роль будут играть общественные организации»[5]. Действительно, они могли привлечь к участию в революции эти общественные организации, используя свой должностной признак.

Совет старейшин не ограничился лишь избранием членов ВКГД. В «Протоколе заседаний» указано, что «было сделано предложение объявить избранный состав Комитета немедленно Временным Правительством». Против этого предложения резко выступил П.Н. Милюков, который говорил, что «задача Комитета временная и специальная; при выборе же состава Правительства нужно будет руководиться другими соображениями, вследствие чего и состав будет, вероятно, несколько иной». Собрание согласилось с этими доводами[6].

П.Н. Милюков писал, что решение Совета старейшин о составе ВКГД было «обсуждено по фракциям»[7]. Затем решение Совета старейшин было доложено частному совещанию членов Думы, которое возобновило свою работу в 5 часов

---

[1] Временный комитет Государственной Думы // Киевская мысль. 1917. 3 марта.

[2] *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–апреле 1917 г. / Отв. ред. О.Н. Знаменский. Л., 1976. С. 80.

[3] *Николаев А.Б.* «Протокол заседаний». С. 244.

[4] По словам Демьянова, избрание правыми в состав ВКГД левых членов Государственной думы было признанием того, что "правым нечего делать при новой политической обстановке и лучше уйти" (*Демьянов А.А.* Наброски воспоминаний // ГА РФ Ф. 6632. Оп. 1. Д. 11. Л. 45).

[5] *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия / Пер с англ. М., 1993. С. 26.

[6] *Николаев А.Б.* «Протокол заседаний». С. 244. В «Протоколе событий» этих слов нет.

[7] *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 42.

дня[1]. А.И. Рыслев, вспоминая о процедуре принятия этого постановления, рассказывал: «Родзянко спрашивает: “Согласны ли с постановлением Совета?”. Ответ: — “Согласны”. “Отводов нет?” — “Нет”. Таким образом, Комитет считается выбранным. Никаких баллотировок при этом не производилось». Рыслев подчеркивал, что ВКГД был образован с узкими вначале директивами: «для водворения порядка в Петрограде и для сношения с организациями и лицами»[2].

Г.М. Катков, характеризуя эти «узкие» полномочия ВКГД, увидел в них «отказ Думы возглавить революционное движение». Для усиления своего суждения Катков тут же подчеркнул: «Тогда не был даже обнародован личный состав Комитета. Имена членов Комитета были объявлены только к полуночи»[3]. Но и в первом, и во втором случае Катков ошибается. Во-первых, необходимо напомнить, что в качестве предварительного условия для утверждения постановления Совета старейшин о составе ВКГД частным совещанием было принято предложение трудовика В.М. Вершинина, чтобы «члены Государственной думы все без различия партий дали обещание поддерживать и оказывать содействие Временному комитету Государственной думы во всех тех его действиях, которые ему придется предпринять в будущем»[4]. Тем самым частное совещание предоставило ВКГД неограниченные полномочия. Кстати, А.Ф. Керенский позднее утверждал, что было «принято решение создать Временный комитет с неограниченными полномочиями»[5]. Депутат Государственной думы князь С.П. Мансырев в августе 1917 г. характеризовал созданный Временный комитет как орган, обладающий «всею полнотою исполнительной и распорядительной власти»[6]. Иначе говоря, «формула Милюкова» об ограниченных функциях ВКГД была ликвидирована и осталась только в названии думского органа. Это говорило о намерении членов частного совещания рассматривать ВКГД в качестве структуры, уполномоченной не только проявить солидарность с восставшими, но и встать во главе восстания и революции. Гарантом именно такого направления деятельности Временного комитета являлось вхождение в его состав левых депутатов Государственной думы Керенского и Чхеидзе.

Во-вторых, сразу же после создания ВКГД, как вспоминали депутат Государственной думы кн. С.П. Мансырев, Л. Георгиевич и Д.О. Заславский, об этом было объявлено солдатам в Екатерининском зале Таврического дворца[7]. Георгиевич писал, что зал «огласился криками “ура!”»[8]. Несколько позд-

---

[1] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 115.

[2] *[Рыслев А.И.]* Как произошел переворот... // Амурское эхо. (Благовещенск). 1917. 18 апреля.

[3] *Катков Г.М.* Февральская революция / Пер. с англ. Н. Артамоновой и Н. Яценко / Предисл. А.И. Солженицына. М., 1997. С. 295.

[4] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 115.

[5] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.137.

[6] *Мансырев С., кн.* Ступай, пока честью просят // Русская будущность. 1917. № 6–7. 7 августа. С. 6.

[7] *Георгиевич Л.* Письма из Петрограда // Полтавский день. 1917. 19 марта; *Заславский Д.* Как это было // Киевская мысль. 1917. 15 марта; *Мансырев С., кн.* Ступай, пока честью просят. С. 6.

[8] *Георгиевич Л.* Письма из Петрограда // Полтавский день. 1917. 19 марта.

нее, в 5 часов 30 мин. дня, список членов был «расклеен по улицам»[1], листовки со списком членов ВКГД раздавались гражданам с автомобилей. Так, в 5 часов 45 мин. вечера такая листовка под названием «Временный Комитет для поддержания порядка» разбрасывалась с автомобиля на Нижегородской улице[2]. Издание листовки было проведено бесцензурно, и распространялась она по городу без какого-либо разрешения военно-полицейских властей. Несомненно, факт издания и распространения этой листовки можно отнести к одним из первых революционных мероприятий Государственной думы, который говорил, в данном случае, о близком наступлении свободы печати в России.

А.И. Рыслев вспоминал о том, как было воспринято решение о создании ВКГД горожанами: «На улицах говорили, что Государственная Дума решила не расходиться, что она стала во главе движения и что образован Временный Комитет, заменяющий правительство»[3]. Эта же мысль проводилась в некоторых документах, которые публиковались местными органами власти. Так, в циркуляре, переданном по распоряжению временного коменданта Царского Села после 2 марта 1917 г., сообщалось, что Совет старейшин избрал ВКГД, «которому и передал выпавшую из рук правительства власть»[4]. Трудовик Г.М. Зильбург отводил решению о создании ВКГД существенное значение в превращении Таврического дворца в центр революции[5].

Среди первых мероприятий ВКГД были переговоры, которые думская делегация в составе М.В. Родзянко, Н.В. Некрасова, И.И. Дмитрюкова и Н.В. Савича провела вечером 27 февраля с великим князем Михаилом Александровичем и председателем Совета министров Н.Д. Голицыным в Мариинском дворце. Не пересказывая их, подчеркнем следующее: переговоры думцев в Мариинском дворце носили революционный характер, проявившийся, во-первых, в требовании отставки Совета министров и передачи власти Государственной думе, которая составит правительство (ответственное перед Думой), или в руки думского Комитета, во-вторых, в предложении, сделанном членами делегации великому князю Михаилу Александровичу, отстранить от власти Николая II и принять на себя регентство (диктатуру). Миссия думской делегации своей цели не достигла. Позднее М.В. Родзянко давал понять, что виноват в этом был великий князь Михаил Александрович, который отказался от предложения думцев объявить себя диктатором[6]. Подчеркнем, что все эти требования (предложения), конечно же, порывали с Основными государственными законами.

---

[1] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 115.

[2] ГМ ПИР. Ф. II. № 17958.

[3] *[Рыслев А.И.]* Как произошел переворот ... // Амурское эхо. (Благовещенск). 1917. 18 апреля.

[4] РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 69.

[5] *А. М–ский.* Февральские и мартовские дни в Петрограде (лекция Г.М. Зильбурга) // Русская жизнь. (Харьков). 1917. 25 марта.

[6] М.В. Родзянко о февральском перевороте // Единая Русь. 1919. 29 сентября (Одесса).

Начало думско-советского сотрудничества

В думской среде, конечно, существовали определенные сомнения относительно того, насколько широко Государственная дума и ее структуры, важнейшей из которых стал ВКГД, способны охватить своим влиянием все городские слои Петрограда и восставших солдат. Возможно, что это сомнение и стало побудительным мотивом для некоторых членов Государственной думы к принятию мер по организации Петроградского совета рабочих депутатов. Существуют свидетельства, которые заставляют предположить важное и даже решающее участие в возникновении Петроградского совета А.Ф. Керенского. Так, например, председатель Военной комиссии ВКГД Б.А. Энгельгардт вспоминал: «В кабинете бюджетной комиссии заседал "Совет рабочих депутатов", который сам Керенский привлек в середине дня в Таврический дворец из его засекреченного помещения где-то на Петербургской стороне»[1]. В других своих воспоминаниях Энгельгардт, говоря о Совете, подчеркивал, что это «конспиративная организация, вынырнувшая на свет божий <...> при посредстве Керенского»[2].

Конечно, эти утверждения Энгельгардта неполны и одним Керенским дело не ограничилось. В интервью А.Ф. Керенский рассказывал о создании Петроградского совета рабочих депутатов: «Наблюдалось стремление объединить буржуазные, революционные, демократические элементы. Известная группа людей стремилась к объединению всех активных в один кулак. При отсутствии подготовленности трудно было рассчитывать только на революционные элементы и поэтому так и случилось, что Совет Раб[очих] Деп[утатов] организовывался post factum. Исторически власть Думы возникла раньше появления Совета»[3]. Из этих слов Керенского следует, что «известная группа людей» и сыграла решающую роль в создании Совета. Здесь содержится намек на то, что эта группа имела отношение к Государственной думе. Более откровенно по этому вопросу высказался депутат А.И. Рыслев, вспоминавший, что именно члены Государственной думы «крайне левого течения» выступили организаторами Петроградского совета рабочих депутатов[4]. М.И. Скобелев, выступая 7 мая 1917 г. на заседании Всероссийской конференции меньшевистских организаций, вспоминал, что когда началась революция «достаточно было бросить из Государственной думы призыв, как явились депутаты в Совет Р[абочих] и С[олдатских] Деп[утатов]»[5]. Некоторые рабочие считали, что Совет рабочих депутатов

---

[1] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция / Подг. текст., вст. ст. и примеч. А.Б. Николаева // Клио. 2003. № 1 (20). С. 181.

[2] *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 г., 1938–1962 гг. // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 23. Л. 54.

[3] *Николаев А.Б.* А.Ф. Керенский о Февральской революции // Клио. Журнал для ученых. 2004. № 3(26). С. 111.

[4] *[Рыслев А.И.]* Как произошел переворот... // Амурское эхо. (Благовещенск). 1917. 23 апреля.

[5] Меньшевики в 1917 году: в 3-х т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона / Т. 1. Меньшевики в 1917 году: От января до июльских событий. М., 1994; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3-х тт. / Т. 3. Ч. 1. Февраль–октябрь 1917 г. / Ред. кол. В.В. Шелохаев (отв. ред.). Сост., автор предисл., введ. и коммент. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. С. 277–278.

организован Государственной думой. Так, рабочий Александровского механического завода Дункен вспоминал, что «28 февраля в вагонных и паровозных мастерских состоялось собрание, где по приказу Комитета Государственной Думы были произведены выборы в Совет рабочих депутатов»[1].

Днем 27 февраля появился Временный Исполком Совета рабочих депутатов[2], в который вошли меньшевики члены Думы М.И. Скобелев и Н.С. Чхеидзе. Скобелев вспоминал, что именно он «вышел к толпе и сообщил о создании Временного Исполкома Совета»[3]. При создании постоянных органов Совета вечером-ночью 27 февраля (после 9 часов) в его руководстве оказались Н.С. Чхеидзе (председатель Совета), А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев (товарищи председателя). Ю.С. Токарев справедливо заметил: «Выдвижение Чхеидзе, Керенского и Скобелева на посты руководителей Совета было следствием их официального положения — у первых двух как глав меньшевистской и трудовой фракций Государственной думы, у третьего — как члена меньшевистской фракции Думы»[4]. Характерно и то, что создатели Совета не отрицали, а наоборот, подчеркивали связь формирующегося Петроградского Совета рабочих депутатов с Государственной думой. Это, в частности, можно проследить, во-первых, по воззванию Временного исполкома, который дважды повторил место организации Совета — Государственная дума[5], во-вторых, по тем решениям, которые Петроградский совет принял на заседании вечером-ночью 27 февраля по продовольственному вопросу, а также по вопросу о вхождении Чхеидзе и Керенского в состав ВКГД. В газетном отчете об общем собрании Совета рабочих депутатов сообщалось, что «наибольшее внимание заняло обсуждение вопроса о вхождении представителей Совета во Временную комиссию Государственной думы (ВКГД. — *А.Н.*)»[6]. К сожалению, протокол общего собрания не сохранился, и поэтому весьма важными являются воспоминания Д.О. Заславского, в которых содержится любопытная информация о позиции Чхеидзе и Совета по этому вопросу. Заславский писал: «Поставлен был и вопрос об участии Керенского и Чхеидзе во временном комитете. Чхеидзе колебался. Правила о недопустимости вхождения в буржуазное

---

[1] *[Дункен]* Из выступления Дункена на вечере воспоминаний старых большевиков, партизан и производственников Пролетарского завода от 2 /XI — 1933 г. // ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 111. Л. 160.

[2] Ю.С. Токарев писал, что Временный исполком был образован около двух часов дня 27 февраля (*Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов... С. 29).

[3] *[Скобелев М.И.]* Речь М.И. Скобелева / Юбилейное историческое заседание // Голос солдата. 1917. 27 августа.

[4] *Токарев Ю.С.* Указ. соч. С. 35, 36.

[5] В первом воззвании формирующегося Петроградского совета рабочих депутатов указывалось: «Граждане. Заседающие в Г[осударственной] Думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня, в 7 час[ов] веч[ера], в помещении Гос[ударственной] Думы» (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы / Ред. колл.: Б.Д. Гальперина, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев. Отв. ред. В.И. Старцев, Ю.С. Токарев. Отв. сост. Б.Д. Гальперина. Л., 1991. Т. 1. С. 19, 20. См. также: Воззвание Совета рабочих депутатов // Известия КПЖ. 1917. 27 февраля [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»]).

[6] Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 23.

правительство его смущали. В минуты, когда революция свергала все законы и правила, ему казалось, что эти правила остаются незыблемыми, как и в мирное время. Совет рабочих депутатов греха в этом не увидел»[1]. Совет принял решение «делегировать туда (во Временный комитет Думы. — *А.Н.*) депутатов Чхеидзе и Керенского»[2].

Огромное политическое значение для подъема авторитета Петроградского совета играло, конечно, то, что он расположился в Таврическом дворце, где размещалась Государственная дума. Член Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов А.А. Демьянов утверждал, что Совет устроил свою резиденцию в Таврическом дворце с разрешения думского Комитета[3]. А.Ф. Керенский вспоминал, что к нему обратился кто-то с просьбой найти помещение в Таврическом дворце для Петроградского совета рабочих депутатов. Возможно, что это был член Государственной думы А.И. Коновалов[4]. Керенский согласовал этот вопрос с председателем Государственной думы. Это следует из дальнейших слов Керенского: «С разрешения Родзянко им была выделена комната за номером 13, где они и провели без промедления свое первое заседание»[5].

Петроградский совет получил возможность использовать телефон и телеграф Таврического дворца, а также другую материально-техническую базу, предназначенную для Государственной думы. Некоторые помещения в Таврическом дворце Петроградский совет занимал уже без чьего-либо разрешения. В частности, редакция «Известий Петроградского совета рабочих депутатов» заняла комнату № 9а, выделенную в свое время для Отделения ПТА. Редакция советских «Известий» использовала имеющуюся здесь мебель, печатные машинки, а также телефон, оплаченный ПТА[6].

Однако, кроме технической, имелась и политическая сторона вопроса. А.В. Тыркова-Вильямс утверждала, что «Дума была первоначальным источником» авторитета Совета рабочих депутатов[7]. Депутат Б.А. Энгельгардт вспоминал, что Совет использовал «ту притягательную силу, которую, несомненно, имела в глазах населения Гос[ударственная] дума». Энгельгардт с горечью писал: «Толпы народа и войск шли в Таврический дворец, чтобы видеть там народных представителей, но в этом дворце их встречал Совет рабочих депутатов, который мало-помалу заслонял и вытеснял Гос[ударственную] думу»[8].

---

[1] *Заславский Д.* Как это было // Киевская мысль. 1917. 15 марта.

[2] Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 23.

[3] *Демьянов А.А.* Наброски воспоминаний // ГА РФ Ф. 6632. Оп. 1. Д. 11. Л. 46.

[4] По крайней мере, В.А. Оболенский утверждал, что помещение Бюджетной комиссии было предоставлено членам формирующегося исполкома Петроградского совета рабочих депутатов именно А.И. Коноваловым (*Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 513).

[5] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. С. 139.

[6] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 49. Л. 169. Секретарь редакции «Известий Совета рабочих и солдатских депутатов», говоря о занятом помещении ПТА, писал о комнате № 10 (Там же. Л. 182).

[7] *Тыркова-Вильямс А.В.* Из воспоминаний о 1917 годе // Грани. 1983. № 130. С. 119.

[8] *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 г., 1938–1962 гг. // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 23. Л. 54.

Подтверждением этих слов могут, в частности, служить воспоминания рабочего паровозных и вагонных мастерских 4-го участка тяги Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги П.А. Самылина. Он рассказывал, что 27 февраля оказался в числе выбранных делегатов от рабочих мастерских. Перед избранными, по его словам, встал вопрос: «Куда же нас выбрали?». В ответ делегатам было заявлено: «А мы сами не знаем куда. Идите и сами разузнайте, куда надо идти». «Мы знали, — вспоминал Самылин, — что все-таки существует какая-то Государственная дума и думаем: — <...> выхода нет, как пойти в те края, где она существует, и посмотреть, что там делается». В Таврическом дворце, кто-то, узнав, что это делегация от железнодорожников, направил их в комнату № 11 на заседание Совета рабочих депутатов[1].

Думцы не могли не понимать, что соседство с Петроградским советом депутатов может сыграть роковую роль и для Государственной думы, и для России. По свидетельству Б.А. Энгельгардта, член ВКГД М.А. Караулов уже 1 марта «высказывал опасения наступающего двоевластия»[2]. Организатором этого двоевластия, по словам Энгельгардта, был Керенский — «это двоевластие объединялось в лице Керенского»[3]. Однако думцы практически никак не препятствовали деятельности Совета, кроме, пожалуй, вопроса о влиянии на солдатскую массу. Размышления о том, что Дума была вынуждена отступать перед более мощной организацией, неуместны. Совет в дни Февральской революции в организационно-техническом отношении проигрывал ВКГД. Некоторое преимущество Петроградский совет имел только в политическом отношении[4]. Но без создания организационно-технических основ это преимущество могло быстро исчезнуть, если бы не активная помощь, которую оказала Совету Государственная дума. Даже некоторые большевики понимали важность размещения Петроградского совета в здании Таврического дворца. 2 марта на учредительном собрании по организации Временного Петроградского комитета РСДРП (б) прозвучало предложение перенести заседания Петроградского совета рабочих депутатов «в какое-либо другое помещение, например, хотя бы в Городскую думу». В ответ на это «некоторыми товарищами было высказано, что такое разделение не является желательным, так как требуется постоянное общение с Думским комитетом». Другие участники заседания считали, что «при таком разделении как раз ярче и яснее определилось бы, какие войска пойдут к зданию Совета рабочих и солдатских депутатов и каких войск внимание еще будет привлекать здание Государственной думы — Думский комитет»[5]. Никакого

---

[1] *[Самылин П.А.]* Воспоминания тов[арища] Самылина о событиях на транспорте в 1917 году, 1932 г. // ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 116. ЛЛ. 125, 126.

[2] *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания о далеком прошлом, 1961 г. // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 33. Л. 18.

[3] Там же.

[4] См. подробн.: *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* К вопросу об организации власти в феврале–марте 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / Ред. колл.: П.В. Волобуев (отв. ред.) и др. М., 1997. С. 131–144.

[5] Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 33.

определенного решения на этом собрании принято не было и все осталось по-прежнему.

Установлению тесных связей между ВКГД и Петроградским советом способствовал тот факт, что руководители Совета Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенский одновременно являлись и членами думского Комитета. Оба они выступали носителями власти ВКГД и Петроградского совета. Тем самым Чхеидзе и Керенский вводили в политическую жизнь институт двойных полномочий. Этот институт являлся, по сути, проявлением принципа сотрудничества. ВКГД и Петроградский совет сумели разграничить сферы влияния[1]. Гарантом соблюдения неписаного соглашения, видимо, выступал А.Ф. Керенский[2].

Первым мероприятием, говорящим о возможности успешного проведения в жизнь принципа думско-советского сотрудничества, стало согласование вопроса об информационном обеспечении Февральской революции. Напомним, что в результате действий царского правительства и забастовки утром 27 февраля прекратился выход «всех вообще газет Петрограда»[3]. Некоторые члены ВКГД сразу после образования думского Комитета заявили «о том, что они находят необходимым немедленно выпускать известия о событиях, происходящих в России, выпускать все без всякой цензуры»[4].

Намерения членов Временного комитета Думы «немедленно выпускать известия» имели под собой организационно-техническую основу. За период дореволюционного существования Государственной думы сложился круг парламентских репортеров, объединившихся в «Общество думских журналистов». Кроме этого, 26 февраля произошло важное (для понимания дальнейших событий) собрание членов Петроградского общества журналистов. На нем были произведены выборы членов Совета и Президиума общества[5]. После выборов Совет «приступил к обсуждению вопроса о тактике <...> ввиду происходящих событий»[6]. Таким образом, какой-то план на случай продолжения информационной блокады намечен был.

На следующий день, т.е. 27 февраля, руководящие члены журналистских организаций выступили с инициативой, поддержанной несколько часами позднее некоторыми членами ВКГД, направленной на издание информационного листка. Утром 27 февраля на соединенном заседании правления (Бюро) Общества думских журналистов и Совета общества Петроградских журналистов был образован Комитет петроградских журналистов[7]. Журналисты, собравшиеся в Таврическом дворце, «пришли к единогласному заключению,

---

[1] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1994. Т. 3. С. 440.

[2] *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* К вопросу об организации власти в феврале–марте 1917 г. С. 136.

[3] Речь. 1917. 5 марта.

[4] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 66. Л. 2.

[5] Состав совета и образованных при нем комиссий // Вестник Петроградского общества журналистов. 1917. 16 апреля. № 1. С. 8.

[6] В обществе журналистов // Новое время. 1917. 7 марта.

[7] Комитет Петроградских журналистов // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 [Типография Товарищества А.С. Суворина — «Новое время»].

что в целях успеха великого национального движения, необходимо немедленно организовать выход какого-либо органа печати, который осведомлял бы население о событиях. Ввиду этого было постановлено организовать выпуск "Известий", в которых печатать исключительно фактические сведения о событиях, а также все акты, которые будут иметь отношения к этим событиям»[1]. Участники совещания избрали два комитета для издания «Известий»: в исполнительный комитет вошли Л.М. Клячко (Львов), А.И. Ксюнин, Л.М. Неманов и Ф.Ф. Борнгардт; в редакционный — А.А. Поляков, А.И. Гессен и М.И. Кричевский. Иначе говоря, в исполнительном и редакционном комитете практически все места между собой поделили члены Петроградского общества журналистов[2].

В отечественной историографии утвердилось мнение о том, что особую роль в издании «Известий КПЖ» сыграл Петроградский совет рабочих депутатов. Д. Заславский, например, указывал, что «Исполнительный комитет Совета Рабочих Депутатов разрешил комитету печатание бюллетеня — "Известий"«[3]. Э.Н. Бурджалов писал: «Чтобы выпустить такой орган в условиях всеобщей забастовки, буржуазные журналисты вынуждены были обратиться за помощью к руководителям Совета. Чхеидзе и Керенский призвали рабочих печатать "Известия петроградских журналистов"»[4].

Но сами «Известия» рисовали эту ситуацию иначе: «Члены временного комитета А.Ф. Керенский и Н.С. Чхеидзе, признавая важность издания "Известий", пошли навстречу нашей просьбе и выдали нам письменный призыв к рабочим типографий приступить к печатанию "Известий", издаваемых комитетом петроградских журналистов»[5]. «Письменного призыва» за подписью Керенского и Чхеидзе разыскать не удалось, что несколько затрудняет выяснение вопроса о роли ВКГД и Петроградского совета в появлении этой газеты. В цитируемом же выше тексте не разъясняется то, о каком именно «временном комитете» идет речь — о Временном комитете Государственной думы или о Временном исполнительном комитете Совета рабочих депутатов?

Считается общепринятым, что Временный исполком Совета был создан около 2 часов дня 27 февраля[6] (в действительности он был создан позже — уже

---

[1] От Комитета петроградских журналистов // Известия КПЖ. 1917. 5 марта. № 10.

[2] Список членов общества // Вестник Петроградского общества журналистов. 1917. 16 апреля. № 1. С. 9–12.

[3] *Заславский Д.* Печать в Февральские дни // Журналист. 1927. № 2. Февраль. С. 11.

[4] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 220.

[5] От Комитета петроградских журналистов // Известия КПЖ. 1917. 5 марта. № 10 [Типография Товарищества А.С. Суворина — «Новое время»]. А.Ф. Керенский вспоминал: «Мы с Чхеидзе подписали разрешение на выпуск первой революционной газеты "Бюллетеня думских сообщений", поскольку все городские издательства бастовали и лишенная газет столица не имела точных сведений о происходящем» (*Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 23). Керенский здесь писал о «Бюллетене думских сообщений», один экземпляр которых хранится в РГИА. (Ф. 1278. Оп. 10. Д. 66), а не об «Известиях Комитета петроградских журналистов». Конечно «Бюллетень» назвать первой революционной газетой нельзя, т.к. массовым тиражом он отпечатан не был. Возможно, Керенский перепутал издания, и в действительности хотел сказать именно об «Известиях Комитета петроградских журналистов».

[6] *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов... С. 29.

после «занятия» Таврического дворца восставшими). Среди его членов был и Н.С. Чхеидзе. В то же время о вхождении в этот орган А.Ф. Керенского ничего не говорится[1]. Но ведь авторы публикации в «Известиях» писали о Чхеидзе и Керенском как о лицах, входящих в общий для них «Временный комитет». Таким органом и являлся Временный комитет Государственной думы, членами которого они были избраны не позднее 5 часов дня[2]. То есть речь шла о содействии изданию Временным комитетом Государственной думы в лице ее левых членов. Санкцию на издание газеты журналисты получили, таким образом, уже после создания ВКГД.

«Известия» продолжают: «С образованием Совета рабочих и солдатских депутатов мы получили от исполнительного комитета Совета соответствующее разрешение на выход "Известий"»[3]. С формальной стороны основатели «Известий» заручились поддержкой как со стороны Государственной думы, так и со стороны Совета. В связи с этим утверждением возникает вопрос о том, когда был согласован вопрос о выходе «Известий КПЖ»? Если следовать логике изложения «Известий», то это согласование было достигнуто после 9 часов вечера 27 февраля, т.е. после создания Совета рабочих депутатов. Но, во-первых, в протоколах исполкома Петроградского совета следов согласования выхода «Известий КПЖ» обнаружить не удалось, и, во-вторых, к этому времени уже прошло более двух с половиной часов, как начался набор первого номера «Известий КПЖ»[4]. По свидетельству Г. Магулы, номер был сделан за два часа[5]. То есть уже к 8 часам 30 мин. вечера первый номер «Известий КПЖ» был готов к печати.

Думается, что согласование наступило значительно раньше — после 5 и до 6 часов 30 мин. вечера 27 февраля, т.е. после создания ВКГД и до начала набора первого номера «Известий КПЖ». Согласование было проведено лично Керенским и Чхеидзе, первым как членом ВКГД, а вторым как членом ВКГД и Временного Исполкома Петроградского Совета (т.е. в качестве носителя двойных — думско-советских — полномочий). Добавим, что выход «Известий КПЖ», был бы невозможен без активного участия журналистской общественности[6].

Первый номер журналистских «Известий» был набран и напечатан в типографии Товарищества А.С. Суворина — «Новое время» (Эртелев пер., д. 13) по предложению Б.А. Суворина. Тираж первого номера составил около 500

---

[1] *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов... С. 28.

[2] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 115; Комитет Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами // Известия КПЖ. 1917. 27 февраля [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[3] От Комитета Петроградских Журналистов // Известия КПЖ. 1917. 5 марта. № 10 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[4] *Д.З. [Заславский Д.О.]* Петроградская журналистика в дни революции // Петроградский листок. 1917. 13 марта (экстр. вып.).

[5] *Магула Г.* 27 февраля // Новое время. 1917. 25 марта [иллюстр. прилож.]. № 14736.

[6] Журналисты, создавая «Известия», рассматривали Государственную думу как «центр революционного восстания» (Общее собрание журналистов // Новое время. 1917. 14 марта).

тысяч экземпляров[1]. Вечером 27 февраля около 11 часов[2], когда в Петрограде не вышла ни одна газета, появились «Известия КПЖ». Вместо передовой статьи были помещены строки, предложенные А.И. Ксюниным, — «Газеты не выходят. События идут слишком быстро. Население должно знать, что происходит»[3]. И действительно, газета дала первые сообщения, которые говорили о начавшемся в Петрограде восстании. Информационная блокада революции была прорвана, на свет появилась первая свободная газета революционной России. Агитационное значение выхода «Известий Комитета петроградских журналистов» трудно переоценить. Современник событий писал: «Революция победила <...> Уже из разбросанных в огромном количестве "Известий" <...> ясно стало, что дело революции налажено прочно»[4].

***

Итак, заседание Совета старейшин и частное совещание в Полуциркульном зале сыграли важную роль в превращении Государственной думы в центр революции. Во-первых, постановления Совета старейшин создавали представление о том, что Государственная дума перешла на сторону восставшего народа.

Во-вторых, создание частным совещанием Временного комитета Государственной думы убеждало граждан в том, что Дума возглавила революцию, т.е. признало за собой (приняло на себя) функции официального центра революции, а ВКГД является органом, носящим правительственный характер.

Кроме этого, частное совещание членов Думы заложило следующие принципы временной власти: во-первых, из механизма временной власти изымался нормально действующий парламент — Государственная дума; во-вторых, ВКГД получало чрезвычайные полномочия. Временный комитет Думы имел возможность действовать вполне самостоятельно, определяя собственную компетенцию, характер, направление и содержание деятельности. Здесь необходимо подчеркнуть, что вся эта самостоятельность ВКГД, широта его полномочий в действительности являлась формой утверждения руководящего положения Государственной думы в Февральской революции. Добавим, что даже появление листовки со списком членов ВКГД, изданной в Таврическом дворце и распространенной затем на улицах столицы на бесцензурной и явочной основе, носило революционный характер.

Левые депутаты Государственной думы сыграли решающую, на наш взгляд, роль в создании Петроградского совета рабочих депутатов. Каких-либо попыток препятствовать организации Совета со стороны Государственной думы, ее

---

[1] *Гессен А.И.* ...И я свой след оставил // Неделя. 1976. 12–18 апреля. № 15. С. 8.

[2] В РНБ хранятся однополосные «Известия КПЖ» (1917. 27 февраля. Б/н. [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»], на оборотной стороне которых от руки синими чернилами сделана надпись: «Разбросано у Г[осударственной] Думы 27 февр[аля] 1917 г. в 11 ч[асов] веч[ера]».

[3] *Поляков А.* Комната № 10 // Новое русское слово. 1947. 23 марта (Нью-Йорк), ксерокопию этой статьи нам любезно предоставил Б.И. Колоницкий.

[4] *Эпштейн С.* Великие дни революции. (Впечатления очевидца) // Приднепровский голос. (Кременчуг). 1917. 19 марта.

Временного комитета не выявлено. Создание Петроградского совета в стенах Таврического дворца, а также то, что ряд левых депутатов Думы занял руководящее положение в исполкоме Петроградского совета, говорило о следующем: во-первых, Государственная дума в лице Временного комитета, была готова поделиться частью своего влияния и авторитета с Петроградским советом; во-вторых, было положено начало взаимовыгодному думско-советскому сотрудничеству, инициатором которого выступила Государственная дума.

Одним из первых шагов этого сотрудничества стало согласование вопроса об издании первой свободной газеты революционной России — «"Известий" Комитета петроградских журналистов». Несомненно, что выход этой газеты необходимо рассматривать как важный шаг в сторону утверждения в России свободы печати.

Штаб восстания — Государственная дума (27 февраля 1917)

В дни Февральской революции были проведены мероприятия по созданию «центров–штабов», которые должны были возглавить движение восставших солдат, рабочих и горожан в Петрограде. Одним из них был штаб, созданный в помещении (или помещениях) ЦВПК на Литейном проспекте (д. 46)[1]. Он выступал в качестве вспомогательной структуры, обслуживавшей штаб восстания, который складывался 27 февраля в Государственной думе.

Появление штаба восстания в Государственной думе было предопределено не топографическим положением Таврическом дворца, а той деятельностью, которую проводили думцы, начиная с утра — дня 27 февраля 1917 г. Подчеркнем, что создание думского штаба восстания не было, во-первых, одномоментным событием, а прошло несколько этапов; и, во-вторых, сопровождалось решением ряда существенных задач, поставленных революцией.

Государственная дума в борьбе за солдатские массы (утро — день 27 февраля)

Важнейшей задачей революции стала работа по внесению в стихийное солдатское движение элементов организации, подчинение восставших солдат руководящему центру. Г.Л. Соболев утверждает, что солдаты «действовали на улицах, как правило, под руководством тех передовых солдат и унтер-офицеров, которые подняли их на выступление в казармах»[2].

Вспыхнувшее солдатское восстание тут же вызвало к себе повышенный интерес со стороны сначала только отдельных депутатов Государственной

---

[1] РГИА. Ф. 975. Оп. 1. Д. 40. Л. 74.

[2] *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября / Под ред. И.И. Минца. Л., 1985. С. 49.

думы, стремившихся использовать его в своих целях. А.Ф. Керенский в своих мемуарах «Россия на историческом повороте», вспоминая о событиях 27 февраля, писал: «Уходя утром из дома, я успел позвонить нескольким из моих друзей и попросил их отправиться в охваченные восстанием военные казармы и убедить войска идти к Думе»[1]. К сожалению, Керенский не назвал фамилий этих людей. Поэтому выяснить сейчас, до кого же Керенский все-таки сумел дозвониться утром 27 февраля, крайне трудно. Но в воспоминаниях «Русская революция. 1917» Керенский назвал одного из тех, кого он разыскивал утром 27 февраля, — Н.Д. Соколова. Керенский писал: «Уже не припомню, то ли своей жене поручил позвонить одному из моих друзей, Соколову, живущему рядом с казармами, то ли кому-то другому, встреченному по дороге, но я сделал все возможное, чтобы связаться с Волынским полком, восставшим явно без всякой определенной цели»[2]. Известно также и то, что по поручению Керенского кто-то рано утром звонил В.Б. Станкевичу. Последний вспоминал об этом телефонном разговоре: «От имени Керенского мне сообщили, что Дума распущена, Протопопов объявлен диктатором, что в Волынском полку произошло выступление, полк перебил офицеров, вышел с винтовками на улицу и направился к Преображенским казармам (в этих казармах был расположен мой батальон)»[3]. После 12 часов Керенский разыскивал по телефону Н.Н. Суханова, требуя его прихода в Таврический дворец. Суханова он не застал[4]. Днем 27 февраля А.Ф. Керенский послал кого-то к восставшим солдатам-волынцам с призывом идти к Таврическому дворцу. Он рассказывал об этом члену Комиссии опросов Общества изучения революции 1917 г.: «Тут разнесся слух, что войска направились к министерству внутренних дел ловить Протопопова. Я считал, что войска должны были подойти к Думе. Послал через товарища за Волынцами»[5].

Добавим, что Керенский, проявивший в этот день недюжинную энергию, не был одинок в своем стремлении привести восставшие войска к Государственной думе. И.П. Лейберов считает, что в этом же направлении, кроме А.Ф. Керенского, работали П.Н. Милюков, Н.В. Некрасов и близкий к думским левым кругам Н.Д. Соколов. Они, по словам Лейберова, «попытались установить связь с солдатскими массами через своих сторонников, партийных активистов и направить их движение к Государственной думе»[6]. Н.В. Некрасов ничего не вспомнил об этой деятельности среди солдат[7]. Но сторонним

---

[1] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 136.

[2] *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 10, 11.

[3] *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919 // *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919. *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. / Сост., вст. ст., примеч. А.С. Сенина. М., 1994. С. 32.

[4] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 77.

[5] *Николаев А.Б.* А.Ф. Керенский о Февральской революции // Клио. Журнал для ученых. 2004. № 3(26). С. 111.

[6] *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 –март 1917 г.). М., 1979. С. 239.

[7] *[Некрасов Н.В.]* Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов / Вст. ст. В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 19, 20.

наблюдателем он не был, а наоборот, активно включился в революцию[1]. Милюков в своих воспоминаниях также ничего не писал о тех шагах, которые он предпринял в пользу агитации за движение солдат к Думе[2].

Итак, агитация за движение восставших к Думе началось уже с утра 27 февраля. Организатором этого движения, в первую очередь, был А.Ф. Керенский. Работали в солдатской среде на улицах и те, до кого Керенский сумел дозвониться с просьбой вести солдат к Таврическому дворцу, и те, кто не смог получить от Керенского этого поручения 27 февраля, но имел с ним или с другими депутатами Государственной думы соответствующие предварительные договоренности. Кроме этого, нельзя не учитывать и поступки отдельных людей, действовавших спонтанно под влиянием революционного момента и в пользу того, чтобы превратить Думу в центр революции, создать в Таврическом дворце штаб восстания. Процесс создания штаба и успешность его деятельности напрямую зависели от наличия в его распоряжении воинских частей, способных выполнять приказы, направленные на дальнейшее развитие революции.

Несомненно, что таких лиц (агитаторов и организаторов движения восставших к Думе) в те дни на улицах Петрограда действовало достаточно много. Среди них были и офицеры, но, по утверждению современников, солдаты слушались их (офицеров) плохо, т.к. не верили им. Например, В.Б. Станкевич, узнав по телефону из Государственной думы о происшедших событиях, и в частности о том, что восставшие волынцы устремились к Преображенским казармам, где был расположен его батальон, срочно направился туда же. Но узнав о расправе над некоторыми офицерами-преображенцами, Станкевич, по его собственным словам, «смутился» и отправился в школу прапорщиков, располагавшуюся на Кирочной улице. Отсюда он попытался дозвониться в батальон и в Государственную думу. Но ему этого сделать не удалось. Тогда Станкевич вышел из школы и, как он сам вспоминал, «пробовал убеждать солдат идти к Таврическому дворцу. Мемуарист с горечью заметил: “Но мои слова были встречены недоверием: ‘Не заманивает ли в западню’”». Конечно, Станкевич действовал осознанно и выполнял установки, которые были предварительно проговорены, но, если верить его словам, не были утверждены. Станкевич писал, что непосредственно перед 27 февраля 1917 г. он разговаривал с М.Н. Петровым, который «стал говорить о необходимости военного выступления против правительства». Именно Петров предложил Станкевичу «собрать офицеров и убедить их подписать резолюцию о подчинении батальона Государственной думе». Станкевич, по совету Петрова, переговорил по этому вопросу с трудовиком М.Н. Березиным, который должен был связать его с Президиумом Государственной думы для выяснения необходимости такого

---

[1] 23 марта 1917 г. Некрасов, выступая в Москве, говорил, что в дни революции он провел в Таврическом дворце 4 ½ дня и спал «за все это время всего 2 часа». В этой же речи он заявил, что во главе переворота стояла «небольшая кучка людей». Насколько можно было понять из речи, Некрасов включил себя в эту группу руководителей «переворота» (*/Некрасов Н.В./* Речь министра путей сообщения Н.В. Некрасова в отделе путей сообщения / Министр Путей Сообщения Н.В. Некрасов в Москве // Вестник Екатерининской железной дороги. Часть неофициальная. 1917. 12 апреля. № 492/14. С. 2).

[2] *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 2. С. 250–254.

шага. Березин обещал Станкевичу выяснить все к 6 часам вечера 27 февраля[1]. Здесь интересно упоминание о Петрове как работавшего в офицерской среде и Березина как связного между офицерами и Президиумом Государственной думы. Скорее всего, речь шла все-таки не о Президиуме Думы, а о вполне определенных и влиятельных депутатах из числа трудовиков. Лучшим кандидатом на эту роль организатора движения в войсках подходил А.Ф. Керенский, который, кстати, был членом Совета старейшин Государственной думы[2].

И даже не получив санкцию от думских лидеров, Станкевич действовал так, как было обговорено с трудовиками Петровым и Березиным. Но действовал Станкевич, по его же собственным словам, неудачно[3]. Этот единичный факт был положен в основу следующего утверждения И.Л. Архипова: «Бросалось в глаза отсутствие руководителей выступления и даже лозунгов»[4]. Здесь не все так просто, как кажется. Во-первых, складывается впечатление, что Станкевич в своих воспоминаниях рассказал не совсем так, как все было на самом деле. 13 марта 1917 г. на митинге в Александровском зале Петроградской городской думы Станкевича встречали шумными овациями, как «одного из первых пришедшего со своей частью к Таврическому дворцу в исторический день 27 февраля»[5]. То есть все-таки он привел кого-то из солдат, кто-то его послушался?![6] Во-вторых, вопрос состоял в том, что прежде чем начать руководить вспыхнувшим стихийным восстанием солдат, этих солдат необходимо было организовать, а для этого их надо было подчинить революционному центру и штабу восстания, складывавшемся в Государственной думе. Именно этим с меньшим или с большим успехом занимались многие лица, среди которых были и офицеры. Здесь же отметим, что офицеры должны были сначала присоединиться к восставшим солдатам.

Среди первых офицеров, перешедших на сторону революции, называли прапорщика-волынца Г.Т. Астахова. По утверждению тогдашней прессы, он был первым офицером, который «стал во главе восставших солдат в Петрограде». Именно Астахов, переодетый в солдатскую шинель, сумел преодолеть замешательство солдат и руководил ими, после того как произошло соединение волынцев, литовцев и преображенцев[7]. То есть Астахов присоединился к волынцам уже после того, как они оказались на улице. Но, по словам И. Весеньева, Астахов появился в казармах в момент начала восстания, «переоделся в унтерофицерскую шинель и повел солдат»[8]. Крайне важным является свидетельство

---

[1] *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919. С. 31, 32.

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1157. Л. 25.

[3] *Станкевич В.Б.* Указ. соч. С. 32.

[4] *Архипов И.Л.* Российская политическая элита в феврале 1917: психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С. 87.

[5] Митинг трудовой группы // Новое время. 1917. 14 марта.

[6] Возможно, что в газетном сообщении была допущена ошибка. Станкевич вспоминал, что привел весь батальон к Таврическому дворцу уже после 27 февраля (*Станкевич В.Б.* Указ. соч. С. 34).

[7] Русский инвалид. 1917. 16 марта.

[8] *Весеньев И.* Да здравствует революционный гвардии Волынский полк! // Вечернее время. 1917. 13 апреля.

300 солдат-волынцев, согласно которому именно благодаря прапорщику Астахову восставшие волынцы двинулись по Литейному проспекту к Государственной думе. Но по дороге они были обстреляны войсками, стоявшими на охране Литейного моста и здания Судебных установлений. В результате перестрелки строй волынцев распался, «все перемешалось» и лишь часть солдат Запасного батальона лейб-гв. Волынского полка продолжила свой путь к зданию Государственной думы[1]. Не исключено, что к волынцам могли присоединиться и солдаты снятых им полков (преображенцы, литовцы, саперы и кексгольмцы). Тем более что призыв Астахова подкреплялся агитацией и со стороны других лиц, находившихся в районе восстания, в том числе и со стороны офицеров.

Н.И. Иорданский, имевший контакты с левыми депутатами[2] и считавший, что Государственная дума должна быть связана «с делом восставших солдат», попытался оказать (после 8 и до 11 часов утра 27 февраля) влияние на действие полуроты преображенцев, находившейся на Фуражном переулке без командира. Но его советы восставшими солдатами приняты не были, т.к. у них уже был намечен определенный план. Меньшевик Иорданский сделал важное замечание: он писал, что волынцы и преображенцы «собираются идти в Государственную Думу». Вскоре, подошедший «откуда-то» прапорщик возглавил эту полуроту. Мемуарист писал: «Солдаты встретили его с явной радостью: "Ну, теперь пойдем! Прапорщик взял команду!"– пронеслось по рядам. И отряд двинулся вперед с большею уверенностью и твердостью»[3].

Вольноопределяющийся воздухоплавательной части присяжный поверенный Б.Г. Сергиев сообщал, что 27 февраля, выйдя из дома около 11 часов утра 27 февраля на Кирочную улицу, увидел, что «вся улица буквально кишела солдатами, как муравейник». Он отметил, что среди солдат не было ни одного офицера и поэтому солдаты «в нерешительности толкались на месте». Поняв, что началась «военная революция», Сергиев тут же вступил в разговоры с солдатами и выяснил, что «недовольство среди них создалось из-за недостатка продовольствия, а особенно обострилось и прорвалось наружу после приглашения их на усмирение населения». Во время этой беседы к Сергиеву подошел присяжный поверенный О.О. Грузенберг, который сообщил о роспуске Государственной думы. Сергиев, вспоминал, что он «выйдя на середину улицы, начал направлять солдат к Думе, чтобы там создать настроение и найти для солдат руководителей среди левых фракций»[4]. Солдаты его послушались и пошли к Таврическому дворцу.

В саперных батальонах нашлись офицеры, которые уже 27 февраля возглавили восставших солдат. В 6-м саперном батальоне прапорщик Л.М. Плинер, как записано в аттестате, «во время революции одним из первых офицеров восстал против

---

[1] Волынцы. Начало освободительного движения // Новое время. 1917. 8 марта.

[2] *Скобелев М.И.* Гибель царизма. Воспоминания // Огонек. 1927. №11 (207). 13 марта.

[3] *Иорданский Н.И.* Военное восстание 27 февраля (заметки) // Молодая гвардия. М., 1928. №2. С. 165–168.

[4] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

старого режима и встал во главе революционных войск батальона»[1]. Один или два прапорщика 2-го запасного саперного батальона, после того как восставшие солдаты покинули казарму, сумели собрать их в отряд, возглавить его и привести в Государственную думу. Один из этих прапорщиков был «очень неглупый, образованный в партийном отношении, с определенно большевистским уклоном»[2]. К сожалению, не удалось установить, во-первых, действовали ли командиры отряда стихийно или под влиянием агитации, исходящей из Государственной думы, и, во-вторых, когда этот отряд саперов пришел к Таврическому дворцу. Неизвестно, в каком полку служил прапорщик Н.П. Пертик, сыгравший важную роль в первые часы вооруженного восстания. Именно он, по словам Э.К. Дрезина, руководил восставшими солдатами при захвате Литейного моста, а затем участвовал в снятии Запасного батальона лейб-гв. Московского полка[3].

Приведенные факты, несомненно, свидетельствуют в пользу утверждения Е.И. Чапкевича о том, что к восставшим солдатам запасных гвардейских батальонов присоединилась «лишь небольшая часть офицеров, преимущественно младших чинов»[4].

На улицах Петрограда оказались также слушатели Военно-медицинской академии. Главная заслуга в этом принадлежала профессору В.А. Оппелю. Участник событий В.Г. Геров вспоминал: «27 февраля 1917 г. мы, слушатели 3 курса ВМА, слушали лекцию по хирургической патологии. Читает профессор Оппель — демократ. К нам в аудиторию доносятся звуки духовых оркестров, играют марш рабочих, народные мотивы, “Варшавянку” <...>слышатся одиночные выстрелы. Профессор Оппель прерывает лекцию. Мы выглядываем на улицу. Виден Литейный мост, сплошь запруженный народом <...> неожиданно раздается громкий голос профессора: “Коллеги, революция не только стучится в дверь, а она в полном своем разгаре. Примем в ней непосредственное участие и внесем свой вклад в ее преуспевание. Мощное “Ура!” сотрясает аудиторию. Все мы вскакиваем с мест, на руках выносим профессора»[5]. Выйдя на улицу, слушатели ВМА активно включились в происходящие события, часть из них устремилась к Государственной думе. Не исключено, что и в этом случае важную роль организатора сыграл полковник В.А. Оппель[6]. Хотя больше известно о том, что профессор В.А. Оппель и староста 4-го курса А.С. Максимович орга-

---

[1] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. Сборник материалов и документов / Ред. и вст. ст. А.К. Дрезена. Сост. и подг. к печ. М.И. Ахун, Б.М. Кочаков и М.Л. Лурье. [Л.], 1932. С. 32.

[2] Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже (Воспоминания графа Д.И. Толстого) / Публ. С.Г. Блинова // Российский архив. М., 1992. Вып. II–III. С. 337, 338.

[3] *Дрезин Э.К.* Воспоминания, 1920 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1486. Л. 1 об.

[4] *Чапкевич Е.И.* Русская гвардия в Февральской революции // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 10.

[5] Цит. по: *Шалаев Н.* 1917 год в Военно-медицинской академии // Военный врач. 1987. 12 октября. № 28. С. 2. См. также: *Леонов И.Т.* В.А. Оппель — президент Военно-медицинской академии в 1917 году // Военный врач. 1997. 19 сентября. № 14. С. 9.

[6] В.А. Оппель о своих воспоминаниях ничего не сообщил о тех шагах в пользу революции, которые он предпринял 27 февраля (См.: *Оппель В.А.* Февральская революция и Военно-медицинская академия. СПб., 2000. С. 1–15).

низовали из студентов отряд в несколько десятков человек, снабженный всем необходимым для оказания медицинской помощи раненым на улицах восставшего Петрограда[1].

С утра 27 февраля среди восставших войск действовали различные партийные деятели, но не всегда удачно (Н.И. Иорданский). П.Н. Милюков, по словам Керенского, позднее рассказывал, что, «проходя мимо казарм около девяти утра, видел, как некоторые наши политические друзья уговаривали солдат идти следом за нами к Думе»[2]. По свидетельству депутата А.И. Рыслева, непосредственное участие в руководстве движением на улицах Петрограда приняли внедумские трудовики Бельский и Войцеховский, которые поддерживали связь с Государственной думой[3].

Как выяснилось, солдаты-преображенцы уже в начале восстания находились под влиянием Государственной думы, подтверждением чему служат воспоминания члена Государственной думы Н.А. Ростовцева (земец-октябрист). Он вспоминал: «<...> я увидел <...> около казарм лейб-гвардии Преображенского полка какой-то клубок, волнующихся и крутящихся солдат. Я остановился и начал думать, идти мне дальше или нет. Я решил не ходить. В это время я увидал двух бегущих солдат. Я их спросил, в чем там дело. — "Как[,] разве вы не знаете, барин, — сказали они, — у нас там идет дело ... В Волынском полку началось ... перебили, значит, офицеров и пошли теперь по другим полкам, все присоединяются. — "В чем же дело?" — спросил я. — "А как же? ... Начальство очень подло поступает, народ, значит, без хлеба и вправе его требовать, а нам приказывают в него стрелять. Ночью в казармах у нас были члены Государственной Думы и нам это разъяснили... Ну[,] прощайте, а то нам бежать надо", — сказали они. — "Хорошенькие члены Думы" — подумал я <...>»[4]. К сожалению, фамилий этих депутатов Государственной думы выяснить не удалось. Неизвестные агитаторы, скорее всего, не были членами Думы. Но и в этом случае факт революционной агитации ими говорил о том, что среди солдат Государственная дума пользовалась большой популярностью. Не исключено, что эти же депутаты Думы, или «лжедепутаты», вели работу и в других полках[5].

Исследователи считают, что крайне важным для направления восставших в Таврический дворец стала позиция десяти членов Рабочей группы при

---

[1] Отряд действовал на Выборгской и Петроградской сторонах, на Литейном и Невском проспектах (См. подробн.: *Шалаев Н.Ф.* 1) 1917 год в Военно-медицинской академии // Военно-медицинский журнал. 1987. № 8. С. 9; 2) Доклад подполковника медицинской службы Н.Ф. Шалаева на совместном заседании Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, Военно-медицинского музея и С.-Петербургского научного общества историков медицины на тему: «Медицинская и научная и общественная деятельность студентов Военно-медицинской академии в 1881–1917 гг.». Рукопись. СПб., 28 января 1993 г. // Фонды АМИ ВмедА).

[2] *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 11.

[3] *[Рыслев А.И.]* Как произошел переворот... // Амурское эхо. (Благовещенск). 1917. 18 апреля.

[4] *Ростовцев Н.А.* Мои воспоминания (общая часть) // ГА РФ. Ф. Р–9026. Оп. 1. Д. 3. Л. 186.

[5] *Савич Н.В.* Воспоминания / Вст. ст. Н.Н. Рутыча; Биографич. справочн. А.В. Терещука. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 196.

ЦВПК, освобожденных из Крестов. В.И. Старцев писал, что К.А. Гвоздев, Г.Е. Бройдо и другие выступили перед рабочими и солдатами с призывом «повернуть обратно и пойти на Шпалерную улицу к Таврическому дворцу, чтобы продемонстрировать свою поддержку народному представительству, Государственной думе». Толпа послушалась и повернула обратно. Старцев подчеркивал: «Вот первый настоящий пример внесения организованности в стихийные действия масс. И он принадлежал меньшевикам-оборонцам». Призыв их нашел отклик и среди солдат, принимавших участие в штурме Крестов, т.к. стало известно, что «туда же отправилась солдатская делегация»[2].

ЦВПК выступил одним из организаторов направления восставших солдат к Таврическому дворцу. Для этого у ЦВПК были организационно-технические возможности — мощный аппарат, включая хорошо подготовленные кадры, связь и транспорт. По крайней мере, В.А. Оболенский писал, что один из участников штаба пользовался автомобилем «Союза городов». М. Рафес рассказывал, что после двух часов дня с грузовика, двигавшегося по набережной реки Невы, «все время отдельные лица беспрерывно кричат, обращаясь к толпе солдат и публики: “Идите в Таврический дворец”. “Идите в Гос [ударственную] Думу». Всего мемуарист насчитал четыре грузовых автомобиля с вооруженными людьми. Важно упоминание Рафесом того факта, что среди находившихся в одном из грузовиков агитаторов были знакомые ему рабочие, с которыми он «встречался в рабочей группе военно-промышленного комитета»[4]. То есть вполне логично предположить, что действиями этих агитационных групп руководил какой-то центр, возможно, что это и был ЦВПК.

Наиболее важным для дальнейшего развития революции составляющим элементов восставших были солдаты. Поэтому крайне важным является ответ на вопрос, имелись ли у солдат какие-либо веские основания послушаться агитаторов и двинуться к Таврическому дворцу? Г.Л. Соболев пишет, что «для нарушивших присягу солдатских масс Государственная дума стала тем “законным учреждением”, от которого они хотели получить одобрение своим действиям и распоряжения, как вести себя дальше»[5]. Эта мотивация

---

[1] *Старцев В.И.* Стихийность и организованность в Февральском восстании 1917 года в Петрограде // 80 лет революции 1917 года в России. Республ. научн. конф. С.-Петербург. 11–12 марта 1997 г. Тез. док. и сообщ. / Под ред. Г.Л. Соболева и В.И. Старцева. СПб., 1997. С. 25.

[2] *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава / Под ред. О.Н. Знаменского. Л., 1980. С. 29.

[3] *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 516.

[4] *Рафес М.* Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С. 185, 186.

[5] *Соболев Г.Л.* Временный комитет Государственной думы и Петроградский гарнизон в дни Февральской революции // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. СПб., 1999. С. 502. См. также: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 202; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Ред. В.Ю. Черняев. СПб., 2001. С. 29.

сыграла важную роль в движении солдат к Таврическому дворцу[1]. Но, необходимо учитывать и усилия тех, кто организовывал солдатскую массу в плане подчинения ее Государственной думе. Первым итогом деятельности многих лиц, заинтересованных в установлении именного такого соотношения Думы и восставших, стало то, что «нижние чины Волынского, Литовского полков вышли на улицу, устроили ряд демонстраций в пользу Государственной Думы»[2]. В воспоминаниях депутата И.С. Васильчикова об этом движении восставших «в пользу» Думы говорится более подробно: «<...> громадные толпы рабочих с присоединившимися к ним солдатами запасных полков направлялись с разных сторон к Госдуме с криками: "Вся власть Государственной думе!"»[3].

27 февраля необходимо особо выделить две волны восставших, устремившихся к Государственной думе. Появление первой из них у Таврического дворца произошло около 1 часа, а второй — в 2 часа дня.

О первой волне восставших в «Протоколе событий» указывалось со слов М.В. Родзянко, что «около 1 часа дня явились к Государственной думе в качестве депутатов около 25 000 войск, студенты Военно-медицинской академии»[4]. В «Протоколе заседаний» записано так: «Явились в Государственную Думу в качестве депутатов от 25 000 войск студенты Военно-Медицинской Академии»[5]. Можно утверждать, что около 1 часа дня[6] в Государственную думу пришла делегация от 25 000 восставших солдат и студенты Военно-медицинской академии.

По словам Д.О. Заславского, «делегаты от восставших войск прошли в кабинет Родзянко»[7], где в это время, напомним, проходило заседание Совета старейшин. Какую цель преследовали пришедшие? В «Известиях КПЖ» сообщалось, что делегация явилась «для осведомления о позиции, занятой народными представителями»[8]. Родзянко же утверждал, что делегаты от восставших

---

[1] Хотя Е.Д. Черменский выступал против такого подхода в оценке движения восставших к Государственной думе. Он, критикуя взгляды Г.Л. Соболева, писал: «Но нам представляется, что взоры солдат были обращены не к помещичье-буржуазной Думе, а к заседавшему в Таврическом дворце Совету рабочих депутатов, ибо его популярность была неизмеримо выше, чем Государственной думы» (*Черменский Е.Д.* Вторая российская революция, февраль 1917: Книга для учителя. М., 1986. С. 132, 133). Утверждение Соболева относится к событиям 27 февраля, когда Петроградский совет рабочих депутатов еще только создавался. Слова Черменского можно отнести к ситуации 28 февраля, когда Петроградский совет рабочих депутатов уже действовал.

[2] РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 69.

[3] *Васильчиков И.С.* То, что мне вспомнилось ... / Подг. текст., предисл. и коммент. Г.И. Васильчикова. М., 2002. С. 104.

[4] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 112.

[5] *Николаев А.Б.* «Протокол заседаний». С. 241.

[6] Делегация революционных войск в Г[осударственной] Думе // Известия КПЖ. 1917. 27 февраля [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»]. В провинциальной прессе сообщалось, что делегация от восставших войск явилась в Государственную думу в 1 час 50 мин. дня (См., напр.: События в Петрограде // Русская жизнь. 1917. 3 марта (Харьков)).

[7] *Заславский Д.* Как это было // Киевская мысль. 1917. 15 марта.

[8] Делегация революционных войск в Г[осударственной] Думе // Известия КПЖ. 1917. 27 февраля [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

солдат хотели узнать, «желает ли Государственная дума присоединиться к движению»[1]. По словам Пименовой, Родзянко сообщил им, что «Дума не подчинилась указу о роспуске, в противоположность Государственному Совету, который подчинился ему. Депутаты Думы остаются на своих местах». На вопрос делегатов — «Но что же она (Государственная дума. — *А.Н.*) намеревается делать дальше?»[2] — Родзянко передал делегации постановление Совета старейшин Думы, в котором указывалось, что «основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой». В постановлении подчеркивалось, что в осуществлении этого Дума «примет живейшее участие, но для этого, прежде всего, необходимы порядок и спокойствие»[3]. Родзянко также разъяснил делегатам, что «вопрос о личных кандидатурах пока еще не поставлен. Об этом говорить преждевременно»[4]. Одновременно председатель Государственной думы вручил делегатам тексты телеграмм, отправленных царю в Ставку, начальнику штаба генералу М.В. Алексееву и трем главнокомандующим фронтами[5].

А.С. Изгоев совершенно справедливо подчеркнул, что «первым лицом, принявшим делегацию войск, был председатель Государственной думы»[6]. Это замечание крайне важно для дальнейших рассуждений о характере действий Государственной думы в последующих событиях. Дело в том, что ст. 61 Учреждения Государственной думы запрещала появление в Думе депутаций и представление в нее словесных и письменных заявлений. Конечно, Родзянко обязан был знать о таком запрете, но, несмотря на это депутацию от восставших солдат принял, выслушал ее словесное заявление и даже дал ответ. Иначе говоря, Родзянко действовал противозаконно, по-революционному. Заметим, что информация о деятельности Родзянко еще некоторое время после 3 часов дня 27 февраля из Министерского павильона Таврического дворца сообщалась членам царского правительства. Судя по воспоминаниям Н.Н. Покровского, Родзянко характеризовался в этих телефонных сообщениях как руководитель революции, чему царские министры не хотели верить[7].

В два часа дня до Таврического дворца докатилась вторая волна восставших. Главное отличие ее состояло в том, что она представляла собой уже не отдельные группы солдат и публики, а тридцатитысячную толпу. Кто привел ее? Напомним, что главным инициатором прихода «мятежных войск к Думе» (и конечно тех, кто пришел в 1 час дня!) современники и исследователи на-

---

[1] **Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 112.**

[2] ***Пименова Э.К.*** **Дни великого переворота в России. Очерки великой русской революции (с иллюстрациями). Пг., 1917. С. 24.**

[3] **Делегация революционных войск в Г[осударственной] Думе // Известия КПЖ. 1917. 27 февраля [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].**

[4] **РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 66. Л. 1.**

[5] **Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 112.**

[6] ***Изгоев А.С.*** **Социалисты во второй русской революции. Пг., 1917. С. 5.**

[7] ***Ганелин Р.Ш.*** **Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // Отечественная история. 1992. № 5. С. 159.**

зывали А.Ф. Керенского[1]. Да и сам он об этом рассказывал в своих мемуарах и интервью[2].

Относительно конкретных руководителей этой акции сведений сохранилось мало. А.В. Тыркова писала в своем дневнике, видимо, о П.Н. Милюкове, который «пошел на улицу и привел солдат к Думе». По словам Тырковой, это произошло «около 2-х часов» дня[3]. С.П. Мельгунов указывал, ссылаясь на М.В. Чернова, что «первые три восставших полка, волынский, литовский и измайловский <...> были приведены к Гос[ударственной] Думе штатским прис[яжным] пов[еренным] Н.Д. Соколовым»[4]. Что касается Измайловского полка, то Мельгунов ошибался вслед за Черновым. Переход Запасного батальона Измайловского полка на сторону революции завершился к утру 28 февраля, и тогда же полк пришел к Таврическому дворцу. Н.Н. Суханов в «Записках о революции» также указывал, что первые восставшие полки привел к Таврическому дворцу Н.Д. Соколов. Но он имел в виду только Волынский и Литовский полки. Эту информацию Суханов передавал со слов самого Соколова[5]. Несколько иначе Суханов писал об этом же событии в своих воспоминаниях, посвященных непосредственно Соколову. В них речь уже не шла о приведенных полках, а лишь о том, что Н.Д. Соколов возглавил восстание какого-то отряда солдат и привел его к Таврическому дворцу[6].

Добавим, что на формирование этой толпы, пришедшей к Таврическому дворцу, определенное влияние оказали усилия Б.Г. Сергиева, который продолжал и днем направлять сюда солдат. Около 3 часов дня (или несколько позже) в Таврический дворец приехал Г.С. Хрусталев-Носарь[7], вслед за которым от здания Судебных установлений, предположительно, пришла часть восставших солдат. Тогда же появились у Государственной думы солдаты и рабочие, пришедшие с Выборгской стороны после взятия Крестов и снятия солдат Запасного батальона лейб-гв. Московского полка[8].

Итак, восставших солдат привели к Таврическому дворцу в 2 часа дня (или около того) П.Н. Милюков и Н.Д. Соколов. Сыграли определенную роль в руководстве движением солдат к Думе Б.Г. Сергиев, а несколько позднее Г.С. Хрусталев-Носарь и члены Рабочей группы при ЦВПК, освобожденные из Крестов. Не исключена возможность того, что часть солдат была приведена своими офицерами, фамилии которых неизвестны. Среди них могли быть и лица, выполнявшие приказы (просьбы) А.Ф. Керенского.

---

[1] См., напр.: *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 29.

[2] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 136; *Николаев А.Б.* А.Ф. Керенский о Февральской революции. С. 111.

[3] *Тыркова А.В.* Петроградский дневник / Публ. М.Ю. Сорокиной // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып.2. С. 327.

[4] *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 29.

[5] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1 Кн. 1–2. С. 75.

[6] РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 591. Л. 93.

[7] *Заславский Д.* Как это было // Киевская мысль. 1917. 15 марта.

[8] *Мухин И.К.* Воспоминания бывшего рабочего завода «Тюдор» о революционных событиях в 1917 г., 1934 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1638. Л. 3.

Еще до появления второй волны восставших солдат у Таврического дворца руководство Государственной думы предприняло определенные шаги, направленные на включение солдат в поле своего влияния. Около 2-х часов дня стало известно, что новые толпы восставших солдат и рабочих идут к Государственной думе. Начальник военного караула по собственной инициативе, как вспоминал С.И. Шидловский, обратился к Родзянко с вопросом, «что ему делать, если толпа подойдет к Таврическому дворцу и попытается проникнуть в него»?[1] Родзянко «вызвал начальника охраны Таврического дворца, которому отдал приказ, чтобы находящийся в здании дворца военный караул не оказывал бы сопротивления и не пускал бы в ход оружия»[2]. Начальником охраны был генерал-майор барон В.Ф. Остен-Сакен. А.И. Гессен писал, что Остен-Сакен подчинился этому приказу[3]. Д.О. Заславский утверждал же, что Остен-Сакен после этого приказа Родзянко исчез[4]. Конечно, теперь крайне трудно установить остался ли Остен-Сакен в Таврическом дворце или действительно покинул его. Но можно утверждать, что он не стал спешить с исполнением приказа Родзянко. Подтверждением этому служит то, что приказ Родзянко был доведен до начальника караула при Таврическом дворце прапорщика 86-й пешей Вологодской дружины М.К. Медведева депутатом М.А. Карауловым, а не Остен-Сакеном. Медведев в мае 1917 г. вспоминал содержание приказа: «охранять и поддерживать порядок словами убеждения, и не прибегать ни в каком случае к действию оружием»[5]. В подчинении Остен-Сакена состояли также городовые, прикомандированные к наружной охране Таврического дворца. Неизвестно, был ли доведен до них приказ Родзянко. В любом случае, председатель Государственной думы подготовил условия для введения восставших солдат в Таврический дворец.

Тридцати тысячная толпа восставших солдат и рабочих, пришедшая к Государственной думе в 2 часа дня, натолкнулась на нежелание охраны Таврического дворца пропустить ее внутрь здания. Караул, как писал позднее его начальник прапорщик М.К. Медведев, в точности исполнял указание М.В. Родзянко и оружия против подошедших к дворцу не применял[6].

Есть несколько версий дальнейших событий. Остановимся только на той из них, которая была принята руководством Государственной думы как официальная. Она нашла отражение в «Протоколе заседаний» и «Протоколе событий», в мемуарах Н.В. Савича и П.Н. Милюкова. Делегация от восставших прошла в караульное помещение, где начальник караула Медведев, как вспоминал думец Н.В. Савич, «вступил в переговоры с субъектом (в штат-

---

[1] *Шидловский С.* 1) Из воспоминаний // Последние известия. (Ревель). 1922. 2 февраля; 2) Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 53.

[2] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 112.

[3] *Гессен А.* Ход событий великих дней // Биржевые ведомости. 1917. 8 марта (веч. вып.).

[4] *Заславский Д.* Как это было // Киевская мысль. 1917. 15 марта.

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 315.

[6] Там же.

ском. — *А.Н.*), командовавшим мятежниками». Переговоры продолжались недолго: штатский «внезапно выхватил револьвер и выстрелил в живот несчастного прапорщика. Тот упал и вскоре умер в думской амбулатории»[1]. В «Протоколе заседаний» и «Протоколе событий» указано, что стрельба в Медведева была произведена в караульном помещении «кем-то из толпы». Стрельба была вызвана тем, что караульный начальник отказался «по долгу службы, покинуть свой пост». Здесь же утверждалось, что Медведев был тяжело ранен[2], а не убит, как писал Савич.

Конфликт, возникший между караулом и восставшими, произошел в тот момент, когда толпа еще не преодолела ограды Таврического дворца. В.А. Оболенский вспоминал, что сначала толпа накапливалась на Шпалерной улице, за решеткой[3]. Давление на караул Таврического дворца усиливалось. В конце концов толпа предприняла попытку разоружить караул. По свидетельству Б.Г. Сергиева, офицеры, находившиеся в охране, «не пожелали добровольно сдать оружие, причем один из них, выстрелом в упор солдата убил его». Сергиев принимал участие в переноске тела убитого солдата «в перевязочный пункт при Городских водопроводах, находившийся как раз против Таврического Дворца»[4]. По опубликованному «Списку убитых и раненых в дни революции» установить погибшего не удалось[5]. Б.А. Энгельгардт, появившийся в Таврическом дворце поздно вечером 27 февраля, вспоминал, что в Круглом зале он увидел «труп солдата в форме Семеновского полка, с пулевой раной во лбу»[6]. Возможно, что это был тот самый солдат, об убийстве которого писал Сергиев. Можно предположить, что тело убитого было перенесено из медицинского пункта Водокачки обратно в Таврический дворец. Кто стрелял в солдата, установить не удалось. Но именно этот выстрел и привел к тому, что какой-то подросток[7] в ответ несколько раз выстрелил в начальника караула Медведева, в результате чего тот получил ранения в грудь и правую руку[8].

Только после ранения начальника караула к восставшим вышли члены Думы. Об этом, в частности, вспоминал Сергиев[9]. По словам княгини Л.Л. Васильчиковой, «толпа выслала к членам думы парламентеров». И далее она писала, что среди парламентеров «находился человек высокого роста, с офицерской шашкой поверх штатского пальто; он оказался знаменитым

---

[1] *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 199.

[2] *Николаев А.Б.* «Протокол заседаний». С. 241; Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 112.

[3] *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 513.

[4] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

[5] Список убитых и раненых в дни революции // Ведомости Общественного градоначальства. 1917. 17 и 29 марта.

[6] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция / Подг. текста, вст. ст. и примеч. А.Б. Николаева // Клио. Журнал для ученых. 2003. № 1 (20). С. 180.

[7] Телефонограмма из Петрограда от 27 февраля / Государственный переворот в Петрограде // Кавказское слово. 1917. 8 марта (Тифлис).

[8] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 24, 38, 315.

[9] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

Хрусталевым-Носарем»[1]. Депутаты Думы из числа врачей оказали первую помощь раненому, а затем он был доставлен на автомобиле депутата графа А.А. Орлова-Давыдова в Мариинскую больницу[2]. Депутаты А.Ф. Керенский, М.И. Скобелев и Н.С. Чхеидзе выступили перед восставшими с речами[3].

О чем же говорили депутаты перед восставшими? Скобелев писал по этому поводу в 1927 г.: «Мы трое по очереди обращаемся с краткими речами в ответ на гулом несущиеся вопросы: "Где новая власть? Где новое правительство?»[4] О думских речах Скобелев оставил и более подробный рассказ. 26 августа 1917 г. он вспоминал: «Взобравшись на плечи каких-то рабочих, мы (Керенский, Чхеидзе и Скобелев. — *А.Н.*) обратились к толпе с речью, и первыми словами были слова: революционная дисциплина. Мы их спрашивали, где ваши офицеры, почему ваши ряды расстроены? Нам ответили, что их нет с ними. Нас спрашивали, а где новая власть? Мы им сказали: мы с вами умрем»[5]. Рафес рассказывал: «Скобелев, став у решетки дворца, произнес краткую речь перед толпившимися на улице массами. Он сказал приблизительно следующее: "Старая власть падает ... Она еще сопротивляется ... Сейчас происходит заседание Гос[ударственной] Думы. Члены Гос[ударственной] Думы еще колеблются. Они не решаются взять власть в свои руки. Мы оказываем на них давление. Имейте, товарищи, в виду, что устроить государство очень трудно; трудно составить новое правительство, крайне трудно ... Это может затянуться день, другой. Имейте терпение, раньше всего нужно установить революционный порядок»[6].

М.И. Скобелев вспоминал о речах депутатах перед солдатами: «Солдаты, вставайте в ряды и обучайте рабочих, выходите, кто может командовать, и знайте, что только организованные ряды могут победить...»[7]. А.В. Тыркова-Вильямс в своем дневнике подтвердила факт выступления Скобелева перед солдатами по поводу организации восставших. Она писала: «Скобелев призывал к сдержанности и порядку взвод преображенцев»[8]. По словам Д.О. Заславского, первым к солдатам вышел именно Скобелев: «Бледный, взволнованный, он кричал: "Мы с вами! Нужна организация! Организуйтесь!»[9] В более позд-

---

[1] *[Васильчикова Л.Л.]* Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Л.Л. Васильчиковой. 1886–1919. СПб., 1995. С. 355; В провинциальной прессе обнаружено подтверждение этим словам Васильчиковой. В одной из газет сообщалось, что среди представителей рабочих групп был Г.С. Хрусталев-Носарь (Телефонограмма из Петрограда от 27 февраля / Государственный переворот в Петрограде // Кавказское слово. (Тифлис). 1917. 8 марта).

[2] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 30, 31.

[3] Революционная армия в Гос[ударственной] Думе // Известия КПЖ. 1917. 27 февраля [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[4] *Скобелев М.И.* Гибель царизма. Воспоминания // Огонек. 1927. № 11. 13 марта.

[5] *[Скобелев М.И.]* Речь М.И. Скобелева / Юбилейное историческое заседание // Голос солдата. 1917. 27 августа.

[6] *Рафес М.* Мои воспоминания. С. 186.

[7] *[Скобелев М.И.]* Речь М.И. Скобелева / Юбилейное историческое заседание // Голос солдата. 1917. 27 августа.

[8] *Тыркова А.В.* Петроградский дневник. С. 327.

[9] *Заславский Д.* Как это было // Киевская мысль. 1917. 15 марта.

них своих воспоминаниях Заславский уже утверждал, что с этим призывом («организуйтесь!») обратился к солдатам Н.С. Чхеидзе[1]. Керенский произнес пламенную речь, в которой, в частности, заявил: «Солдаты, Гос[ударственная] Дума с вами!»[2] Несмотря на конфликт, который закончился перестрелкой с человеческими жертвами, толпа еще оставалась за оградой Таврического дворца, где перед ней и выступали Керенский, Скобелев и Чхеидзе.

Анализируя содержание речей Керенского, Скобелева и Чхеидзе, можно сделать следующие выводы. Несомненно, что они, во-первых, говорили о некоторой растерянности левых депутатов, которые ожидали увидеть организованные отряды солдат под командой офицеров. Во-вторых, в них содержался намек на то, что существовал какой-то план, согласно которому офицеры должны были привести восставших солдат к Таврическому дворцу. В-третьих, они показывали, что солдаты шли в Таврический дворец и за тем, чтобы потребовать от Государственной думы создания новой власти. Откуда в головах солдат могла возникнуть эта мысль? Несомненно, это требование-вопрос о власти было ответом на второе постановление Совета старейшин, которое Родзянко огласил перед делегацией от восставших солдат около или несколько позднее 1 часа дня. В-четвертых, левые депутаты недвусмысленно дали понять солдатам, пришедшим к Таврическому дворцу, что Государственная дума встанет в одни ряды с восставшими.

Возвращаясь к версиям ранения начальника караула, подчеркнем, что главное их различие состоит в указании места, где оно произошло, — внутри помещения Думы или за ее стенами. Если начальник караула был ранен в караульном помещении, то тогда захват Таврического дворца начался еще до появления депутатов перед восставшими. И наоборот: депутаты появились перед толпой восставших еще до проникновения последних в Таврический дворец и сыграли какую-то роль в том, что восставшие, в конце концов, заняли Таврический дворец. В связи с этим встает вопрос о руководителях восставших у Таврического дворца. Обратимся к «Известиям КПЖ» — единственной газете, вышедшей 27 февраля в Петрограде. Они писали: «Лица, руководившие восставшими солдатами, сняв караул у Таврического дворца, приняв охрану Гос[ударственной] Думы на себя, заняли почту и телеграф в здании Гос[ударственной] Думы и поставили часовых у телефонных аппаратов»[3]. Что касается военного караула из числа солдат 86-й пешей Вологодской дружины и городовых наружной охраны, то они перешли на сторону восставших. Кроме этого, была обезоружена смена караула, шедшая в Государственную думу[4]. Возможно, что именно об этом событии писал в 1957 г. Ю.А. Алеев, бывший в 1917 г. прапорщиком 180-го запасного пехот-

---

[1] *Заславский Д.* В Государственной думе. Из воспоминаний // Красная панорама. 1927. № 11. 11 марта. С. 7, 10.

[2] *Иванчиков.* Министр Керенский // Нижегородский листок. (Нижний Новгород). 1917. 29 апреля.

[3] Революционная армия в Гос[ударственной] Думе // Известия КПЖ. 1917. 27 февраля [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[4] *Минц И.И.* История Великого Октября: в 3-х т. Изд. второе. М., 1977. Т. 1. С. 480.

ного полка: «При охране Таврического дворца во главе патруля перешел на сторону революции»[1].

Логично было бы предположить, что восставшими руководили те лица, которые их и привели к Таврическому дворцу. Но здесь речь уже идет не о тех, кто привел солдат, а о тех, кто перенял у них руководство восставшими и направил энергию солдатской толпы на занятие Таврического дворца. «Русское слово» в 1917 г. писало, что восставшими солдатами, при захвате ими Думы, руководил Чхеидзе[2]. Это утверждение вызывает сомнение, т.к. публикация в «Русском слове» является перепечаткой материалов «Известий КПЖ» от 27 февраля. Но в «Известиях» говорилось о руководителях восставших без упоминаний фамилий. М.И. Скобелев вспоминал, что первыми руководителями восставших были он сам и Керенский: «Нам пришлось вспомнить, как мы когда-то обучались в школе гимнастике. Мы построили ряды и отвели их, Керенский налево, а я направо, на смену старым караулам»[3]. Позднее Скобелев среди руководителей называл себя, Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенского. Он писал: «здесь же немедленно было организовано нами несколько взводов вооруженных солдат, которыми мы сменили старый караул Государственной думы. Караул без сопротивления уступил свои места новой революционной охране»[4]. О руководстве М.И. Скобелевым и А.Ф. Керенским восставшими при занятии ими Таврического дворца писала «Новая жизнь»[5]. В.И. Чарнолуский утверждал, что собственноручно установил в Таврическом дворце «первый революционный караул». Начальником этого караула он поставил какого-то унтер-офицера[6].

Вместе с тем есть свидетельства, которые позволяют говорить, что при занятии Таврического дворца важнейшую роль сыграл все-таки А.Ф. Керенский. В.Г. Богораз-Тан писал: «Подходят восставшие войска. Керенский встречает их первый и обращается к ним с речью. Он же приводит в Государственную думу первый караул революционной армии. Солдаты взволнованы. Даже руки у них трясутся, Керенский берет разводящего за руку и ведет за собой: — Милый, не волнуйся, спокойнее»[7]. И далее Богораз-Тан пересказал «любопытные подробности этого замечательного эпизода», сообщенные ему Керенским: «— Они меня (Керенского. — *А.Н.*) спросили, где ставить кара-

---

[1] **Алеев Ю.А. — директору Института истории партии Ленинградского обкома КПСС, 22 марта 1957 г. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1425. Л. 14.**

[2] **Революционная армия в Государственной Думе / Ход событий // Русское слово. 1917. 2 марта.**

[3] ***[Скобелев М.И.]* Речь М.И. Скобелева / Юбилейное историческое заседание // Голос солдата. 1917. 27 августа.**

[4] ***Скобелев М.И.* Гибель царизма. С. 1.**

[5] **М.И. Скобелев / Новые министры // Новая жизнь. 1917. 6 мая.**

[6] ***Чарнолуский В.* Десять лет назад. Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.**

[7] ***Богораз-Тан В.Г.* Первая любовь революции А.Ф. Керенский // СПб филиал Архива АН РФ. Ф. 250. Оп. 2. Д. 126. Л. 21. Статья была напечатана под измененным названием, опубликованный текст отличается от архивного. См.: *Тан.* А.Ф. Керенский. Любовь русской революции // Герои дня. Биографические этюды. 1917. № 1. С. 2 (на эту публикацию наше внимание обратил Б.И. Колоницкий).**

ул. Я сначала пошел обратно в Думу, чтобы осмотреть посты, они остались на дворе». «“Чего вы ждете, идите”, — спрашивали их другие. — “Мы ожидаем того, в вольной одежде, он придет за нами”»[1]. То есть Керенский сначала ввел восставших солдат во двор Таврического дворца, а затем, выяснив, где необходимо выставить караулы, ввел их уже во дворец, где и установил посты первой революционной охраны Государственной думы.

Осталось выяснить время, когда восставшие были введены Керенским в Таврический дворец. На основании имеющихся источников можно дать лишь приблизительное время, когда произошло это событие — после 2-х часов — несколько позднее 4-х часов дня 27 февраля.

Реакция членов Государственной думы на появление революционной толпы была различной: от восторженной до открыто неприязненной. Неприязнь высказывали даже представители фракций, входивших в Прогрессивный блок[2].

Таким образом, М.В. Родзянко, А.Ф. Керенский и М.А. Караулов своими действиями подготовили Таврический дворец к занятию его восставшими солдатами. А несколько позднее А.Ф. Керенский сыграл главную роль в ликвидации старой охраны Таврического дворца и передал ее караулу, состоявшему из солдат восставших полков. Занятие восставшими Таврического дворца было следующим шагом на пути подчинения их Государственной думе.

«Штаб Керенского»: первые мероприятия (день–вечер 27 февраля)

Концентрация в Таврическом дворце толп восставших солдат и рабочих создавали предпосылку для организации более планомерного натиска на военно-полицейские пункты в Петрограде. Этой работой занимался Керенский и лица, группировавшиеся вокруг него. Иначе говоря, организационно-техническую работу по развитию успеха восстания взял на себя, условно говоря, «штаб Керенского»[3].

Первой насущной задачей для Керенского стала организация охраны здания Таврического дворца. Но наладить ее оказалось трудно. Шульгин и Перетц

---

[1] *Богораз-Тан В.Г.* Первая любовь революции А.Ф. Керенский // СПб филиал Архива АН РФ. Ф. 250. Оп. 2. Д. 126. Л. 21. Эти «любопытные подробности» ввода восставших войск в Таврический дворец отсутствуют в тексте, опубликованном в еженедельнике «Герои дня» (Ср.: *Тан.* А.Ф. Керенский. Любовь русской революции // Герои дня. Биографические этюды. 1917. № 1. С. 2).

[2] Среди них, например, прогрессивный националист Л.И. Пущин (*[Арсеньев В.С.]* «Судьбы России казались в каком-то тумане». Воспоминания В.С. Арсеньева. 1917 г. // Исторический архив. М., 1994. № 2. С. 94).

[3] Современный исследователь Ф.А. Гайда бездоказательно утверждает, что «“штаб Керенского”, якобы осуществлявший подавление контрреволюционных сил в Петрограде в дни Февральской революции, — это безусловный историографический миф» (*Гайда Ф.* «Будь я Карлейль, я написал бы “Жизнь, переписка и речи Керенского”» / «Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.)» Станислава Тютюкина / Диалог о книге // Российская история. 2013. № 4. С. 11)

писали о том, что «почетные часовые» долго не простояли[1]. Б.Г. Сергиев, пришедший снова в Таврический дворец уже после его занятия восставшими, заметил, что «караула никакого не было, и народ свободно проникал в здание». Тогда он вручил Керенскому свою визитную карточку и «спросил разрешения взять в свои руки караулы». Получив его, Сергиев «стал набирать солдат из прибывших частей для охраны»[2]. Фактически Сергиев стал первым начальником охраны (комендантом) Таврического дворца[3]. В организации охраны дворца принимали участие помощник присяжного поверенного А.И. Гидони и профессор В.В. Святловский[4]. Тогда же была установлена охрана вокруг Таврического дворца. В. Чарнолуский утверждал, что ее он выставил сам[5].

Руководители восставших войск установили не только внешнюю охрану Таврического дворца, но и выставили внутренние караулы. Чарнолуский, например, вспоминал, как он поставил ко всем телефонам в Думе, «доступным общественному пользованию», часовых, «допускавших переговоры только по делам революции»[6]. Также предпринимались меры по охране всего района Таврического дворца. По свидетельству Рафеса, были отданы распоряжения об установлении караулов «у подступов к Таврическому дворцу на случай, если бы сюда двинулись большие вооруженные силы»[7].

Крайне важной оставалась проблема организации перехода войск на сторону восставших. В связи с этим интерес представляет инициатива, высказанная Керенским в 2 часа 57 мин. дня на частном совещании членов Думы. Он обратился к присутствовавшим «с просьбой уполномочить его вместе с Чхеидзе ехать на автомобиле по всем восставшим войскам, чтобы объявить им поддержку и солидарность Государственной думы»[8]. Не найдя поддержки у большинства присутствовавших своему предложению объехать на автомобиле восставшие войска, Керенский покинул совещание. Не исключено, что он предпринял шаги для установления связи Государственной думы с войсками. Действительно, если верить воспоминаниям Б.Г. Сергиева, то именно А.Ф. Керенский, М.В. Родзянко и М.А. Караулов направляли отряды солдат и вооруженных рабочих «в разные части города для вызова еще не восставших воинских частей»[9]. Так, бывший рабочий Технологических мастерских Наза-

---

[1] *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. М., 1989. С.181; *[Перетц Г.Г.] Г.П. (полк. Г.Г. Перетц).* В цитадели русской революции. Записки коменданта Тварического дворца. 27 февраля — 23 марта 1917 г. Репринтное воспроизведение / Послесл. А.В. Островского. СПб., 1997. С. 24.

[2] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

[3] Скорее всего, именно о Б.Г. Сергиеве вспоминал Б. Авилов: «Первым комендантом был какой-то подпрапорщик» (*Авилов Б.* 27 февраля 1917 г. (Из личных воспоминаний) // Новая жизнь. 1917. 27 августа.

[4] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

[5] *Чарнолуский В.* Десять лет назад. Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.

[6] Там же.

[7] *Рафес М.* Мои вопоминания. С. 187.

[8] Февральская революция 1917 года: Сборник. С.147.

[9] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

ров в 1936 г. утверждал, что 27 февраля около шести часов вечера из Таврического дворца хотели послать отряд, включая и броневики, для «снятия» 1-го запасного пехотного полка. Но отказались от этой мысли, узнав, что полк уже вышел из казарм и идет к Государственной думе[1].

Подчеркнем, что 1-й пехотный запасной полк был первой воинской частью, которая явилась в Государственную думу под командой полковника К.Ф. Лучивки-Неслуховского в полном составе. Выяснить все обстоятельства перехода на сторону революции этой воинской части пока полностью не удалось. Поэтому лишь вкратце обрисуем картину произошедшего. 27 февраля 1917 г. командир 1-го пехотного запасного полка подполковник В.И. Чубаков[2], как сообщала «Маленькая газета», «приказал установить на колокольне полковой церкви два пулемета и распорядился открывать стрельбу по каждой толпе народа, идущей по мосту Петра Великого на Охту». Но вскоре он, «не зная, чем кончится восстание», «сказался больным»[3]. И тогда полковник К.Ф. Лучивка-Неслуховский вступил во временное командование полком[4]. Позднее он писал в автобиографии об этом событии: «27-го февраля, утром <...> я пришел в офицерское собрание и приказал командиру полка сдать мне полк; затем[,] собрав офицеров полка[,] предложил им со всем полком перейти на сторону революции — на что они единогласно согласились; приказав затем убрать пулеметы, которые были выставлены против Охтинского моста и построив полк <...> я привел его к Таврическому дворцу»[5]. А.Ю. Неслуховский приводит некоторые детали, восстановленные по рассказам С.К. и Н.Л. Неслуховских. В частности, по их словам, К.Ф. Лучивка-Неслуховский сначала «приказал отворить все казармы, но солдатам оставаться на своих местах». Ценным является их свидетельство о том, что расправ над офицерами не было. А.Ю. Неслуховский пишет, что на решение К.Ф. Лучивка-Неслуховского повести полк к Таврическому дворцу повлияли советы его сына и невестки: «Посовещавшись с сыном Сергеем и невесткой Надеждой Леонидовной Неслуховскими, Константин Францевич решил повести полк к зданию Государственной думы, к Таврическому дворцу»[6]. По словам А.Ю. Неслуховского, С.К. Лучивка-Неслуховский с детских лет и в молодые годы был связан с большевиками[7]. Думается, что

---

[1] *[Назаров]* [Выступление] / Воспоминания старых производственников. Фабрика Халтурина. Стенографический отчет, 1936 г. // ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 107. Л. 102.

[2] ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 153. Л. 395.

[3] *Уайт Д.* Крест, пулеметы и Чубуков // Маленькая газета. 1917. 12 марта. В статье Чубаков ошибочно назван Чубуковым.

[4] Подчеркнем, что официально командование полком было передано ему только 28 февраля 1917 года, о чем сделана соответствующая запись в «Послужной список»: «Вступил во временное командование 1 пех[отным] зап[асным] п[олком] [1]917[.] Фев[раль] 28 (Послужной список помощ[ника] начальника 19–й пехотной запасной бригады полковника Лучивка-Неслуховского // Семейный архив Неслуховских).

[5] *Неслуховский К.* Автобиография. [Л., 1934] // ГА РФ. Ф. А–539. Оп. 4. Д. 2472. Л. 11.

[6] *Неслуховский А.Ю.* Из истории семьи // Семейный архив Неслуховских.

[7] Там же.

влияние сына и невестки не было решающим в этом вопросе. Напомним, что еще до революции полковник Неслуховский заявлял в левых военных кругах о готовности его полка «присоединиться ко всякой серьезной попытке свержения самодержавия». Н.И. Иорданский, кстати, прежде чем передать сведения о заявлении Неслуховского, рассказал о заговоре, который объединил думские и промышленные круги с высшим офицерством, для того чтобы «сорвать короны с неудачливых царских голов»[1]. Можно предположить, что, получив сигнал из левых военных кругов, связанных с этими заговорщиками или даже входившими в их число, Неслуховский перевел полк на сторону революции и выдвинулся вместе с ним к Таврическому дворцу. Судя по всему, в Государственной думе знали о происходящем в полку и ожидали появление его у Таврического дворца. А.Ю. Неслуховский пишет, что «Константин Францевич на белом коне возглавил движение своего полка к Таврическому дворцу»[2]. Впереди полка, вслед за командиром, по словам бывшего полкового музыканта П.В. Якобсона, шел оркестр[3].

Интересное свидетельство оставил о деятельности «штаба Керенского» А.С. Ручьевский — солдат, находившийся в это время в Петрограде на излечении. Он вспоминал, что «под вечер (27 февраля. — *А.Н.*) появились, т.е. расклеены объявления, написанные пишущей машинкой, в которых говорилось, что штаб, руководящий восстанием, помещается в Таврическом дворце в Государственной Думе. Просят обращаться в Штаб за получением указаний». Особо отметим то, что автор воспоминаний вполне определенно указал именно на думскую принадлежность штаба восстания. Об этом же говорило и время расклейки объявлений — «под вечер», т.е. несколько позднее 5 часов дня 27 февраля. Забегая вперед, укажем, что первая советская структура, попытавшаяся руководить восстанием, к этому моменту еще не была создана. Значение издания и распространения первых документов «штаба Керенского» было велико. А.С. Ручьевский писал, что они «ободрили восставших», придали им уверенность в победе и говорили о том, что «восстание пойдет в организованном порядке»[4].

Революция также остро поставила и три другие проблемы — создание опорных пунктов восставших в различных частях города, борьбу с военно-полицейскими силами, оставшимися еще верными царскому правительству, а также обеспечение восставших транспортом, боеприпасами и оружием.

Чарнолуский утверждал, что он сам «организовал во дворе дворца собрание всех находившихся вблизи студентов и курсисток и сделал им сейчас же принятое ими предложение: разбиться по учебным заведениям и немедленно отправиться всем в свои районы для организации на местах революционной

---

[1] *Иорданский Н.И.* Военное восстание 27 февраля (заметки) // Молодая гвардия. 1928. № 2. С. 163, 164.

[2] *Неслуховский А.Ю.* Из истории семьи // Семейный архив Неслуховских.

[3] *Якобсон П.В.* Справка. 16 апреля 1934 г. // ГА РФ. Ф. А–539. Оп. 4. Д. 2472. Л. 6.

[4] *[Ручьевский А.С.]* Февраль–октябрь 1917 г. Воспоминания Ручьевского, б/д. //ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1334. Л. 2.

охраны»[1]. Благодаря его шагам, высшие учебные заведения уже со второй половины дня — вечером 27 февраля стали превращаться в местные опорные пункты революции.

Из воспоминаний современников и участников событий известно, что были составлены отряды из солдат и штатских, которые направлялись «в город в такие места, где можно было ждать вооруженного столкновения». Рафес, например, вспоминал, что он оказывал помощь в работе по организации таких отрядов, которую проводил Ф.Ф. Линде. Кроме этого, сам Рафес возглавил один отряд солдат и отправился с ним на разведку[2]. Однако он не указал тех лиц, кто непосредственно отдал приказ о формировании отрядов. Но уже выше мы приводили свидетельство Б.Г. Сергиева о том, что приказы о создании отрядов отдавали Родзянко, Караулов и Керенский.

Таким образом, в Таврическом дворце действовала структура — «штаб Керенского», – способная принимать сообщения, оперативно и успешно на них реагировать. «Штаб» начал складываться уже в момент заседания Совета старейшин. А.Ф. Керенский рассказывал позднее, что тогда «фактически руководство перешло к нам». Он также назвал состав этой руководящей группы: «Я (Керенский. — *А.Н.*), Чхеидзе, Скобелев, Некрасов и левая часть блока (Прогрессивного блока. — *А.Н.*)»[3]. Активные действия «штаб» начал предпринимать уже после «занятия» восставшими Таврического дворца.

Постепенно перед Керенским обрисовался круг целей и задач, которые необходимо было решить в условиях начавшегося восстания солдат. Он вспоминал: «В Думе мы <...> учредили центральный орган для осуществления контроля над действиями войск и восставших». Керенский уточнял, что этим центральным органом являлась Военная комиссия. Он писал: «Перед нами прежде всего, встали проблемы организации на случай крайней необходимости, системы обороны и руководства петроградским гарнизоном. <...> В задачу Комиссии входило руководство операциями против протопоповской полиции, которая все еще оказывала сопротивление революции». В этих воспоминаниях для нас крайне важно указание Керенского на то, что «центральный орган для осуществления контроля над действиями войск и восставших» был учрежден в Думе[4], т.е. инициатором создания такого органа выступила Государственная дума. А.Ф. Керенский говорил в 1917 году: «Работа Военной Комиссии началась и развивалась вне всякой зависимости от Совета Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов]»[5]. О думском приоритете в вопросе о создании Военной комиссии сообщала тогдашняя пресса. «Солдатское слово» писало, что «с первых дней революции при Комитете Государственной думы

---

[1] *Чарнолуский В.* Десять лет назад. Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.

[2] *Рафес М.* Мои воспоминания. С. 187.

[3] *Николаев А.Б.* А.Ф. Керенский о Февральской революции. С. 111.

[4] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. С. 139.

[5] *Николаев А.Б.* Указ соч. С. 111.

образовалась Военная комиссия, которая работала в соответствии с указанием этого Комитета»[1].

Относительно времени создания «центрального органа» (думской Военной комиссии) в мемуарах Керенского есть вполне определенные указания: «В момент формирования комиссии к зданию Думы подошел 1-й резервный пехотный полк. Он был первым воинским подразделением, которое явилось в полном составе во главе с полковником и другими офицерами»[2]. Речь здесь шла о 1-м пехотном запасном полке. По сообщению «Биржевых ведомостей», полковник К.Ф. Лучивка-Неслуховский привел в Государственную думу 27 февраля свыше 200 офицеров и 12 тысяч солдат[3]. Почему, кстати, факт перехода этого полка во главе с полковником и со всеми офицерами замалчивался в отечественной историографии? Дело в том, что он противоречил устоявшемуся штампу об участии в революционных событиях 27 февраля 1917 года преимущественно младших офицеров. По нашему мнению, полк подошел к Таврическому дворцу до 7 часов вечера 27 февраля[4]. То есть к 7 часам вечера 27 февраля та Военная комиссия, о которой вспоминал А.Ф. Керенский, подчеркивая ее думское происхождение, уже была создана.

Судя по всему, именно в это время в деятельность «штаба Керенского» было внесено организационное влияние совещания членов Государственной думы, проходившего под руководством депутата М.М. Ичаса. Он вспоминал: «Вечером я взял на себя инициативу и созвал членов Думы на совещание. Явилось свыше 150 членов Думы. У меня была уже разработана схема, и почти без всякого выбора мы составили целый ряд комиссии». Одной из них была Военная комиссия[5]. Других свидетельств о проведении этого частного совещания выявить не удалось. Правда, П.Н. Милюков писал, что ряд комиссий «были организованы при участии к.д. (кадета. — *А.Н.*) Ичаса», но о Военной комиссии он ничего не сообщил[6].

Решающей предпосылкой преобразования «штаба» в Военную комиссию стал переход на сторону революции и подчинение Государственной думе 1-го запасного пехотного полка. До этого «штаб» был вынужден опираться в своих действиях на отряды солдат, сформированных наспех, которыми руководили командиры-добровольцы. Теперь же Военная комиссия получила в свое распоряжение воинскую часть в полном порядке, т.е. с командиром во главе, офи-

---

[1] **Военная комиссия при Комитете Г[осударственной] думы** // Солдатское слово. 1917. 16 марта.

[2] ***Керенский А.Ф.*** **Россия на историческом повороте.** С.140; *Он же.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 32.

[3] **1-й запасный полк / Письма в редакцию** // Биржевые ведомости. 1917. 27 марта (веч. вып.). Имеются и другие сведения о численности полка: на 15 февраля 1917 г. — нижних чинов: по списку — 15085, налицо — 9771; офицеров: по списку — 278, налицо — 174. На 4 марта 1917 года: нижних чинов — 17294, налицо — 8279; офицеров: по списку — 274, налицо — 198 (ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 153. Лл. 395, 396).

[4] *[Назаров]* **[Выступление] / Воспоминания старых производственников. Фабрика Халтурина. Стенографический отчет, 1936 г.** // ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 107. Л. 102.

[5] ***Ичас М.*** **27 и 28 февраля 1917 года. (Мои воспоминания)** // Последние новости. 1927. 12 марта (Париж).

[6] ***Милюков П.Н.*** **Воспоминания.** М., 1990. Т. 2. С. 254.

церами и солдатами, им подчиняющимся. Таким образом, частное совещание членов Государственной думы институализировало Военную комиссию, которая пришла на смену «штаба Керенского». С этого момента можно говорить о существовании думской Военной комиссии как органа руководства восстанием. Члены «штаба Керенского» из числа депутатов Государственной думы сосредоточились на работе в думском Комитете, в Петроградском совете рабочих депутатов, а некоторые из них продолжили свою работу в Военной комиссии.

В своих воспоминаниях А.Ф. Керенский, кратко говоря о составе Комиссии, подчеркивал, что «в тот первый день <...> в нашем распоряжении практически не было офицеров или людей с соответствующими специальными знаниями» и в нее «первоначально вошли несколько штатских, обладающих хоть какими-то познаниями в военном деле, горстка офицеров и рядовых, а также Родзянко и я»[1]. Видимо, офицеры и солдаты 1-го запасного состава в тот момент в состав Военной комиссии включены не были, т.к. Керенский стремился сохранить полк как боеспособную единицу для выполнения ответственных заданий. Но сам факт перехода офицеров на сторону восставших играл важную роль. По этому поводу 8 мая 1917 г. вполне определенно высказался П.Н. Милюков: «Я помню, как в первый день революции мы сокрушались, когда к нам в Думу пришли одни солдаты без офицеров. Но когда в тот же день к нам явились и офицеры, мы сказали, что победа революции обеспечена»[2].

Таким образом, если верить приведенным выше воспоминаниям, то речь в них шла о думской Военной комиссии, главными действующими лицами которой были А.Ф. Керенский и М.В. Родзянко. Кстати, Родзянко не вспоминал о своей работе в думской Военной комиссии 27 февраля 1917 г. Но, например, член Государственной думы М.И. Скобелев писал, что после 3-х часов дня к Родзянко «от отдельных воинских частей стали обращаться умеренно-либеральные офицеры», которые требовали от него «указаний и руководства»[3]. Корреспондент «Полтавского дня» Л. Георгиевич утверждал, что между 5 и 9 часами вечера 27 февраля Родзянко действовал как руководитель восстания. В этот временной промежуток, по его словам, Родзянко «делал смотр войскам» у Таврического дворца[4]. Что касается А.Ф. Керенского, то существуют многочисленные свидетельства об его участии 27 февраля в Военной комиссии[5].

Чем занимался «штаб Керенского», преобразовавшийся затем в думскую Военную комиссия, днем-вечером 27 февраля? Так, по свидетельству Н.Н. Суханова, еще до 7 часов вечера «вокзалы были заняты по распоряжению Военной

---

[1] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. С.140. Керенский здесь не раскрывал содержания «штатские»; ничего не говорил и о советском участии в работах Военной комиссии.

[2] *[Милюков П.Н.]* [Речь] / Всероссийский съезд Офицерских депутатов // Русский инвалид. 1917. 10 мая.

[3] *Скобелев М.* 25 февраля — 3 марта (Воспоминания б[ывшего] члена социал-демократической фракции Государственной Думы М. Скобелева) // Вечерняя Москва. 1927. 11 марта.

[4] *Георгиевич Л.* Письма из Петрограда // Полтавский день. 1917. 19 марта.

[5] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1 Кн. 1–2. С. 82; *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 186.

комиссии воинскими частями»[1]. А.И. Рыслев, вспоминая о деятельности Керенского днем-вечером 27 февраля, утверждал, что тот выступил организатором 4-х отрядов, которые получили приказания по занятию различных учреждений [2].

По словам студента 4 курса ВМА В.К. Бойко, профессор Военно-медицинской академии В.А. Юревич «как социалист-революционер, в первый же день революции пошел в Таврический дворец и предложил свои услуги Керенскому»[3]. Суханов писал: «Юревич требовал немедленных соответственных мер и предлагал себя в распоряжение тех, кто станет во главе дела»[4].

Существенную роль в руководстве революции сыграл А.И. Гучков. В частности, он 27 февраля имел беседу с начальником войсковой охраны Петрограда М.И. Занкевичем. Гучков и Занкевич еще до революции поддерживали между собой настолько «добрые отношения», что Занкевич делился с Гучковым секретной информацией[5]. Во время разговора между Гучковым и Занкевичем состоялось соглашение или была подтверждена прежняя договоренность о линии поведения Занкевича в условиях вспыхнувшего солдатского восстания. Судя по словам Гучкова, Занкевич не собирался проводить против восставших каких-либо активных действий. Свою позицию Занкевич формально мотивировал отсутствием надежных войск[6]. Иначе говоря, можно предположить, что начальник войсковой охраны Петрограда, который должен был по долгу службы предпринять все необходимые меры для подавления революции, оказался в сговоре с руководителями восстания, вернее, с одним из них — А.И. Гучковым.

Конечно, установить персональный состав «штаба Керенского», а также тех, кто выполнял поручения думской Военной комиссии 27 февраля, крайне трудно. Каких-либо списков «штаба Керенского» или удостоверений, помеченных дневными и вечерними часами 27 февраля, в нашем распоряжении нет. Вместе с тем некоторую реконструкцию состава, условную, конечно, можно произвести, опираясь на приведенные выше сведения. Среди руководящих членов «штаба Керенского» и «центрального органа» были А.Ф. Керенский, М.В. Родзянко, Н.С. Чхеидзе, М.А. Караулов и А.И. Гучков. Предположительно, в его работе принимали участие П.Н. Милюков и М.И. Скобелев. После создания ВКГД уже вечером 27 февраля организующую роль в преобразовании «штаба» в Военную комиссию сыграл депутат М.М. Ичас.

---

[1] *Суханов Н.Н.* Записки о революции... С. 82.

[2] *[Рыслев А.И.]* Как произошел переворот... // Амурское эхо. (Благовещенск). 1917. 21 апреля.

[3] *Бойко В.К.* Воспоминания о Военно-медицинской академии (1912–1917 гг.), б/д. // ФР БВМедА. Ф. XIX. Д. 3. Л. 39.

[4] *Суханов Н.Н.* Указ. соч. С. 83.

[5] *[Гучков А.И.]* Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Авт. предисл. В.И. Старцев. Авт. коммент. и примеч. С. Ляндрес и А.В. Смолин. М., 1993. С. 61, 93.

[6] *[Риккель, де]* «Русская революция». Донесения начальника бельгийской военной миссии барона де Риккеля. 1916–1918 / Публ. подг. и перев. с фр. С.С. Попова // Исторический архив. 1996. № 3. С. 176.

Думско-советская Военная комиссия: создание и начало деятельности (вечер–ночь 27 февраля)

В Таврическом дворце был создан советский штаб восстания. Он появился, по нашему мнению, около 7 часов вечера или даже несколько позже[1]. Какой-либо практической работы по руководству восставшими ему наладить не удалось, а все ограничилось разговорами, в которых выяснялось общее военное положение. Около 9 часов вечера советский штаб был переведен в комнаты №№ 41 и 42. Придя в новое помещение «штаба», С.Д. Мстиславский встретился с А.Ф. Керенским. Далее Мстиславский вспоминал о том, что происходило в соседней комнате: «Открыв дверь, я увидел Филипповского, окруженного десятками двумя офицеров разных родов войск, по преимуществу прапорщиков. Молодые, радостно возбужденные лица <...>»[2]. Можно предположить, что среди этих прапорщиков был В.М. Лунин. Известно, что он перешел на сторону революции еще 26 февраля, а 27 февраля явился в Государственную думу[3]. Прапорщик 80-го Кабардинского полка Б. Любарский, видимо, тоже с 27 февраля принимал участие в работах ВК ВКГД[4].

Отвлекаясь от персонального состава группы прапорщиков, укажем, что речь в данном случае, несомненно, идет о той «горстке офицеров», которая объединилась вокруг А.Ф. Керенского вечером 27 февраля. Н.Н. Суханов вспоминал, что именно Керенский «соединил <...> группу офицеров Временного исполнительного комитета с такой же группой, образовавшейся при думском Военном комитете»[5]. Таким образом, можно говорить о том, что около 9 часов вечера произошло первоначальное объединение двух структур — Военной комиссии Государственной думы и «советского повстанческого штаба». Только после этого работа «объединенного штаба восстания» начала кое-как налаживаться. Увидев офицеров, Мстиславский обрадовался: «Начало, стало быть, есть»[6]. Суханов, зашедший в 41-ю комнату в это же время, вспоминал: «говорили <...> что работа идет на всех парах»[7].

Керенский продолжал играть важную роль в деятельности Военной комиссии, являясь представителем Думы и исполкома Петроградского совета рабочих депутатов в Комиссии[8]. Керенский, по воспоминаниям Суханова, вдохновлял работу Военной комиссии[9]. Активное участие в работах Военной

---

[1] И.П. Лейберов пишет, что «военный штаб» был создан за час до начала вечернего заседания Совета, т.е. в 8 часов вечера (*Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. С. 262).

[2] *Мстиславский С.* Пять дней. Начало и конец февральской революции. М., 1922. С. 13, 14.

[3] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 484, 485; *Фукалов.* Прапорщик Лунин (правнук декабриста Лунина) // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17 апреля.

[4] *Тарасов-Родионов А.* Февраль. Роман-хроника. М., 1931. С. 158.

[5] *Суханов Н.Н.*Записки о революции... С.77.

[6] *Мстиславский С.* Пять дней. Начало и конец февральской революции. М., 1922. С. 14.

[7] *Суханов Н.Н.* Указ. соч. С.95.

[8] *Шашкова О.А.* Примечания // Февральская революция 1917 года: Сборник. Сб. С. 323.

[9] *Суханов Н.Н.* Указ. соч. С. 95.

комиссии принимал и Н.Д. Соколов[1], а также еще пять советских деятелей, которые контролировали ее работу. В ночь с 27 на 28 февраля председателем Военной комиссии был уже, по словам Б.А. Энгельгардта, В.А. Юревич[2]. Предположительно он был назначен на эту должность А.Ф. Керенским.

В.Н. Филипповский взял на себя комендатуру Таврического дворца. Начальником караула Таврического дворца стал прапорщик С.Ф. Знаменский[3]. С.Д. Мстиславский занялся организацией войск в городе и ведал Отделом нарядов войск. В.М. Зензинов называл среди руководящих членов Военной комиссии, расположившейся вечером 27 февраля в комнате № 41, П.И. Пальчинского[4]. Во главе «склада оружия» (Отдел вооружений) встал офицер-артиллерист. Помощь ему оказывали несколько студентов и девушек[5]. В работе Отдела вооружений принимали участие и солдаты-специалисты, которые приводили в порядок «свозимое в Таврический дворец в огромном количестве оружие»[6].

Был создан Автомобильный отдел, который возглавил, как вспоминал Мстиславский, товарищ в «изодранной кожаной куртке»[7]. По утверждению Чарнолуского, первым начальником Автомобильного отдела был эсер Б.С. Синани[8]. Продовольствие для членов Военной комиссии добывал солдат Иоффин[9]. Несколько позднее при ВК ВКГД был создан свой питательный пункт[10].

В «объединенном штабе» было налажено делопроизводство. Мстиславский по этому поводу замечал: «У Совета, естественно, никаких штемпелей. Пишу, поэтому приказы на найденных в письменном столе печатных бланках “Тов. Председателя Государственной Думы”»[11]. Таким образом, «повстанческий штаб», только слившись с думской Военной комиссией, получил возможность оформлять приказы в письменном виде, но уже не как самостоятельная структура, а как часть «объединенного штаба», совместной Военной комиссии.

27 февраля начал работать в Военной комиссии подпоручик И.В. Пашкевич. 27 февраля он вместе с каким-то штабс-капитаном был послан команду-

---

[1] *Мстиславский С.* Пять дней. С. 17; *Энгельгардт Б.А.* 1) Февральская революция / Подг. текста, вст. ст. и примеч. А.Б. Николаева // Клио. Журнал для ученых. 2003. № 1 (20). С. 181; 2) Воспоминания о далеком прошлом, 1961 г. // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 32. Л. 7.

[2] *Энгельгардт Б.А.* Крушение империи. Бывший депутат Государственной думы рассказывает о падении царизма // Неделя. 1964. 13–19 декабря. № 51. С. 6.

[3] *Чарнолуский В.* Десять лет назад. Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.

[4] *Зензинов В.* Февральские дни // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. Кн. XXXV. С. 214.

[5] *Мстиславский С.* Указ. соч. С. 15.

[6] *Скобелев М.И.* 25 февраля — 3 марта. С. 2.

[7] *Мстиславский С.* Указ. соч. С. 27.

[8] *Чарнолуский В.* Десять лет назад. Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.

[9] *Тарасов-Родионов А.* Февраль... С. 157.

[10] На 6 марта 1917 г. старостой питательного пункта Военной комиссии был Фишерович (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 36. Л. 25).

[11] *Мстиславский С.* Указ. соч. С. 15.

ющим Петроградским военным округом генералом С.С. Хабаловым в Таврический дворец для того, чтобы предложить депутатам Государственной думы «разойтись и успокоить население». Но, прибыв на автомобиле в Таврический дворец, Пашкевич тут же перешел на сторону революции, а штабс-капитан «возвратился к Хабалову уже в одиночестве»[1]. В тот же день свои услуги Военной комиссии предложил начальник Главного морского хозяйственного управления генерал-лейтенант А.П. Зеленой[2]. В подчинении Военной комиссии оказалось несколько отрядов броневиков[3]. Броневики, прибывающие в Таврический дворец, тут же получали самостоятельные боевые задания или включались в отряды ВК ВКГД. В. Шкловский вспоминал о том, как он получил боевое задание в Военной комиссии для своего броневика: «В Думе какая-то барышня утвердила меня в должности командира машины и даже дала какую-то боевую задачу»[4]. С.Д. Мстиславский писал, что в распоряжении Военной комиссии был отряд, которым командовал какой-то офицер кавказец. Отряд состоял из 30 сабель, взвода пехоты и броневика. Еще одним отрядом командовал георгиевский кавалер поручик Петров[5], но был ли в его составе броневик, Мстиславский не сообщил. Д.О. Заславский указал, что один броневик использовался для охраны Государственной думы[6].

В ночь на 28 февраля произошло событие, положившее начало резкому изменению в составе и характере Военной комиссии. Думский комитет, наконец, принял решение о взятии в свои руки «восстановление государственного и общественного порядка»[7]. Для его успешного выполнения необходимо было поставить под свой полный контроль войска Петроградского гарнизона и довершить разгром военно-полицейских центров. Именно поэтому перед ВКГД встала первоочередная задача реформирования «объединенного штаба восстания». Реформа была проведена путем, во-первых, официального признания «объединенных штабов» в качестве Военной комиссии ВКГД и, во-вторых, назначения ее председателем и комендантом Петрограда депутата и члена ВКГД земца-октябриста Б.А. Энгельгардта[8].

Во Временный комитет Думы Энгельгардт был кооптирован по предложению В.Н. Львова. Он же предложил провести Энгельгардта и на должности

---

[1] Приезд М.А. Караулова // Пятигорское эхо. 1917. 29 марта.

[2] Недоразумение с арестом генерала Зеленого // Русская воля. 1917. 8 марта; РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 60. Л. 15.

[3] См. также: *Николаев А.Б.* 27 февраля 1917 г.: броневики Военной комиссии Временного комитета Государственной думы // Университетские петербургские чтения. 300 лет Северной столице. Сб. ст. / Под ред. Ю.В. Кривошеева, М.В. Ходякова. СПб., 2003. С. 205–211.

[4] *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие / Предисл. Б. Сарнова. М., 1990. С. 31.

[5] *Мстиславский С.* Пять дней. С.14, 15.

[6] *Заславский Д.* Как это было // Киевская мысль. 1917. 15 марта.

[7] Первые шаги Исполнительного Комитета // Известия КПЖ. 1917. 28 февраля. № 2 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[8] Н.Н. Суханов намекал, что назначению Б.А. Энгельгардта предшествовали какие-то переговоры между ВКГД и деятелями Петроградского совета, но не знал какие (*Суханов Н.Н.* Записки о революции... С. 101).

председателя ВК ВКГД и коменданта Петрограда[1]. Складывается впечатление, что именно Керенский сумел обеспечить избрание Энгельгардта, которое было поддержано офицерами. По словам Мстиславского, более половины из них открыто поддержали решение ВКГД. Все это происходило, как писал Мстиславский, «ровно в полночь»[2]. Энгельгардт называл примерно то же время: в первом часу ночи он уже действовал как председатель ВК ВКГД[3]. Таким образом, около 12 часов ночи, произошла институализация той Военной комиссии при Временном комитете Государственной думы, которая сложилась в результате объединения думской Военной комиссии и «повстанческого штаба». Причем ВКГД игнорировал уже сложившуюся иерархию Комиссии, т.к. формально юридически она оформлена не была. Речь идет о том, что ранее, т.е. 12 часов ночи, «объединенный штаб восстания» не был институализирован как объединенная структура ни ВКГД, ни формирующимся Петроградским советом. Именно поэтому протесты советских членов «штаба» пали в пустоту. Б.А. Энгельгардт по этому поводу заметил: «Комиссия создалась явочным характером и попытка Временного комитета как-то организовать [ее] казалось естественной»[4].

При рассмотрении этого вопроса необходимо учитывать следующее: во-первых, думская и советская Военные комиссии первоначально существовали в форме «штабов», носивших явочный характер. Во-вторых, думская Военная комиссия в форме «штаба Керенского» начала работать часа на четыре раньше, чем советский «повстанческий штаб». В-третьих, реально более значимый вклад в создание Военной комиссии внесли думцы, главным образом, А.Ф. Керенский и М.В. Родзянко. В-четвертых, официальное решение о создании Военной комиссии на основе «штаба Керенского» было принято частным совещанием членов Государственной думы до 7 часов вечера 27 февраля, а вопрос об институализации Военной комиссии как объединения думской Военной комиссии и «повстанческого штаба» был решен ВКГД около 12 часов ночи. В свою очередь, Совет рабочих депутатов институализировал «повстанческий штаб» как советскую Военную комиссию ближе к 3 часам ночи 28 февраля. Мы не исключаем того, что Петроградский совет рабочих депутатов вкладывал в это признание Военной комиссии не исключительно «советское» содержание, а пытался подчинить себе именно «объединенные штабы», т.е. ту Комиссию, которая работала уже после 9 часов вечера 27 февраля. Но во всяком случае, приоритет в этом вопросе был все-таки за Государственной думой, а не за Советом. В-пятых, самостоятельная роль советского военного центра — «повстанческого штаба» — была исчерпана уже в момент первого объединения с думской Военной комиссией, т.к. теперь ей пришлось иметь дело с офицерами и в своем составе, и при руководстве организован-

---

[1] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция / Подг. текста, вст. ст. и примеч. А.Б. Николаева // Клио. Журнал для ученых. 2003. №1 (20). С. 181.

[2] *Мстиславский С.* Пять дней. С. 17, 18.

[3] *Энгельгардт Б.А.* 1) Февральская революция... С. 182; 2) Воспоминания о далеком прошлом. Л. 7.

[4] *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 г., 1938–1962 гг. // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 23. Л. 48.

ными воинскими частями. В-шестых, Петроградский совет вторую половину дня 27 февраля был занят самоорганизацией и чисто технически (отсутствие связей, опыта и кадров) не мог создать работоспособный военный орган.

Относительно конкретных действий Военной комиссии сведений сохранилось немного. И.П. Лейберову удалось установить, что она организовала «несколько разведывательных групп из младших офицеров и солдат, которые были посланы в районы Дворцовой и Сенатской площадей, на Васильевский остров и Морскую улицу для выяснения обстановки». Кроме этого, несколько боевых отрядов, численностью от 50 до 150 человек были направлены к Главному арсеналу, к городской телефонной станции, на Царскосельский и Николаевский вокзалы. Лейберов не очень высоко оценивает все эти мероприятия Военной комиссии и считает, что она много не добилась. Причиной этому, по его мнению, было то, что Военная комиссия не располагала «резервными воинскими соединениями»[1].

Но в ее распоряжении уже были ударные и разведывательные отряды, которые принимали участие в различных операциях. Отметим, что для разведки ВК ВКГД использовала санитарные отряды[2] и один из взводов Учебной команды 9–го запасного кавалерийского полка. Так, бывший солдат-кавалерист С.И. Бутвин вспоминал, что в 11 часов вечера 27 февраля поступил приказ: «Немедленно одному взводу учебной команды поседлать лошадей и выехать в город на разведку — на Невском стреляют». Приказ был выполнен отрядом в 30 сабель, во главе с командиром взвода п. Герасимовым[3]. Кроме этого, с вечера 27 февраля «целый ряд ответственных поручений, направленных на сокрушение старого и укрепление нового порядка», выполнял 1-й запасный пехотный полк[4]. Комендант В.Н. Филипповский «отдавал разные приказания: о занятии министерств, Охран[ного] отделения и пр[очих] учреждений»[5]. Отдельные поручения коменданта выполнял М.М. Оверк. В частности, он по приказанию Филипповского «доставлял патроны и винтовки в комендатуру»[6]. Вечером 27 февраля Военная комиссия попыталась провести операцию по занятию Центральной телефонной станции, которая имела важное стратегическое значение. Лейберов привел сведения об отряде, который «при поддержке восставших рабочих и железнодорожников» овладел Николаевским вокзалом, назначил нового коменданта и «перерезал провода правительственного телеграфа»[7]. Примерно в тоже время (вечером 27 или в ночь с 27 на 28 февраля)

---

[1] *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия... С. 262, 263; Лейберов ошибочно приписывает все эти мероприятия советской Военной комиссии.

[2] АМ СПбГУ. Ф. Р.Д. Д. 29. Л. 5.

[3] Помощником Герасимова был солдат Мацевич. В ходе разведки отряд был обстрелян из пулеметов, когда въехал на Аничков мост. В результате обстрела был ранен Герасимов и убито 4 солдата. Отряд также недосчитался двух лошадей (*Бутвин С.И.* Борьба и жертвы революции 1917 г., 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1424. ЛЛ. 4, 5).

[4] 1-й запасный полк / Письма в редакцию // Биржевые ведомости. 1917. 27 марта (веч. вып.).

[5] РГИА. Ф.1279. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

[6] ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2670. Л. 13.

[7] *Лейберов И.П.* Указ. соч. С. 262, 263.

в руках восставших оказался Балтийский вокзал[1]. Сюда был послан отряд под командованием старшего лейтенанта Г.В. Анастасьева, который с 27 февраля стал его комендантом. С этого же дня помощником коменданта был прапорщик В.М. Клярович[2]. Под контроль Военной комиссии перешел Финляндский вокзал, занятый еще днем отрядом, которым руководил военный врач[3]. Отряды ВК ВКГД принимали участие в ликвидации полицейских засад[4].

Военная комиссия предпринимала шаги для перевода на сторону революции воинских частей, еще сохранявших верность царской власти. В частности, речь идет о переходе на сторону восставших Запасного батальона лейб-гв. Гренадерского полка, который размещался в казармах на Петроградской стороне (Архиерейская ул.)[5], лейб-гв. Семеновского полка[6] и др.

***

Активная деятельность Государственной думы и ее Военной комиссии сыграла важную роль в руководстве восставшими. Именно благодаря депутатам Государственной думы, ВК ВКГД были сформированы первые революционные отряды, действовавшие по приказу и имевшие конкретные задания по захвату ряда правительственных учреждений и стратегически важных пунктов. ВКГД и ВК ВКГД предприняли шаги, направленные на увеличении военных сил революции. Успех Думы определялся тем, что она опиралась на активную поддержку масс и различных политических сил. Вместе с тем «штаб Керенского» постепенно преобразовался в думско-советскую Военную комиссию. Опосредованно, через Военную комиссию Петроградский совет реализовал свои возможности по руководству восстанием, получил часть прав на революцию. Успешность деятельности ВК ВКГД обеспечивалась тем, что к работе по руководству восстанием имел отношение «штаб ЦВПК» как вспомогательный думский центр.

Военный вопрос в деятельности Государственной думы (28 февраля –3 марта 1917)

Важнейшим направлением в деятельности Временного комитета Государственной думы после 27 февраля оставался военный вопрос. Судя по всему, для ВКГД он складывался из необходимости решить две важнейшие задачи:

---

[1] *Смирнов С.* Февральские дни // Саратовский листок. 1917. 15 марта.

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 46. ЛЛ. 3 об.–4.

[3] *[Скобелев М.И.]* Речь М.И. Скобелева / Юбилейное историческое заседание // Голос солдата. 1917. 27 августа.

[4] *[Пилыняков А.Я.]* Воспоминания участника Гражданской войны красного партизана Александра Яковлевича Пилынякова, 1932 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1331. Л. 3.

[5] *Мичурин Г.* Горячие дни актерской жизни. [Л.], 1972. С. 13.

[6] *Дрючин А.А.* Воспоминания бывшего солдата Броневого отдела Петроградского гарнизона о революционных событиях в Петрограде в 1917 г., 1958 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1699. Л. 2.

во-первых, подавить сопротивление последних защитников царской власти и, во-вторых, взять под свой контроль воинские части Петроградского гарнизона. Основным инструментом для решения этих задач должна была стать Военная комиссия. Учитывая весьма непростую историю складывания ВК ВКГД, а также трудность разрешения военного вопроса, неизбежно было реформирование именно в направлении усиления в ней военного элемента.

Думское участие в организации перехода воинских частей на сторону революции и ликвидации последних опорных пунктов царизма

Военный вопрос занимал существенное место в деятельности думского Комитета в первые часы и дни его существования как временной власти. ВКГД работал для решения его, опираясь на Военную комиссию, которая, в свою очередь, использовала различные средства для перевода воинских частей на сторону революции.

В ночь с 27 на 28 февраля к восставшим присоединился ряд запасных лейб-гвардии полков. Первым из них был Запасный батальон лейб-гв. Измайловского полка. В.С. Дякин писал, что около 5–6 часов вечера 27 февраля С.С. Хабалов получил известие о том, что офицеры-измайловцы «замышляют переход на сторону думы»[1]. Снятие же солдат этого полка революционной толпой, по свидетельству офицера-измайловца Б.В. Фомина, началось только вечером 27 февраля[2]. Решающую роль в этом сыграл приехавший на автомобиле военный, который сумел организовать штурм казарм[3]. Только ранним утром 28 февраля все роты Запасного батальона лейб-гв. Измайловского полка перешли на сторону революции. Часть солдат Петроградского полка перешла на сторону революции в ночь на 28 февраля и вместе с Запасным батальоном лейб-гв. Семеновского полка отправилась в Таврический дворец. В 2 часа 40 мин. ночи 28 февраля Запасный батальон лейб-гв. Семеновского полка и часть солдат Петроградского полка явились в Государственную думу[4].

Другая часть солдат Запасного батальона лейб-гв. Петроградского полка продолжала оставаться в своих казармах. Однако и эти солдаты под давлением егерей и снятых ими измайловцев вскоре присоединились к революции. С.А. Смирнов вспоминал, что после присоединения к революции солдат

---

[1] *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 328; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 тт. / Ред. П.Е. Щеголева. Л., 1924. Т. I. С. 200, 201.

[2] *Фомин Б.В.* Первые месяцы после Февральской революции в Запасном батальоне лейб-гвардии Измайловского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / Ред. кол.: П.В. Волобуев (отв. ред.) и др. М., 1997. С. 299.

[3] *Белов П.В.* Воспоминания, 1934 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1667. ЛЛ. 8, 9.

[4] *Ф.Д.* Февральская революция в Петрограде (28 февраля–1 марта 1917 г.) // Красный архив. 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 68.

Измайловского и Петроградского полков появился грузовик, с которого «один из ораторов, в меховой шапке и добротном пальто с бобровым воротником, приветствовал восставших от имени Государственной думы»[1]. То есть можно предположить, что о действиях восставших поставлялась информация в Государственную думу, и та достаточно оперативно отреагировала на их успех, прислав сюда своего представителя.

В 5 часов 30 мин. утра 28 февраля солдаты Измайловского и часть солдат Петроградского полков пришли к Государственной думе[2]. В 6 часов утра Егерский полк прибыл в Таврический дворец для приветствия Государственной думы[3]. Хроника прибытия измайловцев, петроградцев и егерей в Таврический дворец заставляет предположить, что восставшие егеря как бы гнали перед собой «на поклон» к Думе измайловцев и петроградцев. П.И. Ведерников вспоминал, что перед прибывшими к Таврическому дворцу солдатами выступил председатель Государственной думы М.В. Родзянко[4]. По сообщению Комитета лейб-гв. Измайловского полка, некоторые войсковые части (из числа прибывших к Таврическому дворцу) «были оставлены тогда же в распоряжении нового Временного правительства для несения караульной службы»[5].

Крайне важным фактом является для нас то, что в ночь с 27 на 28 февраля командир Запасного батальона лейб-гвардии Измайловского полка Ф.И. Уманец поддерживал связь с ЦВПК. Именно в ЦВПК он сообщил, что завтра, 1 марта, «с полком придет в Государственную Думу в 1 ½ час дня, т.к. солдаты желают видеть Родзянко». Эта информация была передана председателю Государственной думы секретарем ЦВПК Я. Кроликом в 1 час 30 минут ночи 28 февраля[6]. То есть еще до того, как все солдаты-измайловцы, находившиеся в казармах, перешли на сторону революции, а часть из них еще продолжала находиться в Адмиралтействе в составе сил, сохранивших верность царской власти. Причем об этой инициативе командира офицеры в известность поставлены не были[7]. То, что Уманец обратился со своей информацией не в Государственную думу, а в ЦВПК говорило о том, что к этому решению командир Запасного батальон Измайловского полка пришел в результате каких-то контактов именно с ЦВПК, его руководством. Более определенно можно говорить о существовании личных связей между офицерами-измайловцами и «штабом ЦВПК».

В ночь с 27 на 28 февраля революционный отряд с бронеавтомобилями, двигавшийся от казарм Гвардейского экипажа, пробился к Крюковским ка-

---

[1] *Смирнов С.А.* В лейб-гвардии Егерском // Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году / Сост. сб. И.С. Сазонов, Ю.С. Кулышев. Научн. ред. В.Е. Муштуков. Л., 1967. С. 23, 24.

[2] *Ф.Д.* Февральская революция в Петрограде... С. 70.

[3] *Смирнов С.А.* Указ. соч. С. 24.

[4] *Ведерников П.И.* Воспоминания. 40 лет назад, 1957 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1403. Л. 2.

[5] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. С. 25.

[6] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1245. Л. 1.

[7] См.: *Фомин Б.В.* Первые месяцы после февральской революции... С. 295–297.

зармам 2-го Балтийского флотского экипажа (Морская ул., д. 69; Благовещенская ул. (ныне — ул. Труда. — *А.Н.*), д.7). И.И. Чуйков, прибывший за запчастями для бронеавтомобилей с фронта, вспоминал позднее, что отряд восставших с бронеавтомобилями подошел к казармам 2-го Балтийского экипажа и «потребовал немедленно выпустить моряков». Требование было выполнено, и «моряки слились в одну мощную лавину революционных сил с армейскими частями»[1]. Снятие моряков из Крюковских казарм, несомненно, проходило под руководством Военной комиссии, о чем свидетельствовало наличие в отряде восставших бронеавтомобилей, находившихся в ее подчинении. Именно они сыграли решающую роль в переходе 2-го Балтийского экипажа на сторону революции.

Военная комиссия решила направить матросов 2-го Балтийского флотского экипажа вместе с матросами Гвардейского экипажа на Васильевский остров, где в Дерябинских казармах (В.О., Большой пр., д. 92)[2] находилась часть матросов 2-го Балтийского экипажа, еще сохранявшая верность присяге. Кроме этого, на Васильевском же острове размещались 180-й пехотный полк (Гаванское поле) и Запасный батальон лейб-гв. Финляндского полка (В.О., 18-я линия), которые тоже не перешли на сторону революции. В это время какой-то отряд революционных войск прорывался с Петроградской стороны на Васильевский остров. Восставшие, атаковавшие финляндцев у Тучкова моста, поддерживали связь с ВК ВКГД, обращались в комиссию за помощью[3].

Утром 28 февраля были переведены на сторону революции 180-й пехотный полк и Запасный батальон лейб-гв. Финляндского полка (В.О., 18-я линия)[4]. Причем, как вспоминал в 1935 г. бывший рабочий завода «Феникс» С.А. Лапшин, «снятие полков» было «проведено при помощи броневиков»[5]. При этом присутствовал какой-то уполномоченный ВК ВКГД. Он запросил инструкций по району Васильевского острова и сообщил: «Полки 180-й и Финляндский направлены мной к Таврическому дворцу для получения оружия и патронов»[6].

28 февраля отряды восставших попытались перевести на свою сторону учащихся Морского корпуса (Николаевская наб., д. 17). По словам бывшего гардемарина Н. Редена, улица перед зданием училища начала наполняться солдатами, среди которых «попадались и гражданские лица» «около половины одиннадцатого». Реден писал, что собравшиеся на улице кричали:

---

[1] *Чуйков И.И.* Воспоминания о революционных событиях в Петрограде в феврале, 1933 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1338. Л. 2.

[2] *Иоффе А.Е.* Морской гарнизон Петрограда в Февральской революции // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году / Ред. колл.: О.Н. Знаменский (отв. ред.) и др. Л., 1989. С. 145.

[3] *Ф.Д.* Февральская революция в Петрограде... С. 76.

[4] В. Степанов сообщил, что сначала был снят 180-й полк, а затем финляндцы (*Степанов В.* От февраля — к октябрю, 1932 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1336. Л. 2).

[5] *[Лапшин С.А.]* О работе партийной организации большевиков на заводе «Феникс» в 1917 году. Воспоминания С.А. Лапшина, 1935 г. // ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 113. Л. 11.

[6] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 128. Л. 26.

«–Революция! Да здравствует революция!
– Армия примкнула к революции!
– Открывайте ворота и идите с нами к Думе!
– К Думе!»

Восставшие действовали под руководством какого-то мужчины «в сером армейском кителе, с широкой красной лентой через плечо», находившегося в автомобиле, украшенном красными флагами. Реден вспоминал о руководителе отряда восставших: «Он инструктировал людей, стоящих рядом, а те в свою очередь, передавали распоряжение другим». Именно восставшие открыли первыми огонь по зданию Морского корпуса. Бой шел несколько часов и, «к 2 часам дня» он «стал определенно затихать и, наконец, полностью прекратился». Через полчаса после прекращения боя «поступил приказ поставить ружья в пирамиды и собраться в классах». Гардемарины приказ выполнили и вскоре оказались под прицелами винтовок ворвавшихся в здание училища солдат. Для гардемаринов такой оборот событий был полной неожиданностью. Они то были уверены, что «толпа покинула улицу полностью». Несколько позднее выяснились обстоятельства взятия Морского корпуса. Реден писал: «Во время затишья к входу училища подъехал автомобиль с белым флагом, и человек, по его словам, из Думы попросил встречи с начальником училища. Адмирал вышел на тротуар и едва поравнялся с машиной, как его втолкнули внутрь и умчали. Вскоре после заместитель начальника связался с Думой и выяснил, что весь гарнизон города восстал, Петроград захвачен революционерами». Поняв, что дальнейшее сопротивление бесполезно, он и отдал приказ гардемаринам, чтобы избежать «ненужного кровопролития», сдать оружие и вернуться в классы[1].

С 28 февраля в войсковые части стали командироваться и члены Государственной думы для организации их перехода на сторону революции. В ночь на 28 февраля или утром этого дня М.А. Караулов, влияние которого, по мнению прессы, было «огромно в казачьих кругах»[2], должен был привлечь казаков к наведению порядка в Петрограде. По крайней мере, он намекал членам ВКГД, что может это сделать в том случае, если ВКГД возьмет власть в свои руки[3]. К казакам Караулов так и не поехал. Конечно, влияние думцев на казачьи части не ограничивалось одним Карауловым, т.к. среди членов Государственной думы были и другие представители казачества. Они могли иметь какие-то связи и влияние в казачьих частях, которые сложились еще до начала революции, или приобрести их с началом революционных событий. Возможно, что они и были задействованы уже рано утром 28 февраля («еще только рассвело»), когда в 4-й Донской казачий полк на автомобиле «под красным флагом» прибыл член Государственной думы от Области войска Донского А.П. Савватеев (не-

---

[1] *Реден Н.* Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. 1914–1919 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2006. С. 49–51.

[2] М.А. Караулов / Члены Комитета / К переживаемому моменту // Трудовая газета. (Николаев). 1917. 3 марта

[3] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция / Подг. текста, вст. ст. и примеч. А.Б. Николаева // Клио. Журнал для ученых. 2003. № 1(20). С. 181.

зависимый, примыкал к кадетам). Удержать всех казаков 4-го Донского полка в Петрограде Савватеев не смог. По некоторым сведениям, «около двух сотен полка ушло из города в Ново-Саратовскую колонию»[1].

Пожалуй, последней из воинских частей в Петрограде, сохранившей вплоть до второй половине дня 28 февраля верность царскому режиму, был Самокатный батальон. 28 февраля против него действовал революционный отряд, в который входили солдаты-егеря. Отряд, сформированный ВК ВКГД[2], действовал успешно.

Некоторую тревогу у ВКГД вызывали полки, двигавшиеся из пригородов в Петроград. Как известно, в ночь с 27 на 28 февраля из Ораниенбаума, Петергофа и Стрельны на помощь восстанию в Петрограде двинулись войска[3]. Для встречи их были командированы депутаты Государственной думы и офицеры из ВК ВКГД. 28 февраля 1917 г. войска, направляющиеся к Петрограду по Петергофскому шоссе и на Балтийском вокзале, встречали члены Государственной думы кадеты П.В. Герасимов, В.Н. Пепеляев, В.А. Степанов, прогрессисты И.Н. Ефремов и И.В. Титов[4]. По сообщению прессы, на Балтийском вокзале депутаты приветствовали войска от имени Государственной думы и сообщили им, что стараниями ВКГД воинским частям «отведены помещения, которые они просят занять совершенно спокойно». Кроме этого, депутаты призвали войска идти к Таврическому дворцу, «где они получат дальнейшие указания»[5]. Члены Государственной думы выезжали на Балтийский вокзал и на следующий день для встречи войск. 1 марта в 6 часов 15 мин. утра кто-то из думцев, находившихся на Балтийском вокзале, доложил в Военную комиссию о прибытии войск[6].

Всего ВКГД использовал для работы в войсках по организации их перехода на сторону революции 7 членов Государственной думы. Их них: прогрессистов — 3, кадетов и примыкающих к ним — 4.

Днем 1 марта на сторону восставшего народа перешло уже 170 тысяч солдат Петроградского гарнизона[7]. В начале марта были возвращены в Петроград 4 роты 1-го Донского казачьего полка, выведенные командованием в с. Пулково-Подгорное[8]. Казаки 1-го Донского полка были переведены на сторону революции благодаря деятельности отряда, посланного ВК ВКГД. Во второй половине

---

[1] Казаки в великую революцию (4-й Донской Казачий, имени графа Платова, полк) // Трудовое казачество. 1918. 14 июля. № 10. С. 5; Казаки 4-го Донского полка из числа членов Казачьего комитета при ВЦИК Советов позднее дали такую оценку деятельности А.П. Савватеева утром 28 февраля: «И Савватеев в то время был революционером" (Там же. С. 6).

[2] *Смирнов С.А.* В лейб-гвардии Егерском... С. 25, 26.

[3] См.: Февральская революция в императорской резиденции Петергоф / Ввод. ст., подг. текст. и коммент. В.Ю. Черняева // Русское прошлое. 1993. Кн. 4. С. 7, 9—14; *Черняев В.Ю.* Ораниенбаумское восстание в феврале 1917 г. // Исторические записки. 1986. Т. 114. С. 265, 268, 269.

[4] *Герасимов П.В.* По поводу восстания Ораниенбаумских пулеметчиков // Маленькая газета. 1917. 31 марта; Прибытие новых частей // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 [Типография газеты «Речь»].

[5] Прибытие новых частей / Известия 1-го марта / События в Петрограде // Русские ведомости. 1917. 2 марта.

[6] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 127. Л. 113.

[7] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. С. VI.

[8] *Харламов С.Ф.* За власть Советов, 1957 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1407. Л. 6.

дня 2 марта 1917 г. в прессе сообщалось, что по сведениям ВКГД «ни в Петрограде, ни в окрестностях столицы нет ни одной военной части, которая сохранила бы верность павшей власти»[1].

Военная комиссия уделила пристальное внимание экспедиции генерала Н.И. Иванова. Среди них следующие: а) контроль Военной комиссии над войсками гарнизона Царского Села[2]; б) деятельность коменданта Николаевского вокзала по отслеживанию передвижения эшелонов с царскими войсками, идущими на Петроград[3]; 3) мероприятия комиссара ВКГД А.А. Бубликова, направленные против экспедиции генерала Н.И. Иванова[4].

События в Петрограде, в которых важное место занимало «Временное правительство, заседающее в Государственной думе», заставили начальника Штаба Ставки верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева телеграфировать ночью 1 марта генералу Иванову о необходимости отказаться от борьбы с восставшими и вступить с ними в переговоры"[5]. Экспедиция генерала Иванова на Петроград окончилась 2 марта[6]. Она была неудачной во всех отношениях, т.к. не смогла привести восставшие войска в «успокоение» и не обеспечила тех «реформ»[7], на которые готов пойти император Николай II.

Одновременно с организацией перехода на сторону революции различных воинских частей думский Комитет и его Военная комиссия руководили ликвидацией опорных пунктов царизма в столице.

Ночью 27 февраля началась успешная операция по взятию Мариинского дворца, который охранялся офицерским караулом в составе прапорщика и 12 солдат. Из казарм лейб-гвардии 3-го стрелкового полка выдвинулся отряд, в который входили солдаты-стрелки и матросы 2-го Балтийского флотского экипажа[8]. Отряд числом около 400 человек, которым командовали два офи-

---

[1] **Правительственные войска** // Известия КПЖ. 1917. 2 марта № 6 [Типография Т-ва А.С. Суворина – «Новое время»].

[2] В частности, начальник гарнизона Царского Села 2 марта передал в Военную комиссию 3 перехваченные им телеграммы генерала Н.И. Иванова и просил «немедленных указаний и распоряжений» (ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 127. Л. 135).

[3] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 127. ЛЛ. 20, 22.

[4] *[Перетц Г.Г.] Г.П. (полк. Г.Г. Перетц).* В цитадели русской революции. С. 69.

[5] Февральская революция 1917 года (Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) / Текст подг. к печ. А.А. Сергеев // Красный архив. 1927. Т. 2 (21). С. 31, телеграмма датирована 28 февраля, а передана в Царское Село в 1 час 15 мин. ночи 1 марта 1917 г.

[6] См. подробнее: *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции / Отв. ред. И.И. Минц. М., 1977. С. 44; *Куликов С.* Февральская «революция сверху», или Фиаско «генералов для пронунсиаменто» // Россия XXI. 2004. № 4. С. 162.

[7] С.В. Куликов в своей статье приводит доказательства тому, что Николай II, отправляя генерала Иванова в поход на Петроград, предполагал создать министерство общественного доверия (*Куликов С.* Февральская «революция сверху», или Фиаско «генералов для пронунсиаменто» С. 150)

[8] РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Дополнительная опись к XVI тому печатных описей Государственного совета. Государственная канцелярия. Отдел дел государственного секретаря. 1917. Д. 19. Л. 76; В.С. Жаров пишет, что Мариинский дворец 28 февраля был занят матросами 2-го Балтийского флотского экипажа. Об участии в этой операции солдат лейб-гв. 3-го стрелкового полка он умалчивает (*Жаров В.С.* Мариинский дворец: эпохи российского парламентаризма // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной Думы). Сб. научн. ст. / Под ред. В.И. Старцева. СПб., 1996. Ч. I. С. 65).

цера, вошел в Мариинский дворец[1]. В 1 час 55 минут ночи военный министр сообщил дворцовому коменданту генерал-адъютанту В.Н. Воейкову о занятии дворца мятежниками[2].

В 4 часа 15 мин. утра 28 февраля Военная комиссия отдала приказ о разоружении всех полицейских участков[3]. По свидетельству Ж.М. Палеолога, к вечеру 27 февраля восставшими были захвачены около 20 из них[4]. Всего же в Петрограде насчитывалось 47 полицейских участков[5]. Какое количество участков было разгромлено в ночь с 27 на 28 февраля 1917 г. и до 4 часов утра 15 мин., точно установить не удалось. Во всяком случае, 20 (или менее — или более) участков полиции не были заняты восставшими, которые могли представлять опасность для революции[6]. Но уже 28 февраля депутат Государственной думы В.Н. Пепеляев писал в газету «Алтай», что «все [полицейские] участки уничтожены». Тут же он добавил: «Но жертвы только случайные»[7]. Таким образом, Военная комиссия, отдавая приказ о разоружении еще не взятых восставшими участков, тем самым выступила в качестве организатора и руководителя разгрома большей части полицейских опорных пунктов царизма в столице. Кроме этого, именно ВК ВКГД брала на себя ответственность за то насилие, которое обрушилось на головы полиции.

Под утро 28 февраля революционный отряд, преодолев сильное сопротивление[8], взял Департамент полиции (наб. реки Фонтанки, д. 16)[9]. Утром 28 февраля восставшие захватили также и здание Штаба Отдельного корпуса жандармов (Фурштадтская, д. 40). В.Ю. Черняев утверждает, что «восставшие разгромили дом»[10]. 1 марта ВК ВКГД направило сюда комендантом прапорщика Офицерской стрелковой школы Наджарова[11]. И.П. Лейберов пишет, что в ночь с 27 на 28 февраля «при поддержке двух броневиков повстанцы захватили телефонную станцию, перебив часть карателей»[12]. Однако имеющиеся сведения говорят о том, что станция была захвачена позже. Приказ Запасному батальону лейб-гв. Преображенского полка о взятии Центральной телефонной станции Энгельгардт отдал только в 8 часов 10 мин. утра 28 февраля, а в 8 ча-

---

[1] **РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Дополнительна опись к XVI тому печатных описей Государственного совета. Государственная канцелярия. Отдел дел государственного секретаря. 1917. Д. 19. Л. 76.**

[2] **Февральская революция 1917 года (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта). Т. 2(21). С. 16.**

[3] ***Ф.Д.* Февральская революция в петрограде... С.69.**

[4] ***Палеолог Ж.М.*** **Царская Россия накануне революции / Пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. 2-е изд. М., 1991. С. 241.**

[5] **Биржевые ведомости. 1917. 26 марта (утр. вып.).**

[6] **Вопрос о разгроме полицейских участков 28 февраля совершенно не изучен.**

[7] **Сообщение от нашего депутата / Хроника // Алтай. (Бийск). 1917.10 марта.**

[8] ***Пушкарева И.М.*** **Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России / Отв. ред. В.Я. Лаверычев. М., 1982. С. 176.**

[9] ***Лейберов И.П.*** **На штурм самодержавия... С. 257.**

[10] **Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 16.**

[11] **РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 20. Л. 9.**

[12] ***Лейберов И.П.*** **Указ. соч. С. 257.**

сов 40 мин. такой же приказ получил командир Запасного электротехнического батальона полковник А.В. Бобинский[1]. И. Лукаш, ссылаясь на показания участника событий, писал: «С 10 ч[асов] утра 28 февраля телефонная станция работала уже для новой, свободной России»[2]. 28 февраля ВК ВКГД установила контроль над Главным телеграфом (ул. Почтамтская, д. 15) и Главным почтамтом (ул. Почтамтская, д. 9). В 12 часов 15 мин. дня член ВК ВКГД В.Н. Филипповский отдал приказ капитану А.В. Васильеву занять Главный телеграф, «охранять порядок и организовать власть». В 4 часа дня Филипповский принял решение об усилении охраны Главного телеграфа. Он приказал Васильеву взять для этой цели «50 чел[овек] команды с автомобилем»[3]. 1 марта Б.А. Энгельгардт отдал приказ задерживать все шифрованные телеграммы «вплоть до особого распоряжения»[4].

Почт-директор Н.Н. Менделеев 28 февраля сообщал начальнику Главного управления почт и телеграфов В.Б. Похвисневу, что «сегодня около семи часов утра снята охрана <...> в Почтамте»[5]. Но только в 1 час 52 мин. дня 28 февраля председатель ВК ВКГД отдал приказание подпоручику Вульфиусу взять под охрану Главный почтамт[6]. С вечера 2 марта охрану Главного почтамта несли солдаты Запасного батальона лейб-гв. Егерского полка по наряду от ВК ВКГД[7].

Важным успехом ВКГД и его Военной комиссии стало взятие днем 28 февраля под свой контроль Петропавловской крепости, которая являлась важным стратегическим пунктом столицы. Среди думских руководителей был план использовать военный потенциал крепости в целях установления господства восставших в районе Адмиралтейства–Зимнего дворца. В.В. Шульгин в связи с этим вспоминал, что Н.В. Некрасов предлагал открыть артиллерийский огонь из Петропавловской крепости по Адмиралтейству, где находился отряд С.С. Хабалова[8]. М.И. Скобелев тоже вспоминал, что в Таврическом дворце обсуждался план использования артиллерии, находящейся в Петропавловской крепости, для взятия Адмиралтейства. В ходе телефонных переговоров выяснилось, что комендант крепости генерал от артиллерии В.Н. Никитин «против Государственной Думы не пойдет, но казенное имущество, Монетный двор, как солдат, будет защищать до конца и что вручит это достояние старой или новой государственной власти». Скобелев заметил по поводу этой позиции: «Нас это не устраивало. Нам нужна была артиллерия. Начались переговоры. Оказалось, что генерал знаком с Шульгиным. Его уполномочили для переговоров <...>»[9].

---

[1] *Ф.Д.* Февральская революция в Петрограде... С. 79.
[2] *Лукаш И.* Герои российской революции. Пг., 1917. С. 23.
[3] *Ф.Д.* Указ. соч. С. 83, 92.
[4] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 59. Л. 81.
[5] Там же. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2720. Л. 4.
[6] *Ф.Д.* Указ. соч. С. 86.
[7] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 59. Л. 78.
[8] *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 204, 205.
[9] *[Скобелев М.И.]* Речь М.И. Скобелева / Историческое юбилейное заседание // Голос солдата. 1917. 27 августа.

Утром 28 февраля член ВКГД В.В. Шульгин в ходе личных переговоров с комендантом крепости В.Н. Никитиным убедил того признать власть Государственной думы[1] и не предпринимать «враждебных действий против Государственной Думы [и] перешедших на ее сторону войск»[2].

В ночь на 28 февраля ВК ВКГД, видимо, попыталась захватить здание Градоначальства. Оборонявшие его оказали сопротивление. П.И. Пальчинский записал в ночь на 28 февраля: «Засада в Градоначальстве»[3]. Со стороны восставших были раненые[4]. Днем 28 февраля это здание оказалось под контролем ВК ВКГД[5].

Несколько позднее была завершена операция по занятию Адмиралтейства. Председатель Военной комиссии Б.А. Энгельгардт утверждал, что приказ о занятии революционными войсками Адмиралтейства он отдал лично[6]. Операцией по захвату Адмиралтейства руководила Военная комиссия ВКГД[7]. Начальник войсковой охраны Петрограда М.И. Занкевич выполняя, видимо, условия договоренности с А.И. Гучковым, предпринял шаги, которые были направлены на ослабление обороны района Адмиралтейства–Зимнего дворца[8]. Г.З. Иоффе утверждает, опираясь на воспоминания Б.В. Фомина, что правительственные войска ушли из Адмиралтейства между 2 и 3 часами дня 28 февраля[9]. Ликвидация отряда Хабалова–Занкевича, таким образом, произошла не в результате кровопролитного штурма восставшими Адмиралтейства, как утверждали некоторые современники событий[10]. Одной из причин его бесславной гибели была, возможно, деятельность Занкевича, способствовавшая нагнетанию среди офицеров чувств растерянности и неуверенности в победе, а также позиция морского министра И.К. Григоровича и некоторых высших чинов военно-морского ведомства.

Начиная с 28 февраля 1917 г. ВК ВКГД провела меры по установлению своего контроля на железнодорожных вокзалах — Финляндском[11], Балтийском[12], Варшавском[13] и Царскосельском[14].

---

[1] В.В. Шульгин писал, что переговоры с комендантом Петропавловской крепости проходили 1 марта 1917 г (*Шульгин В.В.* Дни... С. 206, 207). Н. Петрович сообщал, что Шульгин отправился на переговоры с комендантом Петропавловской крепости 27 февраля 1917 г. (*Петрович Н.* Мартовский переворот /1917-й год // Последние новости. (Киев). 1918. 1 января).

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 168.

[3] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 141. Л. 141.

[4] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 7. Д. 15. Л. 20; См. также: РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 18. Л. 109а.

[5] *Старцев В.И.* 27 февраля 1917. М., 1984. С. 176.

[6] *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания о далеком прошлом, 1961 г. // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 33. Л. 28.

[7] *Лукаш И.* Преображенцы // Современное слово. 1917. 1 апреля.

[8] *[Балк А.П.]* Гибель царского Петрограда... // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 52, 53.

[9] *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма / Отв. ред. И.И. Минц. М., 1987. С. 48, 50.

[10] *Алашеев Н.* Исторические дни. (В Петрограде) // Вятская речь. 1917. 17 марта.

[11] *Ф.Д.* Февральская революция в Петрограде... С. 68, 94.

[12] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 128. Л. 29.

[13] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 37. Л. 2.

[14] *Ф.Д.* Указ. соч. С.78.

Таким образом, 28 февраля все вокзалы оказались под контролем ВК ВКГД. На каждом вокзале были разоружены жандармы, назначены коменданты и установлены караулы, за сменой которых следила ВК ВКГД[1]. Тем самым создавались предпосылки для успешного отражения действий царских войск, в случае их движения на Петроград, а также для встречи и расквартирования войск, перешедших на сторону революции.

ВК ВКГД взяла под охрану финансовые учреждения столицы — Государственный банк[2], сберегательные кассы[3], казначейства[4] и т.д.

ВК ВКГД предприняла шаги для взятия под охрану и создание условий для бесперебойной работы электростанций. Военная комиссия собиралась установить свой контроль над электростанциями: 1) «Общества электрического освещения 1886 года» (Обводный канал, д. 76), 2) Акционерного общества «Гелиос» (ул. Новгородская, д. 12–14); 3) Фульгор (наб. р. Фонтанки, д.12); 4) «Бельгийского анонимного общества электрического освещения» (наб. р. Фонтанки, д. 104)[5]. 28 февраля комендант Таврического дворца «по приказанию Временного правительства» поручил зауряд-военному чиновнику Н. Залесскому (Залескому) «занять караулом станцию 86 г.», сменив при этом «правительственную стражу»[6]. Караулы ВК ВКГД были установлены и на других электростанциях. Для охраны электростанций использовался Запасный батальон лейб-гв. Семеновского полка[7].

С 28 февраля 1917 г. ВК ВКГД с помощью военных караулов стала устанавливать свой контроль над типографиями — газеты «Копейки»[8], «Лештуковской» (Лештуков пер., д. 13), Первой петроградской трудовой артели (Лиговская ул., д. 34), газет «Родины» (Лиговская ул., д. 114) и «Свет» (Невский пр., д. 136), Государственной типографии и типографии Кюгельген Глич (ул. Гатчинская, д. 26), Черемхина (ул. Гороховая, д. 12), Петроградского градоначальника (ул. 8-я рота, д. 20 б), газет «Петроградский листок» (Екатерининский кан.), «Сельский вестник» (наб. р. Мойки, д. 32), «Русской воли» (ул. Ивановская, д. 14), «Петроградской газеты» (Владимирский пр., д. 12)[9]. Установление военной охраны в типографиях препятствовало их разгрому и создавало предпосылки для проведения издательской деятельности ВКГД. 1 марта, как сообщалось в прессе, «революционными войсками» думского Комитета был взят под охрану Зимний дворец[10]. К сожалению, точного времени этого события «Известия КПЖ» не сообщали.

---

[1] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 127. Л. 143.

[2] Там же. Л.133.

[3] Семеновцы // Солдатское слово. 1917. 8 апреля; *Ф.Д.* Февральская революция в Петрограде... С. 78.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 257. Л. 19.

[5] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 132. Л. 28.

[6] Там же. Д. 129. Л. 5; *Ф.Д.* Указ. соч. С. 98; В приказе ошибочно был указан адрес — «Фонтанка, 76».

[7] Семеновцы // Солдатское слово. 1917. 8 апреля; Семеновцы о своем участии в революционном движении // Солдатское слово. 1917. 18 апреля; *Ф.Д.* Указ. соч. С. 78.

[8] *Ф.Д.* Указ. соч. С. 94.

[9] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 53. Л. 2; Д. 59. Л. 77.

[10] Занятие Зимнего Дворца // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 [Типография Товарищества А.С. Суворина — «Новое время»].

В ходе ликвидации военно-полицейских центров царизма и взятия под контроль территории города в общем и различных объектов в частности сформировалась комендантская система. По сообщению прессы, «коменданты отделений вступили в исполнение своих обязанностей с 1 часа дня 1 марта» 1917 г.[1] Первые же коменданты были назначены ВК ВКГД уже вечером 27 февраля. По нашим подсчетам, ВК ВКГД с 27/28 февраля по 3 марта назначила комендантов и начальников охраны на более чем 40 объектов, из них 13 представляли собой местности или районы города[2]. Можно утверждать, что к 3 марта большая часть города была охвачена комендантской системой, созданной ВК ВКГД.

Важным направлением деятельности ВК ВКГД стала борьба против полицейских засад. В Военную комиссию поступала информация от различных лиц и организаций о полицейских засадах. ВК ВКГД оперативно реагировала на такие сообщения. Например, информацию о стрельбе по пешеходам «где-то за Военно-медицинской академией» Военная комиссия поручила проверить подпоручику В.Ф. Безпалову[3]. Установив наличие полицейских засад, Военная комиссия и подчиненные ей воинские части предпринимали меры, направленные на их уничтожение. Активно участвовала в подавлении полицейских засад броневая часть, которая размещалась в Михайловском манеже и подчинялась ВК ВКГД[4].

Можно утверждать, что думское участие в организации и проведении перехода воинских частей на сторону революции носило существенный характер. Приведенный материал показывает, что переговоры с командованием и офицерами о переходе воинских частей на сторону Государственной думы дополнялись мерами прямого силового воздействия как со стороны толп вооруженных солдат и рабочих, так и отрядов ВК ВКГД. Причем весьма успешной оказалась практика применения броневиков, оказавшихся в распоряжении Военной комиссии.

Военная комиссия в целях поддержания порядка воссоздала комендантскую систему. Практически во всех государственных учреждениях действовали коменданты, которые опирались на военные караулы, наряженные от ВК ВКГД. Воинские части, прибывшие из пригородов Петрограда, были размещены в подходящих для этого зданиях и вошли в подчинение ВК ВКГД. Несомненно, что и неудача экспедиции генерала Иванова была вызвана активным противодействием, которое было оказано ей со стороны различных думских органов. Военная комиссия сыграла также решающую роль в ликвидации полицейских засад.

---

[1] Коменданты // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[2] *Николаев А.Б.* Военная комиссия Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции: Персональный состав // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1998. № 10. С. 61–67.

[3] *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 19.

[4] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 132. ЛЛ. 4–4 об.

Думский контроль над войсками Петроградского гарнизона

Уже ночью и утром 28 февраля думский Комитет и его Военная комиссия стали заниматься вопросом организации перешедших на сторону революции войск. В первую очередь, необходимо было обеспечить управляемость воинских частей, восстановление порядка и установление дисциплины.

Во втором часу ночи[1] 28 февраля Б.А. Энгельгардт по приказу М.В. Родзянко отправился в казармы Преображенского полка на Миллионной ул., д. 33[2]. Здесь председатель ВК ВКГД имел беседу с его командиром и офицерами, которые сами дозвонились в Таврический дворец и изъявили желание перейти на сторону Государственной думы. Еще до приезда Энгельгардта командир Запасного батальона лейб-гв. Преображенского полка издал приказ за № 60 (датирован 27 февраля), в котором говорилось о готовности «запасного батальона поддерживать порядок в столице совместно с Государственной думой»[3]. Энгельгардт писал, что цель его поездки к преображенцам была сформулирована ВКГД следующим образом: «войти с ними в непосредственную связь, выяснить, насколько сохранилась у них связь между офицерами и солдатами и могут ли они представлять из себя опору для вновь нарождающейся власти»[4]. В дальнейшем офицеры Преображенского полка использовались М.В. Родзянко для выполнения различных поручений. Так, Н.А. Епанчин вспоминал, что полковник лейб-гв. Преображенского полка А.А. Стахович 1 марта был дежурным офицером при председателе Государственной думы Родзянко[5]. Активно использовались в последующем думскими структурами и солдаты-преображенцы. Но отчуждение между солдатами и офицерами преодолеть в дни Февраля 1917 г. не удалось. Думским органам пришлось в дальнейшем улаживать конфликты в батальоне, выступать в защиту преследуемых офицеров.

Ситуация в 1-м пехотном запасном полку, который 27 февраля 1917 г. первым в полном составе перешел на сторону революции, в ночь на 28 февраля обострилась. Но уже в 2 часа 40 мин. ночи 28 февраля 1917 г. из полка поступила информация о «полной организации»[6]. В 3 часа 55 мин. утра 28 февраля

---

[1] *Б.Э. [Энгельгардт Б.А.]* Революционные дни. (Воспоминания участника февральских дней 1917 г.) // Общее дело. (Париж). 1921. 16 марта.

[2] По этому адресу располагались казармы 1-й роты лейб-гвардии Преображенского полка, охранявшей Зимний дворец.

[3] Текста приказа пока обнаружить не удалось. Выявлена только выписка из приказа, которая была помещена А.К. Дрезеном в рукопись так и неопубликованного сборника документов «Политическое состояние войск Петроградского гарнизона в 1917 г.» (ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 153. Л. 6).

[4] *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 г., 1938–1962 гг. // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 23. Л. 48.

[5] *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания / Вст. ст., научн. ред. и указ. имен А. Кавтарадзе. Коммент. Д. Матлин, И. Иванов. М., 1996. С. 459.

[6] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 141. Л. 46.

командир 1-го пехотного запасного полка полковник К.Ф. Неслуховский связался с Военной комиссией и сообщил: «Присоединение единогласное после собрания офицеров». Эти слова Неслуховского дают веское основание предположить, что одной из причин конфликта, который привел к дезорганизации полка, стала позиция некоторых офицеров, которые отказались от участия в революции, призывали выждать и т.д. Кроме сообщения о ситуации в полку, Неслуховский попросил прислать патроны. П.И. Пальчинский записал по этому поводу: «Доставить с Патронного завода 20 000 патронов к утру»[1]. Утром 28 февраля кадет П.Н. Милюков по приглашению офицеров посетил 1-й запасный пехотный полк. Сначала он выступил в Офицерском собрании, где собрались офицеры вместе с командиром полка. Милюков довел до их сведения, что «в настоящий момент есть единственная власть, которую все должны слушать, это Временный Комитет Госуд[арственной] Думы»[2].

28 февраля члены Государственной думы неоднократно выезжали в воинские части Петроградского гарнизона, «стремясь всячески уладить взаимоотношения между солдатами и офицерами»[3]. В этот день кадет В.А. Маклаков посетил Запасный батальон лейб-гв. Волынского полка[4]. Трудовик А.И. Рыслев, начиная с 28 февраля, часто выезжал «в части войск для выяснения и улаживания конфликтов, говорил речи в казармах»[5]. По словам А.И. Ксюнина, депутаты Думы «говорили речи, объясняли, как необходимо объединение, предостерегали от пьянства»[6].

1 марта эта практика была продолжена. Кадет М.С. Аджемов по просьбе командира Запасного батальона лейб-гв. Финляндского полка в этот день посетил полк[7]. 1–2 марта кадет Ф.И. Родичев «провел с солдатами, объезжая казармы, провожая солдат к Думе». Он не смог вспомнить точную последовательность своих поездок. Кажется, что большая часть из них была проведена 1 марта. Родичев писал, что по просьбе А.И. Гучкова вместе с князем Д.Л. Вяземским ездил в Петроградский полк, части которого размещались в бывших казармах 2-й лейб-гвардейской артиллерийской бригады и в казармах Измайловского полка. Несколько позднее он проехал в Финляндский полк, а затем — в Семеновский[8]. 1 марта депутаты IV Думы Ф.И. Родичев и А.А. Назаров (оба кадеты) выступали перед войсками на площади перед

---

[1] *Ф.Д.* Февральская революция в Петрограде... С. 69. « <...> Выслать патроны на Охту (в 1-й запасной пехотный полк. — *А.Н.*)» (ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 132. Л. 34).

[2] П.Н. Милюков в Первом запасном полку // Известия КПЖ. 1917. 28 февраля. № 2 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[3] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 123.

[4] *Ксюнин Ал.* Как произошла революция // Новое время. 1917. 5 марта.

[5] Амурское эхо. (Благовещенск). 1917. 22 марта.

[6] *Ксюнин Ал.* Как произошла революция // Новое время. 1917. 5 марта.

[7] Народная армия / Последние известия // Русские ведомости. 1917. 2 марта.

[8] *Rodichev F.I.* Vospominania i ocherki o russkom liberalisme / Edited, Annotated, and Introduced by K.E. McKenzie (Текст рус. — Предисл. и примеч. англ.). Newtonville (Ma), 1983. С. 102–104.

Спасо-Преображенским всей гвардии собором. Митинг был обстрелян из пулеметов с соседних домов[1].

Выезжал в воинские части, начиная с 1 марта, кадет И.М. Гамов[2]. В ночь с 1 на 2 марта в Запасный батальон лейб-гв. Егерского полка был командирован депутат Государственной думы В.И. Дзюбинский (трудовик)[3]. В период с 1 по 3 марта член IV Думы А.М. Александров (кадет) посетил Запасные батальоны лейб-гв. Литовского и Волынского полков с целью выяснения настроения солдат[4].

Скорее всего, 2 марта в кабинете председателя Государственной думы обсуждался вопрос о поездке депутатов в воинские части. А.А. Ознобишин вспоминал: «Родзянко и президиум думы отсутствовал, был только секретарь Думы [И.И.] Дмитрюков. Решили, что необходимо объездить казармы для ознакомления солдат с создавшимся положением». По словам Ознобишина, депутат И.Ф. Половцов 2-й (прогрессивный националист) «согласился ехать в казармы Финляндского полка», князь К.М. Шаховской (националист) — «в другие»[5].

Кроме них, ВКГД направлял в воинские части следующих депутатов: Н.К. Волкова (кадет), М.С. Воронкова (кадет), С.П. Мансырева (прогрессист), В.В. Милютина (земец-октябрист), Н.Н. Николаева (кадет), В.Н. Пепеляева (кадет), Д.Я. Попова 1-го (прогрессист), М.И. Симонова (земец-октябрист), М.И. Скобелева (социал-демократ), В.И. Стемпковского (земец-октябрист), С.А. Таскина (кадет), Ф.Д. Филоненко (центр), Ф.В. Черячукина (кадет) и В.В. Шульгина (прогрессивный националист)[6]. В качестве думского посланца в войсках выступал и прогрессист А.М. Масленников[7].

Начиная с 1 марта, работа членов Государственной думы в воинских частях стала приобретать более организованный характер. Видимо, в этот день был создан Отдел поездок депутатов в воинские части при Государственной думе. Отдел собирал информацию о ситуации в воинских частях. Основными информаторами выступали командиры и офицеры. Исходя из полученных сведений, Отдел принимал то или иное решение. В большинстве случае речь шла о посылке депутатов в те воинские части, где складывались тяжелые отношения между командным и рядовым составами. С 1 по 3 марта включительно по Отделу прошли командировки думцев в Запасные батальоны лейб-гв. Измайловского, Московского, Волынского и Литовского полков. Кроме этого, Отдел собрал сведения о положении дел в Запасных батальонах Преоб-

---

[1] Член IV Думы Ф.П. Адриановский (независимый правый) опроверг эти слухи (*Адриановский Ф.* Нелепые слухи // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. №8 [Типография Т-ва С.М. Проппера — «Биржевые ведомости»].

[2] Амурское эхо. (Благовещенск). 1917. 22 марта.

[3] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 97.

[4] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 345.

[5] *Ознобишин А.А.* Воспоминания члена IV Государственной думы. Париж, 1927. С. 259.

[6] *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль-март 1917 г.): персональный состав // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1995. Вып. 5. С. 57, 63, 64, 66, 67–69.

[7] *Свой.* На разные темы. Народ-государственник // Саратовский листок. 1917. 30 марта.

раженского и Павловского полков, в Самокатном запасном батальоне, в 6-м запасном саперном батальоне, 171-м пехотном запасном полку, 6-м казачьем полку, в Павловском юнкерском и Николаевском артиллерийском училищах[1].

Начиная с 1 марта депутаты Государственной думы направлялись в воинские части, расположенные в пригородах С.-Петербурга. Так, 1 марта депутаты Думы Н.Н. Николаев (кадет) и С.П. Мансырев (прогрессист) были командированы ВКГД в село Ивановское (30 верст от Петрограда по Шлиссельбургскому шоссе) в автомобильную воинскую часть для «ликвидации» контрреволюционных настроений[2].

Работая в войсках, думские уполномоченные сталкивались с противодействием различных сил. Именно это заставляло руководство ВКГД прибегать к сотрудничеству с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, которое осуществлялось через двойные полномочия. Например, двойными полномочиями обладал член IV Думы и депутат Петроградского совета рабочих депутатов А.И. Рыслев. По поручению Петроградского Совета и ВКГД он выезжал в войска для улаживания конфликтов[3]. Предположительно, и другие депутаты Думы, вошедшие в состав Петроградского Совета, при выполнении тех или иных заданий использовали двойные мандаты.

Выявлены и другие формы сотрудничества ВКГД и Петроградского Совета при объезде войск Петроградского гарнизона. Так, Отдел поездок депутатов в воинские части при Государственной думе после конфликта, который возник между думцами и солдатами-московцами, был вынужден принять меры к тому, чтобы депутаты Думы командировались в Московский полк и другие части, расположенные на Выборгской стороне, «совместно с депутатами, входящими в состав Совета рабочих депутатов»[4]. Кстати, депутат Ф.И. Родичев вспоминал, что ездил в казармы Финляндского полка вместе с председателем Совета рабочих депутатов[5] Н.С. Чхеидзе.

Всего ВКГД использовал для работы в войсках, которые уже перешли на сторону революции, 29 членов Государственной думы и 1 члена Государственного совета. Из членов Государственной думы: социал-демократов — 2, трудовиков — 2, прогрессистов — 4, кадетов — 13, земцев-октябристов — 4, представителей центра — 1, прогрессивных националистов — 2, националистов –1. Преобладание кадетов-думцев среди комиссаров ВКГД, работавших

---

[1] *Николаев А.Б.* Отдел сношений с войсками и населением Временного комитета Государственной думы: создание, состав и основные направления деятельности (1917 г.) // Таврические чтения 2008: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Всероссийская научно-практическая конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 16 декабря 2008 г. [Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ]: Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2009. С. 246, 247. См. также: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 344, 345.

[2] *Мансырев С.П.* Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. / Сост., послесл., примеч. С.М. Исхакова. М., 1991. С. 110, 111.

[3] Амурское эхо. (Благовещенск). 1917. 22 марта.

[4] *Николаев А.Б.* Отдел сношений с войсками и населением Временного комитета Государственной думы... С. 247, 248. См. также: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 344.

[5] *Rodichev F.I.* Vospominania i ocherki o russkom liberalisme / Edited, Annotated, and Introduced by K.E. McKenzie (Текст рус. — Предисл. и примеч. англ.). Newtonville (Ma), 1983. С. 103.

в войсках, показывает, что они оказались наиболее приспособленной и заинтересованной в победе восстания думской фракцией.

28 февраля думское руководство продолжало приглашать воинские части прийти к зданию Государственной думы «в полном порядке», т.е. во главе с офицерами. Здесь, в Таврическом дворце, перед воинскими частями выступал председатель Государственной думы М.В. Родзянко, П.Н. Милюков, А.Ф. Керенский, А.М. Масленников, В.В. Шульгин и другие думцы[1].

Борьба за дисциплину и порядок в воинских частях не ограничивалась только речами думцев и членов думских органов. ВК ВКГД, конечно, предполагала для решения этих задач (порядок и дисциплина) воспользоваться прежним командным составом. Но там, где это было невозможно сделать, Военная комиссия проводила назначение и утверждение выборных командиров. Другой формой организации порядка стало введения в ВК ВКГД представителей от офицеров и солдат.

Первым шагом Энгельгардта на посту председателя ВК ВКГД стало составление приказа гарнизону Петрограда от имени Временного комитета Государственной думы: «1) всем отдельным нижним чинам и воинским частям немедленно возвратиться в свои казармы, 2) всем офицерским чинам возвратиться к своим частям и принять все меры к водворению порядка, 3) командирам частей прибыть в Государственную думу для получения распоряжений в 11 час[ов] утра 28 февраля»[2]. Энгельгардт вспоминал, что приказ был написан под его диктовку А.А. Бубликовым[3]. Несколько позднее Энгельгардт уже сообщал о том, что приказ был составлен им совместно с Бубликовым[4]. Э.Н. Бурджалов, а за ним и Ц. Хасегава тоже указывали, что авторами приказа были Энгельгардт и Бубликов[5].

Меры ВК ВКГД привели к тому, что офицеры начали возвращаться в свои воинские части и попытались восстановить порядок, нарушенный революцией. Тут же среди солдат поползли слухи о том, что «офицеры запирают солдат в казармах и отбирают оружие». Б.А. Энгельгардт вспоминал, как к нему «прибегали очевидцы, взволнованные и, видимо, убежденные солдаты, и докладывали о контрреволюционных выступлениях офицеров». В ответ на это Энгельгардт предпринял ряд шагов. В частности, он послал в некоторые воинские части офицеров ВК ВКГД с целью выяснить истинное положение дел. Полковник Ф.И. Балабин был направлен в Егерский полк, полковник князь Г.Н. Туманов — в 1-й запасный пехотный полк, штабс-капитан Гуровский и еще два-три офицера — в другие полки[6]. Среди этих офицеров Энгельгардт

---

[1] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция. С. 182.

[2] Цит. по: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 275.

[3] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция. С. 182.

[4] *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания о далеком прошлом, 1961 г. // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 33. Л. 28.

[5] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 275; *Hasegawa T.* Rodzianko and the Grand Dukes' Manifesto of 1 March 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1976. Vol. 18. № 2. P.166.

[6] *Энгельгардт Б.А.* 1) Февральская революция. С. 187; 2) Воспоминания о далеком прошлом, 1961 г. // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 32. Л. 24.

называл и поручика Грузовского. Энгельгардт вспоминал: «Полковник Балабин выяснил, что у егерей все спокойно»[1]. Такие же успокоительные известия приходили от посланных в другие полки. Энгельгардт был уверен, что «тут была налицо типичная провокация и эта провокация имела успех <...> Кому-то нужно было нарушить ту связь, которая установилась между солдатами и офицерами». Он считал, что эта провокация исходила из Совета рабочих депутатов, который стремился использовать солдат против Государственной думы и ее Временного комитета[2].

Энгельгардт в борьбе за сохранение «хрупкой связи» между солдатами и офицерами решился на крайний шаг. Он издал приказ, который грозил офицерам смертью за попытки разоружить солдат. Этот приказ, пожалуй, явился наиболее важным эпизодом в деятельности Энгельгардта на посту председателя Военной комиссии. А.Ф. Керенский, сравнивая приказ Энгельгардта и приказ № 1, вспоминал, что его раздел, «касающийся офицеров, заподозренных в контрреволюционной деятельности, был написан в значительно более мягких выражениях, чем те, которые использовал Энгельгардт». Керенский продолжал: «В нем не содержалась угроза смертной казни»[3].

Г.Л. Соболев отмечает, что ВК ВКГД, «пытаясь овладеть положением в Петроградском гарнизоне», направила «в воинские части своих представителей, преимущественно младших офицеров». Он приводит сведения о Запасном батальоне лейб-гв. Волынского и 9–м запасном кавалерийском полках, Запасном броневом дивизионе и Военно-автомобильной школе[4]. В новейшей статье Соболев уже не пишет о Военно-автомобильной школе, куда был послан рядовой В.В. Маяковский для проведения выборов, но сообщает о Павловском полке[5]. Однако указанными выше воинскими частями дело не ограничилось. Назначения были также проведены в Преображенском полку, у саперов, в Авиационном запасном батальоне в Гатчине, Гвардейском экипаже и 2-м Балтийском флотском экипаже. Соболев подчеркивает статус назначенцев ВК ВКГД — «представители» Военной комиссии. Но речь шла не о представителях, тогда бы они имели мандаты комиссаров или уполномоченных. В действительности речь в подавляющем ряде случаев шла именно о командных должностях, которые занимались по назначению ВК ВКГД.

В назначении начальствующих лиц принимал участие и Временный комитет. В частности, речь идет о попытке назначения начальником Автобронеди-

---

[1] Член Государственной думы и Петроградского Совета В.И. Дзюбинский 3 марта 1917 г. на Пленуме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов рассказывал, что, получив «тревожные сведения из Егерского полка о разоружении солдат», прибыл в полк и «обнаружил неосновательность слуха» (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 97).

[2] *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 г., 1938–1962 гг. // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 23. Л. 59.

[3] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 142.

[4] *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 56, 57.

[5] *Соболев Г.Л.* Временный комитет Государственной думы и Петроградский гарнизон в дни Февральской революции // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. СПб., 1999. С. 505.

визиона поручика Дегтярева. От нового назначения он отказался, а согласился остаться начальником мастерских Бронедивизиона. При этом он выдвинул условия, необходимые для продолжения работ бронемастерских: 1) «Поставить охрану возле мастерских»; 2) Получить разрешение на нефть и дрова; 3) «Собрать команду рабочих постоянного состава»; 4) Предоставить 10 грузовиков для обслуживания бронедивизиона; 5) Обеспечить привоз «провизии и дров для всего бронедивизиона во всех помещениях»; 6) «Пустить в ход вообще все мастерские автомобильных частей»[1]. Условия эти были приняты и нашли отражение в приказе, подписанном М.В. Родзянко. Дегтярев получил также право «назначения с согласия военной комиссии новых лиц»[2].

В условиях выборов командиров ВК ВКГД старалась сохранить свой контроль над воинскими частями. Известны случаи, когда Военная комиссия утверждала командиров, выбранных солдатами[3] и матросами[4].

Характерной особенностью деятельности ВК ВКГД, начиная 28 февраля, стало создание в ее составе особого института — солдатско-офицерского паритетного представительства. С этого дня Военная комиссия стала приглашать делегатов от воинских частей. Норма представительства была установлена в 4 человека: 2 солдата и 2 офицера. Делегаты должны были прибыть в ВК ВКГД 1 марта к 1 часу дня. Известно, что такие делегаты были выбраны в запасных батальонах лейб-гвардии Егерском, Литовском, Преображенском полках, в Воздухоплавательном парке[5] и др.

1 марта обострился спор о правах на Военную комиссию между ВКГД и Петроградским Советом. На общем собрании Совета Н.Д. Соколов подчеркивал, что «[участие думского комитета] в Военной комиссии пост[ановлением] не оформлено»[6]. В то же время, ВКГД, считая свои права на Комиссию неоспоримыми, оформил вхождение в нее исполкома Совета рабочих депутатов. 1 марта на заседании ВКГД было принято постановление «принять полностью постановление Совета рабочих депутатов о включении в Военную комиссию Н.С. Чхеидзе и М.И. Скобелева и исполнительный комиссии Совета рабочих депутатов»[7]. В дальнейшем Петроградский Совет определил свое представительство в 18 человек. Совет установил также и норму солдатского представительства в ВК ВКГД — три солдата[8].

«Усиление» советского влияния способствовало дальнейшему согласованию деятельности ВКГД и Петроградского Совета в военных вопросах, нарушенное,

---

[1] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 127. ЛЛ. 128–128 об.

[2] Там же. Д. 129. Л. 10.

[3] ЦГА СПб. Ф. 4537. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

[4] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 57. Л. 16.

[5] См. подробн.: *Николаев А.Б.* Формирование солдатского представительства в Военной комиссии Временного комитета Государственной думы (февраль–начало марта 1917 года) // 80 лет революции 1917 года в России. Республ. научн. конф. С.-Петербург. 11–12 марта 1997 г. Тез. док. и сообщ. / Под ред. Г.Л. Соболева и В.И. Старцева. СПб., 1997. С. 36–39.

[6] Там же. С. 48.

[7] Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 1 марта.

[8] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 57. Л. 17.

правда, Советом с выходом приказа № 1. Хотя и здесь не все до конца ясно. По крайней мере, попытка издать его как продукт совместного советско-думского творчества была советскими деятелями все-таки предпринята. Б.А. Энгельгардт вспоминал, что к нему явилась группа солдат, некоторые из них «предъявили удостоверения об избрании их представителями своих полков, для подачи требований в Военную комиссию». Один из солдатских представителей заявил Энгельгардту о том, что «пославшие их части требуют издания правил новых отношений между офицерами и солдатами, с введением выборного начала в войсковых частях, с предоставлением солдатам права контроля над всеми хозяйственными операциями в ротах, эскадронах, батальонах и проч[ее]». Энгельгардт поспешил сообщить о требованиях солдат М.В. Родзянко и А.И. Гучкову, которые находились в это время на заседании ВКГД. «Оба категорически протестовали против издания чего-либо подобного и поручили мне, — писал Энгельгардт, — так или иначе, спровадить делегацию, успокоив солдат обещанием, что в ближайшем будущем будет организована специальная комиссия, которая детально разработает поднятые вопросы». Это поручение Энгельгардт выполнил, но через некоторое время к нему явился член Петроградского Совета («солдат, в расстегнутой шинели, с папироской в зубах»), который предложил ему принять участие в выработке новых правил взаимоотношений военнослужащих. Энгельгардт отказался, сославшись на мнение ВКГД, который считал, что «разработку таких правил следует отложить до более спокойного времени». В ответ, вспоминал Энгельгардт, «солдат усмехнулся и, круто повернувшись на каблуках, бросил мне через плечо: “тем лучше, сами напишем...”»[1].

Позднее Временный комитет Государственной думы констатировал, что «приказ, проектированный делегатами, много меньше затрагивал основы воинской дисциплины, чем изданный впоследствии приказ № 1, и касался лишь выборов младших офицеров, а также устанавливал некоторое наблюдение солдат за хозяйством в частях войск»[2]. Кстати сказать, воспоминания Б.А. Энгельгардта и особенно приведенная выше выдержка из документа «От Временного комитета Государственной думы» в той части, где речь идет о выборности младших командиров, подтверждают точку зрения Ю.С. Токарева о том, что в первоначальном тексте приказа № 1 содержался пункт о выборности командиров[3]. Однако в нашей аргументации важен сам факт попытки Совета согласования приказа № 1 с ВКГД и Военной комиссией. Отказ же ВКГД и руководства Военной комиссии вступить в процедуру согласования этого приказа являлся стратегической ошибкой. Результатом ее стало падение думского влияния на солдатские массы и рост антиофицерских настроений, т.к. приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов вышел с неудобными для Военной комиссии формулировками, а Б.А. Энгельгардт был вынужден издать приказ, который включал в себя положение, которое воспринималось современниками как направленное против офицеров.

---

[1] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция... С. 187, 188.

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1252. Л. 235.

[3] См.: *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов... С. 64–65.

Реформа Военной комиссии ВКГД

Цель реформирования Военной комиссии состояла в приспособлении ее для успешного решения насущных задач по руководству войсками, перешедшими на сторону революции. С приходом Б.А. Энгельгардта Военная комиссия значительно повысила свой статус благодаря тому, что, во-первых, новый ее председатель одновременно являлся комендантом г. Петрограда и начальником Петроградского гарнизона, во-вторых, к работе в ВК ВКГД были привлечены члены Думы А.А. Бубликов, Л.А. Велихов, С.В. Востротин, И.Т. Евсеев, И.М. Рамот, В.А. Ржевский и А.П. Савватеев. Руководящее участие продолжали принимать в деятельности ВК ВКГД А.Ф. Керенский, М.В. Родзянко и М.А. Караулов[1]. Таким образом, эксплуатируя авторитет Государственной думы, Энгельгардт за счет усиления думского элемента повышал и авторитет ВК ВКГД. Вторым принципом стало привлечение офицеров для работы в ВК ВКГД. Этому способствовали мероприятия Военной комиссии, направленные на восстановление дисциплины и порядка в воинских частях. Существенную роль в механизме функционирования ВК ВКГД играло советское представительство, которое и придавало, в частности, ей характер объединенной (думско-советской) Комиссии.

Н.Н. Суханов чуть ранее 8 часов утра 28 февраля пришел в Военную комиссию и узнал от С.Д. Мстиславского, что «дела улучшаются», что «поступают массовые предложения услуг от офицерства, чего совершенно не было раньше». Через несколько часов, по словам того же Суханова, помещение Комиссии «было набито битком», «в большинстве были офицеры разных частей»[2]. 28 февраля сообщалось: «Мало было вчера офицеров в революционной армии. Сегодня их уже много. Здесь и прапорщики, и подпоручики, и поручики, есть капитаны, полковники. Есть и генералы»[3].

Состав ВК ВКГД существенно обновился. Б.А. Энгельгардт значительно усилил в ней офицерский элемент. Он вспоминал по этому поводу: «Для того чтобы упорядочить и систематизировать работу Военной комиссии <...> я вызвал в Таврический дворец знакомых мне полковников Генерального штаба — [Г.А.] Якубовича, кн[язя] [Г.Н.] Туманова, [Л.С.] Туган-Барановского»[4]. Член IV Государственной думы Э.П. Беннигсен писал, что среди вызванных офицеров был Барановский[5], но других подтверждений этому факту обнаружить не удалось.

Имеются некоторые неясности в вопросе о том, когда офицеры Генерального штаба прибыли в Военную комиссию. Ю.С. Токарев, ссылаясь на

---

[1] *Николаев А.Б.* Военная комиссия Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции: Персональный состав // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1998. № 10. С. 41, 51–53

[2] *Суханов Н.Н.* Записки о революции... С. 105, 117.

[3] Великие дни российской революции 1917 г. Февраль: 27 и 28-го. Март: 1, 2, 3 и 4-го. Киев, 1990. С. 11.

[4] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция... С. 184.

[5] *Беннигсен Э.* Первые дни революции 1917 года // Возрождение. Париж, 1954. Тетрадь тридцать третья. С. 121.

С.Д. Мстиславского, утверждал, что Б.А. Энгельгардт ввел ВК ВКГД «своих людей из числа группировавшихся вокруг Думы офицеров (Половцова, Туманова, Туган-Барановского, Якубовича и др.)» «днем 28 февраля»[1]. Мстиславский писал, что, вернувшись около пяти часов дня в 41-ю комнату после отдыха, застал в ней Б.А. Энгельгардта в окружении офицеров Генерального штаба. Кроме Г.Н. Туманова и Г.А. Якубовича, он назвал еще У.И. Самсон-Гиммельшерна и Романовского, добавив относительно последнего — «помнится»[2]. А.Г. Шляпников, побывавший в Военной комиссии утром 28 февраля, видел в ней офицеров Генерального штаба[3]. В других воспоминаниях Энгельгардт, говоря о Туманове, Туган-Барановском и Якубовиче, уточнял, что они были вызваны «в Думу по телефону» и «приехали часам к 10 утра»[4]. Прав все-таки Э.Н. Бурджалов в том, что именно «с утра 28 февраля руководство Военной комиссии перешло в другие руки: работники Комиссии, назначенные Советом, были оттеснены на второй план»[5]. Вместе с тем Бурджалов излишне категоричен, т.к. процесс обновления состава Военной комиссии продолжился и в последующие дни. Энгельгардт также вспоминал, что «днем во дворце появился полковник [П.А.] Половцов и предложил мне свои услуги; я его включил в состав Военной комиссии»[6].

28 февраля произошли некоторые перемены в руководящем составе Военной комиссии. Утром 28 февраля, видимо, развернулась борьба за должность коменданта Таврического дворца. В 8 часов утра В.А. Юревич подписал приказ как комендант Таврического дворца[7]. Утром этого же дня В.Н. Филипповский оставил должность коменданта Таврического дворца.

1 марта новым председателем Военной комиссии, согласно постановлению ВКГД, стал А.И. Гучков, который в этот же день издал приказ за № 2 о вступлении в исполнение своих обязанностей[8]. А.Ф. Керенский продолжал принимать участие в работе ВК ВКГД и после того, как Гучков стал ее председателем[9]. А.С. Сенин намекает, что привлечение Гучкова к деятельности Военной комиссии произошло по инициативе М.В. Родзянко[10]. В действительности дело обстояло иначе. Б.А. Энгельгардт так писал об этом событии: «Во время своего краткого существования, Военная комиссия Временного комитета Государственной думы намного расширила круг своей деятельности: вопросы, возникавшие в ней, значительно превышали компетенцию Комендантского управления, каковым она по началу являлась. Я предвидел, что в дальнейшем, когда будет образовано Военное

---

[1] *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов... С.56.

[2] *Мстиславский С.* Пять дней. С. 26.

[3] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. Кн. 1–2. С. 158.

[4] *Б.Э. [Энгельгардт Б.А.]* Революционные дни. (Воспоминания участника февральских дней 1917 г.) // Общее дело. 1921. 17 марта.

[5] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 240.

[6] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция... С. 184.

[7] *Ф.Д.* Февральская революция в Петрограде... С. 78.

[8] ГА РФ Ф. Р–6978. Оп. 1. Д. 238. Л. 1.

[9] *Керенский А.Ф.* Русская революция... 1917. М., 2005. С. 43.

[10] *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 106.

министерство, Военная комиссия, в которой очень сильно сказывалось влияние Совета рабочих депутатов, неминуемо будет вмешиваться в распоряжения военного министра и этим породит двоевластие. Немедленное упразднение Военной комиссии, органа порожденного революцией, представлялось нежелательным, и я полагал, что наиболее рациональное решение будет заключаться в объединении должности председателя Комиссии и военного министра. Я высказал свои предложения [А.И.] Гучкову и предложил ему немедленно заменить меня в роли председателя. Гучков в принципе согласился со мной, но просил временно продолжать работать в Таврическом дворце, а сам хотел объездить части войск в городе и установить с ними непосредственную связь»[1].

Председателем Военной комиссии Гучков стал днем 1 марта, но Энгельгардт продолжал руководить ее работой тогда, когда этого не мог делать Гучков. В том случае, если приказы шли за подписью Гучкова, то она именовалась как Военная комиссия Временного правительства. В то же время, сохранялось и старое название Военной комиссии, если документы подписывал Б.А. Энгельгардт[2].

Гучков, став во главе ВК ВКГД, произвел новые назначения. Своим помощником он назначил генерал-майора А.С. Потапова[3], так как знал его раньше[4]. Гучков, видимо, учитывал, и то, что Потапов был близок к социалистическим кругам и вхож в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов[5]. Б.А. Энгельгардт показывал, что Гучков фактически не нес обязанностей председателя Военной комиссии, а главную роль в ней играл А.С. Потапов[6]. В составе ВК ВКГД произошли и другие кадровые и структурные изменения.

Для создания нормальных условий деятельности ВК ВКГД и его отделов требовалось большое количество офицеров, обладающих высокой квалификацией. П.А. Половцов вспоминал: «Иду на телефон, вызываю Академического правителя дел, полковника [А.И.] Андогского, прошу его разбудить и прислать 20 офицеров»[7]. В действительности, в адрес правителя дел Николаевской военной академии полковника Генерального штаба Андогского была послана телефонограмма от имени члена ВК ВКГД полковника Н.К. Вегге. На основании ее в распоряжение членов ВК ВКГД генерал-майора А.С. Пота-

---

[1] *Энгельгардт Б.А.* 1) Февральская революция... С. 186; 2) Воспоминания о далеком прошлом, 1961 г. ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 32. ЛЛ. 20–21.

[2] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 151, 152; *Энгельгардт Б.* К войскам // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 8 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[3] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 152.

[4] Гучков знал Потапова «по бурской и японской войнам» (*[Гучков А.И.]* Временное правительство. Из воспоминаний А.И. Гучкова // Последние новости. (Париж). 20 сентября 1936).

[5] *[Гучков А.И.]* 1) Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Авт. предисл. В.И. Старцев. Авт. коммент. и примеч. С. Ляндрес и А.В. Смолин. М., 1993. С. 64; 2) Временное правительство / Из воспоминаний А.И. Гучкова // Последние новости. 20 сентября 1936. (Париж).

[6] *[Энгельгардт Б.А.]* [Протокол допроса Б.А. Энгельгардта, Париж (Франция), 12 апреля 1921] // *Соколов Н.А.* Предварительное следствие 1919–1922 г. / Составитель Л.А. Лыкова // Российский архив. М., 1998. Т. VIII. С. 281.

[7] *Половцов П.А.* Дни затмения (Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году) / Предисл., указ., примеч. А.С. Сенина. М., 1999. С. 28.

пова и полковника П.А. Половцова 2 марта было командировано 20, а 3 марта — 16 слушателей Николаевской академии[1]. Не исключено, что Военная комиссия привлекла большее количество офицеров, проходивших курс обучения в Академии. По сообщению прессы, большинство из 350 слушателей Николаевской академии «работало в Таврическом дворце, на Почтамте, на заводах, в полках и повсюду, где требовалась рука опытного организатора»[2].

***

Можно утверждать, что ВКГД удалось решить военный вопрос в свою пользу. Думские органы сумели организовать и провести, во-первых, переход царских войск на сторону революции, во-вторых, разгром опорных пунктов самодержавия в столице, в-третьих, наладить дело военной охраны Петрограда, в-четвертых, предпринять меры, направленные на восстановление порядка и установление дисциплины в войсках, в-пятых, приспособить Военную комиссию для решения насущных задач по руководству войсками. Кроме этого, она успешно занималась решением и других вопросов, вызванных к жизни революционными событиями.

Успех в решении военного вопроса определялся тем, что ВКГД действовал не изолированно от восставших масс. Наоборот, стремясь расширить сферу своего влияния и силу революционного натиска, Временный комитет Думы использовал принцип сотрудничества и опоры на общественные силы. К делу разгрома военно-полицейских сил царизма были подключены Петроградский Совет рабочих, а с 1 марта и солдатских депутатов, студенчество и различные влиятельные и менее влиятельные организации.

Конечно, думско-советскому сотрудничеству был нанесен серьезный удар со стороны Петроградского Совета, когда он издал свой знаменитый приказ № 1. Однако и этот приказ полностью не мог ликвидировать мощи и влияния ВК ВКГД на войска Петроградского гарнизона, о чем, в частности, говорила попытка советских деятелей согласовать приказ № 1 с думским Комитетом и ВК ВКГД. Однако и после приказа № 1 у ВКГД сохранялась возможность контролировать войска через свою Военную комиссию, т.к. она оставалась думско-советской.

Продовольственный вопрос (27 февраля — 3 марта)

В дни Февральской революции огромное политическое значение приобрел продовольственный вопрос. Особую остроту ему придали события 27 февраля. С утра этого дня на улицах Петрограда находились тысячи восставших солдат, боясь возвращаться в казармы, они оказались без питания и крыши над

---

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 60. ЛЛ. 154, 155.

[2] *Эн—Эр.* К назначению нового начальника Военной академии // Армия и флот свободной России. 1917. 28 июля.

головой. В конце концов солдаты стали изымать продовольствие в разгромленных ими же полицейских участках[1], чайных[2], магазинах[3], лавках[4] и т.д. Все это могло привести к резкому отчуждению горожан от восставших солдат и тем самым создать социальную основу для разгрома начавшегося солдатского восстания. Для того чтобы остановить грабежи и навести хоть какой-то порядок в частях восставших войск, необходимо было сначала накормить солдат и дать им место для отдыха и ночлега.

В связи с этим встает вопрос о том, кто же сумел организовать питание солдат в решающие дни Февральской революции? Для ответа на него необходимо рассмотреть конкретные шаги, которые предприняли влиятельные тогда органы — Государственная дума и Петроградский Совет рабочих депутатов.

Советские и думские мероприятия в продовольственном вопросе

27 февраля 1917 г. толпы голодных солдат оказались в Таврическом дворце. Гласный Петроградской городской думы М.В. Бернацкий подметил, что «с самого начала оказалось весьма удовлетворительно налаженным питание беспрерывно сменяющейся толпы во дворце»[5]. Однако он не указал, кто сумел так быстро наладить питание солдат в здании Государственной думы.

Существует свидетельство Н.Н. Суханова о том, что 27 февраля Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов «принял экстренные меры к организации продовольствия для восставших, отбившихся от казарм, распыленных и бездомных воинских частей». Важнейшей из них было создание Временной продовольственной комиссии[6]. Временная комиссия, по словам Суханова, «во-первых, создала в Таврическом дворце солдатскую продовольственную базу, а во-вторых, обратилась к населению с воззванием о помощи в деле прокормления солдат»[7]. Г.Г. Перетц вспоминал, что Совет рабочих депутатов принял решение об организации в Таврическом дворце питательных пунктов для солдат. «Одновременно в нескольких пунктах Таврического дворца открылись бесплатные столовые, кормившие десятки тысяч голодных граждан»[8]. Но никаких документальных подтверждений тому, что

---

[1] *Казанович Е.П.* Записки. Тетрадь III. Дневник. 15 ноября 1913 г.– 19 июня 1917 г. // ОР РНБ. Ф. 326. Д. 19. Л. 166.

[2] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 6. Л. 93.

[3] *[Ляпин И.М.]* Воспоминания И.М. Ляпина, бывшего организатора и начальника Красной гвардии 1-го городского района Петрограда, 1957 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1877. Л. 14).

[4] *Тыркова А.В.* Петроградский дневник // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 332.

[5] *Ананьич Б.В.* Воспоминания М.В. Бернацкого о событиях 1917 г. // Английская набережная, 4: Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. 2000 г. СПб., 2000. С. 375.

[6] *Рафес М.* Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С. 190.

[7] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 76.

[8] *[Перетц Г.Г.] Г.П. (полк. Г.Г. Перетц).* В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля — 23 марта 1917 г. Репринтное воспроизведение / Послесл. А.В. Островского. СПб., 1997. С. 43.

формирующийся Совет принял решение об организации питательных пунктов не выявлено.

Относительно воззвания с призывом кормить солдат укажем, что оно было сначала напечатано в Таврическом дворце в виде листовки[1]. Затем это воззвание было опубликовано 27 февраля в первой свободной газете России — «Известиях КПЖ»[2]. 28 февраля пленум Совета принял обращение к гражданам Петрограда с призывом «к пожертвованиям на нужды революции». В нем Совет рабочих депутатов рекомендовал «всем гражданам содействовать денежными взносами делу свободы» и «всюду организовывать» питательные пункты и столовые для солдат и милиционеров[3].

Призыв «кормить солдат» стал широко известным, о нем говорили горожане[4]. Это воззвание, распространенное печатным и устным словом, нашло широкий отклик среди населения Петрограда. А.И. Рыслев утверждал, что это воззвание «было встречено населением с удивительной отзывчивостью, и с этого момента для солдат открылись двери в ресторанах и в столовых, и в кафе, и в частных домах; все солдат кормили, всюду оказывали им теплый прием, везде они имели возможным обогреться и отдохнуть»[5].

О.Н. Знаменский писал: «В представлении деятельных интеллигентов “кормление” голодного солдата было не только гуманным делом, но и средством предотвращения погромов»[6]. Действительно, присутствие солдат, «прикормленных» при том или ином предприятии или учреждении, давало некоторую гарантию от погромов и грабежей[7].

В связи с погромами и грабежами, которые прокатились по Петрограду в дни Февраля 1917 г., остро встал вопрос об охране продовольствия, которому Петроградский Совет рабочих депутатов должен был бы уделить особое внимание. На заседании Совета 28 февраля выступал депутат Грибков, который сообщил о разгроме магазинов и предложил «туда <...> [послать] листок»[8]. Больше ничего Совет сделать не мог, т.к. какой-либо организованной военной силы в его руках пока не было, а рабочая милиция еще только создавалась. Поэтому просьбы принять меры к охране складов продовольствия Совет направлял в думский Комитет[9].

Петроградский Совет обратил внимание и на вопрос о транспортировке продовольствия. Несомненно, что этот вопрос мог быть решен только при

---

[1] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 13. Л. 13 об.

[2] Воззвания Совета рабочих депутатов // Известия КПЖ. 1917. 27 февраля [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[3] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году... Т. 1. С. 43.

[4] *Казанович Е.П.* Записки. Тетрадь III. Дневник. Л. 162.

[5] *[Рыслев А.И.]* Как произошел переворот (Сообщение депутата А.И. Рыслева) // Амурское эхо. (Благовещенск). 1917. 23 апреля.

[6] *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль — октябрь 1917 г.) / Отв. ред. В.И. Старцев. Л., 1988. С. 80.

[7] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

[8] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году... Т. 1. С. 32.

[9] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 238. Л. 1.

поддержке со стороны железнодорожников и в результате создания условия для нормального функционирования железных дорог. Еще на заседании Петроградского Совета рабочих депутатов 28 февраля был остро поставлен вопрос о железнодорожном движении в увязке с продовольственным. С докладом выступил В.Г. Громан. Он говорил: «Если не будут прибывать воинские [продовольственные грузы], то голод. Движение необходимо. Руководить восстановлением [должен] народ. Железнодорожная комиссия для руководства, железнодорожный надзор».

В прениях по докладу участвовали Ю.М. Стеклов, В.А. Канторович, Б.О. Богданов и Г.М. Эрлих. Обсуждение вопроса окончилось принятием решения о восстановлении железнодорожного сообщения между Петроградом и Москвой при установлении контроля над товарным движением особой комиссией. Этой же Железнодорожной комиссии поручалось совместно с Продовольственной комиссией выяснить необходимость функционирования других железных дорог[1]. Подчеркнем, что Железнодорожная комиссия была создана решением исполкома Петроградского Совета только 3 марта[2]. То есть вплоть до этого реальный технический советский контроль над железными дорогами отсутствовал. Правда, относительно быстро был установлен политический контроль. Его взял на себя М.И. Скобелев, который 1 марта был назначен исполкомом Петроградского Совета «железнодорожным комиссаром всего Петроградского узла для политического надзора за деятельностью железных дорог»[3]. Днем 2 марта исполком Петроградского Совета уже имел своего комиссара на Царскосельском вокзале[4], а 3 марта комиссары появились, видимо, уже на всех вокзалах в Петрограде[5].

Советским комиссарам пришлось удостовериться, что вокзалы находятся под контролем Военной комиссии ВКГД, которая заняла их своими караулами, поставила комендантов и начальников станций.

Необходимо было также решить вопрос о доставке продовольствия внутри столицы. Выяснилось, что у Петроградского Совета транспортных средств в надлежащем количестве не было. Но зато автотранспорт имелся у ВК ВКГД. Известно, что Совету рабочих депутатов удалось выпросить у ВК ВКГД только 3 автомобиля. Благодаря этому в распоряжении Автомобильной комиссии Петроградского Совета оказалось 4 автомобиля. Увеличение автомобильного парка позволило Автомобильной комиссии забрать «муку у чинов полиции», о чем она доложила на общем собрании Совета рабочих депутатов 28 февраля. Конечно, 4 автомобиля решить проблему внутригородской перевозки (развозки) хлеба не могли.

---

[1] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 32, 33, 41.

[2] Там же. С. 84.

[3] *Скобелев М.И.* 1) Гибель царизма. Воспоминания // Огонек. 1927. № 11. 13 марта. С. 2; 2) 25 февраля – 3 марта (Воспоминания б[ывшего] члена социал-демократической фракции Государственной думы М. Скобелева) // Вечерняя Москва. 1927. 11 марта.

[4] *Суханов Н.Н.* Записки о революции... С. 163.

[5] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 84.

[6] Автомобильный отряд Сов[ета] Раб[очих] Депутатов // Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 1 марта; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 26, 30.

Временная продовольственная комиссия организующегося Петроградского Совета сыграла огромную роль в обеспечении восставших солдат и рабочих продовольствием, и в первую очередь благодаря своему воззванию «кормить солдат». Агитационное значение этого воззвания было велико. Оно действительно направило активность горожан на организацию питания восставших. Однако материально-технические и организационные ресурсы создающегося Петроградского Совета были еще крайне малы для решения продовольственного вопроса. Даже это знаменитое воззвание было отпечатано с помощью технических средств, предназначенных для обслуживания Государственной думы. Кроме этого, Петроградский Совет не был в состоянии организовать охрану продовольствия в Петрограде; не мог взять на себя внутригородскую доставку хлеба на склады, к хлебопекарням и питательным пунктам; фактически был лишен возможности осуществлять контроль над железнодорожными перевозками.

Можно утверждать, что главную роль в создании питательных пунктов в Таврическом дворце и в Петрограде сыграла Государственная дума, ВКГД, его структуры, а также отдельные депутаты. По свидетельству А. Бормана, уже 27 февраля Советом старейшин Государственной думы (в момент формирования ВКГД, т.е. около 5 часов дня) было принято решение организовать кормление солдат в Таврическом дворце. Организация питания «солдатской толпы» была поручена А.В. Тырковой-Вильямс[1]. М.Е. Голостенов пишет, что Тыркова вошла в состав Продовольственной комиссии, созданной ВКГД[2]. Отметим, что примерно в это же время члены Временного исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов составляли воззвание к населению с призывом «кормить солдат». Но это лишь воззвание, призыв которого еще должен был найти отклик в массах. Тыркова же уже получила от Государственной думы вполне конкретное задание по организации питания восставших войск и даже знала, как его выполнить.

Вернемся к истории назначения Тырковой и укажем на некоторые разночтения, выявленные в мемуарах современников. Так, Борман несколько раз подчеркивал тот факт, что Тыркова-Вильямс получила полномочия организовать продовольствие солдат именно от Государственной думы[3]. Оболенский вспоминал, что он, встретив Тыркову в Таврическом дворце, «разговорился с ней на тему о том, что необходимо организовать питание солдат, с утра ничего не евших». Оболенский утверждал, что именно Тыркова предложила привлечь к делу питания солдат городские попечительства. Этот план Оболенский одобрил. Однако их автомобиль, который они взяли во дворе Таврического дворца, был остановлен солдатами на углу Литейного пр. Солдаты запретили проезд, т.к. на Литейном пр. стреляли. Тогда Оболенский и Тыркова прошли в

---

[1] *Борман А.* А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен; Вашингтон, 1964. С. 126.

[2] *Голостенов М.Е.* Тыркова (Тыркова-Вильямс) Ариадна Владимировна // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 325.

[3] *Борман А.* Указ. соч. С. 126.

помещение Военно-промышленного комитета на Литейном пр., «чтобы оттуда снестись с попечительствами по телефону». Мемуарист писал: «Оказалось, между прочим, что питание солдат уже кем-то налажено»[1]. А. Борман вспоминал о шагах Тырковой по организации питания несколько иначе: «Получив поручение от Комитета Государственной думы, мама со мной вместе сейчас же отправилась в город разыскивать продовольствие». О том, что в автомобиле находился еще и Оболенский, Борман не говорил. Он не мог вспомнить и того, «достала ли мама (Тыркова. — *А.Н.*) необходимые продукты <...>»[2]. Вместе с тем Чарнолуский утверждал, что Оболенский и Тыркова «организовали дело блестяще»[3].

Подчеркнем, что питание солдат в Таврическом дворце создавалось не только организационными усилиями Государственной думы, но и на ее средства. Солдаты 27 февраля могли получить здесь даже молоко. В.М. Зензинов вспоминал: «Мне удалось захватить на улице грузовик с бидонами и я заставил трудовика В.М. Вершинина за это молоко заплатить из каких-то думских средств»[4]. Известно, что 28 февраля деньги на питание солдат в Таврическом дворце в размере 974 руб. 60 коп. дал член ВКГД Н.В. Некрасов. 3 апреля 1917 г. ВКГД постановил вернуть ему эти деньги[5]. Правда, позднее выяснилось, что деньги эти были не из личных средств депутата Н.В. Некрасова. Он взял их из бумажника и кошелька арестованного полковника В.Ф. Плетнева[6].

Думские продовольственные пункты, как и другие, видимо, должны были работать на основе самоокупаемости. Так, 28 февраля 1917 г. казначей ВКГД Н.М. Панкеев принял 1000 руб., «собранные на продовольственном пункте по распоряжению Временного комитета Государственной Думы»[7]. О том, что ВКГД собирает денежные средства и продовольствие для восставших солдат, в столице было известно. Так, рабочий И.М. Матвеев вспоминал, как 28 февраля на Петроградской стороне в его автомобиль, с которого он раздавал оружие восставшим, был загружен новый «багаж» — «одежда, белье, продовольствие». Кроме этого, у него оказалась «и немалая, сравнительно, сумма наличных денег на руках». Все это были «подарки восставших рабочих восставшим солдатам и бывшим царским узникам». Подчеркнем, что эти «подарки» Матвеев решил доставить не в Петроградский Совет рабочих депутатов, а в распоряжение Временного комитета Государственной думы[8].

---

[1] *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 515.

[2] *Борман А.* А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам... С. 127.

[3] *Чарнолуский В.* Десять лет назад. Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.

[4] *Зензинов В.* Февральские дни // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. Кн. XXXV. С. 218.

[5] *Николаев А.Б., Полиевктов О.А.* К вопросу об организации власти в феврале–марте 1917 г. С. 135; РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 32.

[6] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 19. ЛЛ. 98–100.

[7] Там же. Д. 3. Л. 203 об.

[8] *Матвеев И.М.* «Февраль–Октябрь». Из воспоминаний рабочего завода «Старый Лесснер», 1934 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1583. Л. 33.

Государственная дума сумела привлечь к решению продовольственного вопроса те ресурсы, которые имелись в городе. Речь идет о продовольственных запасах городских и иных попечительств, Петроградского городского самоуправления и др. О поддержке действий Государственной думы общественные организации, в том числе представители различных попечительств и гласные Петроградской городской думы заявили еще вечером 27 февраля[1].

Конкретным примером привлечения Государственной думой продовольственных ресурсов, имевшихся в Петрограде, стала деятельность гласного Петроградской городской думы А.Е. Овчинникова. В дни Февральской революции он был командирован ВКГД для охраны имущества и складов продовольствия Комитета Петроградского попечительства о народной трезвости[2]. Овчинников организовал питательный пункт в Народном доме, который работал в две смены. До 1 марта здесь было накормлено 20 000 солдат. 1 марта 1917 г. ВКГД направил в Народный дом своего коменданта. 2 марта член ВКГД Н.В. Некрасов назначил Овчинникова товарищем председателя Комитета попечительства[3]. Этот факт позволяет утверждать, что под контролем ВКГД находились склады Попечительства о народной трезвости.

Кроме попечительств, содействие ВКГД в вопросе продовольствия солдат оказывали владельцы ресторанов, столовых и т.д. Последние, по свидетельству иностранного журналиста, «на слова "Таврический дворец" и "Думский комитет" реагировали как на нечто, имеющее "магическую силу" и немедленно изъявляли готовность служить»[4].

Прикрываясь думским именем, можно было достать хлеб и другие продукты. Например, после 8 часов утра 28 февраля солдат А. Ручьевский присоединился к группе гражданских лиц, следовавших на автомобиле в пекарню Академии Генерального штаба, чтобы достать там булок для Совета рабочих депутатов. А.С. Ручьевский писал позднее: «Приехали, в воротах стояли преображенцы. Обращаюсь к часовым с[о] словами: Вы, братцы, за кого стоите за Царя или Думу. Ответили — за Думу, в таком случае пропустите нас во двор нам нужно взять из пекарни булки и отвезти в Думу <...> пропустили и даже несколько человек стали помогать выносить корзины с булками <...> Первую печку булок 25 пудов отвезли в Думу»[5].

---

[1] Резолюция представителей общественных организаций // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»).

[2] *Николаев А.Б.* «Протокол заседаний». С. 260. В «Протоколе событий» о назначении Овчинникова и его деятельности не указано.

[3] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. ЛЛ. 30, 31; По сообщению Исполнительного комитета Петроградского попечительства о народной трезвости в Народном доме в дни революции разместилось 12 тысяч солдат 1-го запасного пулеметного полка (Там же. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1345. Л. 537).

[4] *Вергелис А.П.* Петроградское студенчество в дни Февральской революции. Дисс. магист. образ. СПб., 2000. С. 90.

[5] Из пекарни Академии была в тот же день взята и вторая печка булок. Причем выпеченный черный хлеб порученцы, видимо, Исполнительного отдела Продовольственной комиссии брать из пекарни Академии не стали (*[Ручьевский А.С.]* Февраль-октябрь 1917 г. Воспоминания Ручьевского, б/д. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1334. ЛЛ. 2, 3).

ВКГД поддерживал связь с различными студенческими организациями, которые брали на себя, в частности, питание солдат. Так, Совет объединенных сибирских землячеств начиная с 27 февраля организовывал продовольствие солдат на Петроградской стороне. 2 марта студенты-сибиряки обратились в Государственную думу с просьбой прислать «одного из депутатов Сибирской группы Гос[ударственной] думы для выяснения положения и дальнейших шагов в этом направлении». В этот же день Н.В. Некрасов за председателя ВКГД сообщил в Совет объединенных сибирских землячеств, что делегацию от Совета примет депутат Н.К. Волков[1].

Крайне интересным фактом является то, что многие питательные пункты, создаваемые вузами, выступали органами связи с Государственной думой, замыкались на ВКГД в информационно-политическом отношении, а студенты, собиравшие пожертвования, говорили и мыслили вполне продумски[2].

Можно утверждать, что Петроградское студенчество признавало организующую роль ВКГД в продовольственном вопросе. Кроме этого, студенты считали, что этот вопрос может быть успешно решен только в сотрудничестве ВКГД и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Так, 2 марта студенты Электротехнического института, собравшиеся на сходку, подчеркнули в принятой резолюции, что единственным органом, который может организовать продовольствие, является ВКГД «в единении» с Советом рабочих депутатов[3].

Думский комитет принимал конкретные решения, направленные на пополнения запасов продовольствия в Петрограде. В частности, ВКГД отдал распоряжение, согласно которому все «грузы, предназначенные для Финляндии», были направлены в Петроградский узел, «где на Калашниковской набережной приступлено к их разгрузке для помещения в амбарах Рязано-Уральской железной дороги»[4].

Вопрос о транспортировке продовольствия также оказался в сфере интересов Временного комитета Думы. Укажем, он установил свой контроль над железными дорогами благодаря деятельности комиссара над МПС А.А. Бубликова. Иначе говоря, все товарные перевозки, в том числе и продовольственные, находились в ведении А.А. Бубликова, а со 2 марта и комиссара А.А. Добровольского. Взятие власти в руки ВКГД вызвало поток телеграмм в адрес Государственной думы и ее председателя. Железнодорожные рабочие в своих телеграммах восторженно приветствовали Государственную думу, взявшую власть в свои руки и заявляли «о полном подчинении всех русских до-

---

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 4. ЛЛ. 13, 14.

[2] *[Арсеньев В.С.]* «Судьбы России казались в каком-то тумане». Воспоминания В.С. Арсеньева. 1917 г. // Исторический архив. 1994. № 2. С. 95.

[3] Резолюция общестуденческой сходки студентов электротехнического института // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 8 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[4] Николаевский вокзал / На столичных вокзалах / Хроника // Новое время. 1917. 5 марта.

рог власти Исполнительного Комитета»[1]. Опираясь на поддержку со стороны железнодорожных служащих, рабочих и солдат, Бубликов предпринял шаги к «усилению движения» и наметил меры к вывозке «грузов с Виндавской, Николаевской и Северо-Западных железных дорог». 1 марта 1917 г. Бубликов выступил с официальным сообщением, в котором заявлял: «Теперь уже нет никаких оснований тревожиться за обеспеченность столицы продовольствием, и населению в отношении снабжения хлебом с полным спокойствием и доверием взирать на будущее»[2]. Запасы муки в Петрограде начали увеличиваться благодаря «прибывающим вагонам»[3]. 1 марта М.В. Родзянко телеграфировал генерал-адъютанту Н.В. Рузскому: «Опасений за подвоз продовольствия нет — распоряжения даны»[4].

Вопрос об охране продовольствия тоже не был обойден вниманием ВКГД. Вечером 28 февраля состоялось совещание ВКГД с членами советско-думской Продовольственной комиссии. На совещании был заслушан доклад Комиссии о продовольственном положении в Петрограде. ВКГД принял решение «усилить охрану продовольственных складов»[5]. Комиссар Бубликов также предпринимал меры «к вывозу грузов с вокзалов и к охране последних»[6].

Таким образом, Государственная дума, пожалуй, даже раньше, чем формирующийся Петроградский Совет рабочих депутатов, поняла важность продовольственного вопроса для успеха революции и предприняла шаги для его разрешения. Укажем, что первой на повестке дня стояла та часть продовольственного вопроса, которая касалась обеспечения продовольствием восставших войск, пришедших к Таврическому дворцу. Организуя продовольствие в столице, Государственная дума в лице Временного комитета опиралась на поддержку и помощь со стороны различных общественных организаций и Петроградского городского самоуправления. Приведенные материалы показывают, что Государственная дума имела больше технико-организационных возможностей для решения продовольственного вопроса. Нельзя не учитывать и огромный авторитет Думы в глазах населения столицы, которая активным участием поддерживала ее мероприятия в деле организации питания восставших войск.

---

[1] Телеграммы железнодорожных рабочих // Известия КПЖ. 1917. 2 марта. № 6 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[2] Официальное сообщение о положении продовольствия. (От управления железных дорог) // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 [Типография газеты «Речь»].

[3] Продовольствие населения // Там же. 1 марта. № 4 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[4] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 5. Л. 4.

[5] Надзор за продовольственными складами // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[6] В министерстве путей сообщения // Там же. 2 марта. № 5.

Военная комиссия и вопрос о продовольственном снабжении войск Петроградского гарнизона

Важную роль в решении продовольственного вопроса и в Таврическом дворце, и за его пределами сыграла Военная комиссия. Укажем, что питание в здании Государственной думы было предназначено только для тех солдат, которые оказались на улице и боялись вернуться в казармы. Питанием обеспечивались также солдаты и офицеры, которые находились в здании Государственной думы для выполнения военно-революционных заданий. Так, 28 февраля подпоручик В.Ф. Безпалов, выполнив несколько поручений Б.А. Энгельгардта, обнаружил, что в соседней с Военной комиссией комнате устроено «что-то вроде походного буфета». Безпалов писал, что здесь он пообедал «молоком с хлебом»[1]. Солдат-егерь С.А. Смирнов вспоминал, что после приема 28 февраля 1917 г. М.В. Родзянко делегации Запасного батальона лейб-гв. Егерского полка, часть солдат согласилась по предложению какого-то офицера-автомобилиста принять участие в разоружении полиции. Смирнов писал: «Нас приняли с радостью, выдали талоны на обед в думской столовой, здесь же в Таврическом»[2]. Учитывая, что руководство военными операциями осуществлялось Военной комиссией, то именно она и сумела достать для солдат-егерей талоны на питание.

Уже 28 февраля ВК ВКГД задействовала продовольственные возможности самих егерей, направляя в столовую лейб-гв. Егерского полка солдат лейб-гв. Семеновского полка, которые получили от Военной комиссии задание — нести патрульную службу[3]. Около 2 часов дня 28 февраля, как вспоминал в 1956 г. бывший солдат-павловец С.А. Белоногов, поступил приказ отправить имевшиеся в Запасном батальоне лейб-гв. Павловского полка 4 походные кухни с приготовленным обедом в Таврический дворец «для кормления восставших». Приказ был выполнен[4]. Скорее всего, он был отдан тоже Военной комиссией.

ВК ВКГД принимала посильное участие в создании питательных пунктов за стенами Таврического дворца. Именно к ней обращались солдаты с просьбой «учредить питательный пункт на курсах Лесгафта», а освобожденные из Петроградской пересыльной тюрьмы просили указать место, где они могли бы найти пищу и место для ночлега[5]. Известно, кстати, что питательный пункт на курсах Лесгафта был создан[6].

---

[1] *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции... С. 19.

[2] *Смирнов С.А.* В лейб-гвардии Егерском... С. 25.

[3] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 570.

[4] *Белоногов С.А.* Воспоминания о революционных выступлениях солдат Павловского полка в феврале и октябре 1917 г., 1956 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1409. Л. 3.

[5] *Ф.Д.* Февральская революция в Петрограде... С. 73, 74.

[6] *Лейберов А.И.* Работа большевиков в среде демократического студенчества Петрограда в период буржуазно-демократических революций // Исторический опыт борьбы КПСС с непролетарскими партиями, группами и течениями за молодежь. Л., 1990. С. 39.

Военная комиссия занималась расквартированием и вопросами питания войск, прибывающих в Петроград[1]. Комиссия наделяла полномочиями начальствующих лиц для организации питания воинских частей, выполнявших ее поручения. Мероприятия, направленные на решение продовольственного вопроса, проводили (в пределах своей компетенции) начальники охраны и коменданты районов, назначенные ВК ВКГД[2]. Военная комиссия также изыскивала продукты для питательных пунктов, чем, в частности, занимались комендант и начальники охраны отдельных районов города. Так, 28 февраля в 7 часов 30 мин. вечера старший лейтенант В.Н. Филипповский (за председателя ВК ВКГД) поручил прапорщику Калантарову охрану Выборгской части и изъятие продовольственных запасов Выборгской стороны. В помощь ему были прикомандированы прапорщики Егоровский 1-й и Егоровский 2-й и «команда нижних чинов в составе 50-ти человек»[3].

Военная комиссия взяла на себя и вопрос об охране продовольствия. Уже днем 28 февраля ВК ВКГД начала вести борьбу против разгромов продовольственных магазинов[4] и устанавливать охрану продовольственных складов[5].

В сфере интересов Военной комиссии оказался вопрос о транспортировке продовольствия. Этот интерес сформировался благодаря тому, что Военная комиссия ВКГД уже 27–28 февраля 1917 г. заняла вокзалы своими караулами, поставила своих комендантов и начальников станций. Так, не позднее 3 марта приказом помощника коменданта г. Петрограда Л.И. Пущина капитан Глинский был назначен начальником ст. Петроград императорский и ст. Петроград Виндаво-Рыбинской железной дороги[6]. Всё движение на линии Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги находилось в руках коменданта Московско-Виндавского вокзала[7]. Укажем, что коменданты вокзалов занимались не только наведением и поддержанием порядка на подведомственных им территориях. Например, комендант Николаевского вокзала поручик К.Ф. Греков «отдавал распоряжения относительно продвижения грузов в Петроград»[8].

Все военные перевозки, в том числе и грузы продовольствия, поступавшие для воинских частей, находились после 27 февраля тоже под контролем ВК ВКГД. Она же занималась охраной перевозок продовольствия. Так, по приказанию Военной комиссии солдаты 1-го запасного пехотного полка встречали на ст. Любань и охраняли до Петрограда «первые продовольственные поезда»[9].

---

[1] *Николаев А.Б.* Военная комиссия Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции: Персональный состав // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1998. № 10. С. 68, 70, 71.

[2] *Ф.Д.* Февральская революция в Петрограде... С. 79, 94.

[3] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 59. Л. 20.

[4] Первый конкретный приказ был отдан ВК ВКГД в 2 часа дня 18 мин. прапорщику А.С. Тофорову (*Ф.Д.* Указ. соч. С. 87). Хотя, приказы общего характера о борьбе с грабежами ВК ВКГД начала отдавать с утра 28 февраля.

[5] *Ф.Д.* Указ. соч. С. 85, 95.

[6] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 63. Л. 55.

[7] Москово-Виндавский вокзал / На столичных вокзалах / Хроника // Новое время. 1917. 5 марта.

[8] *Исаков В.* Воспоминания о 1917 г., 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1347. Л. 1.

[9] 1-й запасный полк / Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. 1917. 27 марта (веч. вып.).

Крайне важно отметить, что ВК ВКГД предпринимала шаги, направленные на то, чтобы вернуть солдат в казармы, убрать их с улицы и тем самым закрыть вопрос о питательных пунктах. Проводя регистрацию войск, она запрашивала сведения об организации хозяйственного дела в регистрируемых воинских частях и тем самым выясняла вопрос и об организации продовольствия[1]. Среди зарегистрированных частей оказывались также запасные продовольственные магазины, которые могли быть задействованы ВК ВКГД для организации питания солдат. 2 марта в Военной комиссии ВКГД были зарегистрированы Петергофский запасный продовольственный магазин и Резервный № 1 Окружной гурт порционного скота[2]. Воинские части стали получать довольствие из Окружного интендантского управления[3], а также подчиненных ему интендантских складов[4] и продовольственных магазинов[5]. Военная комиссия обращалась к окружному интенданту Петроградского военного округа с предписаниями о выдаче продовольствия воинским частям[6]. ВК ВКГД также разрешала получать продовольствие из Главного интендантства[7]. ВК ВКГД задействовала интендантские ресурсы для организации продовольствия войск, перешедших на сторону революции. 3 марта была восстановлена прежняя система снабжения войск продовольствием и фуражом, о чем Продовольственный отдел ВК ВКГД доводил до сведения начальствующих военных лиц[8]. Тогда же ВК ВКГД обратилась к окружному интенданту с предложением «сделать распоряжение» об отпуске продовольствия воинским частям из продовольственных магазинов без предъявления чековых требований. Военная комиссия предлагала ограничиться предъявлением требований войсковых начальников «об отпуске продовольствия»[9]. Успех ВК ВКГД в решении продовольственного вопроса способствовал росту авторитета и ВКГД, и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, так как Военная комиссия являлась думско-советским органом.

Советско-думская Продовольственная комиссия

Подтверждением огромного влияния Государственной думы в продовольственном вопросе служит судьба Продовольственной комиссии, избранной

---

[1] К войскам // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 8 [Типография Т-ва С.М. Проппера — «Биржевые ведомости»].

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 54. Л. 6.

[3] Продовольствие петроградского гарнизона // Русская воля. 1917. 6 марта (веч. вып.).

[4] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 36. Л. 12.

[5] Там же. Л. 4.

[6] Там же. ЛЛ. 8, 10.

[7] Там же. Л. 13.

[8] Там же.

[9] Там же. Л. 16.

уже на постоянной основе общим собранием Петроградского Совета вечером 27 февраля 1917 г. Подчеркнем, что она начала свою деятельность с организации сотрудничества с ВКГД, в результате чего и была образована объединенная советско-думская Продовольственная комиссия. Решение об ее организации, по словам С.В. Востротина, было принято до 9 часов вечера 27 февраля 1917 г.[1] Институализация Комиссии напрямую связана с соответствующим решением общего собрания Петроградского Совета рабочих депутатов. Оно было принято до первого перерыва в его работе[2]. То есть Продовольственная комиссия была учреждена Советом после 9 часов вечера 27 февраля и до 3 часа ночи 28 февраля. Но С.В. Востротин утверждал, что заседание Комиссии началось около 9 часов 30 мин. вечера, а закончилось «далеко за полночь»[3]. Продовольственная комиссия разместилась в комнате № 21 Таврического дворца[4].

В состав объединенной Продовольственной комиссии, по думским сведениям, входило 9 человек[5]. В.С. Востротин писал, что от исполкома Совета рабочих депутатов «выбраны преимущественно деятели центр[альных] продовольственных органов союза городов и земств и кооперативов»[6]. Среди советских членов Комиссии Э.Н. Бурджалов назвал В.Г. Громана и М.В Новорусского[7]. Ю.С. Токарев добавил, что в Продовольственную комиссию входил рабочий кооператор меньшевик И.Д. Волков и продовольственник А. Франкорусский (Б.Н. Леонтьев)[8]. Н.Н. Суханов с некоторой долей сомнения («кажется») вспоминал, что в Комиссию оказался избранным меньшевик М.А. Броунштейн[9]. С.В. Востротин сообщал, что в состав этой Комиссии входил «член земской продовольственной организации» И.А. Михайлов[10]. Установлено, что ее членом был также Б.В. Авилов, который проработал в Продовольственной комиссии «до поздней ночи» с 27 на 28 февраля[11].

Таким образом, объединенная Продовольственная комиссия включала в себя 7 советских представителей (Авилов, Броунштейн, Волков, Громан, Михайлов, Новорусский и Франкорусский) и фактически 3 думских (Востротин, Тыркова и Шингарев)[12]. Председателем Комиссии был В.Г. Громан.

Что касается деятельности Комиссии в первые часы ее существования, то сначала все силы были брошены на то, чтобы найти продовольствие для солдат. Б. Авилов писал в августе 1917 г.: «Составляем план работы и начинаем

---

[1] *Востротин С.В.* Продовольственный вопрос во время великой войны и революции... С. 131.

[2] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 23.

[3] Там же. С. 131–133.

[4] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 132. Л. 2.

[5] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 118.

[6] *Востротин С.В.* Указ. соч. С. 131.

[7] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде... С. 219.

[8] *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов... С. 51.

[9] *Суханов Н.Н.* Записки о революции... С. 93.

[10] *Востротин С.В.* Указ. соч. С. 131, 132.

[11] *Авилов Б.* 27 февраля 1917 г. (Из личных воспоминаний) // Новая жизнь. 1917. 27 августа.

[12] Можно утверждать, что думские сведения были не совсем верны. В Продовольственную комиссию входило не 9, а 10 человек.

распоряжаться <...> Через час в нашем распоряжении уже несколько тысяч пудов печеного хлеба и несколько десятков вагонов муки». Каким же образом членам Комиссии удалось добыть хлеб и муку? Авилов по этому поводу вспоминал: «На клочках бумаги карандашом пишем "ордера" от имени Совета Раб[очих] Депутатов о выдаче хлеба: 100 пудов, 200 пудов, 500 пудов»[1]. Таким образом, складывается представление о том, что авторитета Петроградского Совета рабочих депутатов было вполне достаточно для получения продовольствия без каких-либо оплат, поручительств, гарантий и т.д. Заметим, что ни подлинников, ни копий (отпусков) этих «ордеров» за 27—28 февраля выявить не удалось. Правда, в ЦГА С.-Петербурга отложилась одна копия ордера Продовольственной комиссии исполнительного комитета Государственной думы и Петроградского Совета рабочих депутатов за № 2419 от 12 марта 1917 г. В ордере читаем: «Просим отпустить для нужд Государственной Думы 40 пудов хлеба»[2].

Этот документ говорит, во-первых, о том, что Авилов значительно преувеличивал роль Петроградского Совета в решении продовольственного вопроса, вспоминая о получении именно по советским ордерам тысяч пудов хлеба. Единственный ордер, сохранившийся в копии, выписан не от имени Совета рабочих депутатов, как утверждал Авилов, а от имени объединенной советско-думской Комиссии. Во-вторых, обнаруженный документ показывает, что хлеб для нужд Продовольственной комиссии добывался исключительно «под имя» Государственной думы. В нашем распоряжении нет ни одного ордера (даже за март 1917 г.), в котором Продовольственная комиссия просила бы выделить то или иное количество хлеба для Петроградского Совета рабочих депутатов.

Комиссия не ограничилась разрешением насущной задачи — обеспечить продовольствием «население Таврического дворца». По словам Востротина, было намечено «открытие целой сети столовых по Петрограду в дополнение к существующим, снабдив их необходимыми продуктами и припасами из активного запаса». Причем «для организации столовых и контроля за ними было решено привлечь городских деятелей и лиц, известных общественным организациям». Востротин вспоминал, что «вопрос о снабжении пищевыми продуктами возбуждал некоторую тревогу в комиссии ввиду ее неосведомленности об имевшихся запасов в Петрограде в распоряжении властей, интендантства и частной торговли и невозможностью их использования из-за происходившей еще стрельбы по городу»[3]. Но, как утверждал Авилов, план «организации продовольствия города» был Комиссией намечен. Он писал: «Идем в заседание Совета и докладываем о нашей работе»[4]. В отчете об общем собрании Совета рабочих депутатов есть подтверждение этим словам Авилова. В нем указывалось, что Комиссия немедленно «приступила к выработке мер, необходимых

---

[1] *Авилов Б.* 27 февраля 1917 г. (Из личных воспоминаний) // Новая жизнь. 1917. 27 августа.

[2] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 190. Л. 2.

[3] *Вострогин С.В.* Продовольственный вопрос во время великой войны и революции. С. 132, 133.

[4] *Авилов Б.* Указ. соч.

для того, чтобы обеспечить армию и население Петрограда хлебом и другими пищевыми продуктами». Главнейшей мерой был признан секвестр имеющихся в казенных, интендантских, общественных и других складах муки, которой предполагалось снабдить хлебопекарни[1]. Утром 28 февраля Продовольственная комиссия объявила о том, что она приняла на себя «центральное руководство всем продовольственным делом»[2]. Главной задачей Комиссии было восстановление и развитие продовольственного снабжения населения и войск. С 28 февраля Продовольственная комиссия функционировала в расширенном составе. Востротин писал, что в работе Комиссии принимали участие некоторые члены Особого совещания по продовольствию, а также несколько человек из числа Петроградских городских деятелей и «другие лица, могущие быть полезными делу организации столовых по городу». Востротин разъяснил, как действовали эти члены Продовольственной комиссии: «Город был поделен на участки, в которых постепенно восстанавливались и открывались хлебопекарни, кухмистерские и столовые»[3].

Важнейшей задачей 28 февраля оставалась организация питания в Таврическом дворце. Видимо, утром этого дня был создан исполнительный отдел Продовольственной комиссии, в распоряжении которого находились склады, кухня и столовая Таврического дворца[4]. С первых дней революции на кухне работало 35 солдат[5]. Отдел «занимался кормежкой подходящих (к зданию Государственной думы. — *А.Н.*) революционных войск и всего населения Таврического дворца». М.А. Броунштейн писал 19 марта 1917 г. о том, что исполнительный отдел продукты получал без денег и счета поставщиков не оплачивал[6]. Скорее всего, отдел, также как и Продовольственная комиссия, использовал ордера, по которым и получал необходимое продовольствие. Косвенным подтверждением этому служат отложившиеся в ЦГА СПб. копии 3-х ордеров исполнительного отдела Продовольственной комиссии Совета рабочих и солдатских депутатов и членов Государственной думы от 14 марта 1917 г. за №№ 2543, 2745 и 2885. Ордера содержат следующие тексты: «Просим отпустить для нужд Государственной Думы 100 пудов хлеба» (№ 2543); «Просим отпустить для нужд Государственной Думы 50 пудов хлеба» (№ 2745); «Прошу выдать 50 пуд[ов] хлеба для продовольственного склада при Государственной Думе» (№ 2885). На документах стоит печать «Исполнительного Отдела Продовольственной Комиссии Совета Рабочих Депутатов и членов Госуд[арственной] Думы»[7]. То есть Исполнительный отдел так же как и Продовольственная комиссия получал хлеб и другие продукты, опираясь на авторитет Государственной думы.

---

[1] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 22.

[2] Продовольствие // Известия КПЖ. 1917. 28 февраля [Типография газеты «Речь»].

[3] *Востротин С.В.* УПродовольственный вопрос во время великой войны и революции. С. 135.

[4] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 190. Л. 6.

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 52. ЛЛ. 30, 31.

[6] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 190. Л. 6.

[7] Там же. ЛЛ. 3–5.

28 февраля уже работал отдел продовольствия войск Продовольственной комиссии. По крайней мере, Ф.Ф. Раскольников утверждал, что днем 28 февраля в Таврическом дворце «полным ходом работал отдел по снабжению продовольствием частей восставшего гарнизона». В этом отделе Раскольников, получив груды хлеба и консервов, повез их солдатам, охранявшим здание ссудной кассы[1].

Необходимо также было срочно накормить солдат, находившихся на улицах Петрограда, и эту работу на себя первоначально взяла А.В. Тыркова. В своей автобиографии она писала: «Была назначена комитетом Гос[ударственной] Думы и Советом Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов] заведовать питательными пунктами Петрограда<...>»[2]. Иначе говоря, ведала в Продовольственной комиссии отделом питательных пунктов[3]. Именно ей принадлежала заслуга в организации новых питательных пунктов в Петрограде. Она содействовала получению уполномоченными питательных пунктов разрешений на реквизицию продуктов, которые выдавались исполнительным отделом Продовольственной комиссии. Возможно, именно она помогала питательным пунктам получать продукты от различных городских органов. Во всяком случае, уполномоченный И.В. Никаноров 3 марта рассказывал в Городской думе, что городская продовольственная комиссия отправляла «продукты на питательные пункты»[4].

Для того, чтобы нормализовать продовольственное положение в столице было необходимо обеспечить охрану продовольственных складов, магазинов и т.д. С этим предложением (требованием) выступили представители советско-думской Продовольственной комиссии 28 февраля на вечернем совещании, которое проводил Временный комитет Думы[5]. Собственных сил, т.е. продовольственной милиции, у Комиссии, конечно, не было. Поэтому вопросами охраны продовольствия (по поручению ВКГД) занималась Военная комиссия. Тогда же, т.е. 28 февраля, Продовольственная комиссия обратилась в Военную комиссию с просьбой «организовать военную охрану <...> складов продовольствия с тем, чтобы выдача продуктов из них производилась только по ордерам продовольственной комиссии»[6].

Важнейшей задачей в разрешении продовольственного вопроса стало возобновление работы хлебопекарен, лавок и магазинов. Утром 28 февраля Продовольственная комиссия обратилась ко всем рабочим пекарен «немедленно стать на работу», а всем хлебопекарням предложила «немедленно приступить

---

[1] *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году / Федор Раскольников о времени и о себе: Воспоминания. Письма. Документы / Сост.: И.П. Коссаковский, научн. ред. В.Д. Поликарпов. Л., 1989. С. 66.

[2] *[Тыркова А.В.]* Автобиография А.В. Тырковой / Кандидаты в члены Учредительного Собрания от партии Народной свободы по Новгородской губернии // Новгородская жизнь. 1917. 31 октября.

[3] *Тыркова А.В.* Петроградский дневник... С. 331.

[4] *Н.А.* В Городской думе // Новое время. 1917. 5 марта.

[5] Надзор за продовольственными складами // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[6] ГА РФ. Ф. Р–3348. Оп. 1. Д. 127. Л. 148.

к выпечке хлеба и продаже его населению». Этот призыв прозвучал со страниц как советской, так и продумской печати[1]. Позднее он был поддержан специальным постановлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Предположительно, 2 марта Петроградский Совет выработал постановление, в котором «признал, что учреждения и предприятия, обслуживающие потребности продовольствия населения и армии, не должны прекращать своей деятельности, а где она прекращена — должны немедленно восстановить»[2]. «Известия Петроградского Совета» призывали владельцев магазинов открыть их[3]. Эта же газета сообщала о ценовой политике новой власти: «До выработки новых общегородских такс, необходимо теперь же установить таксы на все предметы потребления, основываясь на ценах, существовавших до момента революции». Выполнение этой задачи возлагалось на районные комиссариаты[4].

Учитывая, что общественные организации, в том числе представители различных попечительств, а также и гласные Петроградской городской думы, еще вечером 27 февраля заявили о том, что они поддерживают мероприятия Государственной думы, советско-думская Продовольственная комиссия призвала утром 28 февраля городские попечительства проводить «равномерное распределение выпеченного хлеба среди населения». Представители попечительств приглашались принять участие в собрании, которое Комиссия назначила на 3 часа дня 28 февраля в Александровском зале Городской думы[5]. Иначе говоря, Продовольственная комиссия предполагала поставить под свой контроль городские попечительства и несколько смягчить продовольственный вопрос в Петрограде.

Советско-думская Продовольственная комиссия сумела привлечь к своей работе Петроградское городское самоуправление. 28 февраля советско-думская Продовольственная комиссия подчинила себе Петроградскую городскую продовольственную комиссию и «весь штат ее служащих»[6]. 1 марта «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов» сообщали, что Городская дума обещала взять на себя снабжение продуктами питания лазаретов, а также решила выделить советско-думской Продовольственной комиссии 1,8 тыс. пудов хлеба для распределения среди воинских частей. Одновременно с этим Городская дума предложила передать в ведение города всё продовольствие, «адресованное на имя градоначальства». Петроградская дума также высказалась за необходимость «привлечь все правительственные организации, работающие по продовольствию, и подчинить их» советско-думской Продовольственной

---

[1] Продовольственная Комиссия Совета Раб[очих] Деп[утатов] и Испол[нительного] Комит[ета] Гос[ударственной] Думы // Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 февраля. № 1; Продовольствие // Известия КПЖ. 1917. 28 февраля [Типография газеты «Речь»].

[2] Продовольствие // Там же. 3 марта. № 8 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[3] Необходимо открывать магазины // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 марта.

[4] Таксы // Там же.

[5] Продовольствие // Известия КПЖ. 1917. 28 февраля [Типография газеты «Речь»].

[6] Организация продовольственного дела в столице // Новое время. 1917. 5 марта.

комиссии. Кроме этого, Петроградская городская дума постановила «организовать участковые, контрольные и раздаточные комитеты»[1].

1 марта советско-думская Продовольственная комиссия назначила продовольственным уполномоченным по г. Петрограду председателя Продовольственной комиссии Городской думы И.В. Никанорова. В его ведение был передан вопрос о снабжении продовольствием населения Петрограда. Для выполнения этой задачи часть продовольственных грузов, поступающая из провинции, должна была направляться именно в адрес уполномоченного И.В. Никанорова[2]. Получив соответствующие полномочия и распоряжения от советско-думской Продовольственной комиссии, Петроградское городское самоуправление активно включилась в решение продовольственного вопроса.

Продовольственная комиссия сумела взять под свой контроль интендантские органы. Она направила, предположительно 28 февраля, в Окружное интендантское управление 2-х делегатов «для наблюдения за продовольствием войск Петроградского военного округа»[3]. Вскоре Продовольственная комиссия установила контроль и над Главным интендантским управлением (ГИУ). В прессе сообщалось, что начальник ГИУ генерал-лейтенант Н.И. Богатко одним из первых в дни революции «поехал в Государственную думу и заявил как от своего имени, так и от чинов ведомства о полном подчинении Временному правительству (ВКГД. — *А.Н.*)»[4]. Судя по всему, после этого заявления Богатко был направлен в Продовольственную комиссию. А.В. Тыркова рассказывала, что 1 марта в Комиссию пришли начальник ГИУ Богатко и «с ним еще генерал», которые «выразили полную готовность работать с новым правительством». Комиссия взяла под свой контроль ГИУ, назначив туда, по словам А.В. Тырковой, своего комиссара социал-демократа Б.А. Шелова. Один из интендантских генералов тут же подписал наряд на получение продуктов, который был оформлен Тырковой для английского посольства[5].

Советско-думская Продовольственная комиссия предприняла самостоятельно ряд конкретных шагов, направленных на организацию заготовок путем закупок и реквизиций хлеба и фуража. 1 марта она поручила дело организации закупок хлеба специальной комиссии[6]. 2 марта Продовольственная комиссия обсуждала вопросы о посылке на места нескольких особых продовольственных эмиссаров и о доставке продовольственных грузов. Комиссия, рассматривая вопрос о введении института своих местных эмиссарах, счита-

---

[1] Продовольствие гор[ода] Петрограда // Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 1 марта.

[2] Продовольственный вопрос // Там же. 2 марта.

[3] Деятельность Общегосударственного Продовольственного Комитета за 3 сессии. (29 марта–1 апреля, 6–13 апреля и 24–28 апреля) // Известия Министерства земледелия. 1917. 14 мая. С. 341.

[4] Хроника // Русский инвалид. 1917. 8 марта.

[5] *Тыркова А.В.* Петроградский дневник... С. 330, 331.

[6] Продовольственный вопрос // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 марта.

ла, что они смогут «двинуть хлебные грузы» к Петрограду. В связи с этим Продовольственная комиссия наметила особого эмиссара, который должен был ведать водными перевозками[1].

Конечно, вопрос о транспортировке продовольствия включал в себя и проблему внутригородской перевозки продуктов питания. Некоторую помощь в решении транспортного вопроса оказывала Петроградским продовольственным органам Военная комиссия ВКГД. В начале марта за коменданта Таврического дворца подпрапорщик лейб-гв. Литовского полка Н.И. Ходонович подписал приказание И.В. Брюнчучинову «реквизировать для нужд Исполнительного Отдела Продовольственного Комитета в Усиленной Петроградской Автомобильной мастерской по Песочной улице и в холодильниках Растеряева потребное количество автомобилей», для чего ему был придан отряд из 10 солдат[2].

Продовольственные ресурсы, имевшиеся в Петрограде, требовали пополнения. Вместе с тем продовольственный вопрос носил отнюдь не локальный характер, а был насущным для многих территорий России. Поэтому вопрос о заготовке продовольствия рассматривался теми, кто взялся за решение продовольственной проблемы, во всероссийском масштабе. Соответствующее обращение к гражданам самостоятельно принял пленум Совета. Оно было опубликовано 1 марта в вечернем выпуске «Известий КПЖ»[3]. В воззвании говорилось о Совете рабочих депутатов, т.е. обращение было принято еще до преобразования его в Совет рабочих и солдатских депутатов. Во-вторых, это обращение не было документом самостоятельного творчества Петроградского Совета. Обращение к гражданам шло в публикации «Известий КПЖ» как составленное Комитетом Государственной думы и Советом рабочих депутатов, а в публикации советских «Известий» — от имени Комитета Государственной думы и Совета рабочих и солдатских депутатов. Укажем также, что это обращение в «Известиях Петроградского Совета» шло за подписью председателя Государственной думы М.В. Родзянко и исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов[4].

В принятом обращении говорилось о создании объединенной советско-думской Продовольственной комиссии, ведающей всем делом продовольствия армии и населения. В обращении содержался призыв к гражданам России, земледельцам, землевладельцам, торговым служащим и железнодорожным рабочим помочь России в разрешении продовольственного вопроса: «Скорее продавайте хлеб уполномоченным, отдавайте все, что можете; везите его к железным дорогам и пристаням и скорее грузите и доставляйте грузы

---

[1] Продовольственная комиссия Исполнительного Комитета Гос[ударственной] Думы и Совета Рабочих Депутатов // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

[2] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

[3] Обращение к населению. Граждане! // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 (веч. вып.) [Типография газеты «Речь»].

[4] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 61; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

по назначению». Обращение заканчивалось словами: «Граждане! Придите на помощь Родине хлебом и трудом»[1].

3 марта была опубликована телеграмма губернским земским управам, посвященная разрешению продовольственного вопроса, которую 2 марта подписали председатель ВКГД М.В. Родзянко, за председателя объединенной Продовольственной комиссии И.Д. Волков, комиссар по продовольственным делам член Государственной думы С.В. Вострогин и особоуполномоченный по закупкам хлеба для армии Н.А. Гаврилов[2]. В действительности телеграмма содержала обращение не только к губернским земским управам, но и к другим учреждениям и должностным лицам. Содержание телеграммы предлагалось передать также местным военно-промышленным комитетам[3]. Телеграмма сообщала, что именно ВКГД постановил устроить Продовольственную комиссию для общего руководства продовольственным делом государства. Петроградскому Совету отводилась роль согласующей инстанции, т.е. Совет отодвигался на второй план в вопросе об инициативе создания Продовольственной комиссии. Что касается практической части содержания телеграммы, то в ней содержался призыв к населению добровольно поставлять хлеб. Далее предписывалось «немедленно приступить к реквизиции хлеба у крупных вольных собственников и арендаторов всех сословий, имеющих запашку не менее 50 десятин, а также к реквизиции запаса хлеба из торговых предприятий и банков». Особо оговаривалось, что «реквизиция должна производиться без понижения цены»[4].

Советско-думская Продовольственная комиссия самим фактом своего существования, а также активной деятельностью на общероссийском уровне вторглась в дела Особого совещания по продовольствию. Выход из положения был найден Временным комитетом Думы. 1 марта был опубликован приказ председателя Государственной думы М.В. Родзянко о назначении комиссаром в Особое совещание по продовольствию члена Государственной думы С.В. Вострогина. Приказ подписали председатель ВКГД М.В. Родзянко и председатель Продовольственной комиссии В.Г. Громан[5]. Этот приказ свидетельствовал о том, что комиссар ВКГД в Осопроде подчинялся и председателю советско-думской Продовольственной комиссии, а Осопрод стал как бы структурным элементом этой комиссии. Тем самым на некоторое время вопрос о судьбе этого учреждения был решен. В связи с процедурой «вхождения» Осопрода в состав советско-думской Продовольственной комиссии существенно выросла властная составляющая Петроградского Совета. Это было

---

[1] Обращение к населению. Граждане! // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 (веч. вып.) [Типография газеты «Речь»].

[2] Продовольствие // Там же. 3 марта. № 7 [Типография Т-ва А.С. Суворина– «Новое время»].

[3] РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 48. Л. 47.

[4] Продовольствие // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[5] *Родзянко [М.В.], Громан [В.Г.]* Приказ Председателя Государственной Думы от 1 марта 1917 г. / VI. Отдел официальный // Известия по продовольственному делу. 1917. № 1(32). Май. С. 2.

связано с тем, что Совет, пусть и через совместную структуру, получил допуск к осуществлению прав верховной власти. Комиссар в Осопроде фактически выполнял роль его председателя, которым ранее по должности был министр земледелия, назначаемый, естественно, императором, т.е. верховной властью.

3 марта Продовольственная комиссия занялась вопросами реформирования Особого совещания по продовольствию. Она постановила создать и присоединить к Особому совещанию временный орган, «выясняющий вопросы сельского хозяйства». Кроме этого, было постановлено открыть работу Транспортной и Сахарно-соевой комиссий при Особом совещании. На этом же заседании были приняты постановления об урегулировании положения в районе производства пшеницы, о сохранении права реквизиции хлеба за уполномоченными при закупках хлеба, об отмене запрещения вывоза хлеба, о принятии мер по объединению деятельности по закупке хлеба всех организаций в руках губернских продовольственных комитетов и др.[1]

Укажем, что выполнение постановлений Продовольственной комиссии осуществлялось благодаря присутствию в составе этой Комиссии членов Государственной думы А.И. Шингарева и С.В. Вострогина, высококвалифицированных профессионалов, имевших авторитет и связи в земской среде, общественных организациях и т.д. А.И. Шингарев вспоминал позднее о своей работе в Комиссии: «Конечно, один человек не мог справиться со всем делом. Мне помогали общественные организации и кружок верных лиц. Общими усилиями работа была налажена<...>»[2]. Кто входил в этот «кружок верных лиц», он не назвал.

Исследователь, оценивая работу Шингарева в Продовольственной комиссии, пишет: «За три дня комиссия, принудительно выкупив необходимое количество хлеба, доставила его горожанам»[3]. Имеются свидетельства, что в адрес Продовольственной комиссии поступало большое количество продовольственных грузов. Так, 2 марта комендант склада огнестрельных припасов поручик Ставин сообщал, что «на Финляндский вокзал прибывают грузы по накладным “Продовольственной комиссии Государственной Думы” в составе целых поездов, с грузом фуража и разного рода продуктов, среди которых имеются продукты скоропортящиеся»[4].

Организационно-техническая слабость Петроградского Совета не позволила ему самостоятельно решить продовольственный вопрос. Советские деятели даже внутри объединенной советско-думской Продовольственной комиссии не имели сколько-нибудь серьезного влияния. Подтверждением этому служат слова М. Рафеса, который писал, что в ходе деятельности Комиссии представители Петроградского Совета сдавали «позиции самостоятельности»

---

[1] Заседание Продовольственной комиссии Государственной думы и Совета Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 марта.

[2] *[Шингарев А.И.]* Речь А.И. Шингарева / Областной продовольственный съезд // Ростовская речь. 1917. 17 мая.

[3] *Тюков Н.А.* Андрей Иванович Шингарев // Вопросы истории. М., 1995. № 5–6. С. 134.

[4] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 36. Л. 6, в документе ошибочно — Старин.

представителям ВКГД[1]. Практические результаты деятельности Комиссии, т.е. получение продовольствия для нужд войск и населения и в Петрограде, и в провинции шло «под имя» Государственной думы.

***

Таким образом, Петроградский Совет не рискнул, а вернее, не смог взять на себя полностью разрешение продовольственного вопроса. Этим трудным и политически важным делом занималась объединенная советско-думская Продовольственная комиссия, в состав которой вошли члены Государственной думы А.И. Шингарев и С.В. Востротин. Подчеркнем, что в решении продовольственного вопроса большое значение имели обращения к гражданам, принятые совместно ВКГД и Петроградским Советом. Сотрудничество Государственной думы и Петроградского Совета не ограничивалось формальным участием думцев в работе Комиссии и разработкой совместных документов. Можно утверждать, что выполнение многих решений, принятых Петроградским Советом и Продовольственной комиссией, становилось возможным именно благодаря высокому авторитету Государственной думы, активной работе ВКГД, его структур и отдельных депутатов. Кроме этого, успешной работе ВКГД способствовали обширные связи думцев с различными общественными организациями.

Первое Временное правительство: думский Комитет и его комиссары

Временный комитет в предельно сжатые сроки сумел стать властным органом с весьма широкими полномочиями. Можно утверждать, что в конце февраля — начале марта ВКГД играл роль центральной власти при еще фактически существующей верховной власти самодержца. Но старая власть постепенно утрачивала свое значение, а власть ВКГД все более приобретала характер власти верховной. Сложилась уникальная ситуация, отчасти повторенная Временным правительством. Речь идет о том, что ВКГД, с одной стороны, играл роль правительственной власти, отдавая различные распоряжения, а с другой стороны — взял на себя частично функции власти верховной. Именно о таком характере Временной власти и говорили постановления, воззвания и решения думского Комитета.

Вместе с тем вопрос о том, являлся ли ВКГД первым Временным правительством в революционной России, до сих пор остается спорным в отечественной историографии. Думается, что ответ на него можно найти, выяснив характер и значение деятельности комиссаров, которые направлялись ВКГД в важнейшие государственные учреждения.

---

[1] *Рафес М.* Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С. 190.

Думские комиссары: состав и полномочия

Неудачи переговоров с председателем Совета министров кн. Н.Д. Голицыным, а также весьма успешное развитие восстания в Петрограде и переход на сторону ВКГД все новых и новых воинских частей, заставили ВКГД принять решение о взятии власти в свои руки, в том числе и для создания нового правительства[1].

Широко известен тот факт, что последним доводом в пользу взятия власти послужило сообщение о переходе на сторону Государственной думы Запасного батальона лейб-гв. Преображенского полка. Эту информацию получил в 11 часов вечера 27 февраля[2] член ВКГД С.И. Шидловский по телефону из казармы полка (ул. Миллионная, д. 33). Шидловский вспоминал: «В это время меня вызвали к телефону, и знакомый голос моего племянника, бывшего офицером в Преображенском полку, спросил меня, узнаю ли я его голос, и на утвердительный ответ просил меня от имени всех собравшихся в офицерском собрании офицеров преображенцев передать председателю думы, что они только что постановили предоставить себя в распоряжении думы»[3]. Приведем слова П.Н. Милюкова: «Она (революция. — *А.Н.*), видимо, принимала форму солдатского бунта. Это тоже не было вполне неожиданно. Ведь месяца два перед тем, в кругу политических друзей в Москве <...> эта революция так подробно обсуждалась как неизбежная,— и кто-то спросил меня: от чего дума не возьмет в свои руки власть. Я ответил тогда: приведите к Таврическому дворцу два полка солдат; мы тогда потолкуем»[4]. Напомним, что один полк — 1-й запасной пехотный — уже был в распоряжении Государственной думы! Б.А. Энгельгардт вспоминал о реакции членов ВКГД на сообщение Шидловского: «Все повскакали с мест и окружили Шидловского. “Теперь нам нечего задумываться ... в нашем распоряжении надежная воинская часть ... надо решаться ...”, — слышалось со всех сторон»[5]. В конечном счете, под давлением членов ВКГД, и особенно П.Н. Милюкова, Родзянко решился взять власть в свои руки[6].

Учитывая, что сообщение из Преображенского полка пришло в 11 часов вечера, а около 12 часов ночи Временный комитет Думы уже провел назначение Энгельгардта председателем ВК ВКГД, можно утверждать, что решение о взятии власти ВКГД принял после 11 часов вечера 27 февраля и до 12 часов ночи 28 февраля 1917 г. Наши выводы подтверждают воспоминания

---

[1] Первые шаги Исполнительного Комитета // Известия КПЖ. 1917. 28 февраля. № 2 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[2] *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 290.

[3] *Шидловский С.И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 67, 68.

[4] *Милюков П.Н.* Первый день // Последние новости. 1927. 12 марта (Париж).

[5] *Энгельгардт Б.А.* 1) Февральская революция... С. 181; 2) Воспоминания о далеком прошлом, 1961 г. // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 32. Л. 5.

[6] См. подробн.: *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С. 289, 290.

А.В. Пешехонова. Он писал, что около половины двенадцатого ночи Н.В. Некрасов вошел в комнату, где заседала Литературная комиссия Петроградского Совета рабочих депутатов, и сообщил о взятии ВКГД власти в свои руки. Это позволяет дать еще более точную датировку — после 11 часов вечера и до 11 часов 30 мин. вечера 27 февраля 1917 г.

1 марта 1917 г., по сообщению прессы, французский и английский послы официально заявили председателю Государственной думы М.В. Родзянко о том, что «правительства Франции и Англии вступают в деловые отношения с Временным исполнительным Комитетом Государственной думы, выразителем истинной воли народа и единственным законным временным правительством России»[2]. Конечно, поддержка ВКГД со стороны зарубежных государств не снимала тех острых задач, которые стояли перед ВКГД.

Важнейшей из них была организация временной правительственной власти. Одним из первых шагов на пути формирования ее механизма стало создание института комиссаров ВКГД, наделенных чрезвычайными полномочиями. Решение о создании комиссарских должностей было напрямую связано с постановлением ВКГД о взятии власти в свои руки, которое было принято в ночь с 27 на 28 февраля 1917 г. Тогда же Временный комитет, — писал Э.Н. Бурджалов, — постановил «отрешить от должности царских министров и впредь, до образования нового правительства, назначить для заведования отдельными частями государственного управления комиссаров из состава Государственной думы»[3]. Член ВКГД П.Н. Милюков вспоминал, что в ту же ночь был намечен «вчерне состав комиссаров»[4]. Судя по всему, именно думский Комитет первым ввел термин «комиссар» в политический язык России 1917 года.

Итак, Временный комитет Думы назначил первых своих комиссаров в ночь на 28 февраля: прогрессист А.А. Бубликов был направлен в Министерство путей сообщения, земец-октябрист М.И. Арефьев — в Министерство внутренних дел, примыкающий к кадетам А.П. Савватеев и земец-октябрист Н.В. Савич — в Министерство военное и морское[5], член группы центра В.П. Басаков и кадет В.А. Маклаков — в Министерство юстиции, прогрессист А.А. Барышников — на Главный почтамт, кадеты П.П. Гронский и М.Д. Калугин — на Главный телеграф, кадеты П.В. Герасимов и В.Н. Пепеляев — в Петроградское градоначальство, земец-октябрист С.Н. Родзянко — в Министерство торговли и промышленности, кадет Н.К. Волков и земец-октябрист И.И. Капнист 1-й — в Министерство земледелия, кадет В.А. Виноградов и прогрессист

---

[1] *Пешехонов А.В.* Первые недели (Из воспоминаний о революции) // На чужой стороне. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 263.

[2] Официальное признание Временного правительства Англией и Францией // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[3] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 237, 238. См. также: Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 117, 120.

[4] *Милюков П.Н.* Первый день // Последние новости. (Париж). 1927. 12 марта.

[5] Савватеев был назначен комиссаром в Военное министерство, а Савич — в Морское министерство.

И.В. Титов[1] — в Министерство финансов, октябрист И.В. Годнев — в Сенат[2]. То есть думский комитет назначил 17 комиссаров в правительственные учреждения. Вечером 28 февраля С.В. Востротин узнал, что назначен думским Комитетом комиссаром продовольствия Министерства земледелия[3].

Особое положение занимал А.Ф. Керенский, который, хотя и не значился ни в одном списке комиссаров ВКГД, но по воспоминаниям современников являлся комиссаром юстиции. Он был назначен на эту должность М.В. Родзянко[4]. Тем самым Керенский олицетворял двойной контроль над юстицией и со стороны ВКГД, и со стороны Петроградского Совета. Представление о полномочиях комиссара Керенского можно составить на основе свидетельств современников событий. Выступая 1 марта 1917 г. в Москве, член Государственной думы М.М. Новиков рассказал, что Керенскому было «поручено ловить представителей старой власти, что он с большим успехом исполняет». Новиков заметил, что в распоряжении Керенского «находится специальный автомобиль и патрули»[5].

К сожалению, точных данных о том, сколько из назначенных комиссаров сразу же явились в свои министерства, в нашем распоряжении нет. Удалось обнаружить сведения относительно лишь некоторых комиссаров думского Комитета. Наибольшую активность проявил А.А. Бубликов[6]. Благодаря настойчивости и решительности А.А. Бубликова 28 февраля МПС уже находилось в руках ВКГД. В этот же день вступили в должность и отдали первые распоряжения по Министерству юстиции комиссары В.П. Басаков и В.А. Маклаков[7]. По свидетельству царского министра П.Л. Барка, комиссар ВКГД И.В. Титов приехал в Министерство финансов только 1 марта около 3 часов дня[8].

1 марта ВКГД принял постановление, в п. 2 которого указывалось: «Занять сегодня, 1 марта, телеграф и почту; Департамент общих дел и хозяйственный, министерство внутренних дел; Департамент полиции; градоначальство; министерства: земледелия, финансов, юстиции, торговли и промышленности и путей сообщения; Сенат и управление делами Особого совещания по продовольствию»[9]. Этот документ необходимо понимать как руководящее указание о направлении в указанные государственные учреждения комисса-

---

[1] *Титов Ив., Виноградов В.* Приказ по Министерству финансов // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 [Типография Т-ва С.М. Проппера — «Биржевые ведомости»].

[2] *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль — начало марта 1917 г.) // Революция 1917 года в России. Сб. научн. ст. / Под ред. О.А. Поливанова и В.И. Старцева. СПб., 1995. С. 15.

[3] *Востротин С.В.* Продовольственный вопрос во время великой войны и революции. С. 135.

[4] *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания / Вст. ст., подг. текст., биогр. словарь и коммент. Б.М. Витенберга. М., 2001. С. 183.

[5] Московский совет рабочих депутатов // Утро России. 1917. 2 марта.

[6] *Бубликов А.А.* Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). С. 20, 21.

[7] *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль — начало марта 1917 г.). С. 15.

[8] *Барк П.Л.* Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства // Возрождение. Париж, 1967. Март. № 183. С. 96.

[9] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 151.

ров думского Комитета. Хотя в некоторых из них комиссары появились еще до принятия этого постановления. В прессе сообщалось, что комиссары ВКГД появятся в министерствах, на Главном почтамте и Главном телеграфе только 1 марта[1].

В соответствии с принятым постановлением, ВКГД 1 марта произвел новые назначения: земец-октябрист И.С. Васильчиков был направлен комиссаром в Министерство земледелия, земец-октябрист Д.П. Капнист 2-й — в МВД[2], кадет М.С. Аджемов — в Министерство юстиции, земец-октябрист М.Л. Киндяков — в Государственную типографию, земец-октябрист Е.П. Ковалевский — в Министерство народного просвещения, земцы-октябристы Н.А. Ростовцев и В.И. Стемпковский — в Министерство торговли и промышленности, кадет А.А. Добровольский — в МПС, кадет Ф.И. Родичев — в статс-секретариат по делам Великого Княжества Финляндского. Родичев привлек в качестве помощников кадетов депутата IV Государственной думы И.М. Рамота и перводумца Д.Д. Протопопова. В этот же день кадет К.К. Черносвитов был назначен комиссаром в Главное управление почт и телеграфов[3]. Современник события 2 марта сделал запись в своем дневнике о 3 комиссарах ВКГД, направленных в Главное управление почт и телеграфов[4]. Судя по всему, к комиссару К.К. Черносвитову присоединились А.А. Барышников и М.Д. Калугин, которые ранее были назначены соответственно в Главный почтамт и Главный телеграф.

В этот же день комиссары ВКГД П.П. Гронский и А.С. Салазкин установили контроль над Петроградским телеграфным агентством, т.е. стали комиссарами над ПТА. Главную роль в ПТА играл Гронский. Это утверждение основывается на том, что именно за его подписью должны были выпускаться бюллетени ПТА[5]. 1 марта комиссар ВКГД в Министерстве финансов В.А. Виноградов был назначен заведующим Особым совещанием по топливу[6] и в этот же день начал отдавать распоряжения[7]. С 1 марта Гучкова (октябрист) называли комиссаром ВКГД по Военному министерству[8]. 1 марта был подписан приказ председателя Государственной думы, согласно которому ВКГД комиссаром в Особое совещание по продовольствию был назначен член Государственной думы С.В. Вос-

---

[1] Комиссары Гос[ударственной] Думы // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[2] Д.П. Капнист 2-й был назначен комиссаром в Департамент общих дел МВД (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 28. Л. 2).

[3] *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль — начало марта 1917 г.). С. 15–16; РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. ЛЛ. 4, 9, 10, 11, 16, 18, 22, 48; Д. 7. ЛЛ. 12, 13, 22.

[4] *[Глазов В.Г.]* Дневник В.Г. Глазова. 1 января 1915–23 января 1918 г., [1920-е гг.] // РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 24. Л. 117; Генерал В.Г. Глазов с чужих слов описывал события, которые происходили 1 марта 1917 г.

[5] Телеграфное агентство в руках Исполнительного Комитета // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[6] РГИА. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1279. Л. 74.

[7] Телеграмма на имя губернатора // Пензенские губернские ведомости. 1917. 3 марта.

[8] А.И. Гучков в казармах // Известия КПЖ. 1917. 2 марта. № 6 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

тротина (кадет)[1]. Некоторые комиссары, назначенные 1 марта, вступили в свои ведомства только 2 марта. Так, в этот день в Министерстве торговли и промышленности появились комиссары В.И. Стемпковский и С.Н. Родзянко, первый был комиссаром с 1 марта, а второй — с 28 февраля[2]. Видимо, 2 марта, наконец, появился в Министерстве земледелия С.В. Вострotин[3].

ВКГД продолжил практику назначения комиссаров и 2 марта 1917 г.: кадет И.П. Демидов — в Министерство земледелия[4], кадет Д.Д. Гримм (член Государственного совета) — в Государственную канцелярию и Мариинский дворец[5], прогрессист М.И. Гродзицкий — в Государственный контроль[6]; кадет М.М. Ичас — в МНП[7], прогрессист Н.Н. Львов — в Дирекцию императорских театров[8]. Львов был назначен комиссаром по личной просьбе директора Императорских театров В.А. Теляковского, который записал в своем дневнике 3 марта 1917 г.: «Сегодня решил <...>поехать в Думу. В Думе провел около трех часов и, наконец, добился от Родзянко назначения комиссаром Н.Н. Львова»[9]. Теляковский сообщал о назначении Н.Н. Львова не 2, а 3 марта. К сожалению, на отпуске приказа о назначении Н.Н. Львова комиссаром дата не указана, но датировку можно дать по номеру приказа — № 140. Предыдущий приказ за № 139 датирован 2 марта, а ближайший последующий приказ за № 144 тоже датирован 2 марта[10]. Это дает основание предположить, что Н.Н. Львов был назначен комиссаром в Дирекцию императорских театров не 3 марта, как писал Теляковский, а 2 марта 1917 г.[11] В этот же день на имя кадета С.В. Вострotина был дан новый приказ о назначении комиссаром в Особое совещание по продовольствию, но уже только за подписью М.В. Родзянко[12]. 2 марта П.П. Гронский был назначен комиссаром Бюро печати ВКГД, т.е. фактически стал комиссаром по делам печати[13]. В дни революции (в начале марта) ВКГД назначил комиссаром Государственного банка кадета, депутата IV Государственной

---

[1] *Родзянко [М.В.], Громан [В.Г.].* Приказ Председателя Государственной Думы от 1 марта 1917 г. / VI Отдел официальный // Известия по продовольственному делу. 1917. № 1 (32). Май. С. 2.

[2] В министерстве торговли // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 [Типография «Правительственного вестника»].

[3] *Вострotин С.В.* Продовольственный вопрос во время великой войны и революции. С. 142.

[4] В министерстве земледелия // Русское слово. 1917. 4 марта.

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. Л. 38.

[6] Там же. Л. 37.

[7] Там же. Л. 20.

[8] *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль — начало марта 1917 г.). С. 16.

[9] Цит. по: *Кузнецов Е.* Примечания // *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 26.

[10] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. ЛЛ. 50, 53.

[11] П.Н. Гордеев выявил в фонде Дирекции императорских театров машинописную копию приказа о назначении Н.Н. Львова комиссаром ВКГД (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 1), «в котором проставлена дата приказа — 2 марта» (см.: *Гордеев П.Н.* Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2011. С. 36)

[12] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. Л. 42.

[13] Там же. Ф. 785. Оп. 1. Д. 212. Л. 1.

думы Н.Н. Николаева[1]. Судя по всему, большинство из этих комиссаров в этот же день приступили к исполнению своих обязанностей. Н.Н. Львов появился в Дирекции императорских театров только 3 марта[2].

По нашим подсчетам 27/28 февраля — 2 марта Временный комитет Думы направил в министерства, главные управления и другие важные учреждения, учитывая Керенского и Гучкова, комиссарами 37 человек. Число назначений ВКГД возрастет до 42 случаев, если считать дополнительно, во-первых, комиссара над Главным телеграфом Гронского, который также получил еще назначение комиссаром над ПТА и комиссаром по делам печати; во-вторых, комиссара в Министерстве финансов Виноградова, получившим также в заведование Осотоп; в-третьих, Востротина, который сразу же получил два назначения, в-четвертых, Гримма, ставшим комиссаром не только в Государственной канцелярии, но и для всех учреждений, которые размещались в Мариинском дворце[3]. Таким образом Временный комитет Думы провел три волны назначения комиссаров: в ночь с 27 на 28 февраля, 1 и 2 марта. Сведений о назначениях комиссаров 3 марта в нашем распоряжении нет.

Что касается партийного состава института комиссаров ВКГД в правительственных учреждениях (37 человек)[4], то он представляет собой следующее: трудовиков –1, прогрессистов — 5, кадетов и примыкающих к ним — 19; земцев-октябристов — 10, октябристов — 1, представителей центра — 1 человек. Таким образом, большинство важнейших правительственных учреждений оказалось в руках кадетов и октябристов при существенном преобладании кадетов.

Какого-либо положения о комиссарах ВКГД разработать не успел. Успех деятельности зависел от личных качеств комиссара, его инициативы, профессионализма и т.д. ВКГД проводил инструктаж комиссаров относительно характера, содержания их деятельности в правительственных учреждениях. Иначе говоря, формировал полномочия комиссаров. Они определялись общей установкой думского Комитета — возобновить работу центрального аппарата под контролем ВКГД, и частными подходами, каждый из которых зависел от конкретной ситуации в том или ином ведомстве.

Можно выделить четыре формы установления контроля над правительственными учреждениями. Во-первых, часть министерств и ведомств продолжали возглавлять старые министры, комиссаров ВКГД здесь не было, охрана и караулы от Военной комиссии посылались по просьбе начальствующих лиц. Во-вторых, некоторые министры и начальники главных управлений оставались при исполнении своих обязанностей, но к ним назначались комиссары, а в случае необходимости, в здания министерств и главных управлений вводился военный караул

---

[1] Н.Н. Николаев — М.Е. Вейнбауму, март 1957 г. С. 1 // N.N. Nikolaev papers. Box 1. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (USA); сообщил П.А. Трибунский

[2] РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 2.

[3] Там же. Ф. 1162. Оп. 2. Дополнительная опись к XVI т. печатных описей Государственного совета. Государственная канцелярия. Отделение личного состава и общих дел. 1917. Д. 2. Л. 5.

[4] При подсчете не учитываются вторые и третьи комиссарские назначения.

для охраны. В-третьих, начальствующие лица отстранялись от исполнения обязанностей, зачастую подвергались аресту, а комиссары ВКГД фактически полностью брали на себя функции отстраненных министров и главноуправляющих. В-четвертых, министры фактически отстранялись от дел, но комиссаров ВКГД в эти министерства не посылал, а здания брались под охрану.

В первом случае такое положение сложилось с Министерством иностранных дел и Главным управлением государственного коннозаводства.

Вторая ситуация, когда в министерства, главные управления и другие учреждения направлялись комиссары, но министры, главноуправляющие и начальники учреждений продолжали исполнять свои обязанности, сложилась, например, в Морском министерстве, в Главном управлении почт и телеграфов, а также в Дирекции императорских театров. Думается, что именно это спровоцировало появление в работах некоторых исследователей суждения о том, что «ВКГД правительством не стал и ограничился рассылкой в министерства и ведомства своих комиссаров»[1]. Однако это утверждение голословно и не базируется на конкретном анализе деятельности комиссаров и взаимоотношения министров с комиссарами и Временным комитетом Думы.

Политика третьего рода проводилась во многих министерствах и правительственных учреждениях. В частности, в Государственной канцелярии, Военном министерстве, Министерстве внутренних дел, Министерстве юстиции, МПС, Министерстве финансов, Министерстве торговли и промышленности, Министерстве народного просвещения, Министерстве земледелия, Петроградском градоначальстве и др. Начальствующие лица были отстранены, а частью арестованы. Практически все функции министров взяли на себя комиссары ВКГД. Отметим, что и при проведении этой политики существовали некоторые отличия, которые проявлялись в том, что начальствующие лица арестовывались (отстранялись) лично комиссарами ВКГД или это происходило без их непосредственного участия. Хотя и в последнем случае комиссары были вынуждены вмешиваться, отменяя или давая уже совершившемуся отстранению свою санкцию.

Четвертая ситуация имеет отношение к Министерству императорского двора, Министерству здравоохранения и Св. Синоду.

Иногда комиссары использовали военную силу для занятия того или иного министерства. В частности, это имеет непосредственное отношение к комиссару А.А. Бубликову, который занял МПС 28 февраля, опираясь на военную силу. Ю.В. Ломоносов сообщал, что А.А. Бубликов отправился в МПС, имея в своем распоряжении военный отряд, который состоял из солдат, набранных им на улице. К отряду присоединился ротмистр Сосновский[2]. Бубликов в 1921 г.

---

[1] *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 586.

[2] *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. // *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919. *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. / Сост., вст. ст., примеч. А.С. Сенина. М., 1994. С. 229.

писал, что в его распоряжении было 30 солдат[1]. Как выяснилось, помощь ему в занятии МПС оказала ВК ВКГД. Бубликов вспоминал по этому поводу: «В невероятнейшем шуме и толкотне стоило великого труда добиться от Военной Комиссии Государственной Думы назначение в мое распоряжение пары грузовиков с солдатами. Третий грузовик я уже сам взял на улице и на легковом автомобиле во главе этой своеобразной армии из солдат разных частей без одного офицера, я направился в поход на Государственную власть России»[2]. Комиссар Бубликов занял МПС утром 28 февраля 1917 г.[3]

Начиная с 1 марта комиссары являлись в министерства или главные управления без какого-либо военного сопровождения. Так, например, было в Министерстве финансов, куда комиссар ВКГД прибыл на автомобиле и без охраны[4].

Деятельность комиссаров ВКГД в правительственных учреждениях

Вступая в министерство, комиссар имел на руках приказ ВКГД. В нем чинам и служащим министерства или главного управления предписывалось «беспрекословно и немедленно исполнять все распоряжения комиссара Временного Комитета Государственной думы». В тексте приказа также указывалось, что «в случае несогласия с означенными распоряжениями доводить о сем до сведения Временного Комитета». То есть новые демократические веяния нашли свое выражение в том, «чины» министерств (главных управлений) могли обжаловать распоряжения комиссаров в думском Комитете. Приказы обычно подписывал председатель Государственной думы М.В. Родзянко.

Комиссары, вступая в должность, издавали приказы о переподчинении себе всех чинов и служащих ведомств. В ряде случаев они практически полностью повторяли по содержанию приказы, которые давались им ВКГД. Отличие состояло в том, что вместо подписи председателя Государственной думы шли подписи комиссаров. Такие приказы были, например, отданы комиссарами по Министерству юстиции[5].

---

[1] *Бубликов А.* По поводу воспоминаний о Февральской революции // Общее дело. (Париж). 1921. 29 марта.

[2] *Бубликов А.А.* Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). С. 22; В беседе с корреспондентом газеты «Утро России» Бубликов рассказывал, что он отправился в Министерство путей сообщения, «взяв с собой три грузовых автомобиля с вооруженной милицией и солдатами» (А.А. Бубликов в Москве. (беседа) // Утро России. 1917. 19 марта).

[3] *Бубликов А.А.* Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). С. 22.

[4] *Барк П.Л.* Указ. соч. С. 96, 97.

[5] Так, комиссары В.А. Маклаков и В.П. Басаков отдали следующий приказ: «Сим предписывается всем чинам министерства юстиции беспрекословно и немедленно принимать все распоряжения комиссаров временного исполнительного Комитета Государственной Думы В.А. Маклакова и В.П. Басакова. В случае несогласия с означенными распоряжениями доводить о сем до сведения временного комитета. Комиссары временного комитета В.А. Маклаков и В.П. Басаков» (*Маклаков В.А., Басаков В.П.* Приказ по министерству юстиции // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 (веч. вып.) [Типография газеты «Речь»]).

Известны случаи, когда приказы комиссаров ограничивались во времени, т.е. содержали следующую формулировку — вплоть до вступления в исполнение обязанности того или иного министра Временного правительства[1]. Комиссары Титов и Виноградов отдали приказ, в котором они приглашали «всех чинов министерства финансов немедленно возобновить текущую работу в учреждениях»[2]. Приказ был датирован 2 марта 1917 г.[3] То есть он был издан уже после того, как Титов и Виноградов отработали целый день в качестве комиссаров. Комиссары в Главном управлении почт и телеграфов К.К. Черносвитов, А.А. Барышников и М.Д. Калугин, вступая в должность 1 марта 1917 г., призвали чиновников и служащих «исполнять по-прежнему свои обязанности»[4]. Приказа Бубликова о вступлении в МПС выявить не удалось. Видимо, он ограничился тем, что сообщил в своей первой телеграмме, переданной по железнодорожному телеграфу, следующее: «По поручению Комитета Государственной Думы я сего числа занял Министерство Путей Сообщения»[5].

Комиссары, поставленные над правительственными учреждениями, предпринимали шаги, направленные на защиту чиновников и служащих от революционного насилия (обысков, арестов и т.д.). В частности, комиссары выдавали им удостоверения от имени ВКГД «для свободного прохода и проезда по городу Петрограду». Такие удостоверения за подписью комиссаров, например, были выданы чиновникам и служащим Министерства финансов[6].

В Морском министерстве никаких удостоверений комиссар Н.В. Савич не подписывал. 28 февраля и 2 марта 1917 г. чиновникам и служащим Канцелярии Морского министерства удостоверения шли за подписями начальника Канцелярии и делопроизводителя. 3 марта начальник Канцелярии С.М. Радкович поручил В.Т. Голицыну «получить из Управления Петроградского Градоначальника <...> новые удостоверения последнего образца (на печатном бланке) с указанием, что “обыску и задержанию не подлежит”»[7]. «Охранные» удостоверения за подписью комиссара ВКГД Д.Д. Гримма в дни революции чиновникам Государственной канцелярии не выдавались. 3 марта Гримм сообщил, что «удостоверения для безопасности» чины Государственной канцелярии

---

[1] Приказ был разослан по всем структурным подразделениям Министерства земледелия (РГИА. Ф. 382. Оп. 9. Д. 52. Л. 5; Д. 263. Л. 22; Ф. 398. Оп. 74. Д. 30391. Л. 18; Д. 30601. Л. 100; Оп. 75. Д. 410. Л. 3) и опубликован в прессе (*Волков Н., Демидов И.* Приказ по министерству земледелия // Известия Министерства земледелия. 1917. № 9. 12 марта. С.167; Распоряжения комиссаров // Киевская мысль. 1917. 5 марта).

[2] *Титов Ив., Виноградов В.* Приказ по министерству финансов // Известия КПЖ. 1917. 3 марта № 7 [Типография Т-ва С.М. Проппера — «Биржевые ведомости»].

[3] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 10. 12 марта. С. 176.

[4] РГИА. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 219. Л. 30.

[5] Приказ председ[ателя] Государственной Думы Родзянко // Последние новости. 1917. 3 марта (утр. вып.) (Киев); Телеграмма по линиям железных дорог/ Государственный переворот. Новое правительство // Городской вестник. 1917. 3 марта (Самара).

[6] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 131. Л. 1.

[7] РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 1992. ЛЛ. 1–7.

должны получать в Петроградском градоначальстве[1]. Комиссары ВКГД, появившиеся в Министерстве земледелия 3 марта, в этот день удостоверений с «охранными» формулировками чиновникам и служащим не выписывали. Оформление удостоверений за подписью комиссара ВКГД по Министерству земледелию началось уже после Февральской революции[2].

В целях нормализации работы, комиссары прибегали к созыву совещаний с чинами ведомства и образовывали комиссариаты. Совещания проводились практически во всех министерствах, где комиссары отстраняли от должности министров. В частности, совещания проводились в Министерстве финансов, Министерстве народного просвещения и Государственной канцелярии. Комиссариаты создавались в тех ведомствах, где было несколько комиссаров ВКГД, или комиссар имел помощника (помощников). Выявлены факты существования комиссариатов в Министерстве юстиции и МПС. Несомненно, что совещания и комиссариаты создавались для обеспечения нормальной работы министерств и ведомств. Однако уже в дни Февральской революции они приступили к иной деятельности, а именно — к работе по реформированию различных сфер жизни ведомства и страны. Кроме этого, самим фактом своего существования, а также и некоторыми своими действиями комиссары способствовали развитию революции на местах.

Наиболее успешно действовал комиссар ВКГД в МПС А.А. Бубликов. Заняв МПС, он устранил ряд начальствующих лиц и провел новые назначения. А.А. Бубликов арестовал министра путей сообщения Э.Б. Кригер-Войновского и начальника Управления железных дорог С.М. Богашева. Начальником Северо-западных железных дорог, вместо убитого Ф.М. Валуева[3], был назначен В.С. Павловский[4]. Ю.В. Ломоносов вспоминал, что Бубликов предварительно переговорил с Павловским по телефону. О назначении Павловского «по дороге была дана соответственная депеша» за подписью И.Н. Борисова. Тот же Ломоносов писал, что начальник Службы движения Северо-западных железных дорог М.А. Берх «совершенно потерял голову», поэтому всю распорядительную власть пришлось временно возложить на помощника Берха — С.С. Лобанова[5].

В МПС был создан комиссариат[6], права и обязанности, которого, конечно, оформлены не были, так что он носил неофициальный характер.

28 февраля комиссар Бубликов установил свой контроль над Центральной телеграфной станцией МПС. Он распорядился допускать "к передаче по телеграфу депеши за подписью или за грифом следующих лиц": товари-

---

[1] РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Дополнительная опись к XVI т. печатных описей Государственного совета. Государственная канцелярия. Отделение личного состава и общих дел. 1917. Д. 2. Л. 2.

[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 783. ЛЛ. 38–40 об.

[3] *Бубликов А.А.* Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). С. 22.

[4] *Бубликов А.* По поводу воспоминаний о Февральской революции // Общее дело. (Париж). 1921. 29 марта.

[5] *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 232.

[6] По комиссариату путей сообщения // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 8 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

щей министра — И.Н. Борисова и Д.П. Козырева; помощников начальника Управления железных дорог — В.П. Рейслера, Л.А. Устругова и [Л.Н.] Бажанова; начальников Эксплуатационного отдела А.С. Тухина, Технического отдела [И.Я.] Маноса, Хозяйственного отдела [Е.П.] Иванова, Счетной части [Т.П.] Кунделекова; начальника Управления по сооружению железных дорог А.В. Ливеровского, а также Г.В. Лебедева и Ю.В. Ломоносова[1].

1 марта Ю.В. Ломоносов организовал Службу связи, которая обслуживала комиссара Бубликова. В нее, по словам Ломоносова, вошли три человека: Г.В. Лебедев и Э.Н. Рулевский, а с 2 марта — чиновник министерства Арапов (кадет). С середины дня 1 марта, стараниями Ломоносова, деятельную помощь оказывали службе связи около 20 студентов Института путей сообщения. Служба связи также обзавелась своим транспортом. В ее распоряжении оказалось три автомобиля — два с Николаевской железной дороги и один от Электрического общества 1886 г.[2]

Взятие под свой контроль Центральной телеграфной станции МПС позволило Бубликову начать рассылку по железным дорогам телеграмм, первой из которых стало воззвание к железнодорожникам, за подписью М.В. Родзянко (телеграмма Бубликова–Родзянко). В этом воззвании сообщалось о том, что старая власть «оказалась бессильной», а ВКГД, взяв в свои руки образование «новой власти»[3], призывает поддерживать «непрерывное движение поездов»[4].

Исследователи отмечают, что телеграмма Бубликова сыграла важную роль в революционизации страны. В.И. Старцев писал: «Во многих местностях России телеграммы Бубликова от 28 февраля явились первой весточкой о революции»[5]. В.Л. Харитонов считает, что она стала первым сигналом к началу революции на местах[6]. Например, В.С. Войтинский, находившийся в начале марта в Иркутске, вспоминал: «А всем населением Сибири бубликовская телеграмма была принята, как благая весть об избавлении от ненавистного общественного строя и вместе с тем как сигнал устранять старое начальство, брать в свои руки дело управления»[7]. Вместе с тем уточним, что это верно лишь в некоторых случаях, т.к. известны случаи задержания телеграммы Бубликова железнодорожным начальством.

---

[1] РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3807. Л. 4.

[2] *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 234.

[3] Кстати, это положение — взятие в свои руки образование новой власти — подтверждало решимость ВКГД исполнить постановление Совета старейшин от 27 февраля 1917 г. о том, что Государственная дума «примет живейшее участие» в упразднении «старой власти» и замене ее «новой».

[4] Обращение к железнодорожникам // Известия КПЖ. 1917. 28 февраля. № 2 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[5] *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава / Под ред. О.Н. Знаменского. Л., 1980. С. 51.

[6] *Харитонов В.Л.* Февральская революция в России (попытка многомерного подхода) // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 24.

[7] *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. Benson (Vermont), 1990. С. 8, 9.

Комиссар Бубликов также предпринял ряд шагов «к поддержанию и усилению движения на железных дорогах». По сообщению «Известий КПЖ», он послал в адрес Харьковского каменноугольного комитета телеграмму «с просьбой усилить погрузку угля»[1].

Меры, принятые Бубликовым, дали свой результат. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко 1 марта писал в телеграмме за № 113 генерал-адъютанту Н.В. Рузскому: «Сообщение по железным дорогам поддерживается тщательно и непрерывно»[2]. 2 марта в прессе сообщалось, что «движение на всех железных дорогах поддерживается нормально»[3].

Бубликов отдал распоряжения, направленные на обеспечение безопасности Петрограда. Он, по свидетельству Ю.В. Ломоносова, разослал телеграмму «о недопущении движения каких бы то ни было воинских поездов в районе 250 верст от Петрограда»[4]. В тексте этой телеграммы, опубликованной в газетах, речь шла о 200 верстах, ближе которых «ни один эшелон не должен быть пропущен» к Петрограду «иначе как с разрешения комиссара Гос[ударственной] Думы»[5]. Комиссар Бубликов также сыграл важную роль в противодействии карательной экспедиции генерала Н.И. Иванова. Он предпринял «срочные меры, чтобы поезд с генералом Ивановым был задержан в пути»[6]. Бубликов рассказывал, что он приказал прервать движение на одной железнодорожной ветке около Петрограда, когда к столице «приближался генерал Иванов со своим отрядом георгиевских кавалеров»[7].

Обеспечению безопасности новой власти должно было послужить телеграфное распоряжение Бубликова, разосланное по всем дорогам, «о прекращении приема шифрованных телеграмм», вне зависимости от того, какое ведомство отсылает депеши. По мнению прессы, распоряжение ставило своей целью «не допустить сторонников старого режима внести дезорганизацию в работу дорог и прекратить всякую попытку к провокационным выступлениям»[8]. На местах полностью это распоряжение Бубликова выполнено не было. В частности, Коалиционный комитет общественных организаций г. Омска отдал распоряжение местной почтово-телеграфной конторе прекратить прием и передачу шифрованных телеграмм, за исключением депеш почтово-телеграфного ведомства[9].

---

[1] В министерстве путей сообщения // Известия КПЖ. 1917. 2 марта. № 5 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 5. Л. 4.

[3] В министерстве путей сообщения // Известия КПЖ. 1917. 2 марта. № 5 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[4] *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 230.

[5] Движение воинских эшелонов // Южный край. (Харьков). 1917. 4 марта.

[6] Попытка ген[ерала] Иванова / Последняя почта // Вестник Пермского края. 1917. 12 марта.

[7] *[Бубликов А.А.]* Беседа с А.А. Бубликовым / В министерстве путей сообщения / К возобновлению деятельности министерств // Утро России. 1917. 5 марта.

[8] В частности это распоряжение было получено в Управлении Самаро-Златоустовской железной дороги (Воспрещение передачи шифрованных депеш / С железной дороги // Волжское слово. (Самара). 1917. 4 марта).

[9] РГИА. Ф. 1289. Оп. 11. Д. 729. Л. 1.

1 марта в МПС появился еще один комиссар ВКГД — А.А. Добровольский (кадет). Ломоносов отметил любопытную деталь: «Думой опубликован список для заведования министерствами. Бубликова в этом списке нет. Комиссаром путей сообщения назначен Добровольский». Несомненно, что этот факт говорил о том, что против Бубликова велась политическая игра, целью которой был пост министра путей сообщения. Расчет авторов комиссарского списка, вероятно, состоял в том, что Бубликов, обидевшись, оставит свою комиссарскую должность. Но Бубликов поступил иначе. Ломоносов вспоминал: «Долго они говорили о чем-то с Бубликовым, запершись в его кабинете. Как они (Добровольский и Бубликов. — *А.Н.*) поделили свои обязанности, осталось неизвестным<...>»[1]. В ведомственной же печати сообщалось о «разделении труда», которое «тотчас же установилось» между Бубликовым и Добровольским: «А.А. Добровольский занялся, главным образом, наблюдением за движением и подвозом продовольственных грузов к Петрограду, ежедневно сообщая Думе сведения по этому, чрезвычайно важному вопросу<...>». Подчеркнем, что все функции по наблюдению за работой МПС, а также распорядительные действия на местах остались за А.А. Бубликовым[2]. В некоторых случаях комиссары Бубликов и Добровольский совместно подписывали документы[3].

Достаточно активно действовали комиссар ВКГД в Министерстве финансов И.В. Титов. По свидетельству министра финансов П.Л. Барка, около 3 часов дня 1 марта в здании Министерства финансов проходило совещание комиссара ВКГД с тремя товарищами министра — А.И. Николаенко, В.В. Кузьминским и С.А. Шателеном[4]. Комиссар Титов поставил перед совещанием задачу восстановления работ финансового ведомства. На совещание были приглашены управляющий Государственного банка И.П. Шипов и представители частных банков, с которыми Титов сумел заключить предварительную договоренность об открытии кредитных учреждений при условии, что в банках будет установлена охрана. Кроме этого, комиссар Титов обратил внимание чинов Министерства финансов «на необходимость без замедления выдавать пайки семьям запасных, призванных на войну». Также Титов предложил проводить выплату процентов по купонам военных займов[5]. Второго марта в 4 часа дня представители частных банков были собраны в Большом зале Министерства финансов комиссаром И.В. Титовым для обсуждения некоторых вопросов в деятельности банков. Первым из них был вопрос о возобновлении деятельности банков, закрытых в 1 час дня 27 февраля «ввиду усиленной стрельбы»[6]. В ходе совещания представители банков заявили, что «они всецело подчиняют-

---

[1] *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 239.

[2] Революция и путейцы // Вестник Александровской железной дороги. Неофициальный отдел. 1917. 30 мая. № 10. С.72.

[3] Хроника Юго-Западных дорог // Вестник Юго-Западных железных дорог. 1917. 28 февраля. № 8. С.63.

[4] *Барк П.Л.* Указ. соч. С. 96–97.

[5] В министерстве финансов // Известия КПЖ. 1917. 2 марта. № 6 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[6] Банки в дни революции // Биржевые новости. 1917. 9 марта.

ся» ВКГД. Совещание постановило открыть все банки для производства операций 3 марта, т.к. комиссар утверждал, что «для охраны банков приняты все необходимые меры»[1]. Третьего марта в прессе было опубликовано объявление: «Государственный банк и все частные банки будут открыты сегодня, 3 марта, для производства всех операций от 11 ч. утра до 1 ч. дня»[2].

Комиссары ВКГД в Министерстве юстиции появились и действовали достаточно энергично. Они организовали комиссариат и проводили совещания с чинами ведомства. 1 марта 1917 г. в Министерстве юстиции комиссары ВКГД М.С. Аджемов, В.П. Басаков и В.А. Маклаков провели совещание с участием директоров департаментов. Председательствовал на нем Маклаков. В ходе совещания было принято решение «немедленно разработать законопроект о полной амнистии по политическим делам». Совещание решило, во-первых, возобновить деятельность судебных установлений через два дня, т.е. 3 марта, во-вторых, упразднить Межевое управление. Кроме этого выяснилось, что Тюремное управление «ввиду его разгрома не будет функционировать еще продолжительное время». Также началось реформирование работы Министерства юстиции — «чиновникам было предложено уничтожить канцелярскую волокиту». Комиссариат Министерства юстиции срочно приступил к выработке проекта указа об амнистии[3]. Второго марта комиссары В.А. Маклаков и М.С. Аджемов отдали ряд распоряжений. В частности, они приказали: немедленно разрешить свободный проезд членов с.-д. фракции IV Государственной думы из ссылки в Петроград; зачислить всех евреев-юристов в сословие присяжной адвокатуры; освободить всех политических заключенных, которые были заключены в тюрьмы «в порядке предварительного следствия»; не допускать «новых привлечений по политическим делам»[4]. Ряд документов, исходящих из Министерства юстиции, подписывал товарищ министра юстиции Н.А. Чебышев. Судя по всему, именно он, выполняя распоряжение комиссаров ВКГД, послал предписания военному губернатору в Иркутск и Енисейскому губернатору в Красноярск «о немедленном и полном освобождении» членов Государственной думы Г.И. Петровского, М.К. Муранова, А.Е. Бадаева, Н.Р. Шагова и Ф.Н. Самойлова (все большевики), которое затем было подтверждено министром юстиции А.Ф. Керенским[5]. Чебышев именовал себя заведующим Министерством юстиции[6].

Большую роль сыграли комиссары П.П. Гронский и А.С. Салазкин. Первого марта 1917 г. они взяли под свой контроль ПТА (ул. Почтамтская, д. 13), с

---

[1] Совещание представителей банков // Известия КПЖ. 1917. 2–3 марта. № 6–7 [Типография газеты «Русская воля»].

[2] [Объявление] // Известия КПЖ. 1917. 2–3 марта. № 6–7 [Типография газеты «Русская воля»].

[3] Законопроект об амнистии // Известия КПЖ. 1917. 2 марта. № 5 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»]; Накануне амнистии// Там же; В министерстве юстиции // Там же; Заседание в министерстве юстиции // Русское слово. 1917. 2 марта.

[4] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 161; Распоряжения по министерству юстиции // Известия КПЖ. 1917. 2–3 марта. № 6–7 [Типография газеты «Русская воля»].

[5] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 159; Первые распоряжения нового министра юстиции // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[6] РГИА. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2720. Л. 14.

целью организовать правильное осведомление провинции о происходящих в Петрограде событиях. На руках комиссары имели соответствующий приказ ВКГД[1]. Комиссары провели кадровые перестановки. В частности, уволили Ю.В. Александровского, который ранее занимал должность заведующего Отделом внутренних сообщений[2]. Видимо, это «увольнение» было проведено 1 марта 1917 г. Вместо Александровского вскоре был назначен А.В. Шпиганович[3].

Конечно, кадровыми перестановками комиссары Гронский и Салазкин не ограничились. По сообщению прессы, посовещавшись 1 марта с представителем Исполкома Петроградских журналистов, комиссары приняли решение о том, что ПТА будет «осведомлять только провинциальные газеты». Относительно Московской и Петроградской прессы, в ходе совещания пришли к выводу, что они «будут обслуживаться и впредь своими сотрудниками». Гронским и Салазкиным были составлены «циркулярные телеграммы с изложением всех событий за последние три дня и срочно переданы во все провинциальные газеты». Для больших городов, таких как Харьков, Одесса, Киев и Саратов составлены дополнительные агентские телеграммы, в которых события излагались чрезвычайно подробно[4]. Второго и четвертого марта в ПТА Гронский приезжал уже один, но с личной охраной из двух солдат[5]. Возможно, что его приезд в эти дни был связан с выпуском очередных телеграмм ПТА.

Появление агентских телеграмм на местах означало окончательный прорыв информационной блокады, которая сложилась в дни революции. Значение деятельности комиссаров ВКГД в ПТА по силе и мощи воздействия можно сравнить лишь с действиями комиссара Бубликова, отправившего по железнодорожному телеграфу телеграмму о взятии власти в руки ВКГД. Бюллетени ПТА способствовали росту революционного движения и быстрой победе революции в провинции.

Комиссар над Главным управлением почт и телеграфов К.К. Черносвитов приступил к своим обязанностям 1 марта. В этот день М.В. Родзянко приказал К.К. Черносвитову «беспрепятственно принимать телеграммы от Посольства Французской Республики и доставлять таковые, адресованные ему же»[6]. Второго марта Черносвитов отдал приказание за № 19244 коменданту почт и телеграфов подпоручику Манцевичу организовать охрану электрической станции ГУПиТа. В этот же день охрана электростанции была организована, о чем Манцевич доложил 2 марта комиссару Черносвитову[7]. Третьего марта в

---

[1] Телеграфное агентство в руках Исполнительного Комитета // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 (веч. вып.) [Типография газеты «Речь»].

[2] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1160. Л. 132.

[3] 7 марта 1917 г. А.В. Шпиганович уже был заведующим Отделом внутренних сообщений (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1169. Л. 16).

[4] Телеграфное агентство в руках Исполнительного Комитета // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»].

[5] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1216. Л. 155.

[6] Там же. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. Л. 17; Д. 28. Л. 3.

[7] Там же. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2720. Л. 15.

ответ на жалобу почтово-телеграфных чиновников Новороссийской конторы, Черносвитов приказал доставить по адресату агентские депеши с распоряжениями Комитета Государственной думы[1]. Комиссар Почтамта А.А. Барышников 1 марта выступил с обращением к почтово-телеграфным служащим, в котором призвал их: «Будьте все на своих местах, работайте не только как прежде, но приложите все свои старания, чтобы то великое дело, как почтово-телеграфное, не замедлилось ни на минуту»[2]. Это воззвание стало известно не только в Петрограде, но и было разослано во все местные почтово-телеграфные конторы[3].

Комиссар Барышников уделял внимание вопросу об улучшении материального положения чиновников и служащих почтамта. По словам почт-директора Н.Н. Менделеева, перед комиссаром Барышниковым в день вступления его должность, т.е. 1 марта, некоторыми экспедиторами Петроградского почтамта «были возбуждены ходатайства о повышении всех чиновников вверенных им экспедиций в следующие разряды, а нижних служителей в окладах». Барышников дал свое согласие на повышение чиновников Почтамта в разрядах, а служителей в окладах. Правда, это согласие комиссара осталось только «на бумаге». Вопрос о повышении разрядов и окладов был передан министру внутренних дел[4]. Почт-директор Н.Н. Менделеев также поднял перед комиссаром Барышниковым вопрос об увеличении штата чинов Петроградского почтамта[5]. Комиссар Барышников на черновом представлении по этому вопросу поставил резолюцию: «Прошу о немедленном приведении в исполнение». Но вплоть до 14 марта 1917 г. увеличения штатов не произошло[6].

Комиссар ВКГД в Осотопе В.А. Виноградов, по сообщению газет, 1 марта разослал телеграммы на места уполномоченным по топливу с требованием принять все зависящие меры «к продолжению текущей работы»[7].

Комиссар ВКГД И.В. Годнев приступил к деятельности в Сенате 1 марта[8]. Он, по сообщениям прессы, принимал меры к тому, чтобы Сенат «опубликовал все распоряжения новой власти»[9].

Вечером 1 марта в Государственную типография прибыл комиссар М.Л. Киндяков и предъявил приказ о своем назначении за подписью

---

[1] РГИА. Ф. 1289. Оп. 12 Д. 455. ЛЛ. 26, 27.

[2] Вести и слухи // Почтово-телеграфное эхо. 1917. 7 марта. № 1(8). С. 13.

[3] *[Барышников А.А.]* Обращение к почтово-телеграфным служащим // Бессарабская жизнь. 1917. 4 марта (Кишинев); См. также: Обращение комиссара А.А. Барышникова // Трудовая газета. 1917. 5 марта (Николаев); В городе // Кавказское слово. 1917. 4 марта (Тифлис).

[4] РГИА. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 3050. Л. 14.

[5] Дело состояло в том, что еще 23 декабря 1916 г. за № 4227 Менделеев ходатайствовал перед начальником ГУПиТа «о добавлении в штат Почтамта для правильной постановки дела двух должностей экспедиторов, 817 должностей чиновников»

[6] РГИА. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 3050. ЛЛ. 12, 12 об.

[7] Телеграмма на имя губернатора // Пензенские губернские ведомости. 1917. 3 марта.

[8] См. о назначении Годнева: Казанец — министр Временного правительства / Вст. ст. и док. подг. С. Малышева // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 1999. № 1–2. С. 277.

[9] Накануне амнистии // Известия КПЖ. 1917. 2 марта. № 5 [Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»]; Опубликование распоряжений новой власти / В Петрограде / Дни революции // Утро России. 1917. 3 марта.

М.В. Родзянко. Служащие и рабочие Государственной типографии, по словам Г.Г. Ходунова[1], заявили «о полном подчинении Временному Правительству». Киндяков распорядился набрать и отпечатать воззвание к солдатам за подписями М.В. Родзянко и А.И. Гучкова. Набор воззвания был произведен, но отпечатать его утром 2 марта не удалось, т.к. рабочие приостановили выход воззвания из-за отсутствия «разрешения со стороны Совета Рабочих Депутатов»[2].

2 марта комиссар ВКГД Д.Д. Гримм появился в Мариинском дворце, где в этот же день провел совещание с чинами Государственной канцелярии. В нем приняли участие товарищ государственного секретаря Н.Ф. Дерюжинский, генерал-лейтенант П.А. Шевелев, статс-секретари М.Н. Головин, М.И. Неклюдов, Г.Э. Блосфельдт, П.О. Морозов, помощники статс-секретаря барон А.Э. Нольде, барон А.А. Пилар фон Пильхау, П.Н. Юматов и А.Г. Сергеенко, старший делопроизводитель Государственной канцелярии А.Н. Срединский, и управляющий делами Совета министров И.Н. Лодыженский[3].

Собравшиеся чиновники обсудили ряд насущных вопросов, которые были, видимо, сформулированы комиссаром Гриммом. Затем совещание постановило: 1) заготовить пропуски для чинов Канцелярии и служащих Мариинского дворца; 2) просить директора Департамента Государственного казначейства П.Н. Кутлера «об отпуске из казны на покрытие текущих потребностей Гос[ударственной] Канц[елярии] и других учреждений, расположенных в Мариинском дворце, 30 т[ысяч] р[ублей] на текущий счет в Гос[ударственном] Банке для выдачи по чекам за подписью П.А. Шевелева»; 3) «усилить охрану Дворца до 21 чел[овека] с офицером во главе»; 4) «просить об охране Архива Гос[ударственного] Совета и отдельно дома Государственной Канцелярии»; 5) «войти в сношение» с комиссаром Главного почтамта (т.е. с А.А. Барышниковым. — *А.Н.*) по вопросу о почтальонах, служащих при Государственной канцелярии. В частности, предполагалось просить Барышникова о предоставлении этим почтальонам «средств передвижения»[4].

3 марта комиссар Гримм провел следующее совещание с чинами Государственной канцелярии, в ходе которого сообщил присутствующим о создании Временного правительства, «о необходимости содействия Правительству исполнением своих обязанностей». Совещание уделило внимание охране Мариинского дворца. Выяснилось, что она «состоит из унтер-офицерского караула, 12 нижних чинов и 4 матросов, поставленных на крыше здания»[5]. В ходе совещания 3 марта внимание вновь было уделено организации пропускного режима.

На этом же совещании были приняты решения об устранении последствий разгрома, учиненного в Мариинском дворце в дни революции: починить

---

[1] РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1189. Л. 160 об.

[2] Там же. Л. 172, о каком воззвании идет речь, установить не удалось.

[3] Там же. Оп. 2. Дополнительная опись к XVI т. печатных описей Государственного совета. Государственная канцелярия. Отделение личного состава и общих дел. 1917. Д. 2. Л. 1.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 2.

телефоны, вставить разбитые окна[1]. Конечно, сразу же привести все в порядок было нельзя. В. Булгаков, побывавший у здания Мариинского дворца 4 марта, вспоминал: «все стекла в дверях главного подъезда выбиты»[2].

Пожалуй, важнейшим было постановление, согласно которому предполагалось предоставить членам Государственного совета собираться в Мариинском дворце. Также было решено для членов Государственного совета открыть главный подъезд. С этого же подъезда должны были проходить в Мариинский дворец чиновники Государственной канцелярии и Канцелярии Совета министров[3].

Комиссар Е.П. Ковалевский вступил в управление Министерством народного просвещения 2 марта. В этот день он провел совещание с чинами МНП, на котором присутствовали товарищи министра, директора и вице-директора департаментов Общих дел и Народного просвещения, управляющие Отделом промышленных училищ и Управления пенсионной кассы учителей и учительниц народных училищ, помощник управляющего Отделом промышленных училищ, и.о. юрисконсульта МНП, начальник Архива, председатель и члены Ученого комитета, управляющий Петроградским учебным округом, директор народных училищ Петроградской губернии, заведующие разрядами департаментов Общих дел и Народного просвещения.

Ковалевский огласил приказ ВКГД о назначении его комиссаром по МНП (п. 1). После этого совещание приступило к рассмотрению различных вопросов. Сначала было принято решение о выдаче чинам МНП удостоверений за подписью комиссара и печатью Государственной думы «на право жительства в Петрограде и свободе от арестов и обысков» (п. 2). Далее был рассмотрен вопрос об охране учреждений МНП и учебных заведений, в ходе которого было принято решение «учредить по соглашению с совещанием по устройству городской милиции самоохрану». Делегатами в совещание по устройству милиции были направлены А.А. Остроумов, П.Ф. Ситаневич и П.М. Кривошеин «для ознакомления с порядком организации и установления отличительных знаков милиционеров» (п. 3). Совещание также подвергло обсуждению вопрос о возобновлении занятий в учебных заведениях и в самом министерстве. В высших учебных заведениях этот вопрос должны были решить Советы в университете и институтах. В средних учебных заведениях предполагалось начать занятия с 6 марта при условии возобновления трамвайного движения. Но окончательное решение этого вопроса передавалось педагогическим советам учебных заведений (п. 5). Что касается занятий в самом министерстве, то говорилось о желательности возобновить их «немедленно, для производства текущих дел» (п. 6). Совещание приняло меры для улучшения материального положения служащих МНП. Оно решило просить Потребительское общество «открыть служащим кредит» (п. 7). Был также рассмотрен вопросы: об охране

---

[1] РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1189. Л 2.

[2] *Булгаков Вал.* Революция на автомобилях (Петроград в феврале 1917 г.) // На чужой стороне. Прага, 1924. Кн. 6. С. 41.

[3] РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Дополнительная опись к XVI т. печатных описей Государственного совета. Государственная канцелярия. Отделение личного состава и общих дел. 1917. Д. 2. Л. 2.

документов Управления пенсионной кассы учителей и учительниц народных училищ (п. 8) и установлении воинской охраны МНП. Совещание решило «просить назначить для охраны воинскую команду на три смены в 8 человек каждую» (п. 10). Ковалевский опасался, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов предпримет попытку установить свой контроль над МНП. Поэтому совещание записало в протокол следующее решение: «В случае предъявления со стороны представителей Совета каких-либо требований, просить предъявления приказов за подписью члена Думы Керенского (п. 9)»[1].

Видимо, 2 марта С.В. Востротин приступил к своим комиссарским обязанностям. Он вспоминал, что, придя в Министерство земледелия, выяснил, что на месте нет ни министра земледелия А.А. Риттиха, ни главноуполномоченных Г.В. Глинки и С.Н. Ленина, «налицо были только руководители канцелярии». Ознакомившись с положением продовольственого дела, Востротин признал его трагическим. По его словам, «в распоряжении канцелярии находились сотни телеграмм с требованием о немедленной подачи хлеба не только в поребительские районы и города <...> но и настойчивые требования о подаче хлебных продуктов и от разных участков расположения армии на фронте». Он утверждал, что некоторые части армии сообщали о наличии запасов только на 2–3 дня, а другие доводили до сведения, что «они приступили к расходованию своих последних запасов сухарей». Востротин писал: «Удовлетворить эти безотложные нужды можно было лишь ускорением передвижения продовольственных поездов, находившихся уже на путях жел[езных] дорог и двигавшихся от места погрузки к фронту». Комиссар Востротин немедленно вступил в телеграфные переговоры с местными заготовительными органами «с требованием скорейшей погрузки имевшихся запасов и отправки их в направлении наиболее нуждающихся участков». Одновременно с этим Востротин обратился за содействием к комиссару А.А. Бубликову, с которым вступил «в усиленную телефонную связь». Как выяснилось, передвижение продовольственных поездов тормозилось снежными заносами. Поэтому Востротин пошел на крайнюю меру. Он вспоминал: «Чтобы обеспечить части армии, находившиеся в критическом положении, пришлось прибегнуть к немедленной отправке нескольких специальных маршрутных поездов, погрузив на них продовольствие из запасов, имевшихся в то время в Петрограде»[2].

3 марта комиссар Н.Н. Львов, прибыв в Дирекцию императорских театров, сделал распоряжение о функциональных обязанностях В.А. Теляковского, о чем был составлен акт, подписанный Львовым и скрепленный секретарем при председателе Государственной думы В.Н. Садыковым[3]. В этот же день Н.Н. Львов принял участие в собрании представителей трупп всех казенных театров, а также рабочих и служащих театров. По сообщению

---

[1] *Николаев А.Б.* Источники по истории института комиссаров Временного комитета Государственной думы в марте 1917 г. (по материалам РГИА) // Исследования источников по истории революции 1917 года. Сб. научн. ст. / Под ред. В.И. Старцева. СПб., 1996. С. 21, 22.

[2] *Востротин С.В.* Продовольственный вопрос во время великой войны и революции. С. 142, 143.

[3] РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 2.

прессы, «присутствовавшие восторженно встретили думского комиссара»[1]. Н.Н. Львов выступил с речью, в которой объявил о переименовании императорских театров в государственные[2]. По словам В.Ф. Безпалова, комиссар Львов «обратился ко всем с просьбой продолжать служить искусству и быть друзьями новой свободной России». Свое выступление Львов «закончил призывом как можно скорее стать на работу, т.е. снова начать регулярные спектакли». Безпалов заметил, что «обе стороны остались довольны первой встречей»[3].

По распоряжению Н.Н. Львова на «дверях казенных театров вывешено объявление, что спектакли впредь до особого разрешения отменяются»[4]. Тем самым Н.Н. Львов лишь официально оформил положение, сложившееся в предшествующие дни. Речь идет о том, что в связи с революционными событиями спектакли в императорских театрах не давались[5]. Кроме этого, как писало «Русское слово», Львов издал следующий приказ, который был вывешен на входах всех театров: «По повелению врем[енного] комитета Государственной Думы, вход в здание сие воспрещен. Какие-либо аресты, выемки, осмотры бумаг могут делаться не иначе, как по распоряжению комиссара, члена Государственной Думы Н.Н. Львова. За нарушение сего приказа виновные подвергаются строжайшему наказанию»[6].

В дни революции комиссар Ф.И. Родичев появился в Статс-секретариате по делам Великого княжества Финляндского. Он оставил краткие воспоминания о своей деятельности на посту комиссара: «Я поехал в помещение финляндского секретариата. Там делопроизводитель встретил меня как ни в чем ни бывало и сразу стал докладывать о текущих делах. Ничего важного. Послали в Тобольск об освобождении тальмана [П.Э.] Свинхувуда[7]». Комиссара Родичева заинтересовало финансовое положение Статс-секретариата: «—"В каком положении касса?" Тут я узнал, что николаевский министр в Финляндии [В.И.] Марков, кажется, взял себе ссуду в 40 000 руб. из особого капитала на помощь финляндцам». Родичев попытался вернуть эти деньги, но Марков отказался это сделать, сославшись на то, что срок возвращения ссуды еще не подошел[8].

---

[1] 3-го марта в Александринском театре / Собрание в Александринском театре // Русское слово. 1917. 6 марта.

[2] Приказ за № 19 — «наименовать впредь императорские театры Государственными театрами» — был подписан Н.Н. Львовым, как пишет П.Н. Гордеев, не позднее 6 марта 1917 г. (*Гордеев П.Н.* Февральская революция и Министерство двора. С. 42. См. также: РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 4).

[3] *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 28, 29.

[4] Отмена спектаклей и особый приказ // Русское слово. 1917. 6 марта.

[5] Директор императорских театров В.А. Теляковский писал, что «последний до революции спектакль состоялся в императорских театрах 26 февраля» (*Теляковский В.А.* Воспоминания. 1898–1917. Пб., 1924. С. 329).

[6] Отмена спектаклей и особый приказ // Русское слово. 1917. 6 марта.

[7] *П.Э.* Свинхувуд за сопротивление политике русификаторства, которую проводило царское правительство, в 1914 г. был выслан в Сибирь.

[8] *Rodichev F.I.* Vospominania i ocherki o russkom liberalisme / Edited, Annotated, and Introduced by K.E. McKenzie (Текст рус. — Предисл. и примеч. англ.). Newtonville (Ma), 1983. С. 104–105.

Деятельность комиссаров ВКГД как руководителей правительственных учреждений окончилась с вступлением в должность министров Временного правительства.

Власть думского Комитета в столицах и провинции

Думский комитет не ограничился посылкой комиссаров в государственные учреждения. Он также принял участие в разрешении вопроса о власти в Петрограде и в пригородах. 1 марта ВКГД назначил Петроградским общественным градоначальником профессора Военно-медицинской академии В.А. Юревича[1]. 2 марта Временный комитет Думы утвердил временного городского голову г. Петрограда Ю.Н. Глебова[2]. В дни Февраля 1917 г. вопрос о взаимоотношении между Общественным градоначальством и Петроградским городским самоуправлением не выяснялся.

Характерной особенностью решения вопроса о власти на городском уровне в Петрограде выступало думско-советское сотрудничество, реализуемое через согласования полномочий властных лиц. По сообщению «Биржевых ведомостей», Юревич, назначенный ВКГД, вступил в управление Петроградом «с согласия Совета рабочих и солдатских депутатов»[3].

Вопрос о власти на районном уровне исследователи рассматривали, опираясь на утверждение А.Г. Шляпникова, согласно которому этот «уровень» был в сфере советского влияния. Шляпников писал: «Установилось неписаное соглашение, в силу которого Временный комитет посылал своих уполномоченных (комиссаров, эмиссаров) во все центральные правительственные учреждения, а ИК Совета делегировал своих комиссаров для связи с районами, рабочими организациями и воинскими частями»[4]. А.А. Демьянов придерживался схожих взглядов[5].

В действительности все обстояло несколько сложнее, чем утверждали Шляпников и Демьянов. 27 февраля в ходе общего собрания Петроградского Совета рабочих депутатов было выбрано 10 эмиссаров для организации районных отделений Совета[6]. В сообщении об общем собрании Совета речь шла об эмиссарах, а в воззвании «К населению Петрограда и России» уже говорилось о том, что «Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда»[7]. Скорее всего, слово «комиссар» было

---

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. Л. 24; ФЛ РНБ. VII/24.

[2] Там же. Л. 65.

[3] *Л.Г.* Общественное градоначальство // Биржевые ведомости. 1917. 6 марта (веч. вып.).

[4] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1994. Т. 3. С. 440.

[5] *Демьянов А.А.* Записки по поводу значения Советов рабочих депутатов, значения дисциплины, об офицерстве, дело Корнилова и прочее // ГА РФ. Ф. 6632. Оп. 1. Д. 17. Л. 19.

[6] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С.22.

[7] Там же. С. 21.

заимствовано из практики думского Комитета[1]. Важно отметить и то, что сначала Петроградский Совет предполагал создать районные Советы по своему образцу, но затем отказался от этой мысли, ограничившись организацией на местах районных комитетов. Не остался в стороне и думский Комитет, но об этом мы скажем ниже.

Функционал советских уполномоченных (эмиссаров/комиссаров) современники обозначали по-разному: 28 февраля на заседании Совета Б.О. Богданов отмечал, что накануне комиссары назначались для связи с районами[2]; Н.Н. Суханов писал, что они направлялись «для руководства водворения порядка и борьбой с анархией и погромами»[3]; А.А. Демьянов же вспоминал, что комиссары выполняли функции начальников «новых полицейских частей»[4]; А.Г. Шляпников утверждал, что они назначались «для установления народной власти в районах Петрограда» и «обязаны были образовать районные комитеты»[5]. Петроградский общественный градоначальник В.А. Юревич в своем первом объявлении к гражданам вполне определенно указал, что в городе учреждаются «районные гражданские комитеты с комиссарами для охраны порядка и продовольствия»[6].

Подчеркнем, что среди документов Петроградского Совета, опубликованных и архивных, списка районных комиссаров выявить не удалось. Современники вспоминали только о трех из них: А.Г. Шляпников (большевик), А.В. Пешехонов (энес) и С. Сурин (эсер, направлен в Лесной район, вскоре разоблачен как провокатор)[7]. А.А. Демьянов писал в своих воспоминаниях, что он тоже был комиссаром в Литейной части[8].

Относительно времени вступления в должность районных комиссаров полной ясности нет. Но 28 февраля на заседании Совета Ю.М. Стеклов заявил, что ничего еще Исполнительный комитет «не успел осуществить»[9]. Судя по всему, организационная работа комиссаров началась во второй половине дня — вечером 28 февраля 1917 г. Но для нее, как подчеркнул 1 марта Н.Д. Соколов, нужны были «известные связи и опыт»[10]. Инструментом создания «связи и опыта» выступил институт комиссаров с двойными полномочиями — от ВКГД и Петроградского Совета, который начал формироваться в дни Февральской революции.

А.В. Пешехонов, назначенный Петроградским Советом рабочих депутатов комиссаром Петроградской стороны, счел необходимым «зайти в Исполни-

---

[1] *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* К вопросу об организации власти в феврале–марте 1917 г. С. 136.

[2] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 30.

[3] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 93.

[4] *Демьянов А.* Моя служба при Временном Правительстве // Архив русской революции: в 22 тт. Изд. И.В. Гессеном. М., 1991. Т. 2. Кн. 4. С. 60.

[5] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. Кн.1–2. С. 132.

[6] ФЛ РНБ. VII/24.

[7] *Шляпников А.Г.* Указ. соч.

[8] *Демьянов А.* Указ соч.

[9] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 26.

[10] Там же. С. 48.

тельный комитет Государственной думы, чтобы получить от него полномочия». Полномочия ему были даны и, опираясь, в том числе и на них, он сумел наладить работу комиссариата.

Петроградский градоначальник В.А. Юревич высоко оценивал вклад в организацию нормальной жизни С.Г. Сватикова, который действовал по поручению ВКГД и Петроградского Совета в районе Технологического института[1]. Успешная деятельность Сватикова привела к тому, что он был назначен помощником общественного градоначальника по гражданской части и уже 1-го марта приступил к своим обязанностям[2].

В Литейном районе было учреждено объединенное управление комиссариата и Городской милиции (Литейный пр., д. 10) «по соглашению с исполнительными органами Временного комитета Думы и Совета рабочих депутатов». Обращение комиссариата и Городской милиции к гражданам датировано 2 марта. Но, судя по названию одного из учредителей этого органа — «Совета рабочих депутатов», — можно указать другую датировку, а именно: 28 февраля — 1 марта. Возглавляли объединенное управление комиссариата и Городской милиции Литейного района комиссары А.А. Демьянов, Н.М. Матвеев, П.М. Могилянский и А.Д. Дурдин[3]. А.А. Демьянов вспоминал о своей деятельности: «Комиссаром я был очень недолго. За это короткое время особых событий в комиссариате не произошло никаких. Но работы там было пропасть и самой разнообразной»[4]. Думается, что деятельность объединенного управления Литейного района не ограничивалась исключительно вопросами охраны общественного порядка и милиционного строительства.

Такое же объединенное управление комиссариата и Городской милиции было учреждено, как сообщалось в прессе, по соглашению между ВКГД и Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и в Рождественском районе. В функции этого органа входила охрана порядка и решение вопросов общественно-административного характера[5]. Функционал этого комиссариата выходил за рамки как органа самоуправления, так и милиционной структуры[6]. Во главе Рождественского района стоял комиссар «Комитета Государственной Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов» А.В. Трупчинский, двойные полномочия имел также помощник комиссара[7].

---

[1] Беседа с общественным градоначальником // Вечернее время. 1917. 6 марта; *Маркедонов С.М.* С.Г. Сватиков — историк и общественный деятель. Ростов-на-Дону, 1999. С. 33.

[2] *Маркедонов С.М.* 1) С.Г. Сватиков — историк и общественный деятель. С. 33; 2) Царский политический сыск: мифы и реальности (С.Г. Сватиков — разоблачитель тайной полиции) // Клио. 2000. № 1(10). С. 236.

[3] Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 315; ОПИ ГИМ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 162. Л. 3; ФЛ РНБ. VII/12.

[4] *Демьянов А.* Моя служба при Временном правительстве... С. 60.

[5] От Комиссариата и Управления Городской милиции Рождественского района // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 марта.

[6] Комиссия по обследованию Петроградской городской милиции 4 июня 1917 г. постановила: «Принять меры к прекращению присвоения I Рождественским комиссариатом функций судебной власти» (ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 3. Д. 154. Л. 146).

[7] ЦГИА. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 430. ЛЛ. 55, 60, 61.

На первый взгляд, иначе дело обстояло в Шувалово-Озерковском районе. Эсер М.А. Ратов, живший в Шувалово, вспоминал, как утром 28 февраля к нему приехала М.Н. Фалькнер-Смитт и предложила поехать с ней в Петроград. В 2 часа дня они добрались до кинотеатра «Элит», где уже расположился комиссар Петроградского района А.В. Пешехонов. Получив от него записку в Исполнительный комитет Петроградского Совета и автомобиль, Ратов и Фалькнер-Смитт отправились в Таврический дворец, где сумели передать записку Пешехонова в Исполком Совета. Ратов вспоминал: «К нам вышел зам[еститель] председателя Совета меньшевик Гвоздев. Тов[арищ] Фалькнер рекомендовала меня "как надежного и смелого товарища". Гвоздев <...> сказал, что меня назначат комиссаром Шувалово-Озерковского района». Через некоторое время он вынес мандат Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих депутатов, напечатанный на машинке и без штампа, следующего содержания: «Поручается Михаилу Александровичу Ратову организовать гражданскую милицию в местности Шувалово-Озерки и Первое Парголово». Мандат подписал за председателя Совета рабочих депутатов К.А. Гвоздев. В этом документе нет указаний на получение Ратовым комиссарских полномочий. Но Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, обращаясь к Ратову с официальными бумагами, именовал его комиссаром. Тогда же, т.е. днем 28 февраля, он получил мандат и от советско-думской Продовольственной комиссии для организации продовольственного дела во вверенном ему районе[1]. Иначе говоря, комиссар Ратов обладал двойными советско-думскими полномочиями пусть и по одному, но крайне важному тогда вопросу — продовольственному.

Других районных комиссаров, имевших думско-советские или советско-думские полномочия, выявить не удалось. Но даже приведенные выше факты заставляют предположить, что и остальные районные комиссары Петроградского Совета рабочих депутатов могли иметь советско-думские полномочия, хотя бы для решения продовольственного вопроса. В пользу нашего утверждения говорит объявление Петроградского общественного градоначальника за № 2, в котором содержится указание на то, что районные комиссары являлись уполномоченными «от Комитета Государственной Думы и Совета рабочих депутатов»[2]. И в этом объявлении, и в документах, посвященных созданию объединенных управлений комиссариатов и Городской милиции, на первом месте среди учредителей районных комиссариатов стоял ВКГД, а не Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, что свидетельствовало о некотором преимуществе (пусть и формальном!) думского Комитета над Советом в вопросе об организации власти на районном уровне.

Власть думского Комитета распространялась отчасти и на Кронштадт. Вопрос о думском контроле над ним был поднят вечером 1 марта. В это время в

---

[1] *[Ратов М.А.]* Воспоминания комиссара Парголово-Шувалово-Озерковского района М.А. Ратова (28 февраля — 14 апреля 1917 г.) / Публикация, вст. статья, коммент. А.Б. Николаева // История Петербурга. 2008. № 6 (46). С. 89, 90.

[2] ФЛ РНБ. VII/25.

Таврический дворец вернулись из своей командировки в Кронштадт, заехав на обратном пути и в Ораниенбаум, В.Н. Пепеляев и С.А. Таскин. Они сообщили «отдельным членам» ВКГД о положении дел в Кронштадте. Затем В.Н. Пепеляев и прибывшие из Кронштадта делегаты 1-го Балтийского экипажа встретились с А.И. Гучковым. Пепеляев сделал более подробный доклад о Кронштадте. Позднее Пепеляев рассказывал: «По мнению моему, и особенно делегаты на этом настаивали, необходимо было как можно скорее назначить именем Государственной Думы в Кронштадт коменданта. <...> Гучков предложил занять эту должность мне». Пепеляев обратился к П.Н. Милюкову за советом по этому вопросу. Милюков заявил Пепеляеву: «Время такое, что нужно приносить себя в жертву». Только после этого Пепеляев дал Гучкову согласие на занятие комиссарской должности. Пепеляев рассказывал: «Мы условились с делегатами, что они приедут на другой день в 12 час[ов], и мы вместе поедем в Кронштадт»[1]. Можно утверждать, что вечером 1 марта Пепеляев получил назначение в Кронштадт.

1 марта в Царское Село выехали комиссары И.П. Демидов и В.А. Степанов (кадеты)[2]. И.С. Розенталь указывает, что они были направлены П.Н. Милюковым и М.В. Родзянко, чтобы «установить контроль над гарнизоном с помощью тех же методов идейной обработки солдатских масс, к каким прибегали буржуазные лидеры в Петрограде»[3]. Комиссары ВКГД И.П. Демидов и В.А. Степанов 1 марта приняли участие в создании местного органа власти в Царском Селе. Демидов вспоминал: «После объезда казарм мы вернулись опять в ратушу. В ней почти уже не осталось народа. Нас ждали только офицеры посоветоваться о создании какого-либо единого военного органа. Решили избрать коменданта, что и было приведено в исполнение»[4]. И.С. Розенталь указывает, что Демидов и Степанов участвовали в образовании «“Временного комитета” из 6 гражданских представителей и 6 — от гарнизона во главе с командиром 4-го стрелкового полка [К.А.] Вейсом». Долго на этой должности он не продержался, т. к. вскоре был арестован солдатами[5].

Значительно меньше потребовалось усилий со стороны ВКГД для установления новых порядков в Петергофе. 1 марта избранный гражданами Петергофа Временный комитет Общественной безопасности направил во Временный комитет Государственной думы обращение, в котором выражал чувства благодарности Временному правительству и Государственной думе «за решительные шаги к возрождению России». Петергофский КОБ просил Временное

---

[1] *[Пепеляев В.Н.]* 1) 27 мая 1917 г. Доклад В.Н. Пепеляева о положении дел в Кронштадте // Буржуазия и помещики в 1917 году. С.75; 2) [Доклад] / Частное совещание членов Государственной думы 27 мая 1917 г. // Государственная дума. Известия Временного комитета. 1917. 1 июня. № 8; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 295. Л. 103.

[2] *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль-март 1917 г.): персональный состав // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1995. Вып. 5. С. 59, 67.

[3] *Розенталь И.С.* Гарнизоны пригородов Петрограда в Февральской революции // Революционное движение в русской армии в 1917 году. Сб. ст. / Ред кол.: И.И. Минц (отв. ред.) и др. М., 1981. С. 159.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 159, 161.

правительство поддержать его моральной и военной силой, а также прислать в Петергоф «своего представителя для упрочения значения комитета безопасности в глазах местного населения». Кроме этого, КОБ указал, что он «действует в полном согласии с начальником местного гарнизона генералом Михеевым». Это обращение из думского Комитета было направлено главе Временного правительства кн. Г.Е. Львову. Однако он вернул ее с резолюцией: «Послать бумагу об утверждении Комитета Временным Комитет[ом] Гос[ударственной] Думы»[1]. 2 марта Комитет Думы утвердил Петергофский КОБ и поручил ему «принимать все необходимые меры к поддержанию порядка и спокойствия»[2].

В ночь с 1 на 2 марта ВКГД командировал в Лугу депутата Ю.М. Лебедева (кадет)[3]. Прибыв в Лугу в 9 часов утра 2 марта с экстренным поездом, он уделил особое внимание созданию местного органа власти, способного поддерживать порядок в Луге. Лебедев предложил создать новый военный комитет, взамен состоявшего только из представителей автомобильной роты. Н.В. Воронович писал: «Выборы нового комитета состоялись наспех и самым оригинальным способом. Лебедев предложил избрать 12 человек — 6 от офицеров и 6 от солдат, причем сам же начал намечать кандидатов». Председателем комитета был избран генерал А.А. Беляев — брат военного министра. После выборов Лебедев объявил Лужский военный комитет «единственной законной властью в Луге, которой должны беспрекословно подчиняться все военные и гражданские учреждения». Лебедев подчеркнул, что Лужский комитет должен признавать лишь ВКГД и «ту верховную власть, которой Государственная дума передаст управление страной». Власть Лужского военного комитета как органа подчиненного ВКГД просуществовала до вечера 2 марта, когда под давлением представителей автомобильной роты генерал Беляев «дал торжественное обещание обратить военный комитет в послушное орудие Петроградского Совета». Военный комитет прекратил свое существование с созданием Совета солдатских и офицерских депутатов и его Исполнительного комитета вечером 3 — в ночь на 4 марта 1917 г.[4]

Таким образом, ВКГД сумел взять под свой контроль Петроградские городские органы власти, начал распространять свое влияние на пригороды и Петроградскую губернию. При этом он или действовал самостоятельно, или в сотрудничестве с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. В последнем случае в практику политической жизни вводились комиссары с двойными (советско-думскими) полномочиями и создавались советско-думские Комиссариаты, в пригородах же, где стояли воинские части, распространение получили создаваемые при активном участии ВКГД временные органы

---

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1246. Л. 2.

[2] ЦГИА. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 430. Л. 64.

[3] *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль–март 1917 г.). С. 59, 62, 67.

[4] *Воронович Н.В.* Записки председателя Совета солдатских депутатов // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. / Сост., послесл., примеч. С.М. Исхакова. М., 1991. С. 317–324.

власти, основанные на коалиционном принципе, назначались военные коменданты.

На провинциальном уровне ВКГД сумел создать для себя преимущественные позиции. Они достигались деятельностью М.В. Родзянко, А.А. Бубликова и П.П. Гронского, а также и других комиссаров ВКГД в правительственных учреждениях, которые, рассылая телеграммы, внушали гражданам России мысль об особой роли Государственной думы в революции. В ответ на эти телеграммы с мест шли поздравления в адрес думского Комитета, Государственной думы, ее председателя и депутатов. Среди отправителей этих телеграмм были представители рабочих, крестьян, служащих и т.д. Губернаторы, еще сохранившие свою власть[1], и органы местного самоуправления[2] заявляли о признании власти Временного комитета Думы и о готовности подчиняться всем его распоряжениям.

Не довольствуясь этим, ВКГД начал посылать своих комиссаров в Москву и провинцию. Проводя эту политику, Временный комитет Думы учитывал просьбы с мест о командировании комиссаров Государственной думы для разрешения различных проблем, возникших в связи с революционными событиями[3].

Назначение комиссаров ВКГД в Москву и в провинцию началось уже с 28 февраля. В этот день член Государственной думы М.М. Новиков (кадет) предложил ВКГД свои услуги. Новиков вспоминал: «Меня сейчас же назначили первым комиссаром Временного правительства[4] с поручением поехать в Москву, сделать там официальное сообщение о петроградских событиях и наладить связь с Городской думой, долженствовавшей стать регулирующим центром революционного движения в московской области». Но, как следует из его мемуаров, это была лишь часть поручения (и не самая важная!). Новиков писал: «<...> М.В. Родзянко зазвал меня к себе в кабинет и повел со мной беседу об ужасах революции <...> которые нас ожидают». Затем Родзянко передал ему «собственноручное незапечатанное письмо к городскому голове

---

[1] 3 марта 1917 г. заявили о полном подчинении ВКГД генерал-губернатор Степной области Н.А. Сухомлинов, губернаторы: А.В. Арапов (Орловская губерния), П.М. Боярский (Казанская губерния), Л.В. Лыщинский-Троекуров (Пермская губерния, за губернатора вице-губернатор) (ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 4. Д. 168. ЛЛ. 1, 15, 31, 59). И.Е. Алексеев приводит ценные сведения о поведении казанского губернатора П.М. Боярского, который 3 марта 1917 г. «разослал “военные” телеграммы “Земству” и — копии “Городской управе” и “исправнику”, в которых информировал их об отправке телеграммы М.В. Родзянко с признанием власти Комитета Государственной думы и своем вступлении в управление губернией “до особых распоряжений”» (*Алексеев И.Е.* Революционные события февраля — марта 1917 г. в Казани: реакция «верхов» // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2012. С. 22).

[2] Признали власть Временного комитета Думы: Иваново-Вознесенская городская дума Владимирской губернии (3 марта), Вологодская губернская земская управа (3 марта), Велико-Устюгская городская дума Вологодской губернии (6 марта), и др. (ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 4. Д. 168. ЛЛ. 13, 15, 16, 31, 47, 56, 59, 71, 72, 84).

[3] ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 4. Д. 168. ЛЛ. 12, 13, 47, 49, 63.

[4] В действительности он был назначен комиссаром ВКГД. Утром 1 марта М.М. Новиков выступил на общем собрании Московского Совета рабочих депутатов с речью, в которой заявил, что прибыл в Москву «в качестве комиссара Временного Комитета Государственной думы» (Московский совет рабочих депутатов // Утро России. 1917. 2 марта).

М.В. Челнокову<...>. В этом письме он убеждал Челнокова принять все возможные меры к тому, чтобы Москва не последовала примеру Петрограда». Новиков вспоминал, что в письме были следующие слова, которые должны были убедить Челнокова последовать совету председателя Государственной думы: «Если революция <...> распространится на Москву, а потом и на всю Россию, то "нашу родину ожидают неисчислимые гибельные последствия"»[1]. В действительности, Родзянко писал Челнокову следующее: «Временная комиссия Членов Государственной Думы командирует в Москву члена Государственной Думы М.М. Новикова, который сообщит о происходящих в Петрограде событиях. Представляется решительно необходимым в ожидании разрешения указанных событий Москве и всей стране сохранить полное спокойствие. Всякое иное решение ввергнет всю страну в анархию и сопряженные с нею неисчислимые бедствия»[2].

Прибыв утром 1 марта в Москву[3], Новиков встретился с Челноковым и передал ему письмо Родзянко. Мемуарист вспоминал о реакции Московского городского головы: «Тот, махнув рукой, категорически заявил, что теперь уже поздно. В глазах его светился революционный энтузиазм. Самый процесс революции и возможность сыграть в нем какую-то видную роль, очевидно, прельщали его»[4]. 1 марта Челноков действовал достаточно решительно. Он посетил командующего Московским военным округом И.И. Мрозовского и сообщил ему о переходе власти в руки ВКГД. Мрозовский, как пишет А.Я. Грунт, до этого посещения Челноковым уже получил от М.В. Родзянко «телеграфное указание подчиниться Временному комитету Государственной думы». По мнению Грунта, телеграмма Родзянко, а затем и появление Челнокова с этим же требованием, «окончательно деморализовало царского служаку, и он не решился пустить в ход против народа остатки верных ему воинских частей». Вечером Мрозовский был подвергнут домашнему аресту[5]. В этот же день М.В. Челноков предпринял попытку встретиться с Московским градоначальником В.Н. Шебеко. Но не смог этого сделать, т.к. тот, по словам Челнокова, «скрылся неизвестно куда»[6]. Вечером 1 марта Шебеко был найден и арестован[7].

Что касается М.М. Новикова, то он 1 марта успел выступить на заседании Московского Совета рабочих депутатов и на первом заседании Московского комитета общественных организаций, в ходе которых сделал сообщения о

---

[1] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 251, 252.

[2] ОПИ ГИМ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 163. Л. 11, письмо датировано 28 февраля 1917 г.

[3] М.М. Новиков ошибочно писал в своих воспоминаниях, что получил назначение комиссаром 1 марта 1917 г. (*Новиков М.М.* Указ. соч. С. 251–252). О том, что Новиков приехал в Москву утром 1 марта, а, значит, выехал из Петрограда 28 февраля, сообщалось в прессе (Московский совет рабочих депутатов // Утро России. 1917. 2 марта).

[4] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 253.

[5] *Грунт А.Я.* Москва 1917-й. Революция и контрреволюция / Отв. ред. Г.А. Трукан. М., 1976. С. 46.

[6] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 2.

[7] *Грунт А.Я.* Указ. соч. С. 46.

положении в Петрограде. И.И. Минц, сравнивая тексты выступлений Новикова, заметил: на заседании Московского Совета рабочих депутатов он «говорил, что власть в Петрограде находится в руках Думского комитета и Совета рабочих депутатов», а на собрании Московского КОО «он подчеркивал, что власть в руках только Думского комитета». Минц, правда, заметил, что возможна неточность в изложении — «первое выступление напечатано в органе Совета, а второе — в буржуазной газете». В противном случае, по словам Минца, «налицо один из типичных случаев демагогии, широко применяемый лидерами буржуазии: на рабочем собрании обещать власть и т.п., а среди “своих” говорить о сохранении власти»[1]. Минц ошибся, когда пытался обвинить Новикова в демагогии. Речь идет об опечатке, допущенной при публикации материала в «Русском слове». Дело в том, что и в другой буржуазной газете «Утро России» речь Новикова в Московском Совете излагалась так же как и в советской: «<...> вся власть и вся сила в руках Комитета Государственной Думы и Совета рабочих депутатов»[2]. С такими же словами обратился комиссар М.М. Новиков и к населению Москвы: «В качестве комиссара Временного комитета Государственной Думы я привез Москве привет комитета, принявшего на себя совместно с Советом рабочих депутатов управление Петроградом<...>«[3]. А.Я. Грунт предположил, что именно благодаря сообщению члена Государственной думы Новикова о существовании в Петрограде думско-советской власти Московский Совет рабочих депутатов «признал Комитет общественных организаций полноправным органом власти, указав на необходимость совместной с ним работы»[4]. По поводу итогов своей поездки в Москву М.М. Новиков вспоминал: «Таким образом, вместо намеченной для меня председателем Государственной Думы роли тормоза, я оказался глашатаем революции»[5].

Члены Государственной думы, не имевшие полномочия комиссаров, но оказавшиеся в дни революции вне Петрограда, тоже принимали активное участие в организации новой власти. Депутат К.Л. Бардиж (кадет) возглавил Екатеринодарский гражданский комитет (Кубанская область)[6]. Член IV Думы Н.Н. Сомов (земец-октябрист) 3 марта стал одним из организаторов Владимирского губернского временного исполнительного комитета, и был избран товарищем председателя Владимирского губисполкома[7]. Кадет В.А. Харламов, находившийся в Ростове-на-Дону как член Государственной думы вошел в состав местного гражданского комитета. По поручению гражданского

---

[1] *Минц И.И.* История Великого Октября. Т. 1. С. 575.

[2] Московский совет рабочих депутатов // Утро России. 1917. 2 марта.

[3] От члена Государственной Думы М.М. Новикова // Русское слово. 1917. 2 марта; То же // Утро России. 1917. 2 марта.

[4] *Грунт А.Я.* Москва 1917-й. Революция и контрреволюция / Отв. ред. Г.А. Трукан. М., 1976. С. 64.

[5] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 253–254.

[6] ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 4. Д. 168. Л. 39.

[7] *Шаханов Н.* 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий. Владимир, 1927. С. 17; Н.Н. Сомов получил в Государственной думе отпуск с 24 февраля по 5 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 742. Л. 25).

комитета он взял на себя работу среди офицеров и в связи с этим вел переговоры с начальником Ростовского-на-Дону гарнизона и войсковым наказным атаманом графом М.Н. Граббе[1]. Прогрессивные националисты В.Я. Демченко и Н.Н. Чихачев 2-й 1 марта приняли участие в совещании, проходившем в Киевской городской управе, которое единогласно постановило образовать при городской управе комитет общественных организаций[2]. Нельзя не указать на то, что некоторые депутаты Государственной думы пытались препятствовать созданию новых органов власти. Удалось выявить (пока!) один такой случай. Речь идет о националисте С.И. Гриневиче, который, прибыв 1 марта 1917 г. в Полтаву[3], 3 марта на совещании в губернской земской управе заявил: «Было бы очень прискорбно, если бы по примеру 1905 г. образовалось много комитетов с самыми разнообразными платформами»[4].

Конечно, расставить во главе всех губерний, областей, уездов и городов комиссаров из числа депутатов Государственной думы и разослать во все губернии депутатов для организации новой власти не представлялось возможным ввиду ограниченности депутатского корпуса. Руководство ВКГД уже тогда столкнулось с проблемой нехватки нужных кадров, чтобы закрыть все образовавшиеся пробелы в государственном аппарате[5]. Это заставляло руководство ВКГД при формировании института местных комиссаров использовать общественных деятелей из числа лиц, не являвшихся депутатами Государственной думы. В основу организации института местных правительственных комиссаров Временный комитет Думы положил должностной признак. Полномочиями думских комиссаров наделялись руководители земских и городских органов самоуправления. Таким образом, любой городской голова или председатель губернской (уездной) земской управы мог рассчитывать на комиссарский мандат от ВКГД. Ввиду короткого периода думского правления эта практика не получила широкого распространения. Однако ряд назначений, опираясь на такой подход, ВКГД все-таки провел.

ВКГД оперативно получил информацию о сложившейся в Москве ситуации, которая заставляла его принять участие в организации власти во второй столице. Форму этого участия подсказал городской голова М.В. Челноков, который 1 марта телеграфировал М.В. Родзянко дважды. В первой телеграмме Челноков писал: «Необходимо мне получить полномочия Ваши для устройства порядка в Москве». Во второй телеграмме он попросил «назначить уполномоченного министра земледелия»[6]. В ночь с 1 на 2 марта комиссаром ВКГД по управлению Москвой был назначен депутат IV Думы, московский город-

---

[1] В гражданском комитете // Ростовская речь. (Ростов-на-Дону). 1917. 5 марта.

[2] 1-е марта / В Киеве // Киевская мысль. 1917. 3 марта. 1 марта, уже после совещания, В.Я. Демченко «экстренно выехал из Киева в Петроград».

[3] Полтавский депутат С.И. Гриневич 25 февраля 1917 г. подал заявление об отпуске с 28 февраля по 7 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 208. Л. 23). 1 марта он прибыл в Полтаву (Возвращение С.И. Гриневича / Хроника // Полтавский день. 1917. 2 марта).

[4] *Z.* Заседание в Губернской Земской Управе / В Полтаве // Полтавский день. 1917. 5 марта.

[5] *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль-март 1917 г.). С. 48.

[6] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. ЛЛ. 1, 2.

ской голова М.В. Челноков, которому была послана соответствующая телеграмма за подписью товарища председателя ВКГД Н.В. Некрасова. Этой же телеграммой Челноков назначался и уполномоченным ВКГД по продовольствию Москвы[1]. Власть в Москве приобрела приблизительно те же формы, что и в Петрограде. То есть было обеспечено сотрудничество Московского Совета рабочих депутатов с КОО при установлении думского контроля над второй столицей в лице комиссара ВКГД М.В. Челнокова.

В ночь с 1 на 2 марта Н.В. Некрасов отправил в адрес председателя Московской губернской земской управы А.Е. Грузинова телеграмму, в которой уведомлял Грузинова о вручении ему полномочий комиссара ВКГД по управлению Московской губернией. Полномочия ему были даны самые широкие: все лица должны были находиться в «полном повиновении» комиссару. Грузинов не успел воспользоваться комиссарским мандатом, т.к. стал командующим войсками Московского военного округа. 3 марта 1917 г. он, «впредь до сдачи должности командующего войсками», передал свои полномочия комиссара М.А. Нарожницому, который являлся заместителем председателя Московской губернской земской управы[2].

ВКГД стремился обеспечить нормальную жизнь уездов, губерний и городов не только через своих комиссаров, конечно там, где они успели появиться. 2 марта М.В. Родзянко разослал председателям губернских и уездных земских и городских управ, а также городским головам губернских и областных городов циркулярную телеграмму за № 129, в котором сообщал о том, что «власть окончательно перешла в руки Временного комитета Государственной думы», и призывал «соблюдать полное спокойствие, не прерывать работу, обращая усиленное внимание на правильный ход работ на оборону и продовольствие населения»[3]. В некоторых случаях местные власти препятствовали распространению этой телеграммы. Так, по распоряжению Полтавского губернатора и военной цензуры телеграммы, адресованные городским головам Полтавы и Харькова, а также телеграмма на имя председателя Полтавского губернского земства, не были им доставлены[4].

***

Таким образом, можно утверждать, что в дни Февральской революции в недрах Государственной думы сложилось первое Временное правительство революционной России. Оно представляло собой структуру, состоявшую из Временного комитета Думы и его комиссаров, причем ВКГД являлся еще и носителем верховной власти (в той степени, насколько это позволяло ограничение со стороны еще существующей верховной власти императора Николая II и

---

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 3.

[2] *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль-март 1917 г.). С. 48, 49; ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 4. Д. 168. Л. 45.

[3] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. Л. 32; Д. 5. Л. 8. Циркуляр был направлен телеграммой через Петроградское почтовое отделение № 60.

[4] РГИА. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 455. Л. 11.

Петроградского Совета, который вел борьбу с Думой за права на революцию). Показателем именно верховного характера власти Временного комитета Думы явилось назначение им комиссаров в министерства, главные управления и другие государственные учреждения. Верховенство власти ВКГД проявлялось также в решении вопроса о власти на местах, в том числе и через институт местных комиссаров Временного комитета.

ВКГД, опираясь на созданный им институт правительственных комиссаров, сумел овладеть центральным аппаратом. Временный комитет Государственной думы также выработал подход в организации местной власти и начал ее создание. Именно думский Комитет заложил основу института губернских и городских комиссаров — представителей центральной власти на местах, который затем будет использован Временными правительством. Комиссары, наделенные чрезвычайными полномочиями, стали важнейшим элементом функционирования механизма временной власти.

Существенными принципами временной власти на центральном и местном уровне стало думско-советское сотрудничество, опора на общественные силы, демократизация управления и стремление сохранить, насколько это было возможно, старый правительственный аппарат.

Заключение

Государственная дума стала втягиваться в революцию уже утром–днем 27 февраля. Главным шагом в этом направлении стали заседания Совета старейшин и частного совещания членов Государственной думы, в ходе которых были предприняты шаги, предопределившие превращение Государственной думы в центр революции. Первыми в их ряду стояли постановления Совета старейшин: во-первых, «Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах», говорившее о непризнании царского указа о роспуске Государственной думы на каникулы; во-вторых, об участии Государственной думы в упразднении старой власти и замене ее новой, посягавшее на прерогативы верховной власти. В советской и современной отечественной историографии долгое время утверждалось, что думские органы этих постановлений не принимали. Такой подход определялся общей политико-идеологической установкой характеризовать Государственную думу как контрреволюционный орган.

Принятые частным совещанием членов Государственной думы решения о создании Временного комитета Государственной думы ясно давали понять, что Дума готова встать во главе революционного движения, цели которого первоначально не были до конца ясны. Но, во всяком случае, они предполагали создание новой власти и нового правительства. При этом были заложены некоторые важные элементы временной власти. Среди них: отсутствие во властном механизме нормально действующего парламента и чрезвычайные полномочия формирующегося правительственного органа. Главную роль в

формировании этих элементов механизма временной власти сыграли представители кадетов в Государственной думы (организаторы своеобразного «парламентского вакуума») и левые депутаты (инициаторы придания ВКГД функций органа чрезвычайной власти).

С первых часов своей деятельности ВКГД проводил мероприятия, которые необходимо характеризовать как революционные: издание листовки на бесцензурной основе, в которой был опубликован персональный состав Временного комитета Государственной думы; санкция руководящих членов думского Комитета на издание первой свободной газеты России — «Известий Комитета петроградских журналистов», переговоры с председателем Совета министров Н.Д. Голицыным и великим князем Михаилом Александровичем в Мариинском дворце, в ходе которых думская делегация озвучила, в том числе, и требование о необходимости отречения Николая II, а также грозила арестом царскому правительству.

Утром — днем 27 февраля 1917 г. Государственная дума стала превращаться в штаб восстания. Депутаты Государственной думы, а также представители различных организаций начали вести агитацию за движение восставших солдат к Таврическому дворцу. Придя в Государственную думу, солдаты и рабочие попадали под организационное влияние складывающейся Военной комиссии — «штаба Керенского». Именно эта неформальная структура сыграла важную роль в организации борьбы восставших солдат и рабочих против военно-полицейских центров царской власти. К вечеру 27 февраля «штаб Керенского» сумел заполучить в свое распоряжение уже не только неорганизованные и плохо управляемые толпы солдат, но и воинские части, сохранившие командный офицерский состав. Это позволило действовать более продуманно и планомерно. Вечером 27 февраля «штаб Керенского» был преобразован в Военную комиссию Временного комитета Государственной думы, которая затем объединилась с «повстанческим штабом» формирующегося Петроградского Совета рабочих депутатов. В ночь на 28 февраля эта структура получила уже официальный статус Военной комиссии ВКГД.

Успех в организации перехода войск на сторону Государственной думы, а также конкретные факты победоносного развития революции предопределили решение Временного комитета Думы о взятии власти в свои руки. Это решение и дальнейшие мероприятия думского Комитета сыграли важную роль в формировании других сущностных элементов временной власти. ВКГД, став правительственной властью, издавал различные документы законодательного характера, приобрел права судебной власти (ареста, содержания под арестом, надзор за следствием, освобождения) и шел по пути придания себе функций власти верховной. Подтверждением верховного характера власти и руководящего участия думского Комитета в революции стало назначение им комиссаров в министерства, главные управления и другие государственные учреждения. Институт комиссаров стал самостоятельным элементом механизма временной власти. Комиссары получили от ВКГД чрезвычайные полномочия. Эти полномочия выдавались комиссарам,

в том числе, и для проведения необходимых реформ не только внутриведомственного, но и общеполитического характера. Насаждение чрезвычайщины сопровождалось шагами Временного комитета Государственной думы, направленными на сохранение старого правительственного аппарата и использование потенциала министров и других высших чиновников. Комиссары ВКГД обеспечили нормальное функционирование центрального аппарата. Значение деятельности комиссаров состояла в том, что именно они и выступили существенным звеном в новой комбинации власти, обеспечив думскому Комитету характер правительственной власти, при сохранении за ним прав верховенства. На центральном уровне думский Комитет занял господствующую позицию, причем А.Ф. Керенский выступал гарантом того, что Петроградский Совет рабочих депутатов не будет посылать в министерства, главные управления и другие правительственные учреждения своих комиссаров. Но и здесь четко прослеживается характер временной власти, как власти думско-советской. Примером этому, пусть и единственным, служит тот факт, что Особое совещание по продовольствию было фактически подчинено советско-думской Продовольственной комиссии, а комиссар в Осопроде С.В. Вострогин имел думско-советские полномочия.

Захват Комитетом Думы в свои руки центральной власти способствовал революционизации всей страны. Важную роль в информировании России о победных шагах революции сыграли комиссар ВКГД над Министерством путей сообщения А.А. Бубликов и комиссары в Петроградском телеграфном агентстве П.П. Гронский и А.С. Салазкин. Временный комитет Государственной думы стал также создателем института местных комиссаров, наделенных чрезвычайными полномочиями. При этом он использовал не только депутатов Думы, но и местных общественных деятелей. ВКГД направлял своих комиссаров в воинские части.

В основу функционирования временной власти были положены принципы опоры на общественные силы и сотрудничества с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, который был создан при активном участии Государственной думы. Думский Комитет, осуществляя руководство революцией, не мог обойтись без Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, т.к. именно он обеспечивал силу и успех думско-советской власти при решении тех вопросов, которые замыкались на рабочие массы столицы, а также солдат войск Петроградского гарнизона. Опираясь на принципы сотрудничества, Временный комитет Думы сумел провести решение военного, продовольственного, охраны общественного порядка и других вопросов. Разрешение каждого из них имело свою историю привлечения различных общественных организаций и согласований с Петроградским Советом.

Политика сотрудничества в большей степени инициировалась Временным комитетом Государственной думы, и в меньшей степени ей отвечала деятельность Петроградского Совета. Хотя факты обращения Совета за помощью к ВКГД известны. Подчеркнем, что наряду с Советом и общественными организациями, Временный комитет Думы привлекал к революционной работе студенчество Петрограда, которое принимало участие в операциях по захвату

опорных пунктов царизма, в создании и деятельности санитарных отрядов, в организации питания восставших войск, в обеспечении порядка и т.д

Согласование военного и продовольственного вопроса привело к появлению думско-советской Военной комиссии и советско-думской Продовольственной комиссии. Деятельность Военной комиссии обеспечила разгром последних опорных пунктов царизма в Петрограде, сыграла важную роль в наведении порядка в воинских частях. Подчеркнем, что успех в решении военного вопроса достигался и за счет привлечения в состав ВК ВКГД большого количества офицеров, солдат и т.д. Эта была самая большая Комиссия ВКГД, в ее работе принимали участие более 500 человек. Думское влияние в ней преобладало над советским, во-первых, потому, что ее председателем был член IV Государственной думы Б.А. Энгельгардт, во-вторых, за счет привлечения в ее состав продумски настроенных офицеров, которые заняли руководящие должности в Военной комиссии, выполняли ее поручения; в-третьих, благодаря активному участию в деятельности ВК ВКГД ряда влиятельных членов Государственной думы.

Продовольственная комиссия сумела решить возникший в ходе Февральской революции вопрос о продовольствии войск, перешедших на сторону восставших. Комиссия организовала привлечение продовольственных ресурсов военного ведомства, Петроградского самоуправления, различных общественных организаций и т.д. Все они охотно выделяли продукты питания под имя Государственной думы. Благоприятным фактором в решении продовольственного вопроса стало использование материальных ресурсов населения. Обыватели, студенты и др. сыграли важную, если не решающую роль в создании питательных пунктов. Интересно, что даже в условиях революции, когда продовольственное снабжение населения было затруднено, ввиду закрытия или разгрома многих магазинов, лавок и т.д., население не только не голодало, но и сумело «в складчину» некоторое время кормить восставших солдат.

Организуя сотрудничество с Петроградским Советом, Временный комитет Думы выступил в качестве создателя временной власти, которая фактически являлась властью думско-советской при несомненном главенстве думского элемента над советским. В этом распределении сил состояла особенность первого двоевластия (ВКГД–Петроградский Совет). Определенный урон думско-советскому сотрудничеству, а значит и временной власти, был нанесен приказом № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Опубликование и распространение этого приказа привело к переводу солдат Петроградского гарнизона под контроль Петроградского Совета. Тем самым начался процесс перераспределения силы внутри думско-советской власти уже в пользу власти советской в военном вопросе. Приказ № 1 не уничтожил полного контроля думского Комитета над войсками Петроградского гарнизона, т.к. продолжала действовать думско-советская Военная комиссия, приказы и распоряжения которой исполнялись солдатами Петроградского гарнизона.

Государственная дума стала в дни Февраля 1917 г. центром революции. В это время существовало два таких центра — думский и советский. Особенность их

функционирования состояла в том, что при решении важнейших задач революции они создавали совместные структуры (использовали другие формы сотрудничества). В результате происходило слияние (соединение) этих центров в один (думско-советский) центр в вопросах практической деятельности при значительном преобладании думского элемента над советским. Вместе с тем они сохраняли свою самостоятельность в вопросах выработки, принятия и реализации политических решений.

Государственная дума играла руководящую роль в Февральской революции начиная с 27 февраля 1917 г., пройдя путь от попытки реализовать идею о создании ответственного министерства (правительства) к проведению мероприятий, направленных на захват власти в свои руки, создание Временного правительства и свержение самодержавия. Весь комплекс мероприятий, проведенный Государственной думой и ее органами, характеризует превращение думских либералов из оппозиционеров в буржуазных революционеров.

А.Б. Николаев

ГЛАВА V

СТАВКА: 23 ФЕВРАЛЯ – 1 МАРТА

Роль высшего армейского руководства, Ставки, в падении монархии постоянно привлекала внимание историков[1]. Их общее мнение сводится к тому, что Ставка сыграла заметную роль во время Февральского переворота и стала одним из факторов, обеспечивших его победу. Признавая бесспорным этот общий вывод, позволительно, используя новые и заново прочитывая старые источники, пересмотреть остальные выводы, имеющиеся в историографии относительно поставленной проблемы. Их совокупность образует версию, которая стала хрестоматийной, и в общих чертах заключается в следующем.

В первые дни переворота, 23–26 февраля верховный главнокомандующий император Николай II, в отличие от начальника Штаба Ставки генерала М.В. Алексеева, являлся противником любых уступок оппозиции, прежде всего — Прогрессивному блоку. Блок объединял большинство фракций Думы и фактически стремился к парламентаризму, т.е. ограничению

---

[1] Роль Ставки в Февральском перевороте в последние десятилетия специально рассматривали А.Л. Сидоров и Г.З. Иоффе. См.: *Сидоров А.Л.* Отречение Николая II и Ставка. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963; *Иоффе Г.З.* 1) Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; 2) «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984; 3) Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987; 4) Революция и судьба Романовых. М., 1992. См., также: *Кобылин В.С.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 1998; *Mayzel M.* Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution. A Stady in the Transformation of Military Elite. Osnabruck, 1979. Некоторые аспекты поставленной проблемы затронуты также в следующих работах: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; *Ганелин Р.Ш.* 1) Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде. // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. В 2-х кн. Л., 1967. Кн. 1; 2) Февральская буржуазно-демократическая революция. // Революционный Петроград. Год 1917. М., 1977; 3) 24 февраля 1917 г. в Петрограде. // Клио. № 5. СПб., 1998; 4) 25 февраля 1917 г. в Петрограде. // Вопросы истории. № 7. М., 1998; 5) Петроград 23 февраля 1917 г. // Новый часовой. № 8, 9. СПб., 1999; 6) 26 февраля 1917 г. в Петрограде. // Петербургская историческая школа. Вып. 2. СПб., 2002; *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; *Чернев В.Ю.* Гибель думской монархии. Временное правительство и его реформы. // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996; *Буранов Ю.Я., Хрусталев В.М.* Убийцы царя. Уничтожение династии. М., 1997; *Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle — L., 1981; *Пайпс Р.* Русская революция. В 2-х ч. М., 1994. Ч. 1; *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997.

верховной власти в управлении путем образования «министерства общественного доверия». С целью беспощадного подавления начавшегося 27 февраля военного мятежа Николай направил в Петроград карательную экспедицию во главе с генералом Н.И. Ивановым, а сам отправился в Царское Село. В пути Николай не помышлял, вопреки М.В. Алексееву, ни о каких уступках, пока 1 марта не встретился в Пскове с главнокомандующим Северным фронтом генералом Н.В. Рузским. Он якобы сначала уговорил императора дать «министерство доверия», а затем — и «ответственное министерство», кабинет, ответственный перед законодательными палатами, а не монархом. Однако эта уступка запоздала, и 2 марта Николай, под давлением М.В. Алексеева и главнокомандующих фронтами, был вынужден отречься в пользу сына — цесаревича Алексея Николаевича. Затем император отрекся в пользу брата — великого князя Михаила Александровича. Считается, что на второе отречение, «переотречение», Николай пошел по собственной инициативе, до приезда из Петрограда делегатов Временного комитета Думы А.И. Гучкова и В.В. Шульгина. В ходе переговоров с ними царь объявил им о своем решении, и делегаты не стали противоречить его волеизъявлению.

Такова версия, с которой согласно подавляющее большинство историков, интересовавшихся ролью Ставки в падении монархии. Красной нитью проходит сквозь эту версию мнение о том, что в конце февраля — начале марта 1917 г. Николай, будучи противником Думы, шел на уступки оппозиции не сам, а только под давлением со стороны своих военных сотрудников. Насколько соотносится изложенная версия с данными источников?

Отвечая на заданный вопрос, необходимо прежде всего отметить, что роль, сыгранная Ставкой в ходе переворота, была обусловлена отъездом императора 22 февраля в Могилев, где находилась Ставка. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов, пользовавшийся доверием Николая и недоверием Думы, ссылаясь на осложнение внутриполитической ситуации, отговаривал императора от поездки. Но попытка министра успеха не имела[1]. Впрочем, несомненно, что не без участия А.Д. Протопопова было решено, что пребывание монарха в Ставке продлится лишь около недели и к 1 марта он вернется в Царское Село[2].

Председатель Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучков, его заместитель М.И. Терещенко, товарищ председателя Думы Н.В. Не-

[1] *Протопопов А.Д.* Предсмертная записка [Публ. П.Я. Рысса] // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2. С. 191–192. Г.М. Катков не нашел «указаний на то, что правительство, т.е. Совет министров или персонально кто-либо из министров, возражал против отъезда в Могилев. Напротив, министр внутренних дел Протопопов щеголял агрессивной самоуверенностью» (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 246). Но записка А.Д. Протопопова, достоверность которой никогда под сомнение не ставилась, уже является тем «указанием», которое не нашел Г.М. Катков. Р. Пайпс, также ошибочно, считал, что А.Д. Протопопов не противился поездке царя (*Пайпс Р.* Русская революция... Ч. 1. С. 306).

[2] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы / Под ред. П.Е. Щеголева. Л., 1927. С. 38.

красов, князь Д.Л. Вяземский и штаб-ротмистр П.П. Коцебу, т.е. члены заговорщической группы, которая готовила свержение Николая, знали о времени его отъезда из Ставки. А.И. Гучков сообщил после победы революции, что именно на 1 марта «был назначен внутренний дворцовый переворот». Во время него «группа твердых людей» во главе с А.И. Гучковым, генералом А.И. Крымовым и М.И. Терещенко «должна была собраться в Питере и на перегоне между Царским Селом и столицей проникнуть в царский поезд, арестовать царя и выслать его немедленно за границу»[1]. Большое значение, придававшееся заговорщиками возвращению Николая из Могилева, признавал и М.И. Терещенко. «Так как государь уехал в Ставку, — вспоминал М.И. Терещенко, подразумевая переворот, — немедленно принять эти меры нельзя было. Поэтому мы наметили сроком переворота первые числа марта»[2]. Если накануне возобновления активных операций на Русско-германском фронте лидеры Прогрессивного блока планировали перейти в последнее наступление на старый порядок, то его глава наступать на них не собирался. Более того, в это время он думал о способах удовлетворения оппозиции.

Накануне своего отъезда в Ставку, после совещания с «некоторыми министрами» во главе с премьером князем Н.Д. Голицыным, Николай решил явиться на следующий день в Думу и объявить о даровании «ответственного министерства»[3]. Но вечером Николай сообщил Н.Д. Голицыну, что уезжает в Могилев. Указ «об ответственном кабинете» был подписан императором и находился у министра юстиции Н.А. Добровольского в письменном столе.

---

[1] *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 228.

[2] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция... С. 79. О намерении заговорщиков использовать отъезд Николая из Могилева для достижения своих целей было известно Александре Федоровне, которая сообщению об этом не придала серьезного значения. Дело в том, что вечером 23 февраля офицеры, бывшие в гостях у штаб-ротмистра Уланского полка П.П. Коцебу, говорили, что царь «никогда не вернется из Ставки». Тематика разговоров обуславливалась тем, что П.П. Коцебу был напрямую причастен к заговору. Неслучайно, что после победы переворота именно его назначили первым комендантом Александровского дворца, где жил арестованный Николай. На следующий день, 24 февраля, близкая родственница П.П. Коцебу сообщила об офицерских разговорах другой его родственнице, Ю.А. Ден, и просила ее предупредить императрицу. Ю.А. Ден полагала, что Александра Федоровна «не поверит» услышанному. Тем не менее подруга царицы сообщила ей о разговорах. «Все это чепуха, Лили, — заявила Александра Федоровна. — Не могу этому поверить. Это злонамеренные сплетни, больше ничего. Однако раз вы так взволнованы, позовите Гротена и расскажите ему все». Ю.А. Ден информировала помощника дворцового коменданта генерала П.П. Гротена, который в ответ «сердито закричал»: «Бросьте вы слушать бабьи сплетни. За версту видно, что это враки!» Впрочем, П.П. Гротен обещал по поводу сведений Ю.А. Ден связаться со Ставкой (*Ден Ю.А.* Подлинная царица // Ден Л. Подлинная царица. *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 89, 90).

[3] *Родзянко М.В.* Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 168, 169. Сведения М.В. Родзянко соотносятся с показаниями Д.Н. Дубенского. Он указывал, что накануне последовавшего 22 февраля отъезда царя в Ставку «были разговоры о создании нового ответственного министерства, был целый ряд соображений» (Допрос Д.Н Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7-ми тт. М.–Л., 1924–1927. Т. 6. М.–Л., 1926. С. 388).

Его предполагалось обнародовать «через Сенат, на Пасху»[1], т.е. 2 апреля 1917 г. Вероятно, указ имел в виду дарование не политической, а судебной ответственности кабинета перед народным представительством. Именно эта идея лежала в основе проекта, разработанного А.Д. Протопоповым еще в конце 1916 г.

Так или иначе, но пока победа России не определилась окончательно, Николай находил нежелательной замену дуалистической системы, существовавшей в России с 1906 г., парламентаризмом, который был целью Прогрессивного блока. Позиция Николая предопределялась не консервативностью царя, а его боязнью того, что радикальная реформа может неблагоприятно отразиться на военных операциях. «Я, — говорил Николай накануне революции, — не могу допустить, чтобы теперь, когда все мы поглощены борьбой с немцами, можно было поднимать вопрос о преимуществах парламентаризма»[2]. Выступая за соглашение с оппозицией, царь оказывался в противоречии со взглядами своей супруги Александры Федоровны.

«Ты пишешь о том, чтобы быть твердым — повелителем, это совершенно верно, — писал Николай 23 февраля царице. — Будь уверена, я не забываю, но вовсе не нужно ежеминутно огрызаться на людей направо и налево. Спокойного резкого замечания или ответа очень часто совершенно достаточно, чтобы указать тому или другому его место»[3]. Примирительные настроения царя

---

[1] *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения [Публ. *Д. Дейли* и *З.И. Перегудовой*] // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 60. Исследователи не знали о свидетельстве К.И. Глобачева, а потому не придавали большого значения свидетельствам Д.Н. Дубенского и М.В. Родзянко. «Слухи, которые приводит Родзянко», по мнению В.С. Дякина, «лишены достоверности и противоречат поведению Николая в последующие дни» (*Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 322). Но в том то и дело, что «слухи», приводимые М.В. Родзянко, находятся в полном соответствии с поведением императора «в последующие дни». Комментируя свидетельства Д.Н. Дубенского и М.В. Родзянко, В.И. Старцев отмечал, что «в правительственной среде» «произошло кратковременное колебание, какое-то неуверенное дуновение в сторону требований либеральной буржуазии» (*Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 260). Если учитывать политику правительства Н.Д. Голицына по отношению к оппозиции, события, которые подразумевал В.И. Старцев, нельзя признать ни «кратковременным колебанием», ни «неуверенным дуновением». Наоборот, это была долговременная и твердая политическая тенденция. Г.З. Иоффе полагал, что обсуждение царем накануне отъезда в Ставку возможности дарования «ответственного министерства» «противоречило бы той политической линии, которая диктовалась царизму в канун революции: линии лавирования, маневрирования между двумя "крайностями"». (*Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984. С. 109). Однако «линии лавирования» не противоречило ни введение судебной ответственности кабинета, ни даже дарование «министерства доверия», т.е. установление парламентаризма не де-юре, а де-факто. Несомненно, что под «ответственным министерством» император имел в виду именно «министерство доверия». Позднее Г.З. Иоффе писал, что накануне падения монархии властью «проявлялась определенная политическая гибкость», по причине чего правительственный курс этого периода можно охарактеризовать как попытку «политического маневрирования между правыми кругами и буржуазно-дворянской оппозицией с креном вправо» (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 13, 14). С этим предложением нельзя не согласиться за исключением его последних слов. Если у предреволюционного правительственного курса накануне революции и был какой-либо крен, то не вправо, а влево.

[2] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 348, 349.

[3] Николай II — Александре Федоровне. 23 февраля 1917 г. // Николай II в секретной переписке [Публ. О.А. Платонова]. М., 1996. С. 651.

показательны тем более, что лично разувериться в преданности народа трону Николай не имел никаких поводов. Когда 23 февраля царский поезд проезжал Ржев, Вязьму и Смоленск, то присутствовавший на перронах этих станций народ «приветливо встречал царя, снимал шапки, кланялся, кричал "ура"»[1]. Видя зримые доказательства лояльности народной массы, начавшиеся 23 столичные волнения Николай воспринимал без особого беспокойства.

В пятницу, 24 февраля, дворцовый комендант В.Н. Воейков убеждал императора поскорее вернуться в Царское Село. Николай на это ответил, что в Могилеве должен пробыть три-четыре дня, и раньше вторника, 28 февраля, уезжать не хочет[2]. Параллельно с подготовкой наступления на фронте, царь, идя навстречу Прогрессивному блоку, предпринял конкретные шаги по выполнению плана, выдвинутого оппозиционерами и поддержанного фрондирующими великими князьями. Один из них, Николай Михайлович, писал императрице-матери Марии Федоровне 19 февраля 1917 г.: «На сей раз вмешательство Аликс во все дела и пагубное влияние, которое она ежедневно оказывает на государя, угрожает уже не только династии — оно угрожает самому существованию России». Исходя из этого, Николай Михайлович упрашивал Марию потребовать от сына ссылки царицы в Ливадию «под предлогом поправки ее здоровья или здоровья Алексея»[3]. Следовательно, план подразумевал удаление от Николая под благовидным предлогом Александры Федоровны, которую оппозиционеры считали главной преградой на пути к «министерству доверия».

Поводы для выполнения плана предоставили... царские дети, заболевшие корью. Передавая мнение лейб-хирурга С.П. Федорова, Николай сообщал супруге 24 февраля: «Он находит, что для детей, а особенно для Алексея, абсолютно необходима перемена климата после того, как они выздоровеют — вскоре после Пасхи. На мой вопрос, куда, по его мнению, лучше было бы поехать, он назвал Крым». «Действительно, совет великолепный, и каким отдыхом это было бы для тебя! — заключал Николай. — Мы спокойно обдумаем все это, когда я вернусь»[4].

В субботу, 25 февраля, В.Н. Воейков доложил императору содержание телеграммы о петроградских беспорядках, полученной от А.Д. Протопопова[5]. В.Н. Воейков опять упрашивал Николая ускорить отъезд из Могилева. Но царь настаивал на своем отъезде во вторник, добавив, что на этот день генерал может сделать соответствующие распоряжения[6]. Помимо телеграммы А.Д. Протопопова,

---

[1] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России // Отречение Николая II... С. 38.

[2] *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II В.Н. Воейкова. М., 1994. С. 123.

[3] «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне [Публ. Д.И. Исмаил-Заде]. // Источник. 1998. № 4. С. 23.

[4] Николай II — Александре Федоровне 24 февраля 1917 г. // Николай II в секретной переписке... С. 653.

[5] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 2-х тт. М., 1992. Т. 2. Семнадцатый год. С. 117, 118.

[6] *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя... С. 123.

в 18.08 была получена телеграмма командующего Петроградским военным округом генерала С.С. Хабалова М.В. Алексееву. Она сообщала о столичных беспорядках 23, 24 и 25 февраля. Содержание этой телеграммы начальник Штаба доложил Николаю лишь на следующий день, 26 февраля[1]. Промедление, проявленное генералом, несомненно, мешало царю получить адекватное представление о петроградских событиях. Несмотря на это, получая информацию о беспорядках не только от высших должностных лиц, но и царицы, посылавшей супругу письма и телеграммы, монарх осознавал серьезность положения. Уже 25 февраля он отправил С.С. Хабалову телеграмму, в которой повелевал ему «завтра же прекратить в столице беспорядки»[2].

Царь надеялся на скорое подавление волнений. «Я надеюсь, — писал он супруге 26 февраля, — что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын не потерял голову»[3]. Противодействуя революции, царь ориентировался на соглашение с оппозицией. В этом Николая поддерживали лица из его ближайшего окружения. Так, 25 февраля М.В. Алексеев советовал императору «немедленно же сделать необходимые уступки»[4]. Тогда же чины Свиты признавали «неотложным согласие государя на ответственное министерство и переход к парламентарному строю». Гофмаршал генерал князь В.А. Долгоруков, флаг-капитан императора адмирал К.Д. Нилов, министр Двора генерал граф В.Б. Фредерикс и другие находили, что эта мера «упрочила бы положение царской фамилии в России и могла бы внести успокоение в страну»[5].

---

[1] Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) [Публ. А.А. Сергеева] // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 4–5. А.А. Искендеров неверно полагал, что телеграмму С.С. Хабалова от 25 февраля «тут же доложили императору» (*Искендеров А.А.* Закат империи. М., 2001. С. 535).

[2] *Блок А.А.* Последние дни императорской власти // *Блок А.А.* Собрание сочинений в 8-ми тт. Т. 6. М.–Л., 1962. С. 228. По мнению Г.З. Иоффе, телеграфный приказ Николая «означал решительный запрет заигрывания с Думой и переход к курсу “кнута”, причем кнут должен был ударить не только по забастовщикам и демонстрантам, но косвенно и по Думе» (*Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984. С. 74). Приказ императора, писал Г.З. Иоффе позднее, «означал решительный запрет заигрывания с Думой и переход к курсу “кнута”» (*Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 37). С этими выводами согласиться нельзя хотя бы потому, что о перерыве занятий Думы или ее роспуске в телеграмме нет ни слова. Более того, телеграмму можно рассматривать как шаг навстречу оппозиции. Царю, конечно же, было известно, что она обвиняла правительство в провоцировании волнений с целью заключения сепаратного мира. Телеграфируя С.С. Хабалову, Николай демонстративно опровергал эти обвинения. По мнению А.А. Искендерова, телеграмма «была реакцией царя на телеграммы, полученные им в тот день от императрицы, министра внутренних дел А.Д. Протопопова и генерала Хабалова» (*Искендеров А.А.* Указ. соч. С. 534). В действительности содержание телеграмм А.Д. Протопопова и С.С. Хабалова от 25 февраля М.В. Алексеев доложил Николаю на следующий день, а потому быть «реакцией» на эти документы царская телеграмма, естественно, не могла.

[3] Николай II — Александре Федоровне. 26 февраля 1917 г. // Николай II в секретной переписке... С. 657.

[4] *Бьюкенен Д.У.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 206.

[5] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... С. 44. «Перед лицом подымающегося на борьбу пролетариата, — писал В.С. Дякин, — Николай и его окружение упрямо отказывались пойти на уступки либеральной буржуазии» (*Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм... С. 310). Свидетельство Д.Н. Дубенского, сомневаться в достоверности которого не приходиться, опровергает эту точку зрения.

Зная о склонности супруга к компромиссу с оппозицией, в его рассуждениях о целебности ливадийского климата царица почувствовала политический подтекст, а потому восприняла их без энтузиазма. «Да, конечно, перемена воздуха поможет после болезни, — писала она Николаю в воскресенье, 26 февраля, — но в Ливадии будет слишком мучительно и хлопотливо теперь. Ну, хорошо — мы это еще обдумаем потом»[1]. В тот же день М.В. Алексеев получил телеграмму от С.С. Хабалова, отправленную в 13.05 и сообщавшую о событиях субботы[2].

В Могилеве приняли также телеграммы председателя Думы М.В. Родзянко царю и М.В. Алексееву. Первая доказывала необходимость «министерства доверия», а вторая просила поддержать это требование перед Николаем. Телеграммы аналогичного содержания М.В. Родзянко адресовал главнокомандующим фронтами. На предложение М.В. Родзянко откликнулись главнокомандующие Юго-Западного, Северного и Западного фронтов — генералы А.А. Брусилов, Н.В. Рузский и А.Е. Эверт[3]. О содержании телеграмм С.С. Хабалова и М.В. Родзянко М.В. Алексеев, как и накануне, доложил императору на следующий день.

Пока же, в воскресенье, ялтинский градоначальник генерал А.И. Спиридович телефонировал В.Н. Воейкову из Царского Села. А.И. Спиридович сообщил оптимистические сведения, полученные им от Департамента полиции, но сам не сказал ничего утешительного[4]. Во второй половине дня Николай принял юрисконсульта Ставки сенатора С.Н. Трегубова. Он являлся сторонником оппозиции. Более того, в середине ноября 1916 г. С.Н. Трегубов, желая разобраться в настроениях петроградских рабочих, общался с А.Ф. Керенским[5]. Доклад сенатора Николаю касался «событий данной минуты»[6]. Несомненно, что С.Н. Трегубов критиковал А.Д. Протопопова. Во всяком случае, на следующий день С.Н. Трегубов говорил придворному историографу генералу Д.Н. Дубенскому: «Первое, что надо сделать, это — убить Протопопова, он ничего не делает, шарлатан»[7]. Обвинения сенатора были безосновательны,

---

[1] Александра Федоровна — Николаю II 26 февраля 1917 г. // Николай II в секретной переписке... С. 655.

[2] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 5.

[3] *Блок А.А.* Последние дни императорской власти... С. 232. Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 5–9, 13.

[4] *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя... С. 124.

[5] Сенатор сообщил А.Ф. Керенскому «о глубокой тревоге, охватившей Ставку после получения от военной разведки данных об усилении активности германских агентов среди петроградских рабочих». «Мы знаем, — сказал С.Н. Трегубов, — что по роду своей политической деятельности вы связаны с представителями рабочих, и хотели бы знать ваше мнение по данному вопросу». А.Ф. Керенский возложил вину «за усиление активности германских агентов» не на революционеров, а на Департамент полиции. Сославшись на собственные наблюдения и беседы с рабочими, он пришел к выводу, что «по каким-то соображениям Департамент полиции закрывает глаза на подрывную деятельность, которую ведут среди рабочих пораженцы, руководствующиеся пресловутыми "Тезисами о войне", присланными в Россию Лениным». А.Ф. Керенский предложил С.Н. Трегубову «как можно скорее приступить к расследованию действий Департамента полиции», создав сенатскую комиссию» (*Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996. С. 160).

[6] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... С. 46.

[7] Допрос генерала Д.Н. Дубенского 9 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 398.

поскольку с 23 февраля ответственность за наведение порядка в Петрограде лежала не на МВД, а на военных. Тем не менее во время воскресного доклада С.Н. Трегубова Николай «не возражал»[1].

Вечером император окончательно решил уехать из Могилева во вторник, 28 февраля. «Выезжаю послезавтра, — телеграфировал он императрице в 21.20. — Покончил здесь со всеми важными вопросами»[2]. Царское решение было вызвано не петроградскими беспорядками, а тем, что накануне, вечером 25, Николай и М.В. Алексеев закончили предварительные работы по подготовке весеннего наступления[3].

В понедельник, 27 февраля, во время встречи Николая с М.В. Алексеевым, начавшейся в 10.30, начальник Штаба доложил императору содержание вчерашних телеграмм С.С. Хабалова и М.В. Родзянко и телеграммы А.А. Брусилова, полученной в Ставке около часу ночи[4]. Генерал поддержал пожелание М.В. Родзянко о даровании «министерства доверия».

Немного позже, в 2.55, Ставка приняла телеграмму начальника находившихся в Петрограде Гвардейских запасных частей полковника В.И. Павленкова. Полковник сообщал о состоявшихся накануне волнениях в Павловском полку[5]. О том же информировала и телеграмма А.Д. Протопопова, отправленная им В.Н. Воейкову в 4.20 и посвященная петроградским событиям 26 февраля[6]. В телеграмме С.С. Хабалова царю, принятой в 12.20, сообщалось не только о воскресных волнениях, но и о начавшемся бунте Волынского полка[7]. Представления царя о вооруженном восстании были обусловлены телеграммой С.С. Хабалова. «Беспорядки в войсках, — писал император супруге 27 февраля, — происходят от роты выздоравливающих, как я слышал»[8].

Через 45 минут после хабаловской телеграммы, в 13.05, была получена телеграмма М.В. Родзянко царю. Повторяя свои прежние требования, председатель Думы высказался за возобновление думской сессии, прерванной кабинетом накануне[9]. Панический характер телеграммы вызвал у Николая раздражение. «Опять этот толстяк Родзянко, — сказал император министру Двора, — мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать»[10].

---

[1] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... С. 46.

[2] Николай II — Александре Федоровне. 26 февраля 1917 г. // Переписка Николая и Александры Романовых 1916–1917 гг. [Публ. А.А. Сергеева] Т. 5. М.–Л., 1927. С. 224.

[3] *Алексеева-Борель В.М.* Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 469.

[4] Камер-фурьерский журнал за февраль 1917 г. // РГИА. Ф. 516 (камер-фурьерские журналы). Оп. 1 (дополнительная). Д. 25. Л. 6, об.

[5] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 7.

[6] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года... С. 118, 119.

[7] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 8.

[8] Николай II — Александре Федоровне 27 февраля 1917 г. // Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 657.

[9] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 6, 7.

[10] Допрос графа В.Б. Фредерикса 2 июня 1917 г. // Падение царского режима... Т. 5. М.–Л., 1926. С. 38.

Реакцию Николая на телеграмму предопределило низкое мнение царя о председателе Думы. Николаю, по его признанию, было «трудно верить в разумность и искренность планов Родзянко», «недалекого, но признавшего себя государственным деятелем»[1].

Негативную реакцию царя на телеграмму М.В. Родзянко вызвало также и то, что через 15 минут после ее получения Ставка приняла телеграмму военного министра генерала М.А. Беляева М.В. Алексееву. В полном соответствии с информацией, имевшейся у М.А. Беляева к этому моменту, военный министр оценивал ситуацию, в общем, оптимистически[2]. Телеграмма М.А. Беляева заставила царя повременить с ответом М.В. Родзянко. Беседуя после завтрака с В.Н. Воейковым, Николай на вопрос, телеграфировал ли он М.В. Родзянко, заметил, что «еще подумает, так как Родзянко пишет от имени Государственной думы, которая вчерашним указом распущена». Император добавил, что «Дума постановила не расходиться, а потому, до выяснения создавшейся обстановки, он от ответа воздержится»[3]. Вместе с тем, как и М.В. Родзянко, царь являлся сторонником удаления супруги в Крым.

Именно в конце февраля начальнику Канцелярии министерства Двора генералу А.А. Мосолову стало известно, что Николай «соглашается отправить Александру Федоровну в Ливадию»[4]. Поэтому после завтрака В.Н. Воейков поинтересовался у начальника Военно-морского управления Ставки капитана 1 ранга А.Д. Бубнова, гарантирует ли он безопасность царской семьи в Ливадии от неприятельского обстрела со стороны Черного моря. А.Д. Бубнов ответил, что «за безопасность от врага внешнего мы ручаемся, но за безопасность от врага внутреннего — нет». В.Н. Воейков небрежно махнул рукой и заметил: «Пустяки — с этим мы справимся»[5]. Следовательно, Николай решился на почетную ссылку своей супруги независимо от петроградских событий. Поскольку она была противницей парламентаризма, решение царя продемонстрировало наличие у него склонности пойти на дальнейшие уступки. Характерно, что среди приближенных Николая вечером циркулировали преждевременные слухи о его согласии «на образование ответственного министерства». Они считали, что царь, оставляя в своем «непосредственном распоряжении» министерства военное, морское, иностранных дел и Двора, уже поручил формирование нового кабинета

---

[1] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 349.

[2] «Начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения, — телеграфировал М.А. Беляев, — твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие» (Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 8).

[3] Камер-фурьерский журнал за февраль 1917 г. ... Л. 6, об.; *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя... С. 124.

[4] *Мосолов А.А.* При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра Двора. СПб., 1992. С. 89.

[5] *Бубнов А.Д.* В Царской ставке. СПб., 1995. С. 136.

одному из лидеров оппозиции — князю Г.Е. Львову. Чины Свиты и Штаба радовались этому и надеялись, что «согласие царя на образование ответственного министерства внесет успокоение»[1].

Сторонником уступок оппозиции был и М.В. Алексеев. Во время начавшегося в 19.15[2] очередного доклада у царя генерал сообщил содержание телеграммы премьера князя Н.Д. Голицына. Он умолял о «поставлении во главе оставшихся верными войск одного из военачальников действующих армий с популярным для населения именем» и о замене существующего правительства ответственным министерством[3].

После начала доклада, в 19.35, были получены две телеграммы М.А Беляева М.В. Алексееву. Военный министр информировал о резком ухудшении ситуации в Петрограде[4]. Следствием первой просьбы Н.Д. Голицына, по показанию начальника Гражданской канцелярии Ставки А.А. Ладыженского, стало назначение главнокомандующим Петроградским военным округом состоявшего при царе члена Государственного совета генерала Н.И. Иванова[5].

Просьба премьера об отставке, последовавшая в момент усиления столичных волнений, вызвала у Николая неприятие. Царь остался «очень недоволен» этой просьбой, заметив М.В. Алексееву, что «сам составит» ответ Н.Д. Голицыну[6]. Слова царя не означали, что он являлся сторонником исключительно карательной политики.

---

[1] *Дубенский Д.Н* Как произошел переворот в России... // Отречение Николая II... С. 49.

[2] Камер-фурьерский журнал за февраль 1917 г. ... Л. 6, об.

[3] *Блок А.А.* Последние дни императорской власти... С. 240. Г.М. Катков ошибочно утверждал, что «телеграмма от Голицына» «пришла» не до, а после разговора М.В. Алексеева с Михаилом (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 310).

[4] «Положение в Петрограде становится весьма серьезным, — сообщал М.А. Беляев в первой телеграмме. — Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удается; напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города». «Совет министров, — сообщала вторая телеграмма, — признал необходимым объявить Петроград на осадном положении. Ввиду проявленной генералом Хабаловым растерянности, назначил в помощь ему генерала Занкевича, так как генерал Чебыкин отсутствует» (Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 9). По мнению Г.З. Иоффе, вечером 27 февраля царь, его свитское окружение и высшие чины Ставки стояли перед дилеммой: «либо пойти на уступки в духе программы Прогрессивного блока, либо направить в Петроград карательные войска с фронта и подавить революцию силой» (*Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 59, 60). То же мнение Г.З. Иоффе воспроизвел почти дословно в другой работе. К исходу 27 февраля, отмечал он в этой работе, перед императором «возникла альтернатива»: либо «пойти на уступки в духе программы думского Прогрессивного блока», либо «направить в Петроград войска с фронта, чтобы покончить с беспорядками» (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 34). На самом деле указанная альтернатива отсутствовала, поскольку в Могилеве не отождествляли Думу с улицей, а потому одно (уступки Прогрессивному блоку) не противоречило другому (подавлению уличных беспорядков).

[5] Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде [Публ. А.Л. Сидорова]. // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 104. В.С. Дякин ошибочно полагал, что Николай назначил Н.И. Иванова не главнокомандующим, а «командующим Петроградским военным округом» (Дякин В.С. Указ. соч. С. 332).

[6] Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. 2. Берлин, 1921. С. 17–18.

Примирительное отношение Николая к оппозиции проявило себя даже во время подготовки экспедиции Н.И. Иванова. Идея экспедиции была в полном соответствии с политикой, нацеленной на соглашение с Прогрессивным блоком. Приближенным императора казалось, что «положение может быть в значительной степени спасено, если послать в Петроград популярного генерала из фронта, хотя бы генерала Брусилова, снабдив его диктаторскими полномочиями и дав вместе с тем возможность объявить народу, что государь согласен на образование ответственного министерства»[1]. Такой точки зрения придерживался и начальник Штаба. «Алексеев полагает, — сообщал император супруге 27 февраля, — что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов: продовольственного, железнодорожного, угольного и т.д. Это, конечно, совершенно справедливо»[2]. Именно М.В. Алексеев и предложил кандидатуру Н.И. Иванова. Перед обедом начальник Штаба первым сообщил Н.И. Иванову о его назначении[3].

Выступая за посылку Н.И. Иванова, М.В. Алексеев оказывал содействие не Николаю, а заговорщикам. Подразумевая экспедицию Н.И. Иванова, великий князь Николай Михайлович утверждал, что «вся эта инсценировка была созданием рук» А.И. Гучкова и М.В. Алексеева и имела целью «усыпить возможное беспокойство императора» и получить «отчет об истинном настроении войск царскосельского гарнизона»[4]. Начальник Главного артиллерийского управления генерал А.А. Маниковский знал истинную причину экспедиции. Вечером соратники А.И. Гучкова — князь Д.Л. Вяземский, М.И. Терещенко и член Прогрессивного блока князь И.С. Васильчиков — убеждали генерала взять на себя командование петроградским гарнизоном. Но А.А. Маниковский сказал, что «его вмешательство несвоевременно, так как государь уже командировал в Петербург генерала Иванова»[5]. Если бы в Н.И. Иванове А.А. Маниковский видел противника оппозиции, то принял бы сделанное ему предложение.

Николай также не считал экспедицию Н.И. Иванова чисто репрессивной мерой. За обедом император согласился с генералом, который говорил Николаю, что «нужно войска в Петрограде успокоить». Но в качестве примера того, как это сделать, Н.И. Иванов рассказал о прекращении им без единого

---

[1] *Лейхтенбергский Н.Н.* Беседа с журналистом Л. Ганом о последних днях Николая II в Ставке // Отречение Николая II... С. 201.

[2] Николай II — Александре Федоровне 27 февраля 1917 г. // Николай II в секретной переписке... С. 657.

[3] Допрос генерала Н.И. Иванова 28 июня 1917 г. // Падение царского режима... Т. 5. М.–Л., 1926. С. 313.

[4] *[Николай Михайлович]* Записки Н.М. Романова [Публ. А.А. Сергеева] // Красный архив. Т. 49. М., 1931. С. 110. А.И. Гучков находился «в добрых отношениях» с Н.И. Ивановым. Еще до войны он принадлежал к числу генералов, которые помогали А.И. Гучкову «ориентироваться в военных вопросах, указывая главные потребности», и «давали те или другие советы». Именно от Н.И. Иванова А.И. Гучков получил компромат на полковника С.Н. Мясоедова (А.И. Гучков рассказывает... [Публ. С.М. Ляндреса и А.В. Смолина] // Вопросы истории. 1991. № 7, 8. С. 200).

[5] *[Васильчикова Л.Л.]* Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Л.Л. Васильчиковой. 1886–1919. СПб., 1995. С. 358.

выстрела волнений в Харбине. Генерал не лукавил, ибо действительно был известен как «поклонник мягких действий»[1].

После обеда Николай заявил Н.И. Иванову: «Я вас назначаю главнокомандующим Петроградским округом. Там в запасных батальонах беспорядки, и заводы бастуют. Отправляйтесь. Я прикажу начальнику Штаба несколько частей послать в Петроград для освежения»[2]. Н.И. Иванов доложил, что «министры не пользуются доверием и уважением народа», а потому — «необходимо дать удовлетворение путем реформ». Доказывая необходимость «министерства доверия», генерал добавил, что «в случае народных волнений далеко не все войска останутся на стороне правительства»[3]. «Кому же поручить, кому доверить составление такого министерства?» — поинтересовался Николай. Генерал ответил, что кандидатами в премьеры «все называют Кривошеина, Самарина, графа Игнатьева, князя Львова», а также М.В. Родзянко[4]. Таким образом, генерал поддержал идею «министерства доверия». Николай на слова собеседника ничего не возразил. «Мое впечатление, — вспоминал Н.И. Иванов, подразумевая вопрос о «министерстве доверия», — было таково, что для царя этот вопрос отнюдь не был новым и что относился он к нему благосклонно»[5]. Как сообщал Н.И. Иванов А.И Гучкову 9 апреля 1917 г., благосклонное отношение царя к совету Н.И Иванова привело его к заключению, что Николай решил управлять «при посредстве министерства доверия в соответствии с желанием большинства Государственной думы»[6].

После беседы Н.И. Иванов сообщил Д.Н. Дубенскому: «Дается ответственное министерство, послана об этом телеграмма в Петроград. Государь надеет-

---

[1] Допрос генерала Д.Н. Дубенского 9 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 398. Н.И. Иванов имел репутацию «человека мягкого и миролюбивого по натуре» (*Дитерихс М.К.* Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. В 2-х чч. М., 1991. Ч. 2. С. 108). На посту главнокомандующего Юго-Западным фронтом он «почти никогда не подписывал бумаг о казни» (Допрос генерала Д.Н. Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 401). Неправ, поэтому, Г.М. Катков, который указывал, подразумевая Н.И. Иванова: «В 1906 г., во время подавления Кронштадтского восстания, он показал себя безжалостным приверженцем дисциплины». Кроме того, Г.М. Катков ошибочно считал, что Н.И. Иванов командовал не только Юго-Западным, но и Западным фронтом (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 308). Р. Пайпс объяснял назначение Н.И. Иванова тем, что он «имел солидный опыт службы в жандармерии» (*Пайпс Р.* Русская революция... С. 315). Но Н.И. Иванов никогда в жандармерии не служил.

[2] Допрос генерала Н.И. Иванова 28 июня 1917 г. // Падение царского режима... Т. 5. М.–Л., 1926. С. 313, 315.

[3] Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию... // Вопросы архивоведения. № 1. М., 1962. С. 104.

[4] Допрос генерала Н.И. Иванова 28 июня 1917 г. // Падение царского режима... Т. 5. М.–Л., 1926. С. 314; *Перетц Г.Г.* В цитадели русской революции. СПб., 1997. С. 30.

[5] *Перетц Г.Г.* Указ. соч. С. 30.

[6] Экспедиция генерала Иванова на Петроград [Публ. И.Р. Гелис] // Красный архив. Т. 17. М.–Л., 1926. С. 226. Комментируя подобные свидетельства, Г.М. Катков отмечал, что во время беседы с Н.И. Ивановым Николай «будто бы и обронил те слова, из которых возникла потом легенда, что царь именно там и тогда и решил пойти на уступки конституционного характера» (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 310). Однако сопоставление свидетельства Н.И. Иванова со свидетельствами других, находившихся в Могилеве осведомленных современников, не дает основания для того, чтобы трактовать как легенду версию о том, что именно 27 февраля Николай «решил пойти на уступки конституционного характера».

ся, что это внесет успокоение и восстание можно будет потушить»[1]. Хотя относительно телеграммы Н.И. Иванов ошибся, его назначение действительно не свидетельствовало о согласия царя на кровавое подавление восстания.

Прекратить беспорядки Николай надеялся преимущественно политическими средствами. Беседуя с В.Н. Воейковым после назначения Н.И. Иванова, Николай выразил уверенность, что «прибытие всеми любимого и уважаемого в армии генерала Иванова даст возможность мирным и спокойным путем разрешить военные беспорядки»[2]. Мнение о мирном характере своей миссии разделял Н.И. Иванов. Он полагал, что «все закончится скоро и мирно»[3]. Генерал ехал «как посланник царя», чтобы войти в переговоры с М.В. Родзянко, а потому «не хотел принимать никаких кровавых мер»[4]. По приезде в Петроград Н.И. Иванов намеревался устранить кабинет Н.Д. Голицына и привлечь к управлению «новые живые силы», поручив образование правительства А.В. Кривошеину или А.Д. Самарину[5].

Не собирался употреблять оружие и командир посланного вместе с ним Георгиевского батальона генерал И.Ф. Пожарский. Он заявил подчиненным,

---

[1] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... // Отречение Николая II... С. 51.

[2] [Воейков В.Н.] С царем и без царя... С. 127. Несмотря на свидетельство В.Н. Воейкова и другие данные, версия о том, что экспедицию Н.И. Иванова Николай расценивал как исключительно карательную, получила большое распространение в историографии. Назначив Н.И. Иванова, полагал Г.З. Иоффе, «Николай II решительно встал» «на путь вооруженной борьбы с революцией» (*Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984. С. 84). Это мнение верно лишь отчасти. Если бы Николай «решительно встал» на указанный путь, то не стал бы назначать отнюдь нерешительного генерала. «Но разве не видно в замысле экспедиции Иванова, — вопрошал Г.З. Иоффе в своей монографии, — некой копии "операции", которую царское правительство осуществило еще в 1905 г.? Тогда карательные эшелоны генералов Ренненкампфа и Меллер-Закомельского, двигаясь по Сибирской магистрали, привели "к порядку" всё, что попадалось на их пути. Николай II либо сам вспомнил об этом "опыте", либо кто-то из окружения услужливо напомнил о нем» (*Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 61, 62). Во-первых, операция, о которой писал Г.З. Иоффе в 1905 г., вернее — в конце этого года, была только «задумана», а осуществлена — в начале 1906 г. Во-вторых, Г.З. Иоффе упустил из виду, что сходство между экспедицией Н.И. Иванова и действиями П.К. фон Ренненкампфа и А.Н. Меллер-Закомельского чисто внешнее — и тот и другие передвигались по железной дороге. Но сам этот факт едва ли может служить основанием для полного отождествления Н.И. Иванова с генералами-карателями 1905–1906 г. Тем не менее и позднее Г.З. Иоффе не хотел видеть в экспедиции Н.И. Иванова ничего, кроме «кулака», «занесенного над Петроградом» (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 38). Впрочем, в преувеличении карательного потенциала экспедиции Г.З. Иоффе был не одинок. «Отрицая любую форму компромисса, — писал о Николае Ц. Хасегава, — он решил направить карательные части во главе с генералом Н.И. Ивановым на усмирение революции в столице» (*Хасегава Ц.* Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 104). Все обстояло как раз иначе. Именно потому, что Николай не отрицал «любую форму компромисса», он и послал Н.И. Иванова. Более резонно мнение В.И. Старцева относительно «естественного преувеличения роли Иванова как возможного карателя со стороны мемуаристов из думского лагеря: они ведь еще не были уверены в окончательной победе и боялись репрессий в случае неудачи революции» (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 40).

[3] *Лукомский А.С.* Из воспоминаний... С. 17.

[4] Допрос генерала Д.Н. Дубенского 9 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 399, 401.

[5] Показания А.А. Ладыженского // ГАРФ Ф. 1467 (Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства). Оп. 1. Д. 467. Л. 25.

что «приказания стрелять в толпу» «не отдаст, хотя бы оно исходило от генерала Иванова». Исходя из примирительного настроения Пожарского, батальонные офицеры говорили солдатам, что «они едут в Царское Село для охраны дворца»[1].

Карательный характер экспедиции не придало бы и присоединение к ней фронтовых частей. Офицеры Ставки, сочувствовавшие оппозиции, выделили Н.И. Иванову части, готовые перейти на сторону восставших. Эти же офицеры дали Н.И. Иванову в начальники его штаба подполковника Н.Я. Капустина, стоявшего «на стороне переворота»[2]. Сторонником оппозиции был и А.А. Лодыженский, откомандированный в распоряжение Н.И. Иванова для содействия ему в области гражданского управления. Обрисовывая настроения А.А. Лодыженского и его подчиненного С.П. Валуева, М.К. Лемке записал еще 23 января 1916 г., что они «сильно полевели. Процесс полевения захватил массу людей, гораздо большую, чем в японскую войну, и вся правизна, навеянная с 1906 г., постепенно исчезает»[3]. Характерно, что А.А. Лодыженский взял с собой составленный в июне 1916 г. проект манифеста, подразумевавшего образование «министерства доверия», учреждение поста верховного министра и дарование политической амнистии[4]. Таким образом, экспедиция носила, по меньшей мере, двойственный характер, имея целью нормализацию ситуации в Петрограде при помощи не только карательных, но и политических мероприятий.

Н.И. Иванов должен был выехать из Могилева после монарха. Ускорению отъезда Николая в Царское Село способствовал состоявшийся около 22 часов телефонный разговор обер-гофмаршала графа П.К. Бенкендорфа с В.Н. Воейковым. По поручению Александры Федоровны граф передал, что царица очень беспокоится за детей ввиду всего происходящего в столице и собирается выехать с детьми навстречу супругу. Беспокойство царицы, сообщил обер-гофмаршал, вызвали сведения, полученные от М.А. Беляева. По словам военного министра, «волнения в Петрограде настолько разрослись, что нужно опасаться движения революционной толпы из Петрограда на Царское Село». В.Н. Воейков совместно с В.Б. Фредериксом немедленно доложил Николаю содержание разговора с П.К. Бенкендорфом. Отвергнув предложение обер-гофмаршала, Николай повелел: «Передайте Бенкендорфу, чтобы он доложил ее величеству, что ввиду создавшегося положения я сам решил сейчас ехать в Царское Село, и сделайте распоряжения для отъезда»[5].

Будучи сторонником соглашения с оппозицией, выработку конкретных условий такого соглашения Николай поставил, однако, в зависимость от

---

[1] Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию... // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 105.

[2] *Верховский А.И.* На трудном перевале... С. 229.

[3] *Лемке М.К.* 250 дней в Царской Ставке. [С]Пб., 1921. С. 478, 479.

[4] Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию... // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 104.

[5] *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя... С. 125, 126. Г.М. Катков полагал, что П.К. Бенкендорф — «заместитель дворцового коменданта» (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 309). На самом деле этот пост занимал П.П. Гротен.

личного ознакомления с ситуацией, сложившейся в Петрограде. Это показала реакция царя на предложения, выдвинутые великим князем Михаилом Александровичем в ходе начавшегося в 22.30 телеграфного разговора великого князя с М.В. Алексеевым. Михаил высказался за немедленную замену кабинета Н.Д. Голицына «министерством доверия» во главе с Г.Е. Львовым. Начальник Штаба, передавая мнение Николая, заявил: «Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе, его императорское величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село». Сам М.В. Алексеев присоединился к предложению великого князя, попросив его, чтобы мысли «как относительно замены современных деятелей Совета министров, так и относительно способа выбора нового Совета», он поддержал перед самодержцем[1]. Выступая за немедленное введение парламентаризма, М.В. Алексеев оказывался в противоречии с императором. Но не потому, что Николай был против уступок вообще, а потому, что решение об их конкретных формах он откладывал до своего приезда в Царское Село. Для приближенных императора представлялось очевидным, что по возвращении туда Николай пойдет навстречу оппозиции. Около 23 часов чиновник Министерства двора барон Р.А. Штакельберг сообщил Д.Н. Дубенскому, что «ответственное министерство, на которое согласился его величество, может поправить дело». Чины Свиты надеялись, что «предуказанный парламентский строй внесет успокоение в общество»[2].

Николай не хотел идти на уступки вслепую, будучи далеко от места событий. Передавая генерал-квартирмейстеру Ставки генералу А.С. Лукомскому телеграмму Н.Д. Голицыну, Николай заявил: «Это мое окончательное решение, которое я не изменю, а поэтому бесполезно мне докладывать еще что-либо по этому вопросу»[3]. Телеграмма, отправленная в 23.25, гласила: «О главном военном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего Штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично Вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе — при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми»[4]. Царь являлся противником перемен именно при данных обстоятельствах, а не вообще. Это показало поведение Николая во время доклада М.В. Алексеева, начавшегося в 0.55 28 февраля[5].

---

[1] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 10–12. Комментируя ответ Николая Михаилу, В.И. Старцев писал: «Итак, уступки — уступками, а сдаваться царь еще не собирался» (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 40). Но содержание ответа говорит об обратном — о готовности Николая пойти на уступки по возвращении в Царское Село.

[2] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... // Отречение Николая II... С. 52.

[3] *Лукомский А.С.* Из воспоминаний... С. 17–18.

[4] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 13. Опровергая информацию Д.Н. Дубенского о готовности Николая дать «ответственное министерство», Г.З. Иоффе писал, что телеграмма Н.Д. Голицыну «вообще не оставляла никаких сомнений в подлинных намерениях царя» (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 35). Но если сопоставить эту телеграмму с ответом Николая Михаилу, а также учесть, что под «ответственным министерством» Д.Н. Дубенский понимал «министерство доверия», то можно прийти к выводу, что «подлинными намерениями царя» было отнюдь не то, что подразумевал Г.З. Иоффе.

[5] Камер-фурьерский журнал за февраль 1917 г. ... Л. 7 об.

Начальник штаба принес только что полученные телеграммы Н.В. Рузского и С.С. Хабалова. Н.В. Рузский поддержал М.В. Родзянко, а С.С. Хабалов расписался в своем бессилии[1]. М.В. Алексеев умолял немедленно согласиться на требования М.В. Родзянко и «дать конституцию»[2]. Царь не оспоривал генерала. Николай говорил, что «теперь, когда будет создаваться ответственное министерство, ему придется задержаться в Царском, так как новые условия организации правительства потребуют его пребывания в столице»[3]. Под «ответственным министерством» Николай разумел «министерство доверия», не видя, как и его приближенные, разницы между этими понятиями.

По окончании разговора с М.В. Алексеевым Николай поручил В.Н. Воейкову переговорить по телеграфу с М.А. Беляевым. Военный министр сообщил, что «положение — катастрофическое», «все правительство, равно как и командующий войсками Хабалов, совершенно растерялись, и, если не последует энергичного вмешательства, революция примет грандиозные размеры»[4].

Перейдя в поезд, Николай в 2.10 принял Н.И. Иванова[5]. Генерал доложил, что не предполагает вводить в Петроград отправляемые туда войска, а задержит их в районе Царского Села до тех пор, пока не выяснится положение в столице. Только после этого, полагал Н.И. Иванов, можно будет ввести войска «без вреда делу умиротворения». Генерал, поставивший себе целью создание в Петрограде двухнедельного запаса угля и продовольствия, попросил Николая повелеть министрам земледелия, торговли и внутренних дел оказывать ему, Н.И. Иванову, содействие. Царь одобрил первое предложение, а по поводу второго сказал: «Передайте генералу Алексееву мое приказание председателю Совета министров, чтобы все министры исполняли требования главнокомандующего Петроградским военным округом беспрекословно»[6]. Объясняя, почему он отказывался ввести парламентаризм, Николай заявил: «Я берег не самодержавную власть, а Россию. Я не убежден, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу». Но «теперь он считает необходимым согласиться на это требование Думы, так как волнения дошли до бунта и противодействовать он не в силах». Николай говорил об «упорной агитации, которая давно ведется против императрицы и его самого», и сожалел, что «их лучшим стремлениям никогда не верили, и злобные слухи доходили до того, что высказывались подозрения о возможности сношений между ними и врагом России императором Вильгельмом»[7].

---

[1] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 13, 15, 16.

[2] Допрос генерала Д.Н. Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 411.

[3] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... // Отречение Николая II... С. 52.

[4] *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя... С. 126, 127.

[5] Камер-фурьерский журнал за февраль 1917 г. ... Л. 7 об.

[6] Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию... // Вопросы архивоведения. № 1. М., 1962. С. 104.

[7] *Дубенский Д.Н.* Указ. соч. // Отречение Николая II... С. 53.

Реагируя на слова Н.И. Иванова: «Ваше величество, позвольте напомнить относительно реформ», Николай заметил: «Да, да. Мне об этом только что напомнил генерал Алексеев»[1]. Ответ императора утвердил Н.И. Иванова, что Николай решил перейти «к системе управления через министерство общественного доверия»[2]. Утверждению генерала в этой мысли способствовало и то, что в ответ на заявление Н.И. Иванова: «Ваше величество, я решил войска не вводить, потому что, если ввести войска, произойдет междоусобица и кровопролитие», царь немедленно сказал: «Да, конечно»[3].

Отъезд Николая из Могилева последовал в 5 часов утра[4]. Готовность императора на уступки оппозиции имела тем большее значение, что разувериться лично в лояльности армии он не имел даже тогда, когда революция в Петрограде уже победила. Вот как описывал флигель-адъютант А.А. Мордвинов состоявшуюся утром, на какой-то небольшой станции, встречу царского поезда офицерами и солдатами находившегося на ней пехотного полка: «Им, видимо, было уже известно о проходе императорского поезда: часть людей с оркестром стояла выстроенная на платформе, часть выскакивала из теплушек и пристраивалась к остальным, часть густой толпой бежала около наших вагонов, заглядывая в окна и сопровождая поезд. Его величество встал из-за стола и подошел к окну. Звуки гимна и громовое “ура”, почти такой же искренней силы, как я слышал на последнем смотру запасных в Петрограде, раздались с платформы при виде государя и невольно наполнили меня вновь чувством надежды и веры в нашу великую военную семью и благоразумие русского народа»[5].

В течение 28 февраля Николай думал о формах возможного компромисса с оппозицией. Характеризуя настроение царя в это время, С.П. Федоров сообщил Д.Н. Дубенскому: «Государь сегодня был довольно спокоен и надеялся, что раз он дает ответственное министерство и послал генерала Иванова в Петроград, то опасность устраняется и можно ждать успокоения»[6]. Николай намеревался поставить во главе кабинета М.В. Родзянко и предоставить ему выбор всех министров, за исключением министров Двора, военного, морского и иностранных дел. По мысли царя, Совет министров должен был остаться

---

[1] Допрос генерала Н.И. Иванова 28 июня 1917 г. // Падение царского режима... Т. 5. М.–Л., 1926. С. 318.

[2] Экспедиция генерала Иванова на Петроград... // Красный архив. Т. 17. М.–Л., 1926. С. 230. По мнению Г.М. Каткова, Д.Н. Дубенский и Н.И. Иванов не смогли доказать, что «царь намеревался поручить формирование правительства народного доверия Родзянко» (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 298). Но Г.М. Катков не смог доказать и обратного. В то же время неправ и А.Н. Боханов. По его словам, 27 февраля в Ставке «стало известно, что императором послана телеграмма М.В. Родзянко с согласием на создание ответственного министерства» (*Боханов А.Н.* Император Николай II. М., 1998. С. 402). Не откомментировав это утверждение, А.Н. Боханов тем самым согласился с тем, что телеграмма была послана. Между тем ничего подобного 27 февраля не наблюдалось.

[3] Допрос генерала Н.И. Иванова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима... Т. 5. М.–Л., 1926. С. 318.

[4] Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.

[5] *Мордвинов А.А.* Последние дни императора // Отречение Николая II... С. 97.

[6] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... // Отречение Николая II... С. 56.

ответственным перед ним, а не Думой[1]. Следовательно, Николай размышлял о даровании «министерства доверия», т.е. о введении парламентаризма не де-юре, а де-факто, при формальном сохранении дуалистической системы.

Если для Николая «министерство доверия» было целью, то для вождей переворота оно представлялось не целью, а только средством для достижения другой цели — царского отречения. В ночь с 27 на 28 февраля среди думцев «родилась мысль об отречении императора Николая II в пользу малолетнего наследника»[2]. Обсуждением вопроса об отречении Николая в пользу Алексея при регентстве Михаила Временный комитет был занят уже с утра 28 февраля. Первым вопрос об отречении поднял в комитете А.И. Гучков. Он настаивал, чтобы М.В. Родзянко «взял на себя эту задачу»[3]. После составления акта об отречении думцы решили, что «с требованием подписания» такого акта к императору должны поехать М.В. Родзянко и председатель Бюро Прогрессивного блока С.И. Шидловский[4].

Планы Временного комитета Думы были известны Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов. Около 14.00 на пленарном заседании исполкома социал-демократ Н.Д. Соколов сообщил «под строгим секретом», что Временный комитет «предпринимает меры к получению от Николая II акта об отречении»[5]. Решимости руководителям переворота придавала позиция Ставки. Пока литерные поезда, в одном из которых находился монарх, а в другом — его Свита, ехали по направлению к Царскому Селу, в Могилеве произошло событие, повлиявшее на их маршрут. Этому предшествовало получение М.В. Алексеевым телеграмм С.С. Хабалова и М.А. Беляева[6]. Их сообщения окончательно убедили начальника Штаба, что в Петрограде старый порядок уже проиграл.

В 12.25 М.А. Беляев отправил М.В. Алексееву еще одну телеграмму. Она уведомляла, что, поскольку министр путей сообщения Э.Б. Войновский-Кригер и МПС «не могут выполнять своих функций», управление

---

[1] *Мордвинов А.А.* Последние дни императора... С. 98.

[2] *Шульгин В.В.* Дни. // Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 194.

[3] Показания А.И. Гучкова 2 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 263.

[4] «Протокол событий» Февральской революции // Февральская революция 1917 г. Сб. док. и мат. Сост., пред. и прим. О.А. Шашковой. М., 1996. С. 124, 125. Неправ, поэтому, Г.З. Иоффе, который писал, что М.В. Родзянко «вплоть до 2 марта практически не допускал мысли об отречении» (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых... С. 28). Если бы это было так, то М.В. Родзянко как председатель Временного комитета Думы не допустил бы обсуждения им вопроса об отречении или, по крайней мере, сопротивлялся постановке подобного вопроса.

[5] *Рафес М.Г.* Мои воспоминания // Былое. № 19. Пг., 1922. С. 193.

[6] «Число оставшихся верных долгу, — телеграфировал С.С. Хабалов М.В. Алексееву в 8.21, — уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников при 15 пулеметах, 12 орудиях, с 80 патронами всего. Положение до чрезвычайности трудное». «Мятежники, — телеграфировал М.А. Беляев М.В. Алексееву и В.Н. Воейкову в 11.32, — овладели во всех частях города важнейшими учреждениями». «Скорейшее прибытие войск, — полагал М.А. Беляев, — крайне желательно, ибо, до прибытия надежной вооруженной силы, мятеж и беспорядки будут только увеличиваться» (Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 19, 20).

железнодорожной сетью «должно без замедления перейти к товарищу министра на театре военных действий». Должность эту с 17 января 1917 г. занимал находившийся в Ставке генерал В.Н. Кисляков, который сочувствовал заговорщикам[1]. М.В. Алексеев наложил на телеграмме следующую резолюцию: «Управление всеми железными дорогами временно принимаю на себя через товарища министра путей сообщения на театре военных действий». В.Н. Кисляков убедил М.В. Алексеева отложить исполнение этого распоряжения (как гласило отношение В.Н. Кислякова А.С. Лукомскому от 1 марта) «впредь до нарушения действий» Управления железных дорог МПС.

Через полтора часа после подачи телеграммы М.А. Беляева МПС было занято комиссаром Временного комитета Думы А.А. Бубликовым. Об этом он известил телеграммой, посланной в 13.50 на все станции. В телеграмме приводилось обращение к железнодорожникам М.В. Родзянко, сообщавшего, что Дума «взяла в свои руки создание новой власти»[2]. Из телеграммы Россия узнала, что власть перешла к Думе. «Было ли так на самом деле? — вопрошал единомышленник А.А. Бубликова. — Конечно нет. Бубликов поступил так же, как Бисмарк с Эмской телеграммой. Он подправил действительность»[3]. Тем не менее передвижение литерных поездов отныне действительно зависело от Думы. А.А. Бубликов, по его признанию, «с особенной внимательностью» следил за литерными поездами и поездом Н.И. Иванова и принимал меры «по задержанию таких поездов в подходящих для этого местах»[4]. А.А. Бубликовым руководил товарищ председателя Временного комитета Н.В. Некрасов. Он признавался, что одним из его наиболее ярких воспоминаний является «погоня за царским поездом».

---

[1] *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917) // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 56. По сведениям А.И. Спиридовича, В.Н. Кисляков «был одним из изменников в Ставке. Он стоял на стороне революции. Еще не так давно перед тем он старался совратить на сторону заговора одного из видных чинов, причастных к Министерству путей сообщения» (*Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. В 3-х тт. Нью-Йорк, 1960–1962. Т. 3. Нью-Йорк, 1962. С. 240, 241). А.И. Спиридович имел в виду начальника Управления военных сообщений Ставки генерала Н.М. Тихменева. В.Н. Кисляков, по воспоминаниям Н.М. Тихменева, был «шаткий человек». После победы переворота В.Н. Кисляков «сразу резко отделился» от могилевских сослуживцев, «считая себя членом Временного правительства». Он «находился в оживленной и искательной переписке» с комиссаром Временного комитета Думы по МПС А.А. Бубликовым и первым революционным министром путей сообщения Н.В. Некрасовым (*Тихменев Н.М.* Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в Ставке. М., 1990. С. 17, 18).

[2] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 25, 26, 32, 33. Г.М. Катков ошибочно утверждал, что телеграмма М.А. Беляева о МПС была послана «после того, как Бубликов захватил министерство» (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 315).

[3] *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. // *Станкевич В.Б.* Воспоминания 1914–1919. *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 230. Г.М. Катков отмечал, что Ю.В. Ломоносов — «генерал-майор» (*Катков Г.М.* Указ. соч. С. 312). На самом деле он имел гражданский чин действительного статского советника, и если и был генерал-майором, то статским.

[4] А.А. Бубликов в Москве (беседа) // Утро России. 1917. 19 марта. № 75.

которым Н.В. Некрасову «довелось управлять из Государственной думы, давая распоряжения Бубликову»[1].

Если бы М.В. Алексеев послушался М.А. Беляева, а не В.Н. Кислякова, ситуация стала бы другой. Руководство железнодорожной сетью осуществлялось бы не из Петрограда, а из Могилева и, следовательно, путь на Царское Село был бы для литерных поездов открыт. Факт того, что после телеграммы А.А. Бубликова М.В. Алексеев не взял под свое управление железные дороги, говорил о признании начальником штаба Временного комитета, а значит — и революции. Сделать это генералу было тем легче, что в Петрограде организованное сопротивление старого порядка прекратилось. Телеграммой, полученной Ставкой в 14.25, М.А. Беляев уведомил М.В. Алексева о выводе из Адмиралтейства последних, верных царскому правительству воинских частей[2]. Начальник Северо-Западных железных дорог Ф.М. Валуев повел себя иначе, чем М.В. Алексеев.

Получив телеграмму А.А. Бубликова, Ф.М. Валуев телеграфировал подчиненным «немедленно прекратить всякое движение»[3]. Когда же А.А. Бубликов приказал Ф.М. Валуеву приготовить поезд, он ответил отказом. Более того, Ф.М. Валуев сам сел в поезд и поехал навстречу царю[4]. Через несколько километров Ф.М. Валуева арестовали революционеры, которые привезли его в Петроград и расстреляли на Измайловском мосту.

Содержание телеграммы А.А. Бубликова в царском поезде узнали лишь около 21.00, когда он достиг Лихославля. Телеграмму передало В.Н. Воейкову местное жандармское начальство[5]. Между тем начальник штаба, встав на сторону революции, призвал к этому Н.И. Иванова, который ехал в Царское Село по более короткому маршруту. В 1.15 ночи 1 марта М.В. Алексеев телеграфировал Н.И. Иванову о необходимости отказа от борьбы с восставшими и вступления в переговоры с ними. Телеграмма начальника штаба, начиная с 13.35, была передана главнокомандующим фронтами. «Частные сведения, — начиналась эта телеграмма, — говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие». Обосновывая необходимость отказа от борьбы с восставшими, которые победили, пока что, только в Пе-

---

[1] Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. [Публ. В.В. Поликарпова] // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 20. В этой связи нельзя не согласиться с Ц. Хасегавой, который писал: «С помощью осторожных манипуляций с информацией и используя соответствующие распоряжения железнодорожному начальству Думским комитетом было приостановлено движение карательных частей генерала Иванова и предотвращен приход поезда Николая в Царское Село» (*Хасегава Ц.* Февральская революция. С. 105).

[2] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 27. По мнению Г.З. Иоффе, до вечера 28 февраля Ставка «поддерживала курс на вооруженную борьбу с петроградскими беспорядками», а с этого момента М.В. Алексеев «все более утверждался в мысли о необходимости соглашения с Временным комитетом» (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых... С. 43). Подобное мнение представляется необоснованным. За соглашение с Думой генерал выступал и ранее, не видя в этом противоречия с «курсом на борьбу с беспорядками», поскольку официально нижняя палата была в стороне от них. Отказ М.В. Алексеева от «борьбы с беспорядками» объяснялся тем, что 28 февраля Дума их легализовала.

[3] *Перетц Г.Г.* В цитадели русской революции... С. 44.

[4] *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М., 1991. С. 202; Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 232.

[5] *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя... С. 127.

трограде, начальник штаба сообщал: «Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о незыблемости монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства. Ждут с нетерпением приезда Его величества, чтобы представить Ему всё изложенное и просьбу принять это пожелание народа. Если эти сведения верны, то изменяются способы Ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы. Воззвание нового министра путей Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите Его величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию»[1]. Телеграмма свидетельствовала об окончательном переходе М.В. Алексеева на сторону новой власти, стремившейся, по его мнению, не к установлению республики, а к замене дуалистической монархии монархией парламентарной. Готовность начальника Штаба к полному признанию революции была такова, что оно произошло еще до того, как Временный комитет официально уведомил М.В. Алексеева о взятии власти. Комитет отправил соответствующую телеграмму М.В. Алексееву и главнокомандующим только в 5.51[2].

Незадолго до телеграммы литерные поезда прибыли в Малую Вишеру, где В.Н. Воейкову сообщили об опасности следования по прежнему маршруту, поскольку Тосно заняли восставшие. Данная информация не соответствовала действительности: после небольших волнений в Тосно был восстановлен порядок[3]. Во время беседы с императором, начавшейся в 3 часа утра[4], дворцовый комендант сообщил, что ехать на Тосно считает нежелательным. Необходимо, полагал он, ехать в Бологое, чтобы оттуда попасть в район, близкий к действующей армии, где движение пока еще не нарушено. Николай заявил, что хотел бы прибыть в ближайший пункт, где имеется телеграфный аппарат. В.Н. Воейков доложил, что таким пунктом будет Псков, располагавшийся в трех часах от станции Дно. Николай повелел ехать на Бологое–Дно[5]. К задержкам в пути царь относился «необычайно спокойно», полагая, что это случайный эпизод, который не помешает ему доехать до Царского

---

[1] **Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 31–33, 36, 49, 50.**

[2] **«Временный комитет членов Государственной думы, — гласила телеграмма, — сообщает Вашему высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной думы» (Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 36). Согласно другим данным, эта телеграмма была послана начальнику Штаба Ставки, главнокомандующим фронтами и командующим флотами «в ночь с 27 на 28 февраля» («Протокол событий» Февральской революции... // Февральская революция 1917 г. ... С. 119).**

[3] ***Мельгунов С.П.*** **Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961. С. 70.**

[4] **Камер-фурьерский журнал за март 1917 г. ... Л. 8.**

[5] ***[Воейков В.Н.]*** **С царем и без царя... С. 128.**

Села. Пока планировался маршрут литерных поездов, чины Свиты обсуждали состав Временного комитета и находили его «соответствующим настоящему моменту». На замечание Д.Н. Дубенского, что «вряд ли социалист Керенский может быть полезен», генералу ответили: «Кто знает, он может успокоить рабочих, левое крыло Думы и несколько утихомирить революционные проявления, если, конечно, пожелает начать работать, а не продолжать революцию»[1].

После определения маршрута литерных поездов их инспектор М.И. Ежов потребовал по телеграфу от начальника Службы движения Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги Л.А. Гринчука-Лукашевича перевести поезда со станции Бологое на эту железную дорогу. Л.А. Гринчук сочувствовал революции, а потому телеграфировал А.А. Бубликову, спрашивая его указаний. А.А. Бубликов распорядился литеры принять и дать им назначение до станции Дно. Около 7 часов утра поезда поехали с Бологого по направлению к Дну[2]. В Бологом была назначена смена паровозной бригады. Однако машинисты и другие служащие, несмотря на свое утомление, сменяться не захотели и выразили «непреклонное намерение ехать с императорским поездом и далее»[3]. В отличие от машинистов, высшее железнодорожное начальство уже служило революции.

В 10.40 А.А. Бубликов отправил Л.А. Гринчуку новую телеграмму, которая требовала воспрепятствовать прибытию царя в Дно. «По распоряжению Исполнительного комитета Государственной думы, — телеграфировал А.А. Бубликов, — благоволите немедленно отправить со станции Дно в направлении на Бологое два товарных поезда, следом друг за другом, и занять ими какой-либо разъезд возможно восточнее станции Дно и сделать физически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологое на Дно. За неисполнение или недостаточно срочное исполнение настоящего предписания будете отвечать как за измену пред отечеством»[4].

Копия телеграммы была принята Ставкой в 11 часов. Из телеграммы явствовало с несомненностью, что деятельность Временного комитета имеет откровенно революционный характер. Однако положительное отношение М.В. Алексеева к комитету не поколебалось. Это доказывало, что поддержка генералом революции была безусловной. Между тем, даже Л.А. Гринчук усомнился, действительно ли А.А. Бубликов отправил телеграмму, и созвонился с Петроградом. А.А. Бубликов пояснил, что отправил ее, дабы встреча М.В. Родзянко с императором состоялась именно в Бологом. Когда до прибытия литерных поездов на Дно оставалось два часа, Л.А. Гринчук телеграфировал старшим служащим этой станции «всеми способами» задержать поезда, преградив им дорогу на Дно. Там находились армейские подразделения, которые поддерживали старый порядок. Рядовые железнодорожники по поддельной путевой послали навстречу царскому поезду товарный поезд.

---

[1] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... // Отречение Николая II... С. 56, 57.

[2] Как был задержан поезд Николая II. // Утро России. 1917. 21 апреля. № 100.

[3] *Мордвинов А.А.* Последние дни императора... С. 103.

[4] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 36.

За ним отправился паровоз без вагонов под командой двух старших служащих. Они планировали устроить на перегоне загромождение железнодорожного пути. Но этот план не удался. Как только паровоз отъехал, его задержал комендант станции Дно. Тогда служащие решили поехать навстречу царскому поезду другим путем, но были остановлены комендантом с командой солдат. Комендант пригрозил служащим расстрелом, и они, не имея оружия, подчинились. Л.А. Гринчук доложил об этом А.А. Бубликову. Комиссар сообщил, что в таком случае М.В. Родзянко поедет в Дно и необходимо только воспрепятствовать отправлению литерных поездов на юг по направлению к Ставке. В это время поезда стояли уже на входной стрелке и в 13.00 прибыли на станцию Дно[1].

Здесь императору передали телеграмму М.В. Родзянко: «Выезжаю на станцию Дно для доклада Вам, государь, о положении дел и необходимых мерах для спасения России. Убедительно прошу дождаться моего приезда, ибо дорога каждая минута»[2]. Прочитав телеграмму, Николай поинтересовался у В.Н. Воейкова, когда приедет М.В. Родзянко. Дворцовый комендант этого не знал, а потому пошел на станционный телеграф и немедленно снесся со столицей. Из Петрограда ответили, что «экстренный поезд для председателя Государственной думы заказан и стоит уже несколько часов в ожидании его приезда». В.Н. Воейков попросил позвонить в Таврический дворец и узнать, когда выедет М.В. Родзянко. Из дворца сообщили, что председатель Думы «сейчас в комиссии и не знает, когда сможет выехать»[3]. В.Н. Воейков телеграфировал М.В. Родзянко, что царь ожидает его на станции Дно. Некоторое время спустя А.А. Бубликов телеграфировал Л.А. Гринчуку, что М.В. Родзянко

---

[1] Как был задержан поезд Николая II...

[2] *Мельгунов С.П.* Мартовские дни... С. 55. По мнению Г.З. Иоффе, на станции Дно М.В. Родзянко не собирался предлагать императору отречься от престола, поскольку 28 февраля и «по крайней мере в первой половине 1 марта» вопрос об этом во Временном комитете Думы «прямо еще не ставился». (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых... С. 30). В действительности обсуждением вопроса об отречении Николая в пользу Алексея при регентстве Михаила Временный комитет Думы был занят с утра 28 февраля («Протокол событий» Февральской революции... // Февральская революция 1917 г. ... С. 124, 125).

[3] *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя... С. 128, 129. В историографии существует ошибочное мнение, что поездку М.В. Родзянко сорвало постановление Совета рабочих и солдатских депутатов, который высказался против предоставления ему поезда. В действительности, приняв такое постановление, Совет уже во втором часу дня 1 марта изменил его на противоположное под влиянием А.Ф. Керенского. «Что вы сделали? — обратился он к советским деятелям. — Как вы могли! Вы не дали поезда!.. Родзянко должен был ехать, чтобы заставить Николая подписать отречение, а вы сорвали это... Вы сыграли на руку монархии, Романовым. Ответственность будет лежать на вас!» (*Суханов Н.Н.* Записки о революции. В 3-х тт. М., 1991. Т. 1. С. 138) В результате подавляющим большинством голосов (против трех) Совет решил дать поезд М.В. Родзянко. Виновником того, что его поездка все-таки не состоялась, один из лидеров Прогрессивного блока Н.В. Савич считал себя. М.В. Родзянко сообщил Н.В. Савичу 1 марта, что кроме него и С.И. Шидловского к императору поедет и Н.С. Чхеидзе. Н.В. Савич поинтересовался у М.В. Родзянко, «насколько он уверен в том, что делегация вернется благополучно в Петроград при всяком исходе ее миссии», и есть ли «гарантия, что ее не арестуют в Бологом». М.В. Родзянко признал резонность опасений Н.В. Савича, заметив: «Он прав, мне как председателю Временного комитета нельзя туда ехать». Именно по причине страха за свою судьбу М.В. Родзянко отказался от поездки, несмотря на настояния некоторых членов Временного комитета. После этого отказался ехать С.И. Шидловский, а затем и Н.С. Чхеидзе (*Савич Н.В.* Воспоминания. СПб. — Дюссельдорф, 1993. С. 216).

в Дно не приедет. По телеграфной линии Управления Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги М.В. Родзянко информировал Николая, что выезжает в Псков, где и просит принять его[1]. Очевидно, М.В. Родзянко воплотил план, который обсуждался в его кабинете 9 февраля 1917 г. Тогда произошло совещание лидеров оппозиции с А.М. Крымовым и Н.В. Рузским. Участники совещания решили, что когда Николай «будет ехать из Ставки. его в районе армии Рузского задержат и заставят отречься»[2]. Таким образом, план оппозиционеров подразумевал вынуждение у царя отречения при помощи Н.В. Рузского, находившегося в Пскове.

Ответная телеграмма, отправленная В.Н. Воейковым, сообщала, что монарх примет председателя Думы в Пскове. Поскольку конечной целью литерных поездов было Царское Село, В.Н. Воейкова запросил Л.А. Гринчука по телеграфу, свободен ли путь туда. Л.А. Гринчук, согласно указанию А.А. Бубликова, ответил, что путь свободен. Несколько раз императорский поезд пытался самостоятельно уйти со станции Дно в Псков. Но железнодорожники не пускали поезд, объясняя В.Н. Воейкову причины задержки отсутствием угля и воды и занятостью железнодорожного пути. Железнодорожники оттягивали время, пока не получили распоряжения из Петрограда. «Благодаря железнодорожным служащим, — отмечал Л.А. Гринчук, — царский поезд метался между станциями Дно и Бологое, ища выхода и никак его не находил»[3].

Когда поезд отправился со станции Дно, Николай сообщил В.Н. Воейкову о своем намерении дать «ответственное министерство» и «пойти на такие уступки, которые могли бы разрешить создавшееся положение». Николай повелел генералу выехать из Пскова навстречу М.В. Родзянко и предупредить его о решении царя «пойти навстречу неоднократно ранее высказывавшемуся желанию»[4]. Таким образом, 1 марта в намерении ввести

---

[1] Как был задержан поезд Николая II...

[2] Запись беседы с Н.Д. Соколовым // *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 96.

[3] Как был задержан поезд Николая II...

[4] *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя... С. 129. По мнению Г.М. Каткова, «желание царя встретиться с Родзянко и проконсультироваться с ним вовсе не означало, как думали члены царской свиты, что он изменился в отношении конституции» (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 299). Но свидетельство В.Н. Воейкова, неучтенное Г.М. Катковым, опровергает его мнение, в подтверждение которого каких-либо свидетельств он так и не привел. «Ряд приближенных Николая, — писал В.С. Дякин, — в своих мемуарах утверждали, что еще по пути в Псков Николай решил согласиться на создание ответственного министерства. Документальных подтверждений этого нет, а поведение Николая в Пскове заставляет усомниться в этой версии» (*Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм... С. 338, 339). Но почему, собственно, надо отказывать воспоминаниям «приближенных Николая» в праве на то, чтобы быть «документальными подтверждениями»? Чем их еще можно признать, если не этим? В.С. Дякин прав в том, что по дороге в Псков император еще не собирался давать «ответственное министерство». В то же время В.С. Дякин ошибался, поскольку под «ответственным министерством» «приближенные» понимали «министерство доверия», а на его дарование Николай был согласен уже до приезда в Псков. Это подтверждается, прежде всего, его поведением в Пскове. Неправ, также, и В.И. Старцев, утверждавший, ссылаясь на П.Н. Милюкова, что Николай послал М.В. Родзянко телеграмму, в которой поручал ему представить новый состав кабинета (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 57). Подобная телеграмма не была послана ни 1, ни 2 марта.

парламентаризм император утвердился еще сильнее, хотя даже в это время, проезжая Старую Руссу, Николай мог убедиться лично, что революционное движение захватило пока что только Петроград и его окрестности. «Огромная толпа заполняла всю станцию, — вспоминал Д.Н. Дубенский, находившийся в свитском поезде. — Все смотрели с большим вниманием на наш поезд, снимали шапки, кланялись. Настроение глубоко сочувственное к царю, поезд которого только что прошел Руссу». «Невольно думалось, — отмечал генерал, — об этой разнице в отношении к царю среди простого народа в глубине провинции, здесь в Старой Руссе, и теми революционными массами Петрограда с солдатскими бунтами, благодаря которым государь принужден вернуться с своего пути на Царское Село»[1].

В намерении пойти на уступки царя поддерживали лица из его ближайшего окружения. «Для меня, — записал в этот день Д.Н. Дубенский, — совершенно ясно, что вопрос о конституции окончен, она будет введена наверное. Царь и не думает спорить и протестовать. Все его приближенные за это: граф Фредерикс, Нилов и другие, граф Граббе, Федоров, Долгорукий, Лейхтенбергский, все говорят, что надо только сговориться с ними, с членами Временного правительства». «Я, свидетель этих исторических событий, — подчеркивал Д.Н. Дубенский, — должен сказать по совести, что даже попыток протеста не было. Все говорили одно и то же: надо переговорить с Временным правительством и выработать условия»[2]. В пути на Псков чины Свиты готовили манифест, в котором монарх «призывал народ к спокойствию, указывая на необходимость единодушно с ним — царем — продолжать войну с немцами»[3]. В 19.36 В.Б. Фредерикс получил телеграмму А.А. Брусилова. Он просил убедить императора «признать совершившийся факт и мирно и быстро закончить страшное положение дела»[4]. Более всего в намерении пойти на уступки Николая поддерживала Ставка.

В телеграмме, отправленной царю в 15.55, М.В. Алексеев просил отказаться от подавления беспорядков и немедленно даровать «министерство доверия». В 18.13 А.С. Лукомский отправил в Псков для доклада Николаю телеграмму царю командующего Балтийским флотом адмирала А.И. Непенина. Еще в

---

[1] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... // Отречение Николая II... С. 57, 58.

[2] Допрос генерала Д.Н. Дубенского 9 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 403.

[3] *Дубенский Д.Н.* Указ. соч. // Отречение Николая II... С. 57.

[4] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 47.

10 утра адмирал сообщил о признании им Временного комитета[1]. В 18.54 в Ставке получили телеграмму кавказского наместника великого князя Николая Николаевича. Он поддержал доводы М.В. Алексеева из его телеграммы Н.И. Иванову[2]. Английский представитель при Ставке генерал Д. Хэнбери-Вильямс телеграфировал императору о необходимости «ответственного министерства»[3]. Переход на сторону новой власти Ставки, равно как и готовность императора пойти на уступки, создали предпосылку для легитимной замены дуалистической монархии монархией парламентарной. Теперь все зависело от того, поддержит ли Николая Н.В. Рузский.

С.В. Куликов

---

[1] «Подавление беспорядков силою, — телеграфировал М.В. Алексеев, — при нынешних условиях опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока Государственная дума старается водворить возможный порядок, но если от Вашего императорского величества не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю Ваше величество, ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет». «Считаю себя обязанным доложить Его величеству, — телеграфировал А.И. Непенин, — мое искреннее убеждение в необходимости пойти навстречу Государственной думе, без чего немыслимо сохранить в дальнейшем не только боевую готовность, но и повиновение частей» (Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 39–41, 43–44). Позиция А.И. Непенина была детерминирована тем, что в Гельсингфорсе, где находился Штаб командующего Балтийским флотом, существовал кружок «декабристов», руководимый начальником радиосвязи флота капитаном 1-го ранга И.И. Ренгартеном. Другим видным членом кружка был редактор «Морского сборника» капитан 2-го ранга К.Г. Житков. Через него заговорщики имели контакты с помощником начальника Морского штаба Ставки капитаном 1-го ранга графом А.П. Капнистом и группой А.И. Гучкова. Накануне революции в своем дневнике И.И. Ренгартен сообщал сочувственно, что «Гвардия замышляет государственный переворот» и с возмущением — что Г.Е. Распутин «погребен в Царском Селе». Когда И.И. Ренгартен высказался перед А.И. Непениным о необходимости смещения Николая, командующий заметил: «Думато об этом, много думато... Много ночей». При получении 26 февраля телеграммы о беспорядках в Петрограде, содержавшей слово-пароль «немедленно», члены кружка собрались в Гельсингфорсе и составили следующий протокол: «События приняли столь грозный оборот, что решения нужны немедленно. К.Г. Житкову поручается устроить совещание с общественными деятелями для обсуждения программы, выдвигаемой флотом: 1) созыв "законодательного корпуса" из членов Думы и Совета, исключая назначенных в середине сессии, как назначенных незаконно; 2) увольнение в отставку всех министров, за исключением военного, морского и Двора и 3) назначение нового правительства, избранного законодательным корпусом при полном игнорировании придворной камарильи. Совещание должно избрать авторитетных лиц для посещения высших военных начальников на всех фронтах в целях обеспечения спокойствия во время развития действий в тылу». По окончании совещания, вечером 27 февраля, капитан 2-го ранга Д.Ю. Довконт сообщил эту программу А.И. Непенину. Утром 28 февраля И.И. Ренгартен записал: «Ура! Только что узнал потрясающую новость: вчера в Государственной думе образовалось Временное правительство во главе с Родзянко, все министры в Думе, к Временному правительству примкнуло 5 гвардейских полков, о совершившемся донесено в Ставку» (Февральская революция в Балтийском флоте (Из дневника И.И. Ренгартена) [Публ. А.К. Дрезена]. // Красный архив. Т. 32. М.–Л., 1929. С. 34, 35). По справедливому замечанию В.И. Старцева, «нажим кружка» на командующего Балтийским флотом «явился одной из причин, по которой адмирал Непенин первым из всех высших воинских начальников признал власть Временного комитета Думы» (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 45).

[2] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 48.

[3] Романовы и союзники в первые дни революции [Публ. И.Р. Гелис]. // Красный архив. Т. 16. М.–Л., 1926. С. 46, 47.

ГЛАВА VI

ПРОЕКТ МАНИФЕСТА НИКОЛАЯ II, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ ВЕЛИКИМИ КНЯЗЬЯМИ 1 МАРТА 1917 Г.

Документ этот нельзя считать неизвестным. Впервые его завершенный вариант был опубликован в № 1 журнала «Огонек» за 1923 г. (см. прилож. № 1). Затем его неоднократно касались исследователи — С.П. Мельгунов в книге, вышедшей в 1961 г.[1], Э.Н. Бурджалов[2] и Г.М. Катков[3] в 1967 г., специально Т. Хасегава в 1976 г.[4], в 1984 г. — Г.З. Иоффе[5]. Недавно О.А. Шашкова опубликовала сохранившийся в архиве неподписанный вариант проекта[6]. Однако при этом не было обращено внимания на то, что в 1956 г. бывший петербургский присяжный поверенный Николай Никитич Иванов опубликовал в «Русской мысли» свои обстоятельные воспоминания об этом эпизоде и как инициатор великокняжеского проекта воспроизвел его текст,[7] состоявший из первоначального варианта (опубликованного затем О.А. Шашковой) и внесенной им правки (см. прилож. № 2).

Установим последовательность событий и текстологическую историю проекта манифеста на основании всего напечатанного Н.Н. Ивановым в 1956 г.

27 февраля («в первый же день бунта запасных») он ездил в Царское Село, чтобы предупредить княгиню Палей и ее мужа, великого князя Павла Александровича, о необходимости принять меры для их охраны, поскольку во дворец, в котором они жили, обычно существовал свободный доступ. Иванов считал себя обязанным предупредить их ввиду существовавших у него дружеских отношений с княгиней, председательницей Общества помощи военнопленным в Германии, фактическим руководителем которого в роли вице-председателя он, по его словам, являлся. «На следующий день после указанного визита в Царское» он появился в Думе, и М В. Родзянко, с которым Иванов был знаком по «общественной деятельности разного рода в период

---

[1] *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961. С. 206 и след.

[2] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 308–310.

[3] *Катков Г.М.* Февральская революция. Париж, 1984. (Пер. с англ. изд. 1967 г.). С. 291, 322.

[4] *Hasegawa T.* Rodzianko and the grand dukes' manifesto of 1 March 1917// Canadian Slavonic papers, v. 18, № 2. June 1976. P. 154–167.

[5] *Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. М., 1984. Т. 110. С. 80–82.

[6] Февральская революция 1917 / Сост. О.А. Шашкова. М., 1996. С. 334, 335.

[7] *Иванов Н.Н.* Трагические дни 1917 года. Манифест великих князей // Русская мысль. 1956, 1 марта (№ 867); 6 марта (№ 869). Г.З. Иоффе пользовался воспоминаниями Н.Н. Иванова в берлинской газете «Путь» 19 декабря 1926 г., которую нам найти не удалось.

войны», попросил его как «энергичного человека» «возможно дольше оставаться при нем, председателе Думы, “на всякий непредвиденный случай“», который «быстро представился».

Состоял он в том, что Н.Н. Иванов стал, выражаясь современным языком, «челноком» между Думским комитетом и Царским Селом. Это произошло следующим образом. Родзянко, не получавший ответа на свою известную телеграмму царю, в которой Н Н. Иванов усматривал предложение «узаконить происшедшие перемены», как и Думский комитет в целом, «не знал, что делать... не имея понятия об отношении к событиям государя и фронта». «Нервность в Таврическом дворце достигла максимума», — отмечал Н.Н. Иванов. Он и сам способствовал этому. «Я, объехав на машине окраины Петрограда, — писал он, — привез Комитету Гос. думы невеселые известия. Крайние элементы работали вовсю против него, и для Комитета и М.В. Родзянко нарастала новая опасность, на сей раз со стороны революционного населения. В полном молчании фронта усматривалась угроза поднять восстание в столице». В этих обстоятельствах следующая фраза Иванова: «ожидали посылки карательного отряда» была двусмысленной, в ней можно даже усмотреть существование у думцев упований на этот отряд, тем более что чуть ниже Иванов вкладывал в уста Родзянки слова: «Быть может, сегодня еще придут войска с фронта и перевешают нас на фонарях». Имелись в виду, судя по всему, войска, перешедшие на сторону революции: правительственные силы обошлись бы без фонарей. Конечно, вряд ли Родзянко собирался искать у этого карательного отряда защиты от революционных солдат, но повешения на фонарях можно было ожидать именно от их рук. Во всяком случае возможность посылки с фронта карательного отряда имела значение не только сама по себе, но и как показатель настроения солдатской массы. «Вы окажете Комитету и мне большую услугу, если согласитесь проехать в Царское и разузнать, что предпринимается против нас» — с такой просьбой Родзянко обратился к Иванову. Здесь следует к рассказу Н.Н. Иванова добавить, что, по всей вероятности, Родзянко посылал его именно к Павлу Александровичу как командовавшему, хотя и номинально, гвардией. Из кабинета председателя Думы Иванов попросил по телефону княгиню Палей послать за ним к поезду карету и вскоре ехал по спокойному, как обычно, Царскому. Когда на вопрос княгини: «Что-нибудь случилось?» — Иванов ответил: «Ничего не случилось, кроме революции». Она возразила: «Революция? Где? В России? Ну, полно. Небольшие рабочие беспорядки, которые или сами пройдут, или их подавят. Как будто в первый раз. Идемте пить чай». Но Иванов отказался от чая и в течение получаса, уединившись с великим князем, не слыхавшим «ни о каких особенных событиях в столице», ознакомил его с положением дел. Затем по совету Иванова был вызван князь М.С. Путятин, заменявший сопровождавшего на фронт государя дворцового коменданта В.Н. Воейкова. Иванов, имея в виду свою разведывательную цель («помню, зачем приехал, и добиваюсь своего»), исходил из того, что Путятин, в отличие от Павла Александровича, знает о предпринимаемом «против Петрограда и Комитета Гос. думы». Важничавший поначалу Путятин после слов

великого князя: «В Петербурге совсем не то, что нам здесь кажется. Николай Никитич — наш друг. Выслушайте его» — и повторения рассказа Иванова, заерзав в кресле и оставив чопорность, спросил: «Так серьезно?»

Тогда Иванов, чтобы выяснить намерения и карательные возможности властей, решил даже подзадорить Путятина и ответил на его вопрос вопросом: «Не было бы так серьезно, если бы вы действовали. Но, кажется, вы ничего не предпринимаете?» Диалог продолжался в виде обмена вопросами. «У меня на охране Царского всего 6000 человек. Сколько же я могу послать на подавление беспорядков?» — заявил Путятин. Иванов опять ответил вопросом, желая теперь узнать, какими сведениями о настроениях на фронте располагали в Царском. «Очевидно, вы рассчитываете на фронт и ждете оттуда присылки подкреплений?» — продолжал он добиваться своего.

Путятин сказал на это, что об отправке частей с фронта ему ничего не известно, и добавил: «Армейцев взять оттуда — значит открыть какие-то части фронта врагу. А на гвардию положиться нельзя». Когда Иванов, удивленный словами о гвардии, попытался переспросить об этом, Путятин подтвердил: «О прежней гвардии нет речи. Теперешняя еще присоединится к бунту». Все нужные Родзянке сведения Иванов, таким образом, получил, в том числе и ответ на вопрос, какой характер могла носить возможная угроза Думскому комитету со стороны фронта. В том, как быстро и широко распространялся тот процесс, который в исторической литературе получил впоследствии название перехода войск на сторону революции, Иванов имел случай убедиться сейчас же, на царскосельском вокзале, оцепленном солдатами, которые, как подчеркивал Иванов, были «не бунтовщиками». Командовавший частью полковник подошел к придворной карете, чтобы приветствовать ее пассажира. Но узнав, что тот «из Таврического» (так в соответствии со своей двойственной ролью отрекомендовался теперь Иванов, только что представленный Павлом Александровичем Путятину как «наш друг»), полковник был не только не шокирован, а, наоборот, обрадован и, сообщив, что царскосельский гарнизон «начинает нервничать по поводу петербургских событий», а он и другие офицеры «в затруднении», просил совета: «Что мы должны делать?»

Подтверждая свою связь с Думским комитетом, Иванов заявил, что, хотя не может давать инструкций, советует продолжать руководить частями до прибытия уполномоченного от Комитета, и добавил, что «сейчас же» увидит Родзянко и сообщит ему о встрече.

Родзянко и трое членов Комитета, включая Милюкова, выслушали сообщение Иванова о результатах его рекогносцировки. «До сих пор я не забыл произведенного им впечатления на П.Н. Милюкова, — писал Иванов, — когда он услыхал, что никаких войск, назначенных для ликвидации восстания, не существует, П Н., дрожа от нервного возбуждения, схватил мою руку со словами: “Спасибо за добрую информацию“».

Здесь рассказ Иванова, вообще игнорирующего многие известные обстоятельства, нуждается в некоторой коррекции. Назначенные для ликвидации восстания войска в тот момент существовали, это был отряд генерала

Н.И. Иванова, и в Думском комитете о его движении к Петрограду вскоре узнали, так что добытые Н.Н. Ивановым сведения имели несколько более специальное значение, чем это ему представлялось. Они лишь придавали дополнительный вес тем сомнениям в карательных возможностях фронта, которые существовали и без того наряду с опасениями противоположного свойства.

Между тем в Таврическом дворце стало известно о том, что царский и свитский поезда покинули Могилев и направляются в Царское Село (они выехали в ночь на 28 февраля кружным путем, имея в виду добраться до Тосно и оттуда свернуть в Царское). Это известие навело Н.Н. Иванова на «мысль, что надо убедить государя подписать манифест (об установлении конституционного строя и об учреждении ответственного правительства с Родзянко во главе) до его встречи с императрицей, на вокзале же, по его приезде».[1]

В уже завязавшейся в цензовой, как тогда выражались, среде борьбе за лидерство, кроме Родзянко, появились фигуры П Н. Милюкова и Г.Е. Львова, но Н.Н. Иванов был сторонником Родзянко и своими намерениями сделать председателя Думы главой правительства поделился именно с ним. Родзянко спросил лишь, кто будет убеждать царя. Иванов ответил, что это сделает Павел Александрович, набросал ту часть текста будущего манифеста, которую он назвал резолютивной, и опять отправился в Царское Село, где Павел Александрович и Путятин, согласившись с предложенным им содержанием манифеста, обещали, что текст будет готов к утру, когда, как ожидалось, поезда прибудут в Царское.

Затем Иванов вернулся к Родзянко и стал ждать утра, «чтобы как можно раньше 1 марта ехать в Царское для общей встречи государя с готовым манифестом». Какой смысл могло иметь собственное участие Иванова в такой встрече? Не собирался ли он сопровождать при этом Родзянко?

Во всяком случае он остался дремать до утра у телефона на диване в бюро при кабинете председателя Думы, оказавшись рядом со спящим на том же диване А.Ф. Керенским. Ночью «революционная засада» со станции Тосно сообщила взявшему телефонную трубку Иванову о приближении императорского поезда. Разбуженный Керенский, «как сомнамбула», кричал в телефон: «Направьте в Петроград!» «Вы с ума сошли! Да ведь царя здесь разорвут на части!» — остановил его Иванов. Тогда Керенский сказал в трубку: «Направьте в Царское Село». Ночь еще продолжалась, когда последовал новый звонок из Тосно, что поезд не дошел дотуда «и, видимо, возвращается на фронт». Как известно, царский и свитский поезда направились во Псков, в штаб Северного фронта. Рассказ Н.Н. Иванова должен быть здесь дополнен и тем, что беспокойство в Думе усилилось благодаря полученному известию о движении к Петрограду отряда генерала Н.И. Иванова. А надежды на подписание манифеста царем по прибытии его в Царское рухнули.

---

[1] Русская мысль. 1956, 6 марта. № 869. В фонде Н.Н. Иванова в ГА РФ, ранее находившемся в Русском заграничном историческом архиве в Праге, хранится вариант его воспоминаний о манифесте (см. прилож. № 3, не его ли имеет в виду Г.З. Иоффе?). Он представляет собой несколько сокращенное и облегченное изложение того, что помещено в «Русской мысли».

Тогда Н.Н. Иванов поделился с Родзянко «новой мыслью: ехать к великому князю Павлу и предложить ему подписать манифест вместе с другими великими князьями за отсутствующего государя». «Царь будет связан солидарностью великих князей и обнародованного ими акта не возьмет обратно», — объяснял он. Родзянко согласился, и «в самый ранний час утра» Иванов был в Царском. Приготовленный там текст манифеста он, по его словам, чуть ли не полностью отверг. «Читаю и не нахожу ни звука из моих предложений, которые были существенной частью манифеста, — писал он. — Набор слов на старый манер, где события не получают нужного резонанса, а революционное движение ни малейшего удовлетворения. Заявляю, что такую бумагу надо выбросить... беру перо, перечеркиваю резолютивную часть и пишу наскоро необходимую по моменту формулу об ответственном комитете (возможно, речь идет о кабинете. — *Р.Г.*). Зачеркнутая мною часть видна на прилагаемой копии манифеста, которая должна была служить оригиналом».

Отметим прежде всего, что Н.Н. Иванов не стал осуществлять того нового своего, одобренного Родзянко намерения, с которым он отправился ранним утром 1 марта в Царское, — добиться подписания манифеста великими князьями за государя. Он заменил его более скромным, но тоже довольно дерзким планом, состоявшим в том, чтобы представленный великими князьями к подписанию царем проект его манифеста был заранее передан Думскому комитету с очевидной возможностью обнародования текста еще до подписания. Первая и последняя фраза правленного Н.Н. Ивановым документа ясно говорили об этом. Обе они были вписаны его рукой в отпечатанный на машинке после его правки и подписанный великими князьями текст. Первая гласила: «Великие Князья решили представить к подписанию Его Императорского Величества Государя Императора сей акт, ими вполне одобренный». Последняя предусматривала передачу его Думскому комитету Ивановым. Но он не только избежал в своей статье ясного признания в том, что отказался от своего намерения добиться подписания манифеста великими князьями вместо царя, но и воспроизвел его проект со своей правкой под заголовком «Проект манифеста великих князей», а свою статью назвал «Манифест великих князей» (так называлась еще публикация в «Огоньке» 1923 г.).

Правленный Ивановым текст свидетельствует, что у него не было оснований для безоговорочного осуждения того варианта, который был приготовлен в Царском («такую бумагу надо выбросить»), поскольку его собственная правка проекта вовсе не была такой радикальной, какой он стремился ее представить. Вписанный им взамен вычеркнутого фрагмент отличался лишь тем, что в нем была специально оговорена роль Родзянко, которому как председателю Думы поручалось составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны. Вопреки утверждению Иванова в «Русской мысли» в сделанной им вставке ответственное правительство не упоминалось. Да в этом и не было необходимости, потому что в сохраненных им частях приготовленного к его приезду проекта, как может убедиться читатель, речь шла не только о правительстве доверия, но и о таком, которое опиралось бы на большинство в

законодательных учреждениях, а также о предоставлении конституционного строя.

Как утверждал Н.Н. Иванов, Павел Александрович счел необходимой его рекомендацию и подписал датированный 1-м марта документ со словами: «Какое знаменательное совпадение! Эта дата — день убийства моего отца».

Затем Иванов предложил поехать к императрице «в надежде получить также ее подпись или, в крайности, для избежания упрека, что манифест был сделан за ее спиной». «Императрица возмутилась, — продолжал он свой рассказ, — и, повысив голос, резко заявила, что никакой революции нет, что революцию устраивают родственники государя, что это возмутительно, что это измена и т. д. Мы немедленно покинули дворец императрицы».

В Петрограде тотчас же подписал проект манифеста Кирилл Владимирович, заявив при этом: «Действительно, надо что-то делать, чтобы выйти из тупика». Обнаруженный в своем убежище на Миллионной, 12, Михаил Александрович заявил, что должен подумать. Н.Н. Иванов возразил: «События не терпят отлагательства». «Сколько даете времени на размышления?» — спросил великий князь. Получив срок в 5—10 минут, он, взяв проект, пытался связаться по телефону со своей женой княгиней Брасовой, находившейся в Гатчине. Но Иванов не допустил этого, заявив, что телефонные переговоры находятся под наблюдением революционеров и великий князь может раскрыть место своего пребывания. Через некоторое время Михаил Александрович подписал документ, и Иванов пообещал ему сейчас же прислать охрану из Думы.

Толпы на подступах к Таврическому дворцу и прилегающих к нему улицах были таковы, что, по словам Иванова, «казалось, тут добрая половина населения столицы». Пришлось бросить машину и локтями пробиваться в Думу с помощью двоих офицеров, приданных Н.Н. Иванову Путятиным для сопровождения и охраны (еще одно наглядное свидетельство быстрого исчезновения грани между двумя частями армии, на которые ее расколола было революция).

«Я нашел Родзянко в кресле совершенно обессилевшим, — рассказывал Иванов. — Около него находилась группа сотрудников, в их числе П.Н. Милюков. Протягиваю Родзянко манифест. Он читает его с безнадежным видом, потом говорит мне:

— Спасибо за большой труд, но видели Вы, что творится теперь вокруг нас? Что Вы думаете после виденного по поводу этой бумажки?

— Думаю, что она приходит поздно.

— Это и мое мнение, — говорит Родзянко. — Посмотрим, что даст прямая связь со Ставкой.

Говорю:

— Все же этот документ я создавал не для себя.

Родзянко:

— Передайте его Павлу Николаевичу.

Передаю и прошу Милюкова подписать копию...»

В качестве копии был заверен тот вариант документа, который Иванов получил утром от Путятина и затем правил. Как видно из последних цитирован-

ных слов Иванова и заверительной надписи Милюкова, в Думский комитет, т.е. Милюкову, был передан в качестве подлинника экземпляр, при перепечатке которого на машинке внесенная правка была учтена. По-видимому, он-то и был опубликован в «Огоньке», а заверенный в качестве копии оказался у Н. Н. Иванова, был им воспроизведен в статье, которой мы здесь пользуемся, хранится в его бумагах в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке и опубликован Ю. Фельштинским[1], принявшим его почему-то за проект манифеста об отречении Николая II.

Остается предположить, что великие князья ставили свои подписи на двух документах.

В истории с проектом манифеста отразилась их общая позиция этих дней, близкая, как представляется, к попыткам Думского комитета остановить революцию установлением конституционного строя. Отметим некоторую разницу между двумя оценками роли великих князей, данными 1 и 2 марта Александрой Федоровной. Первого она, как уже было сказано, и слышать не хотела об их проекте манифеста, заявив, что никакой революции нет, устраивают ее они («родственники государя»), и обвинила их в измене, а второго в ее известном письме к императору, говорилось: «Павел, получивший от меня страшнейшую головомойку за то, что он ничего не делал с гвардией, старается теперь работать изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом: он составил идиотский манифест относительно конституции после войны и т. д....» Хотя в этих словах и ощущается некоторый сарказм наряду с неодобрением проекта (кстати, неверно понятого, в нем ведь речь шла о немедленном, а не откладываемом до окончания войны установлении конституционного строя), нельзя не обратить внимания, что при всем том она видела теперь в действиях великих князей попытку спасения монархии, необходимость которого наконец осознала. А избранный для этого способ стал в ее глазах хоть и «безумным», но «благородным».

Эпизод с проектом манифеста был завершающим в истории «великокняжеской партии». Это насмешливо парадоксальное выражение употреблялось в то время в связи с обострившимся поздней осенью 1916 г. конфликтом между царской семьей и великими князьями, настаивавшими на уступках общественности. Значение демарша великих князей усиливалось благодаря тому обстоятельству, что каждый из подписавших проект манифеста мог по закону о престолонаследии оказаться на троне, несмотря на несоответствие браков, в которых все трое состояли, требованиям этого закона. Хотя Николай II как глава императорской фамилии был вынужден с этими браками согласиться, матримониальные конфликты у Павла Александровича и Михаила Александровича были весьма продолжительными, а жены их оставались для Александры Федоровны ненавистными и после их титулования.

Устанавливая после свержения режима виновников этого, Николай II и Александра Федоровна ставили великих князей на первое место. Среди изъятий из мемуаров А.А. Вырубовой, сделанных при их редактировании в эмиграции,

[1] Новый журнал. 1986. Кн. 164. Июнь. С. 140–142. Ю. Фельштинский считал, что проект составлен П.Н. Милюковым.

была и фраза о том, что в своих разговорах при ней царь и царица обвиняли в происшедшем не русский народ, а «великих князей, высшие круги, Думу и Англию, которая работала через английского посланника»[1].

Р.Ш. Ганелин

Приложение № 1

Великие Князья решили представить к подписанию Его Императорского Величества Государя Императора сей акт, ими вполне одобренный.

Божиею милостью
Мы, Николай Второй,
Император и самодержец всероссийский,
царь Польский, Великий князь Финляндский
и прочая, и прочая, и прочая,

Объявляем всем нашим верным подданным:

В твердом намерении переустроить государственное управление в империи на началах широкого народного представительства, Мы предполагали приурочить введение нового государственного строя ко дню окончания войны.

Бывшее правительство Наше, считая нежелательным установление ответственности министров перед отечеством, в лице законодательных учреждений, находило возможным отложить этот акт на неопределенное время.

События последних дней, однако, показали, что правительство, не опирающееся на большинство в законодательных учреждениях, не могло предвидеть возникших волнений и их властно предупредить.

Велика Наша скорбь, что в те дни, когда на поле брани решаются судьбы России, внутренняя смута постигла столицу и отвлекла от работ на оборону, столь необходимых для победоносного окончания войны. Не без происков коварного врага посеяна смута и Россию постигло такое тяжкое испытание, но, крепко уповая на помощь Промысла Божия, Мы твердо уверены, что русский народ, во имя блага своей родины, сломит смуту и не даст восторжествовать вражеским проискам.

Осеняя Себя крестным знамением, Мы предоставляем Государству Российскому конституционный строй и повелеваем продолжать прерванные Указом Нашим занятия Государственного совета и Государственной думы, поручая Председателю Государственной думы немедленно составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с Нами озаботится созывом законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным Правительством проекта новых основных законов Российской Империи.

Да послужит новый государственный строй к вящему преуспеянию, славе и счастию дорогой Нам России.

Дан в Царском Селе, марта в 1-ый день, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот семнадцатое, царствования же Нашего двадцать третье.

---

[1] *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции в Бахметевском архиве Колумбийского университета // Отечественная история. 1992. № 5. С. 165.

Великий Князь Михаил Александрович
Великий Князь Кирилл Владимирович
Великий Князь Павел Александрович

Акт сей имеет передать Временному комитету Государственной думы присяжный поверенный Николай Иванов.

Великий Князь Михаил
Великий Князь Павел
Великий Князь Кирилл

Воспроизведенный текст представляет собой машинопись, за исключением рукописных первой и заключительной фраз и собственноручных подписей великих князей.

Приложение № 2
Проект манифеста великих князей

Рукою Н. Н. Иванова надписано:

«Великие Князья решили представить к подписанию Его Императорского Величества Государя Императора сей акт, ими вполне одобренный».

Текст, напечатанный на машинке:

Божиею милостью
Мы, Николай Второй,
Император и самодержец всероссийский,
царь Польский, Великий князь Финляндский
и прочая, и прочая, и прочая,

Объявляем всем нашим верноподданным:

В твердом намерении перестроить государственное управление в империи на началах широкого народного представительства, Мы предполагали приурочить введение нового государственного строя ко дню окончания войны.

Бывшее правительство Наше, считая нежелательным установление ответственности министров перед отечеством, в лице законодательных учреждений, находило возможным отложить этот акт на неопределенное время.

События последних дней, однако, показали, что правительство, не опирающееся на большинство в законодательных учреждениях, не могло предвидеть возникших волнений и их властно предупредить.

Велика Наша скорбь, что в те дни, когда на поле брани решаются судьбы России, внутренняя смута постигла столицу и отвлекла от работ на оборону, столь необходимых для победоносного окончания войны.

Не без происков коварного врага посеяна смута и Россию постигло такое тяжкое испытание, но, крепко уповая на помощь Промысла Божия, Мы твердо уверены, что русский народ, во имя блага своей родины, сломит смуту и не даст восторжествовать вражеским происка м.

Осеняя Себя крестным знамением, Мы предоставляем Государству Российскому конституционный строй и повелеваем продолжать прерванные Указом Нашим занятия Государственного совета и Государственной думы и поручаем...

Дальнейший текст вписан рукою Н.Н. Иванова:

...Председателю Государственный думы немедленно составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с Нами озаботится созывом законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным Правительством проекта новых основных законов Российской Империи.

Зачеркнутый Н.Н. Ивановым текст, заготовленный составителем манифеста:

«...поручая им безотлагательно приступить к рассмотрению имеющего быть внесенным Правительством Нашим, опирающимся на доверие страны, проекта новых основных законов Российской Империи».

Дальнейший текст на машинке:

Да послужит новый государственный строй к вящему преуспеянию, славе и счастью дорогой Нам России.

Дан в Царском Селе, марта в 1-ый день, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот семнадцатое, царствования же Нашего двадцать третье.

Подписали:

Великий Князь Михаил Александрович
Великий Князь Кирилл Владимирович
Великий Князь Павел Александрович

Акт сей имеет передать Временному комитету Государственной думы присяжный поверенный Николай Иванов.

В. К. Михаил
В. К. Павел
В. К. Кирилл

(*Зачеркнуто:* «Проект Манифеста», «вообще» и *слова* «им безотлагательно...» *до конца абзаца.*

Надписано: «Великие князья...» *и т. д., кончая словами* «...одобренный». *Вписано на этой странице сбоку:* «Председателю Государственной думы...» и т.д., кончая словами «новых основных законов Российской Империи».)

С подлинным, переданным Временному комитету Государственной думы 1 марта 1917 года, верно. П. Милюков

Русская мысль. 1956, 6 марта (№ 869).

Приложение № 3
Манифест великих князей

Воспоминания прис[яжного] повер[енного] Н.Н. Иванова

— Чем вы заняты?

— Суд сгорел. Остались заводы.

— Какая теперь работа на заводах? Оставайтесь около меня.

— Охотно, М.В. Что я должен делать?

— Сразу — что делать? Пригодитесь. Пока смотрите. Знаю я, что будет через час?! Вон опять зовут. Кого-то еще привели. Опять надо говорить.

Такой у меня произошел разговор с М. В. Родзянко, председателем Гос. думы, с которым мы были знакомы, на другой день февральского восстания в Петрограде в 1917 году.

Я бы и без приглашения остался в Таврическом дворце. Слишком захватывающий момент переживала Шпалерная. Широко раскрытыми глазами воспринималось еще не понятое событие. Я исходил во дворце все тропинки среди человеческих тел, амуниции и натащенного людьми разного скарба, перевидал, переслушал сотни людей и пришел к заключению: энергичный полк верных самодержавию солдат привел бы хаотическую массу Таврического дворца в неописуемую панику. К ночи эта мысль превратилась в страх, во внутреннюю дрожь. Столкновение с силой самодержавия и расправа многим казались неотвратимыми. И тем больнее воспринималась такая перспектива, что в последние месяцы особенно остро ощущалась необходимость перемены в общем положении.

— Ах, вы... — роняет мне поздно ночью безумно усталый М.В. Родзянко, буквально свалившийся в кресло.

— Что вы видите впереди, М.В.? — спрашиваю.

— Милый, что я могу видеть?! Вижу вот Шпалерную улицу, вижу Питер. Знаю, что уже нельзя останавливаться, а что за порогом Царскосельского вокзала, — того я не вижу и не знаю. Быть может, сегодня еще ночью придут и перевешают нас.

Он смолкает и устало закрывает глаза.

— Почему не узнать, что делается за порогом вокзала?

— Некому перешагнуть. Не просто.

— Хотите — я пойду?

М.В. открывает глаза и смотрит на меня.

—В самом деле. Вы же хороши с семьей В. Кн. Павла Александровича. Катите утром. Возьмите все пропуска от моего имени. И скорее обратно. Хорошая идея.

* * *

Позвонил по телефону в Царское, во дворец В. Кн. Павла Александровича; соединили; спросил, могу ли приехать.

Помню обычную для Царского Села зимнюю тишину, как и прежде поданный из дворца автомобиль с лакеем, нормальных людей на вокзале, по пути. Я был поражен этим недвиженьем жизни в 25 верстах от клокочущей военно-гражданским бунтом столицы. Нигде ни одного военного патруля, никаких мер охраны.

И во дворце все обычно. Ни на Великом Князе, ни у княгини О.В. Палей, его супруги, ни малейших признаков тревоги. Обычные ровность, приветливость, спокойствие. Казалось нелепостью вдруг бухнуть здесь сообщением о революции, и на момент я смутился. Я начинаю вопросом, знают ли, что происходит в Петрограде. О, да, знают: какие-то беспорядки. Что там такое?

Я выкладываю факт за фактом, передаю одну картину за другой. Нет, не беспорядки. Это безусловно революционное восстание, пока местное и слабое, но сила которого будет расти с каждым часом.

Великий Князь взволнован.

— Как же так? По дворцовым сведениям, ничего угрожающего. Я сейчас вызову Путятина.

* * *

Со спокойным достоинством входит вызванный кн. Путятин, охраняющий царскую семью и Царское. Великий Князь знакомит со мной. Только по указанию Великого Князя из почтения к нему выслушивает сановник молодого штатского. Революция? Откуда взяли? Пустяки. Беспокойное состояние части столицы на несколько часов. Десяток студентов, сотня рабочих тащат улицу. И этот выживший из ума Родзянко... Словом, говорить не о чем. Меня давит изумление. «Или он уверен в положении, или он глуп, или вводит в заблуждение Великого Князя, — гадаю я, — но с какой целью? Обман может дорого обойтись». Спрашиваю:

— Как же вы намерены ликвидировать «беспокойное состояние» столицы?

— Никак не думаю, — отвечает Путятин. — Не мое право об этом думать. Да и всего у меня...

И князь называет цифру находящихся в его распоряжении частей — не помню точно, чуть ли не 6—7.000 только.

Великий Князь интересуется расположением частей.

— Я не могу снять с охраны Села ни одного солдата, — говорит Путятин.

— Тогда, верно, на Петроград посылает кого-либо Ставка? — продолжаю спрашивать.

— Тоже не предполагаю. Ничего серьезного нельзя снять с театра военных действий без того, чтобы не открыть неприятелю фронта.

— Значит, пока на столицу никто нейдет?

— Если бы шли, я бы знал. Пока мне неизвестно.

«Вот что за порогом Царскосельского вокзала», — резюмирую в уме.

Я уезжаю с просьбой уже весьма обеспокоенного Великого Князя осведомить о происходящем. Никакой тревоги за себя — страдание за новые испытания, выпадающие его родине.

* * *

Я докладываю части Временного комитета вместе с М.В. Родзянко о моей Царскосельской поездке. Когда я осторожно заключаю, что-де, по-видимому, ни о каком походе на Петроград и Думу нет речи, вижу, как проясневают хмурые лица. П.Н. Милюков обрадован — он жмет мне руку и благодарит «за добрую информацию».

* * *

Я говорю с М.В. Родзянко урывками, но чаще и чаще о положении. Я в курсе всех его шагов. Он как-то окреп в себе. Но совершенно неясно в ходе событий — война грядет или мир? Намерения находящегося вдали Государя неизвестны. Его ждут в Царском Селе, и в этом ожидании за отсутствием дру-

гих посредников у Временного [комитета] я все время езжу между Селом и Таврическим дворцом. В.К. Павел Александрович начеку. Он встретит Государя первым, будет говорить и от него я узнаю «все».

И Великий Князь, и М.В. Родзянко стремятся найти выход из острого состояния. Никому не улыбается возможность вооруженного столкновения верховной власти с Гос. думой в лице Временного комитета. Слово «отречься» произнесено в массе, но М.В. предпочитает почетный мир. Государь должен узаконить положение М.В. Ничего конкретно не предлагает. Предложит, буде спросят.

Но если Государь поручит Вам составить кабинет и даст директивы, равносильные карт-бланш?

Разумеется, приму поручение.

* * *

В.К. Павел Александрович согласен, что надо все обратить на путь мира и что М.В. Родзянке должно быть дано решительное поручение положить начало конституционному управлению. Именно об этом он будет говорить с Государем.

Я указываю на необходимость облечь добрые намерения в готовую к немедленной подписи форму. Великий Князь должен встретить Государя с готовым проектом поручения до встречи его с Императрицей.

Я набрасываю соответственный текст.

* * *

Окружение Императрицы также пришло в беспокойство. Кн. Путятин потерял величественный облик строгого сановника. Он доступнее и проще.

* * *

Томительно тянутся часы в ожидании Государя. Его нет и нет. И директив нет. И Царское не знает, в какой позиции оно находится.

* * *

Точно не помню: вероятно, ночью на 28 февраля я прилег на диван в одной из проходных комнат в помещении Временного комитета. Дремлю и чувствую: кто-то занял свободный кусок дивана и давит на мою спину. Открываю глаза: А.Ф. Керенский, измотанный, зевающий. Спрашиваю:

— Хотите прилечь? Я уйду.

— Нет, нет, лежите, я на минуту.

Затрещал телефон, и Керенский подошел к аппарату.

Звонили откуда-то издалека и спрашивали инструкции, куда направить идущий на Тосно царский поезд в случае его прибытия в Тосно.

А. Ф. Керенский отвечает:

— Направьте в Петроград.

Я вижу, что Керенский дает инструкции в состоянии почти физического бессилия, не соображая ясно, и я кричу с дивана:

— Что вы делаете? Его же растерзают здесь. Направьте в Царское.

А.Ф. Керенский говорит:

— Вы правы. — И кричит в телефон: — В Царское!

Вскоре я уснул и проснулся только под новый беспрерывный треск телефонного звонка — к аппарату никто не подходил. Я подбежал. Сообщают Временному комитету, что поезд Государя, узнав о засаде в Тосно, повернул с тосненского направления. Куда едет царь — неизвестно.

Переговорив с М.В. Родзянко, я сейчас же выехал с этим сообщением в Царское, чтобы обсудить, как быть дальше с нашими планами.

* * *

В Царском все соглашаются, что, за отсутствием Государя и правительства и каких-либо распоряжений со стороны первого, — Императрице и Великим Князьям необходимо издать акт за Государя, легализующий основные требования движения и поручающий М.В. Родзянке составить кабинет на основе народного доверия.

Мы уговариваемся о форме и о содержании акта. Текст изготовят лица из окружения Государыни.

* * *

Утро 1-го марта. Я снова у В.К. Павла Александровича. Императрица в резкой форме отказалась участвовать в издании какого-либо акта. Читаем составленный за ночь текст Манифеста за Государя. Я чувствую, у меня подкашиваются ноги; высокопарная лирика и ни одного конкретного мероприятия, ни одной немедленной меры. Явное влияние поведения Императрицы. Я указываю, что такого акта незачем опубликовывать, не для чего подписывать. Великий Князь выслушивает и соглашается со мной, и с его разрешения я делаю на готовом к подписи экземпляре изменения.

Акт должен быть от имени Государя, но сверху я надписываю: «Великие Князья решили представить к подписанию Его И. В. Государя Императора сей акт, ими вполне одобренный». В абзаце, начинающемся словами: «...поручая им (т.е. Г. совету и Г. думе) безотлагательно приступить к рассмотрению имеющего быть внесенным Правительством Нашим, опирающимся на доверие страны, проекта новых основных законов Российской Империи» (каким правительством? каких «новых», кем выбранных основных законов? и опять тем же Г. советом?), вписываю: «Поручаем Председателю Гос. думы немедленно составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с Нами озаботится созывом законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным Правительством проекта новых основных законов Российской Империи».

Переписываю начисто на машинке и передаю В.К. Павлу Александровичу. Он крестится, говорит:

— Какое совпадение: сегодня день памяти смерти моего отца. Ну, в добрый час! Помоги Бог! — и ставит свою подпись ниже имеющих место быть постав-

ленными подписей В.К. Михаила Александровича и В.К. Кирилла Владимировича как старших в порядке престолонаследия.

* * *

С подписанным актом я еду в Петроград, но у вокзала Царского Села мой автомобиль останавливает патруль. Вижу: кругом вокзала отряды в строю, в полном порядке. Спрашиваю солдат патруля, в чем дело? Отвечают:

— Сейчас узнаете.

— Вы — здешнего гарнизона?

— Так точно.

Быстро подходит какой-то полковник при оружии, здоровается и спрашивает:

— С кем имею честь?

Называю. Узнав, что еду во Временный комитет и оттуда же приехал, полковник говорит:

— Офицеры и солдаты волнуются по поводу событий. Сейчас мы собрались сюда, но что делать дальше — не знаем.

— Какое же у вас настроение?

— Мы ищем законную власть.

— Задача нелегкая, — говорю. — Могу вам дать один совет: свяжитесь с Временным комитетом. Пошлите туда делегатов и получите инструкции.

— Так и поступим, — сказал полковник. — Вас же я буду просить, кроме того, доложить Врем. комитету о присылке к нам комиссара.

Это было первое выступление Царскосельского гарнизона, до того оставшегося верным старой присяге.

* * *

Из Царского меня сопровождают двое, офицеров. В Петрограде присоединяются из войск Врем. комитета еще двое. Это — моя охрана. Они достают откуда-то автомобиль, и мы мчимся к В.К. Кириллу Владимировичу, находящемуся на ул. Глинки. В.К. Кирилл Владимирович весьма любезен, читает акт, говорит:

— Совершенно согласен. Это необходимо.

И ставит свою подпись. Он даже торопит меня с доставкой акта и сам идет в гараж и дает свой автомобиль.

* * *

Следующий пункт — Зимний дворец. Я ищу В.К. Михаила Александровича, но не нахожу даже коменданта дворца. Наконец догадываюсь пойти на квартиру коменданта. Генерал Комаров лежит в постели. Я иду в спальню, прошу его не пугаться, рассказываю, чем я занят, и спрашиваю о месте нахождения Вел. Князя. Ген. Комаров указывает: Миллионная, 12, квартира княгини Путятиной.

* * *

На Миллионной, 12 после переговоров моих с хозяйкой квартиры появляется В. К. Михаил Александрович. Я излагаю суть дела. Вел. Князь читает, соображает, спрашивает, сколько времени он имеет на решение. Отвечаю:

— Пять минут, — объясняю почему.

Он хочет говорить по телефону с Гатчино. Я предупреждаю:

— Ваше Высочество предполагает говорить с графиней Брасовой. Я вам этого не советую. Гатчинский провод под строгим наблюдением. Решите одни.

Он оставляет телефон и уходит в соседние комнаты. Не проходит и пяти минут — он возвращается и подписывает.

— Я также считаю, что другого выхода нет и что такой акт необходим, — говорит он. — Спешите.

В.К. просит поставить охрану к графине Брасовой в Гатчине. Я обещаю, и по приезде во Врем. комитет дается соответственное распоряжение в Гатчину, а к Великому Князю лично — я посылаю для охраны юнкеров.

* * *

Шпалерная залита народом до отказу. Проехать в автомобиле нечего думать, и от Воскресенского проспекта я с помощью моих офицеров буквально продираюсь ко дворцу. Я воочию вижу новое настроение массы. В первые часы февральского выступления масса была вооружена больше наружно, сейчас я увидел ее вооруженной как бы изнутри. Это был уже законченный тип бунтовщика. Если бы Государь ответил содержанием нашего Манифеста на первые же телеграммы Родзянки, вероятно, настроение толпы спало бы и пошло бы по линии торжества, но его держали в непрерывном возбуждении неизвестности, пока оно не дошло до острого раздражения. Я нес Манифест к Временному комитету и с каждым шагом убеждался, что дело Романовых проиграно, что кабинетом Родзянки не отделаться и что массе нужна великая жертва.

* * *

М.В. Родзянко показался мне на сей раз не торжественным триумфатором на революционной колеснице, а жалким возницей, теряющим вожжи. Он как-то и внешне сдал. Он читает бегло Манифест и спрашивает меня о нем:

— Как вы думаете?

— Я думаю, что приходит это слишком поздно.

— Я того же мнения, — отвечает он. — Да, да, поздно.

Я передаю Манифест члену Временного комитета П.Н. Милюкову, а он ставит на копии подпись в принятии.

Эти копии и подпись я сохранил до сего дня.

(Подпись) Н. Иванов

Машинопись. ГА РФ Ф. 5881. Оп. 2. Д. 368.

ГЛАВА VII

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II

После прибытия литерных поездов 1 марта около 19.00 в Псков, где находился штаб Северного фронта, отречение Николая стало вопросом нескольких часов[1]. Неизбежность именно такого поворота событий предопределила позиция Н.В. Рузского. Подъезжая к Пскову, чины свиты надеялись, что генерал поможет императору «устранить революционные крайности» и «провести в жизнь народа спешные преобразования правления», «по возможности, более тихо, по намеченной уже программе»[2]. Казалось бы, эти надежды были вполне обоснованны. Н.В. Рузский являлся сторонником радикальных политических реформ[3]. Разделяя леволиберальные взгляды, на фоне других генералов он

---

[1] Отречение Николая получило специальное рассмотрение в следующих работах: *Сидоров А.Л.* Отречение Николая II и Ставка // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963; *Иоффе Г.З.* 1) Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; 2) «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984; 3) Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987; 4) Революция и судьба Романовых. М., 1992; *Куликов С.В.* Причины «переотречения» Николая II // Россия в 1917 г. Новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. Вып. 3. СПб., 1994. См., также: *Кобылин В.С.* Анатомия измены... С. 288–320; Сафонов М.М. Ложь и правда об отречении Николая II // Нестор. 2005. № 3.

[2] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... // Отречение Николая II... С. 57.

[3] Н.В. Рузский, по свидетельству генерала С.Н. Вильчковского, был носителем «либеральных взглядов». Н.В. Рузский, «как и все либеральные мыслящие люди, считал, что репрессии только обостряют положение, и полагал, что дарование ответственного министерства сразу и надолго успокоит Россию, отняв от революционных партий могучее агитационное средство». В соответствии с этими взглядами Н.В. Рузский являлся сторонником замены дуалистической системы парламентаризмом. Он был «глубоко убежден в пользе ответственного министерства» (Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. (беседа с генералом С.Н. Вильчковским) // Отречение Николая II... С. 147, 168). Парламентаристы видели в Н.В. Рузском своего человека. Поэтому еще в начале 1915 г. они выдвинули его на пост военного министра. Н.В. Рузский поддерживал тесные контакты с генералами-единомышленниками и лидерами оппозиции. На заседании правительства 10 августа 1915 г. министры говорили, что у Н.В. Рузского «прекрасные отношения» с генералом М.В. Алексеевым (Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.). Составлено А.Н. Яхонтовым, б[ывшим] помощником управляющего делами Совета министров, на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 59). А.Д. Протопопову было известно про «тяготение» Н.В. Рузского к Думе (Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. Л., 1925. С. 492). Сочувствие генерала Прогрессивному блоку имело отнюдь не платонический характер. Меры МВД «по поддержанию порядка» в Петрограде, до начала февраля 1917 г. подчинявшегося Северному фронту, встречали противодействие со стороны Н.В. Рузского (*Курлов П.Г.* Гибель императорской России... С. 237). Накануне переворота позиция генерала не отличалась от позиции лидеров Прогрессивного блока. В это время Н.В. Рузский заявил кадету И.П. Демидову «от лица» штаба своего фронта, что «роспуск Думы и перевыборы теперь абсурд» и «желательно, чтобы появилось ответственное министерство», для чего надо «составить в Думе меморию и с депутацией отправить ее к государю» (Протокол пленарного заседания ЦК 4–5 февраля 1917 г. // Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. В 6-ти тт. Т. 3. 1915–1920 гг. [Публ. Д.Б. Павлова] М., 1998. С. 344). Пример Н.В. Рузского доказывает ошибочность утверждения Г.М. Каткова, который полагал, что «главнокомандующие были против того, чтобы в условиях войны происходили какие бы то ни было политические или конституционные перемены» (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 418).

отнюдь не составлял исключения[1]. Степень оппозиционности Н.В. Рузского была такова, что сделала его участником заговора против Николая[2]. Позицию Штаба Северного фронта радикализировал перерыв занятий Думы. Не зная, что он состоялся по просьбе думцев, генералы реагировали на перерыв, исходя из того, что в случае роспуска нижней палаты «необходимость переворота будет признана самыми умеренными кругами общества»[3].

В ходе революции для Н.В. Рузского было характерно слепое равнение на Думу. Уже 27 февраля он получил от М.В. Родзянко телеграмму, аналогичную той, которую вечером 26 председатель Думы отправил М.В. Алексееву. В ней М.В. Родзянко просил воздействовать на монарха в пользу дарования «министерства доверия»[4]. В 21.15 Н.В. Рузский телеграфировал Николаю «о крайней необходимости принятия срочных мер, которые могли бы успокоить население и вселить в него доверие». В конце телеграммы генерал особо подчеркнул, что «меры репрессий могут скорее обострить положение, чем дать необходимое длительное умиротворение»[5]. Первоначально конец телеграммы, составленной начальником Штаба Северного фронта генералом Ю.Н. Даниловым и штабным генерал-квартирмейстером генералом В.Г. Болдыревым, был менее определенным. Однако Н.В. Рузский исправил это место, указав, что «репрессии не достигнут умиротворения»[6]. Одновременно Н.В. Рузский телегра-

---

[1] Автор составленного в начале 1917 г. доклада премьер-министру князю Н.Д. Голицыну о настроениях на Северном и Западном фронтах указывал, что многие «из лиц высшего командования» причисляют вопрос об «ответственном министерстве» к разряду вопросов, которые требуют «немедленного разрешения» (Русская армия накануне революции) // Былое. № 29. Пг., 1918. С. 152). Начальник штаба Северного фронта генерал Ю.Н. Данилов уже 27 говорил генерал-квартирмейстеру штаба В.Г. Болдыреву, что «выход один — выбрать 30 доверенных лиц, которые, в свою очередь, выбрали бы кандидата, которому и вручить судьбу России» (Из дневника генерала В.Г. Болдырева // Красный архив. Т. 23. М.–Л., 1927. С. 250). В этой связи нельзя не согласиться с Ц. Хасегавой, который, характеризуя настроения генералов накануне и во время Февральской революции, писал про «паралич воли, обусловленный психологией и политическими ориентациями высших военных чинов» (*Хасегава Ц.* Февральская революция: консенсус исследований // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых истоков к новому осмыслению. М., 1997. С. 105).

[2] Участие Н.В. Рузского в заговоре против Николая облегчалось тем, что генерал относился критически и к императору, и к династии Романовых. По наблюдениям его подчиненного генерала М.Д. Бонч-Бруевича, Н.В. Рузский «никогда не был оголтелым монархистом, не страдал столь распространенным среди генералитета "квасным патриотизмом" и к Императорскому дому относился настолько отрицательно, что мне и другим близким к нему людям неоднократно говаривал: "Ходынкой началось, Ходынкой и кончится!"» (*Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть советам. М., 1957. С. 86). А.Д. Протопопову было известно про «близость» Н.В. Рузского к А.И. Гучкову (Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. Л., 1925. С. 492). Близость эта доходила до такой степени, что сам А.И. Гучков относил генерала к числу участников заговора против Николая (*Оболенский А.В.* Мои воспоминания. Возрождение. Тетр. 48. Париж, 1955. С. 102, 103).

[3] Русская армия... // Былое. № 29. Пг., 1918. С. 152.

[4] М.В. Родзянко — Н.В. Рузскому. 27 февраля 1917 г. // Отречение Николая II... С. 224, 225.

[5] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 13.

[6] Из дневника генерала В.Г. Болдырева... С. 251. «Когда императорский поезд, — писал Г.М. Катков, — 1 марта пришел в Псков, императорская свита, да и сам император, считали, что они добрались до верного убежища» (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 320). Представляется, однако, что если бы Николай и его Свита были настроены только на борьбу с революцией, то они не могли считать «верным» то «убежище», хозяином которого являлся генерал, еще в начале петроградского восстания высказавшийся против его подавления.

фировал М.В. Родзянко: «Телеграмму получил. По ее содержанию исполнил телеграммой государю»[1]. Тем самым Н.В. Рузский отчитался в исполнении просьбы, заявленной в телеграмме председателя Думы.

Оппозиционные взгляды генералов предопределили их отрицательное отношение к попытке подавить петроградские беспорядки силой. Характеризуя реакцию штабных офицеров на посылку генералу Н.И. Иванову фронтовых частей, В.Г. Болдырев записал 28 февраля: «Так не хотелось бы вовлекать во все это армию! За что еще хотят бороться — за призрак. Ведь кругом тайное и явное сочувствие»[2]. Безусловное признание Штабом Северного фронта Временного комитета Думы последовало после того, как М.В. Родзянко уведомил Н.В. Рузского о переходе «правительственной власти» к комитету[3]. Узнав о движении литерных поездов в Псков, Н.В. Рузский, Ю.Н. Данилов и В.Г. Болдырев еще до приезда Николая решили добиться от него немедленного введения парламентаризма. «Я, — записал 1 марта В.Г. Болдырев, — сказал Данилову, что сегодня вопрос надо кончить, что завтра уже будет поздно. Видимо, они с Рузским решили, да другого выхода и нет»[4].

Николай, между тем, еще до приезда в Псков уже был готов идти на фактическое введение парламентаризма через образование «министерства доверия». Именно это имел в виду граф В.Б. Фредерикс, когда, по прибытии литерных поездов, сообщил Н.В. Рузскому, что монарх «дает ответственное министерство». Однако Н.В. Рузский хотел большего, прежде всего — формального введения парламентаризма, т.е. министерства, ответственного перед Думой де-юре. Поэтому главнокомандующий заявил: «Теперь уже поздно... Теперь надо сдаться на милость победителя». Выступая за капитуляцию перед новым режимом, Н.В. Рузский развил типично оппозиционную мотивацию. «Я, — заявил он чинам Свиты, — много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Государственной думой и давать те реформы, которые требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имел большее значение. Им управлялась Россия. Потом появился Протопопов и сформировано ничтожное министерство князя Голицына. Все говорят о сепаратном мире»[5].

Независимо от Н.В. Рузского позиция Николая была примирительной. Приехав в Псков, ни о каких репрессивных мерах царь «не мечтал»[6]. Это показал уже первый всеподданнейший доклад генерала. Во время него Николай сообщил, что надеется «узнать точно» о петроградских событиях от М.В. Родзянко, который приедет в Псков. Положение «настолько серьезно», заметил монарх, что он «выехал из Ставки, чтобы быть ближе к месту, где разыгрываются события, и иметь возможность лично говорить с нужными людьми и

---

[1] *[Рузский Н.В.]* Беседа с журналистом В. Самойловым об отречении Николая II // Отречение Николая II... С. 143.

[2] Из дневника генерала В.Г. Болдырева... С. 251.

[3] М.В. Родзянко — Н.В. Рузскому 1 марта 1917 г. // Отречение Николая II... С. 229.

[4] Из дневника генерала В.Г. Болдырева... С. 252.

[5] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России // Отречение Николая II... С. 60.

[6] *[Рузский Н.В.]* Беседы с журналистом... // Отречение Николая II... С. 143.

выиграть время»[1]. Генерал поинтересовался, как ответит император на просьбу председателя Думы создать новое правительство. Согласно сделанному в ночь с 1 на 2 марта сообщению Н.В. Рузского М.В. Родзянко, Николай заявил генералу, что поручит председателю Думы составить «министерство, ответственное перед его величеством», «министерство доверия»[2].

Во время второго доклада Н.В. Рузского, начавшегося в 21.45[3], он попытался уговорить императора дать министерство, ответственное перед Думой, собственно «ответственное министерство». Николай заметил, что «не знает, как решить», поскольку неизвестно, что «скажет юг России, казачество». Он полагал, что решение об образовании «ответственного министерства» должно зависеть от учета обстановки не только в мятежной столице, но и в остальной стране. Необходимость «ответственного министерства» Н.В. Рузский мотивировал тем, что «уже, по слухам, Собственный его величества конвой перешел на сторону революционеров». При существовании Государственного совета и Думы, говорил Н.В. Рузский, самодержавие есть фикция, а потому «лучше этой фикцией пожертвовать для общего блага»[4]. Николай возражал «спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения». Он заявил, что «для себя в своих интересах ничего не желает» и «ни за что не держится», но «считает себя не в праве передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, подав с кабинетом в отставку».

Против образования «ответственного министерства» Николай выдвинул аргументы мистического порядка. «Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, — сказал Николай. — Будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным советом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность». Н.В. Рузский доказывал императору, что его мысль «ошибочна» и необходимо принять формулу: «государь царствует, а правительство управляет», т.е. чистый парламентаризм. Николай заметил, что «эта формула ему не понятна», поскольку «надо было иначе быть воспитанным, переродиться». Царь опять оттенил, что «лично не держится за власть», но «не может принять решения против своей совести и, сложив с себя ответственность за течение дел перед людьми, не может считать, что он сам не ответственен перед Богом».

---

[1] Пребывание Николая II в Пскове... // Отречение Николая II... С. 150.

[2] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 56. На это место разговора Н.В. Рузского с М.В. Родзянко исследователи не обращали никакого внимания. Г.М. Катков полагал, что Н.В. Рузский «взялся за непосильную свою задачу — сломить упорное сопротивление царя реформам» (Катков Г.М. Февральская революция... С. 313). На самом деле генерал явно ломился в открытую дверь. К моменту приезда в Псков Николай был готов образовать «министерство доверия» и сопротивлялся лишь образованию «ответственного министерства».

[3] Камер-фурьерский журнал за март 1917 г. ... Л. 8 об.

[4] Из дневника великого князя Андрея Владимировича Романова за 1916–1917 гг. // Красный архив. Т. 26. М.–Л., 1928. С. 204.

Отстаивая свою точку зрения, Николай выдвинул не только мистические, но и рациональные аргументы. Главный из них заключался в указании на несостоятельность лидеров оппозиции в качестве государственных деятелей. «С необыкновенной ясностью» рассмотрев политические взгляды членов «ответственного министерства», Николай высказал убеждение, что «общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди, совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей». После полутора часов Н.В. Рузский получил от императора согласие на объявление через М.В. Родзянко, что «государь согласен на ответственное министерство и предлагает ему формировать первый кабинет». Н.В. Рузский добился этого, доказав Николаю, что он должен пойти на компромисс с совестью «ради блага России и своего наследника»[1].

Последним аргументом, убедившим Николая в неизбежности не только фактического, но и формального введения парламентаризма, стала телеграмма М.В. Алексеева царю, передававшаяся из Могилева с 22.20. Телеграмма содержала проект манифеста о поручении М.В. Родзянко сформировать «ответственное министерство». По поручению начальника Штаба проект подготовили директор Дипломатической канцелярии Ставки Н.А. Базили и генерал-квартирмейстер А.С. Лукомский. М.В. Алексеев высказался за немедленное издание манифеста. «Ежеминутно растущая опасность распространения анархии по всей стране, — телеграфировал генерал, — дальнейшего разложения армии и невозможность продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной думы»[2]. Телеграмма М.В. Алексеева, доложенная Н.В. Рузским Николаю в 23.30[3], «решила государя, — вспоминал сам Н.В. Рузский, — и он мне ответил, что согласен, и сказал, что напишет сейчас телеграмму. Не знаю, — говорил генерал великому князю Андрею Владимировичу, — удалось ли бы мне уговорить государя, не будь телеграммы Алексеева, сомневаюсь»[4].

Определенное согласие Николая на формальное введение парламентаризма делало миссию Н.И. Иванова исчерпанной. Около полуночи Н.В. Рузский вышел от императора с его телеграммой на имя Н.И. Иванова: «Надеюсь,

---

[1] Пребывание Николая II в Пскове... // Отречение Николая II... С. 152, 153. Подразумевая позицию царя, изложенную им во время беседы с Н.В. Рузским, Г.М. Катков писал, что «это была старая доктрина, усвоенная Николаем II от отца, а также от Победоносцева, его политического наставника и воспитателя» (Катков Г.М. Февральская революция... С. 321). Но с Александром III и К.П. Победоносцевым Николая роднило только то, что он являлся противником установления парламентаризма де-юре. В то же время, в отличие от отца и обер-прокурора Синода, которые выступали против любого ограничения царской власти, Николай был не только сторонником ограничения ее в законодательстве, т.е. дуалистической системы, но и, к 1 марта, фактического введения парламентаризма путем образования «министерства доверия».

[2] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 53.

[3] Документы к «Воспоминаниям» генерала Лукомского // Архив русской революции. Т. 3. Берлин, 1921. С. 254.

[4] Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С. 204.

прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать»[1]. Телеграмма была отправлена уже 2 марта, в 0.20.

После ухода Н.В. Рузского Николай передал В.Н. Воейкову текст телеграммы, адресованной М.В. Родзянко, которая гласила: «Ради спасения родины и счастья народа предлагаю Вам составить министерство во главе с Вами, но министр иностранных дел, военный и морской будут назначаться мной»[2]. Тем самым Николай, вопреки рекомендациям М.В. Алексеева и Н.В. Рузского, соглашался на фактическое дарование парламентаризма. Именно так парламентаризм устанавливался и в других странах. Однако Н.В. Рузский, человек военный, а потому — не искушенный в юридических тонкостях, не найдя в тексте телеграммы слов об «ответственном министерстве», расценил это как отсутствие необходимой гарантии. Поэтому генерал попросил В.Н. Воейкова доложить императору, что ему, Н.В. Рузскому, Николай говорил о даровании «ответственного министерства», а в телеграмме сказано лишь о сформировании нового кабинета, без указания на то, перед кем он ответственен. В результате — в 0.05 начался очередной доклад Н.В. Рузского[3]. После доклада Николай передал генералу новую телеграмму М.В. Родзянко. В ней председателю Думы прямо поручалось образовать «ответственное министерство» без упоминания о назначении главою государства министров военного, морского и иностранных дел[4]. Н.В. Рузский вызвался передать М.В. Родзянко о решении царя по прямому проводу. Таким образом, теперь Николай согласился на введение парламентаризма не только де-факто, но и де-юре.

Н.В. Рузский понимал, что дарование даже «ответственного министерства» «цели не достигнет». Но высказывать подобное мнение, не имея директив Думы, Н.В. Рузский «не решался»[5]. Эти директивы генерал получил во время разговора с М.В. Родзянко, который начался в 2.30 и продолжался до 7.30. Н.В. Рузский намечал основные вехи того, что сообщал от его имени Ю.Н. Данилов. Телеграфная лента разговора передавалась по частям В.Г. Болдыреву для немедленной передачи ее содержания М.В. Алексееву. Полагая, что дарование парламентаризма запоздало, М.В. Родзянко высказался за отречение Николая в пользу цесаревича Алексея и регентство Михаила[6].

---

[1] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 53.

[2] Допрос Д.Н. Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 404.

[3] Камер-фурьерский журнал за март 1917 г. ... Л. 8 об.

[4] Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С. 204, 205.

[5] *[Рузский Н.В.]* Беседа с журналистом... // Отречение Николая II... С. 143.

[6] Для самого М.В. Родзянко и тех, от лица кого он говорил, комбинация с Алексеем и Михаилом не была окончательной. Во время переговоров между Временным комитетом Думы и Исполкомом Совета, проходивших как раз перед разговором М.В. Родзянко с Н.В. Рузским единственным сторонником этой комбинации являлся только П.Н. Милюков. По свидетельству участника переговоров социал-демократа Н.Н. Суханова, «прочие думцы, чуть не до Родзянки, не так цеплялись за монархию и Романовых, и Милюков из лидера оппозиции вдруг оказался на крайне правом фланге». Во время переговоров М.В. Родзянко говорил не о монархии, а о «сроке созыва Учредительного собрания и выборов в него». Он указал «на невозможность» немедленного приступа к организации выборов и их проведения «для армии во время войны». Но выступил он «далеко не "категорически", скорее в порядке сомнений» и не поддержал П.Н. Милюкова «в вопросе о монархии и регентстве» (*Суханов Н.Н.* Записки о революции... С. 150).

Н.В. Рузский пытался возражать, однако скорее для проформы, поскольку согласился с М.В. Родзянко еще до окончания разговора. В ходе него по приказу Н.В. Рузского была отправлена телеграмма Николая М.В. Алексееву, затрагивавшая судьбу манифеста об «ответственном министерстве» и полученная Ставкой в 5.25: «Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом». Но через 23 минуты Н.В. Рузский через Ю.Н. Данилова сообщил М.В. Алексееву, что «было бы более осторожным не выпускать манифеста до дополнительного указания его величества»[1]. Очевидно, что под «указанием» Н.В. Рузский подразумевал согласие царя на отречение, тем самым удостоверяя, что он, Н.В. Рузский, является сторонником этого. В Могилеве возникло впечатление, что главнокомандующий «энергично высказался за немедленное отречение»[2]. Слепое равнение на М.В. Родзянко было характерно и для Ставки.

Около 9 часов утра М.В. Алексеев через А.С. Лукомского попросил Ю.Н. Данилова по прямому проводу сейчас же уведомить Н.В. Рузского, что необходимо разбудить императора и доложить ему о разговоре с М.В. Родзянко. А.С. Лукомский просил сообщить Н.В. Рузскому, что, по его «глубокому убеждению, выбора нет, и отречение должно состояться»[3]. Сторонником отречения был и М.В. Алексеев. Из слов А.С. Лукомского Ю.Н. Данилов «не мог не вывести того заключения, что в Ставке наиболее ответственные лица присоединялись к мнению М.В. Родзянко»[4]. Для подкрепления своего выступления в пользу отречения М.В. Алексеев обратился к остальным руководителям армии.

Телеграмма генерала главнокомандующим фронтами и командующим флотами содержала пересказ разговора М.В. Родзянко с Н.В. Рузским. Выступая за отречение, начальник штаба заключал: «Обстановка, повидимому, не допускает иного решения»[5]. Своей телеграммой М.В. Алексеев не только не

---

[1] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 55–59, 61, 62, 63. Разговор Н.В. Рузского с М.В. Родзянко, по мнению Г.М. Каткова, «полностью рассеивает обвинения против Рузского — что он с самого начала действовал против императора и хотел добиться его отречения». Телеграмма Н.В. Рузского М.В. Алексееву опровергает это мнение. Поскольку разговор с М.В. Родзянко имел официальный характер и, самое главное, было трудно предусмотреть реакцию Николая на требование председателя Думы, Н.В. Рузский, руководствуясь элементарной осторожностью, не мог сразу согласиться с этим требованием. Ошибочен также и вывод Г.М. Каткова о том, что М.В. Родзянко «уверил главнокомандующих» в необходимости царского отречения уже «1 марта». За необходимость этого председатель Думы высказался перед Н.В. Рузским, а не главнокомандующими, не 1, а 2 марта (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 328, 418).

[2] *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 265. Французский посол зафиксировал рассказ Н.А. Базили, который встречался с Ж.М. Палеологом уже 5 марта 1917 г.

[3] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 74, 75. По воспоминаниям М.В. Алексеева, А.С. Лукомский «определенно стал на сторону удаления бывшего государя» (*Алексеева-Борель В.М.* Сорок лет в рядах императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 505).

[4] Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче. // Николай II. Воспоминания. Дневники. Сост. Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин. СПб., 1994. С. 436.

[5] Предлагая главнокомандующим телеграфировать императору о необходимости его отречения, М.В. Алексеев отмечал: «Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мыслей и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху» (Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 67, 68).

избавлял армию «от искушения принять участие в перевороте», чем он мотивировал необходимость поддержки требований М.В. Родзянко, но, наоборот, активно содействовал ее вмешательству во внутреннюю политику. «По своему содержанию, — замечал А.С. Лукомский, — эта телеграмма вполне определенно подсказывала главнокомандующим ответ, который начальник Штаба желал, чтобы они сообщили государю»[1].

В 10.50 А.С. Лукомский отправил телеграмму генералу Н.Н. Янушкевичу, помощнику главнокомандующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича. Реакция Николая Николаевича на телеграмму детерминировалась тем, что в начавшемся перевороте он увидел возможность для осуществления плана, предложенного ему, по поручению лидеров оппозиции, тифлисским городским головой А.И. Хатисовым на рубеже 1916–1917 г. План подразумевал воцарение великого князя. Надеясь на воплощение этого плана, Николай Николаевич, после того как узнал о победе революции в Петрограде, 1 марта пригласил к себе А.И. Хатисова и заявил: «Вот теперь я согласен был бы». Николай Николаевич поручил собеседнику объехать казармы и объявить, что «великий князь на стороне нового порядка»[2].

Получив телеграмму М.В. Алексеева, Николай Николаевич поинтересовался у командующего Кавказской армией генерала Н.Н. Юденича, «может ли он ручаться за верность и преданность Кавказской армии». Генерал ответил, что она, «безусловно, предана государю и долгу службы». Н.Н. Янушкевич подготовил следующий проект телеграммы великого князя: «Счастлив донести Вашему императорскому величеству, что славные войска Кавказской армии беспредельно преданы Вашему величеству и долгу службы. Генерал-адъютант ...»[3] Но Николай Николаевич отказался подписать эту телеграмму и повелел составить другую, в которой бы он высказывался за отречение.

Главнокомандующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт осведомился о содержании телеграммы М.В. Алексеева в ходе закончившегося около 11 часов разговора по прямому проводу с помощником М.В. Алексеева генералом В.Н. Клембовским. «Время не терпит, — заявил В.Н. Клембовский, — дорога каждая минута, иного исхода нет. Государь колеблется, единогласные мнения главнокомандующих могут побудить его принять решение, единственно возможное для спасения России и династии».

Главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу А.А. Брусилову содержание телеграммы сообщил начальник штаба Ставки. «Будем действовать согласно, — сказал М.В. Алексеев А.А. Брусилову около 11 часов, — только в этом возможность пережить с армией ту болезнь, которой страдает Россия, и не дать заразе прикоснуться к армии». Главнокомандующий Румынским фронтом генерал В.В. Сахаров содержание телеграммы узнал из окончившегося в 11.07 разговора с А.С. Лукомским[4].

---

[1] Документы к «Воспоминаниям» генерала Лукомского... С. 260.

[2] А.И. Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 7, 8. С. 213.

[3] *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 456.

[4] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 69, 70.

К общему хору М.В. Алексеев попытался привлечь адмирала А.И. Русина, начальника Морского штаба Ставки. «Что же требуют? Ответственного министерства?» — поинтересовался А.И. Русин. «Нет. Больше. Требуют отречения», — ответил М.В. Алексеев. «Какой ужас, какое несчастье!» — воскликнул А.И. Русин. Он отказался просить Николая об отречении, считая это «изменой государю императору»[1].

Пока М.В. Алексеев организовывал поддержку главнокомандующими требований М.В. Родзянко, Н.В. Рузский имел доклад у царя, начавшийся в 10.45 и длившийся около часа[2]. Николай спокойно говорил о возможности своего отречения. Царь указал, что его убеждение твердо: он «рожден для несчастия», а потому «приносит несчастие России». По словам Николая, уже вчера вечером он ясно сознавал, что манифест об «ответственном министерстве» «не поможет». «Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага России, я готов на это, — заявил император, — но я опасаюсь, что народ этого не поймет: не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день священного коронования; меня обвинят казаки, что я бросил фронт». Поскольку Н.В. Рузскому передали телеграмму М.В. Алексеева главнокомандующим, Николай согласился выждать их ответов. Еще до ознакомления с ними Николай, гуляя по платформе перед завтраком, высказал Н.В. Рузскому, что «решил отречься»[3].

Ответы главнокомандующих были в полном согласии с доводами М.В. Алексеева. Около 14.30 пришла его телеграмма, воспроизводившая телеграммы в пользу отречения от Николая Николаевича, А.А. Брусилова и А.Е.Эверта[4]. «Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему

---

[1] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Т. 3. Н-Й., 1962. С. 282, 283.

[2] Камер-фурьерский журнал за март 1917 г. ... Л. 9; *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя... С. 132; «Утром пришел Рузский, — описал этот доклад Николай, — и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение» (Дневники императора Николая II... С. 625). Н.В. Рузский, писал В.С. Дякин, «даже утром 2 марта не решился высказать Николаю свое мнение» (*Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм... С. 344). Это наблюдение верно лишь отчасти. Свое мнение Н.В. Рузский заявил не прямо, а косвенно, поскольку, докладывая Николаю о требовании М.В. Родзянко, генерал не отверг это требование с порога, а значит — молчаливо согласился с ним.

[3] Пребывание Николая II в Пскове... // Отречение Николая II... С. 160, 161. Неправ, поэтому, В.И. Старцев, утверждавший, что до послеполуденного доклада Н.В. Рузского царь «все еще молчал» (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 93).

[4] А.Я. Аврех отмечал, что «командующие фронтами» «присоединились к мнению Алексеева и высказались за отречение Николая II», «будучи и оставаясь сторонниками самодержавной власти» (*Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 194). В отношении Николая Николаевича и А.А. Брусилова, которые были парламентаристами, это мнение в корне неверно. Телеграмму главнокомандующего Румынским фронтом генерала В.В. Сахарова Н.В. Рузский получил чуть позже, в 14.50. Предложение М.В. Родзянко об отречении В.В. Сахаров характеризовал как «преступный и возмутительный ответ». «Горячая любовь моя к Его величеству, — телеграфировал В.В. Сахаров далее, — не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственная дума, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего державного вождя, если бы не были призваны к защите родины от внешнего врага и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии». В конечном итоге В.В. Сахаров, однако, высказался за отречение. Телеграмма командующего Балтийским флотом адмирала А.И. Непенина, поддержавшего требование М.В. Родзянко, пришла только в 20.40 (В.В. Сахаров — Н.В. Рузскому. 2 марта 1917 г.; А.И. Непенин — М.В. Алексееву и Н.В. Рузскому. 2 марта 1917 г. // Отречение Николая II... С. 239, 242). Командующий Черноморским флотом адмирал А.В. Колчак телеграммы о необходимости отречения не прислал.

императорскому величеству, — обращался М.В. Алексеев к императору, — умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам». Указав на то, что «прикосновение армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России, развал ее», М.В. Алексеев подводил императора к неизбежному итогу. «Ваше императорское величество горячо любите родину, — телеграфировал генерал, — и, ради ее целости, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжкого положения. Ожидаю повелений»[1]. Слова М.В. Алексеева снова разительно контрастировали с его поступками. Выступление начальника штаба и главнокомандующих в пользу отречения как раз и являлось «прикосновением» армии к внутренней политике, избежать которое генерал надеялся при помощи отречения.

По получении телеграммы М.В. Алексеева Н.В. Рузский направился к императорскому поезду. Для подкрепления своей позиции он взял с собой Ю.Н. Данилова и начальника снабжений Северного фронта генерала С.С. Савича.

В 14.30, в присутствии сотрудников Н.В. Рузского начался его второй доклад Николаю[2]. Дав императору ознакомиться с телеграммой М.В. Алексеева, главнокомандующий заявил о невозможности, при создавшихся условиях, какого-либо иного решения, кроме того, которое вытекало из ответов запрошенных лиц. «Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия», — возразил Николай. «Ваше величество, — заявил генерал, — заниматься сейчас анкетой обстановка не представляет возможности, но события несутся с такой быстротой и так ухудшают положение, что всякое промедление грозит непоправимыми бедствиями»[3].

Ю.Н. Данилов и С.С. Савич поддержали мнение своего начальника. После этого наступило тягостное молчание. Вдруг резким движением Николай повернулся к собеседникам и твердым голосом произнес: «Я решился... Я решил отказаться от престола в пользу своего сына Алексея». При этом Николай перекрестился[4].

По воспоминания Н.В. Рузского, царь объявил, что, «как ему ни тяжко, но в данный момент для спасения родины — России, он решил отречься от престола в пользу своего сына. Регентом же назначает своего брата Михаила Александровича»[5]. Царское решение последовало в 14.45[6]. Оно было вызвано

---

[1] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 73.

[2] Камер-фурьерский журнал за март 1917 г. ... Л. 9. Имея в виду Николая, Г.М. Катков писал: «В обеденный час, гуляя по перрону, он встретился с Рузским и сказал ему, что склоняется к отречению. Странно поэтому, что Рузский счел нужным взять с собой двух генералов своего штаба» (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 330). Ничего странного в поведении Н.В. Рузского нет. Во-первых, волеизъявление Николая, высказанное на перроне, являлось неофициальным, а потому — неокончательным, а во-вторых — выступление в пользу отречения не только Н.В. Рузского, но и его ближайших сотрудников, должно было показать Николаю, что, помимо главнокомандующего, царя не поддержит и Штаб Северного фронта.

[3] *Савич С.С.* Принятие Николаем II решения об отречении. // Отречение Николая II... С. 197.

[4] *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания... С. 440.

[5] *Сидоров А.Л.* Материалы о свержении царизма в фонде Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. // Исследования по отечественному источниковедению. М.–Л., 1964. С. 147. В рамках этой статьи А.Л. Сидоров опубликовал записку Н.В. Рузского о событиях 2 марта 1917 г.

[6] Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С. 206.

не только идеализмом Николая, но и отказом армейского руководства поддержать императора.

Вспоминая ситуацию, при которой произошло отречение, Николай говорил А.А. Вырубовой: «Куда я ни посмотрю, всюду вижу предательство». «Особенно больно» царя поразила телеграмма Николая Николаевича[1]. «Что мне оставалось делать, когда все мне изменили? — сразу после отречения сказал император В.Н. Воейкову. — Первый Николаша»[2].

Не меньшее впечатление произвело на царя поведение М.В. Алексеева и главнокомандующих. Через несколько дней после отречения Николай говорил о «вероломстве» Ставки и М.В. Алексеева. «О грязном предательстве Алексеева и других генералов» экс-император отзывался «с большой горечью»[3]. Ламентациям Николая как заинтересованного лица можно было бы не придавать особого значения. Но мнение о том, что Николай Николаевич, М.В. Алексеев, А.А. Брусилов, Н.В. Рузский и А.Е. Эверт нарушили военную присягу и изменили суверену, разделяли не только генералы, находившиеся в стороне от событий, а потому — занимавшие беспристрастную позицию, но и виновники отречения[4].

Причиной солидарности генерал-адъютантов Николая с М.В. Родзянко было предварительное соглашение руководителей армии и лидеров оппозиции, прежде всего — М.В. Алексеева и А.И. Гучкова[5].

---

[1] *Вырубова А.А.* Неопубликованные воспоминания // Николай II. Воспоминания. Дневники ... С. 209.

[2] [*Воейков В.Н.*] С царем и без царя... С. 133.

[3] *Вырубова А.А.* Неопубликованные воспоминания... С. 210.

[4] Бывший военный министр генерал А.Ф. Редигер обвинял М.В. Алексеева и Н.В. Рузского в том, что они «не исполнили своего "солдатского" долга в отношении государя» (*Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х тт. М., 1999. Т. 2. С. 444). По поводу поведения Николая Николаевича 2 марта генерал Н.А. Епанчин писал: «Что же должен был сделать верноподданный генерал-адъютант и дядя государя, получив депешу Алексеева? Он должен был ответить, что он не только не осмелится просить государя об отречении, но воспротивится всеми мерами, даже силою оружия, против тех, кто это сделает» (*Епанчин Н.А.* На службе трех императоров... С. 457). Свое поведение 2 марта рассценивал как предательство А.Е. Эверт. Осенью 1917 г., беседуя с бывшим минским губернатором князем В.А. Друцким-Соколинским, А.Е. Эверт, «не скрывая и не прячась, открыто обвинял себя в предательстве государя». «Я, как и другие главнокомандующие, — говорил он, — предал царя и за это злодеяние все мы должны заплатить своею жизнью» (*Друцкой-Соколинский В.А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994. С. 59).

[5] Лидер Прогрессивного блока в Государственном совете граф В.Н. Коковцов, телеграфировал в Токио японский дипломат виконт Уцида 15 марта 1917 г., заявил ему накануне: «Факт — что между армией и флотом и революционными партиями существовало предварительное соглашение: это одна из причин быстроты переворота» (Иностранные дипломаты о революции 1917 г. [Публ. А.Л. Попова] // Красный архив. Т. 24. М.–Л., 1927. С. 121). Единодушие Думы и Ставки П.Л. Барк уже в эмиграции приписывал «преступному союзу» М.В. Алексеева и А.И. Гучкова. «Я ни минуты не сомневаюсь, — отмечал бывший министр финансов, — что план убедить государя императора отречься был заранее разработан этими господами и что командующие армиями, подготовленные низкой пропагандой, были готовы ко всем случайностям. Ответы этих генералов на телеграфный запрос в роковое число 2 марта были результатом долгой и тщательной подготовки» (П.Л. Барк — А.Н. Яхонтову. 11 декабря 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). Публ. Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, В.В. Лапина, М.Ф. Флоринского при участии Н. Хеймсон и Р. Уортмена. СПб., 1999. С. 454). «Теперь можно с уверенностью сказать, — утверждала сестра соратника А.И. Гучкова по заговору Д.Л. Вяземского, — что почти единодушный ответ командующих фронтами на вопрос государя, следует ли ему отрекаться, был следствием пропаганды на фронте Александра Ивановича Гучкова» ([*Васильчикова Л.Л.*] Исчезнувшая Россия... С. 323).

Согласившись отречься, царь отправился в свое купе для написания телеграммы М.В. Родзянко, а Н.В. Рузский, Ю.Н. Данилов, С.С. Савич и В.Б. Фредерикс обсудили вопрос о преемнике царя на посту верховного главнокомандующего. Они решили, что лучшим кандидатом явился бы Николай Николаевич. На вопрос В.Б. Фредерикса, как оформить отречение, генералы ответили, что монарху надо вернуться в Царское Село, где и сделать это со сведущими лицами. Но тут из Петрограда пришло сообщение об отъезде в Псков делегации Временного комитета Думы в составе А.И. Гучкова и В.В. Шульгина[1]. Состав делегации был отнюдь не случаен. А.И. Гучков являлся вождем переворота даже в глазах посторонних наблюдателей[2]. Руководя защитой революционного Петрограда, А.И. Гучков не забывал о главной цели своего заговора. Вечером 1 марта он заявил Временному комитету, что отправится к императору, чтобы добиться его отречения в пользу цесаревича, даже если не получит полномочий на это. Соответствующие полномочия А.И. Гучкову дали[3]. В.В. Шульгин, игравший роль «рыцаря монархии», накануне переворота и во время него был настроен антимонархически[4].

К моменту получения сообщения о выезде делегации Николай вернулся с написанной им телеграммой М.В. Родзянко. В.Б. Фредерикс доложил о желательности назначения верховным главнокомандующим Николая Николаевича, на что его племянник согласился. Затем император удалился в купе снова — для написания телеграммы М.В. Алексееву. Тем временем генералы обратили внимание В.Б. Фредерикса на то, что в телеграмме М.В. Родзянко Николай не упомянул о великом князе Михаиле Александровиче. Н.В. Рузский написал на клочке бумаги, как необходимо дополнить телеграмму. В.Б. Фредерикс отнес этот клочек императору. Вернувшись с дополненной телеграммой М.В. Родзянко и телеграммой М.В. Алексееву, Николай заявил, что дождется делегацию в Пскове. Это было в 15.45[5].

---

[1] *Савич С.С.* Принятие Николаем II... С. 199.

[2] Командированный, с ведома А.И. Гучкова, в распоряжение Н.И. Иванова подполковник А.А. Тилли, докладывая генералу о событиях в Петрограде, заявил, что формально там «хозяйничает Родзянко, но фактически Гучков» (Допрос генерала Н.И. Иванова 28 июня 1917 г. // Падение царского режима... Т. 5. М.–Л., 1926. С. 323). Показательно также, что когда в ночь с 28 февраля на 1 марта в Думу прибыла депутация царскосельского гарнизона, ее встретил именно А.И. Гучков, хотя формально председателем Военной комиссии он еще не являлся («Протокол событий» Февральской революции... Февральская революция 1917 г. ... С. 126).

[3] Показания А.И. Гучкова 2 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 263. Г.З. Иоффе ошибочно считал, что Николай ждал А.И. Гучкова и В.В. Шульгина «с некоторой надеждой» (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 60). Хорошо зная о давнем желании А.И. Гучкова свергнуть его с престола, Николай не мог испытывать относительно его миссии никаких иллюзий.

[4] Великий князь Николай Михайлович, общавшийся с М.И. Терещенко и В.В. Шульгиным 4 января 1917 г. в Киеве, дивился тому, «какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности цареубийства!» ([*Николай Михайлович*] Записки... С. 102, 103) Во время переговоров, проходивших в ночь с 1 на 2 марта между Временным комитетом и исполкомом В.В. Шульгин говорил не о необходимости сохранения монархии, а «о войне, о победе, о патриотизме». «Но никакой ультимативности в его речи, — вспоминал Н.Н. Суханов, — я тоже не помню, и насчет монархии он, рекомендуясь монархистом, был мягче Милюкова, высказывая лишь свои общие взгляды по этому предмету» (*Суханов Н.Н.* Записки о революции... С. 150–151).

[5] *Савич С.С.* Принятие Николаем II... С. 199.

«Нет той жертвы, — говорилось в телеграмме царя М.В. Родзянко, — которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем, чтобы он оставался при нас до совершеннолетия, при регентстве брата моего, великого князя Михаила Александровича». Выдвижение условия, подразумевавшего оставление Алексея при родителях до его совершеннолетия, объяснялось верой царя в то, что к моменту совершеннолетия его сын вылечиться от гемофилии, а потому не будет нуждаться в родительском присмотре. Веру в это поддерживал Г.Е. Распутин. «Григорий Ефимович, — сообщил Николай чуть позже лейб-хирургу С.П. Федорову, — все время говорил, что Алексей Николаевич к 16 годам будет совершенно здоров. Я и государыня привыкли верить Григорию Ефимовичу, потому что всё, что он предсказывал, всегда сбывалось»[1].

«Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России, — говорилось в телеграмме царя М.В. Алексееву, — я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно»[2]. Последние слова телеграммы прозрачно намекали на «грязное предательство» М.В. Алексеева. По совету Н.В. Рузского царь отложил посылку телеграмм до встречи с делегацией, причем телеграмму М.В. Алексееву взял себе, а телеграмму М.В. Родзянко оставил у Н.В. Рузского[3].

В.Н. Воейков, как и другие чины Свиты, опасался, что Н.В. Рузский поспешит отправить оставшуюся у него телеграмму. Поэтому дворцовый комендант доложил императору, что «никакое окончательное решение» принимать нельзя, пока не выслушаны А.И. Гучков и В.В. Шульгин[4]. Поведение чинов Свиты объяснялось тем, что они были противниками отречения. В.Б. Фредерикс говорил Николаю, что «при отречении неминуемо такое же кровопролитие, как и при подавлении уже вспыхнувших беспорядков», а потому умолял его «не отрекаться»[5]. Будучи противниками отречения, чины Свиты продолжали оставаться сторонниками парламентаризма. Никто из них «не выражал сомнения в необходимости конституционного строя, на который согласился ныне государь»[6].

Одобрив предложение В.Н. Воейкова, Николай поручил начальнику своей Военно-походной канцелярии генералу К.А. Нарышкину взять телеграмму к

---

[1] *Мартынов Е.И.* Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. С. 160. В.И. Старцев назвал С.П. Федорова лейб-медиком, хотя это придворно-медицинское звание было отлично от звания лейб-хирурга (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 38).

[2] Факсимиле телеграмм см.: *Мартынов Е.И.* Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. С. 159.

[3] Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С. 206; Пребывание Николая II в Пскове... // Отречение Николая II... С. 161, 240.

[4] *[Воейков В.Н.]* Указ. соч. С. 133. На основании воспоминаний «некоторых членов Свиты царя» Г.З. Иоффе полагал, что «инициатива задержки телеграмм исходила от них». В связи с этим он писал о «бунте» Свиты (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых... С. 55, 56). В действительности к тому моменту, когда возник «бунт», решение о задержке телеграмм император уже принял, а потому придавать большое значение «бунту» совершенно неправомерно. Вообще, воспоминания чинов Свиты показывают, что 2 марта какого-либо влияния на Николая они не оказывали.

[5] *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора... С. 161.

[6] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России... // Отречение Николая II... С. 66.

М.В. Родзянко у Н.В. Рузского. Главнокомандующий отказал К.А. Нарышкину, после чего пошел к императору и во время своего третьего, за 2 марта, доклада, начавшегося в 16.30, уговорил Николая все оставить по старому[1].

Телеграмма царя М.В. Алексееву осталась неотправленной. Но начальник Штаба узнал о решении Николая из телеграммы Ю.Н. Данилова, отправленной, конечно же, по приказу Н.В. Рузского также в 16.30. «Государь император, — телеграфировал Ю.Н. Данилов, — в длительной беседе с генерал-адъютантом Рузским, в присутствии моем и генерала Савича, выразил, что нет той жертвы, которой Его величество не принес бы для истинного блага родины»[2]. После получения этой телеграммы и был составлен проект манифеста об отречении[3]. М.В. Алексеев попросил директора Дипломатической канцелярии Ставки Н.А. Базили справиться с Основными законами, на каких условиях императору позволено отрекаться. Н.А. Базили подал записку, в которой доказывал, что, «если бы император отрекся, он должен был бы передать власть своему законному наследнику — царевичу Алексею». «Я так и думал, — ответил М.В. Алексеев. — Теперь приготовьте мне поскорей манифест в этом смысле»[4].

Пока чины Ставки готовили царское отречение, чины Свиты предприняли еще одну попытку, нацеленную на его предотвращение, направив к императору лейб-хирурга С.П. Федорова. Во время беседы с Николаем невозможность отречения С.П. Федоров мотивировал тем, что отрекшемуся монарху революционное правительство не разрешит оставить при себе больного сына, нуждающегося в родительской опеке. Царь осведомился, насколько болезнь сына является неизлечимой. Ответ С.П. Федорова был относительно оптимистичен. «Ваше величество, — заявил лейб-хирург, — наука нам говорит, что эта болезнь неизлечима, но многие доживают при ней до значительного возраста, хотя здоровье Алексея Николаевича и будет всегда зависеть от всякой случайности». «Когда так, — заметил император, — то я не могу расстаться с Алексеем. Это было бы уж сверх моих сил... к тому же, раз его здоровье не позволяет, то я буду иметь право оставить его при себе»[5]. Николай высказал, что «хочет с семьей и наследником уехать жить в Ливадию» и «не может оставить больного ребенка на чужих руках»[6]. Все исследователи расценивали беседу с С.П. Федоровым как причину переотрече-

---

[1] Камер-фурьерский журнал за март 1917 г. Л. 9.

[2] Февральская революция... // Красный архив. Т. 21. М.–Л., 1927. С. 77. Не приняв во внимание эту телеграмму, Г.М. Катков ошибочно считал, что в Могилев ушли телеграммы Николая М.В. Алексееву и М.В. Родзянко (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 331). Ошибался и В.И. Старцев, который писал, что телеграмма М.В. Алексееву была послана, поскольку он «дал распоряжение» о составлении проекта манифеста об отречении (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 95, 96). На самом деле телеграмма начальнику штаба осталась неотправленной.

[3] *Пронин В.М.* Последние дни царской Ставки (24 февраля — 8 марта 1917 г.). // Русское возрождение. № 55, 56. Нью-Йорк — Москва — Париж, 1991. С. 256–258.

[4] *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С. 265. Подразумевая утро 2 марта, Г.М. Катков неверно полагал, что проект манифеста об отречении царя «по его указанию составлен был в то утро в Могилеве» (*Катков Г.М.* Указ. соч. С. 338).

[5] *Мордвинов А.А.* Последние дни императора... С. 110.

[6] *Мартынов Е.И.* Царская армия... С. 160. Е.И. Мартынов опубликовал выдержки из собственноручной записки С.П. Федорова, посвященной его беседе с Николаем.

ния Николая, т.е. отречения в пользу не сына, а брата, великого князя Михаила Александровича[1]. Это мнение представляется необоснованным.

О переотречении Николай задумался бы только тогда, когда требование об отречении в пользу сына, выдвинутое М.В. Родзянко и поддержанное руководителями армии, сопровождалось бы требованием о разлуке цесаревича с родителями. Но царю подобного требования никто не предъявлял.

Вечером М.В. Родзянко потребовал от Николая лишь одного — назначения командира 25-го корпуса Особой армии Юго-Западного фронта генерала Л.Г. Корнилова главнокомандующим Петроградским военным округом. Выдвижение кандидатуры Л.Г. Корнилова было вызвано тем, что он являлся участником заговора А.И. Гучкова[2]. Телеграмму о назначении Л.Г. Корнилова, полученную в Ставке от М.В. Родзянко, М.В. Алексеев отправил императору в 18.55. Начальник Штаба поддержал М.В. Родзянко перед Николаем и просил об отозвании Н.И. Иванова. В 21.20 Ю.Н. Данилов телеграфировал М.В. Алексееву, что монарх «соизволил» согласиться с обеими просьбами[3].

Требование о разлуке цесаревича с родителями не учел и Н.А. Базили, составивший проект манифеста об отречении Николая в пользу Алексея. Передавая обстоятельства обсуждения проекта, Н.А. Базили вспоминал: «Я читаю генералу Алексееву проект. Он прочитывает его вслух и безоговорочно одобряет. Лукомский тоже одобряет. Документ немедленно передается по телеграфу в Псков»[4]. Проект был передан по телеграфу Ю.Н. Данилову в 19.40[5]. В течение двух часов после получения проекта, вплоть до 21.40, когда начались переговоры царя с А.И. Гучковым и В.В. Шульгиным, Николай не внес в него каких-либо изменений в смысле передачи престола не цесаревичу, а брату[6]. Следовательно, решение царя о переотречении было принято не до, а в ходе переговоров.

Как только делегаты приехали, флигель-адъютант А.А. Мордвинов проводил их до царского поезда. Свидетелями переговоров были В.Б. Фредерикс и К.А. Нарышкин. Чуть позже пришли Н.В. Рузский и Ю.Н. Данилов. Судя по протоколу обмена мнений, состоявшегося в вагоне-столовой, преимущественно

---

[1] По мнению Г.М. Каткова, «политические последствия» разговора царя с С.П. Федоровым «оказались значительными» (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 332). Именно разговор, отмечал Г.З. Иоффе, «повлиял на то решение царя, которое станет известно только поздним вечером» (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых... С. 56, 58). Соображение С.П. Федорова о том, что новое правительство не разрешит императору сохранить Алексея около себя, писал Р. Пайпс, «заставило Николая изменить решение» (*Пайпс Р.* Русская революция... С. 342).

[2] Еще в декабре 1916 г. Л.Г. Корнилов «обещал Гучкову свою помощь». В январе 1917 г. А.И. Коновалов сообщил А.И. Верховскому, что Л.Г. Корнилова «очень обхаживает А.И. Гучков. Этот генерал, — заявил А.И. Коновалов, — очень резко высказывается против царя и всего царского строя». (*Верховский А.И.* На трудном перевале... С. 158, 215).

[3] Февральская революция... // Красный архив. Т. 22. М.–Л., 1927. С. 7, 9, 10.

[4] *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции... С. 265. См., также: Basily N. Diplomat of Imperial Russia. 1903–1917. Memoirs. Stanford, 1973. P. 122–125.

[5] Февральская революция... // Красный архив. Т. 22. М.–Л., 1927. С. 7.

[6] Камер-фурьерский журнал за март 1917 г. Л. 9 об. Неправ поэтому В.С. Дякин, утверждавший, что к моменту приезда делегатов император «успел переменить свое решение» (*Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм... С. 346).

говорил А.И. Гучков. Сославшись на полномочия, полученные им от Временного комитета Думы, А.И. Гучков заявил себя сторонником отречения Николая в пользу цесаревича и назначения регентом империи Михаила. В ответ на монолог А.И. Гучкова царь объявил о передаче престола не сыну, а брату. Согласно протоколу, виновником такого решения был Николай, А.И. Гучков же и В.В. Шульгин лишь верноподданно склонились перед волеизъявлением императора. Впервые эта версия появляется в статье, опубликованной уже 3 марта в газете «Речь» и основанной на рассказе В.В. Шульгина[1]. Между тем версия протокола, которой придерживаются все исследователи, вызывает серьезные сомнения, прежде всего потому, что сам он является ненадежным источником.

Как известно, впервые протокол был опубликован в 1921 г. В.Н. Сторожевым, а в 1927 г. помещен П.Е. Щеголевым в сборник «Отречение Николая II». С тех пор этот документ прочно вошел в историографию Февральской революции. Но уже В.Н. Сторожев, анализируя протокол, оперировал такими понятиями, как апокриф, т.е. фальшивка. «Сохранилась, однако, записка, — подразумевая протокол, писал он, — о происхождении которой в Ново-Романовском архиве не имеется никаких данных; записка никем не подписана, и на ней не имеется никаких пометок. Даже если причислять ее к апокрифам, то, во всяком случае, это такого свойства апокриф, которым нельзя пренебрегать и который живо отражает настроения и чаяния момента и отдельных общественных групп»[2].

Протоколу нельзя доверяться полностью, прежде всего, потому, что неизвестен его автор. Исследователи считали составителем протокола К.А. Нарышкина[3]. Однако в воспоминаниях А.А. Мордвинова имеются данные, позволяющие поставить под сомнение авторство К.А. Нарышкина по отношению если не ко всему протоколу, то к той его части, которая передает обмен мнений, последовавший после царского волеизъявления.

---

[1] *Шульгин В.В.* Подробности отречения // Отречение Николая II... С. 170–171.

[2] *Сторожев В.Н.* Февральская революция 1917 г. // Научные известия Академического центра Наркомпроса. Сб. 1. М., 1922. С. 138. Несмотря на оговорки В.Н. Сторожева, историки оценивали протокол неоправданно высоко. По мнению В.И. Старцев, «с фактической стороны наиболее точное изложение событий содержится в протоколе» (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 96). Г.З. Иоффе сообщал, что, «к счастью, сохранился протокол отречения царя». «Этим документом, — отмечал Г.З. Иоффе, — прежде всего, конечно, и следует пользоваться» (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых... С. 60). Подразумевая переговоры царя с делегатами, А.А. Искендеров писал: «Сохранившаяся протокольная запись этой беседы дает представление о том, как она протекала» (*Искендеров А.А.* Закат Империи М., 2001. С. 543).

[3] Исследователи решили этот вопрос на основании показаний В.В. Шульгина и А.И. Гучкова. Перед переговорами, сообщал В.В. Шульгин в статье, опубликованной 3 марта 1917 г. в «Речи», «в углу вагона, за столиком, сел генерал, фамилию которого я не знал, приготовляясь записывать» (*Шульгин В.В.* Указ. соч. // Отречение Николая II... С. 170). Рассказывая о начале беседы с Николаем, А.И. Гучков отметил: «Генерал Нарышкин вынул записную книжку и стал записывать. Так что, по-видимому, там имеется точный протокол» (Показания А.И. Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 264). В воспоминаниях делегатов историки видели истину в последней инстанции. Неудивительно поэтому, что В.И. Старцев писал о «протоколе генерала Нарышкина» (*Старцев В.И.* Указ. соч. С. 96), а Г.З. Иоффе — про «протокол отречения царя», составленный К.А. Нарышкиным (*Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 60). С отечественными историками единодушны историки западные. К.А. Нарышкин, отмечал Р. Пайпс, вел «запись» (*Пайпс Р.* Русская революция... С. 343).

Рассказав о приходе в поезд Н.В. Рузского, А.А. Мордвинов указывал: «Не помню когда, но, кажется, очень скоро, ко мне в купе заглянул Нарышкин, озабоченно проходивший к себе в канцелярию по коридору. Я так и бросился к нему: "Ну, что, уже кончилось, уже решено, что они говорят?" — с замиранием сердца спрашивал я его. "Говорит один только Гучков, все то же, что и Рузский, — ответил мне Нарышкин. — Он говорит, что, кроме отречения, нет другого выхода, и государь уже сказал им, что он и сам это решил еще до них. Теперь они сомневаются, вправе ли государь передать престол Михаилу Александровичу, минуя наследника, и спрашивают для справки Основные законы. Пойдем, помоги мне их отыскать, хотя вряд ли они взяты у нас с собою в вагон. В них никогда не было надобности в путешествиях"»[1]. По прошествии значительного отрезка времени нужный том Основных законов нашли, и вместе с ним начальник Военно-походной канцелярии пошел обратно, в вагон-столовую. Следовательно, К.А. Нарышкин отсутствовал там, начиная с момента, когда царь объявил об отречении в пользу брата, а не сына, а потому фиксировать последующий обмен мнений не мог.

Если и позволительно говорить об авторстве К.А. Нарышкина, то только применительно к начальной части протокола, которая заканчивается царским волеизъявлением. Однако, скорее всего, к составлению протокола, опубликованного В.Н. Сторожевым, К.А. Нарышкин был непричастен вообще, что доказывается отсутствием его подписи.

Апокрифичность протокола доказывается также тем, что в нем не отражен целый ряд существенных моментов, которые прослеживаются по другим источникам. Когда А.И. Гучков, подразумевая революционное движение в Петрограде, указал, что «было бы безумием делать попытку вооруженной силой остановить это движение», его поддержал Н.В. Рузский, сказавший: «Ваше величество, я должен подтвердить то, что говорит Александр Иванович; никаких воинских частей я не мог бы послать в Петроград»[2]. После того как А.И. Гучков посоветовал императору отречься, Н.В. Рузский наклонился к В.В. Шульгину и шепнул: «Это уже дело решенное»[3].

В конце беседы, сообщил Н.В. Рузский А.С. Лукомскому, царь намеревался подписать манифест об отречении в пользу цесаревича. В последнюю минуту, взяв перо, Николай поинтересовался, разрешат ли ему и его семье жить после отречения в Крыму. А.И. Гучков ответил, что «это невозможно», поскольку экс-императору «нужно будет немедленно уехать за границу»[4].

Сообщение Н.В. Рузского согласуется с тем, что участники заговора А.И. Гучкова планировали «арестовать царя и выслать его немедленно за границу»[5]. На вопрос Николая: «А могу ли я тогда взять с собой наследника?»

---

[1] *Мордвинов А.А.* Последние дни императора... С. 117.

[2] *Показания А.И.* Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 268.

[3] *Шульгин В.В.* Подробности отречения... // Отречение Николая II... С. 170.

[4] *Лукомский А.С.* Из воспоминаний... С. 25.

[5] *Верховский А.И.* На трудном перевале... С. 228.

А.И. Гучков ответил, что «и этого нельзя», так как «новый государь, при регенте, должен оставаться в России»[1]. По воспоминаниям самого А.И. Гучкова, он, говоря о необходимости отречения в пользу Алексея, прибавил, что, «конечно, государю не придется рассчитывать при этих условиях на то, чтобы сын остался при нем и при матери, потому, что никто, конечно, не решится доверить судьбу и воспитание будущего государя тем, кто довел страну до настоящего положения»[2].

Мнение А.И. Гучкова поддержал В.В. Шульгин. По воспоминаниям Николая, мысль А.И. Гучкова и В.В. Шульгина заключалась в том, чтобы «разлучить Алексея с императрицей»[3].

Выслушав заявление А.И. Гучкова, Николай сказал, что, «ради пользы России, он готов на какие угодно жертвы, но расстаться с сыном — это выше его сил», а потому «на это он согласиться не может»[4]. Исключительно с учетом условия, выставленного А.И. Гучковым, оказываются более понятными царские слова, сказанные в ответ на предложение об отречении и зафиксированные в камер-фурьерском журнале: «Я все это обдумал, решил отречься. Но отрекаюсь не в пользу своего сына, так как я должен уехать из России, раз я оставляю верховную власть. Покинуть же в России сына, которого я очень люблю, оставить его на полную неизвестность, ни в коем случае не считаю возможным. Вот почему я решил передать престол моему брату Михаилу Александровичу»[5].

Только после беседы с А.И. Гучковым Николай повелел К.А. Нарышкину внести в уже готовый манифест исправление о передаче престола брату[6].

Представителей Временного комитета царское решение вполне устроило. «К немалому моему удивлению, — вспоминал Ю.Н. Данилов, — против решения, объявленного государем, не протестовал ни Гучков, ни Шульгин».

---

[1] *Лукомский А.С.* Из воспоминаний... С. 25.

[2] Показания А.И. Гучкова 2 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 266. Комментируя это место показаний А.И. Гучкова, В.И. Старцев утверждал: «Пояснение о том, что царь не сможет остаться с Алексеем, было сделано после того, как он объявил свое решение в пользу Михаила Александровича» (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 100). Но по контексту показаний видно, что «пояснение» А.И. Гучков сделал до царского решения об отречении в пользу Михаила.

[3] *Ден Ю.А.* Подлинная царица... С. 125.

[4] *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 25.

[5] Камер-фурьерский журнал за март 1917 г. Л. 9 об. По справедливому замечанию Г.З. Иоффе, подозрения лидеров оппозиции относительно того, что при переотречении Николай руководствовался задней мыслью, «имели политическую подоплеку, задним числом возлагая на отрекшегося царя хотя бы часть ответственности за трудности, с которыми действительно столкнулась новая власть» (*Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых... С. 59). Нельзя также не согласиться с В.Ю. Черняевым. Согласно этому историку, подозрения, что царь, отрекаясь и за себя, и за сына, сознательно нарушил Основные законы, «лишены оснований» (*Черняев В.Ю.* Гибель думской монархии... С. 647).

[6] *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя... С. 141. «Государь два раза выходил к Шульгину и Гучкову, — показывал В.Н. Воейков в апреле 1917 г. — После первого раза он вернулся к себе и изменил текст телеграммы: не желая расстаться с Алексеем Николаевичем, отрекся и за него... Государь увидал меня и говорит: "Я решил отречься и за Алексея Николаевича". Это было в присутствии Гучкова, Шульгина, Фредерикса и Нарышкина» (Допрос генерала В.Н. Воейкова 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 3. М.–Л., 1925. С. 78, 79).

Более того, вопрос о незаконности этого решения их совершенно не волновал. Когда Ю.Н. Данилов поинтересовался у А.И. Гучкова, не является ли отречение царя в пользу не сына, а брата, несогласованным с Основными законами, А.И. Гучков ответил: «Не думаю»[1]. Первоначально В.В. Шульгин являлся сторонником отречения в пользу Алексея. Еще в Петрограде В.В. Шульгин, совместно с М.С. Аджемовым, составил соответствующий проект[2]. Но в Пскове В.В. Шульгин поддержал А.И. Гучкова. Мотивируя необходимость отречения в пользу Михаила, В.В. Шульгин заявил Ю.Н. Данилову: «Видите ли, несомненно, здесь юридическая неправильность. Но с точки зрения практической, которая сейчас должна превалировать, я должен высказаться в пользу принятого решения»[3]. Итак, именно А.И. Гучков, поддержанный В.В. Шульгиным, поступая вопреки полномочиям, полученным от Временного комитета, сознательно вынудил императора на переотречение.

Если бы А.И. Гучков действительно хотел воцарения Алексея, то не стал бы заострять вопроса об эмиграции Николая и пообещал бы ему оставить сына при нем. Ведь ничто не мешало впоследствии взять это обещание обратно. Непонятное, на первый взгляд, поведение А.И. Гучкова, выставлявшего себя сторонником конституционной монархии, было предопределено его ролью руководителя заговора против Николая. В начале 1917 г. из кругов, близких Н.В. Некрасову, социал-демократу Н.Д. Соколову сообщили, что «готовится арест царя с вынуждением отречения в пользу Михаила» и этим руководят А.И. Гучков и М.И. Терещенко[4]. В декабре 1916 г., после убийства Г.Е. Распутина, П.П. Гронский, И.П. Демидов, М.М. Ичас и В.Н. Пепеляев, т.е. левые кадеты, лидером которых являлся Н.В. Некрасов, говорили про Михаила «как будущего императора»[5]. Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко были не только членами гучковской пятерки, но и республиканцами, связанными с А.Ф. Керенским[6]. Он и его единомышленники рассматривали Михаила как наиболее подходящего преемника Николая. В конце января 1917 г. трудовик В.Б. Станкевич общался на тему дворцового переворота с членами «очень интимного кружка» левого направления, в том числе А.Ф. Керенским. Хотя к возможности народного

---

[1] *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания... С. 446.

[2] *Шульгин В.В.* Дни // Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 254.

[3] «При воцарении цесаревича Алексея, — говорил В.В. Шульгин далее, — будет весьма трудно изолировать его от влияния отца и, главное, матери, которую столь ненавидит Россия. При таких условиях останутся прежние влияния и самый отход от власти родителей малолетнего императора станет фиктивным... Если же отстранить отца и мать совсем от ребенка, то этим будет косвенно еще более подорвано слабое здоровье цесаревича Алексея, не говоря уже о том, что его воспитание явится ненормальным» (*Данилов Ю.Н.* Указ. соч. С. 446, 447).

[4] Запись беседы с Н.Д. Соколовым // *Николаевский Б.И.* Русские массоны и революция... С. 97.

[5] *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2-х кн. М., 1993. Кн. 1. С. 236.

[6] В дни переворота, по наблюдениям Н.Н. Суханова, за республику была «вся левая до Керенского и, пожалуй, до Некрасова» (*Суханов Н.Н.* Записки о революции... С. 192).

выступления члены кружка относились «определенно отрицательно», тем не менее это «не поколебало общей решимости» низвергнуть императора. «В качестве кандидатов на престол, — указывал В.Б. Станкевич, — назывались различные имена, но наибольшее единодушие вызывало имя Михаила Александровича»[1].

Передача престола Михаилу, а не Алексею была весьма выгодна республиканцам, поскольку создавала легальную предпосылку для немедленного введения республики путем вынуждения отречения Михаила, близкого к оппозиции и не стремившегося к власти, «в пользу народа». Замена сына братом, отмечал П.Н. Милюков, «была, несомненно, тяжелым ударом», нанесенным «судьбе династии»[2]. В отличие от Михаила, Алексей как несовершеннолетний, распоряжаться престолом не мог. Поэтому даже при его добровольном согласии на отречение оно оказалось бы недействительным. «Если бы цесаревич был объявлен императором, — говорил Н.А. Базили Ж.М. Палеологу 5 марта 1917 г., — никто не имел бы права заставить его потом отречься»[3]. Для В.В. Шульгина, а значит — и А.И. Гучкова, также представлялось очевидным, что Михаил «может отречься от престола», а «малолетний наследник не может отречься», поскольку «его отречение недействительно»[4].

Воцарение цесаревича способствовало бы укреплению монархии, продлив ее существование, по крайней мере до совершеннолетия Алексея. Именно поэтому план монархистов из Временного комитета, нацеленный на воцарение цесаревича, встретил, по признанию А.И. Гучкова, «отрицательное отношение» со стороны «некоторых кругов, стоящих на более крайнем фланге», т.е. республиканцев, концентрировавшихся в Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов[5]. Будучи осведомлен о стремлении руководителей Совдепа свести шансы монархии к нулю, для сохранения обеспечившего победу переворота компромисса монархистов и республиканцев А.И. Гучков и пошел на вынуждение у Николая отречения в пользу

---

[1] **Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919** // Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919. *Тамоносов Ю.В.* **Воспоминания о мартовской революции 1917 г.** М., 1994. С. 31. Свидетельство В.Б. Станкевича об отрицательном отношении кружка к народному выступлению В.С. Дякин цитировал как доказательство «страха» буржуазии «перед революцией», опуская при этом следующую фразу (*Дякин В.С.* Русская буржуазия... С. 292). Однако вместе с нею свидетельство В.Б. Станкевича приобретает иное значение и говорит о том, что, несмотря на «страх», А.Ф. Керенский и его соратники не были противниками революции.

[2] *Милюков П.Н.* Воспоминания. В 2-х тт. М., 1990. Т. 2. С. 270.

[3] *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции... С. 266.

[4] *Шульгин В.В.* Подробности отречения... С. 254.

[5] Показания А.И. Гучкова 2 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 263.

Михаила[1]. А.И. Гучков содействовал республиканцам, поскольку надеялся играть политическую роль и при республике[2].

Манифест, напечатанный на машинке, царь подписал у себя в отделении. Вместе с манифестом Николай вернулся в салон-вагон около четверти двенадцатого.

По совету В.В. Шульгина Николай добавил фразу: «принеся в том всенародную присягу», изменив слово «всенародную» на «ненарушимую»[3]. В.В. Шульгин рекомендовал пометить манифест 15 часами[4]. Так был замаскирован факт того, что в пользу брата царь отрекся не сам, а под давлением А.И. Гучкова. Затем Николай попросил В.Б. Фредерикса контрассигновать манифест. Когда процедура переотречения закончилась, было без 12 минут 12[5]. После нее Николай подписал указы о назначении председателем Совета министров Г.Е. Львова и верховным главнокомандующим — Николая Николаевича и дубликат манифеста, составленный по просьбе делегатов.

Уже в качестве экс-императора Николай телеграфировал Михаилу: «События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил Тебя и что не успел предупредить. Остаюсь

---

[1] Проводя комбинацию с отречением Николая в пользу Михаила, А.И. Гучков понимал, что она создавала почву для вынуждения отказа от престола теперь уже у Михаила. Эта вторая комбинация стала намечаться еще до отъезда А.И. Гучкова в Псков. «С утра 2 марта в Таврическом дворце, — вспоминал его комендант Г.Г. Перетц, — стали носиться упорные слухи об отречении Николая II от престола и об отказе от короны Михаила». «Это, — по свидетельству Г.Г. Перетца, — было решено в Таврическом дворце и отсюда властно диктовалось царю, что он должен предпринять в этот важный исторический момент» (*Перетц Г.Г.* В цитадели русской революции... С. 53, 54). А.И. Гучков не только стремился к отречению в пользу Михаила, но и сознавал, так сказать, революционный потенциал подобного решения. Это подтверждают слова А.И. Гучкова, сказанные им по выходе из императорского поезда толпе, собравшейся поблизости: «Не беспокойтесь, господа. Император согласился на большее, чем мы ожидали». Очевидно, А.И. Гучков не надеялся добиться так быстро именно отречения в пользу Михаила. Тем не менее, Г.М. Катков писал, что «представители Думы готовились к сражению, но готовы были в случае нужды и уступить, удовольствовавшись назначением кабинета под председательством Львова, без отречения» (*Катков Г.М.* Февральская революция... С. 341). Мнение Г.М. Каткова представляется натяжкой, поскольку цель поездки А.И. Гучкова и В.В. Шульгина состояла не в назначении «ответственного министерства», а в отречении Николая. Причину согласия А.И. Гучкова на переотречение В.И. Старцев объяснял тем, что в ином случае «вся слава» перешла бы другому (*Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 102). Но если бы А.И. Гучкову нужна была только «слава», то он поспешил бы немедленно согласиться с первоначальным решением Николая, которое, в отличие от переотречения, уже не требовалось вынуждать. Неправ также и Р. Пайпс, утверждавший, что А.И. Гучков выступил только за передачу престола Алексею (*Пайпс Р.* Русская революция... С. 344).

[2] Объясняя поведение А.И. Гучкова, Л.Л. Васильчикова писала: «Если он не настоял на отречении в пользу маленького наследника, то опять-таки им не руководило ни сострадание, ни добрые чувства к государю, которого он ненавидел, а просто его амбиции росли все выше и выше, и если Совет бы не завладел положением, не оседлал Временного правительства, то было много шансов на то, что Гучков станет первым президентом первой Русской республики» (*Васильчикова Л.Л.*] Исчезнувшая Россия.. С. 365).

[3] *Шульгин В.В.* Подробности отречения. // Отречение Николая II... С. 171. В.Ю. Черняев резонно подчеркивал, что манифест об отречении «сохранял думскую монархию и укреплял парламентаризм за счет сужения власти царя» (*Черняев В.Ю.* Гибель думской монархии... С. 646. См., также: *Черняев В.Ю.* Первая мировая война и перспективы демократического преобразования Российской империи // Россия и Первая мировая война (Мат. межд. науч. кол.). СПб., 1999.

[4] *Шульгин В.В.* Дни // Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 257, 258.

[5] *Шульгин В.В.* Подробности отречения // Отречение Николая II... С. 172.

навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь Тебе и Твоей Родине. Ники»[1]. Эту телеграмму Михаилу так и не передали.

Сохраняя в последние часы царствования всегдашнюю невозмутимость, экс-император дал волю чувствам только тогда, когда литерные поезда поехали в Могилев. Наедине с В.Н. Воейковым Николай «не был в силах сдержаться: он обнял меня, — вспоминал дворцовый комендант, — и зарыдал»[2]. «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого, — записал Николай в дневнике 3 марта. — Кругом измена и трусость и обман!»[3] По возвращении в Могилев, вечером 3 марта, узнав об отказе Михаила, Николай передал М.В. Алексееву одну из двух, неотправленных днем, 2 марта, телеграмм, а именно — телеграмму М.В. Родзянко о согласии на воцарение Алексея при регентстве Михаила[4]. При этом экс-император заявил: «Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград»[5]. М.В. Алексеев телеграмму не послал, оставив ее у себя.

Реакция Николая на поступок Михаила доказывала, что царь исходил не из личных побуждений, а из желания сохранить непрерывное преемство верховной власти. Вообще же анализ роли Ставки в падении монархии заставляет отказаться от версии, изложенной на с. 343–344 настоящего издания. Во время Февральского переворота царь являлся не противником, а сторонником компромисса с оппозицией и шел на уступки Думе не только под давлением Ставки, но и в силу собственных воззрений. Стремление Николая к такому компромиссу облегчило для него согласие на отречение от престола.

С.В. Куликов

---

[1] Николай II — Михаилу Александровичу 3 марта 1917 г. // Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. Пермь, 1996. С. 41.

[2] *[Воейков В.Н.]* С царем и без царя... С. 144.

[3] Дневники императора Николая II... С. 625.

[4] *Пронин В.М.* Последние дни царской ставки... С. 293–294.

[5] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 150.

ГЛАВА VIII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ В МАРТОВСКИЕ ДНИ 1917 г. ВОСПОМИНАНИЯ Н.Н. ИВАНОВА

Вслед за рядом исследователей Февральской революции 1917 г. нам приходилось уже обращаться к воспоминаниям присяжного поверенного Н.Н. Иванова, оказавшегося в февральско-мартовские дни инициатором проекта царского манифеста, с помощью которого трое великих князей 1 марта попытались сохранить Николая II на троне[1]. Но события развивались с такой стремительностью, что на следующий день после того, как Михаил Александрович вместе с другими подписал проект, император отрекся от престола в его пользу.

О Михаиле Александровиче после подписания проекта рассказано в воспроизводимых здесь двух других мемуарных очерках Н.Н. Иванова. Первый из них, публиковавшийся с купюрами[2] и приводимый здесь полностью по рукописи, хранящейся в ГАРФ, начинается с описания состоявшейся вечером 1 марта встречи с великим князем, в ходе которой он составил телеграмму брату. Второй, опубликованный самим Н.Н. Ивановым 10 марта 1956 г. в парижской газете «Русская мысль» и перепечатываемый нами, относится к тем часам, в течение которых Михаил Александрович по букве закона был императором, и содержит рассказ о ночи со 2 на 3 марта, когда он принимал решение о судьбе престола и династии.

Остановимся на обстановке, в которой происходили описываемые мемуаристом события, и их значении.

Еще 27 февраля усилия председателя Государственной думы М.В. Родзянко, а также некоторых членов образованного в этот день Временного комитета Думы были направлены не только на то, чтобы сохранить монархию, но и независимо от того, удастся ли это сделать, придать с ее помощью легальный характер образуемой новой власти. В Таврический дворец уже свозили арестованных сановников, в городе срывали и уничтожали царские гербы с двуглавым

---

[1] См. 369–384 наст. издания. Случайно это получилось или нет, но все трое — подписавших проект — были нарушителями законов о престолонаследии. Их морганатические браки влекли за собой репрессии разного рода, на которые Николай II как глава императорского дома вынужден был идти. Об отношениях между ним и братом в этой связи см. в частности: *Ганелин Р. Ш.* Великий князь Михаил Александрович и Николай II // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 222–234.

[2] Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. Документы и материалы следствия, дневники, воспоминания. Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996. С. 49–51. В основу этого издания положен сб-к: Самосуд. Убийство в. кн. М. Романова в Перми в июне 1918 г. Док-ты и публикации. Сост. Т.И. Быстрых. Пермь, 1992.

орлом, а Родзянко все еще пытался добиться у царя поручения князю Г.Е. Львову, председателю Союза земств и городов, составить новый кабинет.

Сохранение монархии имелось при этом в виду в форме регентства Михаила Александровича с малолетним Алексеем Николаевичем на троне. Именно на это предложение изъявил согласие великий князь около 9 часов вечера после первоначального отказа в ходе начавшегося около 7 часов и продолжавшегося до десятого часа свидания с Родзянкой, товарищем председателя Думы Н.В. Некрасовым и ее секретарем И.И. Дмитрюковым (его Михаил Александрович еще днем во время частного совещания членов Думы, на котором было решено образовать ее временный комитет, просил по телефону об устройстве встречи с председателем Думы)[1]. Из Мариинского дворца, где происходило это свидание, великий князь отправился в Военное министерство, чтобы по прямому проводу сделать доклад императору. Передавая свой доклад через ген. М.В. Алексеева (в «Протоколе событий» ошибочно указан Рузский), он не упомянул о своем согласии с решением о судьбе трона и ограничился сделанной от своего и кн. Н.Д. Голицына рекомендацией увольнения всего состава Совета министров с назначением председателя, пользующегося доверием как царя, так и общества, с поручением ему составить правительство, ответственное однако «единственно» перед царем[2].

Хотя Михаил Александрович назвал в качестве возможного главы правительства кн. Г.Е. Львова, Николай II, по-видимому, начал с кандидатуры самого Родзянки, предложив ему выехать навстречу царскому поезду. Как и предлагал Михаил Александрович, царь рассматривал новое правительство в качестве ответственного перед ним самим[3].

Лишь ночью на 28-е, когда Мариинский дворец, служивший правительственной резиденцией, перешел в руки восставших, Думский комитет решился на взятие власти и назначение своего коменданта гарнизона. И это притом, что перед ним стояла становившаяся все более важной для него задача — отстранить возникший в тот же день Петроградский совет рабочих депутатов и овладеть положением.

Между тем в Петрограде становилось все яснее, что отречение Николая II неизбежно. С утра 28-го Думский комитет решил требовать отречения в пользу наследника цесаревича Алексея при регентстве Михаила Александровича. Был составлен проект акта об этом, с требованием его подписания к царю должен был явиться Родзянко с членом Думы С.Н. Шидловским. Заминка возникла в связи с известием о выезде государя из Ставки, затем Н.С. Чхеидзе, избранный накануне председателем Совета рабочих депутатов, заявил, что должен узнать мнение Совета, а к вечеру сообщил его решение: поездка может состояться лишь при участии самого Чхеидзе и в том только случае, если в

---

[1] «Протокол событий» Февральской революции // Февральская революция 1917 г. Сб-к док-тов и материалов. Сост. О.А. Шашкова. М., 1996. С. 115, 116.

[2] Разговор по прямому проводу ген. М. В. Алексеева с в. кн. Михаилом Александровичем // Там же. С. 208–210.

[3] *Мордвинов А.А.* последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. 2 изд. дополн. Л., 1927. Репринт: М., 1990. С. 98.

проекте акта об отречении будет опущена та часть, которая предусматривает передачу престола наследнику Алексею и регентство Михаила Александровича. Речь шла уже о судьбе монархии, а не только трона. Поезд с Родзянкой и Чхеидзе должен был сопровождать сильный отряд революционных войск. Лишь на этих условиях Совет был готов предоставить поезд [1].

А на следующий день совет постановил изъять у царской власти финансовые средства, поручив (!) исполнить это Думскому комитету. В течение 1 марта правительственные здания столицы были одно за другим заняты революционными отрядами. Чинам полиции пришлось скрываться, многие из них были арестованы. В Таврический дворец доставляли деньги, ценности и показавшиеся при обысках особенно важными бумаги. Почти умолкла частая накануне стрельба. На домах появились красные флаги, на одежде военных и штатских — красные банты или ленты. В очередях за хлебом, а то и просто посреди улицы велись бесконечные возбужденные разговоры о совершившемся перевороте, о судьбе войны, о продовольствии, подвергались нападкам действительные и мнимые сторонники монархии из различных слоев петроградских обывателей. То тут то там возникали летучие митинги с речами ораторов иногда противоположных друг другу политических направлений. Революционный подъем охватил город, пьянящее ощущение свободы, в которую еще трудно было до конца поверить, переполняло души людей, толпившихся на улицах.

Под непосредственным давлением солдатской массы Петроградский Совет, переименованный в Совет рабочих и солдатских депутатов, принял приказ о революционных правах солдата. В его заголовке был поставлен № 1. Он заменял традиционные основы воинской организации и дисциплины новыми, революционно-демократическими принципами, противоречившими требованиям командования и подчинения.

Все это делало сохранение монархии маловероятным, но в Думском комитете, в частности М.В. Родзянко и П.Н. Милюков, не расставались с надеждой на это, хотя проект великих князей Родзянко считал уже потерявшим смысл. Именно поэтому представители Думского комитета после переговоров с Исполкомом Совета о формировании Временного правительства, проходивших на протяжении чуть и не всего этого дня, 1 марта, после полуночи добились для Временного правительства свободы в выборе формы правления [2].

1 марта к ночи Н.Н. Иванов был у великого князя. Об этом вечернем визите Михаил Александрович просил его еще днем, подписывая великокняжеский проект царского манифеста. Присутствовали, вспоминал Н.Н. Иванов, «какой-то Чехович», который «по всем речам этого дня» показался «симпатичным либералом земского склада характера», Н.Н. Джонсон, секретарь Михаила Александровича, и управляющий его делами присяжный поверенный А.С. Матвеев (см. *Н.Н. Иванов.* Около «царя» Михаила). Здесь следует отметить, что Матвеев впоследствии утверждал в своих воспроизведенных С.П. Мельгуновым

---

[1] «Протокол событий» Февральской революции. С. 124, 125.

[2] *Ганелин Р. Ш.* Вокруг провозглашения России республикой // Вопросы крестьянского землевладения и внутренней политики. (Труды ЛОИИ. Вып. 13). Л., 1972. С. 343–364.

воспоминаниях, что Михаил Александрович, поставив свою подпись под великокняжеским проектом последним и «вероятно, второпях», сейчас же письмом на имя Родзянки от нее отказался[1]. Ничего подобного не находим мы у Н.Н. Иванова. Кстати сказать, Матвеев о нем не упоминает.

А вот с остающимся пока не до конца ясным обменом письмами между Павлом Александровичем и Кириллом Владимировичем рассказ Иванова о его позднем вечернем визите к Михаилу Александровичу 1 марта, вполне возможно, связан. 2 марта великий князь Павел Александрович, накануне вместе со своим племянником Кириллом Владимировичем и Михаилом Александровичем подписавший проект царского манифеста, испытал тревогу по поводу возможной перемены на престоле с участием Михаила Александровича. «Ты знаешь, — писал он в этот день Кириллу Владимировичу, — что я через Н.И. все время в контакте с Государств[енной] Думой. Вчера вечером мне ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу регентом. Это недопустимо, и возможно, что это только интриги Брасовой. М. б., это только сплетни, но мы должны быть начеку и всячески, всеми способами, сохранить Ники на престоле. Если Ники подпишет манифест, нами утвержденный, о конституции, то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного правительства. Переговори с Родзянко и покажи ему это письмо»[2]. Ответ Кирилла Владимировича, с готовностью подхватившего

---

[1] *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961. С. 239.

[2] *Буранов Ю., Хрусталев В.* Гибель императорского дома. М., 1992. С. 38. В своем интервью в газ. «Русская воля» 11 марта 1917 г., № 10, Павел Александрович назвал великокняжеский проект «манифестом о полной конституции русскому народу». Это интервью, воспроизведенное В. П. Семенниковым в сб-ке «Николай II и великие князья» (Л.; М., 1925. С. 144, 145), нуждается в сопоставлении не только с письмом Павла Александровича Кириллу Владимировичу, но и с тем, как освещал Н.Н. Иванов историю с манифестом и в частности отношение к нему Александры Федоровны (см.: *Ганелин Р. Ш.* Проект манифеста Николая II, подготовленный великими князьями 1 марта 1917 г. С. 369–384). Датировав начало революции 24-м февраля, Павел Александрович продолжал: «Я следил за ходом событий и был в курсе всех дел. 28-го февраля меня вызвала во дворец Александра Федоровна.
– Поезжайте немедленно на фронт, — заявила она, — постарайтесь привезти преданных нам людей. Надо спасти во что бы то ни стало трон. Он в опасности.
Я отказался, ссылаясь на то, что мои обязанности как начальника гвардии касаются только хозяйственной части. В душе же я был убежден, что звать войска бесполезно. Все равно присоединятся к революционерам.
1-го марта я вторично был вызван во дворец, но пойти туда отказался. В это время у меня в квартире готовился манифест о полной конституции русскому народу. Его должен был подписать Николай Александрович. Заручившись подписями Кирилла Владимировича и Михаила Александровича и подписавшись под этим манифестом сам, я отправил манифест в Гос. Думу и вручил его под расписку Милюкову. А уже потом я отправился во дворец. Первые вопросы, заданные мне тогда Александрой Федоровной, были такие:
—Где мой муж? Жив ли он? И что нужно сделать для улажения беспорядков?
Я передал Александре Федоровне содержание заготовленного мною манифеста, и она его одобрила.
3-го марта я опять был вызван во дворец. У меня в руках был свежий номер «Известий» с манифестом об отречении. Я прочел его Александре Федоровне. Об отречении Александра Федоровна ничего не знала. Когда я закончил чтение, она воскликнула:
– Не верю, все это — враки. Газетные выдумки. Я верю в бога и армию. Они нас еще не покинули.
—Мне, — говорит Павел Александрович, — пришлось разъяснить опальной царице, что не только что бог, но и вся армия присоединилась к революционерам. И лишь тогда бывшая царица поверила и, кажется, в первый раз поняла, или постаралась понять все то, к чему она, Гришка Распутин и Протопопов привели страну и монархию».

обвинения против Михаила Александровича, чтобы оправдать собственное поведение, гласил: «Относительно вопроса, который тебя беспокоит, до меня дошли только слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на все мои настойчивые просьбы работать единовременно с нашим Семейством, он прячется и сообщается секретно с Родзянкой. Я был все эти тяжелые дни совершенно один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и родиной, спасая положение, признавая новое правительство»[1].

В течение 2-го марта отречение Николая II представлялось неизбежным. Не было сомнений «в том, что та или иная роль предстояла в этой связи Михаилу Александровичу. Родзянко сказал ему, имея в виду, что все уступки монархии потеряли смысл: "Теперь все запоздало. Успокоит страну только отречение в пользу наследника при Вашем регентстве"»[2]. А вечером, как вспоминал Н.Н. Иванов в «Русской мысли», когда стало известно о решении Николая II отречься в пользу брата (об этом ниже), Родзянко поручил Н.Н. Иванову уговорить Михаила Александровича не отказываться от трона. Чувство отчаяния, охватившее Михаила Александровича при известии об отречении в его пользу и не покидавшее его вплоть до собственного отречения, описано Ивановым. Все это как будто лишало оснований подозрения Павла Александровича и Кирилла Владимировича. Но напомним, что, как точно указал Павел Александрович в письме Кириллу Владимировичу, эти подозрения относились к вечеру 1 марта. Как явствует из первого очерка Н.Н. Иванова, который провел этот вечер у великого князя, результатом переговоров великого князя с его посетителями и приближенными явилась написанная им телеграмма царю, тотчас же отданная Ивановым Родзянке для отправки во Псков. Других сведений о существовании этой телеграммы установить не удалось. По словам Иванова, подлинник ее он оставил у себя, точного ее содержания он не помнил, ограничившись словами о том, что Михаил Александрович «просил брата и царя со всей доброжелательностью и искренностью пойти навстречу народу» (*Н.Н. Иванов.* Около «царя» Михаила).

Нельзя ли предположить, что Павел Александрович, постоянно связанный с Ивановым, и Кирилл Владимирович, сносившийся непосредственно с Родзянко, узнали о телеграмме и остались чем-то в ней недовольными? Какие могли быть у них к этому основания? Что, наконец, имел в виду Михаил Александрович, говоря: «Я не понимаю брата. Не знаю, что он думает. Боюсь, что ему не все известно. Такая ясная обстановка. Надо идти навстречу народу»? Скорее, речь шла не об отказе от великокняжеского проекта, а о развитии того, что было в нем намечено. Ведь в тот же день он писал жене, что предложенным великими князьями царю манифестом «начнется новое существование России», и сообщал о своем намерении поехать в Думу «сегодня же, а может быть завтра»[3].

---

[1] *Лукин В.А.* Великий князь Кирилл Владимирович и проблема «великокняжеской оппозиции» в 1916–1917 гг. Дипл. работа, защищенная на истфаке СПбГУ в 2000 г.

[2] *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 г. С. 60.

[3] Скорбный путь Михаила Романова... С. 38.

Тем временем во Псков, где располагалась Ставка Северного фронта под командованием ген. Н.В. Рузского и этим вечером 1 марта оказались императорский и свитский поезда, не пропущенные к Петрограду, поступали сообщения о том, что не терпящие ни минутного отлагательства уступки жизненно необходимы для спасения монархии. Ген. М.В. Алексеев и в. кн. Сергей Михайлович настаивали из Могилева на немедленном образовании правительства во главе с Родзянко, ответственного уже не перед царем, а «перед представителями народа». В тот же день ген. Алексеев передал по телеграфу проект манифеста, содержавший призыв к объединению «вокруг престола и народного представительства». Эта телеграмма, полученная в половине двенадцатого ночи, была вручена ген. Рузским царю во время перерыва в их начавшейся в 10 часов вечера длительной и напряженной беседе, сделанного после того, как через полтора часа Рузскому удалось добиться от твердо и обстоятельно отстаивавшего свою позицию Николая II согласия на ответственное перед палатами правительства во главе с Родзянко[1].

Рузский вышел из вагона царского поезда, чтобы по поручению царя вызвать к аппарату для разговора по прямому проводу Родзянко и телеграфировать Алексееву. Вернувшись через четверть часа, он заметил в позиции царя перемену. Судя по тому, что царь занялся тестом проекта манифеста, сообщенного в алексеевской телеграмме, дело было именно в ней. Но ведь примерно в это же время должна была прийти и не упоминаемая нигде, кроме воспоминаний Н.Н. Иванова, телеграмма Михаила Александровича...

С 3 часов 30 минут ночи с 1 на 2 марта до 7 с половиной часов утра продолжался драматический разговор по прямому проводу между Рузским и Родзянко. Узнав о готовности царя пойти на образование ответственного министерства, Родзянко сообщил в частности, что «вынужден был во избежание кровопролития всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость» и сам опасается такой же участи, «так как агитация направлена на все, что более умеренно или ограниченно в своих требованиях». Образования ответственного министерства, сообщал Родзянко, «недостаточно, и династический вопрос поставлен ребром. Сомневаюсь, чтобы с этим можно было справиться... ненависть к династии дошла до крайних пределов...»

В Петрограде проявления этого были на каждом шагу, особенно очевидные 2 марта. Ликование в переполненном Екатерининском зале Таврического дворца, вызванное заявлением Милюкова о победе революции, было омрачено дружным протестом против стремления думцев сохранить монархию. «Старый профессор, привыкший читать лекции», как называл себя Милюков,

---

[1] *Рузский Н.В.* Пребывание Николая II во Пскове // Отречение Николая II. С. 153, 230–231.

[2] Отречение Николая II. С. 232–235. По-видимому, царь следил за этим разговором на всем его протяжении. Окончательное согласие на образование «ответственного перед представителями народа министерства» в соответствии с проектом ген. Алексеева он дал в два часа ночи (См. беседу Рузского с журналистом В. Самойловым // Отречение Николая II. С. 143). А телеграмму Алексееву: «Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом», подписал в 5 час. 15 мин. (Отречение Николая II. С. 235). Спал он между 9 и 10 часами утра.

хотел было обойти эту тему. Но из толпы последовал вопрос: «А династия?» «Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит», — признался Милюков. Стоило ему вслед за фразой о том, что Николай II добровольно откажется от престола или будет низложен, заявить о переходе власти к регенту великому князю Михаилу Александровичу, как раздались возгласы: «Да здравствует республика!», «Долой династию!» Следующая фраза Милюкова о том, что наследником будет Алексей, была встречена криками: «Это старая династия». Чтобы закончить свою речь, Милюков сослался на то, что он охрип. Гул возмущения пронесся по залу. «Долой Романовых! Да здравствует демократическая республика!» — слышалось из толпы[1]. Когда слова Милюкова о сохранении монархии стали широко известны в Петрограде, протесты последовали со всех сторон, и он вынужден был заявить, что лишь высказал собственное мнение.

По секрету от Петроградского совета В.В. Шульгин и А.И. Гучков, о котором Милюков заявил в своей речи, что он «на улицах столицы организует победу», отправились во Псков, где оставались царский и свитский поезда. Думские делегаты прибыли около 10 часов вечера. Гучков заявил Николаю II: «Кроме нас заседает еще комитет рабочей партии, и мы находимся под его властью и его цензурой... Это движение начинает нас уже захлестывать. Их лозунги: провозглашение социальной республики»[2]. Он предложил отречение Николая II в пользу сына при регентстве Михаила. Между тем царь еще до приезда Гучкова и Шульгина оповестил свое окружение о решении отречься. Сначала он имел в виду то же, что Гучков — воцарение Алексея при регентстве Михаила Александровича. Но около 3-х часов дня заявил, что отречется в пользу Михаила Александровича из-за нежелания расстаться с сыном. Новое решение было принято, по-видимому, после того, как лейб-медик С.П. Федоров в ответ на вопрос царя подтвердил неизлечимый характер болезни наследника. Сообщивший новое известие свите министр двора В.Б. Фредерикс добавил, что телеграмму об отречении в пользу брата Николай II отправил через Рузского. Адресата ее Фредерикс не указал. Все присутствовавшие в один голос стали просить дворцового коменданта В.Н. Воейкова сейчас же идти к царю с просьбой остановить эту телеграмму. Побежавший в царский вагон Воейков вскоре вернулся и сказал ген. К.А. Нарышкину, чтобы он немедленно отправился к Рузскому и по повелению царя потребовал вернуть ему телеграмму. Рузский, однако, отказался это сделать[3].

Поздним вечером 2 марта царь подписал манифест об отречении и указ Сенату о назначении князя Г.Е. Львова председателем Совета министров, помеченные, первый — тремя, второй — двумя часами дня. «Кругом измена и трусость и обман!» — такими словами завершил он запись в дневнике, покинув Псков[4].

---

[1] Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 411–415.

[2] Протокол отречения Николая II // Отречение Николая II. С. 220.

[3] *Дубенский Н.Н.* Как произошел переворот в России // Отречение Николая II... С. 69.

[4] Отречение Николая II... С. 34.

Гучков и Шульгин сделали все возможное для сохранения монархии и образования Временного правительства легальным путем. Но они не знали, что в столице Родзянко, Милюкову и другим сторонникам сохранения монархии стала ясна его опасность и невозможность провозглашения императором Михаила Александровича.

События в Петрограде развивались с такой стремительностью, что отношение одних и тех же лиц к отречению не могло не меняться. Если судить по газетному варианту воспоминаний Н.Н. Иванова, и Родзянко, и становившемуся императором в. кн. Михаилу Александровичу стало известно о манифесте с отречением еще до его подписания. Может быть, Рузский не только отказался вернуть царскую телеграмму, о которой сообщил Фредерикс, но и отправил ее по назначению... Официальные телеграммы о состоявшемся отречении начали поступать 3-го в 2 часа ночи. Вероятно, вследствие этого Думский комитет ночью отменил свое прежнее решение об отречении Николая II в пользу сына и признал необходимым включить в программу Временного правительства вопрос о созыве Учредительного собрания[1]. Между тем, как уже говорилось, председатель Думы был, по словам Н.Н. Иванова, еще вечером 2-го озабочен возможностью отказа от престола будущего императора, который действительно впал в «состояние оцепенения и почти отчаяния», получив известие об отречении брата в его пользу. Иванову Родзянко поручил убедить Михаила Александровича в необходимости принять трон. «Передайте от меня, — говорил при этом председатель Думы, — что он берет на себя огромную ответственность перед отечеством и историей, если решит отказаться».

А в 5 часов утра 3-го Родзянко вместе с кн. Г.Е. Львовым обратился к Рузскому с просьбой отсрочить опубликование манифеста до тех пор, пока он не сообщит о возможности этого. «С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его как императора абсолютно неприемлемо», — сообщал он[2]. Тем временем Милюков звонил по телефону на вокзал, пытаясь перехватить возвращавшихся из Пскова Гучкова и Шульгина и предупредить их, что объявлять манифест нельзя. Но он опоздал, и они сделали это: Шульгин — в помещении вокзала, Гучков — на митинге в железнодорожных мастерских. У слушателей Шульгина его сообщение не вызвало протестов. Иначе был встречен Гучков, рабочие ораторы прямо говорили о враждебной народу классовой сущности Думы, пославшей Гучкова и Шульгина к царю, о несоответствии их миссии целям Совета, революционной демократии. Гучкова едва не арестовали, требуя отдать манифест. Помог Шульгин. Он успел передать манифест посланному Думским комитетом «верному человеку» и от имени этого комитета, с которым он связался по телефону, объявил рабочим, что «обстоятельства изменились и что в связи с этим последует и изменение акта об отречении». «Это сообщение Шульгина

---

[1] «Протокол событий» Февральской революции. С. 140–142.

[2] Отречение Николая II... С. 242.

успокоило несколько взволнованных сообщением Гучкова рабочих», — говорилось далее в «Протоколе событий Февральской революции[1].

Когда Гучкову удалось вырваться из мастерских, они с Шульгиным отправились на Миллионную ул., 12, где у княгини О.Б. Путятиной в комнате рядом со столовой еще 27 февраля скрытно поселился великий князь Михаил Александрович. Пришедший сюда в одежде «простолюдина», он оказался теперь императором.

Здесь 1 марта с трудом разыскал его Н.Н. Иванов, чтобы получить подпись под предлагавшимся великими князьями проектом царского манифеста. Здесь Иванов в тот же день опять посетил его вечером и провел ночь со 2-го на 3-е в попытках уговорить Михаила Александровича принять императорский трон. Около 6 часов утра Михаилу Александровичу позвонил по телефону А.Ф. Керенский и сообщил, что сейчас к нему прибудут для переговоров Временный комитет Думы и некоторые члены Временного правительства. Вероятно, после этого, когда «ночь свершала свой путь», Михаил Александрович сказал Н.Н. Иванову о предстоявшем визите. Однако только в 8 часов Думский комитет и Временное правительство (без Гучкова) начали обсуждение вопроса о престолонаследии. Все, кроме Милюкова, были за то, чтобы уговорить Михаила Александровича «не принимать на себя верховной власти, ибо такого разрешения вопроса требовало соотношение политических сил»[2]. Мнение Родзянки, как уже знает читатель, изменилось к рассвету.

Около 10 часов утра Думский комитет и члены Временного правительства отправились на Миллионную, 12. Сюда же приехали Гучков и Шульгин. Хотя было ясно, что судьба монархии на деле решена, отречение Михаила Александровича практически упразднило бы ее и в юридическом отношении. Все были за отречение, считая его неизбежным. Лишь Гучков и Милюков возражали несмотря ни на что. «Белый, как лунь» Милюков, по словам Шульгина, «каркал, как ворон». «“Монарх — это ось... Единственная ось страны!“ — твердил он, предрекая гибель России без монархии»[3]. С этим совпадало и другое описание: «Это была как бы обструкция! Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить... никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему, обрывал Родзянко, Керенского, всех»[4]. Милюков сам подтвердил это в своих мемуарах, отметив лишь, что Шульгин «немного преувеличил». «В моем “карканьи“ была все-таки система», — добавил он[5]. Его план состоял в том, чтобы вместе с новым императором немедленно на автомобилях бежать в Москву в расчете на помощь фронта и армии. «Может быть, тот же Рузский отнесся бы иначе к защите нового императора, при нем поставленного, чем к защите старого» —

---

[1] Февральская революция 1917 г. С. 144.

[2] «Протокол событий» Февральской революции. С. 143.

[3] *Шульгин В.В.* Дни // Дни. 1920. М., 1989. С. 272, 273.

[4] *Алданов М.* Третье марта // *Милюков П.Н.* Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859–1929. Париж, [б.г.]. С. 31.

[5] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 272.

так выразил Милюков свою надежду на помощь генералитета в сохранении монархии в случае принятия трона Михаилом Александровичем[1]. Существует несколько описаний происходившего на Миллионной, 12, не противоречащих друг другу[2].

В соответствии со всеми трагическими переживаниями и размышлениями бессонной ночи, описанными Н.Н. Ивановым, Михаил Александрович решил отказаться от престола. Керенский как представитель революционной демократии заявил о его благородстве. Милюкову оставалось ограничиться такими формами протеста, как демонстративный отъезд с завтрака, устроенного хозяйкой дома, и отказ от министерского поста, взятый к вечеру назад. Но даже несколько десятков лет спустя Милюков-мемуарист утешал себя тем, что в манифесте Михаила Александровича допускалась возможность принятия им трона по решению Учредительного собрания, избранного всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, и «таким образом, форма правления все же оставалась открытым вопросом»[3].

Все было решено до 2-х часов последнего в истории монархии дня, 3 марта 1917 г. Приглашенные для написания манифеста В.А. Маклаков, проф. Б.Э. Нольде и В.Д. Набоков закончили свою работу около 7 часов вечера. Между тем Николай II днем с пути из Пскова в Могилев телеграфировал брату как новому царю, просил у него прощения за то, что был вынужден передать ему тяжелую ношу правления Россией и желал успеха в этом трудном деле[4]. Но после половины десятого вечера Николай II узнал от ген. Алексеева о последних событиях на Миллионной улице в Петрограде. «Оказывается, Миша отрекся, — записал он в дневнике. — Его манифест кончается четырехвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше»[5].

Так прекратилось существование монархии в России.

Р.Ш. Ганелин

---

[1] Отречение Николая II... С. 273.

[2] Они собраны в кн.: Скорбный путь Михаила Романова. С. 46–56.

[3] *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 274.

[4] *Дубенский Н.Н.* Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. С. 73. Изложение телеграммы Дубенским следует сопоставить с приведенным А.И. Деникиным в «Очерках русской смуты» (Париж, 1922. С. 255) и перепечатанным в сб-ке «Скорбный путь Михаила Романова» (С. 41) ее текстом: «Петроград. Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники».

[5] В дни отречения (Из дневника Николая II) // Отречение Николая II... С. 34. В манифесте Михаила Александровича срок созыва Учредительного собрания определялся как «возможно кратчайший» и точно установлен не был.

Приложение 1.

Н.Н. Иванов
Около «царя» Михаила

После подписания «Манифеста Великих князей» за государя, состоявшегося 1 марта 1917 года, великий князь Михаил Александрович просил меня вечером заехать к нему.[1]

Попал я на Миллионную улицу 12 уже к ночи. У великого князя сидели секретарь Джонсон, его управляющий — присяжный поверенный Матвеев и какой-то штатский старичок, по фамилии, кажется, Чехóвич.

Великий князь просил меня рассказать о судьбе подписанного манифеста, о виденном мной за день и о настроениях как в Таврическом дворце, так и в Петрограде.

Мне пришлось ответить, что манифест великих князей принадлежит уже истории. Настроения Таврического дворца диктуются не теми, кто считается руководителями движения, а в значительной степени улицей и какими-то закулисными силами. Роль Временного комитета Государственной думы не возрастает, а падает. Родзянко, Керенский и иже с ними вынуждены вертеться как волчки на бурных волнах и легализовать всё, что приносит народная толпа. Во что выльется хотя бы ближайший день, никто не взялся бы предвещать. Не только страна, не только фронт, но до Таврического дворца не докатились еще полностью и окраины столицы — что принесут новые густые потоки людей, которые придут завтра, Бог весть!

— Как вы думаете, что идет? — спросил меня в. князь.

— По совести, не вижу. Сознаю только, что совершается что-то важное и страшное.

— Вы ждете крови?

— Страшное не в крови сегодняшнего дня. О, если бы все ограничилось сегодняшней кровью — тогда не жаль было бы никакой жертвы.

— А вы что думаете? — обратился великий князь к штатскому старичку, которого я называю Чехóвичем.

С живостью и бойкостью начал говорить Чехóвич: он показался мне по всем речам этого дня симпатичным либералом земского склада характера. Происходит то, чему давно время, и то, чему следовало случиться после войны, случилось сегодня. Сожалеть ли об этом? Не сожалеть, если немедленно будут приняты нужные действия сверху, чтобы не разразилась катастрофа безвластия или анархии. Конечно, катастрофа не придет немедленно, есть еще время, и нужно его использовать.

Михаил Александрович прервал его.

— Я не понимаю брата. Не знаю, что он думает. Боюсь, что ему не все известно. Такая ясная обстановка. Надо идти навстречу народу. Думаете ли вы,

---

[1] Великие князья подписали не манифест «за государя», а проект манифеста, представленный ему для подписания. См.: *Ганелин Р.Ш.* Проект манифеста Николая II, подготовленный великими князьями 1 марта 1917 г. С. 43–44.

что будет полезно, если я напишу государю телеграмму? — снова спросил меня великий князь.

— Телеграмма ваша может, полагаю, быть очень важной, если вам удастся вложить в нее нужное и убедительное содержание, — ответил я.

— Я напишу ему, что вижу и что думаю. Или давайте напишем вместе. А удастся переслать?

— За пересылку ручаюсь. Текст телеграммы я сейчас же отвезу в Таврический и его немедленно передадут государю. А составление Ваше Высочество должны взять исключительно на себя. Литературный, дипломатический язык в таком обращении не нужен. Государь должен видеть, что это телеграмма вашего сердца. Ни на одну секунду не должно быть у него и тени подозрения, что Вы писали под каким-либо давлением. Ведь для него — вы пишете из очага революции.

— Поговорите еще немного. Мне хочется в течение разговора сосредоточиться на содержании телеграммы. Я хочу, чтобы она подействовала.

И мы с Чехóвичем начали развивать тему, что все совершенное должно быть признано, что не может быть ни мести, ни расправы, что назревавший давно перелом народного сознания совершился и что верховная власть должна явиться народу в новом свете.

По-видимому, продолжая свои мысли, мысленно оценивая намеченное содержание телеграммы и ее эффект, великий князь сказал вслух:

— Подействует ли?

И точно заранее извиняясь, если не подействует, улыбнулся нам со страдальческой нежностью и вышел в соседнюю комнату составлять телеграмму. Мне показалось, что все-таки он не справился один и звал прис. повер. Матвеева.

Минут двадцать прошло, когда он вернулся с небольшим листком бумаги и передал его мне.

Ровным, четким почерком было набросано рукой великого князя несколько строк. Не помню теперь точного содержания телеграммы, но отлично помню, как меня остановила на себе и привлекла сердечность обращения. Михаил Александрович просил брата и царя со всей доброжелательностью и искренностью пойти навстречу народу и просьба эта была облечена и нежностью брата, и привязанностью верноподданного.

— Измените, пожалуйста, что надо, — сказал великий князь.

— Ни единой буквы, — ответил я. — Написано чудесно.

Чехович подтвердил.

— Ну, дай Бог! Как бы я был счастлив, если б помогло. Не надо больше ни бунта народа, ни жестокости власти. Не правда ли?

Я весь вечер всматривался в лицо и глаза великого князя, изучал их, запоминал. Он говорил от всей души, но до этого момента все его взгляды и движения губ обволакивались привычками царского воспитания. Сейчас придворная маска была сброшена и я увидал выражение, которое мог определить только словом «умиление».

«Образ царя Федора Ивановича!» — мелькнуло у меня в голове.

На меня глядело трогательное умиление блаженного.

— Ни бунта народа, ни жестокости власти! В часы напряженных родов революции сказать это мог только «блаженный» в хорошем, старом смысле, приближающемся к понятиям «неземной», «не от мира сего».

Я взял телеграмму и уехал.

В Таврическом переписал копию и отдал ее М.В. Родзянке, показав подлинник и прося распорядиться немедленной передачей государю. Подлинник оставил у себя, видя, что все равно его в этой суматохе затеряют.

Дальше я не помню последовательности моих посещений, бесед с великим князем и встреч у него. Согласно его просьбе в следующие за 1 марта дни я приходил по два раза в день. Помню, как встретил там князя Львова, Керенского, Гучкова, Шульгина, кажется, Милюкова также. Помню, как мы завтракали и обедали вместе с приехавшей из Гатчины супругой великого князя графиней Брасовой. Помню замешательство Михаила Александровича, узнавшего об отречении брата от престола. Помню его смущение, охватившее его, когда ему заявили, что престол перешел к нему. Теперь около него была графиня Брасова, с которой он мог совещаться, но из посторонних, неофициальных лиц, с которыми он мог бы свободно обменяться мнением, остался один я, и как бы уже по привычке и в новом своем положении великий князь подолгу говорил со мной и не знал, на что решиться.

Нежелание брать верховную власть, могу свидетельствовать, было основным его, так сказать, желанием. Он говорил, что никогда не хотел престола, и не готовился, и не готов к нему. Он примет власть царя, если все ему скажут, что отказом он берет на себя тяжелую ответственность, что иначе страна пойдет к гибели.

И помимо всего, он не согласится сесть на штыки. Сейчас он видит в России только штыки.

— Вы можете указать хоть одну сильную группу работников или умов государственного направления, на которую можно опереться? Я не вижу. Одни штыки кругом. Штыки и крики.

Он переживал сильные колебания и волнение. Ходил из одной комнаты в другую. Убегал куда-то вглубь квартиры. Неожиданно возвращался. И опять говорил и ходил. Или просил говорить. Он осунулся за эти часы. Мысли его метались. Он спрашивал и забывал, что спросил.

— Боже мой, какая тяжесть — трон!.. Бедный брат! У них пойдет, пожалуй, лучше без меня... Как вам нравится князь Львов? Умница, не правда ли? А Керенский — у него характер. Что это он, всегда такой или это революция его?.. Он, пожалуй, скрутит массу.

На несколько часов он замолчал. Можно было много раз подряд спрашивать — вопросы не доходили до него. И тогда к нему начало возвращаться внутреннее спокойствие. Он стал выглядеть как-то деловитее.

— Что вы решили? — спросил я его коротко до отречения.

— Ах! — провел он рукой по лбу с несвойственной ему открытостью. Один я не решу. Я решу вместе с этими господами.

Он имел в виду представителей новой власти. Очевидно, это и было успокоившее его решение.

* * *

Я видел великого князя после отречения.

— Ну, пожмете ли вы мне руку? Я поступил правильно. Я счастлив, что я частное лицо. У них все устроится понемногу. И я думаю, что не будет так много крови и ужасов, как вы пророчили. Я и отказался, чтобы не было никаких поводов дальше проливать кровь. Я понимаю ваши опасения. В такие дни легко потерять перспективу.

Я мог только сказать, что он поступил согласно своему характеру.

Н. Н. Иванов (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 369)

Приложение 2

Трагические дни 1917 года. Отречение вел. кн. Михаила Александровича Окончание[1*]

Вечером (2 марта. — *Р.Г.*) звонит мне на квартиру секретарь М.В. Родзянко, председателя Временного комитета Государственной думы, и просит немедленно приехать в Таврический дворец. М.В. Родзянко должен срочно говорить со мною. Приезжаю. Родзянко говорит:

— Кажется, мы перед новым отречением. У меня впечатление, что из передачи царской власти ничего не выйдет, если не приложить чрезвычайных усилий. С вашей стороны я прошу ехать к вел. князю Михаилу и попытаться убедить его в необходимости принять трон. Передайте от меня, что он берет на себя огромную ответственность перед отечеством и историей, если решит отказаться. Знаю, что вы все сделаете, чтобы результат был добрым.

Отвечаю, что сам вел. князь просил меня приехать к нему к ночи.

— Тем лучше, — говорит Родзянко. — С Богом! Видите, как странно иногда складываются обстоятельства. Вряд ли вы думали когда-нибудь, что вам придется вмешаться в вопрос престолонаследия. Вы посол от либеральной России. Миссия чрезвычайная.

Из Таврического еду прямо к вел. князю Михаилу и застаю его в том же состоянии оцепенения и почти отчаяния, которое охватило его в момент получения известия об отречении Государя. В квартире царило гробовое молчание, как если бы тут был покойник. На вторую часть сообщения — о передаче трона ему, вел. князю Михаилу — вел. князь совершенно не реагировал, будучи весь поглощен несчастьем брата. Только под давлением требований извне вставала во весь рост проблема дальнейшей судьбы трона. Первый вопрос князя ко мне был:

— Можете остаться со мной, может быть, на всю ночь? Мне необходимо обсудить столько вопросов, и я один. Никаких близких советников, кроме жены. у меня нет, а официальные советники... во-первых, я их совсем не знаю; во-вторых, они только кружат мне голову, и все они как на пожаре. Мне надо спокойно сосредоточиться, все взвесить, войти в глубь каждого вопроса. Решение такой громадной важности не принимается в две минуты. Они думали,

---

[1*] «Окончание» должно относиться к заголовку «трагические дни 1917 г.».

что я брошусь на власть, а я ее просто не хочу. И если все же придется заменить брата, я сделаю это против сердца.

В гостиной сидел очень пожилой человек, по имени Чехович, семейный знакомый вел. князя, который высказывал свои соображения о сложности положения и цитировал Достоевского. Мы слушали его, не входя с ним в прения.

Обычная вежливость и мягкость не покидали вел. князя, но было видно, что его болезненно давила новая атмосфера, в которую его вовлекли события. Несомненно, он думал не о том, что говорилось в этой комнате, и вряд ли он все слышал. Какие-то мысли зрели в его голове. От времени до времени он вставал, уходил, возвращался, делал незначительные замечания приходившему и уходившему секретарю Джонсону, быстро ходил вдоль зала, как человек, которому острая боль не дает сидеть.

Было очень поздно, когда мы остались одни. Снова долго, молча ходил вел. князь по залу.

Наконец, он бросил мне:

— Знаете, о чем я думал все время? Что народ не хочет больше династии Романовых.

Отвечаю: — Я не могу говорить за народ, но обращаю ваше внимание на то, что народ еще не высказался ни за, ни против.

— Но ведь брат отрекся под давлением народных требований.

— По требованию политиков, генералов и партийных вожаков, — поправил я. — Это не весь народ. И в то же время те самые, которые настаивали на отречении Государя, одобрили передачу власти Вашему Высочеству и хотят видеть вас своим вождем в надежде, что государственные дела примут новое направление и не будут зависеть от больной женщины.

Новый Романов, конституционный, это как раз то, что все патриотические и либеральные элементы ищут. Против высказываются только крайние элементы, которые идут так далеко, что народ определенно не хочет идти за ними, и число которых ничтожно.

— И вы думаете, что новый Романов, как вы говорите — конституционный, остановит революцию?

— Совершенно убежден, если время не будет потеряно.

— Я в этом не уверен. Прежде всего потому, что какой же я вождь? Все мое воспитание, вся моя жизнь — вне политики, как и мои личные склонности не дают мне никаких прав считать себя каким-то вождем. Я бы не знал даже, с чего начать. Я не знаю народа. Я наблюдал его издалека, и без большого внимания. Что народ думает, чего он хочет, что ему надо дать и чего дать нельзя, во всех этих материях я наделаю столько ошибок, что и против меня подымутся. Зачем же мне создавать такое положение? Уж пусть те, которые знали, что делают, отстраняя брата, пусть они и устраивают Россию без нас.

В тоне, которым произносились эти слова, я вдруг почувствовал горькую обиду рода, самый главный член которого бесславно и, по мнению рода, незаслуженно изгнан. Я спросил себя: не выросла ли вдруг непроходимая стена между всем родом Романовых и Россией, не смотрят ли теперь все

Романовы на Россию, как на их врага и способен ли новый Романов не ненавидеть русский народ за изгнание царя?

Наличия таких вопросов я вовсе не предполагал до этой минуты, но вопросы были нешуточные и вполне уместные. Если это родовая солидарность, то поскольку носитель ее, будучи на престоле, может быть полезен России? Надо было внимательно проверить мое неожиданное наблюдение.

Вел. князь продолжал:

— Если бы я искал власти, если бы мне нравилось быть царем, тогда другое дело, но у меня нет никакой охоты. Я еще не склонился к решению, а меня уже мучит эта обстановка. Я не знаю, куда себя девать.

Я возражаю:

— По-моему, дело не в том, способны ли вы править или нет. Вы рассуждаете на основании привычной для вас концепции самодержавной власти. Но самодержавная власть пала навсегда. Вам, как конституционному монарху, не придется править по-старому. Вам не придется принимать ответственные решения. Новый монарх русский будет всего лишь символом единства наших народов и независимости России.

Подробно объясняю форму конституционного правления.

— Но ведь тогда это же республика, — отвечает вел. князь. — Это еще больше против моих убеждений. Так пусть они устанавливают республику без меня.

— Большинство политических партий не желает сейчас республиканского режима. Они не только считают народ неготовым для этой формы управления, но и не видят в их среде людей, способных установить здоровый и авторитетный республиканский режим. В то же время они не хотят открывать широко дверь крайне левым элементам. Они уверены, что попытки установления республики в данных условиях повлекут гражданскую войну. Вашему Высочеству не ясно, какую ответственность вы принимаете на себя, отказываясь от престола?

—Ну вот, — взволнованно говорит вел. князь, — я не мог разобраться во всех мыслях до нашей беседы, а теперь, после ваших соображений, я совсем в тупике. Вы прибавили столько нового для меня. С каждой минутой бремя становится тяжелее.

Вел. князь снова ходил по залу, несколько раз уходил, возвращался, разводил руками, как бы говоря, что не находит ни решения, ни выхода. Останавливался передо мной и снова говорил:

— Как это тяжело!

Передо мной был человек без воли, без всякого желания подчиниться обстоятельствам или подчинить их себе. Он просто хотел, как можно скорее и безболезненнее для него самого выскочить из этой страшной игры судьбы.

— Я не думаю, чтобы мой отказ вызвал гражданскую войну.

— Разумеется нет. Не самый отказ ваш вызовет гражданскую войну, а совокупность обстоятельств, которые будут порождены исчезновением морального центра в народном сознании. С потерей его народ сделается легкой жертвой вождей, не слишком скрупулезных в вопросах морали и чести. Переход к республике будет воспринят в массах почти как призыв к анархии. Ведь нет ни одного авторитета, заменяющего монарха. Как и кто справится со всеобщим

разладом и со всевозможной сумятицей? А мы в войне, которая вовсе не победоносна. Сейчас же найдется много охотников закончить ее на любых, тяжелых для России условиях. Шпионская и подрывная работа врага облегчится в совсем неожиданной для него степени.

— Да, да, вы правы, это было бы ужасно. Я об этом не думал.

Опять перерыв в обмене мыслей, раздумье, ходьба по залу, удаление в соседние комнаты.

Ночь свершала свой путь.

— Вот утром приедут пытать меня, и я не знаю, что ответить. Этот ужасный Керенский...

— Почему — ужасный? Он вам угрожал?

— Нет. Держит себя корректно и мило. Но нет у меня доверия. А мне пришлось бы с ним и с подобными ему работать. Я человек совсем другой расы. Если они захотят в чем-нибудь поставить на своем, я не в силах и, может быть, не вправе буду противодействовать, если мне их действия не понравятся.

— По-моему вы преувеличиваете опасность. Кроме Керенского вы будете в среде очень почтенных лиц, как Родзянко, как генералы фронта и т. д. Встревоженное болото утрясется, на поверхности останутся уравновешенные элементы. Посмотрите, вся Россия еще спокойна, кроме Петрограда. Надо быстро взять в руки здешнюю обстановку, опереться на либеральные элементы и показать всему народу новое лицо монархии. Для всего этого надо не бояться ответственности. В чем же состоит патриотизм, если не в энергичном противодействии национальным опасностям?

— Итак, вы лично решительно за то, чтобы я принял царскую власть? Все эти доводы вас не останавливают?

— Я вижу много преимуществ для России в таком решении. Ведь прежде всего с вашим отказом началась бы борьба за власть. На первые места появится куча претендентов. Помилуйте, почему во главе государства Родзянко, или Львов, или Керенский, и почему не я? Да ведь Родзянко ретроград, а Керенский из дворян, одиночка, за ним никто не стоит. Ничтожества, имена которых ничего не говорят, закричат: да здравствуют Советы! Этот крик уже несется по революционной периферии.

— Но я надеюсь, что наши генералы, в руках которых армия, не позволят крайним элементам хозяйничать, — возражает вел. князь.

— Крайние элементы делают все, чтобы распространить революцию на все крупные города. тогда понадобилась бы целая армия для устранения беспорядков, а с фронта нельзя снять ни одного батальона, — иначе фронт будет открыт. Это не мое мнение, а сообщение заместителя дворцового коменданта князя Путятина. С другой стороны, штатские в правительстве, и в особенности Керенский, пожелают устранить всех видных генералов, чтобы не было от них опасности контрреволюционного характера — они назначат своих ставленников, и вот уже катастрофа для армии, находящейся в войне.

— Я вам очень благодарен. Я с вами говорю, как сам с собой. Вы раскрыли мне много нового, чего я не подозревал и о чем не думал. Мой личный вопрос

много сложнее, чем казалось. Я не говорю вам: нет! Но не говорю и — да! Моя голова должна все переварить. О, Господи!

Наконец, когда доводы исчерпаны с обеих сторон, когда мы оба основательно устали и когда и я потерял свое хладнокровие, вел. князь говорит:

— Вот и жена моя против принятия власти. Поговорите с ней, убедите ее.

Исполняю желание вел. князя.

Княгиня Брасова — очаровательная женщина, без большой эрудиции в каких бы то ни было вопросах, но в волевом отношении все же сильнее вел. князя. Она приходит в ночном одеянии и начинает с новых доводов.

— Где ж вел. князю с его здоровьем думать о такой ужасной вещи, как управление государством! Вы же не знаете, какой он хрупкий. Мы жили совсем в стороне от всех вопросов и обстоятельств большого порядка, и вдруг на нас именно и сваливается сверхчеловеческая задача. Поверьте, это не для нас. Оставьте нам нашу тихую жизнь. Тут нужно здоровье Александра III и его воля, а у нас нет ни того, ни другого.

Трудно бороться с женскими доводами, но у меня нет впечатления, что вел. князь дышит на ладан. По-моему, он хорош для переходного момента, а переходный момент должен быть обеспечен понятной народу преемственностью, а там видно будет. Сейчас надо сразу успокоить взбудораженное пока частично море большим торжественным актом, не дать пролиться через край, не попасть в распоряжение стихий.

Я прошу кн. Брасову не волновать вел. князя ее соображениями о здоровье, а оказать ему всю моральную поддержку, на которую она способна.

Бросаю последний довод:

— Княгиня, я, между нами, умеренный левый; если я позволяю себе настаивать на сохранении царской власти в данный момент, значит, я вижу что-то чрезвычайно грозное в случае немедленного исчезновения монархии. Это может быть необъяснимо. Я, человек из народа, нутром своим чувствую, что группа, у которой на одном конце Родзянко, а на другом Керенский и Чхеидзе, что эта группа не сумеет удержать власть, что будет загнан клин между новым правительством и армией, что раз высший авторитет и арбитр потеряны, Бог весть, что может случиться. Боюсь, что запасная солдатня, которая начала беспорядки из нежелания идти на фронт, что она останется хозяином положения и что ловкие руки, быть может, немецкие (почему нет?) направят ее и Россию в пропасть.

Княгиня смотрела на меня с таким видом, как если бы ничего не понимала и, казалось, она так и не поняла моих горьких слов. Осталась приятной светской женщиной, у которой и мускул не дрогнул.

— Я ничего в таких делах не понимаю.

Я видел, что пытаюсь пробить стену лбом.

Вел. князь сидел как хорошо защищаемый подсудимый.

Говорю:

— Счастлива та революция, которая быстро находит свои берега.

Продолжаю вульгарным примером:

— Вот вы едете на тройке ровно, спокойно. Вам захотелось ехать быстрее, и вы постепенно спускаете лошадей. Все идет благополучно. Но если вы сразу изо всей силы ударите по коням, и они рванут и понесутся, как безумные, постромки могут лопнуть, экипаж опрокинуться и ездоки вылетят на дорогу. А на нашей теперешней тройке сразу несколько кучеров с разными намерениями.

— Вы правы, тысячу раз правы, — прерывает вел. князь, — но я не тот человек, который нужен в данное время.

Я думаю: один Михаил Романов начал династию, а другой Михаил Романов способен только закончить ее.

Чувствую себя разбитым, говорю:

— Перемена режима должна бы быть праздником России и ее патриотов, а от вас исходят одни похоронные мотивы.

— Да нет, я всей душой за новый порядок. И за конституцию: и буду им верно служить, но займу более скромное место.

— Вы за конституцию? А где же монарх? Кто?

Великий князь бросает последнее соображение:

— Согласиться — значит сесть на штыки.

Наконец, уславливаемся, что вел. князь встретится с революционными деятелями Думы, выслушает их и тогда решит окончательно. Он заключает:

— Если из разговоров увижу, что не могу принять власть немедленно, то буду просить ждать решения всенародного собрания. Буде скажут: «монархия», что ж, тогда подчинюсь.

Как известно, беседа с думскими деятелями имела место. Вел. князь принял как раз последнее решение.

* * *

Впоследствии, в дни гражданской войны, я часто с великой болью вспоминал наши беседы с вел. князем и встреченное упрямство. В эти дни оно казалось мне бегством от высокого долга и отсутствием подлинной любви к родине, ибо нельзя все объяснять каким-то героизмом самоотречения.

Когда грубая распутная сила наваливалась и опрокидывала все моральные вековые ценности страны, каждый из нас должен был быть на своем посту. Последний Романов покинул свой пост под рядом благовидных предлогов.

* * *

В эмиграции, в Париже, я встретил княгиню Брасову. Она была без средств и жила в данный момент в чужой квартире около порт Майо, искала средств к жизни направо и налево. Мы вспоминали с ней Миллионную улицу в февральские дни. Теперь она говорила:

— Возможно, что мой муж должен был последовать вашим советам, хотя не знаю, было бы ли это лучше. Про себя скажу одно: все, что пришло ко мне от дома Романовых, принесло только несчастье. Муж убит. Сын погиб в автомобильной катастрофе. Ценности, какие были, исчезли, и сама я на улице.

Княгиня так и умерла в нищете.

Н. Иванов (Русская мысль. № 871. 1956. 10 марта)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Abramovitch R. 58
Almedingen E.M. 60
Antoniazzi F. 51, 61, 66
Basily N. 399
Bonwetsch B. 16, 38, 52
Eklof Ben 36
Frankel E.R. 15
Frantel J. 15
Haimson L. 65
Hasegawa Ts. 37, 46, 51, 54, 65, 165, 343, 369
Higham R. 37
Hildermeier M. 16
Hösler J. 16
Iakovlev Ia.A. 15, 51
Katkov George 36
Kerensky A.F. 46
Knei-Paz B. 15
Korostovetz Vl. 55, 86
Lih L.T. 63
Lincoln W.B. 51
Lockhart R.H.B. 58
Longley D.A. 15, 51, 58
Lyandres S. 50
Mandel D. 70
Markwick R.D. 16
Mayzel M. 343
Mckean R.B. 51, 52, 59
McKenzie K.E. 275
Melancon M. 43, 56, 57, 63, 67, 71
Pares Bernard 36
Polly Adrian 85
Rodichev F.I. см.: **Родичев Ф.И.**
Rogers Leighton W. 85, 132
Sagner O. 16
Showalter D.E. 37
Smith S.A. 63
Stone Norman 36
Torke H.-J. 52
Wade R.A. 66
White J.D. 71
Wilton R. 55

Авдеев Н.Н. 84, 88, 91, 94, 95, 110, 111, 115
Авилов Б.В. 250, 297, 298
Аврех А.Я. 23, 393
Аджемов М.С. 218, 220, 275, 310, 320, 403
Адриановский Ф.П. 276
Азеф Е.Ф. 34
Акаемов Н.Ф. 56, 69, 70, 75, 76, 87, 93, 94, 102,103, 105, 122, 130, 133, 136–139, 182
Акимов М.Г. 152
Алаторцева А.И. 187
Алашеев Н. 271
Алданов М. 415
Алеев Ю.А. 247
Александр II 75, 120, 159, 174, 374, 382
Александр III 18, 91, 104, 120, 124, 140,159, 389, 424
Александра Федоровна (Аликс), имп. 10, 11, 36, 59, 84, 99, 100, 110–112, 121, 138, 154–157, 345–351, 353, 355, 356, 372, 374–376, 381, 382, 410
Александров 81
Александров А.М. 218, 276
Александровский Ю.В. 321
Алексеев И.Е. 333
Алексеев М.В. . 61, 110–112, 146, 153, 156, 157, 173, 174, 178, 198, 210, 242, 268, 343, 344, 348–355, 357–364, 367, 368, 385, 386, 389–395, 397–399, 406, 408, 412, 416
Алексеев П.А. 81
Алексеев С.А. 11
Алексеева-Борель В.М. 350, 391
Алексей Николаевич 344, 347, 360, 365, 390, 394, 397–399, 402–405, 408, 409, 411, 413, 414
Алешкин А.М. 203
Алуф И.А. 193
Альперович М.С. 17
Ананьич Б.В. 18, 161, 286, 391
Анастасьев Г.В. 262
Андогский А.И. 284
Андрей Владимирович 388390, 394, 397
Андропов И.Ю. (Андросов) 21, 25
Андропов Ю.В. 17–21, 24–26
Андропова И.Ю. 25
Антониацци Ф. 51, 60, 61
Антюхин И.Ф. 81
Арапов 317
Арапов А.В. 333
Арбатов Г.А. 21, 26
Арефьев М.И. 308
Арсеньев В.С. 249, 292
Арский Р. 186
Артамонова Н. 223
Архипов И.Л. 197, 198, 236
Астахов Г.Т. 236, 237
Астрахан Х.М. 53, 70, 192
Афанасьев И.Л. 196
Ахун М.И. 219, 238
Б.Э. см.: **Энгельгардт Б.А.**
Бадаев А.Е. 320
Бажанов Д.А. 203, 311, 333
Бажанов Л.Н. 317
Базаров В.А. 109
Базили Н.А. 389, 391, 398, 399, 404
Базунов Л.А. 114
Байгушев А.И. 23–26, 29, 30, 31
Бакунина-Осоргина Т.А. 50
Балабанов М.С. 60, 66, 68
Балабин Ф.И. 278, 279
Балашев П.Н. 153, 154, 173, 175, 180
Балк А.П. 56, 59, 60, 67, 73–76, 78–81, 83, 86, 87, 90, 91, 93, 94, 99–101, 103–105, 109, 110, 112, 117–119, 122, 125, 129, 133, 138–141, 143, 151, 152, 158, 168–171, 271
Бальмонт К.Д. 29
Барановская В.П. 136, 137
Бардиж К.Л. 335
Барк П.Л. 7, 8, 28, 154, 164, 166, 178, 180, 181, 182, 185, 309, 314, 395
Баркашов А.П. 30, 31
Барсенков А.С. 63
Барштейн Е.К. 106
Барышников А.А. 308, 310, 315, 322, 323
Басаков В.П. 308, 309, 314, 320
Батюшин Н.С. 111
Башев (Батов) 83
Безпалов В.Ф. 273, 294, 311, 326
Бейлис Мендель 31
Белецкий С.П. 121, 157, 386
Белинский В.Г. 20
Белов П.В. 263
Белоногов С.А. 294
Белоусов 147, 149
Белый Андрей 29
Бельский 239
Беляев А.А. 24
Беляев А.А. (Ридигер, гр.) 332
Беляев М.А. 20, 94, 95, 118, 119, 145, 146, 153, 154, 156, 157, 166, 167, 170, 171, 173, 176, 178–183, 185, 351, 352, 355, 356, 358, 360–362
Бенкендорф П.К. 155, 356
Беннигсен Э.П. 282
Берберова Н.Н. 23, 50
Березин М.Н. 235, 236
Берия Л.П. 32
Бернацкий М.В. 114, 286
Берх М.А. 316
Бестужев-Марлинский А.А. 20
Бисмарк О., фон 364
Бланк М.А. 28
Блинов С.Г. 238
Блок А.А. 29, 120, 178, 179, 182, 348, 349, 352
Блосфельдт Г.Э. 323
Бобинский А.В. 270
Бобков С. («Подвознесенский») 25
Бобков Ф.Д. 17–21, 23, 25
Бобринский В.А. 222
Бобышев С.В. 64
Бовыкин В.И. 27
Богатко Н.И. 302
Богашев С.М. 316
Богданов Б.О. 288, 328
Богданович Т.А. 186
Богораз-Тан (Тан) В.Г. 248, 249
Бойко В.К. 256
Бойсман 111
Болдырев В.Г. 386, 387, 390
Болотов А.В. 58
Бонвеч Б. 38, 51, 52
Бонч-Бруевич М.Д. 386
Бордюгов Г.А. 200
Борис Владимирович, вел. кн. 99
Борисов 124
Борисов И.Н. 316, 317
Борман А. 289, 290
Борнгардт Ф.Ф. 230
Боханов А.Н. 359
Боярский П.М. 333
Брасова, княгиня 374, 384, 410, 411, 419, 424, 425
Брачев В.С. 50
Брежнев Л.И. 21, 25, 26
Бриан Э. 63
Бродников М. 124
Бройдо Г.Е. 240
Броунштейн М.А. 297, 299
Брусилов А.А. 9, 146, 210, 349, 350, 353, 367, 392, 393, 395
Брюнчучинов И.В. 303
Брюсов 29
Брюханов В.А. 60
Бубликов А.А. 181, 220, 268, 278, 282, 292, 293, 308, 309, 313, 314, 316, 317, 318, 319, 321, 325, 333, 340, 361, 362, 364- 366
Бубнов А.Д. 351, 355
Булацель П.Ф. 155
Булгаков В. 324
Булдаков В.П. 63, 199
Бунин И.А. 42
Буранов Ю. 410
Буранов Ю.Я. 343
Бурджалов Э.Н. 16, 38, 46, 53, 55, 56, 62, 69, 70, 106, 119, 137, 165, 167, 168, 173, 175, 177, 192–194, 207, 212, 216, 230, 240, 278, 283, 297, 308, 343, 345, 369
Бурдуков Н.Ф. 99, 155
Бурцев В.Л. 124–128, 148
Бутвин С.И. 261
Бухарин Н.И. 28, 32
Буянова Л.Л. 34
Быстрых Т.И. 407
Быстрянский В. 186
Бьюкенен Д.У. 100, 184, 348, 376
Вада Х. 62
Валк С.Н. 18
Валуев С.П. 356
Валуев Ф.М. 316, 362
Валюк 124
Вандалковская М.Г. 200
Варун-Секрет С.Т. 217
Васецкий Н.А. 211
Василенко К.С. 192
Васильев А.В. 270
Васильев А.Т. 121, 151, 152, 171
Васильчиков И.С. 241, 310, 353
Васильчикова Л.Л. 245, 246, 353, 395, 405
Вах Ф. 102
Вдовин А.И. 63
Вере Н.К. 284
Ведерников П.И. 264
Вейнбаум М.Е. 312
Вейс В.К. 74, 91
Вейс К.А. 331
Велихов Л.А. 22, 282
Вергелис А.П. 291
Вертячих А. 203
Верховский А.И. 9, 345, 356, 399, 401
Верцинский Э.А. 83, 99, 102, 103, 119, 120, 134
Вершинин В.М. 223, 290
Веселов В.М. 192
Весеньев И. 236
Виардо Полина 20
Вильгельм II 22, 358
Вильчковский С.Н. 385
Виноградов В.А. 308–310, 312, 315, 322
Винокуров А.Н. 117
Висковский 134, 139
Витенберг Б.М. 144, 193, 195, 203, 204
Витте М.И. 138
Витте С.Ю. 18, 28, 141, 155, 159, 160, 161, 162, 163
Владимиров (СоколовскийЭ.К., Шатров В.) 143
Воейков В.Н. 110, 121, 154, 157, 158, 168, 179, 183, 269, 347, 349, 350, 351, 355, 356, 358, 360, 362, 363, 365, 366, 370, 390, 393, 395, 397, 402, 406, 413
Вознесенский А.А. 25
Вознесенский Н.А. 160
Войновский-Кригер (Кригер-Войновский) Э.Б. 64, 95, 166,169, 172, 176, 178, 183, 184, 185, 360
Войтинский В.С. 317
Войцеховский 239
Волков А.А. 155
Волков И.Д. 114, 297, 304
Волков Н.К. 50, 220, 276, 292, 308, 315
Волковский 77
Волобуев П.В. 17, 201, 228, 263
Воронков М.С. 276
Воронцов В.В. 25
Воронцов-Вельяминов 124–127, 129, 134, 135
Воррес Й. 345
Востротин С.В. 217, 282, 297, 298, 299, 304–306, 309, 311, 312, 325, 340
Вульфиус 270
Вырубова А.А. 154, 155, 163, 375, 395
Вышнеградский И.А. 162
Вяземский Д.Л. 275, 345, 353, 395
Гаврилов Н.А. 304
Гайда Ф.А. 42, 199, 200, 205, 249
Галили З. 51, 64, 195, 222, 225
Гальперн А.Я. 13
Гальперина Б.Д. 193–195, 197, 226
Гамов И.М. 276
Ган Л. 353
Ганелин Р.Ш. 7, 8, 10, 13, 16, 18, 22, 27, 34, 42, 60, 61, 65, 67, 73, 80, 81, 84, 86–88, 99–101, 104, 118, 120, 123–125, 149, 151–153, 161–163, 165, 171, 174–178, 180, 192, 242, 343, 376, 391, 395, 407, 409, 410, 416, 417, 430
Ганецкий Я. (Фюрстенберг Я.С.) 28
Ганичев В.Н. 23, 24, 30
Ганфман М.И. 56
Гаркавенко Г.А. 192
Гвоздев К.А. 71, 240, 330
Гейден, графиня 99
Гелис И.Р. 354, 368
Генкина Э.Б. 70, 212
Георг V 100
Георгиевич Л. 223, 255
Герасимов А.В. 152
Герасимов П. 261
Герасимов П.В. 267, 308
Герасимова Н.К. 138
Геров В.Г. 238
Герцен А.И. 20
Гессен А.И. 230, 232, 244
Гефтер М.Я. 160
Гидони А.И. 250
Гиммлер Г. 22
Гинев В.Н. 34
Гиппиус З.Н. 56
Гитлер А. 32
Глазов В.Г. 310
Глебов Ю.Н. 327
Глезеров С. 203
Глинка Г.В. 325
Глинка Я.В. 144–146, 160, 309
Глинский 295
Глобачев К.И. 46, 60, 80, 81, 91, 112, 114, 115, 116, 118, 134, 139, 143, 144, 151, 152, 169, 171, 346
Годнев И.В. 309, 322
Годунов Борис 32
Голиков Г.Н. 192
Голицын В.Т. 315
Голицын Н.Д. 95, 115, 118, 119, 166, 153, 154, 157,

167–169, 171–173, 176–183, 185, 211, 224, 307, 339, 345, 348, 352, 355, 357, 386, 387, 408, 426
Головин М.Н. 323
Голостенов М.Е. 289
Гольдман Я.Ю. 213
Гордеев П.Н. 311, 326
Горемыкин И.Л. 160
Горький А.М. 12, 56, 64, 109, 143, 187
Граббе А.Н. 367
Граббе М.Н. 336
Грабовский А. 90
Грачева Т. 41
Греков К.Ф. 295
Грибков 287
Григелевич А.И. 46. 47, 68, 69
Григорович И.К. 95, 166, 184, 271
Григорьев Г.Н. 80
Григорьев С.С. 115
Гримм Д.Д. 311, 312, 315, 323
Гриневич К.С. (Шехтер) 12, 143
Гриневич С.И. 336
Гринчук-Лукашевич Л.А. 364, 365, 366
Грисманов 147
Гродзицкий М.И. 311
Громан В.Г. 288, 297, 304, 311
Гронский П.П. 308, 310–312, 320, 321, 333, 340, 403
Гротгус 76
Гротен П.П. 100, 111, 154, 345, 356
Грузенберг О.О. 237
Грузинов А.Е. 337
Грузовский 279
Грунт А.Я. 334, 335
Губарев 124
Гурко В.И. 61, 111
Гуровский 278
Гурьянов А.Ю. 73, 81, 87, 101
Гусев К.В. 194, 198, 200
Гучков А.И. 9, 11, 117–119, 169, 171, 180, 184, 206, 208, 215, 256, 271, 275, 281, 283, 284, 310, 312, 323, 331, 344–346, 353, 354, 360, 368, 386, 392, 395–397, 399–405, 413–415, 419
Д.З. см.: Заславский Д.О.
Давыдов А.Ю. 196
Данилов 148
Данилов Ю.Н. 386, 387, 390, 391, 394, 396, 398, 399, 402, 403
Даниэль Ю.М. 18
Дантон 144
Дворниченко А.Ю. 195
Дегтярев 280
Дейли Д. 169, 346
Дейтрих В.Ф. 95
Демидов И.П. 311, 315, 331, 385, 403
Демин В.А. 197, 200, 209
Демкин Д.И. 83, 84, 91, 141
Демченко В.Я. 336
Демьянов А.А. 221, 222, 227, 327, 328, 329
Ден К.А. 154
Ден Ю.А. 154, 345, 402
Деникин А.И. 79, 406, 416
Дерюжинский Н.Ф. 323
Джонсон Н.Н. 409, 417, 421
Дзержинский Ф.Э. 32
Дзюбинский В.И. 219, 276, 279
Дитерихс М.К. 354
Дмитриев 102
Дмитрюков И.И. 95, 153, 173, 175, 182, 221, 224, 276, 408
Добровольский А.А. 292, 310, 319
Добровольский Н.А. 153, 166, 170, 176, 177, 185, 345
Довконт Д.Ю. 368
Долгоруков В.А. 348, 367
Достоевский Ф.М. 20, 421
Драгоманов М.П. 18
Дрезен А.К. 219, 238, 274, 368
Дрезин Э.К. 238
Дренчук (Дреничев) И. 123Друцкой-Соколинский В.А. 395
Дрючин А.А. 262
Дубенский Д.Н. 40, 61, 344–352, 354, 355, 357–359, 364, 367, 385, 387, 390, 397, 413, 416
Дубницкий А.Г. 46
Дубнов С.М. 144
Дубровин 147, 148
Думова Н.Г. 194
Дункен 226
Дурдин А.Д. 329
Дурново П.Н. 34, 152, 159
Дурново П.П. 113
Дякин В.С. 165, 181, 182, 187, 193, 194, 263, 346, 348, 352, 366, 393, 399, 404
Евгенов С. 187
Евсеев И.Т. 282
Егоровский 1-й 295
Егоровский 2-й 295
Ежов М.И. 364
Елисеев 144
Елица В.А. 8
Елчев В.А. 211
Емец В.А. 8
Епанчин Н.А. 274, 392, 395
Ерманский О.А. 54
Ерофеев Н.Д. 201, 205, 225
Ефимов А. 72
Ефимов А.П. 81
Ефремов Е. 104
Ефремов И.Н. 210, 267
Жаров В.С. 268
Жилин Н.В. 217
Житков К.Г. 368
Журавлев В.В. 23
Заварзин П.П. 117
Зайончковский Н.Г. 134
Зайцев И. 124, 125
Залесский (Залеский) Н. 272
Залит И.П. 213
Залуцкий П.А. 16, 81, 96, 107
Занкевич М.И. 102, 256, 271, 352
Заславский Д.О. 137, 210, 211, 223, 226, 227, 230, 231, 241, 243, 244, 246, 247, 259
Зеленой А.П. 259
Зензинов В.М. 12, 43–45, 57, 65, 108, 109, 258, 290
Зильбург Г.М. 224
Зинкевич Д.М. 219
Зиновьев Г.Е. 28, 31
Зиновьев Л.А. 213
Знаменский О.Н. 15, 80, 190, 192, 194, 207, 208, 211, 222, 226, 265, 287
Знаменский С.Ф. 258
Значковский Г.А. 80
Зоэуля Е. 78
Зубарев Д.И. 59
Зубков П.И. 66
Зюганов Г.А. 203
Иванишин Г.А. 137, 138
Иванов 149
Иванов А.А. 203, 311, 333
Иванов А.В. 213
Иванов Е.П. 317
Иванов И. 274
Иванов И.В. 53
Иванов Н.И. 268, 318, 344, 352, 353, 354, 355, 356, 358, 359, 361, 362, 368, 372, 380, 381, 387, 389, 396, 399, 424
Иванов Н.Н. 369–375, 377–379, 381–384, 407. 409–412, 414–420, 422–425
Иванов С.В. 112, 113
Иванова Н.А. 33
Иванчиков 247
Игнатьев П.Н. 153, 174, 354
Игоревский Л.А. 266
Изгоев А.С. 242
Ильин И.А. 29
Ильин И.В. 123, 124, 126, 127
Ионичев Н.П. 198
Иорданский Н.И. 10, 11, 15, 107, 237, 239, 252
Иоффе А.Е. 265
Иоффе Г.З. 165, 168, 170, 180183, 268, 271, 343, 346, 348, 352, 355, 357, 360, 362, 365 369, 372, 385, 396, 397, 399, 400, 402
Иоффин 258
Исаков В. 295
Искендеров А.А. 348, 400
Исмаил-Заде Д.И. 347
Исхаков С.М. 277, 332
Ичас М.М. 254, 256, 311, 403
Кавтарадзе А. 274
Каган 114
Казаков М.И. 80
Казанович Е.П. 286, 287
Калантаров 295
Калашников В.В. 196, 202
Калинин М.И. 32
Калугин М.Д. 308, 310, 315
Каменев Л.Б. 28, 31
Канторович В.А. 137, 288
Капнист 1-й И.И. 308
Капнист 2-й Д.П. 310
Капнист А.П. 368
Капустин Н.Я. 356
Кара-Мурза А. 203
Карасев 124
Караулов М.А. 220, 221, 228, 244, 249, 250, 253, 256, 266, 282
Каргельс 76
Карташев А.В. 13
Катков Г.М. 22, 36, 37, 39, 165, 170, 172, 176, 177, 223, 343, 344, 352, 354, 356, 359, 361, 366, 369, 386, 388, 389, 391, 394, 398, 399, 405
Катков М.Н. 37
Каюров А. 104
Каюров В.Н. 13, 15, 61, 62, 88, 89, 92, 97, 104, 105, 129, 142
Квитницкий 124
Кедров М.А. 184
Керенский А.Ф. 11–13, 25, 28, 31, 41, 43–51, 57, 64–66, 69, 71, 95, 100, 108, 109, 114, 115, 143, 144, 169, 191, 205, 210, 211, 215, 217–219, 221–223, 225–231, 234–236, 239, 243, 246–250, 253–258, 260, 262, 278, 279, 282, 283, 309, 312, 320, 325, 339, 340, 349, 364, 365, 372, 381, 382, 403, 415–417, 419, 423, 424
Керсновский А.А. 16, 94, 119
Кизеветтер А.А. 186
Киндяков М.Л. 310, 322
Киреев 124
Кирилл Владимирович, вел. кн. 374, 377, 378, 383, 410, 411
Кирин 124
Кириченко И.И. 25
Кирпичников 80
Кирпичников Т.И. 34, 123–129, 134, 135
Кирьянов И.К. 197, 205, 206, 209
Кирьянов Ю.И. 33
Кисляков В.Н. 361, 362
Китанина Т.М. 34
Клембовский В.Н. 392
Климанов (Афанасьев) Е.А. 107
Климович Е.К. 117
Клыков 91
Ключевский В.О. 35
Клярович В.М. 262
Клячко (Львов) Л.М. 230
Кнорринг 99
Кобылин В.С. 343, 385
Ковалев И.В. 160
Ковалевский В.В. 116, 179
Ковалевский Е.П. 310, 324, 325
Коваленко 77
Коваленко М.И. 219
Коваленко Н.А. 200
Кожинов В.В. 50
Козлов Вас. 123, 124, 135
Козлов В.П. 33
Козырев Д.П. 317
Козырев Н. 105
Коковцов В.Н. 153, 162, 174, 215, 395
Коллонтай А.М. 28, 32
Колоницкий Б.И. 56, 240, 248
Колчак А.В. 36, 393
Комаров, ген. 383
Комин В.В. 192
Кондратьев Т.К. 83, 129
Конников Ф. 124
Коновалов А.И. 13, 221, 222, 227, 399
Коркунов Н.М. 169
Корнилов Л.Г. 399
Коростовец В.К. 55, 56, 86
Коссаковский И.П. 300
Коцебу П.П. 345
Кочаков Б.М. 238
Кочергин (Малыш) 124
Кочура 124, 125, 135
Крапивин М.Ю. 31
Краснов Ю.К. 211
Кривошеев Ю.В. 259
Кривошеин А.В. 174, 354, 355
Кривошеин П.М. 324
Кривошеина Е.П. 187
Кригер-Войновский Э.Б. 316
Кричевский М.И. 230
Кролик Я. 264
Крузи 102
Крупская Н.К. 28
Кручковская В.М. 168
Крыжановский С.Е. 61, 95, 182
Крылов А.Е. 104, 105, 110, 120, 148
Крымов А.М. 345, 366
Ксюнин А.И. 211, 230, 232, 275
Кузнецов Е. 311
Кузнецов Н. 140, 141
Кузнецов Н.Д. 54, 55
Кузьминский В.В. 319
Кукин Д.М. 193
Куклин А.С. 117, 142
Кулешов С.В. 63
Куликов С.В. 152, 153, 163, 165, 174, 184, 185, 196, 206, 268, 361, 385, 395, 430, 431
Кулышев Ю.С. 264
Кульчицкий Н.К. 166, 185
Куманин Л.К. 180, 246
Кунделеков Т.П. 317
Кургузкин 157
Курлов П.Г. 362, 385
Кутепов А.А. 80
Кутепов А.П. 123
Кутлер П.Н. 323
Лаверычев В.Я. 194, 269
Лапин В.В. 395
Лапшин С.А. 265
Ларин (Лурье М.А.) 28
Лашкевич И.С. 124–128, 13
Лебедев 126
Лебедев Г.В. 317
Лебедев С.К. 42
Лебедев С.Т. 125
Лебедев Ю.М. 332
Левантовский К. 90
Левинсон В.В. 80
Лейберов И.П. 14, 45, 51, 53, 58, 66–68, 70, 71, 101, 104, 193, 194, 234, 257, 261, 269, 294
Лейхтенбергский Н.Н. 353, 367
Лелянов П.И. 91, 95, 112, 113, 115, 155, 171
Лемке М.К. 18, 356
Ленин В.И. 9, 17, 28, 29, 30, 72, 349
Ленин С.Н. 325
Леонов И.Т. 238
Ли Л.Т. 63
Ливеровский А.В. 317
Линде Ф.Ф. 123, 253
Лобанов С.С. 316
Лобов С.С. 81
Лодыженский А.А. 352, 355, 356
Лодыженский И.Н. 176, 182, 323
Лозинский З.Б. 219
Локкарт Р.Б. 58
Ломоносов Ю.В. 28, 234, 313, 316, 317, 318, 319, 361, 362, 404
Лонгли Д.А. 15, 51, 52, 54, 57, 58
Лопухин В.Б. 184
Лорберг Е.И. 32
Лорис-Меликов М.Т. 174
Лотарева А. 24
Лукаш И.С. 123, 124–129, 136, 137, 186, 270, 271
Лукин 124, 125, 148
Лукин В.А. 411
Лукомский А.С. 156, 157, 352, 355, 357, 361, 367, 389, 391, 392, 393, 399, 401, 402
Лукоянов И.В. 42, 187, 200, 201
Лукьянов М.Н. 209
Луначарский А.В. 108
Лунин В.М. 257
Лурье М.Л. 238
Лурье Ф.М. 34
Лучивка-Неслуховская Н.Л. 251
Лучивка-Неслуховский К.Ф. 251, 252, 254, 275
Лучивка-Неслуховский С.К. 251
Лыкова Л.А. 284, 407
Лыщинский-Троекуров Л.В. 333
Львов В.Н. 259
Львов Г.Е. 9, 28, 189, 332, 352, 354, 357, 372, 405, 408, 413, 414, 419, 423.

Львов Н.Н. 185, 221, 311, 312, 325, 326
Львов-Рогачевский В.Л. 186
Любарский Б. 257
Любимов Л.Д. 140
Ляндрес С.М. 50, 181, 195, 215, 216, 217, 219, 220, 256, 284, 353
Ляпин И.М. 286
Лях 125
Магула Г. 231
Макаренко А.С. 182
Макаров С.О. 99
Маккин Р. 51, 52, 57
Маклаков В.А. 152, 153, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 180, 203, 205, 275, 308, 309, 314, 320, 416
Маклаков Н.А. 86, 99, 118, 119, 153
Максимович А.С. 238
Макушин А. 200
Маликов А.И. 185
Малиновский Р.В. 34
Малышева О.Г. 198, 200
Малышева С.Ю. 195, 322
Маниковский А.А. 49, 50, 64, 220, 353
Манос И.Я. 317
Мансырев С.П., кн. 84, 146, 213, 219, 223, 276, 277
Манцевич 321
Марголис А.Д. 138
Маргулиес М.С. 113
Мария Павловна, вел. княгиня 99
Мария Федоровна 99, 347
Маркедонов С.М. 329
Маркитанов 146
Марков В.И. 326
Марков И. 54, 58, 60, 62, 67, 68, 70
Марков М.Г. 123, 124, 135
Маркозов В.В. 112, 113, 116
Мартов Л. 28
Мартынов 78, 80
Мартынов Е.И. 397
Масальский М. 102
Масленников А.М. 219, 276, 278
Маслов Н.Н. 208
Матвеев А.С. 409, 410, 417, 418
Матвеев И.М. 290
Матвеев Н.М. 329
Матлин Д. 274
Мацевич 261
Мацкевич 80, 100
Машкин 2-й 124, 136, 139
Маяковский В.В. 279
Медведев В.Г. 201
Медведев М.К. 244, 245
Мейер П.П. 138
Мелансон М. 45, 56–58, 62, 67, 72
Меллер-Закомельский А.Н. 355
Мельгунов С.П. 9, 11, 144, 145, 165, 243, 363, 365, 369, 409, 410, 411
Менделеев Н.Н. 270, 322
Меньшиков М.О. 69
Мерцалов А.Н.
Мещерский А.П. 47
Мещерский В.П. 99, 155
Миклашевский 128
Микоян А.И. 165
Миллер В.И. 13, 73, 106, 134, 195
Миловидов Б.П. 197
Милорадович М.А. 60
Мильнер А. 9
Мильчик И.И. 67, 70, 74, 75, 82, 83, 101, 105, 122, 129, 130, 133
Милюков П.Н. 9, 48, 50, 97, 146, 168, 175, 186, 199, 200, 207, 208, 210, 212, 213, 219–223, 234, 235, 239, 243, 244, 254–256, 275, 278, 307, 308, 366, 331, 371, 372, 374, 375, 378, 380, 384, 390, 404, 409, 410, 412, 413–417, 419
Милютин В.В. 276
Минц И.И. 23, 46, 56, 187, 188, 190–192, 212, 216, 233, 247, 268, 331, 335
Мирабо 144
Мироненко С.В. 33
Миронов Б.Н. 35, 36, 42, 163, 164, 206
Миронов М. 169, 170, 171, 178, 181
Митрохин Н. 21, 23, 24, 26
Михаил Александрович, великий князь 9, 182, 183, 224, 339, 344, 352, 357, 360, 374, 375, 377–379, 383, 384, 390, 394, 397, 399–424, 425
Михаил Федорович 425
Михайлов И.А. 297
Михайловский Г.Н. 403
Мичурин А.Н. 59
Мичурин Г. 262
Могилевский К.И. 201
Могилянский П.М. 329
Молодяков В.Э. 19
Молотов В.М. 16, 106, 107, 165, 191
Мораки В.Н. 80
Мордвинов А.А. 40, 359, 360, 364, 398, 399, 400, 401, 408
Морозов П.О. 323
Мосолов А.А. 351, 355, 397
Мрозовский И.И. 334
М-ский А. 224
Мстиславский (Масловский) С.Д. 12, 13, 140, 193, 257–260, 282, 283
Мульгин 142
Мультатули П.В. 40, 41
Муравьев Н.В. 128, 161
Муранов М.К. 320
Мухин И.К. 243
Муштуков В.Е. 264
Мясоедов С.Н. 353
Н.А. 300
Набатов Г.В. 63
Набоков В.Д. 416
Наджаров 269
Назаров 250, 251, 254
Назаров А.А. 275
Нардова В.А. 34
Нарожницкий М.А. 337
Нарочницкая Н.А. 203
Нарчук В.Н. 81
Нарышкин К.А. 397, 398, 399, 400, 401, 402, 413
Наумов 80
Наумов А.Н. 174
Неклюдов М.И. 323
Некрасов М.В. 9, 95, 408
Некрасов Н.В. 9, 22, 49, 50, 95, 182, 208, 210, 215, 220–222, 224, 234, 235, 253, 270, 290–292, 308, 337, 344, 361, 362, 403, 408
Некрич А.М. 17
Немаков Н.И. 192
Неманов Л.М. 230
Ненароков А. 195, 225
Непенин А.И. 367, 393
Нератов А.А. 184
Неслуховский А.Ю. 251, 252
Неслуховский К. Ф. 10
Никаноров И.В. 113, 300, 302
Никитин, ген. 137
Никитин В.Н. 270, 271
Николаев А.Б. 51, 181, 193, 194, 201, 203, 206, 211, 213, 215, 218, 220, 222, 225, 228, 229, 234, 241, 243, 245, 253, 258, 259, 260, 266, 273, 276, 277, 280, 282, 290, 291, 295, 309, 310-312, 325, 328, 330–333, 336, 337
Николаевский Б.И. 366, 403
Николаенко А.И. 319
Николай I 99
Николай II 9, 10, 32, 35, 36, 38–40, 41, 55, 60, 61, 81, 84, 91, 99, 110–112, 115, 117, 119–122, 136, 137, 145, 146, 148, 149, 153–159, 161, 162, 163, 167, 175, 178, 183, 185, 189, 197, 198, 210, 224, 268, 337, 339, 343, 344- 360, 363, 365–370, 372–374, 376, 377, 380–382, 384–391, 393- 395, 397, 398- 408, 410–414, 416–421, 431
Николай Михайлович 347, 353, 368, 392, 393, 395, 396, 405
Николай Николаевич, великий князь 9
Никонов В.А. 42, 201, 202, 205
Нилов К.Д. 348, 367
Новиков М.М. 218, 219, 309, 333–335
Новицкий К.П. (Петровин К.) 186, 211
Новорусский М.В. 297
Нольде А.Э. 323
Нольде Б.Э. 416
Нольде Э.Ю. 162
Носов Н.Е. 34
Оболенский А.В. 386
Оболенский В.А. 13, 227, 240, 245, 289, 290
Оверк М.М. 261
Овчинников А.Е. 291
Огрызко В. 24
О'Доннован 9
Ознобишин А.А. 276
Ознобишин Д.В. 209, 210
Озол Я. 107, 117, 142
Окатов Н.А. 199
Окунь С.Б. 219
Олицкая Е. 56
Олсуфьев Д.А. 99
Ольденбургский А.П. 101, 138
Ольминский М.С. 106
Ольховский Е.Р. 163
Оппель В.А. 238
Орлов Я.К. 123, 124
Орлов-Давыдов А.А. 246
Остен-Сакен В.Ф. 244
Островский А.В. 250, 286
Остроумов А.А. 324
П.Г. 218
Павел Александрович, вел. кн. 369–375, 377–383, 410, 411
Павленков В.И. 80, 93, 100, 105, 136, 137, 350
Павлов Д.А. 83, 97, 105, 107, 141, 142
Павлов Д.Б. 385
Павлова М.Г. 83, 97, 105, 107, 141, 142
Павлова Т.Ф. 33
Павловский В.С. 316
Пайпс Р. 165, 168, 177, 343, 344, 354, 399, 400, 405
Палей О., княгиня 56, 369, 370, 379, 409, 411, 414, 418, 420
Палеолог Ж.М. 178, 179, 184, 269, 391, 398, 399, 404
Пальчинский П.И. 258, 271, 275
Панкеев Н.М. 290
Парвус (Гельфанд) 8, 37
Панкратова А. 191
Пашкевич И.В. 258, 259
Пенчковский Н. 123–125, 127
Пепеляев В.Н. 267, 269, 276, 308, 331, 403
Перегудова З.И. 34, 169, 346
Перетц Г.Г. 74, 88, 95, 123, 185, 250, 268, 286, 354, 362, 405
Пертик Н.П. 238
Перцов С.Н. 138
Петраш В.В. 192
Петров 259
Петров М.Н. 235, 236
Петрович Н. 271
Петровский Г.И. 320
Петрункевич И.И. 161
Пешехонов А.В. 12, 143, 308, 328, 330
Пикуль В.С. 25
Пилар фон Пильхау А.А. 323
Пилсудский Ю. 39
Пильняков А.Я. 262
Пименова Э.К. 242
Пионтковский С. 212
Платонов О.А. 346
Плеве В.К. 152, 161
Плетнев 126
Плетнев В.Ф. 290
Плинер Л.М. 237
Плис Т.И. 124
Победоносцев К.П. 389
Пожарский И.Ф. 355, 356
Пожелло В. (Владимир) 12, 143
Покровский М.Н. 212
Покровский Н.Н. 84, 98, 99, 118, 119, 152–154, 166, 169, 170, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 182–184, 242
Полетаев Н.Г. 11
Поливанов А.А. 174, 220
Поливанов О.А. 152, 163, 181, 201, 228, 229, 290, 309, 328
Поликарпов В.В. 16, 17, 22, 23, 26, 27, 221, 234, 362
Поликарпов В.Д. 23, 192, 300
Полли Адриан 85
Половцов (Половцев) 2-й И.Ф. 276
Половцов (Половцев) П.А. 283, 284, 285
Поляков А.А. 230, 232
Поляков М. 104
Попов 1-й Д.Я. 276
Попов А.Л. 395
Попова С.С. 256
Посников А.С. 94
Потапов А.С. 284, 285
Потолов С.И. 33
Похвиснев В.Б. 146, 173, 270
Преображенский Е.А. 32
Преображенский П.И. 221
Пронин В.М. 398, 406
Протопопов А.Д. 10, 28, 56, 59, 61, 74, 84–86, 91, 99–101, 110–112, 115–118, 121, 132, 133, 139, 151–157, 166-172, 175-177, 179–182, 185, 344, 346-350, 385- 387, 410
Протопопов Д.Д. 310
Прохоров Н.И. 25
Прутенский 147, 148
Путятин М.С. 370–372, 374, 380, 381, 423
Путятина О.Б., княгиня 383, 415
Пушкарева И.М. 33, 52, 56, 59, 61, 52, 70, 269
Пущин Л.И. 295
Пчелин А.Б. 80
Пэрс Б. 36
Рабинович А. 33
Радек К.Б. 28
Радкович С.М. 315
Раев Н.П. 166
Рамот И.М. 282, 310
Раскольников Ф.Ф. 300
Распутин Г.Е. (Новый) Г.Е. 36, 37, 80, 97, 154, 155, 368, 387,397, 403, 410
Ратов М.А. 330
Рафес М. 147, 240, 246, 250, 253, 286, 305, 306, 360
Реден Н. 265, 266
Редигер А.Ф. 395
Рейн Г.Е. 166, 167, 185
Рейнбот (Резвой) А.А. 138
Рейслер В.П. 317
Ренгартен И.И. 368
Ренненкампф П.К., фон 355
Ржанов Г.А. 212
Ржевский В.А. 50, 220, 221, 222, 282
Рид Дуглас 41
Ридигер 136
Риккель, де 256
Римский-Корсаков А.А. 99, 155
Риттих А.А. 59, 60, 84, 95, 99, 118, 119, 152, 153, 165, 166, 170, 172, 173, 175, 176, 184, 325
Роджерс, Лейтон У. 85, 132, 137
Родзянко М.В. 9, 25, 48, 61, 94, 95, 113, 115, 117, 118, 145, 146, 148, 157, 166- 169, 172, 173, 175, 177, 179, 180, 182, 183, 185, 198, 199, 207–213, 221, 224, 227, 241, 242, 244, 249, 250, 253, 255, 256, 260, 264, 274, 276, 278, 280–283, 293, 304, 308, 309, 311, 313, 317, 318, 321, 323, 333, 334, 336, 337, 345, 346, 349, 350, 351, 354, 355, 358361, 364-366, 369–374, 378–382, 384, 386–393, 395- 399, 406–412, 414, 415, 417, 419, 420, 423, 424
Родзянко С.Н. 308, 311
Родичев Ф.И. 95, 204, 273, 277, 310, 326
Родяховский А.И. 9
Розенберг У. 36
Розенталь И.С. 331
Романенко А.З. 31, 32
Романов Б.А. 18, 159
Романовский Г.Д. 283
Романовы 343, 346, 352, 354, 355, 357, 385, 390, 396
Ростовцев Н.А. 239, 310
Рубинштейн Д.Л. 111
Рудаченко С.Д. 66
Рузский Н.В. 146,178, 198, 210, 293, 318, 344, 349, 358, 366–368, 385–390, 393–399, 401, 408, 412–415
Рулевский Э.Н. 317
Русанов Н.С. 108
Русин А.И. 393
Рууд Ч. 34
Ручьевский А.С. 252, 291
Рыслев А.И. 219, 223–225, 239, 256, 275, 277, 287
Рысс П.Я. 344
Рычков Н.Н. 126
Рябов Н.Ф. 73, 75, 76, 129, 130
Саблин Н.П. 99
Савватеев А.П. 266, 267,

282, 308
Савельев 114
Савич Н.В. 153, 168, 173, 175, 180, 182, 220, 224, 239, 244, 245, 308, 315, 365
Савич С.С. 394, 396, 398
Садинов В.С. 195
Садыков В.Н. 179, 325
Сазонов И.С. 264
Сазонов С.Д. 153, 174
Салазкин А.С. 310, 320, 321, 340
Самарин А.Д. 174, 354, 355
Самодуров 116
Самойлов В. 387, 412
Самойлов Ф.Н. 320
Самсон-Гиммельшерн У.И. 283
Самылин П.А. 228
Сарычев М. 213
Сафонов М.М. 343
Сахаров А.Н. 33
Сахаров А.Д. 160
Сахаров В.В. 392, 393
Сватиков С.Г. 329
Свердлов Я.М. 28
Сверчков Д. 210
Свешников Н.Ф. 14, 15, 53, 54, 61, 70, 81, 88, 96, 105, 106, 117, 142
Свинхувуд П.Э. 326
Свириденко Ю.П. 63
Святловский В.В. 250
Селезнев Ф.А. 204
Сельямаа Ю. 123, 125, 129
Семанов С.Н. 23–27, 30
Семенников В.П. 70, 410
Семенов Е.П. 56, 65, 85, 103, 113, 124, 171
Семенова Е.Ю. 47
Сенин А.С. 65, 234, 283, 284, 313
Сенцов А.А. 200
Сергеев А.А. 268, 348, 350, 353
Сергеенко А.Г. 323
Сергей Михайлович 412
Сергиев Б.Г. 237, 243, 245, 250, 253
Серебровская А.А. 35
Серебровский А.С. 35
Серегин С.В. 64
Серков А.И. 50
Сероглазов Е.Т. 124
Серякова М. 81
Сидоров А.Л. 343, 352, 385, 394
Симонов К.М. 160
Симонов М.И. 276
Синакевич О.В. 66
Синани Б.С. 258
Синявский А.Д. 18
Ситаневич П.Ф. 324
Скобелев М.И. 11, 12, 28, 47, 49, 65, 115, 143, 169, 208, 209, 215, 225, 226, 237, 246, 247, 248, 253, 255, 256, 258, 262, 270, 276, 280, 288
Скороходов А.К. 81, 96, 117
Слепов Л.А. 193
Слескаухов 127
Слиска Л.К. 198
Слонимский А.Г. 165, 172, 174, 181, 212
Смилга И.Т. 32
Смирнов 76
Смирнов А. 203
Смирнов А.Ф. 172, 199, 200, 313
Смирнов Н.Н. 42
Смирнов С. 262
Смирнов С.А. 263, 267, 294
Смирнова А.А. 199
Смирнова А.М. 66
Смолин А.В. 256, 284, 353
Сморгунова В.Ю. 201
Соболев Г.Л. 27, 56, 65, 67, 196, 199, 233, 240, 241, 279, 280
Соколов А.В. 63
Соколов А.Р. 33
Соколов Н.А. 284
Соколов Н.Д. 98, 108, 109, 143, 144, 234, 243, 258, 280, 328, 360, 366, 403
Солженицын А.И. 18–20, 23, 24, 42, 202, 223
Соллогуб Ф. 29
Соловьева З.П. 34, 123–125
Сольский Д.М. 161
Сомов Н.Н. 335
Сорокина М.Ю. 243
Сосновский (Рогальский И.) 313
Сперанский М.М. 159
Спиридович А.И. 121, 122, 124, 137, 147, 151, 152, 155–158, 349, 361, 393
Спиридонов Н.П. 76, 80
Спирин Л.М. 192, 194, 212
Спроге В.Э. 178
Срединский А.Н. 323
Ставин 305
Сталин И.В. 19, 160, 165, 187, 188
Станкевич В.Б. 11, 144, 234, 235, 236, 313, 361, 403, 404
Стариков Н. 32, 38–41
Стародумов Н.П. 217
Старцев В.И. 13, 27, 50, 66, 152, 163, 165, 168, 177, 190, 192–197, 207, 219, 226, 240, 256, 268, 271, 280, 284, 287, 309, 317, 325, 343, 346, 355, 357, 366, 368, 393, 397, 398, 400, 402, 405
Стасова Е.Д. 117
Стахович А.А. 274
Стеклов Ю.М. 288, 328
Стемпковский В.И. 276, 310, 311
Степанов А.И. 198
Степанов В. 265
Степанов В.А. 267, 331
Степанов С. 34
Степанский А.Д. 73, 106, 134
Степной И. (Афиногенов И.) 70
Столыпин П.А. 152, 159, 163
Сторожев В.Н. 400, 401
Стоун Н. 36
Струве П.Б. 9, 173
Суворин Б.А. 231
Судаков А.И. 117
Супоницкая И.М. 36
Сурин С. 328
Сурмин П. 174
Суслов М.А. 25
Суханов Н.Н. (Гиммер) 13, 65, 85, 96–98,108, 109, 115, 234, 243, 255–257, 259, 282, 286, 288, 297, 328, 365, 390, 396, 403
Сухомлинов Н.А. 333
Тайми А. 107
Такман Барбара 20, 24
Тарасов-Родионов А.И. 257, 258
Тарле Е.В. 9, 19
Тариовский К.Н. 17
Таскин С.А. 276, 331
Теляковский В.А. 311, 325, 326
Терещенко М.И. 9, 11, 28, 173, 215, 344, 353, 396, 403
Тилли А.А. 396
Титов И.В. 267, 309, 315, 319
Титов К. 24
Тихменев Н.М. 361
Тихомиров Н.И. 134
Тихонов А.Н. 109
Тихонов Н.С. 10
Тихонова Н.С. 138
Токарев Ю.С. 57, 222, 226, 230, 281–283, 297
Толстой Д.И. 238
Толстой И.И. 34
Толубеев 126
Торке Г. 52
Тофоров А.С. 295
Точисский П.В. 107
Трапезников С.П. 17, 26
Трегубов С.Н. 349, 350
Трепов А.Ф. 97, 118, 119, 138
Трибунский П.А. 217, 312
Троилин 78, 80, 104
Троцкий Л.Д. 28, 30, 41
Трупчинский А.В. 329
Туган-Барановский Л.С. 282, 283
Туманов Г.Н., кн. 278, 282, 283
Туманов Н.Е. 86
Тургенев И.С. 20, 21
Тухин А.С. 317
Тыркова-Вильямс А.В. 227, 243, 246, 286, 289, 290, 297, 300, 302
Тышкевич 147
Тюков Н.А. 305
Тютюкин С.В. 206, 249
Тяжельников М.И. 80, 83
Уайт Д. 251
Уайт Дж. 15
Углов Ф.Г. 25
Уилтон Р. 55
Уланов В.А. 13, 73, 88, 104, 123
Ульянова М.И. 76, 89, 147
Ульянова-Елизарова А.И. 76, 89, 117, 147
Уманец Ф.И. 264
Уортмен Р. 395
Урилов И.Х. 34, 42
Усагин А.И. 11
Устинов Д.Ф. 18, 19
Устинова Т.А. 19
Устругов Л.А. 317
Утан П. 76
Уцида 395
Ф.Д. 263, 265, 269, 270–272, 283, 294, 295
Фадеев Р.А. 18
Фалькнер-Смитт М.Н. 330
Фандо Р.А. 35
Федор Иванович, царь 418
Федоров В.А. 71
Федоров С.П. 347, 359, 367, 397, 398, 399, 413
Федулин А.А. 63
Фельштинский Ю.Г. 317, 375
Феодосьев С.Г. 166, 172, 176, 177
Филатов М.Г. 104
Филиппов 100, 104
Филипповский В.Н. 258, 261, 270, 283, 295
Филоненко Ф.Д. 276
Философов Д.В. 56, 175, 180
Фишерович 258
Фишман Я.М. 123
Флоринский М.Ф. 7, 8, 162, 165, 395
Фокин Е. 190
Фомин Б.В. 263, 264, 271
Фомин С.В. 205
Фон Ден К.А. 154
Фон Ден Ю.А. (Лили) 154
Фрайман А.Л. 192
Франкорусский А. (Леонтьев Б.Н.) 297
Фредерикс В.Б. 41, 81, 157, 166, 185, 348, 350, 356, 367, 387, 396, 397, 399, 402, 405, 413, 414
Фроянов И.Я. 7, 29, 42
Фукалов 257
Фурса 126–128
Хабалов С.С. 54, 69, 74, 78, 80, 81, 86–88, 91, 93, 94, 100, 105, 110–112, 115, 116, 118–120, 122, 126, 128, 136, 137, 145, 151, 152, 156–158, 168, 170–172, 181, 259, 263, 270, 271, 348–350, 352, 358, 360
Харитонов В.Л. 317
Харламов В.А. 335
Харламов С.Ф. 267
Хасегава Ц. 37, 38, 46, 51, 52, 54, 57, 58, 278, 355, 362, 369, 386
Хатисов А.И. 392
Хеймсон Л. 51, 52, 62, 63, 65, 67, 195, 225
Хеймсон Н. 395
Хесин С.С. 192
Ходасевич В.Ф. 29
Ходнев Д.И. 56
Ходонович Н.И. 303
Ходунов Г.Г. 323
Ходяков М.В. 259
Холяев С.В. 45, 197
Хрунин Г. 56
Хрусталев В.М. 343, 407, 410
Хрусталев-Носарь Г.С. 141, 243, 246
Хэнбёри-Вильямс Д. 368
Циунчук Р.А. 201
Цуриков 124
Чаковский А.Б. 26
Чапкевич Е.И. 238
Чарнолуский В.И. 108, 248, 250, 252, 253, 258
Чебыкин А.Н. 80, 110, 352
Чебышев Н.А. 320
Челноков М.В. 334, 336, 337
Череванин Ф.А. 98
Черменский Е.Д. 27, 58, 165, 191, 192, 194, 208, 210, 211, 241, 307
Черненко К.У. 25
Чернов В.М. 28, 32
Чернов М.В. 243
Черносвитов К.К. 310, 315, 321, 322
Чернуха В.Г. 18, 162
Черняев В.Ю. 130, 136, 137, 165, 200, 240, 267, 269, 343, 402, 405
Черячукин Ф.В. 276
Чехович 409, 417, 418, 421
Чистяков 137
Чистяков Н.С. 114
Чихачев 2-й Н.Н. 336
Чубаков (Чубаков) В.И. 251Чугурин И.Д. 13, 81, 82, 97, 129, 142, 143
Чуйков И.И. 265
Чхеидзе Н.С. 12, 43–45, 49, 50, 57, 71, 95, 97, 98, 108, 115, 143, 191, 205, 210, 215, 218–223, 226, 227, 229–231, 246–248, 250, 253, 256, 277, 280, 365, 408, 409, 424
Чхеидзе А.И. 11
Шабельская-Борк Е.А. 59
Шагов Н.Р. 320
Шалагинова Л.М. 106
Шалаев Н.Ф. 238, 239
Шалфеев М.П. 77, 78, 80, 102, 120
Шамбаров В. 27–30, 41
Шателен С.А. 319
Шаханов А.Н. 200
Шаханов Н. 335
Шаховской В.Н. 95, 166, 185
Шаховской Д.М. 50
Шаховской К.М., кн. 218, 220, 276
Шашкова О.А.
Шашкова О.А. 50, 73, 106, 134, 218, 257, 360, 369, 408
Шварц-Бостунич Г. 22
Шебеко В.Н. 334
Шевкунов 77
Шевылев П.А. 323
Шевырин В.М. 27, 198, 203
Шелавин К. 199
Шелов Б.А. 302
Шелохаев В.В. 33, 197, 201, 204, 225
Шелькинг 105
Шепатовский 128
Шереметева, графиня 99
Шеховцов В.А. 197, 198
Шидловский С.И. 208, 212, 221, 244, 307, 360, 365, 408
Шингарев А.И. 84, 114, 115, 171, 209, 297, 305, 306
Шипов И.П. 319
Ширинский-Шихматов А.А. 118, 119
Шиф Я. 41
Шишкин В.А. 33, 192
Шкловский В.Б. 259
Шляпников А.Г. 14–16, 44, 46, 52–54, 58, 62, 64, 69–71, 76, 80, 82, 83, 92, 96, 97, 105, 106–108, 117, 129, 130–133, 141–143, 152, 168, 179, 229, 283, 327, 328, 347, 350
Шнитников Н.Н. 114
Шпиганович А.В. 321
Штакельберг Р.А. 357
Штейн М.Г. 28
Штюрмер Б.В. 86
Шуберт А.М. 186, 211
Шульгин В.В. 48–50, 173, 180, 218, 221, 250, 255, 270, 271, 276, 278, 344, 360, 396, 397, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 413–415, 419
Шурканов В.Е. (Лимонин) 11, 107, 149, 151
Шустер У.А. 187, 193
Шутко К.И. 81, 96
Щегловитов И.Г. 95
Щеголев П.Е. 263, 344, 400
Щетинин С.С. 148
Эверт А.Е. 146, 210, 349, 392, 393, 395
Эйзеншмидт Е. 117
Эклоф Б. 35, 36
Экстен А.Н. 136
Эн Эр. 285
Энгельгардт Б.А. 179, 205, 225, 227, 228, 245, 258–260, 266, 269–271, 274, 278 279, 281–284, 294, 307, 341
Эпштейн С. 232
Эрлих Г.М. 143, 144, 288
Юденич Н.Н. 392
Юматов П.Н. 323
Юревич В.А. 256, 258, 283, 327, 328, 329
Юренев И. (Кротовский Г.Г.) 11, 12, 55, 61, 143, 144
Ядринцев А.А. 69, 77
Якобсон П.В. 252
Яковлев А.Н. 26, 207
Яковлев Е.И. 95
Яковлев Н.Д. 18
Яковлев Н.Н. 18–24, 26, 27, 30, 50
Яковлев Я.А. 15, 57, 71, 72
Якубович Г.А. 282, 283
Якунен 90
Янушкевич Н.Н. 218, 219, 392
Ярославский Е.М. 72
Яхонтов А.Н. 7, 8, 165, 385, 395
Яценко Н. 223

Содержание

Глава I. **Путь к краху Российской империи: общественное мнение, политические взгляды и историографические тенденции разных лет** 7

Современники о происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде (*Р.Ш. Ганелин*) 7

Политическая ситуация конца XX — начала XXI в. и исторические оценки причин гибели царизма (*Р.Ш. Ганелин* при участии *С.К. Лебедева* и *И.В. Лукоянова* (стр. 36–41)) 16

Глава II. **Революция в Петрограде: день за днем.**

Начало рабочих выступлений в столице (*В.В. Поликарпов*) 43

23 февраля (*Р.Ш. Ганелин*) 72

24 февраля (*Р.Ш. Ганелин*) 86

25 февраля (*Р.Ш. Ганелин*) 100

26 февраля (*Р.Ш. Ганелин*) 120

Глава III. **Совет Министров и революция** 159

Совет министров и его политическая роль в Российской империи (*Р.Ш. Ганелин*)

Совет Министров и падение монархии (*С.В. Куликов*) 165

Глава IV. **Государственная Дума и Февральская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года** (*А.Б. Николаев*) 186

Первые революционные шаги Государственной думы (27 февраля 1917 г.) 207

Революционные решения Совета старейшин 208

Частное совещание членов Государственной думы в Полуциркульном зале, создание Временного комитета Государственной думы и первые его мероприятия 216

Начало думско-советского сотрудничества 225

Штаб восстания — Государственная дума (27 февраля 1917) 233

Государственная дума в борьбе за солдатские массы (утро — день 27 февраля) 233

«Штаб Керенского»: первые мероприятия (день–вечер 27 февраля) 249

Думско-советская Военная комиссия: создание и начало деятельности (вечер–ночь 27 февраля) 257
Военный вопрос в деятельности Государственной думы (28 февраля –3 марта 1917) 262
Думское участие в организации перехода воинских частей на сторону революции и ликвидации последних опорных пунктов царизма 263
Думский контроль над войсками Петроградского гарнизона 274
Реформа Военной комиссии ВКГД 282
Продовольственный вопрос (27 февраля — 3 марта) 285
Советские и думские мероприятия в продовольственном вопросе 286
Военная комиссия и вопрос о продовольственном снабжении войск Петроградского гарнизона 294
Советско-думская Продовольственная комиссия 296
Первое Временное правительство: думский Комитет и его комиссары 306
Думские комиссары: состав и полномочия 307
Деятельность комиссаров ВКГД в правительственных учреждениях 314
Власть думского Комитета в столицах и провинции 327
Заключение 338

Глава V. **Ставка: 23 февраля — 1 марта** (*С.В. Куликов*) 343

Глава VI. **Проект Манифеста Николая II, подготовленный великими князьями 1 марта 1917 г.** (*Р.Ш. Ганелин*) 369

Глава VII. **Отречение Николая II** (*С.В. Куликов*) 385

Глава VIII. **Великий князь Михаил Александрович в мартовские дни 1917 г. Воспоминания Н.Н. Иванова** (публ. и вступ. ст. *Р.Ш. Ганелина*) 407

Указатель имен 427

Памяти Рафаила Шоломовича Ганелина

Душой этого издательского проекта был доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Рафаил Шоломович Ганелин, скоропостижно скончавшийся 12 октября 2014 г., на 88-м году жизни.

Р.Ш. был автором работ в разных областях исторической науки, начиная от изучения политики США в Восточной Азии второй половины XIX в. до эпохи сталинизма в СССР и международных экономических и политических отношений России и Советского Союза. Особое внимание Р.Ш. уделил источниковедению, поиску, изучению и публикации документов личного происхождения деятелей, готовивших и осуществлявших важнейшие политические решения. Вместе со своим многолетним соавтором академиком РАН Б.В. Ананьичем он осуществил, с 1960 г., ряд важнейших исследований по следам воспоминаний С.Ю. Витте, наиболее яркого и неоднозначного государственного деятеля поздней Российской империи. В 2003 г. Р.Ш. инициировал академическое издание мемуаров Витте по рукописному подлиннику. Под его руководством, при поддержке РГНФ, были опубликованы два тома исследований и публикации источников «На изломе эпох: вклад С.Ю. Витте в развитие российской государственности» (2012–2014). Р.Ш. – признанный специалист по политической истории Российской империи начала XX в., автор монографии о проектах государственных реформ в 1905 г. (1991), серии статей о Февральской революции в Петрограде, которую он попытался «разложить» по дням. Для данного издания он пересмотрел тексты своих прежних публикаций, внёс необходимые изменения, особенно в части исторической литературы.

Несмотря на преклонный возраст, Р.Ш. не прекращал активно работать, живо интересовался современной историографией, происходящими событиями. Особенно его волновала реформа Российской Академии наук, он был обеспокоен ее возможными последствиями для развития знания в стране, судьбой Санкт-Петербургского института истории РАН, которому отдал почти 60 лет жизни. Р.Ш. выступал за сохранение и развитие академической науки, считая необходимым сохранять и развивать традиции академизма в историографии, не допускать, чтобы голос учёных заглушался современной публицистикой, основанной не столько на знании соответствующего материала, сколько приверженной поспешному отражению поверхностно понятой конъюнктуры. Р.Ш. тревожили многие процессы, проходящие в современной России, особенно в политической жизни. Он не допускал экстремизма, боролся с его проявлениями. Хотелось бы надеяться, что три книги, подготовленные в рамках исследовательского проекта, станут памятником нашему старшему коллеге.

Информационно-издательская фирма «Лики России»
190000 Санкт-Петербург, пер. Пирогова, 17/8
Тел. (812) 3121121, факс (812) 3208788
www.liki-rossii.ru

Подписано в печать 01.11.2013. Формат 70x100 /16.
Печ. л. 27. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10